

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

1(51)'2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(51)'2015

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru, а также на сайте Уральской школы политической лингвистики: politlinguist.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2015

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – Вып. 1 (51). – 273 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(51)'2015

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasilij V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

ДИСКУССИИ

Прожилов А. В. Абакан, Россия	Лингвоконцептология: триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»?	12
---	--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Вербализация аксиологических ориентиров в текстах А. Платонова	23
Маркасова Е. В. Пекин, КНР	К вопросу о субъекте и субчике	33
Марьянчик В. А. Архангельск, Россия	Оценочный вектор как инструментальная категория и компонент аксиологической структуры текста	39
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Речевой жанр: портрет в контексте дискурса (к вопросу о методике описания)	44
Сипко Й. Прешов, Словакия	Интерпретация роли США и Запада в украинском кризисе в словацких СМИ	59
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Присоединение Крыма к РФ в американской карикатуре	66

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Асланова М. Г. Пятигорск, Россия	Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы)	74
Вершинина Т. С. Илюшкина М. Ю. Екатеринбург, Россия	Формирование модели патриотического поведения в военном дискурсе	83
Дондо С. А. Москва, Россия	Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса	87
Исакова Е. А. Михайлова О. А. Екатеринбург, Россия	Конструирование образа Другого в медиарепортаже (на примере персонажа «полицейские»)	92
Калинин О. И. Москва, Россия	Политический имидж России в СМИ КНР: к вопросу о тональности текста в связи с событиями на Украине	98
Козловская Н. В. Санкт-Петербург, Россия	Лексемы «нация» и «национальность» в философских терминосистемах Н. А. Бердяева и К. Н. Леонтьева	104
Колмогорова А. В. Шестаков М. Е. Красноярск, Россия	Прагматические функции коммуникативного лицедейства в российском политическом дискурсе	110
Кондратьева О. Н. Ковалева К. А. Кемерово, Россия	Судебный процесс над Юлией Тимошенко в зеркале театральной метафоры (по материалам официального сайта)	115
Никифорова М. В. Екатеринбург, Россия	Средства аргументации в жанре предвыборных теледебатов (на материале теледебатов с участием Е. Ройзмана)	120

Скачкова И. И. Волгоград, Россия	Языковая политика и языковое планирование: определение понятий126
Туманова Г. А. Москва, Россия	Роль прецедентных феноменов в реализации стратегии убеждения (на материале русско- и немецкоязычных политических ток-шоу).....132
Фролова И. В. Химки, Россия	О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы138

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алексеева Д. А. Саратов, Россия	Социально-экономические метафоры в медийном дискурсе145
Горшунов Ю. В. Бирск, Россия	Вербальная этноагрессия на стадионах152
Горшунова Е. Ю. Москва, Россия	
Григоровская А. В. Тюмень, Россия	«Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд: Россия об Америке и Америка о России.....157
Ерофеева Е. В. Екатеринбург, Россия	Роль социального статуса коммуникантов в выражении менасивной и авертивной семантики (на примере французского дискурса)163
Зарипов Р. И. Москва, Россия	Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте Олимпийских игр в Сочи.....168
Истратова Ю. А. Екатеринбург, Россия	Язык политических альтернатив в поэтическом тексте.....174
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Проективность дискурса: текстовые репрезентации концептов “Health” и здоровье в британской и российской рекламе179
Наджим К. Х. Саратов, Россия	Идиомы из поля «Одежда» как экспрессивное средство характеристики экономических проблем в современном политическом дискурсе186
Накарякова А. А. Екатеринбург, Россия	Творчество Владимира Набокова: политический аспект192
Постникова А. А. Екатеринбург, Россия	Наполеоновская эпоха в «местах памяти» Парижа: репрезентация власти в архитектуре200
Романов А. С. Москва, Россия	Гендерный аспект стереотипизации армейской субкультуры США206
Ружицкий И. В. Москва, Россия	Афоризмы в политическом дискурсе Ф. М. Достоевского213
Седых А. П. Шевченко М. И. Белгород	Институциональная языковая личность как вектор общенациональной коммуникации.....218
Скребцова Т. Г. Санкт-Петербург, Россия	(Транс)формирование социальных стереотипов в современном российском публичном дискурсе (на примере трудовых мигрантов и беженцев).....223

Филенко К. В. Новосибирск, Россия	Лингвистический анализ названий кинопродукции III рейха в контексте политического дискурса.....	230
---	--	-----

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Завьялов А. И. Нижний Новгород, Россия	Информационно-коммуникационная модель терроризма: терминологические аспекты.....	237
Злоказов К. В. Екатеринбург, Россия	Контент-анализ текстов деструктивной направленности.....	243
Михайлова О. А. Михайлова Ю. Н. Екатеринбург, Россия	Семантические вариации актуальных слов: лексемы <i>экстремизм</i> и <i>терроризм</i> в современном русском языке.....	251

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Луцц Ф. Уэст-Хартфорд, США <i>Пер. с англ. З. К. Темиргазиной, Г. А. Хамитовой</i>	Десять правил эффективного общения..... <i>Окончание</i>	258
---	---	-----

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Критический дискурс-анализ: современное состояние и перспективы развития.....	264
Камышева О. С. Шадринск, Россия	Культурные концепты в политическом дискурсе.....	267
Петров М. В. Екатеринбург, Россия		
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика».....		270

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	10
--	----

DISCUSSIONS

Prozhirov A. V. Abakan, Russia	Linguocultural conceptology: triumphant ascent or running in “language circles”?	12
--	---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vasilyev A. D. Krasnoyarsk, Russia	Verbalization of axiological markers in the texts by A. Platonov	23
--	--	----

Markasova E. V. Beijing, PRC	On “sub’ekt” and “subchik”	33
--	----------------------------------	----

Maryanchik V. A. Arkhangelsk, Russia	Value vector as an instrumental category and a component of the axiological structure of the text	39
--	--	----

Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Speech genre: a portrait in the context of discourse (to the problem of methods of description)	44
--	--	----

Sipko J. Prešov, Slovakia	Interpretation of the role of the USA and the West in the Ukrainian crisis in Slovak mass media.....	59
-------------------------------------	---	----

Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Crimea joining Russia: American political cartoon reflection	66
--	--	----

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Aslanova M. G. Pyatigorsk, Russia	Means of creation of a positive image in the speech of a politician (on the material of the second Barack Obama’s inaugural address).....	74
---	---	----

Vershinina T. S. Ilyushkina M. Y. Ekaterinburg, Russia	Formation of a model of patriotic behavior in military discourse	83
--	--	----

Dondo S. A. Moscow, Russia	Main principles of identification of socio-political discourse	87
--------------------------------------	--	----

Isakova E. A. Mikhaylova O. A. Ekaterinburg, Russia	Constructing the image of “The other” in media reportage (on the example of the image of policeman).....	92
---	---	----

Kalinin O. I. Moscow, Russia	Political image of Russia in China’s mass media: towards the question of senti-ment analysis in connection with the events in Ukraine	98
--	---	----

Kozlovskaya N. V. St. Petersburg, Russia	Lexemes “nation” and “nationality” in the philosophical terminological systems of N.A. Berdyaev and K.N. Leontiev	104
--	--	-----

Kolmogorova A. V. Shestakov M. Y. Krasnoyarsk, Russia	Pragmatic functions of communicative acting in Russian political discourse	110
---	---	-----

Kondratyeva O. N. Kovaleva K. A. Kemerovo, Russia	Yulia Timoshenko trial through the looking glass of theatrical metaphor (on materials of the official site)	115
---	--	-----

Nikiforova M. V. Yekaterinburg, Russia	Argumentation in the genre of pre-election debate (argumentative means used by E. V. Roizman in pre-election debate)	120
--	--	-----

Skachkova I. I. Volgograd, Russia	Language policy and language planning: definition of the notions.....	126
Tumanova G. A. Moscow, Russia	The role of precedent phenomena in the realization of strategy of persuasion (on the material of the Russian and German Language talk shows).....	132
Frolova I. V. Khimki, Russia	On expression of subjectivity in analytical articles of the British and Russian quality press.....	138

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alekseyeva D. A. Saratov, Russia	Socio-economic metaphors in media discourse.....	145
Gorshunov Y. V. Birsk, Russia	Verbal ethnic aggression at stadia.....	152
Gorshunova E. Y. Moscow, Russia		
Grigorovskaya A. V. Tyumen, Russia	«What to do?» by N. G. Chernyshevsky and «Atlas shrugged» by Ayn Rand: Russia about America and America about Russia.....	157
Erofeyeva E. V. Yekaterinburg, Russia	The role of the interlocutors' social status in expressing menace and warning (a study of French discourse).....	163
Zaripov R. I. Moscow, Russia	Metaphorical images of Russia in French political discourse in the context of the Sochi Olympic Games.....	168
Istratova Y. A. Ekaterinburg, Russia	Language of political alternatives in poetic texts.....	174
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Projectivity of discourse: textual representations of the concepts <i>health</i> and <i>zdorovye</i> in British and Russian advertisement.....	179
Najim K. H. Saratov, Russia	Idioms from the field of «Clothes» as expressive means of characterization of economic problems in modern political discourse.....	186
Nakaryakova A. A. Ekaterinburg, Russia	Vladimir Nabokov's creative legacy: political aspect.....	192
Postnikova A. A. Ekaterinburg, Russia	Napoleonic era in “memory places” of Paris: representation of political power in architecture.....	200
Romanov A. S. Moscow, Russia	Gender aspect of the US army subculture stereotypization.....	206
Ruzhitskiy I. V. Moscow, Russia	Aphorisms in Dostoyevsky's political discourse.....	213
Sedykh A. P. Shevchenko M. I. Belgorod, Russia	Institutional linguistic personality as a vector of national communication.....	218
Skrebtsova T. G. St. Petersburg, Russia	Transformation of social stereotypes in modern Russian public discourse (on the example of migrant workers and refugees).....	223
Filenko K. V. Novosibirsk, Russia	Linguistic analysis of the Third Reich movie titles in the context of political discourse.....	230

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Zavyalov A. I. Nizhny Novgorod, Russia	Content analysis of texts with destructive direction.....	237
Zlokazov K. V. Ekaterinburg, Russia	Content analysis of texts destructive orientation.....	243
Mikhailova O. A. Mikhailova Y. N. Ekaterinburg, Russia	Semantic variations of urgent vocabulary: lexemes <i>ekstremizm</i> and <i>terrorizm</i> in modern Russian.....	251

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Luntz F. West Hartford, USA <i>Transl. from English</i> by Z. K. Temirgazina, G. A. Khamitova	Ten rules of effective communication.....	258
--	---	-----

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Gavrilova M. V. Saint-Petersburg, Russia	Critical discourse analysis: current state and prospects of development.....	264
Kamysheva O. S. Shadrinsk, Russia Petrov M. V. Ekaterinburg, Russia	Cultural concepts in political discourse	267

Manuscripts requirements.....	270
-------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию жур-

нала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

А. В. Прожилов
Абакан, Россия

ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ: ТРИУМФАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ ИЛИ БЕГ ПО «ЯЗЫКОВОМУ КРУГУ»?

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена критическому анализу научных направлений лингвокультурология и лингвоконцептология, в основу которых легло представление о том, что национальный язык — источник сведений о культуре и о мышлении («менталитете») народа, разговаривающего на этом языке. Показана несостоятельность методологических основ данных дисциплин, базирующихся на гипотезе лингвистической относительности, не обретшей статуса теории в силу своей недоказанности. Термины «лингвоконцепт», «языковая картина мира», «национальный характер», «языковой менталитет» рассматриваются в данной статье под критическим углом зрения. Автор призывает к тому, чтобы данные словосочетания в качестве терминов в научной литературе не употреблялись как не имеющие отношения к науке. В статье доказывается, что единой и цельной «языковой картины мира» не существует, ее фрагменты явно противоречат друг другу. Статичная, данная человеку при рождении «языковая картина мира» является умозрительно-идеологическим построением. Нельзя говорить о единой «языковой картине мира», поскольку язык находится в перманентном развитии, а рамки языковой системы постоянно преодолеваются в речи. Показана явная избыточность термина «концепт», так как дефиниция термина «понятие» по сути идентична определению «концепта». По мнению автора, за тем, что в российской лингвокультурологии именуется лингвоконцептами, скрываются этнические авто- и гетеростереотипы, лежащие в основе этноцентризма и национальных предрассудков. Автор приходит к выводу, что личность не может быть среднестатистической, да еще и усредненной на совершенно произвольном и недекларируемом основании. В статье приводится перечень того, чему могло бы посвятить себя современное лингвистическое направление, которое обратилось бы к изучению реальных дискурсов, а не придуманных «ключевых концептов» или «этнических менталитетов».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология; лингвоконцептология; гипотеза Сепира — Уорфа; неогумбольдтианство; «языковая картина мира»; «языковой менталитет»; этностереотип; концепт; «национальный характер»; этнические авто- и гетеростереотипы; понятие; дискурсивный анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Прожилов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан); адрес: 655000, г. Абакан, ул. Ленина, 94, ауд. 301; e-mail: prosh-p@yandex.ru.

В вып. 3 (49) за 2014 г. журнала «Политическая лингвистика» была опубликована статья С. Г. Воркачева «Лингвокультурная концептология и ее терминосистема» [Воркачев 2014], значительное место в которой занимает полемика с авторами сборника статей «От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках „этнической ментальности“» [От лингвистики к мифу 2013] (далее Сборник), названного автором «Антилингвокультурологическим манифестом». Поскольку я являюсь одним из авторов данного Сборника [Прожилов 2013б: 263—277], хотелось бы остановиться на некоторых положениях статьи С. Г. Воркачева, тем более что у читателей, не знакомых с содержанием Сборника, на основании упомянутой статьи может сложиться превратное представление как о его содержании, так и о позициях и аргументации авторов.

Прежде всего вызывает недоумение утверждение С. Г. Воркачева о том, что якобы «критический „отпор“ российской лингвокультурологии и, соответственно, лингвоконцептологии пришёл оттуда, откуда его меньше всего можно было ожидать: от представителей западной и „эмигрантской“ лингвистики» [Воркачев 2014: 13]. Это не соответствует действительности хотя бы потому, что автора данной статьи нельзя причислить ни к первой, ни ко второй категории. Кроме того, целенаправленная критика в адрес лингвокультурологии звучит в том числе и со стороны

других представителей российской лингвистики [См.: От лингвистики к мифу 2013: 23].

В 2010 г. С. Г. Воркачев подчеркивал, что «лингвоконцептология, как и лингвокультурология, представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязычном научном пространстве» [Воркачев 2010: 16]. В данной же статье [См.: Воркачев 2014: 16] автор уже пишет об «антропологической лингвистике» (anthropological linguistics) — западном аналоге российской лингвокультурологии, базовой составляющей и в некотором роде «вторым именем» которой является лингвоконцептология. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку в «антропологическую лингвистику» включают такие направления, как дескриптивизм (descriptive linguistics), историческая лингвистика, социолингвистика и этнолингвистика. В качестве западного аналога российской лингвокультурологии выступает этнолингвистика (Анна Вежбицка, Гай Дойчер [См.: Deutscher 2011], Лера Бородинки [См.: Boroditsky 2001] и др.). Обстоятельный критический анализ данного неогумбольдтианского направления представлен в работах Стивена Пинкера [См.: Пинкер 2004: 40—60; Pinker 2007: 113—135] и Джона Мак-Уортера [См.: McWhorter 2014], в их терминологии этнолингвистика — «неоуорфианизм» (Neo-Whorfianism).

Странным представляется также и следующее суждение С. Г. Воркачева: «В сборнике про-

смачивается явная тенденциозность подборки иллюстративного материала: анализируются по большей части халтурно-эпигонские работы, свидетельствующие лишь о научной малограмотности и нечистоплотности их авторов, а также о крайней снисходительности диссертационных советов, принимающих такие работы к защите. Анализ добросовестно и профессионально выполненных лингвокультурологических работ, в которых есть то, отсутствием чего наделяется лингвокультурология (опрос информантов — «полевые исследования», использование данных корпусной лингвистики, дискурс-анализ), здесь практически не представлен» [Воркачев 2014: 15]. На самом деле в Сборнике подвергнуты критическому анализу десятки работ лингвокультурологов и лингвоконцептологов, включая ведущих представителей данных направлений — А. Вежбицкой, С. Г. Тер-Минасовой, С. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. Д. Шмелёва, И. Б. Левонтиной, В. А. Масловой, В. И. Карасика, Ю. А. Рылова, самого автора приведенной цитаты, С. Г. Воркачева. Неужели перечисленные авторы — малограмотные, нечистоплотные халтурщики-эпигоны?

Удивителен и следующий пассаж: «В то же самое время непомерное количество халтуры отнюдь не свидетельствует о несостоятельности научной дисциплины — скорее наоборот, это следствие ее популярности и значимости» [Воркачев 2014: 15]. На наш взгляд, «непомерное количество халтуры» — это как раз свидетельство шаткости теоретических основ и базовых понятий лингвокультурологии и легкости приобретения научных степеней и ученых званий на основе работ типа «Концепт X в лингвокультуре (концептосфере) Y».

С. Г. Воркачев пишет: «Критика лингвокультурологии ведется с идеологических позиций: отрицается аксиоматика лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, это — миф, фикция, конструкт, *imagined community* по Бенедикту Андерсену. Соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, языковой этноспецифики» [Воркачев 2014: 14]. Хотелось бы попросить С. Г. Воркачева указать точные страницы в Сборнике, где он это прочитал. В действительности же никто из авторов Сборника не отрицает ни существования этноса/нации, ни народа как объективной данности, ни национального самосознания, ни национальной идентичности или национальной специфики. В Сборнике лишь указывается на то, что понятия этноса, нации, народа многими лингвокультурологами и лингвоконцептологами не различаются. А вот словосочетания «национальный характер (национальный менталитет, национальная ментальность, этническая ментальность)» действительно, по нашему мнению, бессодержательные мифологемы, оперирование которыми в качестве терминов в научном дискурсе недопустимо (подр. об этом ниже).

Под понятием «этнос» и близким ему по значению понятием «народ» (рамки данной статьи не позволяют провести более четкую дифферен-

циацию) понимается «межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием» [Всемирная энциклопедия: Философия 2001: 1279]. Причем проживающие на одной территории и говорящие на одном языке группы людей не всегда считают себя одним народом. Так, проживающая в Республике Татарстан и соседних областях говорящая на диалекте, близком литературному татарскому языку, этноконфессиональная группа «кряшены» (крещеные татары) считает себя отдельным народом. Вероисповедание, традиции, обычаи, ономастика сближают кряшен с окружающим русским населением. Но ни татарами, ни русскими они себя не считают. Самосознание у них кряшенское. Следовательно, даже на основании этого ни о какой «татарской лингвокультуре или концептосфере» не может быть и речи.

Нация же — «широко распространенное в науке и политике понятие, которое обозначает совокупность граждан одного государства как политического сообщества. Отсюда понятия: „здоровье нации“, „лидер нации“, „национальная экономика“, „национальные интересы“ и пр. В политическом языке нацией иногда называют просто государства. Отсюда понятие „Организация Объединенных Наций“ и многие термины в сфере международных отношений. Члены нации отличаются общегражданским самосознанием (напр., американцы, британцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне), чувством общей исторической судьбы и единого культурного наследия, а во многих случаях — общностью языка и даже религии» [Новая философская энциклопедия 2010: 41]. И здесь лингвокультурологи и лингвоконцептологи сталкиваются с неразрешимым противоречием. Возьмем, к примеру, китайскую нацию, объединяющую десятки народов. Государствообразующий народ Китая «хань» говорит на китайском языке [См.: Китайский язык 2015], в котором выделяется 10 диалектных групп: северная супергруппа (бэй, самая многочисленная — свыше 800 млн говорящих), группы цзинь, хой, у, сянь, гань, хакка, юэ, пинхуа и супергруппа минь, общение между которыми весьма затруднительно, вплоть до полного непонимания. То есть китайский язык — это целая языковая группа. И о какой же китайской «лингвокультурной концептосфере» можно вообще говорить? С. Г. Воркачев считает, что «концепт „слон“ в индийской лингвокультуре, очевидно, представляет собой вполне достойный объект исследования, как концепт „бык“ в культуре испаноязычной» [Воркачев 2014: 15]. И как же автор представляет себе такое исследование? Да, несомненно, индийская нация существует, обладает национальным самосознанием, имеет национальную идентичность и национальную специфику. Но вот как быть с «индийской лингвокультурой», если «в Индии говорят на 447 различных языках, 2000 диалектах» [Список языков Индии: 2015]?

Лингвоконцептологи (в том числе С. Г. Воркачев) в своих работах оперируют термином «языковой менталитет», под которым понимается «совокупность специфических национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих

установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего» [Воркачев 2014: 17].

А. В. Павлова отмечает, что «в работах по лингвокультурологии постоянно читаешь про „англичан“, „американцев“, „русских“ и проч. — так, как если бы речь шла о собрании каких-то среднестатистических, или усредненных, личностей. При этом нигде не сказано, по каким критериям население страны „усредняется“ до некоего среднестатистического фантома. Что делать, например, с теми англичанами или немцами, которые по своим воззрениям и предпочтениям резко отличаются от этой „среднестатистической“ картины? Но может быть, речь идет о статистике? Можно было бы, конечно, утверждать, что в случае, если 80 процентов всего населения Германии любит порядок, то слово Ordnung представляет собой „ключевое слово“ немецкой культуры. А для 20 процентов оно не входит в „культурный код“, так как порядок для них важной жизненной ценностью не является. Но ведь таких статистик нет, и никто их не составляет. Просто пишут: высшей ценностью для немцев является порядок. С таким же успехом можно было бы утверждать, что высшей ценностью для новозеландцев являются деньги. Или птица киви. Кто проверит? Из-за „усреднения“ населения, говорящего на одном или, во всяком случае, условно одном национальном языке, до некоего фантома, именуемого „русским человеком“, „англичанином“, „немцем“ и т. д., собственно живые люди из рассмотрения полностью исключаются. Поэтому заявляемый лингвокультурологией „антропологический принцип“ как поворот к человеку и его когнитивной деятельности остается голословной декларацией. Личности не может быть среднестатистической, да еще и усредненной на совершенно произвольном и недекларируемом основании» [Павлова 2015]. И действительно, презумпция существования совокупности взглядов народа как единой и монолитной идеальной сущности, приведение множества носителей языка к общему знаменателю напоминает стрижку всех под одну гребенку или фиксацию средней температуры по больнице.

Научное обоснование подводится лингвокультурологами и под словосочетание «национальный характер» (напомним: синонимы — «национальный менталитет», «национальная ментальность», «этническая ментальность»). Мы уже подробно рассматривали эту тему в ряде статей [См.: Прожилов 2013б: 268—269; Прожилов 2014: 82—85]. Приведем некоторые фрагменты. Лингвисты всерьез обсуждают, каким научным содержанием наполнен данный термин. В некоторых трудах авторы делают попытку отделить национальную ментальность от национального характера; для них это не одно и то же: «Существует национальный менталитет — национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: „богатый — значит умный“; русский же в этом случае обычно думает: „богатый — значит вор“. Понятие „новый“ у американца воспринимается как „улучшенный,

лучший“, у русского — как „непроверенный“. Таким образом, национальный менталитет представляет собой национальный способ восприятия и понимания действительности на базе присутствующих в национальном сознании стереотипов, готовых мыслей, схем объяснений явлений и событий, механизмов каузальной атрибуции. Это стереотипы сознания. *Национальный характер* — это психологические стереотипы поведения народа» [Стернин 2003: 24—25]. Авторы настолько убеждены в том, что определенные стереотипы сознания и поведения свойственны всем без исключения представителям одного народа (при этом не уточняется, какую сущность предлагается понимать под «народом»: например, «американцы» — это все граждане США, или это только англоязычные граждане США, или это не обязательно граждане США, но любые англоязычные люди, проживающие в США; должны ли они проживать в США с рождения, или достаточно, чтобы они прожили там лет 15—20, и т. д.), что даже не считают необходимым проверять свои теоретические выкладки экспериментальным путем или привлекать иные системы подтверждений. Они уверены, что доподлинно знают, о чем именно подумает каждый представитель «народа» при том или ином стимуле. Иными словами, российские лингвисты активно занялись мифотворчеством.

Нам представляется абсолютно недопустимым терминологическое использование в научном дискурсе словосочетания «национальный характер» и синонимичных ему выражений: под этим «концептом» подразумеваются психические свойства не отдельного индивида, а целой группы людей, часто очень большой. Группа имеет общую культуру (реакции, модели поведения, систему ценностей, символы, обычаи и т. п.). Из общности культуры нельзя делать вывод об общности (и специфичности) психического склада составляющих группу (в том числе нацию, народность, этническую группу) индивидов. Те черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности «национального характера», т. е. общенациональной культуры (а особенностей этих в целом немного, если не принимать за них этностереотипы), — это продукт определенных исторических условий и культурных влияний. Они производны от истории и изменяются вместе с нею, причем меняются быстро и постоянно. А уже вслед за ними, обычно с заметным отставанием, меняются и соответствующие стереотипы. Так, в начале XVIII в. в Европе многие считали, что англичане склонны к революции и перемене, тогда как французы казались весьма консервативным народом; 100 лет спустя мнение диаметрально изменилось. В начале XIX в. немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке и поэзии и малоспособным к технике и предпринимательству. Произошел промышленный переворот в Германии — и этот стереотип стал безнадежным анахронизмом. История каждого народа, в особенности история больших современных наций, сложна и противоречива [См.: Кон 1971: 122—158]. И черты культуры в каждый отдельный период времени в этностереотипах не выражаются и этностереотипами не отражаются.

Эти выводы подтверждаются результатами недавнего репрезентативного исследования, проведенного международной группой из 65 исследователей [См.: Terracciano 2005: 96—105]. В проекте «Личностные профили культур» («Personality Profiles of Cultures», PPOC) студентов колледжей и университетов из 49 различных культур или субкультур просили описать типичного представителя их культуры. В большинстве изученных культур личностный профиль типичного представителя культуры не коррелировал с усредненным профилем оцениваемых личностных черт людей той же самой культуры. Например, русские оценивали своего типичного соотечественника как более открытого для нового опыта, чем респонденты любых других 48 национальностей, но когда их просили оценить личностные черты реального русского, которого они хорошо знали, средние оценки открытости были даже ниже кросс-культурного среднего уровня. Результаты данного исследования оказались неожиданными для социальных психологов. «Тот факт, что представления о национальном характере не отражают зеркально актуально измеренные личностные характеристики и, возможно, не содержат даже „зерна правды“, довольно трудно переварить, поскольку представления, касающиеся собственной национальности или своих соседей, кажутся вполне заслуживающими доверия и основанными на неопровержимых свидетельствах» [Аплик 2009: 4—5].

Были проведены дополнительные исследования. Так, в опросном исследовании, в котором предлагалось оценить личностные черты типичного русского, живущего в их регионе, участвовали три тысячи семьсот пять человек, включенных в 40 различных выборок из 34 регионов по всей территории Российской Федерации. Исследование проводилось с помощью Опросника национального характера с 30 пунктами (National Character Survey, NCS). Был сделан вывод, что «степень согласия между отдельными респондентами относительно личностных черт типичного русского была меньше половины среднего согласия между двумя респондентами относительно конкретного человека, которого они знают хорошо. Профиль типичного русского был не очень сильно связан с оцениваемым профилем этнических русских» [Allik 2011: 13—14]. И еще одно примечательное наблюдение авторов: «Многие известные писатели и философы, от Фёдора Достоевского до Александра Солженицына и Николая Бердяева, высказывали свои взгляды о национальном характере русских. Сравнение этих эксплицитных стереотипов с оцениваемыми личностными чертами русских показало, что они вряд ли основаны на том, как описываются реальные русские люди» [Allik 2011: 13].

Группа из 52 ученых из разных стран под руководством Роберта Мак-Крэя (McCrae) [McCrae 2013: 831—842] из американского Балтимора продолжила исследования. Они попросили 3323 респондентов из 26 стран оценить личность соотечественников, например молодой жительницы Уганды или пожилого русского, на основе вопросов, позволяющих выявить 5 основных личностных черт, так называемую «Большую пятерку»

(Big Five): экстраверсия, невротизм, уступчивость, добросовестность и открытость к новым впечатлениям. Степень выраженности этих качеств личности была выявлена в предыдущих исследованиях. С этой целью в нескольких странах было проведено соответствующее репрезентативное тестовое исследование. Сравнительный анализ показал: мнения респондентов о «национальном характере» соотечественников имеет мало общего с реальной действительностью.

Мартина Гржебичкова (Hřebíčková) [Hřebíčková 2014: 60—72] из Чешской академии наук провела опрос респондентов из Австрии, Чехии, Германии, Польши и Словакии с целью оценки личностных особенностей жителей соседних стран. В ходе анализа результатов было выявлено относительное единство оценочных суждений, что опять же имело мало общего с реальной действительностью. Авторы объясняют это тем, что оценочные суждения о качествах личности иностранцев формируются на основе сомнительной логики. Так, жителей богатых стран считают более добросовестными. Хотя добросовестные, т. е. трудолюбивые и дисциплинированные люди, действительно более продуктивны, однако валовой национальный продукт страны зависит также от ее истории и многих других факторов. Кроме того, богатство является относительным. Поэтому жители из бедных стран считают американцев более добросовестными, чем граждане богатых стран.

Другие распространенные стереотипы, например, о канадцах также в итоге оказались ложными. Получилось, что профиль личности канадцев имеет большое сходство с жителями Индии и Буркина-Фасо и значительно отличается от профиля личности американцев.

Итак, можно констатировать, что наблюдаемые различия являются не более чем трендами или тенденциями, обусловленными самоидентификацией индивида с определенной национальностью, а не генотипическими различиями.

На недопустимость использования словосочетания «национальный характер» в лингвистическом научном дискурсе косвенно указывает и И. Б. Левонтина, когда утверждает: «Мы, лингвисты, ничего не говорим о том, каков русский человек» [Левонтина 2012]. Вероятно, она не считает лингвокультурологов, старательно перечисляющих свойства русского человека, лингвистами. Ее замечание тем удивительнее, что в книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира», написанной ею в соавторстве с А. А. Зализняк и А. Д. Шмелёвым, идея национальной исключительности выражена в формулировках: «Целый ряд слов отражает пресловутую „задушевность“ русского человека» [Зализняк 2005: 32]; «Русский человек болезненно реагирует, когда ему кажется, что его попрекают» [Зализняк 2005: 36]; «Сама потребность „русской души“ в размахе требует простора» [Зализняк 2005: 74]; «Склонность к жалости осознается как специфически русская черта» [Зализняк 2005: 270] и т. д. Около сорока раз в кавычках и без кавычек в тексте и заголовках книги встречаются мифологемы *национальный характер, национальная ментальность, русское видение мира, русское мироощущение и*

русская душа как синонимы словосочетания *русская языковая картина мира*.

Таким образом, в любых якобы научных рассуждениях о «национальном характере» речь идет не о чертах национального характера, а об этнических стереотипах. А стереотипы тем и отличаются от научных подходов, что их в научных рассуждениях применять нельзя, иначе перед нами уже не наука, а псевдонаука, т. е. тексты вроде следующего: [Лингвист объяснил русский менталитет через слова 2015].

Одним из базовых понятий лингвокультурологии является восходящее к Лео Вайсгерберу понятие «языковая картина мира» (ЯКМ). Отвечая на нашу критику этого термина, С. Г. Воркачев пишет: «Языковая „картина мира“, как и любая его картина, — это, безусловно, метафора, но метафорическое происхождение термина не может служить основанием для отрицания его эвристической валидности: ведь никого сейчас не смущают такие когнитивные метафоры, как „корень слова“ или „языковая семья“. Конечно, языковых картин мира ровно столько, сколько существует на земле носителей языка, но все эти картины вполне успешно тем или иным образом типизируются и стереотипизируются, сводятся к какому-то одному знаменателю, общему для той или иной социальной, профессиональной (почему бы нет?) этнической либо национальной группы» [Воркачев 2014: 13—14]. О «стереотипизации» и сведении носителей языка к какому-то одному знаменателю мы уже писали выше, а вот с тем, что метафорическое происхождение термина не может служить основанием для его отрицания, мы полностью согласны. Действительно, то, что поля в лингвистике или физике нельзя вспахать, не свидетельствует об их отсутствии. Употребление выражения «ЯКМ» в качестве научного термина в научном дискурсе неприемлемо отнюдь не потому, что оно метафорично, а по следующим основаниям.

Во-первых, единой и цельной «ЯКМ» не существует, ее фрагменты явно противоречат друг другу (*ехать на автобусе — в автобусе — автобусом*) и в картину не складываются. Кроме того, они же противоречат реальному восприятию событий: никто автобус, на крыше которого едут люди, себе не представляет, несмотря на предлог *на*; *горячее*, которое обычно подается в качестве обеда, вовсе не обязательно горячее: чаще оно тёплое; *директор* Мария Ивановна в нашем воображении всё-таки женщина, несмотря на ее обозначение существительным мужского рода. Отсутствие в немецком языке существительных, обозначающих *верх* и «низ», не означает, что немцы не ориентируются в пространстве. Если о каком-то явлении говорится, что его корни к чему-то восходят, то это не означает, что мы, произнося или слыша это, немедленно воображаем древесные корни, которые еще и растут вверх. Не нужно навязывать носителю того или иного языка представлений, которых у него нет.

Во-вторых, принципиальная возможность переформулировать любую мысль, выбрать для нее подходящую форму из целого набора вариантов, включая и те, которые не зафиксированы словарями, делает рассуждения о статичной,

данной человеку при рождении «ЯКМ» умозрительно-идеологическими построениями.

В-третьих, язык находится в перманентном развитии, независимо от того, осознаем мы это или нет. Некоторое время внутренние, скрытые движения его не проявляются в его системе и рассматриваются как ошибки, небрежность, намеренное коверканье, словотворчество, поэтизмы, нарушающие норму странности. Но наступает момент, когда накопленное количество переходит в новое качество — и вчерашний язык перестает быть языком сегодняшним. Русский язык, каким он был двадцать лет тому назад, — это не нынешний русский язык. Изменились значения множества слов. Возникла масса новых лексем, и исчезла масса прежних. В настоящее время у людей разных поколений практически разные языки. Иногда им требуется переводчик, чтобы понять друг друга. Текст, написанный журналистом среднего возраста, молодые люди понимают лишь отчасти — и наоборот. Как можно всерьез говорить о единой «ЯКМ» «русского человека», если вчера она была одна, а завтра другая, и если она не совпадает у представителей различных социальных групп?

В-четвертых, рамки языковой системы постоянно преодолеваются в речи: лексемы комбинируются и означают в одном контексте не вполне то, что они обозначают в другом контексте; *ad hoc* создаются новые слова и выражения, окказионализмы и метафорика пронизывают нашу речь. Мы обмениваемся не словами и не граммемами, а смыслами. И переводим мы смыслы. А смысл — это актуализация тех или иных сем. Семный состав лексем принципиально подвижен; в речи реализуется далеко не всё, что есть в языке, поскольку языковые описания — это отвлеченная от текстов совокупность наиболее характерных и наиболее часто повторяющихся сем. В речи часть их отодвигается на задний план, а часть или, по крайней мере, одна сема, наоборот, актуализируется [Подр. см.: Павлова, Прожилов 2013: 84].

Лингвокультурология сложилась и выделилась в отдельную лингвистическую дисциплину на теоретическом основании гипотезы лингвистической относительности (ГЛО) (или неогумбольдтианства, или гипотезы Сепира — Уорфа): каждый язык навязывает тому или иному народу некоторое количество обязательных представлений о мире («ЯКМ»), поскольку выйти за границы своего языка при познании природы нельзя. Язык направляет мысль и не только фиксирует, но и определяет (детерминирует) культуру его носителей. ГЛО — форма солипсизма: нам ничего не дано знать о реальности, поскольку между нашим сознанием и реальностью стоит язык.

В отношении к гипотезе Сепира — Уорфа лингвокультурологи не единодушны. Часть из них считает, что, помимо ЯКМ, имеется еще когнитивная картина мира и что последняя шире языковой, поскольку некоторые понятия не имеют лексемных выражений. Примечательно, что допущение возможности концептуализации действительности вне слов гипотезе Сепира — Уорфа в корне противоречит, но ее адепты этого не замечают. Другая крайность представлена точкой зрения, в соответствии с которой язык не только

определяет пути познания и формирует культуру, но и предопределяет эмоциональную сферу: человек испытывает ту эмоцию, которую ему подсказывает родной язык. Свободы нет, следовательно, не только в мыслях, но и в чувствах; последние лингвоспецифичны и одновременно этноспецифичны, так как между языком и этносом лингвокультурология ставит знак равенства. Всем мировидением и мироощущением человека управляет его язык-демиург. Таким образом, человек предстает как существо не говорящее, а „говорящее“, как раб своего родного языка.

Непонятно, что означает положение гипотезы Сепира — Уорфа о влиянии языка на мышление и сознание. Некоторые исследователи пытаются переформулировать гипотезу, сделать ее более проверяемой. Так, С. Г. Воркачев выбирает для лингвоконцептологии «третий» (superlight) вариант: «язык, мышление и культура взаимосвязаны, однако связь эта факультативна и не линейна — реализуется не всегда, не везде и необязательно напрямую» [Воркачев 2014: 17]. Но здесь возникают вопросы. Когда эта связь реализуется? Почему в одних случаях эти связи возникают, а в других — нет? Почему в одних случаях связь прямая, а в других — косвенная? Список вопросов можно продолжить. Очевидно, что в такой расплывчатой, нечеткой формулировке ГЛО не может служить в качестве теоретической основы научной дисциплины.

Лингвокультурология вслед за когнитивной лингвистикой вводит в обиход новый термин — *концепт*. Ясности в определении этого термина нет, авторы друг другу противоречат. Создается впечатление, что практически у каждого лингвоконцептолога свое собственное определение «концепта». На это мы уже указывали в статье [См.: Павлова, Прожилов 2013: 81—84]. Вот одна из наиболее популярных дефиниций «концепта»: «Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2006: 24]. По этому определению представить себе, что такое концепт, затруднительно. Прежде всего, неясно, что такое «дискретное ментальное образование» и как выглядит его структура. Кроме того, неясно, что следует понимать под познавательной деятельностью общества и как она соотносится с познавательной деятельностью личности. Далее, вызывает сомнение указание на энциклопедичность информации. Вряд ли от обыденного сознания каждого познающего индивида можно ожидать постижения объектов действительности, равного по объему энциклопедическому описанию тех же объектов. На эти непроясненные вопросы указывает В. Б. Касевич в статье, посвященной анализу понятия «концепт» [См.: Касевич 2009: 14].

С. Г. Воркачев указывает, что в дихотомии «значение — смысл» концепт соотносится со зна-

чением. Однако тут же разъясняет, что концепт — это вербализованный смысл [См.: Воркачев 2001: 47—58]. В итоге вопрос остается открытым.

Ю. С. Степанов видит основание для различения концепта и понятия в том, что «понятие „определяется“, концепт же „переживается“» [Степанов 2007: 20]. Это расходится с определением понятия как с постижением объекта во всех его свойствах и качествах. Все свойства и качества включают и переживание.

В. И. Карасик считает концепт ментальной единицей, обязательно включающей ценностный элемент [См.: Карасик 2002: 129].

Вот еще одно определение концепта: «Можно сказать, что в лингвистической науке последних лет под концептом понимается обобщенный образ слова во всем многообразии его языковых и внеязыковых связей» [Михеева 2006: 18]. Что значит «обобщенный образ слова»? Обобщенный образ какого именно слова? Какой у слова имеется обобщенный образ?

Анализ различных трактовок понятия «концепт» во многих российских работах по когнитивной лингвистике подводит В. Б. Касевича к выводу: «... в тех случаях, когда вообще можно понять, о чем говорит автор, „это“ уже есть, и вместо попыток вводить новое понятие лучше было бы разобрататься в старых. В частности, остается неясным отношение концептов к мышлению и сознанию, к языку, к понятиям, смыслам, ассоциациям, представлениям об апперцепции и ряду других категорий, издавна обсуждаемых в философии, психологии, логике. Пока соответствующие точки над *i* не поставлены, необходимость введения понятия концепта в когнитивную теорию, в когнитивную лингвистику не представляется безусловной» [Касевич 2009: 17].

Это касается в первую очередь лингвокультурологических работ. В российскую когнитивную лингвистику, а затем в лингвоконцептологию термин «концепт» был заимствован из англоязычных работ по когнитологии (cognitive science) и когнитивной лингвистике (Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми и др.). Принципиально новых элементов по сравнению с определением понятия, которое формулируется в лингвистических трудах долингвокультурологического периода как совокупность знаний о предмете во всем его многообразии и во всех его потенциях, в объеме концепта «концепт» не обнаруживается. В философии понятие определяется как «форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств» [Всемирная энциклопедия: Философия 2001: 801]. Данное определение совпадает с дефинициями лексемы «concept», приводимыми в толковых словарях английского языка. Так, словарь «Oxford Dictionary of English» определяет «concept» так: «(...) an idea or mental image which corresponds to some distinct entity or class of entities, or to its essential features, or determines the application of a term (especially a predicate), and thus plays a part in the use of reason or language» [Oxford Dictionary of English 2010: 260] / «...представление или мысленный образ, который соответствует некоторым отдельным объектам или классу объектов, или их существенным призна-

кам, или определяет употребление термина (особенно предиката), и таким образом участвует в мыслительной или речевой деятельности». Словарь «New Oxford American Dictionary» предлагает следующую дефиницию: «Concept — an idea or mental picture of a group or class of objects formed by combining all their aspects» [New Oxford American Dictionary 2010: 208] / «Представление или мысленный образ группы или класса объектов, сформированные посредством объединения всех их свойств». Схожее определение данной лексемы дается и в словаре «Collins English Dictionary»: «(...) a general idea or notion that corresponds to some class of entities and that consists of the characteristic or essential features of the class» [Collins English Dictionary 2006: 180] / «... общее представление или категория, соответствующие некоторому классу сущностей, состоящих из характерных или существенных признаков класса». Таким образом, термин «концепт» явно избыточен. Лингвистика и так страдает от бесчисленных терминологических дубликатов.

По мнению С. Г. Воркачева, лингвокультурный концепт «в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, „погруженному“ в культуру и язык» [Воркачев 2014: 12]. Таким образом, в данной дефиниции «понятие» по сути идентично «концепту». С этим мы полностью согласны. Но вот стоит ли «погружать» понятие в культуру и язык? Как было показано выше, формула «Концепт X в лингвокультуре Y» отнюдь не является валидной. На наш взгляд, целесообразнее использовать принятый в традиционной лингвистике (напр. функциональной грамматике) алгоритм создания языковой онтологии: «Понятие (категория) X и средства его (ее) выражения (языковая онтология) в языке (языках) Y (Z)» или проводить типологические исследования.

Ложный логический вывод содержится и в следующем высказывании С. Г. Воркачева: «И если авторами сборника объективность существования национального характера ставится под сомнение, то существование этнических стереотипов, в которых, собственно, и отражаются представления о первом, признается очевидным фактом» [Воркачев 2014: 14]. Существование этнических стереотипов отнюдь не предполагает наличия «национального характера», как присутствие Бабы-яги в славянской мифологии не значит, что она действительно существует. Стереотипы в лингвистике нами рассмотрены в статье [См.: Прожилов 2013а: 78—82]. Остановимся подробнее на этнических стереотипах, представляющих собой разновидность социальных стереотипов.

Социальный стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению окружающей действительности, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Речь идет о вербализации различных социальных стереотипов (этнических, религиозных, гендерных, сексуальных, профессиональных, возрастных и некоторых других).

Социальные стереотипы стали предметом пристального внимания со стороны лингвокультурологии. Они превратились в ее теоретическую платформу, вкуче составив так называемый

«национальный характер», или «этническую ментальность», научную обоснованность которых лингвокультурологи принимают за аксиому. Научную респектабельность эта дисциплина пытается обеспечить себе тем, что объявляет объектами своего изучения так называемые лингвоконцепты. Под видом таковых выступают понятия по большей части из сферы морали — например, *счастье, семья, Родина, долг*. Эти понятия лингвокультурологи трактуют как целиком зависящие от того самого «национального характера», в реальное существование которого они истово верят. По нашему мнению, за тем, что в российской лингвокультурологии именуется лингвоконцептами, скрываются этнические авто- и гетеростереотипы, лежащие в основе этноцентризма и национальных предрассудков. Для доказательства лингвоспецифичности концептов лингвокультурологи подбирают текстовые примеры, которые полностью подтверждают их собственные этностереотипы.

Это признают и некоторые лингвоконцептологи. Так, Е. А. Дженкова пишет: в то время как «в западной терминологии они именуются „типичными национальными клише“, они являются, с моей точки зрения, важнейшими культурными концептами, которые дают ключ к пониманию конкретной культуры» [Dshenkova 2004: 222]. Откровенное противопоставление «западной» и лингвокультурологической систем координат сопровождается простодушным предложением превратить этностереотипы в показатели национальной или этнической культуры. Е. А. Дженкова высказывает здесь то, что ее коллеги-лингвокультурологи делают, обычно не комментируя свои действия столь явно.

Этнический стереотип представляет собой «схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [Крысько 2002: 133].

Вместе с тем, по мнению А. В. Павловой, со стереотипами нужно обращаться крайне осторожно: «...они присущи далеко не всем, далеко не в равной мере и потому вряд ли могут служить признаком общей национальной культуры. Принимать по умолчанию за истинный тезис: „Все носители одного национального языка мыслят одинаковыми стереотипами“, означает либо навивную, либо умышленную вульгаризацию реального соотношения социального и индивидуального» [Павлова 2013: 175].

Обращает на себя внимание однообразие этностереотипов. Так, в русском дискурсе практически отсутствуют стереотипы венгров, болгар и многих других народов Восточной Европы (за исключением, пожалуй, поляков и чехов), скандинавских народов (за исключением финнов). Есть стереотипы немцев, французов, итальянцев, англичан, но отсутствуют клишированные представления о португальцах, бельгийцах, голландцах. Не говоря уже о многочисленных народах Азии, Африки и Латинской Америки. Вопрос возникновения и степени распространенности стереотипов

в отношении одних народов и их отсутствия в отношении других требует специального исследования. Выскажем предположение, что стереотипы появляются относительно тех народов, которые либо находятся или находились в непосредственном контакте с русскими (жили в одном государстве — Российской империи или СССР), либо имеют или прежде поддерживали с ними тесные исторические связи (например, немцы и французы), либо «прославились» в мировом масштабе какими-либо культурными особенностями или традициями (например, чехи — пивом, бразильцы — футболом).

Этностереотипы довольно устойчивы, медленно изменяются во времени, репродуцируются из поколения в поколение и относительно независимы от реальности, для которой характерно состояние перманентной динамики.

Например, о немцах утвердилось представление как о людях законопослушных, любящих идеальную чистоту, порядок и дисциплину, что имеет мало общего с сегодняшней действительностью. Так, социолог и специалист по психологическому консультированию Х. Шлагетер на основе интервью с десятками домработниц-иностранок, работавших в немецких семьях, в своих книгах [См.: Polanska 2011; Polanska 2012] представил картину, абсолютно не вписывающуюся в расхожие стереотипы о немцах и диссонирующую с ними. Устные свидетельства бывших российских граждан, проживающих ныне в Германии, подтверждают этот диссонанс.

С. Г. Воркачев пишет, что «оценочное признание существования лингвокультурной специфики здесь квалифицируется как „лингвонационализм“ и чуть ли не „лингвофашизм“ [Воркачев 2014: 14]. Следует заметить, что термин «лингвофашизм» никто из авторов Сборника не употреблял.

Нельзя согласиться и с утверждением С. Г. Воркачева о том, что «гражданская война на Украине — пример лингвокультурной войны: защита носителями русского языка своей языковой и культурной идентичности» [Воркачев 2014: 14]. В какой мере кровавый конфликт на востоке Украины является «гражданской войной» и какую роль в его разжигании сыграли геополитические факторы — предмет отдельных исследований, выходящий далеко за рамки данной статьи. Но именовать его «лингвокультурной войной» представляется грубым упрощением. Здесь налицо антагонизм дискурсов — условно националистически-проевропейского западноукраинского и условно постсоветско-великодержавного восточноукраинского. Причем «разлом» дискурсов проходит далеко не всегда по линии языка. Большинство украинцев в повседневном общении пользуются русским языком или «суржиком» — смесью русского и украинского. И насущной задачей отечественных и украинских лингвистов должны стать не разжигание «лингвокультурной войны» под предлогом защиты носителей русского (украинского) языков, а социолингвистический и психолингвистический анализ этих дискурсов с целью демонстрации абсурдности и социальной опасности конституирующих их мифологем и пейоративных ярлыков и поиск путей их преодоления.

В заключение приведем предложенный редактором Сборника А. В. Павловой [См. Павлова 2015] небольшой перечень того, чему могло бы посвятить себя современное лингвистическое направление, которое обратилось бы к изучению реальных дискурсов, а не придуманных «ключевых концептов» или «этнических менталитетов». В национальных языках и диалектах есть как универсальное, так и специфичное — и в лексике, и в грамматике, и в интонации, и в фонетике. Как универсальное, так и специфичное подлежит изучению. Изучению подлежат также этностереотипы, причем методология изучения этих ментальных объектов уже давно предложена. Анализу должны быть подвергнуты способы создания собственного имиджа и образа «чужого». Это предмет научного направления, называемого «имагология». Важным объектом изучения должно стать влияние дискурса на восприятие, методы внушения и формирования мировоззрения через тексты. Работы такого рода появились уже в русле политической лингвистики, но влияние текстов на умонастроения и последующие поступки выходят далеко за рамки этого направления: суггестивными элементами пропитаны любые тексты, в том числе и бытовые диалоги, и научные статьи.

Изучать культуру народа, несомненно, нужно не через язык, который ничего к нашим изначальным знаниям о культуре не прибавляет, а через дискурс, причем только в историческом аспекте, по эпохам, а также в социальном аспекте (по субкультурам, научным, философским, эстетическим направлениям) и в разрезе функциональных стилей и жанров (публицистика, эссеистика, научный дискурс и проч.)

Именно в дискурсах разных эпох, направлений и жанров можно выделить «ключевые слова», которые несут важную семантическую нагрузку в рамках данного участка культуры. Критериями выделения ключевых слов могут являться как частотность для данного типа дискурса, так и эмоционально-суггестивная нагрузка, которую несет данное слово, а также его дистинктивная функция, позволяющая отделить данный дискурс от всех прочих и точно его опознать. Например, слова типа *майданутый* или *либераст*, типичные для современного политического дискурса антилиберального толка, могут и не быть наиболее частотными в данном дискурсе, но их оскорбительный потенциал столь высок, они столь точно выражают своими коннотациями взгляды их авторов и меру их агрессивности, а также столь ясно проводят границу между данным дискурсом и всеми прочими, что эти слова допустимо считать для данного дискурса ключевыми.

Кроме того, изучение дискурсов позволяет установить, какими коннотативными значениями обладали те или иные ключевые слова и целые выражения в зависимости от эпохи и субкультуры, в рамках которой создавался дискурс. Например, немецкие романтики вкладывали в слова *Genie*, *Freigeist*, *wandern* совсем иное значение, чем это описано в словарях. Эти слова для дискурса романтиков были ключевыми (наряду с некоторыми другими), но они, несомненно, и сегодня еще культурно нагружены, так как с ними еще

ассоциируется память о тех коннотациях и той давно ушедшей эпохе.

Изучение дискурсов в связи с культурой позволяет лучше понять исчезновение слов из языка или проблематику непереводимости там, где в двуязычных словарях переводной эквивалент имеется. Поскольку существительные *Volk* и *Vaterland* в Третьем рейхе были ключевыми для нацистского дискурса, они в современном немецком почти не употребляются, поэтому русское прилагательное *отечественный* перевести на немецкий очень сложно. Так же трудно перевести немецкое прилагательное *bürgerlich* в различных контекстах на русский: в немецком это слово коннотативно нейтрально, а его русский эквивалент *буржуазный* благодаря усилиям большевиков из-за резко отрицательных коннотаций практически перестал быть эквивалентом.

Одни и те же слова в дискурсах разных субкультур даже в одну эпоху могут иметь различные значения, вплоть до противоположных. Так, существительное *либерал* в дискурсе антикремлевской оппозиции имеет положительные коннотации, а в дискурсе прокремлевской субкультуры резко отрицательные (это практически бранное слово). То же касается *толерантности*.

Лингвоспецифические коннотации слов, которыми занимается сегодня этносемантика, возникли через дискурс, через конкретные употребления и конкретные тексты. Интереснее всего исследовать корни этих коннотаций. И здесь необходимо различать слова, которые объективно являются лингвоспецифичными, т. е. либо непереводимыми, либо переводимыми лишь условно (в основном это реалии), и слова, которые таковыми лишь представляются. Последние образуют автостереотипы. Например, слово *авось*, вне всякого сомнения, воспринимается носителями русского языка как свое, специфичное, уникальное и непереводимое, — несмотря на то, что существует множество способов его абсолютно точного перевода в текстах. Именно уверенность носителей языка, что *авось* — слово уникальное, составляет его основную коннотацию. Немцы уверены, что непереводимыми и сугубо специфичными словами в их языке являются *gemütlich*, *schadenfroh*, *Heimat*, несмотря на то что переводчикам не приходится испытывать затруднений при переводе этих лексем, в то время как с большим трудом переводятся вовсе другие слова того же языка — например, *Geborgenheit* или *gönnen*. Всё это — вехи автоимажинации, творения образа своей культуры, автостереотипы. Таким образом, слова-автостереотипы и слова реально лингвоспецифичные необходимо четко отличать друг от друга. И это, несомненно, большое и интересное поле деятельности, практически еще не паханное. Для того, чтобы знать, что переводимо и что непереводимо и на какие языки, необходимо тесное сотрудничество с переводчиками с самых разных языков. Иначе все теоретические построения и утверждения о лингвоспецифичности будут либо плодом воображения, либо выводами, которые ничем не подтверждаются, кроме (часто довольно слабого) знания одного-двух иностранных языков самим лингвистом.

Вообще дискурс автоимажинации чрезвычайно интересен для изучения, так же как и дис-

курс, создающий образ «чужих». В русской культуре этот дискурс резко поменялся буквально за последние пару лет; особенно глубокие изменения произошли весной-летом 2014 г., когда власти стали упорно муссировать тему внешнего врага, а народонаселение в большинстве своем эту инициативу с готовностью поддержало. Сменился «тон», изменился набор ключевых слов, способов представления объектов и тем.

Плодотворным представляется и изучение нелингвистических дискурсов, в которых творится образ «своего» языка. Ему приписываются те или иные свойства, авторы пускаются в рассуждения в духе нынешней лингвокультурологии, причем делают прямо противоположные заключения на основании одних и тех же языковых фактов. Такого рода дискурс дилетантов от языкознания еще никем не исследован.

Антропологический подход, декларируемый лингвокультурологией, весьма далекой от этого подхода, должен выражаться в изучении восприятия и порождения речи. Здесь возможны самые разные опросы и эксперименты — например, по восприятию ошибок в лексике или грамматике (порог чувствительности), по осмыслению текстов разными поколениями или представителями разных социальных слоев, по созданию собственных текстов и изучению активного запаса слов и многие другие. Таким образом, научной дисциплине, которая вполне могла бы называться «лингвокультурология», если бы это название не оказалось дискредитировано, явно было бы чем заняться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллик Ю. и др. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2—18.
2. Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда / Воронеж. госуниверситет. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. Вып. 8. С. 5—27.
3. Воркачев С. Г. Концепт счастье: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47—58.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12—20.
5. *Всемирная энциклопедия: Философия* / главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М. : АСТ ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2001.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М. : Языки славянской культуры, 2005.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
8. Касевич В. Б. Концепт «концепт» // Научные чтения — 2007 : материалы конф. [ПЛО]. — СПб., 2009. С. 12—17.
9. *Китайский язык*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Китайский_язык (дата обращения: 03.02. 2015).
10. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. — М. : Наука, 1971.
11. Крысько В. Г. Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2002.

12. Левонтина И. Б. Лингвистический оптимизм // Матрица русской культуры: миф? двигатель модернизации? барьер? — М., 2012. С. 165. URL: http://www.svor.ru/public/docs_2012_5_15_1340277724.pdf (дата обращения: 02.02. 2015).
13. *Лингвист объяснил русский менталитет через слова*. URL: <http://www.adme.ru/articles/lingvist-obyasnii-russkij-mentalitet-cherez-slova-422555/> (дата обращения: 02.02.2015).
14. *Михеева Л. Н.* Время как лингвокультурологическая категория : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.
15. *Новая философская энциклопедия /* Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — М. : Мысль, 2010. Т. 3.
16. *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»* : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013.
17. *Павлова А. В.* Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013. С. 160—240.
18. *Павлова А. В., Прожилов А. В.* От понятия к «концепту». Бесконечный тупик лингвокультурологии // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова : политематический науч. журн. 2013. Вып. 4. С. 79—90.
19. *Павлова А. В.* Лингвокультурология — «за» и «против» // *Przegląd Wschodnioeuropejski* Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2015 (в печати, предоставлена автором).
20. *Линкер С.* Язык как инстинкт : пер. с англ. / общ. ред. В. Д. Мазо. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
21. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. — Воронеж : Истоки, 2006.
22. *Прожилов А. В.* К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова: политематический научный журнал. 2013а. Вып. 6. С. 78—82.
23. *Прожилов А. В.* Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013б. — С. 263—277.
24. *Прожилов А. В.* Национальный характер или этнический стереотип. К вопросу о терминах и мифологемах // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова: политематический научный журнал. 2014. Вып. 7. С. 82—85.
25. *Список языков Индии*. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Список_языков_Индии.
26. *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007.
27. *Стернин И. А.* Очерк английского коммуникативного поведения. — Воронеж : Истоки, 2003.
28. *Allik J. et al.* Personality profiles and the «Russian Soul»: Literary and scholarly views evaluated / J. Allik // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Apr. Vol. 42, № 3. P. 372—389.
29. *Boroditsky L.* Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conception of Time // *Cognitive Psychology*. 2001. № 43. P. 1—22.
30. *Collins English Dictionary*. 8th Complete and Unabridged Edition. — New York : HarperCollins, 2006.
31. *Deutscher G.* Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. — New York : Metropolitan Books, 2011.
32. *Dshenkova E.* Konzept — rein kognitive Einheit oder kulturelles Phänomen? // *Ost-West Perspektiven*. Institut für Deutschlandforschung, Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur. Bochum, 2004. Bd. 3. S. 215—223.
33. *Hřebíčková M., Graf S.* Accuracy of national stereotypes in Central Europe: Outgroups are not better than ingroups in considering personality traits of real people // *European Journal of Personality*. 2014. № 28/1. P. 60—72.
34. *McCrae R. et al.* The inaccuracy of national character stereotypes // *Journal of Research in Personality*. 2013. № 47/6. P. 831—842.
35. *McWhorter J. H.* The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language. — New York : Oxford Univ. Pr., USA, 2014.

A. V. Prozhilov
Abakan, Russia

LINGUOCULTURAL CONCEPTOLOGY: TRIUMPHANT ASCENT OR RUNNING IN “LANGUAGE CIRCLES”?

ABSTRACT. *The article deals with the critical analysis of the scientific schools of linguo-culturology and linguo-conceptology, which are centered around the idea that a national language is a source of information about the culture and mentality of the people speaking the given language. The article illustrates the inadequacy of methodological foundations of these schools which employ the hypothesis of linguistic relativity, which hasn't reached the status of a theory as it has not been sufficiently proved. The terms “liguo-concept”, “linguistic worldview”, “national character” and “linguo-mentality” are regarded in the article critically. The author calls the readers not to use them terminologically as they have nothing to do with science. The article argues that uniform and integral “linguistic worldview” doesn't exist, its fragments obviously contradict each other. The static, genetically inherited “linguistic worldview” is a speculative and ideological construction. It is impossible to speak of a uniform “linguistic worldview”, because language is in a permanent state of development, and the boundaries of language system are constantly being crossed in speech. The article demonstrates the redundancy of the Russian term “kontsept”, as the definition of this term is essentially identical to the definition of the term “ponyatiye”. According to the author, what is referred to in Russian linguistics as “lingvokontsepty” are actually words used to camouflage ethnic auto- and heterostereotypes underlying ethnocentrism and national prejudices. The author concludes that a person cannot be statistically average, and moreover be averaged on a completely random and undeclared basis. The article contains a list of objects that could be approached by a contemporary trend in linguistics which turns to the study of real discourse rather than imaginary “kluchevyye kontsepty” and “etnicheskiye mentalitety”.*

KEY WORDS: *linguo-culturology; linguo-cultural conceptology; Sapir-Whorf hypothesis; Neo-Humboldtianism; "linguistic worldview"; ethnic stereotypes; "kontsept"; "national character"; ethnic auto- and heterostereotypes; concept; discourse analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Prozhirov Alexander Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Khakas State Katanov-University (Abakan, Russia).*

LITERATURE

1. Allik Yu. i dr. Konstruirovaniye natsional'nogo kharaktera: svoystva lichnosti, pripisyvaemye tipichnomu russkomu // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2009. № 1. S. 2—18.
2. Vorkachev S. G. «Kuda zh nam plyt'?» — lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda / Voronezh. gosuniversitet. — Voronezh : NAUKA-YuNIPRESS, 2010. Vyp. 8. S. 5—27.
3. Vorkachev S. G. Kontsept schast'e: ponyatiynny i obraznyy komponenty // Izv. RAN. Seriya lit-ry i yazyka. 2001. T. 60. № 6. S. 47—58.
4. Vorkachev S. G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya i ee terminosistema (prodolzhenie diskussii) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 12—20.
5. Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya / glavn. nauch. red. i sost. A. A. Gritsanov.—M. : AST ; Minsk : Kharvest : Sovremennyy literator, 2001.
6. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005.
7. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs.— Volgograd : Peremena, 2002.
8. Kasevich V. B. Kontsept «kontsept» // Nauchnye chteniya — 2007 : materialy konf. [PLO]. — SPb., 2009. S. 12—17.
9. Kitayskiy yazyk. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki_Kitayskiy_yazyk (data obrashcheniya: 03.02. 2015).
10. Kon I. S. K probleme natsional'nogo kharaktera // Istoriya i psikhologiya / pod red. B. F. Porshneva i L. I. Antsyferovoy. — M. : Nauka, 1971.
11. Krysko V. G. Etnicheskaya psikhologiya : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. — M. : Akademiya, 2002.
12. Levontina I. B. Lingvisticheskiy optimizm // Matritsa russkoy kul'tury: mif? dvigatel' modernizatsii? bar'er? — M., 2012. S. 165. URL: http://www.svop.ru/public/docs_2012_5_15_1340277724.pdf (data obrashcheniya: 02.02. 2015).
13. Lingvist ob"yasnil russkiy mentalitet cherez slova. URL: <http://www.adme.ru/articles/lingvist-obyasnil-russkiy-mentalitet-cherez-slova-422555/> (data obrashcheniya: 02.02.2015).
14. Mikheeva L. N. Vremya kak lingvokul'turologicheskaya kategoriya : ucheb. posobie.— M. : Flinta : Nauka, 2006.
15. Novaya filosofskaya entsiklopediya / In-t filosofii RAN, Nats. obshch.-nauch. fond ; Nauch.-red. sovet: preds. V. S. Stepin, zamestiteli preds.: A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, uch. sekr. A. P. Ogurtsov. — M. : Mysl', 2010. T. 3.
16. Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti» : sb. st. / sost. A. V. Pavlova. — SPb. : Antologiya, 2013.
17. Pavlova A. V. Svedeniya o kul'ture i «etnicheskom mentalitete» po dannym yazyka // Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti» : sb. st. / sost. A. V. Pavlova. — SPb. : Antologiya, 2013. S. 160—240.
18. Pavlova A. V., Prozhirov A. V. Ot ponyatiya k «kontseptu». Beskonechnyy tupik lin-gvokul'turologii // Vestn. Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova : politematcheskiy nauch. zhurn. 2013. Vyp. 4. S. 79—90.
19. Pavlova A. V. Lingvokul'turologiya — «za» i «protiv» // Przegląd Wschodnioeuropejski Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2015 (v pechati, predostavlena avtorom).
20. Pinker S. Yazyk kak instinkt : per. s angl. / obshch. red. V. D. Mazo. — M. : Editorial URSS, 2004.
21. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka. — Voronezh : Istoki, 2006.
22. Prozhirov A. V. K voprosu o stereotipakh v lingvistike // Vestn. Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova: politematcheskiy nauchnyy zhurnal. 2013a. Vyp. 6. S. 78—82.
23. Prozhirov A. V. Lingvokontseptologiya, neogumbol'dtiansvo i etnostereotipy // Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti» : sb. st. / sost. A. V. Pavlova. — SPb. : Antologiya, 2013b. — S. 263—277.
24. Prozhirov A. V. Natsional'nyy kharakter ili etnicheskyy stereotip. K voprosu o terminakh i mifologemakh // Vestn. Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova: politematcheskiy nauchnyy zhurnal. 2014. Vyp. 7. S. 82—85.
25. Spisok yazykov Indii. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_yazykov_Indii.
26. Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
27. Sternin I. A. Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya. — Voronezh : Istoki, 2003.
28. *Collins English Dictionary*. 8th Complete and Unabridged Edition. — New York : HarperCollins, 2006.
29. *Deutscher G.* Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. — New York : Metropolitan Books, 2011.
30. *Dshenkova E.* Konzept — rein kognitive Einheit oder kulturelles Phänomen? // Ost-West Perspektiven. Institut für Deutschlandforschung. Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur. Bochum, 2004. Bd. 3. S. 215—223.
31. *Hřebíčková M., Graf S.* Accuracy of national stereotypes in Central Europe: Outgroups are not better than ingroups in considering personality traits of real people // European Journal of Personality. 2014. № 28/1. P. 60—72.
32. *McCrae R. et al.* The inaccuracy of national character stereotypes // Journal of Research in Personality. 2013. № 47/6. P. 831—842.
33. *McWhorter J. H.* The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language. — New York : Oxford Univ. Pr., USA, 2014.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42(Платонов А.)
ББК ШП41.12-51+ШЗ3(2Рос=Рус)6-8,44

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ В ТЕКСТАХ А. ПЛАТОНОВА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию вербальных воплощений компонентов семиотической оппозиции *сакральное/профанное* на материале некоторых произведений А. П. Платонова («Город Градов»; «Чевенгур»; «Котлован»). Автор исходит из известных теоретических положений о том, что данное противопоставление имеет универсальный характер и присутствует в любых аксиологических системах, независимо от того, какие формы мировоззрения ими выражаются — например, собственно религиозные или же идеолого-политические. При этом последние, будучи даже сугубо атеистическими, по существу, строятся на тех же базовых принципах, что и религиозные. Более того: зачастую совершенно совпадают лексико-фразеологические обозначения их концептуально важных понятий.

В данном случае в качестве источников наблюдения избраны некоторые тексты А. П. Платонова. Во-первых, они созданы в 20-е годы прошлого столетия, то есть в период становления советского государства, в чем принимал определенное участие и сам писатель. Во-вторых, ему удалось увидеть, понять и отразить в своих текстах, как именно традиционная религия вытеснялась в общественном сознании коммунистической идеологией в качестве «единственно верного учения» — субститута православия в масштабе государства. В-третьих, Платонов весьма наглядно демонстрирует, за счет активного использования каких слов и устойчивых словосочетаний производилась трансформация национальной ментальности.

Методом сплошной выборки из названных текстов были извлечены контексты, содержащие лексико-фразеологические единицы интересующей нас тематики. Они проанализированы прежде всего в функциональном аспекте.

В итоге анализа их семантики и прагматики удалось установить, что и в государстве, декларировавшем в качестве своего идейного фундамента атеизм, конфессиональные основы вовсе не исчезают исторически моментально, но продолжают настойчиво влиять на сознание социума. Не менее важно и то, что новейшие государственные аксиологические ориентиры насаждаются с помощью тех же самых вербальных средств, которые ранее активно использовались самой церковью. Иначе говоря, взаимозамена «сакрального» и «профанного» находит четкое выражение в константных лексических элементах.

Материалы и выводы статьи могут найти применение в преподавании таких учебных дисциплин, как политическая лингвистика, политология, культурология и проч.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религия; идеология; сакральное и профанное.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; адрес: 660060, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspu.ru; hc_siberia@kspu.ru.

...Дванов почувствовал тяжесть своего будущего сна, когда и сам он всех забудет; его разум вытеснится теплотой тела куда-то наружу, и там он останется уединенным грустным наблюдателем. Старая вера называла это изгнанное слабое создание ангелом-хранителем. Дванов еще мог вспомнить это значение и пожалел ангела-хранителя, уходящего на холод из душной тьмы живущего человека.

А. Платонов

Социокультурная ситуация, по крайней мере, в первые советские годы характеризовалась острой противоречивостью. С одной стороны, активно (и не без неизбежных издержек) происходило формирование атеистического государства, с другой — понятно, что и церковь как один из важнейших и самых традиционных общественных институтов упорно сопротивлялась насаждаемым новой властью доминирующим аксиологическим ориентирам; следует, конечно, учитывать и то, что, несмотря на интенсивную пропагандистскую обработку, огромные народные массы оставались проникнутыми исконными религиозными настроениями. Вероятно, в этой обстановке можно обнаружить нечто до некоторой степени аналогичное гораздо более раннему феномену рус-

ской истории: «...К началу XIII в. создалось и в деревне, и в городе своеобразное двоеверие, при котором деревня просто продолжала свою прадедовскую религиозную жизнь, числясь крещеной, а город и княжеско-боярские круги, приняв многое из церковной сферы и широко пользуясь социальной стороной христианства, <...> не забывали своего язычества с его богатой мифологией...» [Рыбаков 1988: 782] (разрядка здесь и далее наша. — А. В.).

Неоднократно отмечалось, что расплывчатое, нечеткое (иначе говоря, расширительное) употребление термина *религия* для объяснения всех явлений духовного мира и древних, и современных людей чрезмерно упрощает наши представления об истории человечества (например,

[Поршнев 1979: 199]). Понятие религиозности с течением времени стали применять к взглядам, настроениям, убеждениям, не относящимся к собственно религии: «вера», «совокупность взглядов, принципов», «императив нравственности», «интенсивное чувство связи личности с универсальным коллективным бытием» и др. Такую трактовку возводят к суждению Н. К. Михайловского: «Религия есть та неразрывная связь понятий о сущем (наука) и долженствующем быть (мораль и политика в обширном смысле), которая властно и неуклонно направляет деятельность человека». Ср. комментарий В. И. Ленина: «Положение «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии» (цит. по [Лексика 1981: 236]).

И действительно, известны многие случаи сопоставления и даже, так сказать, уравнивания в правах — по предполагаемой силе воздействия на массовое сознание и придаваемому сакральному статусу — традиционной религии и новейшей коммунистической идеологии.

Так, в почти пророческом романе Ф. М. Достоевского, хорошо знакомого с материалами судебного процесса по делу «Народной расправы», Петр Верховенский (впрочем, по его самохарактеристике, не столько «социалист», сколько «мошеник») на сходке «у наших» следующим образом заявляет о революционном учении: «...*Новая* религия идет взамен *старой*, оттого так много солдат и является...» [Достоевский 1957: 248]. Ср. также: «Вместо ожидаемых насмешек вокруг «Что делать?» сразу создалась атмосфера всеобщего благочестивого поклонения. Его читали, как читают богослужебные книги, — и ни одна вещь Тургенева или Толстого не произвела такого могучего впечатления» [Набоков 1990: 248]. Или: «Теперь ведь и представить себе невозможно, как относился когда-то рядовой русский человек ко всякому, кто осмеливался «идти против царя», образ которого <...> всё еще оставался образом «земного бога», вызывая в умах и сердцах мистическое благоговение. Мистически произносилось и слово «социалист» — в нем заключался великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодеяния. Когда <...> «социалисты» появились даже и в наших местах <...>, это так поразило наш дом, как если бы в уезде появилась чума или библейская проказа...» [Бунин 1988: 71].

«Сопоставление эпохи Христа с эпохой социальной революции предложил еще Герцен в книге «С того берега» (1849), а в 1928 г. Булгаков нашел его у другого коммуниста, А. Барбюса: «Тогда говорили о конце мира, и не напрасно. Еще более вправду мы говорить о нем и ныне... Повсюду вокруг нас проявляются признаки упадка целого общества, или, вернее, целого социального строя. И такой же свет — над надвигающейся катастрофой... Страшные вопли древних пророков, этих глашатаев рабов всех категорий, по поводу распада огромного организма под стать действительности наших дней» [Лескис 1990: 618].

Ср.: «...Интерпретация революции как восстания против бога была устойчивой и распро-

страненной ассоциацией в литературе и культуре первых лет революции <...>. Уже в формуле Маркса, бывшей в эти годы весьма популярной, — «пролетарии штурмуют небо» — содержалась ссылка на миф о вавилонской башне, подвергнутый двойной инверсии: во-первых, переставлялись местами оценки неба и атакующей его земли и, во-вторых, миф о разделении народов заменялся представлением об их соединении, т. е. интернационале» [Лотман 1996: 159].

По-видимому, при переориентации (почти всеохватывающей) духовных ценностей общества традиционная религия под воздействием различных факторов утрачивала свои главенствующие позиции. Высвобождавшаяся вследствие этого весьма просторная ниша в общественном сознании (с точки зрения семиотики, предназначенная для «сакрального») заполнялась информацией совершенно иного свойства — политико-идеологической.

По мере политизации социума такая информация и связанные с ней символы, не в последнюю очередь — вербальные, сами превратились (или, может быть, точнее: были превращены) в сакральные ценности: теперь уже сквозь их призму должны были рассматриваться достоинства и недостатки личности, ее лояльность или отступничество и т. п.

Мифологизация продолжается, принимая новые формы. Так, в 20-е годы XX века «с точки зрения коммунистической мифологии не только «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» <...>, но при этом «копошатся гады контрреволюции», «воют шакалы империализма», «оскаливает зубы гидра буржуазии», «зияют пастью финансовые акулы»... Тут везде «темные силы», «мрачная реакция», «черная рать мракобесов»; и в этой тьме — «красная заря» «мирового пожара», «красное знамя восстания»... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии» [Лосев 1991: 97]. Ср.: «Революционные деятели по мере своих сил прибегают для выражения эмоций к образной речи. Образы мстителя за угнетенных, образы железа и крови, хищного зверя, гидры, гидры с миллионом щупалец, грандиозного пламени, с вихрем бушующего по всему миру, представляются в речах революционных деятелей» [Селищев 1991: 97].

Неслучайно, конечно, и то, что материалы толковых словарей русского языка советской эпохи демонстрируют заметные по сравнению с предшествующим периодом изменения в иерархии дефиниций вербальных воплощений концепта «вера» и иллюстраций к ним (вроде «вера в победу всемирной советской власти», «верить в мировую революцию» [СУ], «вера в революцию», «верить в построение коммунистического общества» [БАС:] и т. п.): слепая «вера» без какой-нибудь логической аргументации. Таким образом, в государстве, основанном на атеистических принципах, обнаруживается, по существу, мистическое отношение к доминирующей официальной идеологии, обретающей статус чуть ли не государственной религии.

Подобным образом происходили эволюции семантики и некоторых других слов, которые активно использовались в советской пропагандист-

ской риторике. Например, существительное *учение* толкуется в [СУ] как «...3) наука о чем-н., теория, совокупность теоретических, научно разработанных положений о какой-н. области явлений». «Ленин первый в истории марксизма разработал учение о партии»...Ист. ВКП(б)...// (чьё) совокупность, система основных положений, воззрений, утверждений кого-н. (ученого, мыслителя)». «Наше учение не догма, а руководство для действия», — так говорили всегда Маркс и Энгельс...» Ленин // религиозная система, совокупность догматов какого-н. религиозного культа, вера, учение». «Христианское у.»... Соответственно в [СУ] *учитель* — ...2) (мн. учителя) чего, глава, автор или распространитель какого-н. учения (в знач. 3)». «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — великие учителя социализма»; 3) (кого и чей) «тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н.». «Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец...». Небезынтересно отметить, кстати, что, хотя по данным лексикографии советского периода существительные *учитель* и *вождь* довольно часто в подобных цитированных случаях выступали в пределах одного контекста, сочетание «*вождь и учитель*» не регистрировалось в качестве устойчивого. Между тем, в древнерусских памятниках письменности слово *учитель*, в большинстве известных примеров относимое к Христу (по-видимому, первоисточник — Евангелие от Матфея, 23, 6-8), а затем именуемое и проповедника христианства, нередко используется в одной связке со словом *вождь*. Налицо определенная преемственность (подробнее см. [Васильев 1994: 140-156]).

Таким образом, по мере смены духовных приоритетов семантика слова *учитель*, связанная с деятельностью религиозной («вероучителя»), оказывается в широком употреблении малоактуальной, а харизматический ореол обретает теперь личность политического деятеля, провозвестника и проводника идеологической доктрины и руководителя политического движения или государства. Это можно рассматривать как одно из слагаемых квазирелигиозной системы мировоззрения и социального устройства, сугубо атеистического, но во многих иерархических параметрах сходного с собственно религиозной структуризацией в ее каноническом виде, и мифогенами оказываются новые (по сравнению с предыдущей эпохой) слова.

Сакрализируются и сами имена *вождей и учителей*, которым совершенно мистически приписывается даже бессмертие; ср. в «шутейном рассказе» начала 1920-х годов: «Меня на экзамене в комячейке спросил инструктор: а где живет Карл Маркс? Я сказала: они померши. А мне сейчас же опровержение: Карл Маркс живет в сердцах пролетариата» [Шишков 1961: 508]. О том, что для этого времени такая квазимистическая формулировка вовсе не случайна, свидетельствует пример из рассказа М. Булгакова 1923 г.: «А где теперь живет товарищ Маркс?» Молодой человек <...> кричит по поводу Маркса: «Он умер!» А председатель [месткома] рявкнул: «Нет! Он живет в сердцах пролетариата» [Булгаков 1989: 474-475]. Или: «Ленин всегда живой, Ленин все-

гда с тобой» (Л. Ошанин, 1955г. — (цит. по [Душенко 2006: 371]); ранее также: «Ленин и теперь живее всех живых...» (В. Маяковский, 1924г.); «Ленин — жил, Ленин — жив, Ленин — будет жить» (В. Маяковский, 1924г.); «Вечно будет ленинское сердце kloкотать у революции в груди» (В. Маяковский, 1923г.) — (цит. по [Душенко 2006: 299, 303, 304]) и мн. др.

Совершенно справедливо отмечено, что уже на заре советской власти «прежде всего для успешного формирования пропагандистского этоса1 потребовалось изъятие из культуры религии и церкви. Декретом церковь была отделена от государства. В результате этого гомилетика оказалась в ведении партии. В качестве инструмента формирования этоса был создан Агитпроп — отдел агитации и пропаганды при ЦК и местных комитетах партии, ведавший устройством этоса во всех областях культуры. В определенном смысле он взял на себя функции церкви, готовя риториков (проповедников) [т. е. культ—и политработников — А. В.] и просвещающая массы (паству)» [Романенко 2003: 111] (подробнее об эволюциях семантики слов *просвещать*, *просвещение*, *просветитель* см. [Васильев 1994: 96-114]).

И, конечно, идеологическая монополия нового государства, не терпящая никакого инакомыслия (а заодно, естественно, — и его носителей), иначе говоря — отступлений и отступников от «генеральной линии партии», была в этом смысле аналогична модели поведения собственно церкви. Ведь «на протяжении многих столетий традиционная религия всегда стремилась насаждать единомыслие, всегда отличалась большей или меньшей нетерпимостью к инакомыслию и поэтому, как правило, всемерно содействовала той культуре, которая отвечала интересам утверждения данной религии и осуждала, а в прошлом преследовала и уничтожала ту культуру, которая не отвечала этим интересам. Это происходило со всеми религиями» [Каушанский 1993: 7]. Ср. метафорически выраженное суждение Е. И. Замятина 1921 г.: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова» (цит. по [Шестаков 1990: 18]).

Следует также принять во внимание и то, что «заменившая христианскую систему ценностей система ценностей социалистических, вобрав в себя значительную часть библейской догматики, во многом соответствовала ключевым концептам русской культуры, выражая мировоззрение крестьянской общины. Традиционная советская система ценностей уклонялась в сторону коллективистских ценностей... Чувство коллективизма, труд на благо общества, патриотизм, взаимовыручка, сострадание, совесть, равнодушие к материальным благам — такими были качества, суть базовые ценности настоящего человека» [Гусар 2008: 31-32]. Таким образом, существовала возможность для пропагандистски исключительно важного и эффективного маневра: замещения существовавшей многие века аксиологической модели (основанной на собственном религиозном фундаменте) другой, в каких-то пара-

метрах схожей с предыдущей, но базирующейся уже на сугубом атеизме.

Подобные феномены были запечатлены рядом писателей того времени, и, пожалуй, наиболее емко и последовательно — в некоторых текстах А. П. Платонова.

Главная тема рассказа А. Платонова «Город Градов» (1926 г.) — описание становления нового весьма могущественного социального слоя, советской бюрократии (впрочем, наверное, послевоенная бюрократия могущественна ничуть не менее, если не более, чем ее предшественница).

В тексте этого произведения можно выделить микросюжеты, часть которых относится к прошлому губернского города: «...В редких пунктах Российской империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мощей Градов имел трое: Евфимий-ветхопещерник, Петр-женоненавистник и Прохор-византиец; кроме того, здесь находились четыре целеных колодца с соленой водой и две лежачих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гробы и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти старушки вылезли из гробов и стали мешочницами, а что они святые — все позабыли, до того суетливо жилось тогда» [Платонов 1977: 52—53]. Впрочем, еще и в описываемый автором период «в летние вечера город наполняется плавающим колокольным звоном...» [Платонов 1977: 54]; более того: «...В ближних к Градову деревнях <...> до сей поры весной в новолунье и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и навистывали ветер. «Холуйство! — подумал Иван Федотыч <...>. — Только живая сила государства — служилый, должный народ способен упорядочить это мракобесие» [Платонов 1977: 63]. Понятно, что «упорядочивают» не одно лишь подобное «мракобесие», то есть бытовые суеверия, не имеющие ничего общего с христианством (ср. вышеупомянутое «двоеверие»), но также и всё то, что непосредственно связано (или могло быть связано) с православием. Скажем, «коммуна «Вера, Надежда, Любовь» была ликвидирована губернией за свое название...» [Платонов 1977: 56]. Или: «Вот, граждане, — сказал счетовод Смачнев, — я откровенно скажу, что одно у меня угощение — водка!.. Ничто меня не берет — ни музыка, ни пение, ни вера, а водка меня берет! Значит, душа у меня такая твердая, только ядовитое вещество она одобряет... Ничего духовного я не признаю, то — буржуазный обман...» [Платонов 1977: 70].

При этом главный персонаж рассказа, ведущий подотделом губернского земельного управления (и, между прочим, вырабатывающий форму своей подписи на документах, причем «бесхитростно и как бы невзначай копируя по простоте начертания подпись Ленина» [Платонов 1977: 60]), сочиняет «Записки государственного человека». Здесь почти сразу же обнаруживается отношение чиновника к существующим идеологополитическим реалиям: «Служение социа-

листическому отечеству — это новая религия человека, ощущающего в своем сердце чувство революционного долга <...>. Нам нужно, чтобы человек стал святым и нравственным, потому что иначе ему деться некуда. Бумага <...> есть продукт высочайшей цивилизации. Она предучитывает порочную породу людей... [довольно очевидная отсылка к библейскому «первородному греху». — А. В.]. Бумага приучает людей к социальной нравственности» [Платонов 1977: 60—61]. Кроме того, «бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расплывавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей <...>. Как идеал жидетса перед моим истомленным взором то общество, где деловая официальная бумага проела и проконтролировала людей настолько, что, будучи по существу порочными, они стали нравственными. Ибо бумага и отношение следовали за поступками людей неоступно, грозили им законными карами, и нравственность сделалась их привычкой. Канцелярия является главной силой, преобразующей мир порочных стихий в мир закона и благородства» [Платонов 1977: 60, 62], то есть, по существу, выполняет функцию, привычную для традиционной религии.

Не менее откровенно (хотя и с некоторыми конспиративными предосторожностями) выражается на вечеринке, где присутствуют только проверенные бюрократы («посвященные»), ведущий административно-финансовым отделом Бормотов, чиновник с еще дореволюционным стажем: «Ваня! <...> Закрой, дружок, форточку! Время еще раннее, всякий народ мимо шляется... Что такое губком? А я вам скажу: секретарь — это архиерей, а губком — епархия! <...> И епархия мудрая и серьезная, потому что религия пошла новая и посерьезней православной. Теперь на собрание — ко всенощной — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш билетик, мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будут, тебя в язычники зачислят. А язычнику хлеба не найдет! Так-то! А я про себя скажу: кто в епархии делопроизводство поставил? Я!..» [Платонов 1977: 71]. Иначе говоря, фактически ставится знак равенства между традиционной религией — и новой государственной идеологией, иерархически и ритуально подобной собственно религии — и столь же строго (если порой даже не более жестоко) карающей отступников, недисциплинированных членов социума, которых, оказывается, довольно легко можно низвести до ранга «язычников» — и лишить таким образом средств к существованию.

То же самое отношение к официальной идеологии обнаруживается в некоторых из ежедневных записей в календаре чиновника: «Зайти вечером постоять в красном уголке, а то сочтут отступником» <...>. «Именины супруги сочетать с режимом экономии и производственным эффек-

том. Пригласить наш малый совнарком». «Суббота — открыто заявить столоначальнику, что иду ко всеобщей, в бога не верю, а хожу из-за хора, а была бы у нас приличная опера, ни за что не пошел бы» [Платонов 1977: 77] — хотя здесь уже явно обнаруживаются элементы лицемерия персонажа, вынужденного внешне подчиняться компартийным идеологическим доминантам, но лишь для соблюдения установленных приличий (с целью самозащиты: чтобы не попасть в число новейших «язычников»), а внутренне остающегося человеком верующим.

Однако, пожалуй, еще более интересными в тексте рассказа являются, в отличие от вышецитированных экспликаций, нередкие случаи контаминаций обозначений «старого» и «нового», также дающие возможность судить и об их соотношениях в общественном сознании, и о главенствующей роли «нового». Например: «Если подъезжать к Градову не по железной дороге, а по грунту, то выдешь в город незаметно: всё будет поля <...>, потом предстанут храмы и уже впоследствии откроется площадь. Посреди площади стоит собор, а против него двухэтажный дом <...>. На доме том висит вывеска: «Градовский губисполком» [Платонов 1977: 52]. — «...Сидел комсомолец и проповедовал: «Религия должна караться по закону!». Потому что религия есть злоупотребление природы» [Платонов 1977: 57—58]. — «Новые [папиросы]: пять копеек сорок штук, градовского производства. Под названием «Красный иннок» <...>, инвалиды делают!» [Платонов 1977: 67]. — «Бормотов сказал, что в мире не только всё течет, но и всё останавливается. И тогда, быть может, вновь зазвонят колокола. Бормотов, как считающий себя советским человеком, да и другие не жалели, конечно, звона колоколов, но для порядка и внушения массам единого идеологического начала и колокола неплохи. А звон в государственной глуши, несомненно, хорош, хотя бы с поэтической точки зрения, ибо в хорошем государстве и поэзия лежит на предназначенном ей месте, а не поёт бесполезные песни» [Платонов 1977: 70]. — «Любимые братья в революции! — начал раздобревший от горькой Рванников» [Платонов 1977: 72] (ср.: «братья во Христе», «братья по вере» и т. п.). — «Иван Федотыч <...> задумался: «Не пора ли ему [«лишнему человеку»] отправиться в глухой скит, чтобы дальше не скорбеть над болящим миром?» [Платонов 1977: 79] и др.

Многие из вышеприведенных инверсивных аксиологических феноменов воплотились и в тексте романа А. Платонова «Чевенгур» (1927 г.) — может быть, не столь сконцентрированно, как в «Городе Градове», но и здесь коммунистическая идеология предстает как некая аналогия христианства.

Детали описания становятся еще более символическими. Если в Градове губисполком находится напротив собора (некое воплощенное противостояние), то в Чевенгуре органы новой власти и традиционной веры уже локально совмеще-

ны; причем не на городской площади, а на кладбище: «Копенкин медленно прочитал громадную малиновую вывеску над воротами кладбища: «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района». Сам же Совет помещался в церкви. Копенкин проехал по кладбищенской дорожке к паперти храма. «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы», — написано было дугой над входом в церковь. И слова те тронули Копенкина, хотя он помнил, чей это лозунг» [Платонов 1988б: 370] — то есть [Матф. 11, 28]. И поэтому, «выйдя наружу, Копенкин показал Чепурному надпись на храме — ревкоме: «Приидите ко мне все труждающиеся». «Перемажь по-советски!» <...>. — «А скажи, пожалуйста, чем тебе фраза не мила — целиком против капитализма говорит...» <...>. — «По-твоему, бог тебе единолично все массы успокоит? Это буржуазный подход <...>. Революционная масса сама может успокоиться, когда поднимется!» [Платонов 1988б: 374] (причем «в тот день <...> революция была еще беднее веры и не могла покрыть икон красной мануфактурой: бог Саваоф, нарисованный под куполом, открыто глядел на амвон, где происходили заседания ревкома» [Платонов 1988б: 370—371]).

Упоминания о вроде бы усиленно отторгаемой, но, тем не менее, очевидной и неразрывной связи между религией, доминировавшей ранее, и новоутверждаемой господствующей идеологией присутствуют в тексте постоянно, лишь варьируясь внешне и выступая то в форме сравнений и сопоставлений, то в форме контаминаций.

Ср.: «Захар Павлович искал самую серьезную партию, чтобы сразу записаться в нее. Все партии помещались в одном казенном доме, и каждая считала себя лучше всех. <...>. Нигде ему точно не сказали про тот день, когда наступит земное блаженство. Одни отвечали, что счастье — это сложное изделие и не в нем цель человека, а в исторических законах. А другие говорили, что счастье состоит в сплошной борьбе, которая будет длиться вечно. «Вот это так! — резонно удивлялся Захар Павлович. — Значит, работай без жалованья. Тогда это не партия, а эксплуатация <...>. У религии и то было торжество православия...» [Платонов 1988б: 236]. — «Когда власть брали, на завтрашний день всему земному шару о б е щ а л и б л а г о , а теперь, ты говоришь, объективные условия нам ходу не дают... Попам тоже до рая добратся сатана мешал...» [Платонов 1988б: 348]. — «Хоть они и большевики и великомученики своей идеи...» [Платонов 1988б: 339]. — «Уполномоченный [волревкома, «бедняцкая карающая власть и сила»] серьезно обиделся. «Ты, товарищ, зря не говори! Я официальный приказ подписал вчерашний день: сегодня у нас сельский молебен в честь избавления от царизма. Народу мною дано своеволие на одни сутки — нынче что хошь делай: я хожу без противодействия, а революция отдыхает...» [Платонов 1988б: 290]. — «Дванов поднимал эти предметы [«мертвые вещи»], выражал сожаление их гибели и забвенности и снова воз-

вращал на прежние места, чтобы все было цело в Чевенгуре до лучшего дня и скупления в коммунизме» [Платонов 1988б: 540] и т. п.

Небезынтересно, что, как и в «Городе Градове», в «Чевенгуре» также присутствует колокольный звон, и тоже в качестве многозначительной детали, — правда, интерпретируемой повествователем несколько иначе: «Звонарь заиграл на колоколах чевенгурской церкви пасхальную заутреню, — «Интернационала» он сыграть не мог, хотя и был по роду пролетарием, а звонарем — лишь по одной из прошлых профессий <...>. Колокольная музыка, так же как и воздух ночи, возбуждала чевенгурского человека отказаться от своего состояния и уйти вперед^[2]: и так как человек имел вместо имущества и идеалов лишь пустое тело, то и песня колоколов звала их к тревоге и желанию, а не милости и миру... Любой мелодический звук, даже направленный в вышину безответных звезд, свободно превращался в напоминание о революции, в совесть за свое и классовое несбывшееся торжество... Ревком помещался в той же самой церкви, с которой звонили» [Платонов 1988б: 467—468].

Ассоциации идеолого-политических новаций с традиционной религией обретают четко выраженный и последовательный характер в развернутом описании восприятия одним из персонажей романа провозглашенного поворота в экономической политике советского государства (по всей вероятности, здесь имеется в виду не обозначенная буквально статья В. И. Ленина «О кооперации» 1923 г., см. [Ленин 1976: 451-457]).

«Прочитав о кооперации, Алексей Алексеевич [Полюбезьев, который «до революции состоял членом правления кредитного товарищества и гласным городской думы»] подошел к иконе Николая Мирликийского и зажег лампаду своими ласковыми пшеничными руками. Отныне он нашел свое святое дело и чистый путь своей дальнейшей жизни <...>. Изучив статью о кооперации, Алексей Алексеевич прижался душой к Советской власти и принял её теплое народное добро. Перед ним открылась столбовая дорога святости, ведущая в божье государство, житейского довольства и содружества. До этого Алексей Алексеевич лишь боялся социализма, а теперь, когда социализм назвался кооперацией [нагляднейший пример вербальной магии, когда смена номинации якобы радикально трансформирует сущность денотата. — А. В.], Алексей Алексеевич сердечно полюбил его <...>. Теперь он в социализме <...> почувствовал живую святость и желал Советской власти добра» [Платонов 1988б: 362, 366].

Вряд ли можно считать совершенно гротескной фигуру одного из персонажей, под очевидным влиянием новейшей пропаганды и вызванных ею сдвигов в массовом сознании возомнившего себя высшей из мыслимых сил, неким демиургом, способным по своему усмотрению творить реальный мир и управлять поведением лю-

дей как всецело зависящих от него: «Оказывается, этот человек считал себя богом и всё знал <...>. «Бог, — сказал секретарь, — доведи товарища до Кузи Поганкина, скажи, что у Совета, — ихняя очередь!» Дванов пошел с богом [ср.: «с богом! — (устар.) — разрешение начинать что-л; пожелание успеха при начале какого-л. дела» [МАС2 1, 1981: 101] <...>. Дванов не отпустил его: «Постой, что же ты теперь думаешь делать?» Бог сумрачно глянул в деревенское пространство, где он был одиноким мужиком. «Вот объявлю в одну ночь отъем земли, тогда с испугу и поверят». Бог духовно сосредоточился и молчал минуту. «А в другую ночь раздам обратно — и большевистская слава по чину будет моей» [Платонов 1988б: 260—261]^[3].

Конечно же, в тексте романа неоднократно возникает имя в максимальной степени сакрализованного вождя — Ленина как вершителя всех человеческих судеб и подателя всех земных благ, носителя истины в высшей инстанции: «Да я ж [уполномоченный волревкома] тут всё одно что Ленин!» [Платонов 1988б: 291]. — «Встретился нестарый мужик и сказал богу: «Здравствуй, Никанорыч, — тебе б пора Лениным быть, будя богом-то!» [Платонов 1988б: 260]. — «Ай дождались?» — тронулась чувством старуха [в кооперативной лавке, при наступлении нэпа]. — «Дождались: Ленин взял, Ленин и дал» [Платонов 1988б: 336] (ср.: «Бог дал, бог и взял» [Даль 1984: 24]). — «Не то у нас коммунизм исправен, не то нет! Либо мне к товарищу Ленину съездить, чтобы он мне лично всю правду сформулировал!» [Платонов 1988б: 372—373] и др.

И уже совершенно недвусмысленны оценки Ленина как равновеликого верховному божеству, творца всего сущего, в суждениях и переживаниях Полюбезьева, порожденных его знакомством со статьей о кооперации: «Он почувствовал Ленина, как своего умершего отца <...>. В детстве он долго не любил бога, страхась Савофа, но когда мать ему сказала: «А куда же я, сынок, после смерти денусь?» — тогда Алеша полюбил и бога, чтобы он защищал после смерти его мать, потому что он признал бога заместителем отца» [Платонов 1988б: 362] — очень прозрачна отсылка к библейскому богу-отцу. Полюбезьев и «в социализме почувствовал живую святость» «благодаря объявленной Лениным кооперации» [Платонов 1988б: 366].

Один из ключевых евангельских сюжетов (точнее, пророчеств и предсказаний) — второе пришествие Христа, долженствующее ознаменоваться множеством чудесных событий, в том числе и прекращением поступательного хода времени: «времени уже не будет» [Откр. 10, 6] (ср.: «Чему ж конец-то?» — недоверчиво спрашивал Гопнер. «Да всей всемирной истории — на что она нам нужна?» [Платонов 1988б: 346]).

Для чевенгурского же революционного руководства миф о втором пришествии — это и символ окончательного истребления местных «буржуев» (то есть мирных обывателей), и мнимый, но достаточный повод к расправе над ними, и чрезвычайно удобная словесная маскировка своих действий, творимых как некое смутное подо-

бие Страшного суда — творимых, однако, не божественными силами, но вполне земными людьми.

«Он [Чепурный] знал и видел, насколько чевенгурскую буржуазию томит ожидание второго пришествия, и лично ничего не имел против него <...>. Комиссия говорила Чепурному про необходимость второго пришествия, но Чепурный тогда промолчал, а втайне решил оставить буржуазную мелочь, чтоб всемирной революции было чем заняться. А потом Чепурный захотел отмучиться и вызвал председателя чрезвычайки Пиюсю. «Очисти мне город от гнетущего элемента!» — приказал Чепурный. «Можно», — послушался Пиюся. Он собрался перебить в Чевенгуре всех жителей [т. е. без какого-либо разделения на грешников и праведников, как в Апокалипсисе. — А. В.], с чем облегченно согласился Чепурный» [Платонов 1988б: 386].

Но обычный расстрел оказывается не соответствующим грандиозности и гипертрофируемой сакральности мероприятия; кроме того, его следует формально обосновать и документировать, к тому же таким образом, чтобы снять всякое подобие ответственности с инициаторов и исполнителей.

Поэтому признанный чевенгурский демагог «секретарь цика Прокофий Дванов не согласился подворно и явочным порядком истребить буржуазию. Он сказал, что это надо сделать более теоретично <...>. «На основе ихнего же предрассудка! <...> На основе второго пришествия! <...> Они его сами хотят, пускай и получают — мы будем не виноваты <...>. Совершенно необходимо объявить второе пришествие. И на его базе очистить город для пролетарской оседлости» [Платонов 1988б: 387].

В Откровении св. Иоанна Богослова неоднократно упоминаются священные книги, содержащие пророчества [Откр. 5,1 и далее], — Прокофий же составляет «бумагу», согласно которой «советская власть предоставляет буржуазии всё бесконечное небо, оборудованное звездами и светилами на предмет организации там вечно-го блаженства» [Платонов 1988б: 388].

И если в Иерусалиме после Апокалипсиса «ночи не будет <...>, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» [Откр. 22, 5], то в освобожденном от «буржуев» Чевенгуре (то есть, после массового убийства ни в чем не повинных людей) «Пиюся встал с отдохнувшим сердцем и усердно помылся и почистился, ради первого дня коммунизма. Лампа горела желтым загоробным светом...» [Платонов 1988б: 414].

Наконец, еще об одном очень важном феномене эпохи социальных трансформаций — о переименованиях людей, производимых опять же в вербально-магических целях, то есть о сменах личных имен для моделирования поведения их носителей.

Ср.: «... Именем выражается тип личности, онтологическая форма её, которая определяет далее её духовное и душевное строение <...>. Перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное

соотношение с миром, влечет за собою *переименование*, или, с иной точки зрения, переименование производит такой перелом в жизни» [Флоренский 1993: 70, 99]. — «Как и всякий антропоним, псевдоимя, то есть вымышленное, ложное, скрытое назывное слово, выполняет прежде всего номинативную функцию, обладая тайным, или эзотерическим свойством» [Фролов 2005: 115].

Подобные номофильские эксперименты вполне осознанно производит один из персонажей «Чевенгура» — прежде всего над самим собой: «Хромого звали Федором Достоевским: так он сам себя перерегистрировал в специальном протоколе, где сказано, что уполномоченный волревкома Игнатий Мошонков слушал заявление гражданина Игнатия Мошонкова о переименовании его в честь памяти известного писателя — в Федора Достоевского, и постановил: переименоваться с начала новых суток и навсегда...» [Платонов 1988б: 291].

Затем новопоименованный Федор Достоевский предполагает экстраполировать эту инициативу и на всех прочих, причем с соответствующим идеологическим обоснованием, — с целью максимального приближения «светлого будущего» и формирования достойных его людей: «... Впредь предложить всем гражданам пересмотреть свои прозвища — удовлетворяют ли они их, — имея в виду необходимость подобия новому имени. Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозывается Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно. Таким порядком по регистру переименования прошли двое граждан: Степан Чечер стал Христофором Колумбом, а колодезник — Петр Грудин — Францем Мерингом⁴: по-уличному Мерин. Федор Достоевский запротоколил эти имена условно и спорно: он послал запрос в волревком — были ли Колумб и Меринг достойными людьми, чтобы их имена брать за образцы дальнейшей жизни, или Колумб и Меринг безмолвны для революции. Ответа волревком пока еще не прислал. Степан Чечер и Петр Грудин жили почти безымянными. «Раз назвались, — говорил им Достоевский, — делайте что-нибудь выдающееся». — «Сделаем, — отвечали оба, — только утверди и дай справку». — «Устно называйтесь, а на документах обозначать буду пока по-старому». — «Нам хотя бы устно», — просили заявители» [Платонов 1988б: 291].

Таким образом последователи новейших ценностей отказываются одновременно не только от имен, данных им при крещении, но и от фамилий, доставшихся от родителей: это уже символизирует и отказ от установлений традиционной религии, и от прошлого вообще.

А в повести «Котлован» (1930 г.) от традиционной религии отрекаются уже и служители прежнего культа. Это — поп, который «отмежевался¹⁵ от своей души и острижен под фокстрот»; ему «приходится стаж зарабатывать, чтоб в кружок безбожия приняли» [Платонов 1988а: 149]. Причем средст-

ва, вырученные от продажи свечей в опустевшем храме, поп передает местному «активисту» — для будущей покупки трактора (который выступит здесь, наверное, не столько в роли реальной сельскохозяйственной машины, сколько как символ «светлого будущего»): таково вполне вещественное соединение старых и новых ценностей. Кроме того, выясняется, что люди, очевидно запуганные пропагандой того самого «безбожия», уже не посещают храм, как прежде: «Народ только свечку покупает и ставит её Богу, как сироту, вместо своей молитвы, а сам сейчас же скрывается вон» [там же]. Ведь поп обязан новой власти доносить на своих прихожан: «Креститься <...> не допускается: того я [поп] запишью скорписью в поминальный листок <...>... А те листки с обозначением человека, осенявшего себя рукодействующим крестом, либо склонившего свое тело пред небесной силой, либо совершившего другой акт почитания подкулачных святителей, — те листки я каждую полночь лично сопровождаю к товарищу активисту» [Платонов 1988а: 149—150]. Таким образом, и прежние священнослужители вынуждены посылно способствовать торжеству новой идеологии и нового строя; той идеологии и того строя, чьи провозвестники и вожди, оказываются, подобно Христу способны воскреснуть после своей физической смерти: «Марксизм всё сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» [Платонов 1988а: 170—171].

* * *

Переосмысления слова религия, как и многих тематически и ассоциативно связанных с ним (*ортодоксальный, правоверный, догматик, сектантство, ересь, еретичество, угодник, отступник, диссидент, проповедовать, исповедь, покаяние, священный* и др.), массово происходившие с начала советской эпохи, конечно, отнюдь не случайны. Подобные слова исторически быстро вышли за пределы конфессиональной сферы и столь же успешно стали функционировать как именованья людей и реалий чисто светских областей деятельности, к тому же — пропагандистски безусловно и чётко противопоставленных религии. Такой радикальный переход (на первый взгляд — от «сакрального» к «профанному», но в действительности «сакральное» и «профанное» как аксиологические полюсы общественного сознания оказались взаимно перемещёнными) может быть, по-видимому, объяснён совершившейся переориентацией духовных ценностей общества. В этом сложном процессе традиционная религия постепенно утрачивала под влиянием ряда факторов свои доминирующие позиции, а высвобождавшуюся таким образом нишу неуклонно занимала новая государственная идеология, причем — сугубо атеистическая: «свято место пусто не бывает».

По мнению С. Н. Булгакова, «упразднив религию Бога, человечество старается изобрести новую религию, причём ищет божества для неё в себе и кругом себя, внутри и вне; пробуются поочередно: религия разума (культу разума во вре-

мя Великой французской революции), религия человечества Конта и Фейербаха, религия социализма, религия чистой человечности, религия сверхчеловека в Новое время с перспективой религии сверхчеловека и т. д. В душе человечества, теряющего Бога, должна непременно образоваться страшная пустота» [Булгаков 1990: 58].

Таким образом, богоборчество одновременно оборачивается и богоискательством. Ср.: «...поколение «нигилистов» 1860-1870-х гг., провозгласивших материализм и атеизм, отказавшись от «бесплатной отдачи себя» Истине, идущей от Бога, тотчас же нашло другой адрес, которому можно было бы бескорыстно вручить себя. Таким адресатом оказался обожаемый Народ. Не случайно Максим Горький называл литературу народников «священным писанием о мужике» [Лотман 1996: 377].

Некоторые тексты А. Платонова представляются весьма удачными и разноаспектными литературно-художественными иллюстрациями того, что происходило в духовной сфере раннесоветского общества и воплощалось вербально. Это феномены и решительного противопоставления «старого сакрального» «новому сакральному»; и внешней мимикрии людей, когда под прикрытием советских пропагандистских штампов и лозунгов персонаж внутренне остаётся преданным традиционной религии; и контаминация прежних и новопровозглашенных идеологических ориентиров; и, конечно же, стремления осмыслить и воспринять последние как некий вариант или субститут доминировавших прежде духовных ценностей. Оказывается, что и в государстве, декларировавшем в качестве своего фундамента атеизм, конфессиональные основы вовсе не исчезают исторически моментально, но продолжают устойчивое и настойчивое влияние на сознание социума.

Заметим также, что некоторые современные дискурсивные акты в российских средствах массовой информации в значительной степени напоминают аксиологические контаминации «старого» и «нового» в платоновских текстах. Ср.: «Мётлы хозяйственные к пасхальному субботнику» [объявление. ТВК. 20.04.95] (выделенное словосочетание особенно занятно, если вспомнить, что советская пропаганда именвала хронологически соотносимое с упомянутым почти ритуальное действо так: «*ленинский коммунистический субботник*»). — «Мило-сердие — самое православное из православных чувств. Купец, как бы благодаря Бога за то, что у него успешно идёт бизнес, жертвовал на храм» [Доброе утро. ОРТ. 15.11.98.]. — «Честный бизнес, основанный на православии, — он ещё и доходный» [председатель клуба православных предпринимателей. — Новости. 7 канал. 22.09.08.]. — «День крещения Руси в Москве отметили рок-концертом» [24. RenTV. 28.07.11] и т. п.

По-видимому, «сакральное» и «профанное» в моменты решительных трансформаций аксиологической шкалы, даже при попытках её построения с, казалось бы, совершенно иными, чем прежде, точками начального отсчета, могут не только поменяться местами, но и сосуществовать, обра-

зую в сознании социума сложные фигуры и входя в отношения контаминации. Это обнаруживается как на уровне невербальных символов (ср. флаг и герб демократического государства РФ — и флаг и герб Российской империи), так, конечно же, и вербальных (хотя бы гимн РФ с обновленным текстом — и прежней советской музыкой).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. А. П. Романенко употребляет этот термин в значении, представленном Ю. В. Рождественским: «Этот сом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю» (цит. по [Романенко 2003: 32]).

[2]. «...В кабинете он [предгубисполкома Шумилин] вспомнил про одно чтение научной книги, что от скорости сила тяготения, вес тела и жизни уменьшается, стало быть, оттого люди в несчастьи стараются двигаться. Русские странники и богомольцы потому и брели постоянно, что они рассеивали на своем ходу тяжесть горящей души народа» [Платонов 1988б: 255] — так же непрестанно «движутся» в поисках коммунизма Дванов и Копенкин.

[3]. Можно обнаружить некоторую параллель совсем с другим литературным персонажем: это «Однодум» Н. С. Лескова, постоянно носивший с собой «толстую книгу, имевшую на него неодолимое влияние. Книга эта была библия <...>. Он начитался её вволю и приобрел в ней большие и твердые познания, легшие в основу всей его последующей оригинальной жизни, когда он стал умствовать и прилагать к делу свои библейские воззрения <...>. И учредилось это дело, как указал Рыжов [будучи в должности квартального], и было оно приятно в очах правителя и народа, и обратило к Рыжову сердца людей благодарных» [Лесков 1981: 190, 195], хотя, по мнению местного протопопа, то, что нестяжатель «Однодум» библии начитался» — это «вредная фантазия»: ведь «на Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался», с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди юродивые, — они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся» [Лесков 1981: 197–198].

Но, конечно, персонажи А. Платонова коренным образом отличаются от «Однодума», ибо они — «с Лениным в башке и с наганом в руке».

Да и действительно ли они читали труды вождя (как «Однодум» — Библию), а если и читали, то что именно поняли — вопросы очевидно риторические. Ведь, например, и Чепурный сочинений Карла Маркса «сроду не читал. Так, слышал кое-что на митингах — вот и агитирую. Да и не нужно читать: это <...> раньше люди читали да писали, а жить — ни черта не жили, всё для других людей путей искали» [Платонов 1988б: 367].

[4]. «Меринг Франц (1846—1919) — один из руководителей лев. революц. крыла герм. с.-д-тии и основателей КП Германии, философ, историк, лит. критик. В годы 1-й мир. войны на интернационалистских позициях. Один из организаторов «Союза Спартака». Труды по методологическим вопросам философии, общим принципам марксистской эстетики. Автор 4-томной «Истории германской социал-демократии», биографии К. Маркса» [СЭС 1983: 790].

[5]. Заметим: глагол *отмежеваться* был в официальной советской риторике тех лет настолько популярным, что это дало И. Ильфу повод иронически пере-

именовать картину И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» в «Иоанн Грозный отмежевывается от своего сына» [Душенко 2006: 183].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. А. Египетская мумия // Булгаков М. А. Собр. соч. — М., 1989. Т. 2. С. 473—475.
2. Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия // Русский вестник. 1990. № 1. С. 55—58.
3. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Собр. соч. : в 6 т. / И. А. Бунин. — М., 1988. Т. 5. С. 7—248.
4. Васильев А. Д. Историко-культурный аспект динамики слова. — Красноярск : КГПУ, 1994.
5. Гусар Е. Г. Смена или смешение парадигм? К вопросу о современной системе ценностей // Человек — коммуникация — текст. — Барнаул, 2008. Вып. 8. С. 31—38.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 1. — М., 1984.
7. Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч. : в 10 т. / Ф. М. Достоевский. — М., 1957. Т. 7.
8. Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд., испр. и доп. — М., 2006.
9. Каушанский П. Л. К проблеме соотношения культуры и религии // Язык и культура. — Киев, 1993. С. 3—9.
10. Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века. — М., 1981.
11. Ленин В. И. О кооперации // Сборник произведений / В. И. Ленин. — М., 1976. С. 451—457.
12. Лесков Н. С. Однодум // Рассказы / Н. С. Лесков. — М., 1981. С. 187—217.
13. Лесков Г. Последний роман Булгакова // Собр. соч. : в 5 т. / М. А. Булгаков. — М., 1990. Т. 5. С. 607—664.
14. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. — М., 1991. С. 23—192.
15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996.
16. Набоков В. В. Дар // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 3. С. 3—330.
17. Платонов А. П. Город Градов // Избранное / А. Платонов. — М., 1977. С. 52—84.
18. Платонов А. П. Котлован // Ювенильное море / А. П. Платонов. — М., 1988а. С. 79—187.
19. Платонов А. П. Чевенгур // Ювенильное море / А. П. Платонов. — М., 1988б. С. 188—551.
20. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е. — М., 1979.
21. Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре. — М., 2003.
22. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1988.
23. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926 // Русская речь. 1991. № 1. С. 88—102.
24. Словарь современного русского литературного языка = БАС₁ : в 17 т. — М. ; Л., 1948—1955.
25. Толковый словарь русского языка = СУ : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940.
26. Флоренский П. А. Имена. — Б. м., 1993.
27. Фролов Н. К. Антропонимика // Избранные работы по языкознанию / Н. К. Фролов. — Тюмень, 2005. Т. 1. С. 4—135.
28. Шестаков В. П. Эволюция русской социальной утопии // Вечер в 2217 году. — М., 1990. С. 5—21.
29. Шишков В. Я. Экзамен // Шишков В. Я. Собр. соч. : в 8 т. — М., 1961. Т. 2. С. 507—514.

A. D. Vasilyev
Krasnoyarsk, Russia

VERBALIZATION OF AXIOLOGICAL MARKERS IN THE TEXTS BY A. PLATONOV

ABSTRACT. *The article investigates the verbalization of the semiotic opposition sacred/profane components on the material of some works by Andrey Platonov ("Gorod Gradov", "Chevengur", "Kotlovan"). The author proceeds from the well known theoretical propositions that this opposition is universal and is present in all axiological systems, no matter what forms of worldview they express — religious proper or ideological-political. The latter ones, being essentially atheistic, are actually built on the same basic principles as religious ones. Moreover, quite often the same lexical and phraseological units designate their conceptually important concepts.*

In this paper, some of the texts by A.P. Platonov were chosen as a source of material for analysis for several reasons. Firstly, they were created in the 20s of the previous century, that is, during the years of formation of the Soviet state, in which the writer himself was personally involved. Secondly, he was able to see, understand and show in his texts how the traditional religion was ousted from public consciousness by the communist ideology as "the only true doctrine" — Orthodoxy substitute on the national scale. Thirdly, Platonov very clearly shows what words and phrases were actively used to transform the national mentality.

The contexts for analysis, containing lexical and phraseological units of interest, were chosen with the help of the random choice method. These contexts were analyzed primarily in their functional aspect.

As a result, the analysis of their semantic and pragmatic properties made it possible to establish that even in the state, declaring atheism as its ideological foundation, religious ideas do not vanish in a historically short time, but continue to influence the minds of society. It is also important that the latest government's axiological guidelines are being implanted using the same verbal means that had been widely used by the church itself. In other words, the interchange of the "sacred" and the "profane" is clearly expressed by constant lexical elements.

The materials and conclusions of the article can be used in teaching such disciplines as political linguistics, political science, cultural studies, etc.

KEY WORDS: religion; ideology; sacred and profane.

ABOUT THE AUTHOR: Vasilyev Aleksandr Dmitriyevich, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev.

LITERATURE

1. Bulgakov M. A. Egipetskaya mumiya // Bulgakov M. A. Sobr. soch. — M., 1989. T. 2. S. 473—475.
2. Bulgakov S. N. Intelligentsiya i religiya // Russkiy vestnik. 1990. № 1. S. 55—58.
3. Bunin I. A. Zhizn' Arsen'eva // Sobr. soch. : v 6 t. / I. A. Bunin. — M., 1988. T. 5. S. 7—248.
4. Vasil'ev A. D. Istoriko-kul'turnyy aspekt dinamiki slova. — Krasnoyarsk : KGPU, 1994.
5. Gusar E. G. Smena ili smeshenie paradigmy? K voprosu o sovremennoy sisteme tsennostey // Chelovek — kommunikatsiya — tekst. — Barnaul, 2008. Vyp. 8. S. 31—38.
6. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. T. 1. — M., 1984.
7. Dostoevskiy F. M. Besy // Sobr. soch. : v 10 t. / F. M. Dostoevskiy. — M., 1957. T. 7.
8. Dushenko K. V. Slovar' sovremennykh tsitat. 4-e izd., ispr. i dop. — M., 2006.
9. Kaushanskiy P. L. K probleme sootnosheniya kul'tury i religii // Yazyk i kul'tura. — Kiev, 1993. S. 3—9.
10. Leksika russkogo literaturnogo yazyka XIX — nachala KhKh veka. — M., 1981.
11. Lenin V. I. O kooperatsii // Sbornik proizvedeniy / V. I. Lenin. — M., 1976. S. 451—457.
12. Leskov N. S. Odnodum // Rasskazy / N. S. Leskov. — M., 1981. S. 187—217.
13. Lesskis G. Posledniy roman Bulgakova // Sobr. soch. : v 5 t. / M. A. Bulgakov. — M., 1990. T. 5. S. 607—664.
14. Losev A. F. Dialektika mifa // Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura / A. F. Losev. — M., 1991. S. 23—192.
15. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya. — M., 1996.
16. Nabokov V. V. Dar // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — M., 1990. T. 3. S. 3—330.
17. Platonov A. P. Gorod Gradov // Izbrannoe / A. Platonov. — M., 1977. S. 52—84.
18. Platonov A. P. Kotlovan // Yuvenil'noe more / A. P. Platonov. — M., 1988a. S. 79—187.
19. Platonov A. P. Chevengur // Yuvenil'noe more / A. P. Platonov. — M., 1988b. S. 188—551.
20. Porshnev B. F. Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. Izd. 2-e. — M., 1979.
21. Romanenko A. P. Obraz ritora v sovetskoy slovesnoy kul'ture. — M., 2003.
22. Rybakov B. A. Yazychestvo Drevney Rusi. — M., 1988.
23. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednikh let. 1917—1926 // Russkaya rech'. 1991. № 1. S. 88—102.
24. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka = BAS1 : v 17 t. — M. ; L., 1948—1955.
25. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka = SU : v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. — M., 1935—1940.
26. Florenskiy P. A. Imena. — B. m., 1993.
27. Frolov N. K. Antroponimika // Izbrannye raboty po yazykoznaniyu / N. K. Frolov. — Tyumen', 2005. T. 1. S. 4—135.
28. Shestakov V. P. Evolyutsiya russkoy sotsial'noy utopii // Vecher v 2217 godu. — M., 1990. S. 5—21.
29. Shishkov V. Ya. Ekzamen // Shishkov V. Ya. Sobr. soch. : v 8 t. — M., 1961. T. 2. S. 507—514.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Маркасова
Пекин, КНР

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ И СУБЧИКЕ

АННОТАЦИЯ. *Объект исследования — коннотативная семантика слов «субъект» и «субчик». Работа основана на дескриптивном методе. Было выявлено, что процесс идеологизации лексики русского языка в советский период и последовавший затем, в последние двадцать-тридцать лет, противоположный процесс реидеологизации отражены в семантических сдвигах слов «субъект» и «субчик». Слово «субчик» образовано от лексемы «субъект» суффиксальным способом. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографии, лексикологии, в области комментирования художественной литературы советского периода, в ходе преподавания истории русского литературного языка, стилистики и культуры речи. В заключении отмечается, что слово «субъект» вошло в активный словарный запас интеллектуалов до революции и не обладало устойчивыми коннотациями вплоть до двадцатого века. В советский период это слово использовалось для характеристики «чуждых» социальных элементов в художественной литературе и публицистике. Слово «субчик» унаследовало только одно значение «субъекта» — «чуждый, не являющийся „своим“». Это слово приобрело положительную коннотацию в постперестроечный период.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая семантика; лексикография; коннотация; советизм; идеологизация лексики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Маркасова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, Пекинский университет (КНР); адрес: 100871, China, Haidian District, Beijing, No. 5 Yiheyuan Road; e-mail: markasovaelena@yandex.ru.*

Наша статья посвящена истории двух слов: **субъект** и **субчик**. Семантика первого, фигурально выражаясь, очень далека от идеологических волнений и потрясений в силу исходной терминологичности. Его происхождение никак не связано с революционными событиями. Второе — **субчик** — получило распространение после революции. Оно образовано от **субъект** с помощью усечения основы и суффикса **чик** (подобно **хозяйчик**) и включено и в нормативные толковые словари (например, в МАС и БТС), где толкуется через синоним — **субъект**, и в словари, отражающие жаргонную лексику, где трактуется как **сводник**, **сутенер**. Первое толкование соответствует «Грамматике-80»: «В новых образованиях проторечного характера с суф. -ик/-чик, являющихся синонимами мотивирующих слов, выступают нерегулярные усечения основ: субъект — субчик, шизофреник — шизик, туеядец — туник...» [Грамматика 80]. Существующее расхождение словарных данных и стало поводом к размышлениям об истории положительных и отрицательных коннотаций слов **субчик** и **субъект**.

Процесс обновления коннотации может быть отражением позиций разных социальных групп: в одно и то же время одна часть общества может наделять слово положительной коннотацией, другая — отрицательной. Об этом много писали исследователи [Гловинская 2008; Карасик 2002; Крысин 2000; Шмелькова 2009 и др.]. Коннотации лексемы — «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995:167] — чрезвычайно подвижный показатель общественных настроений. В постсоветскую эпоху изменились взгляды социума на «хорошие» и «плохие» профессии, плюсы и минусы общественной позиции или определенных типов поведения [Гладилина 2011; Корносенков 2008]. Следствием этой переоценки ценностей и стали изменения коннотаций лексем, служащих для обозначения социального статуса человека (**пролета-**

рий, **буржуй** и др.), для именованья его по роду деятельности (**сантехник**, **летчик**, **учитель** и др.), общественной позиции (**конформист**, **диссидент** и др.) или каким-либо ярким признакам поведения (**максималист**, **романтик** и др.). История слов **субъект** и **субчик** выглядит на фоне перечисленных существительных не так прозрачно.

СУБЪЕКТ

В исчерпывающей статье И. Б. Левонтиной анализируются два значения слова **субъект** — «субъект как объект и субъект как противоположность объекта». Автор указывает, что оба значения отмечены в словарях: «Так, у А. Д. Михельсона («30000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с объяснением их корней» (М., 1866) читаем: «**Субъект** — лат. *subiectum*, от *subiicere*, подвергать. Предмет, подлежащий действию другого». А практически одновременно с этим в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. Толя (СПб., 1863—1864) **субъект** определяется как «лицо действующее, говорящее» и отмечается, что он «противопологается объекту» [Левонтина]. Примеры из НКРЯ свидетельствуют о том, что в литературе XIX в. **субъект** мог вызывать разнообразные реакции: и радость, и интерес, и сочувствие. Его синонимы — «объект» и «пациент». Например:

(1) *Точно, как говорит Писемский, объективности дара в Тург[еневе] нет, но сам субъект прекрасен, симпатичен и поэтичен* [А. В. Дружинин. Дневник (1845)] (здесь и далее в квадратных скобках приводятся ссылки на примеры из НКРЯ, а в круглых скобках — на примеры из других источников).

(2) *Сильнейшее воспаление в легких; перипневмония в полном развитии, может быть, и мозг поражен, а субъект молодой* [И. С. Тургенев. Накануне (1859)].

Назвать кого-то **субъектом** означало показать дистанцию между собой (говорящим) и тем, о ком идет речь, т. е. продемонстрировать свою объективность. Примерно до 1880—1890-х гг.

субъектом может быть назван известный человек, даже с указанием его имени. При этом **субъект** — неодушевленное существительное. Например:

(3) *Мне очень жаль, что я скоро расстался с Матреной и не мог доучить этот интересный субъект...* [А. И. Герцен. Доктор Крупов (1846)].

В конце XIX в. **субъект** зачастую является неизвестной фигурой, «каким-то» **субъектом**. А. П. Чехов пишет, что это «ругательное слово» («3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка»). Чеховский персонаж называет шафера «каким-то **субъектом**», подчеркивая свое нежелание с ним знаться:

(4) — *Я настолько гордый человек, что не стану какому-нибудь субъекту свой билет показывать. Отойдите от меня...* (Чехов А. П. «Гордый человек»).

Субъектом «его-ство» называет маленького человека, просителя с «негромкой фамилией», не заслуживающей упоминания:

(5) *Из угла в угол шагает швейцар, алчущий и жаждущий. На сытом рыле его написано корыстолюбие, в карманах позванивают плоды лихоимства. В десять часов начинает вползать с улицы в переднюю маленький человек, или, как изволит называть его-ство, „субъект“. Субъект вползает, подходит на цыпочках к столу, робко берет в дрожащую руку перо и выводит на сером листе свою негромкую фамилию* (Чехов А. П. Лист).

В прессе начала XX в. он представлен именно как «неустановленная личность», как «некто»: словно потеряв былую способность вызывать положительные эмоции, **субъект** обретает склонность к асоциальным поступкам.

(6) *Нам сообщают, что на днях около 6 часов вечера на Рождественской ул. возле свечного завода какие-то два субъекта (один был на лошади) пытались похитить молодую девушку...* [неизвестный. Городская хроника (1909.02.04) // «Сибирский листок», 1909].

В 1920—1940-х гг. значения **субъекта** «активное действующее лицо» (7) и «объект» (8) сохраняются (как это было и в предшествующий период) в официальных документах и научных текстах:

(7) *Россия не допустит возможности превращения ее из субъекта в объект международных отношений* [Совещание Членов Учредительного Собрания. 1921].

(8) *Усматривая в наблюдаемом черты, знакомые ему самому из собственного детства, но позднее утраченные, наблюдатель будет считать наблюдаемого субъекта человеком, оставшимся в своем развитии, хотя и взрослым, но наделенным чертами детской психики* [Н. С. Трубецкой. Европа и человечество (1920)].

В XIX в. вопрос о том, к какой социальной группе принадлежит **субъект**, был бессмысленным: **субъектом** мог быть назван любой человек, принадлежащий к любому сословию. Применительно к постреволюционным текстам XX в. этот вопрос имеет смысл. В художественной литературе **субъект** — «социально чуждая личность», как это было в дореволюционной прессе. Например:

(9) *...наступаю я на почтаря и указываю на трех подозрительных субъектов, с ним приехавших и напоминавших по внешнему виду мелких торговцев* [Д. А. Фурманов. Мятёж (1924)].

Если раньше (см. (1) и (2)) эта дистанция была признаком объективности, то теперь это признак отчужденности. Например:

(10) *Предложение: данного субъекта в комсомол не принимать!* [В. П. Беляев. Старая крепость (1937—1940)].

(11) *К этому субъекту я еще с 1905 г. относился без доверия, а теперь по-видимому окончательно приходится считать его прихвостом* [П. Н. Миллюков. Из писем Е. Д. Кусковой (1923—1927)].

Сознательно нарушая принцип историзма, приведем цитату из воспоминаний Л. М. Кагановича:

(12) *Только Ленин, только большевики говорят вам правду, они указывают единственный правильный выход из войны — не речами болтунов, не разрозненными выступлениями отдельных частей по призыву случайных личностей и „субъектов“ и „субчиков“, а единым организованным политическим действием. Завоеванием власти рабочих, солдат и крестьян — власти Советов можно завоевать мир, окончить войну и построить новую жизнь* [Л. М. Каганович. Памятные записки (1991)].

Неизвестно, действительно ли на митинге были произнесены слова **субъект** и **субчик**, или они появились уже в воспоминаниях, которые Л. М. Каганович начал писать в 1960-е гг. Важно, что в языке представителя этого поколения ни у **субъекта**, ни у **субчика** нет ясной классовой позиции: это не рабочие, не крестьяне, не солдаты, это чуждые большевикам «неизвестные». Отсюда и нелюбовь к ним: они включены в систему наименований лиц (*типчик, хозяйчик*), отражающих пренебрежительно-высокомерное отношение к ним общества. **Субъект** (как и **субчик**) противопоставлен «единому организованному политическому действию».

(13) *Если сесть с пролетарской частью, то интеллигенты подумают: этот субъект подмазывается к пролетариату* [П. С. Романов. Право на жизнь, или Проблема беспартийности (1927)].

Это слово из лексикона интеллигенции стало элементом речевой характеристики ее представителей. С удивительным постоянством слово **субъект** встречается в «Голубой книге» М. Зощенко. Причем, говоря языком эпохи, как «чуждый элемент» **субъект** всегда смешон: «Длинногривый, но не поп», «хромоногий, составившийся в злодеяниях», «интеллигентный», «дряхлый, обшарпанный», «вроде бабы, с осоловевшими глазами и с тонким голосом».

(14) *Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке* (М. Зощенко. Мелкий случай из личной жизни).

(15) *А оно, этот хромоногий субъект, видать, состарившийся в злодеяниях, небрежно зевая и не закрывая даже своего чела рукой, идет на своей кривой ноге, нехотя поглядывая на прелестную даму, которая суть не кто иная, как его жена* (М. Зощенко. Деньги).

(16) *Ну, а замуж в настоящее время выйти не так просто! Тем более если дама интелли-*

гентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней **субъекта** (М. Зощенко. Рассказ про одну корыстную молочницу).

(17) *Есть такая, может быть, знаете, знаменитая картина из прежней жизни, она называется — „Неравный брак“. На этой картине нарисованы, представьте себе, жених и невеста. Жених — такой вообще престарелый господинчик, лет этак, может быть, семидесяти трех с хвостиком. Такой вообще дряхлый, обшарпанный **субъект** нарисован, на которого зрителю глядеть мало интереса* (М. Зощенко. Рассказ о старом дураке).

(18) *Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы? Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег вокруг себя? Или он заливает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый **субъект**, вроде бабы, с осолопевшими глазами и с тонким голосом* (М. Зощенко. Забавное происшествие с кассиршей).

Классовая природа **субъекта** нашла отражение именно в рассказах Зощенко: «Кто это такое?» — спрашивают о приехавшем миллионере, «хромомом субъекте», в той же «Голубой книге». Отрицательная коннотация объясняется тем, что **субъект** не включен в классовую структуру, как и интеллигенция, являющаяся «прослойкой».

В 1944 г. вышел на экраны фильм «Свадьба», режиссер и сценарист которого (И. Аннинский) «дописал» чеховский водевиль. Реплики Эпаминонда Апломбова в фильме отличаются от его реплик в «Свадьбе» А. П. Чехова. В частности, он дважды говорит «Я не субъект какой-нибудь», чего в тексте Чехова нет. Эта фраза взята сценаристом из рассказа «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»:

(19) *Лучше без должности жить, чем реноме свое в ничтожестве иметь! Теперь XIX столетие. У всякого свое самолюбие есть! Я хоть и маленький человек, а все-таки я не **субъект** какой-нибудь и у меня в душе свой жанр есть! Не позволю!*

И. Б. Левонтина интерпретирует реплику так: «Как смешно актер Эраст Гарин в старом фильме „Свадьба“ произносит эту чеховскую фразу: „Я не субъект какой-нибудь, у меня тоже в душе свой жанр есть!“ Нам смешно еще и потому, что герой несколько неуместно употребляет слово **субъект** (в смысле **субчик**, *подозрительная личность*). Ну, как если бы, доказывая, что он выгодный жених, сказал: *Я не хмырь какой-нибудь!* А ведь у Чехова в этой фразе говорится не про **субчика** или **хмыря**. У слова **субъект** в 19 в. было такое странное на современный слух значение — „пациент“ или „объект“. <...> И у Чехова фраза *Я не субъект какой-нибудь* — не про пустое тщеславие, а про самозащиту маленького человека. Классический мотив русской классической литературы: да, я маленький человек, но не предмет, не объект, не вещь, не страдательное лицо — у меня есть душа».

Однако такой комментарий противоречит двум фактам. Во-первых, чиновник с говорящей фамилией Апломбов в фильме никакой жалости не вызывает: это не маленький человек, вызывающий умиление и сочувствие, подобно Макару Девушкину, а человек-хищник. Во-вторых, к 30—40-м гг. в русском языке слово **субъект** приобретает отрицательную коннотацию. И. Аннинский, включая в фильм цитату из другого текста Чехова, конечно, знал, что для зрителя 1940-х гг. **субъект** — «ругательное слово», только не в чеховском понимании. К тому же в фильме Апломбов ведет себя именно как **хмырь**. А не как маленький человек.

СУБЧИК

В Словаре русского языка в 4 томах **субчик** — личность «обычно темная, подозрительная».

СУБЧИК, -а, м. Прост. неодобр. Субъект, личность (обычно темная, подозрительная). — В центре города, на Соборной площади, бегают какие-то субчики в замшевых куртках на молнии. Катаев, За власть Советов. (Субчик // Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 4. — 1999 february.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma429910.htm).

В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова **субчик** становится просто «темной, подозрительной личностью» уже без «обычно» и, значит, без возможности хотя бы «иногда» становиться просто **субъектом**.

СУБЧИК, -а; м. Неодобр. Темная, подозрительная личность; вызывающий неприязнь **субъект**. Известный в округе с. Подозрительный с. попросил прикурить.

Примерно в это же время появляется иное описание слова **субчик** с пометой *уголовное*:

СУБЧИК, -а; м. Сводник, сутенёр. Балдаев, II, 65; ББИ, 237; Мильяненко, 242. [Мокиенко, Никитина 2000: 468].

Обратимся к истории. В текстах XIX — нач. XX в. слово **субчик** нами не обнаружено. В Словаре воровского жаргона Трахтенберга (1908) это слово еще не отмечено. Самый ранний из найденных примеров — в «Ночном обыске» В. Хлебникова, написанном 2 ноября 1921 года [Старкина 2007:240].

(20) ...Готов голубчик,

Ноги вытянул.

А **субчик** был хорош

И маска хороша.

Еще два выстрела:

Вот этот в пол,

А этот в бога!

С 1920-х гг. это слово получает широкое распространение. **Субчик** советского периода наделен эпитетами *нелепый, обезвреженный, наглый, растерянный, эдакий, этот, такой* и проч. **Субчик** так же, как **субъект** из дореволюционной прессы, либо противопоставлен «своим», точнее, не включен в их число, либо связан с преступным миром (от бандитов до мелких жуликов). Например:

(21) — Ну, этих **субчиков** в Питере уже не осталось. Всех давно выловили, — сказал чекист. Тут он обратил внимание на жалкий костюм Янкеля, скинул шинель и сказал: — На, накинь, а то простудишься [Г. Г. Белых, Леонид Пантелеев. Республика ШКИД (1926)].

Отметим, что явно отрицательное отношение к **субчику** — свойство писателей одного поколения, одного исторического периода. Например:

(22) *Вот только разве кто-нибудь из его субчиков* [В. П. Беляев. *Старая крепость* (1937—1940)].

(23) *Возьмут субчика под белы руки и поведут в сельсовет* [Василий Белов. *Привычное дело* (1967)].

(24) *А помнишь это дерьмецо, этого лощёного субчика в жёлтых туфлях-лодочках, с наколочками, писателя, мать его так!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)].

Субчик может и не быть представителем уголовной среды: он, подобно **субъекту**, просто «чужой».

(25) — *Сел за мелкое хулиганство на три года, субчика одного отделал, остальное в зоне намотал: побег, сопротивление охране* (А. Гера Над всей Россией серое небо).

(26) *Так и есть, пасут субчики. Даже не пасут, а туло должны в пустое жилище. Один в штатском. Нет, не в форме пиндосского полиция, а в гражданской одежде. А второй по форме обряжен, даже с фуражкой* (Р. Терехов *Дневник человека*).

На фоне «чуждого» **субчика** несколько экзотичны следующие примеры:

(25) — *И слава Богу. И слава Богу. Они, робятишки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя! Вон у меня их сколько, субчиков-то было, а niche, выросли. И ваш вырастет...* (В. Астафьев «Фотография, на которой меня нет»).

(26) *Когда в конце восьмидесятых Аманда Винсент из Монреальского университета Макгилла начала изучать морских коньков, она была разочарована: „Поначалу я не могла заметить этих субчиков“* [Александр Голяндин. Рассказы о животных, и не только о них: А у морского конька что за конек? // «Знание — сила», 2003].

Называние **субчиками** детей и животных опирается, конечно, не на «люмпенизированность» **субчика**, и даже не на его свойство быть объектом. Значение «субъект» десемантизируется: это просто некое живое существо. Аналогия — слова **штука**, **штучка**, **вещь**. Суффикс **-чик** в этих двух примерах из просторечного, уничижительного превращается в уменьшительно-ласкательный (как в словах «хлопчик», «пацанчик»).

Нелюбовь к **субчику** при советской власти сменяется мягко-ироничным отношением к нему в постсоветский период. В Словаре русского арго **субчик** дается с пометами *шутливое*, *ироничное*. Жуликовато-авантюрная натура стала в характеристике **субчика** более существенной чертой, чем его чуждость власти или близость к преступному сообществу. Современный **субчик**, в отличие от своего предка — **субъекта** — не предполагает ни пассивности, ни низкого статуса, ни возможности воздействия извне. Это наглый, удачливый и отнюдь не мелкий жулик. Даже отрицательные эмоции, вызванные поступками **субчика**, который включен во власть, сопровождаются легким восхищением.

(29) *Я назавтра в руинах лежу, а этот субчик как ни в чем не бывало в мэрии сидит* [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)].

(30) *Тем более что этот субчик неистребим, ибо он представляет собою заболевание, против которого вакцина не найдена и, возможно, не будет найдена никогда* [Вячеслав Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002].

Положительная коннотация авантюрного **субчика** проявляется и в том, что **субчиком** стало можно называть самого себя:

(31) *Многие этого рода подробности я узнал лишь позже, но и тогда было ясно, что субчика вроде меня к этому святая святых распределения писательских яств не могут подпустить и на выстрел* [Николай Климонтович. Далее — везде (2001)].

(27) *ресобра 5 дек 10, 23:43 вполне себе находятся субчики-субподрядчики. И, конечно, это общее, поскольку слишком очевидно превращение субподрядчика в субчика. Белло глянул, видел Белоруссию, Москву, Питер, Новосибирск.*

Ре: Субчика надо в лакуны словарей запузырить. И даже, по-видимому, не жаргонных, а общих толковых [<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=130486>].

«Превращение» субподрядчика в субчика обусловлено не только омонимией суффиксов и сходством начала слов. Образ субподрядчика в строительстве в массовом сознании связан с ловкачеством, обманом, возможностью легкого обогащения. Этот образ соответствует массовым представлениям о субчике, которые отражены в комментариях к слову **субподрядчик** на сайте форума:

(28) ...если Вам **субчик** выставляет меньше, чем Вы Заказчику, то большое спасибо ему за это! Разница — Ваша заслуженная! Независимо от того, в какой форме **субчик** вас предоставил свои отчетные документы ... Вам необходимо их работу выставить своим актом ... И ничего в этом страшного, кроме трудоемкости, нет. <...> Прежде чем подписывать форму или акт **субчику** надо было проверить на соответствие показатели.... <...> Мне Генчик говорит что мы на Заказчика должны выставлять по тем показателям что были в экспертизе. ничего менять не будем. и что делать? **субчик** дает меньше, а мне нужно включать больше.

Итак, **субчик** утрачивает отрицательную коннотацию в конце XX — начале XXI в. На наш взгляд, если бы у этого слова в современном русском языке существовало значение «сутенер», «сводник», его можно было бы обнаружить в текстах, да и наличие «шутливого» **субчика** показывает, что носителям языка такое значение не знакомо. Можно ли представить, что кто-то «шутливо» называет себя или собеседника «шмаровозом»? Видимо, значения «сутенер», «сводник» сомнительны, созданы на волне увлечения жаргонной и просторечной лексикой в конце XX — начале XXI в. В этот период в число жаргонизмов часто попадали случайные слова [Шаповал 2007; Добродомов 2009; Беликов 2006 и др.]. По крайней мере, примеры, доказывающие существование такого значения у слова **субчик**, не обнаружены. Конечно, можно считать, что «отсутствие какой-либо лексической единицы на основе ограниченного корпуса текстов недоказуемо, а ее ве-

роянное отсутствие доказуемо лишь с известной долей условности на основе весьма трудоемкой обработки репрезентативного корпуса текстов» [Шаповал 2007: 55]. Но наличие у слова **субчик** положительной коннотации показывает, что авторы, использующие это слово, не боятся быть неправильно понятыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории слов **субъект** и **субчик** отразился процесс идеологизации лексики в советский период, сменившийся процессом ее деидеологизации в последние 20—30 лет.

Субъект — слово, входившее в активный словарный запас интеллигенции и не имевшее устойчивой коннотации, стало в советский период средством характеристики «чуждых» социальных элементов в художественной литературе и публицистике. **Субчик** унаследовал лишь одно значение **субъекта**: «некто не наш». Из речи представителей власти он вошел в язык повседневного общения именно в этом значении: «некто чужой, связанный с преступным миром». Обретение **субчиком** одобрительного отношения было обусловлено постперестроечной переоценкой ценностей.

Наш материал (как примеры, так и словарные статьи) показывает, что, во-первых, формирование отрицательной коннотации слов **субъект** и **субчик** при советской власти имело идеологическую основу. **Субъекта** и **субчика** было трудно включить в советскую риторику, но их неопределенность сыграла свою роль в процессе изменения коннотации: пока в советской риторике преобладал классовый подход, **субчик** имел отрицательную коннотацию. Когда в постсоветский период актуализировалась романтика противостояния власти, коннотация изменилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — М., 1995. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2 т. — М., 1997.
3. Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. — Одинцово, 1992.
4. Беликов В. И. Полевые методы в лексикографии // II международный симпозиум по полевой лингвистике (Ин-т языкознания РАН, 23—26 окт. 2006 г.) : тезисы докл. — М., 2006.

5. Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. — М., 1988. С. 30—35.

6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998.

7. Гладылина И. В. О карьере, карьеризме и карьеристах (лексикографический этюд) // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология. 2011. Вып. 3. С. 115—120.

8. Добродомов И. Г. Из истории одного жаргонизма (пацан) // Prawda — prawdy — mity — fałsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. С. 9—36.

9. Дьячок М. Т. Пацан: слово и понятие // Политическая лингвистика. 2007. № 22 (2). С. 110—116.

10. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.) // ГРАМОТА.РУ, 2002. (Электронная версия).

11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.

12. Корносенков С. В. Концепт «интеллигенция» в современной российской публицистике. Выражение «гнилая интеллигенция» как средство манипуляции // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2008. Вып. 3. С. 93—99.

13. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. — Сеул, 2000. № 5. С. 63—91.

14. Левонтина И. Б. «Субчик-голубчик». URL: <http://stengazeta.net/?p=10003584>.

15. Мильяненко Л. А. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. — СПб., 1992.

16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.

17. Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию проф. Клавдии Васильевны Горшковой. — М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 436—446.

18. Словарь русского языка : в 4 т. / ИЛИ РАН. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С—Я.

19. Старкина С. В. Замысел Велимира Хлебникова «1905—1917 годы»: осуществленное и неосуществленное (От «Ночи перед Советами» к «Ночному обыску») // Арабист. Хлебниковед. Человек: М. С. Киктев (1943—2005) / отв. ред. Е. Р. Арензон. М., 2007. С. 175—246.

20. Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэн де Куртене. — СПб., 1908.

21. Шаповал В. В. О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях // Вопросы филологии. 2007. № 1 (25). С. 55—61.

22. Шмелькова В. В. Лексическая деархаизация в современном русском литературном языке. — Пенза : Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009.

E. V. Markasova
Beijing, PRC

ON “SUB’EKT” AND “SUBCHIK”

ABSTRACT. *The article analyzes connotative meanings of the words “sub’ekt” and “subchik”. The study is based on the descriptive method. As a result, the author found that the process of ideologization of the Russian lexis within the Soviet period and the following counter-process of de-ideologization in the recent twenty to thirty years are both reflected in the semantic shifts of the words “sub’ekt” and “subchik”. The word “subchik” was suffixally derived from the word “sub’ekt”. The results can be used in lexicography, lexicology, in the field commenting on the literary works of the Soviet period, in the process of teaching the history of the Russian literary language, stylistics and culture of speech. The author comes to the conclusion that the word “sub’ekt” was included in the active intellectual’s vocabulary before the revolution and had no permanent connotations until the 20th century. In the Soviet period the word was used for the characteristics of “alien” social*

elements in fiction and journalism. The word "subchik" inherited only one meaning of "sub'ekt": "alien", "not belonging to us". It has acquired a positive connotation in connection with the process of reconsideration of values.

KEY WORDS: *historical semantics; lexicography; connotation; Sovietism; ideologization of vocabulary.*

ABOUT THE AUTHOR: *Markasova Elena Valerievna, Doctor of Philology, Beijing University (Beijing, PRC).*

LITERATURE

1. Apresyan Yu. D. Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova // Izbrannye trudy / Yu. D. Apresyan. — M., 1995. T. 2 : Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya.
2. Baldaev D. C. Slovar' blatnogo vorovskogo zhargona. V 2 t. — M., 1997.
3. Baldaev D. S., Belko V. K., Isupov I. M. Slo-var' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona: rechevoy i graficheskoy portret sovetskoy tyur'my. — Odintsovo, 1992.
4. Belikov V. I. Polevye metody v leksikogra-fii // II mezhdunarodnyy simpozium po polevoy lingvistike (In-t yazykoznaniya RAN, 23—26 okt. 2006 g.) : tezisy dokl. — M., 2006.
5. Bel'chikov Yu. A. O kul'turnom konnotativnom komponente leksiki // Yazyk: sistema i funktsionirovaniye. — M., 1988. S. 30—35.
6. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998.
7. Gladilina I. V. O kar'ere, kar'erizme i kar'eristakh (leksikograficheskiy etyud) // Vestn. TvGU. Ser.: Filologiya. 2011. Vyp. 3. S. 115—120.
8. Dobrodomov I. G. Iz istorii odnogo zhargo-nizma (patsan) // Prawda — prawdy — mity — falsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. S. 9—36.
9. D'yachok M. T. Patsan: slovo i ponyatie // Poli-ticheskaya lingvistika. 2007. № 22 (2). S. 110—116.
10. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo (materialy 1980—1990 gg.) // GRAMOTA.RU, 2002. (Elektronnaya versiya).
11. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd, 2002.
12. Kornosenkov S. V. Kontsept «intelligen-tsiya» v sovremennoy rossiyskoy publitsistike. Vyrazhenie «gnilaya intelligentsiya» kak sredstvo manipulyatsii // Vestn. Udmurt. un-ta. Ser.: Istoriya i filologiya. 2008. Vyp. 3. S. 93—99.
13. Krysin L. P. O nekotorykh izmeneniyakh v russkom yazyke kontsa XX veka // Issledovaniya po slavyanskim yazykam. — Seul, 2000. № 5. S. 63—91.
14. Levontina I. B. «Subchik-golubchik». URL: <http://stengazeta.net/?p=10003584>.
15. Mil'yanenkov L. A. Po tu storonu zakona. Entsiklopediya prestupnogo mira. — CPb., 1992.
16. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb., 2000.
17. Revzina O. G. O ponyatii konnotatsii // Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve : sb. nauch. st. k 80-letiyu prof. Klavdii Vasil'evny Gorshkovoy. — M. : Izd-vo MGU, 2001. S. 436—446.
18. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / ILI RAN. 4-e izd., ster. M. : Rus. yaz. : Poligrafresur-sy, 1999. T. 4. S—Ya.
19. Starkina S. V. Zamysel Velimira Khlebnikova «1905—1917 gody»: osushchestvlennoe i neosushchestvlennoe (Ot «Nochi pered Sovetami» k «Nochnomu obysku») // Arabist. Khlebnikoved. Chelovek: M. S. Kik-tev (1943—2005) / otv. red. E. R. Arenzon. M., 2007. S. 175—246.
20. Trakhtenberg V. F. Blatnaya muzyka («zhargon» tyur'my) / pod red. i s predisl. prof. I. A. Boduen de Kurtene. — SPb., 1908.
21. Shapoval V. V. O nekotorykh oshibkakh v sovremennykh zhargonnykh slovaryakh // Voprosy filologii. 2007. № 1 (25). S. 55—61.
22. Shmel'kova V. V. Leksicheskaya dearkhaiza-tsiya v sovremenном russkom literaturnom yazyke. — Penza : Izd-vo PGPU im. V. G. Belinskogo, 2009.

Я благодарю Е. Н. Геккину и М. Н. Приемышеву за ценные советы, П. В. Ключина и Е. В. Протопопову — за помощь в поиске информации. Большое спасибо И. Е. Лощипову за уточнение даты создания «Ночного обыска» В. Хлебникова.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук М. Н. Приемышева.

В. А. Марьянчик
Архангельск, Россия

ОЦЕНОЧНЫЙ ВЕКТОР КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И КОМПОНЕНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. *Описывается текстовая категория «оценочный вектор». Вектор оценки — это исследовательский инструмент, необходимый и релевантный для анализа текстовой категории оценки/оценочности. Вектор оценки есть совокупность оценочных суждений, мнений рационального и/или эмоционального характера, высказанных неким субъектом в рамках текста о каком-либо объекте — событии, факте, ситуации, явлении, лице, его действиях. Аксиологическая структура медиаполитического текста разнообразна и включает следующие компоненты: (1) аксиологический образ автора (ценности, нормы, идеалы, стереотипы, входящие в аксиологическую картину мира образа автора); (2) аксиологический образ адресата (ценности, нормы, идеалы, стереотипы, входящие в аксиологическую картину мира образа адресата); (3) ценностно маркированный сценарий (устойчивая последовательность эпизодов и действий); (4) персонажей как носителей ценностей / антиценностей (образы политических персон или групп, за которыми закрепляются пейоративные или мелиоративные роли)*

Автор исследует оценочные векторы, которые функционируют в медиаполитическом тексте, на материале пресс-конференции В. Путина. Векторы оценки рассматриваются как компонент аксиологической структуры текста. Разрабатывается классификация оценочных векторов. Описана реализация стратегии оценки с помощью оценочных векторов.

Демонстрируется, что оценочный вектор может состоять из одного и более оценочных высказываний, включающих различные оценочные лексико-стилистические, грамматические, композиционные средства. Оценочный вектор может быть сосредоточен или рассредоточен в тексте, т. е. не имеет жесткой прикрепленности ни к отдельному предложению-высказыванию, ни к ССЦ, а является самостоятельной текстовой единицей.

В анализируемом интервью используются разнообразные стилистические приемы для усиления убедительности оценки: лексические повторы и деривационные ряды, контактные вопросы (наизывание вопросов), дистантные повторы вопросов, «аксиологические бумеранги» и пр. Убедительность оценки создается с помощью самого жанра (интервью) и его формы (открытая пресс-конференция).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *текстовые категории, оценочный вектор, аксиологическая структура текста, политический дискурс; СМИ.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Марьянчик Виктория Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет; адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, 7, к. 202; e-mail: marvik69@yandex.ru.*

Политический текст оценочен по своей сути, что обусловлено его философской, идеологической, прагматической природой. Оценка является механизмом удовлетворения политических потребностей, помогает реализовать цели коллективного адресанта, стоящего за медиатекстом, обеспечивает единство идеологической группы. Последняя функция не утрачивается и в политической журналистике, но групповая идеология может скрываться под масками «мы»-скептики, «мы»-журналисты, «мы»-независимые эксперты, «мы»-критики, «мы»-одиночки и т. п.

В центре анализа категории оценки находится оценочное высказывание, что отражено в основополагающих трудах по логике и функциональной семантике, см. [Вольф 2006; Ивин 2006 и др.]. При переносе исследовательского внимания на речевые действия или текст (см. [Коньков 1996; Папина 2002 и др.]) основным объектом анализа остается оценочное высказывание как единица, доступная для непосредственного наблюдения. При описании аксиологии текста ученые по-прежнему сосредоточивают внимание на оценочном высказывании, поскольку в контексте проблемы языка и культуры оценочная функция вырастает в аксиологическую функцию языка [Гак 1998, с. 141-142].

Однако оценочные высказывания в реальном тексте разнообразны и разнородны. Для целост-

ного видения пестрого узора, слагаемого из эмоциональных и рациональных, объективных и субъективных, косвенных и имплицитных оценок, сложно переплетающихся в тексте, необходим исследовательский инструмент, позволяющий упорядочить и обобщить все оценочные высказывания, функционирующие в тексте. Систематизация оценок может осуществляться только с опорой на аксиологическую структуру текста, так как когнитивная спираль «ценность — оценка — ценность» является отражением механизмов мышления и интерпретации действительности.

Аксиологическая структура медиаполитического текста объединяет ценностные основания, мотивировки и оценки как коммуникативно-речевые действия. Она включает следующие компоненты: (1) аксиологический образ автора (ценности, нормы, идеалы, стереотипы, входящие в аксиологическую картину мира образа автора); (2) аксиологический образ адресата (ценности, нормы, идеалы, стереотипы, входящие в аксиологическую картину мира образа адресата); (3) ценностно маркированный сценарий (устойчивая последовательность эпизодов и действий); (4) персонажи как носители ценностей / антиценностей (образы политических персон или групп, за которыми закрепляются пейоративные или мелиоративные роли) [Марьянчик 2013]. Актуальный или потенциальный характер этих аксиологиче-

ских элементов в медиа-политическом тексте и их значение выявляются в результате лингвистического анализа, который направлен от формы языкового материала к содержанию.

В качестве инструмента, объединяющего компоненты аксиологической структуры и позволяющего системно описать оценочность текста, на наш взгляд, наиболее оптимально использовать понятие «вектор оценки».

Итак, вектор оценки — это исследовательский инструмент, необходимый и релевантный для анализа текстовой категории оценки/оценочности. **Вектор оценки** есть совокупность оценочных суждений, мнений рационального и/или эмоционального характера, высказанных неким субъектом в рамках текста о каком-либо объекте — событии, факте, ситуации, явлении, лице, его действиях. Метафорический термин «вектор» наиболее точно отражает суть оценочно-интерпретирующей деятельности и соотносится с логической структурой оценочного высказывания S-r-O. Оценка всегда направлена: ее выносит субъект, выражая свое оценочное отношение к тому или иному объекту.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, как формируется оценочный вектор, как он функционирует в тексте, чем отличается от подробно описанных в научной литературе оценочных высказываний, почему необходимо ввести в научный обиход данный инструмент анализа текста. Отвечая на данные вопросы, мы используем в качестве иллюстративного материала стенограмму итоговой пресс-конференции Президента РФ Владимира Путина [1]. В аксиологической структуре медиа-политического текста следует выделить несколько оценочных векторов.

1. Оценочные векторы диалога между медиакоммуникантов. «Автор — адресат»: *Вы знаете, что такое «российская элита»? Это работага, это крестьянин, это человек, на плечах которого держится вся страна, веками держалась, сейчас держится и будет держаться.* «Адресат — автор». *Потому что люди душой и сердцем чувствуют, что мы (и я, в частности) действуем в интересах подавляющего большинства граждан Российской Федерации.* Оценочный вектор может быть направлен в прошлое, настоящее или будущее. Автор и адресат дифференцируются, как в приведенных примерах, или объединяются инклюзивным *мы*: *Но за это время, и в этом я уже не сомневаюсь, нам всё-таки многое удастся сделать с точки зрения диверсификации нашей экономики.* В приведенном примере автор и адресат объединены грамматически (местоимение 1 л. мн. ч.) и мелиоративным телеологическим предикатом *удастся*.

2. Оценочные векторы «автор — персонаж». Например, утилитарная оценка: *Центральный банк не намерен их (резервы) «палить» бездумно, и правильно;* этическая оценка: *И болельщикам надо сказать спасибо. Вообще у хоккейных болельщиков уровень культуры достаточно высокий* и др. Если объектом оценочного высказывания является ситуация, описываемая в тексте, оценка получает статус косвенной: интерпретация ситуации есть способ характеристики персонажа.

3. Оценочные векторы «персонаж — персонаж». Межперсонажные оценки моделируются автором (на уровне предположения или знания), например:

(1) Полагаю, что некоторые вещи — собственно говоря, такая критика звучит и со стороны экспертного сообщества, — некоторые действия можно было бы совершать оперативнее; (2) Ведь мы же почти от официальных лиц слышали многократно, что несправедливо, что Сибирь с её неизмеримыми богатствами вся принадлежит России. В приведенных высказываниях пейоративная оценка приписывается разным субъектам (экспертное сообщество, официальные лица). Оценка эксплицируется грамматически (с помощью степени сравнения) и лексически — через семантику оценочных предикатов. Персонажная оценка может принадлежать в данном случае затекстовому персонажу. Межперсонажная оценка, как правило, эксплицируется с помощью вставных конструкций, указывающих на источник, или посредством чужой речи — прямой, косвенной, несобственно-прямой, звучащей и внутренней.

4. Векторы самооценки формируются в рамках жанра самопохвалы или самокритики. Самооценки персонажей моделируются автором и отражают принцип авторского всеведения. Оценка автора может быть направлена на свои действия (в том числе речевые), состояния, эмоциональную сферу. Она может формироваться разными путями: (1) высказывание, описывающее действия, состояния, мысли автора, помещается в оценочную рамку «X — и это хорошо / плохо» на основе фоновых знаний читателя — устойчивых ценностных стереотипов; (2) высказывание содержит языковые единицы с оценочным значением, позволяющие определить знак самооценки автора. Например: *Я ни о чём не жалею и думаю, что поступил абсолютно правильно.* Названные способы могут поддерживать друг друга в рамках одного высказывания. Например: *Опираясь на эти резервы, уверен, мы спокойно будем решать основные социальные вопросы.* В контексте обстоятельство образа действия *спокойно* совмещает эмоциональную и утилитарно-нормативную самооценку, рема высказывания *будем решать основные социальные вопросы* актуализирует стереотипы, позволяющие поместить данное высказывание в рамку «и это хорошо». Приведем аналогичный пример: *И все мои действия направлены на то, чтобы сплотить наше общество, а не разделять его.* Говорящий использует для описания-интерпретации своих действий оценочный предикат, совмещающий идеологическую и утилитарную оценку: *сплотить*. Такая вербальная презентация обуславливает соответствующую оценку в сознании читателя/слушателя. Или: *Я ведь не случайно, это не проходная фраза, сказал, что нужно восстановить мир, политическими средствами решать.* Самооценка в данном случае заключена в метатексте и демонстрирует вербальную рефлекссию говорящего: *сказать не случайно, не походная фраза.*

Этические максимы обуславливают инклюзивность, косвенность и/или имплицитность положительной самооценки, см.: (1) *Можем мы это*

сделать? Можем; (2)...мы будем исполнять все наши социальные обязательства, опираясь на те резервы, которые у нас есть. И, слава богу, они у нас даже в этот год подросли. В приведенных примерах используется прием инклюзии: объединение с адресатом. В первом высказывании самооценка имплицитна (слабый уровень имплицитности): она замещается модальностью возможности. Во втором примере самооценка базируется на социальных стереотипах (*выполнять социальные обязательства*), а также используется косвенная оценка, при которой позитивная интерпретация ситуации (*ресурсы подросли*) проецируется на объект оценки — политический персонаж.

Очевидно, что оценочный вектор может состоять из одного и более оценочных высказываний, включающих различные оценочные лексико-стилистические, грамматические, композиционные средства. Оценочный вектор может быть **сосредоточен** или **рассредоточен** в тексте. В первом случае оценочные высказывания группируются в ССЦ, например: *Я сказал, что при самом неблагоприятном стечении внешнеэкономической конъюнктуры такая ситуация может продлиться — приблизительно, никто же не может точно сказать — в течение двух лет. Это совсем необязательно. Ситуация может выправиться и раньше. Она может начать выправляться в первом, во втором квартале, в середине следующего года либо в конце следующего года...* Объектом оценки в ССЦ является экономическая ситуация в перспективе. На уровне предположения субъект оценки (говорящий) предлагает два варианта: пейоративный (*ситуация продлится*) и мелиоративный (*ситуация выправится*). Во втором случае оценочные высказывания, имеющие общий субъект и общий объект, рассредоточены по тексту.

С другой стороны, одна синтаксическая единица может относиться к разным оценочным векторам, см.: *Есть и богатые люди, которые настроены патриотично. Вы говорите — может быть, некоторые недовольны. Конечно, что им радоваться-то? Они недовольны. Но вопрос в том, как они думают выходить из этой ситуации: быть постоянно в зависимости, постоянно на крюке где-то?* Во втором предложении данного ССЦ реализованы два оценочных вектора: (1) субъект «вы-журналист», объект «богатые люди», оценка по эмоционально-интеллектуальному основанию «недовольны»; (2) субъект «богатые люди», объект «экономическая ситуация» (восстанавливается из контекста), общеоценочный предикат «недовольны». Остальные предложения ССЦ формируют третий вектор, субъектом которого является автор-говорящий, объектом «богатые люди», а оценка дается по разным основаниям — патриотизм (*настроены патриотично*), эмоциональное состояние (*что им радоваться-то*), эмоционально-интеллектуальная оценка (*недовольны*), утилитарная оценка (*быть в зависимости, на крюке*).

Таким образом, оценочный вектор не имеет жесткой прикреплённости ни к отдельному предложению-высказыванию, ни к ССЦ, а является **самостоятельной текстовой единицей**.

Оценочный вектор в медиа-политическом тексте должен удовлетворять требованиям **ясности** (предполагает точность объекта оценки и оценочного знака) и **убедительности** (предполагает эксплицированность мотивировки и риторические механизмы воздействия).

Ясность оценочного вектора обеспечивается (1) в онтологических рамках — констатацией соблюдения/нарушения норм и стереотипов; (2) в лексических рамках — аксиологемами, идеологемами, оценочными номинациями в т.ч. метафорическими, (3) в грамматических рамках — оценочными предикатами (в том числе скрытыми, «нулевыми»), оценочными атрибутивами и адъективами. Рассмотрим соблюдение этих требований на примерах, извлеченных из интервью.

(1) *Обязанность всех государственных структур, в том числе и военных структур, охранять их жизнь и здоровье, дать им возможность исполнять свой долг для распространения объективной, полноценной информации, во всяком случае, так, как они её видят. Это общепризнанный в цивилизованном мире факт. Эти люди были убиты.* В первом предложении декларируется социальная норма через деонтическую модальность. Во втором предложении положительная оценка дается носителю соответствующего стереотипа: *цивилизованный мир*. В последнем предложении констатируется нарушение нормы, стереотипа, что обуславливает пейоративную оценку политического персонажа. См. также констатацию нарушения нормы в словосочетании *полная поддержка терроризма* и т. п.

(2) *Самый правильный путь — это прекратить строить эти стены и выстраивать общее гуманитарное пространство, пространство безопасности и экономической свободы.* В данном контексте оценочная атрибутивная номинация *правильный путь* раскрывается с помощью идеологем, в том числе метафорических. Идеологема можно расположить на хронологической оси: традиционные (свобода), актуализированные (безопасность), современные (глобальность, единое пространство). Традиционные идеологемы входят в круг аксиологем, наряду с этическими, эстетическими и иными ценностями. Аксиологема и идеологема могут получать различные вербальные воплощения в тексте. Так, в контексте интервью словосочетание *государственный переворот* репрезентирует такую ценность, как закон, глагол *дискредитировать* — ценности закон и честность, словосочетание *политический диалог* — ценность равноправие, словосочетание *транзитные риски*, отглагольная номинация *урегулирование* — ценность безопасность и т. д.

(3) На грамматическом уровне наиболее ясный вектор формируется при использовании общеоценочных предикатов (*хвалить, ругать, одобрять, критиковать, упрекать, быть (не)довольным* и т. п.). Например: *Вы говорите — может быть, некоторые недовольны; Причём в такой ситуации, в таких условиях надо заниматься, как бы кто ни критиковал, но именно в ручном режиме надо работать.* Частнооценочные предикаты эксплицируют основания оценки, но субъект высказывания часто подразумевается, см.: *Если московские власти на каком-то этапе*

упустили эту часть работы, то это ошибка. Лексическая структура глагола *упустить* включает оценочную сему, позволяющую репрезентировать в высказывании нормативную оценку. Частнооценочные предикаты действуют в рамках высказывания так же, как оценочные атрибутивы и адъективы. Ср.: *Но мне кажется, я достаточно ясно сказал, что Центральный банк и Правительство в целом действуют адекватно сложившейся ситуации; С каким подъёмом, энтузиазмом мы это делали...; ...дешевле и надёжнее поставок из России нет и в ближайшей исторической перспективе не предвидится*. См. также: *травля в отношении людей, карательная операция, расти семимильными шагами* и т. д.

В речи президента используются традиционные приемы акцентуации оценочного потенциала слов: усиление до гиперболизации (*чрезвычайно важная вещь, одно из ярчайших событий этого года, общеинтерконтинентальный кризис*), категоризация (*абсолютно бесперспективный путь; И проект, безусловно, стал рентабельным. Безусловно!*), сопоставление (*Не украсть, не кого-то надуть, а именно поработать на рынке, создавая для себя благоприятную ситуацию*).

Отметим, что такие приемы в ряде случаев дают возможность не только акцентировать оценку, но и имплицитно оценивают говорящего. Например, усиленные частицы имплицитно формируют образ уверенного, сильного «человека говорящего», имеющего свою позицию. Эту же функцию часто выполняют сопоставительные высказывания (сопоставление по семантике оценки), см.: *Он, конечно, был оппозиционер к власти, но я считаю, что он был патриотом*.

Косвенность и имплицитность не исключают ясности оценки по двум причинам: во-первых, интерпретация определяется контекстом, во-вторых, медиа-политический текст отличается имплицитностью слабой степени, в-третьих, оценки такого характера, как правило, поддерживаются открытыми, эксплицитными. Пример косвенной оценки: *А что касается того, довольны мы Олимпиадой или нет? Конечно, довольны*. Объектом оценки является Олимпиада, для конкретизации знака оценки используется общеоценочный предикат. Однако легко восстанавливается оценочная цепочка: *мы довольны Олимпиадой — мы довольны тем, как мы провели Олимпиаду — мы довольны собой*. Оценка трансформируется в жанр самопохвалы.

Имплицитность слабой степени — это однозначно читаемые метафоры, перифразы иной природы, сравнения. Более того, стилистически маркированные — метафорические, интертекстуальные и др. — номинации придают оценке большую образность и эмоциональность, что определяет ее соответствие требованию убедительности. Рассмотрим яркие примеры из текста интервью.

(1) *Но что касается забюрокративания, могу вам сказать, здесь, наверное, есть коллеги из стран Европейского союза, — если вы их спросите про бюрократию в Брюсселе, они вам расскажут, как это делается. Наши бюрократы ещё отдыхают по сравнению с брюссельскими*. В этом фрагменте используются однокоренные оценочные номинации *забюрокративание, бюро-*

кратия, бюрократы. Фразаологизированное сравнение (*отдыхать по сравнению с...*) позволяет перенаправить вектор оценки с объекта «наши бюрократы» на объект «европейские бюрократы», одновременно усиливая пейоративное звучание текста.

(2) *Они решили, что они победители, что они теперь империя, а все остальные — вассалы, и нужно дожимать*. Предикативное сравнение с нулевой связкой актуализирует социальные стереотипы и ценность «равенство». Оценка прочитывается однозначно и конкретизируется глаголом с ассоциативной семой физического насилия (*дожимать*). В рамках приведенного предложения реализуются два оценочных вектора: самооценка («мы — империя») и оценка персонажа («они решили — они решили неправильно — они плохи»). Такие синтаксические единицы назовем **многовекторными**. Предикативные сравнительные конструкции занимают промежуточное положение между собственно сравнением и метафорой.

(3) *Вы сейчас сказали о том, что рухнула Берлинская стена, а сейчас мы видим то, что возводятся какие-то новые стены*. В данном примере используется стилистический прием игры с полисемией: *Берлинская стена* как реальный объект и *какие-то новые стены* как метафорическая номинация идеологических барьеров. Совмещение прямого и переносного наименований в сочетании с антонимией (*рухнула — возводятся*) позволяет сделать оценку ясной для адресата.

(4) *Не оставляют, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его (мишку) на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти*. В этом отрывке автор использует метафору, не называя объекта номинации. Идеологическая оценка действий субъекта (однозначная аналогия «Россия — медведь») усиливается сюжетной морально-этической (*посадить на цепь, вырвать зубы*).

Как мы отметили, иносказательность и стилистическая усложненность речи не противоречат требованию ясности, а, напротив, делают оценку более убедительной. Все стилистические фигуры используются как риторические механизмы воздействия. Например: *А отхалпать у Мексики Техас — это справедливо. А то, что мы на своей собственной земле хозяйствуем, это несправедливо, нужно раздать*. Данный оценочный контекст является многовекторным, так как оценка выносится одним субъектом — автором, но направлена на разные объекты — *они* и *мы*. Стилистический прием заключается в контекстуальной антонимии (*отхалпать — хозяйствовать на своей земле*) и оценочного парадокса («плохо» есть справедливо, «хорошо» есть несправедливо), которые формируют и заостряют идеологическую оппозицию.

В анализируемом интервью используются разнообразные стилистические приемы для усиления убедительности оценки: лексические повторы и деривационные ряды, контактные вопросы (нанизывание вопросов), дистантные повторы вопросов, «аксиологические бумеранги» и пр. Убедительность оценки создается с помощью самого жанра (интервью) и его формы (открытая пресс-конференция).

Итак, оценочный вектор задается посредством авторской точки зрения. Он включает одно и более оценочных высказываний, построенных с помощью различных языковых средств. Отрицательный оценочный вектор требует меньше вербальных усилий, положительная оценка требует аргументации, имитации аналитической объективности или опоры на стереотипы. Оценочный вектор входит в набор композиционных компонентов текста (роли/персонажи, сценарии, образы автора и адресата). Он является инструментальной категорией и служит для анализа текстовой категории оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : КомКнига, 2006. 280 с.

V. A. Maryanchik
Arkhangelsk, Russia

VALUE VECTOR AS AN INSTRUMENTAL CATEGORY AND A COMPONENT OF THE AXIOLOGICAL STRUCTURE OF THE TEXT

ABSTRACT. *The article describes the text category “value vector”. The value vector is a research instrument, necessary and relevant for the analysis of the text category of evaluation/evaluative nature. The value vector is the sum total of evaluative judgments and opinions of rational and/or emotional nature, expressed by a subject in the framework of a text about an object – event, fact, situation, phenomenon, person or his actions. The axiological structure of a media political text is diverse and includes the following components: (1) axiological image of the author (values, norms, ideals and stereotypes as part of the author’s axiological worldview); (2) axiological image of the addressee (values, norms, ideals and stereotypes as part of the addressee’s axiological worldview); (3) value marked scenario (stable succession of episodes and acts); (4) characters as possessors of values/anti-values (characters of political leaders or groups, regularly performing pejorative or ameliorative roles).*

The author studies the value vectors, functioning in media political texts, on the material of V. Putin’s press-conference. Vector evaluations are regarded as components of the axiological structure of the text. A classification of value vectors has been worked out and the realization of evaluation strategy with the help of value vectors has been described.

The article demonstrates that the value factor may consist of one or more evaluative utterances, including various evaluative lexico-stylistic, grammatical and composition means of expression. The value vector may be condensed and dispersed in the text, i.e. it is not rigidly fixed to a particular sentence-utterance or a complex syntactical unit, and is not a separate independent text unit.

In the press-conference under analysis, various stylistic means are used to enhance the convincing potential of evaluation: reiteration and derivation sequences, contact questions (a string of questions), distant re-questioning, “axiological boomerangs”, etc. The cogency of evaluation is achieved by the genre itself (interview) and its form (open press-conference).

KEY WORDS: *text categories, value vector, axiological structure of the text, political discourse; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Maryanchik Viktoria Anatolyevna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of the Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.*

LITERATURE

1. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. — М. : KomKniga, 2006. 280 s.

2. Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. М. : Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 768 s.

3. Ivin A. A. Aksiologiya. М. : VSh, 2006. 390 s.

4. Kon'kov V. I. Rechevaya struktura gazetnogo teksta: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. — SPb, 1996. 51 s.

2. Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. М. : Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 768 s.

3. Ivin A. A. Aksiologiya. М. : VSh, 2006. 390 s.

4. Kon'kov V. I. Rechevaya struktura gazetnogo teksta: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. — SPb, 1996. 51 s.

5. Papina A. F. Tekst: ego global'nye edinytsy i kategorii. — М. : URSS, 2002. 368 s.

6. Mar'yanchik V. A. Aksiologichnost' i otsenchnost' media-politicheskogo teksta. — М. : URSS, 2013. 272 s.

7. Stenogramma itogovoy press-konferentsii Prezidenta RF Vladimira Putina // Rossiyskaya gazeta. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/18/stenogramma-site.html> (дата обращения 22.12.2014).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА (к вопросу о методике описания)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу дискурсивных модификаций речевого жанра. Автор предлагает методику портретного описания данных модификации с учетом формата дискурса (обиходно-бытового, рекламного, эссеистического, политического), экстрадискурсивных факторов (внешних условий бытования жанра), собственно дискурсивных факторов (и прежде всего - дискурсивной стратегии), прагматических и собственно жанровых параметров. Во всех случаях речь идет о модифицированных жанровых инвариантах, которые либо принимают дискурсивно обусловленный облик в составе более сложных вторичных жанров (комплимент в составе бытового диалога, беседа; характеристика в тексте эссе), либо бытуют в виде самостоятельных жанровых форм (рекламный и политический слоганы).*

На материале каждого из четырех форматов дискурса в статье продемонстрирована методика анализа жанровой модификации, включающая исследование в контексте дискурса минимальной модели речевого жанра (тематического содержания, структуры, языкового воплощения) и минимальной прагматической рамки высказывания (коммуникативной цели, образа автора, образа адресата). Использование минимальной нежесткой модели для составления портрета дискурсивной жанровой модификации позволяет дополнить схему описания именно теми конститутивными характеристиками, которые релевантны для избранного типа дискурса.

В статье представлена и проиллюстрирована нежесткая схема анализа модификации речевого жанра, которая включает: краткое описание внедискурсивного инварианта речевого жанра (его словарные и иные определения); характеристику экстрадискурсивных факторов (тех внешних условий, которые в той или иной степени влияют на дискурсивные реализации); описание ведущей (или одной из ведущих) дискурсивной стратегии, соотносимой с исследуемым форматом дискурса; характеристику прагматической рамки высказывания; характеристику минимальной жанровой модели; дополнительные характеристики модификации речевого жанра; обобщение результатов в форме портрета жанровой модификации.

В целом автор статьи считает, что описание речевого жанра не должно быть ни случайным, ни излишне жестким. Преодолеть сказанное может учет дискурсивного и экстрадискурсивного контекста и большой корпус материала, в котором всегда проявляются как инвариантные, так и вариативные черты любой группы высказываний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *речевой жанр; политический, рекламный, эссеистический дискурс; экстрадискурсивные факторы; дискурсивные модификации; портрет жанра; прагматическая рамка; минимальная модель.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.*

В «Стилистическом энциклопедическом словаре» речевой жанр (РЖ) традиционно понимается как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний» (<http://stylistics.academic.ru/145/>). В настоящее время сформировалась достаточно распространенная традиция исследования речевых жанров с опорой на жанровую модель. В основе этой традиции лежит жанровая модель М. М. Бахтина, включающая три компонента: «тематическое содержание, стиль и композиционное построение» [Бахтин 1996:159]. Позднее появились и более сложные, многокомпонентные модели речевого жанра, самой известной из которых является модель, разработанная Т. В. Шмелевой: «Модель РЖ включает семь параметров, первое место среди которых отводим коммуникативной цели, дифференцирующей четыре типа РЖ, далее называем две пары симметричных признаков, соотносимых с автором и адресатом, предшествующим и последующим эпизодам общения, которые дифференцируют РЖ одного типа коммуникативной целью, параметр диктумного содержания вносит ограничения в отбор информации о мире и вносит дифференциации более частного характера, вплоть до реализации конкрет-

ных РЖ. Все эти шесть параметров относятся к реальностям действительности и общения, тогда как параметр языкового воплощения прямо выводит РЖ в пространство языка с его сложнейшей дифференциацией языковых средств по требованию речи» [Шмелева 1997: 97].

Для цели нашего исследования наиболее важными представляются следующие положения жанроведения, ставшие каноническими:

1.«В плане генезиса Р. ж. разделяются на первичные и вторичные. Первичные Р. Ж. складываются в условиях непосредственного общения, а вторичные — в условиях высокоразвитой культурной коммуникации... Первичные Р. ж. могут преобразовываться, усложняться, превращаться во вторичные» [«Стилистический энциклопедический словарь русского языка»].

2. «Различаются 1) тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда обязательными моделями...; 2) тексты, содержание которых строится по узальным моделям, т. е. моделям, носящим довольно общий характер...; 3) тексты нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы» [Там же].

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Руженцева Н. Б., 2015

Нам представляется важным определить свои позиции по ряду принципиальных для исследования вопросов.

1. Вопрос о соотношении дискурса и жанра. Вслед за В. И. Карасиком мы считаем жанр одним из структурирующих компонентов дискурса: «При анализе дискурса предлагается охарактеризовать его типовых участников, хронотоп, цели, ценности, стратегию, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [Карасик 2002:209]. Со своей стороны мы считаем, что жанр может испытывать сильнейшее влияние дискурса (дискурсивное давление), что обуславливает его приспособление к требованиям дискурса и, как следствие, возникновение дискурсивных модификаций.

2. Вопрос об инвариантном наборе, жесткой инвентаризации жанрообразующих признаков. Вслед за К. А. Долининым мы считаем, что «призывы некоторых исследователей установить полный список «существенных признаков жанра и их иерархическую организацию (*Земская 1988: 43*), осуществить полную типологизацию жанровых форм речи (*«Стилистика русского языка 1987: 43*) вряд ли реалистичны» [Долинин 1998: 42].

3. Вопрос о модели речевого жанра. Мы разделяем мнение Т. В. Шмелевой о возможности и необходимости создания ПОРТРЕТА ЖАНРА [Шмелева 1997: 96], однако не придерживаемся мнения о том, что любой речевой жанр может быть охарактеризован по той или иной инвариантной МОДЕЛИ (схеме описания). Дело в том, что инварианты РЖ представлены в разных форматах дискурса именно в виде дискурсивных модификаций, на которые жесткая схема не накладывается.

Тексты, которые «строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда обязательными информативными моделями (напр., кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша)» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка], с известной степенью допущения можно анализировать с опорой на ту или иную жанровую модель (схему с фиксированным набором компонентов). С известной степенью допущения — потому, что и эти РЖ бытуют в виде дискурсивных модификаций. Так, жанр инструкции применительно к бытовой технике — это одна дискурсивная модификация, а рекламное объявление в форме инструкции — другая, приобретающая черты рекламного дискурса. В отношении же узуальных и нерегламентированных РЖ целесообразнее говорить не о модели РЖ, а о его портрете (нежесткой схеме), так как давление дискурса на эти РЖ очень велико и детерминирует появление целого ряда дискурсивных модификаций РЖ, каждая из которых требует отдельного описания.

4. В качестве минимальной базы для создания портрета жанра мы использовали взятый из двух моделей (М. М. Бахтина и Т. В. Шмелевой) набор признаков, который представляется нам нежестким, однако релевантным для описания большинства жанровых форм. Это: тематическое содержание, композиция (структура), языковое воплощение, то есть МИНИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЖ, а также коммуникативная цель (интенция), образ автора и образ адресата, то есть мини-

мальная ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РАМКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Термин «прагматическая рамка» мы используем исходя из общего определения прагматики: «Прагматика — в широком смысле этого термина — охватывает весь комплекс явлений и обуславливающих их факторов, связанных со взаимодействием субъекта и адресата в разных ситуациях общения» [Платонова, Виноградов 1998: 253].

Готовые модели Р. ж. мы не использовали для создания портрета по следующим причинам. Бахтинская модель, при всех ее несомненных достоинствах, не отражает прагматической рамки, так или иначе репрезентируемой в большинстве жанровых реализаций. Кроме того, термин «стиль» в составе модели представляется нам дискуссионным, наводящим на мысль о стиле функциональном, хотя, конечно, понимание стиля у М. М. Бахтина гораздо шире и многограннее. Вместо термина «стиль» мы предпочитаем употреблять термин Т. В. Шмелевой «языковое воплощение» (термин «речевое воплощение» не используем во избежание тавтологичности).

В свою очередь, модель Т. В. Шмелевой включает те параметры, которые мы относим к прагматической рамке высказывания (образы автора и адресата, цель), а понятие «композиция»/ «структура» вполне вписывается в такой параметр РЖ, как языковое воплощение. Однако в модели Т. В. Шмелевой, при всех ее достоинствах, отсутствует (или очень имплицитно представлен) важнейший, на наш взгляд, конститутивный признак жанра — его тематическое содержание. В свою очередь, о таких конститутивных признаках, как оценка и образы прошлого и будущего, мы считаем возможным сказать следующее. Оценка присуща далеко не всем РЖ (например, многие жанры деловой речи содержат только фактуальную информацию, но не содержат информации концептуальной, с которой, в первую очередь, и связана оценочность высказывания). Одни РЖ (прогноз) требуют подробной характеристики по параметру «образ будущего», а другие (вспоминание) по параметру «образ прошлого».

Использование же минимальной нежесткой схемы для составления портрета представляется нам оптимальным потому, что она может быть дополнена конститутивными характеристиками, релевантными для данной дискурсивной модификации РЖ (параметрами субъектно-адресатных отношений, оценки, диктума именно в тех случаях, когда это требуется).

5. При дискурсивном исследовании РЖ мы отталкиваемся от того, что в словарных и иных определениях РЖ представлен внедискурсивный инвариант жанра, а его модификации обусловлены:

- экстрадискурсивными факторами (внешние условия бытования РЖ);
- собственно дискурсивными факторами, и прежде всего — ведущей или одной из ведущих стратегий того или иного формата дискурса;
- жанровыми параметрами.

Сказанное определяет предложенную нами нежесткую схему анализа РЖ, (методику), лежащую в основе его портрета:

1. Краткое описание внедискурсивного инварианта РЖ (словарные и иные определения РЖ).

2. Характеристика экстрадискурсивных факторов, то есть тех внешних условий, которые в той или иной степени влияют на дискурсивные реализации.

3. Описание ведущей, нескольких ведущих дискурсивной стратегии, соотносимой с исследуемым форматом дискурса.

4. Характеристика прагматической рамки высказывания (параметры автора, адресата и жанровой цели).

5. Характеристика минимальной модели, то есть набора собственно жанровых параметров: тематического содержания, структуры/композиции, языкового воплощения.

6. Дополнительные характеристики РЖ (параметры, релевантные для конкретной дискурсивной модификации).

7. Обобщение результатов в форме портрета дискурсивной модификации РЖ.

Материалом для исследования выбраны, во-первых, РЖ комплимента в бытийном дискурсе (обиходно-бытовая разновидность) и РЖ комплимента в рекламном дискурсе. Во-вторых, это РЖ характеристики в политическом дискурсе и РЖ характеристики в дискурсе эссеистики. Во всех случаях речь пойдет о модифицированных жанровых инвариантах, которые либо принимают дискурсивно обусловленный облик в составе более сложных вторичных жанров (бытовой диалог/светская беседа, рекламный и политический слоганы, текст эссе), либо бытуют в виде самостоятельных, дискурсивно обусловленных модификаций первичных жанров (рекламный и политический слоганы).

КОМПЛИМЕНТ КАК РЖ (общее представление)

Комплимент — это «лестное для кого-л. замечание, любезный отзыв» [Словарь русского языка в 4-х т.].

Комплимент — «лестное замечание в адрес кого-л., похвала» (Словарь иностранных слов 1988). В скобках заметим, что привести весь репертуар определений комплимента, накопленный современным речеведением, нам не позволяет ограниченный объем статьи.

Словарные дефиниции РЖ представляют собой ВНЕДИСКУРСИВНЫЙ ИНВАРИАНТ РЕЧЕВОГО ЖАНРА, его сжатую модель.

Применительно к комплименту в словарных дефинициях представлены тема, форма (языковое воплощение), цель и адресность комплимента. ТЕМАТИЧЕСКИМ СОДЕРЖАНИЕМ любого комплимента является позитивно-оценочное высказывание о лице, ФОРМОЙ — краткое замечание, прямо или опосредованно обращенное к лицу, АДРЕСАТОМ — недифференцированное лицо, ЦЕЛЮЮ — «игра на повышение» по отношению к собеседнику.

На наш взгляд, этого внедискурсивного инварианта вполне достаточно, чтобы идентифицировать РЖ комплимента в любом формате дискурса. Часто бывает достаточным уловить в потоке речи позитивно-оценочное высказывание, прямо или косвенно обращенное к лицу, чтобы идентифицировать его как комплиментарное. В свою оче-

редь, первичная форма комплимента легко «считывается» во вторичной, ср., отсылки к первичной форме комплимента в рекламном дискурсе:

1. *Ты конфетка* (бытийный дискурс)

- *Конфеты МакКенди*

Просто конфетка! (рекламный дискурс)

2. *За тобой как за каменной стеной* (бытийный дискурс)

- *Страховая группа «Спасские ворота»*

Спасские ворота. Как за каменной стеной (рекламный дискурс)

РЖ КОМПЛИМЕНТА В БЫТИЙНОМ ДИСКУРСЕ

ЭКСТРАДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ, влияющие на портрет РЖ комплимента, связаны прежде всего с национальной российской спецификой ориентации на собеседника. Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин в рамках параметризованной коммуникативной модели, в сравнении с западным коммуникативным стандартом, предлагают следующую трактовку параметра «ориентация на собеседника». У россиян:

- Ориентация на сохранение лица собеседника — отсутствует.

- Настойчивость в получении информации — заметная.

- КОМПЛИМЕНТАРНОСТЬ ОБЩЕНИЯ — НИЗКАЯ.

- Коммуникативный эгоцентризм — заметный.

- Стремление к постоянству круга общения — высокое.

- Отношение к групповому общению — предпочтительность.

- Предпочитаемый размер группы общения — малый и средний [Прохоров, Стернин 2007: 241].

Экстрадискурсивный фактор национальной специфики русского комплимента влияет в первую очередь на такие параметры портрета РЖ, как образ автора и образ адресата, ср.: «В русской коммуникативной культуре комплименту отводится незначительное место. Compliments используются в основном в среде высокообразованных людей и то не очень часто; считается также, что сфера комплиментов — это преимущественно сфера общения мужчин с женщинами и говорить комплименты — преимущественно мужское дело» [Там же: 224]. Следовательно, образы автора и адресата при создании портрета РЖ комплимента соотносимы с уровнем образования и гендерным фактором. Образ адресата комплимента можно рассматривать и в связи с традициями русской коммуникативной культуры, ср.: «Комплименты в русской коммуникативной культуре многими рассматриваются как проявление неискренности, как неискренняя похвала, в силу чего они как бы оказываются чуждыми русской коммуникативной культуре» [Там же].

К экстрадискурсивным факторам может относиться и национальная специфика тематики комплимента, ср. японский комплимент «КРАСИВО УМЕЕР» в пародийном представлении Б. Акунина:

— *Это какой-нибудь поэт? — поинтересовался Фандорин.*

— *Никак нет. Это великий герой фельд-маршал Сайго Такамори, — благоговейно ответил Сирота.*

— *Тот самый, что взбунтовался против правительства и покончил с собой? — удивился Эраст Петрович. — Разве он не считается государственным преступником?*

— *СЧИТАЕТСЯ. НО ОН ВСЕ РАВНО ВЕЛИКИЙ ГЕРОЙ. ФЕЛЬДМАРШАЛ САЙГО БЫЛ ИСКРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК. И УМЕР КРАСИВО...*

— *А почему у вас тут Пушкин?*

— *Великий русский поэт, — объяснил Сирота и, подумав, прибавил. — ТОЖЕ ИСКРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК. КРАСИВО УМЕР* (Б. Акунин «Алмазная колесница»).

Без учета национальной специфики и ряда иных экстрадискурсивных факторов портрет РЖ комплимента выйдет, как мы считаем, неполным и поверхностным.

ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

В бытийном дискурсе комплимент крайне редко употребляется изолированно — он входит как составная часть в разные типы диалогов (обиходно-бытовых, светских и др.) и является одной из ТАКТИК для реализации дискурсивной СТРАТЕГИИ поддержания коммуникативного контакта, которая, в свою очередь, является частной разновидностью стратегии вежливости. Как же дискурсивный стратегически-тактический фактор влияет на конкретное наполнение прагматической рамки и минимальной модели РЖ комплимента? Попытаемся ответить на этот вопрос, используя иллюстративный материал из статьи Р. В. Серебряковой [Серебрякова 2003: 133—148].

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РАМКА

Коммуникативная ЦЕЛЬ комплимента бытийном дискурсе напрямую вытекает из важнейшего императива вежливости. Ее можно охарактеризовать как «акцентирование позитива в общении» [Стернин 2003: 40].

Образ АВТОРА комплимента, в свою очередь, вытекает из коммуникативной цели — это человек, которому присущ «коммуникативный оптимизм» — «настроение, которое ориентирует всех участников общения на возможность положительного разрешения всех обсуждаемых проблем, преодоление жизненных трудностей, возможность завершить общение с хорошим настроением» [Там же].

АДРЕСАТ комплимента репрезентирован в его структуре номинацией субъекта — это, как правило, ближайшее лицо, с которым автор комплимента хочет поддержать (а в некоторых случаях — и установить) контакт: *Какая ВЫ обаятельная! / С ТОБОЙ приятно беседовать!* Возможны комплименты без номинации субъекта, который, однако, легко восстанавливается из ситуативного контекста: *Какая прелестная ручка! / Богатырь мой!*

Еще раз подчеркнем, что образ автора и адресата комплимента целесообразно анализировать с учетом специфики российского коммуникативного поведения под углом гендерного, социального и ментального факторов.

МИНИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

ТЕМАТИЧЕСКИМ СОДЕРЖАНИЕМ комплимента являются конкретный человек, оцениваемый в целом (*Вы так прекрасны!*), его конкретные физические и умственные качества (*Какой ты сильный! / Вы умная женщина*) и то, что с ним непосредственно связано (*У вас прелестный дом!*). Общая тема комплимента детерминирует и типологию комплиментов. Р. В. Серебрякова выделяет наиболее частотные для российского бытийного дискурса виды комплиментов — это комплименты по поводу: внешнего вида человека в целом; красоты отдельных элементов внешности, частей тела; возраста; умственных, интеллектуальных способностей собеседника; внутренних, моральных качества человека; способностей и профессионализма человека; физических характеристик человека; одежды и украшений; места жительства, жилища, домашней обстановки, а также общеоценочные комплименты и комплименты имени» [Серебрякова 2003: 139—147]. Данную типологию можно дифференцировать и далее. Так, комплименты умственным, интеллектуальным способностям собеседника подразделяются на комплименты уму, образованности, остроумию, проницательности и т. д. [Там же].

СТРУКТУРА комплимента включает чаще всего два обязательных компонента: номинацию лица, которому адресован комплимент, атрибуцию лица или того, что с данным лицом связано: *У вас прекрасный цвет лица! / А вы смелая / Какое колечко симпатичное!* Структурная организация комплимента чаще всего прямая (*Вы/ты являетесь таким-то*). Но возможны и комплименты сопоставительно-выделительного характера (лицо, которому делается комплимент, сопоставляется с иными лицами): *По монолитности характера вы нашему брату сто очков форы дадите / А вы одна из очень немногих женщин с остромым вкусом!*

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ комплимента а) чаще эксплицитно (адресант прямо указывает на то, что он имеет в виду, «играя на повышение»); б) чаще репрезентирует позитивную оценку, высокое качество, присущее человеку или тому, что с ним связано: *Вы прямо на все руки мастер / Ваше платье лучше всяких модных и дорогих платьев... Оно идет вам.* В связи с этим следует отметить, что имеются также комплименты-импликатуры, комплименты, которые репрезентируют негативную оценку при соблюдении комплиментарной формы высказывания (поношение под видом одобрения), а также комплименты, в которых позитивная оценка снижается контекстом, ср.: *КОРОЛЬ: Честное слово, мне здесь очень нравится! Весь дом устроен так славно, с такой любовью, что взял бы и отнял!* (Д. Шварц).

Таким образом, дискурсивная стратегия поддержания коммуникативного контакта детерминирует дискурсивный портрет РЖ комплимента. В бытийном дискурсе комплимент — это тематически ограниченное сферой человека эксплицитное высказывание лица, придерживающегося принципов коммуникативного оптимизма, обращенное к конкретному человеку или его непо-

средственному окружению, включающее номинацию субъекта и его позитивно-оценочную атрибуцию, а в целом — актуализирующее позитив в общении и установку на длительный контакт.

Кроме сказанного выше, портрет РЖ комплимента может быть дополнен конститутивным параметром субъектно-адресатных отношений: «Русские коммуниканты, если и говорят комплименты, то используют чаще всего стандартные формы (в основном — «*вы прекрасно выглядите*»), а «объекты комплиментов» испытывают трудности в реагировании на сказанный в их адрес комплимент — в русском языке, кроме стандартной благодарности СПАСИБО, нет речевых формул, которые позволили бы вежливо принять комплимент» [Прохоров. Стернин 2007: 224]. Портрет комплимента может быть дополнен и параметром диктума (событийного содержания). Это относится прежде всего к комплиментам с ироническим подтекстом (осуждение под видом комплимента), ср. у Б. Акунина комплимент консула Доронины часам, которые Фандорин привез в Японию:

Вещей у фон-барона было столько, что понадобился чуть ли не десяток носильщиков: чемоданы, коробки, связки книг, огромный трехколесный велосипед и даже САЖЕННОГО РОСТА ЧАСЫ В ВИДЕ ЛОНДОНСКОГО БИГ-БЕНА.

— *КРАСИВАЯ ВЕЩЬ. И УДОБНАЯ. Правда, я предпочитаю карманные, — не удержался от сардонической реплики консул* (Б. Акунин «Алмазная колесница»).

Итак, мы имеем возможность составить портрет дискурсивной модификации РЖ с опорой: на внедискурсивный инвариант РЖ, на экстрадискурсивные факторы, на дискурсивную стратегию, на компоненты модели, на минимальную прагматическую рамку. Обратимся к портрету РЖ комплимента в рекламном дискурсе.

РЖ КОМПЛИМЕНТА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Традиционно под рекламой понимается «специфическая область социальных массовых коммуникаций между рекламодателями и различными аудиториями рекламных обращений с целью активного воздействия на эти аудитории, которое должно способствовать решению определенных маркетинговых задач рекламодателя» [Ромат 2003:8]. Во всех определениях рекламы подчеркивается ее воздействующий характер, поэтому, не вдаваясь в анализ корпуса дефиниций, возьмем в качестве точки отсчета понимание рекламы как «прагматически ориентированного текста, в котором все средства направлены на то, чтобы привлечь адресата на свою сторону, побудить его совершить покупку» [Тельминов 2013: 13]. Как следствие, основная СТРАТЕГИЯ рекламного дискурса — это стратегия завоевания потребителя, которая относится к числу прагматических стратегий. К частным стратегиям рекламного дискурса относится стратегия вежливости, с которой, в свою очередь, соотносима этикетная тактика комплимента [Там же].

К ЭКСТРАДИСКУРСИВНЫМ ФАКТОРАМ можно отнести всю маркетинговую составляющую рекламы, связанную с маркетинговыми це-

лями, предметом рекламной коммуникации, используемым средствам передачи рекламного сообщения, общими задачами рекламной кампании, отведенным заказчиком бюджетом, правовыми и этическими ограничениями и др. Экстрадискурсивные факторы оказывают влияние, в первую очередь, на прагматическую рамку РЖ.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РАМКА

Образ АВТОРА любого рекламного слогана неразрывно связан с деятельностью реального автора — анонимного копирайтера / группы копирайтеров, ср.: «Отправитель (адресант, коммуникатор, источник коммуникации) — сторона, от имени которой посылается рекламное обращение к адресату» [Ромат 2003: 9]. Вслед за Ю. К. Пироговой мы считаем, что «дискурсы различаются количеством и силой факторов, ограничивающих свободу коммуникативных намерений адресанта» [Пирогова 2011: 213]. К подобным «ограничительным» дискурсам относится и рекламный. Автор находится под сильнейшим давлением таких факторов, как техническое задание, общая характеристика товара или услуги, маркетинговая информация, состояние рыночной конкурентной среды, требования рекламного законодательства и др. Эти и другие экстрадискурсивные причины препятствуют репрезентации в слогане «той информации о нем как об участнике общения, которая „заложена“ в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева 1997: 93]. Как следствие, в любой форме рекламных обращений, в том числе в слоганах-комплиментах, мы наблюдаем полное непроявление лица говорящего.

То же самое (экстрадискурсивные препятствия, в частности — требования заказчика) детерминируют доминирование побудительной (императивной) ЦЕЛИ (интенции) любого рекламного слогана. Для товарной рекламы эту общую цель можно сформулировать так: «Купите этот прекрасный товар». Отметим, однако, что, кроме передачи основной интенции, рекламный слоган выполняет еще две инвариантные для любого типа слоганов функции: «Основными функциями слогана как инварианта текста мы можем назвать аттрактивность и информативность». Под аттрактивностью мы понимаем способность привлечения внимания к меморизации PR-информации» [Кривоносов 2002: 258].

На образ АДРЕСАТА рекламного слогана влияет целая группа экстрадискурсивных факторов — социальных, психологических, маркетинговых и др.: «При разработке сообщения адресант должен учитывать условия коммуникативного контакта с адресатами и особенности обработки ими маркетинговых сообщений... стремление избежать воздействия маркетинговых сообщений, кратковременность контакта, фрагментарное восприятие сообщений и недоверие к источнику информации» [Пирогова 2011: 218]. В свою очередь, конкурентная рыночная среда детерминирует тот факт, что уже достаточно давно реклама начала ориентироваться на целевую аудиторию, дифференцированную по полу, возрасту, профессиональным интересам, уровню доходов и

ряду иных демографических и социальных оснований: «Получателями (адресатами) в рекламной коммуникации являются те конкретные люди, та целевая аудитория, которым изначально была предназначена реклама» [Ромат 2003: 12]. Из сказанного следует, что образы автора, адресата, как и цель рекламного комплимента, во многом лежат за пределами филологического описания, а ограниченный объем статьи не позволяет нам дать их характеристику с учетом экстрадискурсивных факторов. Скажем только, что прагматическая рамка рекламного комплимента может быть охарактеризована лишь с широким привлечением понятийного аппарата нелингвистических дисциплин (маркетинга, психологии восприятия, социологии и др.).

Попытаемся охарактеризовать рекламную модификацию РЖ комплимента на материале рекламных слоганов из коллекции Э. Слободянюк [Слободянюк 2008].

МИНИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЖ КОМПЛИМЕНТА

ТЕМОЙ рекламного комплимента является прежде всего товар. Compliments to the goods:

- *Peugeot 206*

Притягивает взгляды (ср. в бытийном дискурсе: *Вы притягиваете все взгляды*)

- *Volvo S40*

Жемчужина эVOLVOлюции

- *Внедорожник Jumpy Suzuki*

Легкий на подъем (ср. в бытийном дискурсе: *Вы так легки на подъем*)

- *Монитор компьютера LG*

Он ласкает глаз

- *Пылесос Samsung*

Гений чистоты

Комплимент человеку в рекламных слоганах всегда неотделим от комплимента товару, ср. номинацию в слоганах и товара, и человека:

- *Декоративная косметика Maybelline NY*

Все в восторге от тебя, а ты от Maybelline

- *Косметика L'Oréal*

Ведь вы этого достойны

- *Консалтинговая компания BLM-Consort*

Лучшие люди для лучших компаний

В рекламных комплиментах позитивные качества личности прямо или косвенно переносятся на товар, и наоборот:

- *Стиральный порошок «Лоск»*

Хорошие хозяйки любят лоск

- *Косметика Green Mata*

Green Mata — для самых нежных и чувствительных

- *Магазины шуб и дубленок «Бизон», Екатеринбург*

Нежность ее кожи

- *Леденцы Dirol Drops*

Красивые зубы без ума от Dirol Drops

- *Приправа «Аппетитница» от Gallina*

Blanca

Аппетитница Gallina Blanca. Ты умеешь готовить

- *Чай для похудения «Канкура»*

«Канкура». Ваша стройная фигура

Сказанное определяет возможность типологизации комплиментов в рекламном дискурсе: это

комплименты однонаправленные (товару) и двунаправленные (товару и человеку), это типы трансформаций бытийных комплиментов в рекламном дискурсе. Возможно также исследование специфики комплимента в разных сферах рекламы и иные направления анализа, что в конечном счете даст сведения, релевантные для полного описания этой дискурсивной модификации.

СТРУКТУРА комплимента чаще всего прямая, включающая два обязательных компонента — это номинация товара/услуг и его/их атрибутивные характеристики (лестные оценки, похвала):

- *Банк BSGV — Сосьете Женераль Восток*

BSGV. Банк, с которым легко общаться (ср., в бытийном дискурсе: *С вами так легко общаться!*)

- *Масло «Злато»*

Масло «Злато» — на чудеса богато

Однако возможны и сопоставительные высказывания, подчеркивающие достоинства товара в сравнении его с другими товарами, предметами и даже людьми:

- *Аккумуляторы «Титан».*

Аккумуляторы Титан. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ — батарейки

- *Стиральный порошок Persil color (Henkel)*

Краски ярче лета

- *Детская косметика «Принцесса»*

Принцесса. Как у мамы, только лучше

- *Масло Johnson's baby*

У него твои глаза — у тебя — его кожа

- *Ликер Baileys*

Baileys. Нежнее только ты

- *Бытовая техника Miele*

Miele — все остальное компромисс

- *Пиво «Тинькофф»*

Тинькофф. Он такой один

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ комплимента в рекламном дискурсе с необходимостью предполагает позитивную оценку товара. Акцент часто делается на уникальности товара, отсюда использование окказиональных форм высказываний, латинской графики и иных креативных средств:

- *Средство для мытья посуды Fairy*

Лимоннее лимонов

- *Краски Parad*

Профессионалы выбирают PARADный ремонт

В целом комплиментарные формы высказываний в рекламном дискурсе гораздо более разнообразны, чем в бытийном:

- *Блеск для губ Lumene*

Ваши губы говорят о многом

- *Интимное мыло «Красная Линия»*

Нежнее нежного

- *Колготки и чулки Bellissima*

Колготки Bellissima. Bravo! Брависсимо

- *Страховая группа «Капиталь»*

Вашему юридическому лицу так идет выражение уверенности (реклама страховых услуг для юридических лиц)

Интересны рекламные комплименты «к возрасту»:

- *Крем для коррекции морщин Dior ДИОР*

Ваш триумф над временем (ср. в бытийном дискурсе: *Вы выглядите значительно моложе*)

- *Питьевая вода BonAqua*

Отражение твоей молодости (ср. в бытийном дискурсе: *Вы так молодо выглядите!*)

- Часы Carl F. Bucherer

Для тех, над кем не властно время (ср. в бытийном дискурсе: *А ты нисколько не изменился. Все тот же!*).

Заметим, что в рекламном дискурсе возможны комплименты тому, чему в бытийном дискурсе их делать не принято. Например, не принято хвалить зубы и уши человека, однако прагматическая стратегия рекламного дискурса эту коммуникативную традицию игнорирует:

- Зубная щетка с массажным эффектом Colgate Massager

Ваши зубы и десна в отличной форме

В качестве дополнительных характеристик рекламного комплимента релевантен прежде всего такой параметр, как образ будущего, соотносимый с теми благами и теми позитивными изменениями личности, которые сулит приобретение товара. Так, рекламный слоган *Стильные мира сего* нацелен на создание ощущения, что в результате приобретения одежды определенной марки адресат переходит в категорию *сильных мира сего*. Есть ряд рекламных сфер (одежда, обувь, украшения, автомобили, косметика и др.), применительно к которым комплименты делаются на будущее в виде прогностических высказываний (прогностическое высказывание содержит конструкт будущего и эксплицитно или имплицитно обращено к моменту, следующему ЗА моментом речи):

- Молодежная одежда Mexx
Париж подождет!
- Обувь T.J. Collection
Весь мир у Ваших ног
- Ноутбуки Irbis Mobile
Покажите миру, что Вы по-настоящему мобильны
- Ресторан «Золотой», Кутузовский проспект, Москва

Почувствуйте себя бриллиантом в золотой оправе

Дополнительным параметром портрета РЖ комплимента могут стать и субъектно-адресатные отношения. Этому способствуют множественные средства диалогизации общения в рекламном дискурсе, так называемые ай-стопперы (средства привлечения внимания) и другие средства уменьшения дистанции между автором и адресатом.

Таким образом, портрет РЖ комплимента в его рекламной модификации обусловлен прагматическими задачами рекламы. Он состоит из двух частей: а) описания прагматической рамки (параметры автора, адресата, цели), которое в очень большой степени требует внелингвистических методов исследования, так как указанные параметры испытывают сильнейшее экстрадискурсивное давление; б) описания минимальной модели.

Относительно последней мы можем сказать, что тематическим содержанием рекламного комплимента является эксплицитное или эксплицитно-имплицитное лестное высказывание о товаре или товаре и человеке; в основе структурной организации могут лежать: а) два компонента (номинация товара и его атрибуция); б) три или четыре компонента (номинация товара + номинация

человека + атрибуция товара/атрибуция человека, ср.: *Радио «Эхо Москвы»: Свободное радио — для свободных людей*); языковое представление рекламного комплимента всегда выражает позитивную оценку, а формы комплиментов отличаются гораздо большим разнообразием и степенью окказиональности, чем в бытийном дискурсе.

Перейдем к сопоставительной характеристике двух дискурсивных вариантов РЖ характеристики.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАК РЖ (общее представление)

ВНЕДИСКУРСИВНЫЙ ИНВАРИАНТ РЖ характеристики представлен в словарных дефинициях.

Характеристика — «описание характерных, отличительных качеств, свойств, достоинств кого-чего-н.» [Словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова, 2007].

Характеристика — «описание характерных, отличительных свойств, черт кого-, чего-л.» [Словарь русского языка в 4-х т.].

Из словарных определений следует, что внедискурсивной инвариантной ТЕМОЙ РЖ характеристики являются качества, свойства, черты, достоинства человека/предмета. СТРУКТУРА (форма) РЖ характеристики — это описание, и в первую очередь — атрибуция. ЦЕЛЬ характеристики — не просто представить качества, свойства, черты, достоинства кого-л./ чего-л., а выделить данного человека/предмет из массы людей/предметов, индивидуализировать его черты, свойства, качества, достоинства, подчеркнуть, что они характерны именно для данного человека/предмета, отличают его от других людей/предметов.

Проследим, как внедискурсивный инвариант характеристики реализуется в двух форматах дискурса — эссеистическом и политическом.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАК РЖ В ДИСКУРСЕ ЭССЕИСТИКИ

В качестве источника материала нами выбран сборник литературно-критических эссе П. Вайля «Стихи про меня» (М.: Колибри, 2007). Выбор источника материала для исследования характеристик обусловлен тем, что эссе в любом его варианте — это самый сложный вторичный жанр: «Литературно-критическое эссе можно квалифицировать а) как текст письменный, неспонтанный, монологический; б) как первично-вторичный текст (оригинальное произведение с широким использованием элементов пересказа); в) как выраженный прерывно-фабульный текст, развитие тематических линий которого прерывается большим количеством фоновых сведений, комментариев, авторских отступлений; г) как текст, обращенный к адресату, реализующий прежде всего интенцию убеждающего типа; д) как текст по речевой организации комплексный, полистилевой, интегрирующий повествование, описание, рассуждение, включающий разные жанровые подсистемы» [Руженцева 2001б: 11].

Жанровые подсистемы в эссе объединяются в рамках мозаичной композиции: текстовая ткань

эссе включает элементы биографий, комментариев, пересказов, мемуаров, характеристик и иных более простых РЖ. Однако это именно текстовые компоненты эссе, но не полноструктурные тексты. Жанр характеристики, как и остальные жанровые формы, представлен в эссе в сжатом варианте — это достаточно короткое, личностно окрашенное высказывание, а не развернутый текст, как, например, служебная характеристика, структурируемая по заданной схеме в рамках официально-делового стиля. Мы считаем некорректным сопоставление эссеистической характеристики (высказывания) с характеристикой, представляющей собой развернутый текст, однако сопоставить короткое эссеистическое высказывание-характеристику с другим высказыванием (политическим слоганом-характеристикой) мы считаем возможным.

ЭКСТРАДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ, оказывающие влияние на жанр эссе и его текстовые компоненты, достаточно слабы, так как любое эссе, в том числе и литературно-критическое, — это максимально свободная аморфная, не скованная жанровыми канонами форма. Эссе трактуется о предмете «в той мере, в какой он произвел впечатление на автора» [Эпштейн 1988: 135].

Главная **СТРАТЕГИЯ** эссеистического дискурса — это стратегия убеждающего типа (частными стратегиями могут считаться информационная, диалогическая и др.). Однако, несмотря на использование в эссеистическом дискурсе ряда частных стратегий, основная цель эссеиста, реализуемая и в целом тексте, и в каждом из его компонентов, — убедить адресата в правомерности своей точки зрения на предмет эссе, сделать эту точку зрения его достоянием. Каким же образом данная стратегия влияет на портрет РЖ характеристики в эссеистическом дискурсе?

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РАМКА

АВТОР литературно-критического эссе предстает в двух ипостасях. С одной стороны, это биографический автор (в данном случае — П. Вайль), а с другой — «растворенный» в тексте образ автора, «вписанный» в вертикальный контекст культуры. Это знаток художественных и нехудожественных текстов, критики, литературоведения, мемуаристики, газетно-журнального и эпистолярного дискурса и т. д. Сказанное является постоянной характеристикой автора и отражается в тех характеристиках поэтов, которые он дает, ср.:

- *Анненский был человек глубокой традиции и тонкого вкуса, да еще и преподаватель, директор Царскосельской гимназии, входил в ученый совет министерства просвещения.*

- *Как осмелился на такие проклятья такой своей стране Волошин, эстет-галломан, акварельный пейзажист, сочинитель мифической поэтессы Черубины де Габриак, слегка теоретический и снобистски практический буддист, антропософ и платоник, пугавший коктейльских жителей венком на рыжих кудрях и тогой на восьмипудовом теле?*

У автора-эссеиста есть и переменные характеристики, связанные с типом речевого мышле-

ния (онтологичность мышления, ассоциативность мышления, чувственно-образный или интуитивистский тип мышления и др.), однако объем статьи не позволяет нам подробно остановиться на них [см. подробнее: Руженцева 2001а].

По параметру автора можно выделить следующие типы характеристик:

- **авторские:**

- *Он (А. Цветков. — Н. Р.) любит щегольнуть образованностью, внезапной и красочной.*

- *О С. Довлатове: Как в каждом настоящем алкоголике, в нем жил подсознательный самоубийственный импульс — вероятно, это и притягивало.*

- **чужие:**

- *В интеллигентской общественной мифологии довольно устойчиво противопоставляются «диссидент» Мандельштам и «конформист» Пастернак.*

- *«Он был существом, обменявшим корни на крылья», — сказал Степун о Белом.*

- *«Всю свою жизнь Эфрон отлучался врожденным отсутствием чувства морали». Это из анонимной статьи в парижской газете «Возрождение». Дальше там и «отвратительное, темное насекомое», и «злбный заморыш».*

- **чужие характеристики с авторскими комментариями:**

- *В эмигрантских кругах Эфрона после побега единодушно называли одним из убийц Рейса. Как всегда в таких случаях отбрасывая безупречную до сих пор репутацию человека, прошедшего с добровольческой армией Ледяной поход от Дона до Кубани, находились свидетельства и свидетели его порочной сущности.*

- **самохарактеристики поэта, репрезентированные в его стихах:**

- *Только о себе: «Быть нежной, бешеной и шумной, — / Так жаждать жить! — / Очаровательной и умной, — / Прелестной быть» (М. Цветаева).*

- *О себе (Е. Рейне. — Н. Р.) — безжалостно и старомодно: «ненасытный погубитель».*

АДРЕСАТ литературно-критического эссе — это «человек с высоким уровнем эрудиции, в том числе эрудиции филологической, с достаточной широтой и глубиной лексического и культурологического тезаурусов, так как только такой человек может выбрать из запасников своего культурного опыта те знания и способности, которые обеспечивают адекватное интенции автора восприятие текста» [Руженцева 2001б: 24]. Обратим внимание на то, каким широким должен быть культурологический тезаурус адресата эссе, чтобы интерпретировать смысл характеристики М. Цветаевой!

- *Как отчаянно отважна была Цветаева.*

- *Через всю ее жизнь ориентирами проходят рыцари: Наполеон, лейтенант Шмидт, герой Американской революции герцог Лозен, ростановский Орленок, Тучков 4-й, Андрей Шенья, Кавалер де Грие, Жанна д'Арк, офицеры Добровольческой армии, св. Георгий, «драгуны, декабристы и версальцы». И один на протяжении трех десятилетий — муж Сергей Эфрон.*

ЦЕЛЬ литературно-критического эссе двойная — это а) трансляция нестандартного, нетра-

диционного мнения о литературе и ее создателях, писателях и поэтах; б) убеждение читателя в правомерности, правильности транслируемой точки зрения. Данная цель предполагает наличие в эссе двух типов характеризующих высказываний — аргументированных и неаргументированных; доказательство же часто заменяется убеждением читателя посредством повышенной степени оценочности характеристик.

Неаргументированная характеристика:

- Он (Блок) был все заносивший в записную книжку патологический аккуратист и педант.

Аргументированная характеристика (ссылка на источник):

- Лосевскую образованность и литературность отмечают все. Валентина Полухина: «Интертекстуальное поле поэзии Лосева столь объемно и компактно, что на ста страницах умещается вся русская поэзия от «Слова о полку Игореве» до Бродского».

Оценочная характеристика:

«Невольник чести» — о ней (Цветаевой. — Н. Р.).

МИНИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

ТЕМОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ в литературно-критическом эссе является личность поэта (писателя) во всем многообразии ее проявлений. Тема предполагает использование в эссе весьма свободного, индивидуально-авторского конструктора качеств. Это типовые и индивидуальные черты личности, эмоциональная сфера, профессиональные и эстетические пристрастия, уровень образования и культуры:

- В 30-е Ходасевич уже не смог бы, как в 16-м, назвать Мандельштама «петроградским снобом».

- В своей способности к восторгу и превеличениям она (Цветаева. — Н. Р.) создавала воображаемые образы и чувства нереальных размеров и огромной силы.

- Анненский даже изоцрненных деятелей Серебряного века удивлял эстетством, которое у него было внутренним, личным, греческим.

Атрибуции личности в эссеистических характеристиках могут быть абсолютно неожиданными, окказиональными:

- Лосев — взрослый. Бог знает, о ком из русских поэтов — взятых во всей их полноте — можно сказать такое.

Жанровой спецификой эссе как свободной формы обусловлена и типология характеристик: визуально-портретных, личностных, профессиональных; ср. визуально-портретную характеристику:

- О Маяковском времен „Порта“ вспоминает Ходасевич: „Огромный юноша, лет девятнадцати, в дырявых штиблетах, в люстриновой черной рубахе, раскрытой почти до пояса, с лошадиными челюстями и голодными глазами, в которых попеременно играли то крайняя робость, то злобная дерзость... На женщин он смотрел с дикой жадностью“.

- Мужское отмечают в облике Цветаевой многие — плечи, рукопожатие, пластику.

Как правило, характеристики носят синкретичный характер — визуальные атрибуты переплетаются с атрибутами личностно-профессиональными:

- Мемуары полны упоминаний о бухгалтерской внешности литературного революционера (Н. Заболоцкого. — Н. Р.). «Какая сила подлинно поэтического безумия в этом человеке, как будто умышленно розовом, белокуром и почти неестественно чистеньком. У него гладкое, немного туповатое лицо».

СТРУКТУРА ХАРАКТЕРИСТИКИ нежесткая, свободная. Она включает два обязательных элемента: номинацию субъекта и его атрибуцию (описание), которые представлены во множестве вариантов высказываний, часто сочетающих авторскую и чужую речь:

- В Довлатове литература заполняла почти все, а то немногое, что оставалось, принадлежало джазу (авторская речь).

- Слабый человек — вот ответ: характер всегда важнее убеждений. Очень тонко замечает Константин Родзевич, приятель Эфрона и любовник Цветаевой: «Он в ее жизнь не вмешивался, отчасти из доблести, отчасти по слабости». Афористическая характеристика, примиряющая противоречия в образе Сергея Эфрона: сочетание доблести и слабости (авторская и чужая речь).

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ связано с основной интенцией автора эссе — транслировать читателю нестандартную точку зрения, убедить читателя в ее правомерности, побудить принять ее.

Для реализации этой цели эссеист использует в характеристиках множество воздействующих приемов, например, ярлыки, перифразы, метафоры, броские сравнения, прецедентные феномены, иронический и иные виды пафоса:

- Безусловная честность и простодушное бесстрашие ВОЛОШИНА, прошедшего через Гражданскую войну, позволяли ему молиться за тех и за других. Позиция чрезвычайно привлекательная, но человеку обычному, лишенному качеств ИСТИННОГО ПОДВИЖНИКА, недоступная.

- МАНДЕЛЬШТАМ был ОБЫЧНЫЙ ВЕЛИКИЙ ПРОРОК — профессия, которая всегда сопровождается толкованиями.

- ПЕРЕВЕРТЫШ ИДЕИ РЫЦАРСТВА, ТРУБАДУРСТВА, Марина ЦВЕТАЕВА сама — РЫЦАРЬ.

Текстовую ткань эссе в целом отличает высочайшая степень оценочности, а эссеистические характеристики отражают оба полюса оценки — позитивный и негативный.

- Анненский — «очарователь ума» и «иронист» (позитивная оценка)

- Тут Ходасевич... «Творчество Хлебниковых и Маяковских, этих ранних Горгуловых, гутировалось и изучалось... Кретин и хам получили право кликушествовать там, где некогда пророчествовали люди, которых самые имена не могу назвать рядом с этими именами» (негативная оценка).

- Хлебникова кто-то прозвал гениальным кретином, ибо черты гениальности в нем действительно были, хотя крестинических было больше (позитивно-негативная оценка).

Таким образом, эссеистический дискурс испытывает минимальное давление экстрадискурсивных факторов, и это относится как к целому тексту эссе, так и к его составляющим. Обобщенно портретные черты дискурсивной модификации РЖ характеристики можно представить следующим образом. В характеристиках проявляется автор эссе как человек высокой культуры, максимально свободный в самовыражении, способный к проявлению рефлексии по поводу чужого текста. Адресатом является личность с высоким уровнем культуры и интересом к интерпретациям культурных феноменов. Основная цель эссе детерминирует использование в характеристиках целого ряда способов эссеистического доказательства (дедуктивный, традуктивный, логический, паралогический и др.). При инвариантной жанровой основе (номинация лица и его атрибуции) эссеистическая характеристика дает возможность множественных типологизаций высказываний, отличается разнообразием форм, индивидуально-авторским репертуаром и способами репрезентации свойств, присущих лицу, сочетанием авторских и чужих характеристик, высочайшей степенью оценочности и т. д.

Что касается других жанровых параметров, то дополнительными для эссеистических (как и для мемуарных характеристик) могут считаться «образ прошлого» и субъектно-адресатные отношения. Относительно последних хотелось бы сказать, что диалогическая стратегия в эссе является фоном для трансляции авторской точки зрения. В эссе, как и в некоторых других свободных жанрах, разыгрывается диалогическое взаимодействие создания автора и сознания «другого» («другой» — это не только читатель, но и отзвуки чужой речи). Поэтому текст эссе предполагает множественные средства инициального, интерактивного и финального контакта автора и читателя, а также диалогические отношения вопроса-ответа, утверждения-вопроса, утверждения-согласия, утверждения-сомнения, утверждения-побуждения, утверждения-предположения [Руженцева 2011б: 29]. Кроме того, портрет данной модификации РЖ требует описания поля прецедентности, тактических схем, посредством которых реализуется коммуникативная стратегия, и ряда иных конститутивных составляющих, релевантных именно для этого варианта РЖ.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАК РЖ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В качестве материала нами избраны политические слоганы-характеристики.

Понятие «слоган» используется как в рекламном, так и политическом дискурсе (это жанр политической рекламы). Применительно к политическому дискурсу слоганом можно считать «краткое речение (мини-текст), отражающее основное содержание программы, деятельности базисного субъекта политических коммуникаций» [Кривоносов 2002: 257]. Существует целый ряд классификаций рекламных и политических слоганов [см., например: Кафтанджиев 1995]. В рамках настоящей работы нам представляется оптимальной типология политических слоганов с по-

зиций использованных коммуникативных техник, созданная К. В. Киселевым. Согласно этой классификации слоганы дифференцируются на следующие типы: слоган-утверждение, СЛОГАН-ХАРАКТЕРИСТИКА, слоган-призыв, слоган-пожелание, слоган-противопоставление, слоган-отрицание, слоган-размышление, слоган-демонстрация, слоган — решение проблемы, слоган-вопрос, слоган — свидетельское показание, слоган для двух кандидатов (избирательных объединений), слоган, в котором используется название избирательного объединения или фамилия кандидата, слоган-расшифровка, слоган-кроссворд, слоган — прямая речь, слоган-анонс [Киселев 2002: 43].

ЭКСТРАДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ, влияющие на политическую рекламу, и в том числе на политические слоганы, выявляются в ходе маркетинговых исследований. Маркетинговые исследования могут быть лично ориентированными: «Сегментирование рекламно-политического пространства — это определение местонахождения реальных и потенциальных политических сторонников. Такое сегментирование включает три основных этапа: политико-географический, социально-демографический и политико-психологический (как вариант психографического)» [Ольшанский 2003: 202]. Таким образом, характеристику экстрадискурсивных факторов, обуславливающих специфику любого слогана, в том числе слогана-характеристики, можно дать только посредством комплексных исследований — политологических, социологических, демографических, психологических и др.

Кроме сказанного, на слоган влияют и иные факторы, например: экономическое состояние региона, его экономические приоритеты, уровень благосостояния граждан, производственная сфера и др.; ср.: *Хватит жить бедно!* (уровень благосостояния граждан); *Урал — опорный край державы. Промышленность — опора Урала. Будущее Урала — промышленность. Будущее промышленности — на Урале* (производственная сфера региона); *Вернуть Уралмашу доброе имя!* (прошлое и настоящее избирательного округа) и т. д. То же относится и к слоганам-характеристикам: *Мы с вами — соседи* (настоящее избирательного округа, имплицитное сообщение о том, что кандидату близки его проблемы).

Основной СТРАТЕГИЕЙ политического дискурса является стратегия убеждающего типа: «В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям» [Чудинов 2006: 76]. В свою очередь, слоган, являясь важнейшей составляющей коммуникации в рамках предвыборной кампании, реализует одну из двух разновидностей убеждающей стратегии: «Цель предвыборной кампании для любого кандидата — добиться поддержки избирателей. Опыт показывает, что для этого используется либо стратегия восхваления деловых и моральных качеств «своего» кандидата, преимуществ его идеологии, либо стратегия дискредитации его идеологии других кандидатов и выдвинувших их партий» [Там же]. Слоганы-характеристики в подавляющем большинстве

случаев реализуют первую стратегию (убеждающую и одновременно побуждающую), акцентируя «благоприятные перспективы прихода к власти «правильных» кандидатов» [Там же], хотя возможны и реализации второй (дискредитирующей) стратегии, акцентирующие неблагоприятные последствия прихода к власти «неправильных» кандидатов. Попытаемся проследить, как общая стратегия политического дискурса и ее частные разновидности влияют на портрет РЖ характеристики (примеры слоганов-характеристик взяты из книги К. В. Киселева «Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника»).

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РАМКА

АВТОР слогана-характеристики — это анонимный копирайтер или специалист-политтехнолог (группа специалистов), создающий текст под сильнейшим влиянием экстрадискурсивных факторов. Главным образом это общая цель предвыборной кампании — добиться поддержки того или иного кандидата на выборах, хотя возможна и реализация такой цели, как дискредитация политического оппонента. Слоганы (как рекламные, так и политические) редко бывают продуктом индивидуального творчества — обычно создается ряд слоганов, из которых потом отбираются те, которые наиболее релевантны целям и задачам кампании: «В относительно однородных избирательных округах... в период кампании одним кандидатом используется 1—3 основных слогана и до десяти вспомогательных» [Киселев 2002: 36]. Поэтому авторская индивидуальность сведена в слоганах до минимума (информация об образе автора в текст не закладывается).

АДРЕСАТ политического слогана-характеристики — это универсальная аудитория, недифференцированный электорат, что в целом определяет содержательно-формальную и прагматическую специфику слогана: «Универсальность целевой аудитории как раз и предопределяет критерий простоты и доходчивости: слоган должен быть одновременно и убедительным, и доходчивым, и информирующим» [Кривоносов 2002: 259]. Добавим, что воздействие на недифференцированного адресата — крайне сложный механизм, поэтому слоганы-характеристики ориентированы на круг фоновых знаний, представлений, потребностей, а также систему ценностей адресата.

ЦЕЛЬ политического слогана-характеристики комплексная. Это «привлечение внимания, закрепление основной идеи кампании (позиционирование), формирование (фиксация) имиджа кандидата» [Киселев 2002: 30—33]. Аналогичного мнения придерживается и А. Д. Кривоносов: «Слоган как неотъемлемая часть коммуникативной стратегии политика любого ранга всегда является определенной (если не определяющей) компонентой его имиджа, мини-текстом, способствующим запоминанию данного кандидата, формирующим его публичный капитал» [Кривоносов 2002: 260]. Кроме того, в слогане «должна устанавливаться эмоциональная связь канди-

дата с избирателем, выражаться актуальные чувства и настроения людей» [Кудинов 2000: 213].

Таким образом, влияние экстрадискурсивных и собственно дискурсивных факторов на прагматическую рамку любого слогана, в том числе и слогана-характеристики, очень велико. Параметры рамки имеют не личностное наполнение, как в характеристиках в эссеистическом дискурсе. Это наполнение зависит от целого круга внеличностных и внедискурсивных целей и задач политической рекламы.

МИНИМАЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ

ТЕМОЙ характеристики-слогана является личность политика, которого выдвигает та или иная партия или избирательное объединение. Тема и адресат характеристики определяют, в свою очередь, конструктор качеств, соответствующий представлениям о политике, сложившимся у массового избирателя. Минимальный конструктор качеств включает достаточно четко ограниченный репертуар последних: «активность, трудолюбие, компетентность, профессионализм, честность, человечность, щедрость, надежность, заботливость, порядочность, ответственность, компетентность, энергичность, верность, молодость, опытность и т. д.» [Киселев 2002: 43]. Репертуар качеств определяет не создатель слогана — он априори выявлен в соответствии с предполагаемыми запросами потенциального избирателя и позитивно-оценочен. Можно создать и антиконструктор качеств, который будет включать в себя негативно оцениваемые потенциальным адресатом черты личности.

Тема детерминирует и типологию политических характеристик-слоганов. Вслед за К. В. Киселевым мы считаем разновидностями характеристик те слоганы, в которых есть: а) номинации политика и его личностные атрибуты: *Александр Сивков — человек, способный на большее; Человек дела — спортивный дух и крепкое тело*; б) номинации и профессиональные атрибуты: *Настоящий директор*; в) номинации и идеологическая ориентация политика: *Народный Губернатор*; г) номинации и указания на территориальное «свойство»: *Парень из нашего двора*, а также слоганы-самохарактеристики: *Все, что я делаю в своей жизни, я делаю основательно и на совесть*.

СТРУКТУРА политического слогана-характеристики неразрывно связана с жанровой целью — формированием имиджа политика и его позиционированием, т. е. с УПП (уникальным политическим предложением) [Ольшанский 2003: 205]. Составляющие УПП — внятное и четкое обозначение, уникальность того, что предлагается, привлекательность, непосредственно побуждающая избирателя сделать то, к чему его призывают [Там же] — предполагают разнообразие форм слоганов-характеристик и дают возможность их дифференциации по включенности в слоган номинации политика и по субъекту — отправителю сообщения.

Во-первых, номинация субъекта-политика может быть включена в состав слогана-характеристики: *Губернатор Алексей Страхов — это*

порядочность, ответственность, профессионализм; Сухнев — адвокат. Сухнев — человек. Сухнев — хорош со всех сторон, а может быть вынесена ЗА слоган, ср.: Честность. Долг. Ответственность. Андрей Ширинкин; Борис Лобов. Совесть. Верность. Профессионализм.

Во-вторых, характеристика может даваться: а) третьим лицом (анонимным копирайтером, стоящим за текстом); б) самим политиком (самохарактеристика); в) группой поддержки.

Характеристики от третьего лица: *В ваших руках опыт, знание, энергия; Врач — экономист — юрист; Город в добрые руки; Компетентность, деловитость, надежность; Молодых, активных — в Думу!; Надежный губернатор — защитник северян.*

Характеристики, данные группой поддержки: *Мы верим честному Солдату! Мы за качественное управление! Мы поддерживаем смелого патриота! Мы разделяем передовые идеи учено-новатора!*

Возможны также характеристики от имени потенциального избирателя: *Как голосовать? Размышление перед выбором: За Росселя? Рука не поднимается... За Чернецкого: Совесть не позволяет. Проголосую так, чтобы потом на душе было спокойно: проголосовал за ЧЕСТНОГО человека. За Ковпака.*

Самохарактеристики: *Мой принцип прежний — профессионализм и честность; Мы люди дела, поддержите нас! Мы не левые и не правые. Мы нормальные. Как и вы; Я — производственник. За — производство!; Я сын Единой России!; Чувствую умом, думаю сердцем.*

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ слогана-характеристики в политическом дискурсе предполагает по крайней мере четыре внутренних типологии РЖ. Это дифференциация: а) по оценке; б) по метафоричности/неметафоричности представления фигуры политика; в) по прямому/отрицательному представлению качеств политика; г) по грамматической форме высказывания.

ОЦЕНОЧНОСТЬ

Оценка в слоганах-характеристиках может быть двоякая (позитивная — «игра на повышение» по отношению к своему кандидату; негативная — «игра на понижение» по отношению к политическому оппоненту). Это слоганы-характеристики, апеллирующие к этическим представлениям адресата и тем самым призывающие к голосованию ЗА или ПРОТИВ.

Позитивная оценка: *Женщины, вы прекрасны всегда* (слоган избирательной кампании Г. Степаненко); *Таких, как он, — единицы!; Молодость — энергия — победа!*

Негативная оценка: *Внимание! Прохвосты!* (вариант: *Осторожно! Прохвосты!*) (листовка против А. Чернецкого и А. Буркова); *Депутат в законе* (слоган — заголовок статьи против Д. Анфалова); *Хитрый мясник опять лезет во власть* (листовка против директора мясокомбината В. Гусева).

МЕТАФОРИЧНОСТЬ-НЕМЕТАФОРИЧНОСТЬ

Неметафорические характеристики:

Наш народный депутат; Опыт. Работа.

Результат; Первый честный мэр третьей столицы

Метафорические характеристики:

Вихарев — вихрь добрых дел; Добрый бог огня; Настоящий уральский медведь; Скромные герои наших будней; Человек-удача; Наши люди — уральский характер.

ПРЯМАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ (через отрицание негатива) ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА

Прямые характеристики:

Человек из народа. Человек дела. Человек для народа; Человек независимой судьбы; Порядочность, ответственность, профессионализм.

Характеристики через отрицание негатива: *Душой не кривил, власти не боялся; Знает, умеет, не обещает, а реально делает. Доверяйте принятию законов профессионалам! Голосуйте за Бурматова; Время дилетантов должно подойти в конце. В Думе нужны профессионалы. Сделайте правильный выбор; Не пустим жулика в депутаты! Долой депутатскую неприкосновенность!; Не пустим коррупционеров во власть!*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ХАРАКТЕРИСТИК

1. Номинативные/номинативно-атрибутивные конструкции: *Воля, энергия, верность; Компетентность, деловитость, надежность; Молодость — энергия — забота; Мужество, честь, сила; Порядок, совесть, доброта!; Профессионализм, ответственность, надежность; Прочный сплав знаний и опыта; Разум. Воля. Результат; Русский характер; Крепкое пиво, крепкие руки, крепкая власть; Настоящий человек. Директор. Коммунист по убеждениям; Справедливость, созидание, ответственность, реализм; Честность, щедрость, человечность.*

2. Двусоставные короткие предложения: *Он — настоящий полковник; Он всего добивается своим трудом; Он — профессионал; Сердечность — самое хорошее лекарство; Человек держит слово.*

3. Апеллятивы: *Выбирайте верных и мужественных; Выбирайте ответственных, выбирайте знающих; Голосуем сердцем! Голосуем за порядочных людей!; Дайте слово людям дела; Новая примета времени: при выборе мэров россияне делают ставку на интеллект и опыт. Не отставайте от времени!; Сделайте выбор в пользу Режа и режевлян, выбор в пользу здравого смысла, справедливости и порядка.*

Разновидностью апеллятивов являются предложения, включающие атрибуты личности и объект ее политических устремлений: *Власть — добрым людям; Город в надежные руки; Молодых, активных — в Думу!*

4. Сопоставительные, противопоставительные и вопросительные конструкции:

Верность традициям — верность долгу; Крепкая рука — верная дружба; Отзовем депутатов от слова, выберем депутатов от дела (листовка против Л. Мишустинной); *Старье береж? (лозунг кампании против Г. Зюганова).*

В целом специфику портрета слогана-характеристики в политическом дискурсе можно обобщить следующим образом. Слоган-

характеристики относится к информативно-императивным жанрам: информация о качествах, личностных свойствах кандидата во властные структуры подобрана и выстроена так, что слоган имеет не только информационный, но и побудительный характер, эксплицитно или имплицитно призывая голосовать ЗА или ПРОТИВ того или иного субъекта. На портрет дискурсивной модификации влияют как экстрадискурсивные факторы, так и факторы дискурсивные (общая цель и задачи предвыборной кампании, общая убеждающе-побуждающая стратегия политического дискурса), определяющие использование в характеристиках двух стратегий — «игры на повышение» и «игры на понижение» по отношению к характеризующему лицу. Наполнение прагматической рамки слогана-характеристики определяют недифференцированность массового адресата предвыборной кампании; анонимность автора, неоявление его личностного начала, требование уникальности политического предложения, а также имиджевые задачи.

В свою очередь, в рамках минимальной модели мы можем охарактеризовать тематическое содержание дискурсивной модификации (атрибуции лица / политического объединения посредством заданного конструктора качеств), краткость и афористичность формы (развернутые характеристики крайне редки, средний объем слогана-характеристики — 3—6 слов), а также констатировать возможность разносторонних типологизаций тематического содержания, структуры и языкового воплощения слоганов-характеристик (по способам номинации субъекта, оценочности, метафоричности/неметафоричности, грамматической форме и др.). В качестве дополнительных характеристик данной модификации РЖ можно предложить исследование образов настоящего и будущего; в свою очередь, образ прошлого для этой дискурсивной модификации является, на наш взгляд, гораздо менее релевантным.

ВЫВОДЫ

1. В словарных и иных определениях РЖ представлен его внедискурсивный инвариант, в котором репрезентированы лишь самые общие признаки РЖ. По этой инвариантной внедискурсивной модели РЖ возможно идентифицировать, но дальнейшее описание, по крайней мере узуальных и нерегламентированных РЖ, можно вести, как мы считаем, только в рамках того или иного формата дискурса. Мы считаем, что внедискурсивный портрет указанных типов РЖ просто не может быть составлен — слишком велики давление или специфика дискурса, определяющие наполнение констатирующих параметров. РЖ не просто переходят из одной сферы общения в другую, а первичные жанры не просто входят в состав более сложных, вторичных РЖ. РЖ, сохраняя инвариантную основу, МОДИФИЦИРУЮТСЯ в условиях дискурсивного формата, приспособляясь к последнему.

2. При создании портрета РЖ необходимо учитывать: а) внедискурсивный фактор, позволяющий идентифицировать РЖ; б) ряд экстрадискурсивных факторов (особенно — в случаях выра-

женной прагматической ориентации дискурса); в) собственно дискурсивные факторы; г) жанровые параметры.

3. Существуют модификации РЖ, испытывающие максимальное давление экстрадискурсивных факторов, модификации с меньшим давлением и почти не испытывающие этого давления. В зависимости от этого определяются внелингвистические сферы, в рамках которых идет поиск того, что может быть включено в портрет исследуемой дискурсивной модификации РЖ. Так, при исследовании политического и рекламного дискурса в рамках маркетинговых данных можно найти данные об образе адресата, о субъектно-адресатных отношениях и многое другое из того, что непосредственно влияет на портрет дискурсивной модификации РЖ. К собственно дискурсивным факторам относятся прежде всего ведущая стратегия того или иного формата дискурса, а также некоторые из его частных стратегий.

4. Относительно единой модели РЖ, приложимой к разным типам дискурса, говорить, на наш взгляд, сложно, так как понятие «модель» предполагает достаточно жесткий характер последней. Можно говорить лишь о портрете РЖ, т. е. о нежесткой схеме, которая получает в разных форматах дискурса индивидуальное наполнение, специфика которого хорошо видна при сопоставительном исследовании. Эта схема в минимальном варианте включает в себя прагматическую рамку РЖ (автор, адресат, цель) и минимальную жанровую модель (тематическое содержание, структура, языковое воплощение). Схематический портрет конкретной модификации РЖ может включать дополнительные параметры, релевантные для высказываний, соотносимых с тем или иным дискурсом.

5. Описание прагматической рамки РЖ далеко не всегда можно сделать лишь на материале корпуса дискурсивных реализаций. В ряде дискурсов на ее наполнение влияет целый ряд экстрадискурсивных факторов (в наших случаях — цели и задачи рекламной и предвыборной кампаний, требования заказчика, конкурентная среда и т. д.). В таких случаях необходимо обращаться не только к лингвистике, но и к сведениям из других дисциплин: политологии, маркетинга, социологии, психологии и др. Еще раз подчеркнем, что прагматическая рамка РЖ, как и его минимальная модель, может быть расширена и дополнена с учетом специфики дискурсивного формата. Так, прагматическая рамка РЖ, соотносимого с экстремистским дискурсом, с необходимостью должна быть дополнена таким параметром, как диктум (событийное содержание), который предполагает например, учет фактора публичности/непубличности экстремистских высказываний.

6. Минимальная модель РЖ предполагает возможность создания дискурсивно детерминированных типологий по каждому из ее компонентов. То же самое может относиться и к прагматической рамке, что в целом является перспективой исследования РЖ. Перспективным, на наш взгляд, является, диахроническое сопоставление РЖ, а также описание новых РЖ, корпус которых постоянно расширяется в связи с увеличением роли электронных коммуникаций. Мы считаем,

что описание РЖ не должно быть ни случайным, ни излишне жестким, а в преодолении того и другого может помочь именно создание дискурсивно обусловленных портретов жанровых модификаций. Эту обусловленность может выявить лишь корпус материала, в котором всегда проявляются как инвариантные, так и вариативные черты любой группы высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. : в 7 т. — М. : Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159—207.
2. Долинин К. А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С. 35—45.
3. Карасик В. Г. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
4. Кафтанджиев Хр. Тексты печатной рекламы. — М. : А-Приор, 1996.
5. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. — Екатеринбург : УрО РАН, 2002.
6. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2002.
7. Кудинов О. П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России. — Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 2000.
8. Ольшанский Д. В. Политический PR. — СПб. : Питер, 2003.
9. Пирогова Ю. К. Феномен давления дискурса в текстах маркетинговых коммуникаций // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. — М. : Академический проект, 2011.
10. Платонова О. В., Виноградов С. И. Прагматика и

риторика дискурса и выражение оценки // Культура русской речи. — М. : Норма-Инфра, 1978. С. 253—264.

11. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М. : Флинта : Наука, 2007.
12. Ромат Е. В. Реклама. — СПб. : Питер, 2003.
13. Руженцева Н. Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
14. Руженцева Н. Б. Прагматическая и речевая организация литературно-критического эссе XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2001.
15. Серебрякова Р. В. Комплимент как форма выражения вежливости в русском и английском коммуникативном поведении // Коммуникативное поведение. — Воронеж : Истоки, 2003. Вып. 17 : Вежливость как коммуникативная категория.
16. Слободянюк Э. П. Настольная книга копирайтера. — М. : Вершина, 2008.
17. Стернин И. А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. — Воронеж : Истоки, 2003. Вып. 17 : Вежливость как коммуникативная категория.
18. Тельминов Г. Н. Коммуникативные тактики вежливости в американской и российской интернет-рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013.
19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
20. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88—99.
21. Эпштейн М. Н. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в литературе Нового времени): парадоксы новизны. — М. : Сов. Писатель, 1988. — С. 129—146.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

SPEECH GENRE: A PORTRAIT IN THE CONTEXT OF DISCOURSE (to the problem of methods of description)

ABSTRACT. *The article deals with the analysis of discursive modifications of a speech genre. The author presents a complex of methods of portrait description of the given modifications taking into account the format of discourse (everyday household, advertising, essay and political), extradiscursive factors (external conditions of genre existence), discursive proper factors (and primarily, discursive strategy) and pragmatic and genre proper parameters. In all cases the author deals with modified genre invariants, which either take the appearance brought about by discourse within more complex secondary genres (a compliment in the context of an everyday dialogue or talk; a characteristic in the text of an essay), or exist in the form of independent genre forms (advertising and political slogans).*

For each of the four discourse formats, the article demonstrates the methods of genre modification analysis, including a study of the minimal speech genre model in the context of discourse (topical content, structure and lingual realization) and the minimal pragmatic utterance frame (communicative purpose, author's image and addressee's image). The use of a minimal flexible model for compiling the portrait of discursive modifications of a speech genre makes it possible to enrich the description algorithm with the constituent characteristics relevant for a given type of discourse.

The article describes and illustrates by examples a flexible scheme of analysis of speech genre modifications which includes: a brief description of the extradiscursive speech genre invariant (its dictionary and other definitions); a characteristic of extradiscursive factors (those external conditions, which to a certain extent influence discursive realizations); the description of the leading (or one of the leading) discursive strategy related to the studied discourse format; a characteristic of the pragmatic utterance frame; a characteristic of the minimal speech genre model; additional characteristics of a speech genre modification; summing up in the form of a speech genre modification portrait.

In general the author believes that a description of a speech genre cannot be occasional or too rigid. It is possible to avoid these unwanted properties by using discursive and extradiscursive context and a large corpus of material, in which both invariable and variable features of any group of utterances appear.

KEYWORDS: *speech genre; political, advertising and essay discourse; extradiscursive factors; discursive modifications; genre portrait; pragmatic frame; minimal model.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

LITERATURE

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // *Sobr. soch.* : v 7 t. — M. : Russkie slovari, 1996. T. 5. S. 159—207.
2. Dolinin K. A. Problema rechevykh zhanrov cherez sorok pyat' let posle stat'i Bakhtina // *Rusistika: lingvisticheskaya paradigma kontsa KhKh veka.* — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998. S. 35—45.
3. Karasik V. G. Yazykovoy krug: lichnost', kon-tsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002.
4. Kaftandzhiev Khr. Teksty pechatnoy reklamy. — M. : A-Prior, 1996.
5. Kiselev K. V. Politicheskiy slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnaya tekhnika. — Ekaterinburg : UrO RAN, 2002.
6. Krivososov A. D. PR-tekst v sisteme publich-nykh kommunikatsiy. — SPb. : Peterburgskoe vos-tokovedenie, 2002.
7. Kudinov O. P. Osnovy organizatsii i provedeniya izbiratel'nykh kampaniy v regionakh Rossii. — Kaliningrad : Izd-vo Kaliningr. un-ta, 2000.
8. Ol'shanskiy D. V. Politicheskiy PR. — SPb. : Piter, 2003.
9. Pirogova Yu. K. Fenomen davleniya diskursa v tekstakh marketingovykh komunikatsiy // *Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v KhKhI veke.* — M. : Akademicheskii proekt, 2011.
10. Platonova O. V., Vinogradov S. I. Pragmatika i ritorika diskursa i vyrazhenie otsenki // *Kultura russkoy rechi.* — M. : Norma-Infra, 1978. S. 253—264.
11. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. — M. : Flinta : Nau-ka, 2007.
12. Romat E. V. Reklama. — SPb. : Piter, 2003.
13. Ruzhentseva N. B. Pragmaticheskaya i rechevaya organizatsiya russkogo literaturno-kriticheskogo esse KhKh veka : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001.
14. Ruzhentseva N. B. Pragmaticheskaya i rechevaya organizatsiya literaturno-kriticheskogo esse KhKh veka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2001.
15. Serebryakova R. V. Kompliment kak forma vyrazheniya vzhlivosti v russkom i angliyskom kommunikativnom povedenii // *Kommunikativnoe povedenie.* — Voronezh : Istoki, 2003. Vyp. 17 : Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya.
16. Slobodyanyuk E. P. Nastol'naya kniga kopiraytera. — M. : Vershina, 2008.
17. Sternin I. A. Problemy opisaniya vzhli-vosti kak kommunikativnoy kategorii // *Kommunikativnoe povedenie.* — Voronezh : Istoki, 2003. Vyp. 17 : Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya.
18. Tel'minov G. N. Kommunikativnye taktiki vzhlivosti v amerikanskoj i rossiyskoj inter-net-reklame : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2013.
19. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006.
20. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra // *Zhanry rechi.* — Saratov : Izd-vo GosUNTs «Kol-ledzh», 1997. Vyp. 1. S. 88—99.
21. Epshteyn M. N. Na perekrestke obraza i ponyatiya (esseizm v literature Novogo vremeni): paradoksy novizny. — M. : Sov. Pisatel', 1988. — S. 129—146.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Й. Сипко
Прешов, Словакия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОЛИ США И ЗАПАДА В УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ В СЛОВАЦКИХ СМИ

АННОТАЦИЯ. В средствах массовой информации в связи с украинским кризисом отмечается очередной виток противостояния России и Запада, активно употребляются словосочетания «новая холодная война», «холодная война — 2», «железный занавес», появляются исторические аллюзии на антагонизм России и Запада в отдельные исторические эпохи. Все словацкие СМИ, независимо от их идейно-политического направления, демонстрируют указанную тенденцию. В статье возникающие в связи с украинскими событиями ассоциации рассмотрены в лингвокультурологическом аспекте на примере материалов таких словацких СМИ, как прозападные газеты «Сме» и «Неделя», а также отдельных чешских и словацких телеканалов. Также материалом для исследования стали полемически заостренные высказывания политических деятелей (например, экс-президента Чехии В. Клауса, экс-президента СССР М. С. Горбачева) и анекдоты, в том числе содержащие прецедентные феномены (Иван Сусанин). Установлено, что в связи с происходящим на Украине упоминаются такие события, как вьетнамская война, падение Берлинской стены, Бархатная революция, бомбардировки Белграда Америкой, Олимпиада-2014.

Подчеркивается, что в западных СМИ главным виновником в украинском кризисе бездоказательно называется Россия. Позиция словацких СМИ не столь однозначна: некоторые придерживаются западной трактовки событий, другие благодаря свободе слова представляют альтернативную точку зрения, указывая на геополитические планы США по ослаблению Европы и разрыву связей между странами ЕС и Россией.

Указывается, что сложившаяся с восприятием событий на Украине ситуация напоминает атмосферу, царившую в Европе накануне Первой мировой войны. Тогда журналисты и политики тоже сеяли ненависть, распространяли националистические идеи, заставлявшие враждебно относиться к соседним странам и народам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс СМИ; языковая картина мира; словацкие СМИ; холодная война; языковая игра.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, украинистики и славистики, Прешовский университет; адрес: 08005, Словакия, Прешов, Важечка 14, e-mail: sipkojz @unipo.sk.

1. Введение

С самого начала украинского кризиса было очевидно, что речь идет не только об Украине, а разыгрывается новый виток политической борьбы между Россией и Западом. Этот феномен российско-западного противостояния отмечают не только в России, но и за рубежом. Регулярно стали повторяться словосочетания *новая холодная война*, *холодная война II*, *железный занавес* и другие, вместе с тем появлялись **исторические ассоциации** с аналогичным российско-западным антагонизмом в отдельных исторических эпохах. Указанную тенденцию можно было наблюдать также в словацких СМИ, независимо от их идейно-политического направления. Однозначно прозападная ориентация наблюдается в газете «Сме» (Sme) и еженедельнике «Неделя» (Týždeň), более взвешенные комментарии и оценки содержатся в газете «Правда» (Pravda) и на отдельных чешских и словацких телеканалах, в особенности тех, которые получают репортажи от своих корреспондентов из России и конкретных регионов современной Украины.

2. Американские ассоциации в связи с событиями в Крыму

Во всех мировых событиях после Второй мировой войны отмечаем **центральную роль США**. В полной мере этот политический факт подтвердился уже при обсуждении событий в Крыму в конце 2013 и начале 2014 г., а впоследствии это стало правилом и при комментариях драматических событий на Украине в целом. Даже простые люди в Словакии видят за политиче-

скими антироссийскими заявлениями представителей США и их союзников великодержавные амбиции Запада, в рамках которых их вооруженные силы намерены приблизиться к границам России. В связи с украинским кризисом это чаще всего относится к региону Черного моря и Прибалтики, где уже находятся американские военные самолеты и корабли:

Američania by sa zasa chceli dostať do bezprostrednej blízkosti Ruska a vytvárať tam svoje vojenské základne. — Американцы захотели опять приблизиться к границам России и создать там свои военные базы (Р. 15.3.2014).

Особый резонанс вызвало заявление бывшего президента Чехии В. Клауса относительно украинского кризиса, которое регулярно интерпретировалось и интерпретируется, часто с противоположных политических позиций, поскольку автор нижеприведенных слов напомнил о вековом стремлении Запада подчинить себе Восток, что не каждому понравилось: *Нет сомнений, что главным виновником украинского кризиса является Запад*.

Клауса за это заявление некоторые аналитики посчитали союзником России и противником Запада. Но так или иначе, в особенности в славянском мире, отдельные политические и общественные представители считают современную политику Запада по отношению к Востоку **агрессивной**, которая прикрывается лозунгами о *гражданских и человеческих правах, демократии, либерализме*.

Но на самом деле они остаются лишь идеологическими лозунгами, за которыми не трудно

„This contribution is the result of the projekt implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operational Programme funded by the ERDF“

© Сипко Й., 2015

найти политические цели — овладеть Востоком. Так это было в прошлом, то же ощущается и в наше время. Некоторые авторы в своих комментариях сопоставляют американскую и российскую политику и находят в них много общего. В первую очередь отмечается в обоих случаях **политика с позиции силы** по отношению к другим странам. В Чехии и Словакии при этом имеются в виду события 1968 г.: *Americké a ruské etócie: Je v nich rozdiel?* — **Американские и российские эмоции: имеется ли разница?** (Р. 17.3.2014).

Другие стоят однозначно на стороне Запада [Schutz 2014]. А если они его и критикуют, то именно потому, что он якобы выступает недостаточно энергично против России, и это считается **большой ошибкой**. По сути дела, такие призывы к **русофобии** известны еще из прошлых веков: *Veľká omyľ Európy*. — **Большая ошибка Европы** (Т. 2014.12).

Относительно вышеуказанных американских ассоциаций появились даже актуальные анекдоты с явным **антиамериканским** политическим акцентом. В сатирических жанрах с некоторой мерой преувеличения пародируется вся американская политика в прошлом и в наше время:

Президент Обама требует от президента Путина, чтобы тот ему ответил, когда выведет российские войска из Крыма. Путин обещает дать ответ. Но ответа пока нет. Обама звонит и настаивает:

— Когда вы мне ответите?

— Да, я отвечу, но еще не успел записать все регионы и страны, где находятся американские войска...

Автору хочется напомнить, что данный анекдот ему рассказал студент 3 курса нашего Прешовского университета 9 марта 2014 г., когда относительно Крыма официально еще ничего не было решено. Аналогичные пародийные ассоциации закономерно появляются при решении всех сложных политических вопросов современности.

И почти как анекдот выглядит реплика из репортажа известного словацкого журналиста [Bán 2014], в котором дается своеобразное толкование того, почему Россия хочет присоединить Крым к России. Автор дает объяснение этого факта посредством слов одного местного татарина: *A viete prečo to všetko Putin robí? Chce, aby turisti nechodili na Krym, ale do Soči, lebo počas olympiády sa zadžil.* — **А вы знаете, почему все это Путин делает? Он хочет, чтобы туристы ездили не в Крым, а в Сочи, потому что во время Олимпиады он поиздержался** (Т. 2014.12).

Поскольку американские военные самолеты прилетели в Польшу и Прибалтику, то опять же жители некоторых стран Европы стали чувствовать напряжение, и многие соглашаются с тем, что опять наступает **холодная война**. В данном контексте на сцену выходит великий российский антизападник Иван Сусанин (анекдоты, приведенные ниже, автор услышал от своих знакомых русистов):

Польские туристы проходят около одного памятника. И спрашивают русского гида:

— Что это за памятник?

— Ивану Сусанину.

— А кто он?

— **Первый гид поляков в России.**

Иван Сусанин даже актуально «вступает» в современные события в России и на Украине:

Владимир Путин ночью просыпается и видит перед собой Ивана Сусанина:

— А тебе чего, Иван?

— **Володя давай прогуляемся по Крыму.**

3. Американская «демократия» в некоторых регионах мира

В большинстве случаев в зарубежных СМИ и заявлениях действующих политиков Россию **априори** стали считать главным виновником трагических событий на Украине. Но некоторые бывшие европейские министры иностранных и внутренних дел опубликовали заявление, в котором предостерегают ЕС от эскалации конфликта: *Navrhujú posilniť komunikáciu medzi Ruskom a NATO*. — **Предлагают расширить коммуникацию между Россией и НАТО** (Р. 4.8.2014).

В этой связи отмечается, что войска США и НАТО приближаются к государственной границе России и тем самым нарушают договор, который ограничивает движение войск в Черном море. Дракслер [Draxler 2014] видит главного **виновника** именно в **США** и их **военно-промышленном комплексе**, об угрозах которого предупреждал еще американский президент Д. Эйзенхауэр, заявивший в свое время: *Existuje nebezpečenstvo, že sa presadí škodlivý typ moci*. — **Существует опасность, что победит опасный вид власти** (Р. 4.8.2014).

Последующие десятилетия подтвердили прогнозы бывшего американского президента. Как известно, США после Второй мировой войны в целом ряде военных конфликтов выступали как главный их инициатор. Примером может служить **вьетнамская война**: *Ktorú Američania rozpúťali po vymyslenom napadnutí Severovietnamcami v Tonkinskom zálive*. — **Которую американцы развязали после выдуманного нападения северовьетнамцами в Тонкинском заливе** (Р. 4.8.2014).

В стиле той же великодержавной политики вели себя США и в других регионах мира, причем игнорировали даже законы, принятые собственным конгрессом. В первую очередь это относится к военным конфликтам недалекого прошлого: *Stalo sa tak napríklad pri bombardovaní Juhoslávie a Líbye*. — **Это случилось, например, во время бомбардировок Югославии и Ливии** (Р. 4.8.2014).

Для отдельных аналитиков стало очевидным, что основной целью западной, и главным образом американской, пропаганды является изображение России как главного виновника всего происходящего на Украине, что представляет собой очевидную ложь: *V tejto situácii je zvlášť pikantné, ak sa v ukrajinskej situácii za agresora označuje Rusko*. — **В данной ситуации парадоксально, если в ситуации вокруг Украины агрессором считается Россия** (Р. 4.8.2014).

В очередной раз подтвердилось, что независимые и трезвые наблюдатели выражают ту же самую позицию, которую в связи с украинским кризисом в свое время высказал бывший чешский президент В. Клаус (см. выше). В аналогичном духе была выдержана статья проф. Й. Бескера из

Экономического университета в Вене [Besker 2014] под названием «*Vo víre deštruktívnych záujmov. — Водоворот деструктивных интересов*» (Р. 7.8.2014).

Автор анализирует политические процессы после распада СССР, в результате которых отдельные западноевропейские страны стали теснее сотрудничать с Россией, что вызвало явное недовольство со стороны США: *Americký stratégovia sa od samého začiatku obávali nadviazania priúznych kontaktov medzi vedúcimi štátmi EÚ (najmä Nemecka) a kapitalistickým Ruskom. — Американские стратеги с самого начала выражали свои опасения по поводу слишком тесных контактов между ведущими государствами ЕС (главным образом Германией) и капиталистической Россией* (Р. 7.8.2014).

В этой связи типичными антиамериканскими стали сообщения о прослушивании отдельных европейских политиков американскими спецслужбами, о чем сообщил бывший американский разведчик Сноуден. В числе тех, кого американцы прослушивали, была и канцлер Германии А. Меркель. Тем самым подтверждается давление США на своих союзников, чтобы те ограничили свои контакты с Россией.

4. Политическая стратегия США не меняется

Отрицательная оценка роли США и Запада в развитии украинских событий высказывалась и в комментариях к происходившему далее на Украине. Примером могут служить октябрьские парламентские выборы. Вихова [Vichová 2014] в этой связи говорит о *замороженном конфликте* на Украине, где и после выборов 26 октября 2014 г. почти ничего не изменилось: *Ciele Majdanu — odstranenie korupcie a vplyvu oligarchov sa nerealizujú. Zloženie parlamentu v réžii USA? — Цели Майдана — устранение коррупции и влияния олигархов — не реализуются. Состав парламента под управлением США?* (Р. 5.11.2014).

При историческом обзоре российско-украинского вопроса регулярно повторялась мысль бывшего посла Пруссии в России, а позже «железного канцлера» объединенной Германии О. фон Бисмарка: *Россию можно ослабить отделением от нее Украины*.

Интересно, что ту же самую мысль высказал один из самых известных американских стратегов 1990-х гг. З. Бжезиньски: *Tvrdil, že odpútanie Kyjeva od Moskvy by bolo kľúčom k oslabeniu Ruska. — Утверждал, что отделение Киева от Москвы станет ключом к ослаблению России* (Р. 5.11.2014).

За украинским кризисом, по этой версии, скрываются **стратегические интересы сильных мира сего**. Сотни тысяч беженцев с Украины, тысячи жертв среди мирных жителей, разрушенные жилые дома, крушение малайзийского самолета, огромные материальные потери, растущая **ненависть** между представителями двух поистине братских народов — всё это на счету **современных великодержавных стратегов**. Столетие Первой мировой войны должно было стать почетным примером для современных стратегов Запада. Уроки истории опять забывают: *V ukrajinskom konflikte vôbec nejde iba o Ukrajinu. —*

В украинском конфликте речь не только об Украине (Р. 7.8.2014).

Естественно, что ищутся исторические аналогии современным антироссийским мерам. Хмелар [Chmelár 2014] приводит целый ряд фактов того, как Запад непродуманно поступал против побежденной Германии после Первой мировой войны, в результате чего в Германии пришли к власти фашисты при значительной поддержке немецкого населения. По автору, современные лидеры Запада действуют с тех же позиций против России в наше время: *Najväčšie chyby Západu. — Самые большие просчеты Запада* (Р. 9.9.2014).

Активнее всего стали включаться в антироссийские мероприятия польские власти. Так было по крайней мере при премьерере Д. Туске. После того, как он получил высокий пост в ЕС, польское правительство реформировалось, с поста министра иностранных дел ушел Сикорски. Новое польское правительство получило оценку именно в связи с его однозначно отрицательной позицией по отношению к России. В критическом духе были восприняты в особенности слова нового польского премьер-министра в правых СМИ: *Nová poľská vláda je mäkšia. Nová poľská premiérka odmietla dodávať zbrane Ukrajine. „Viete, ja som žena.“ — Новое польское правительство мягче. Новый польский премьер решил не поставлять оружие Украине. „Вы знаете, я женщина“* (S. 23.9.2014).

После оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора 21 августа 1968 г. была написана книга под названием *Mráz prichádza z Kremľa — «Мороз ударил из Кремля»*. В ней бывший секретарь Коммунистической партии Чехословакии Зденек Млынарж, однокурсник М. Горбачева по МГУ, дает критический анализ политики тогдашнего советского руководства во главе с Л. И. Брежневым. Название данной книги использовалось для аналогичной критической оценки сегодняшней политики ЕС. Интересным можно считать и тот факт, что автором нижеприведенной статьи является бывший министр финансов Словакии (1998—2002) Б. Шмэгнерова [Schmögnerová 2014]. Тем самым лишний раз подтверждается, что сильные политические субъекты не всегда учитывают интересы малых стран: *Mráz prichádza z europarlamentu. — Мороз приходит из Европарламента* (Р. 11.10.2014).

Критика в адрес Запада связана с позицией ЕС по отношению к Словакии во время объявленных санкций против России и ответных мер России против Запада. Словакия обеспечила *реверсные* поставки российского газа на Украину, но от ЕС не получила никаких компенсаций, что, в свою очередь, вызвало острую критику в адрес ЕС: *Ignorujú nás. Poslali sme Ukrajinu plyn. Ruská odvrata nedala na seba dlho čakať. Znižilo nám dodávky plynu až o 50%. Nikto sa nás nezastal. — Игнорируют нас. Мы послали Украине газ. Ответные меры последовали быстро. Россия снизила нам поставки газа на 50%. Никто не стал на нашу защиту* (Р. 17.9.2014).

Ежегодно 17 ноября в Чехии и Словакии отмечается государственный праздник — годовщина *Нежной (бархатной) революции*, во время

которого организуется целый ряд мероприятий. В 2014 г. главной темой дискуссий был украинский кризис, который показал, что противостояние «Россия — Запад» имеет глубокие корни и при любой политической и идеологической системе его суть заключается в стратегическо-политическом антагонизме и борьбе за решающую позицию в мире. Русские считают себя обманутыми в связи с современной политикой Запада. Эту мысль повторяли некоторые политики и по поводу 25-летия падения *Берлинской стены*. На торжествах в Берлине 9 ноября 2014 г. с острой критикой Запада выступил М. С. Горбачев, заявив, что Запад не выполнил своих обещаний, ведь после вывода советских войск из бывшей ГДР и Чехословакии было гарантировано, что *НАТО расширяться на Восток не будет*.

Ту же самую мысль повторил бывший вице-премьер Чехословакии и премьер Словакии Я. Чарногурски 14 ноября 2014 г. на телеканале ТА3 в регулярной программе «В политике». Интересным в этой связи оказалось замечание телеведущего: *Но никаких соответствующих документов подписано не было!*

Таким образом, мысль о том, что Запад не выполнил своих обещаний и обманул Россию, не чужда и словацким СМИ.

Хотя официальная пропаганда по отношению к США в словацких СМИ более-менее положительна, в словацкой общественности всё не так однозначно. Регулярно проявляются антиамериканские тенденции, которые свидетельствуют о том, что многие жители Словакии воспринимают политику США однозначно отрицательно. Ярким выражением этой тенденции стала серия больших плакатов, которая появилась в конце 2014 и в начале 2015 г. На них размещены портреты генерального секретаря НАТО и трех видных американских политиков — Обамы, Керри и Маккейна. Под их портретами находится короткий текст: *Vojna? Pre nich zisky. Pre nas smrť. — Война? Для них — прибыль. Для нас — смерть.*

5. Россия, «G-20»

и 25-летие Нежной революции

Встречи в верхах представителей сильнейших стран современного мира всегда вызывают повышенный интерес СМИ и определенной части мировой общественности, поскольку на таких форумах решаются важнейшие политические и экономические проблемы. Но в середине ноября 2014 г. на саммите «Большой двадцатки» в Австрии в центре внимания была позиция президента Путина по украинскому кризису. Отдельные западные лидеры в своих выступлениях критиковали *агрессию России на Украине* и призывали Путина прекратить эту *агрессию*. Чаще всего высказывались догадки о том, как в этой обстановке поведет себя Путин: *Podľa niektorých správ Putin odíde zo summitu skôr. — По некоторым данным, Путин уйдет с саммита раньше. Putin sa nezučastní recepcie, ale namiesto nej bude mať tlačovú konferenciu. — Путин не примет участие в приеме, но взамен у него будет пресс-конференция. Nosi počas fotografovania vedúcich predstaviteľov G20 Putin stal na kraji, bol však v centre pozornosti. — Хотя во время фотографирования верховных представителей G-20*

Пути стоял крайним, именно он был в центре внимания [STV1, ТА3, 15.11.2014].

Во всех теленовостях показывали кадры встречи Путина с представителями отдельных стран и переводили их реплики. В особенности заинтересовала встреча президента России с канадским премьером, который сказал: *Ruku Vám podám, no z Ukrajiny musíte zmiznúť. — Руку вам пожму, но с Украины вы должны исчезнуть* [Там же].

Были отмечены также другие заявления политиков на вышеупомянутой встрече. В связи с тем, что Путина на этом пути сопровождали боевые корабли, в некоторых СМИ напечатали слова австралийского премьера Т. Аббота, в которых чувствуется однозначная неприязнь к России: *Rusko by bolo oveľa prítťažlivejšie, keby sa chcelo stať supervelmocou mieru, slobody a blahobytu, namiesto toho, že sa pokúša obnoviť stratenú slávu cárizmu a starého Sovietskeho zväzu. — Россия была бы более привлекательной, если бы желала стать сверхдержавой мира, свободы и благосостояния, вместо того чтобы пытаться восстановить потерянную славу царизма и старого Советского Союза* (Р. 15.11.2014).

В те же самые дни в Чехии и Словакии отмечали 25-летие *Нежной революции*, в результате которой в 1989 г. рухнул прежний просоветский режим. В столицу Словакии прибыли президенты Чехии, Польши, Венгрии, Германии и Украины. Они приняли участие в целом ряде мероприятий и в своих выступлениях среди прочего высказывали свои взгляды на украинский кризис. В основном эти выступления сводились к тому, что необходимо положить конец *окупации Крыма и агрессии России на Востоке Украины*. Такова официальная позиция президентов шести стран, хотя не все (исключением был, например, чешский президент) высказывались в адрес России откровенно критически. В другом месте прозвучало иное мнение по поводу России: перед президентским дворцом в Братиславе проходила демонстрация против нынешнего украинского президента. Отдельные ее участники высказывались иногда очень критически против политики украинских властей относительно Крыма и Юго-Востока Украины. Некоторые эту политику сопоставляли с идеологией лидера (жупана) Банско-Бистрицкого края Котлебой, который известен как сторонник крайне радикальных и даже профашистских взглядов. На телеэкране прозвучали даже очень острые слова одной протестующей, в которых проводились параллели с позицией российских СМИ при оценке украинской власти посредством языковых единиц фашистского оценочного фона: *Keď v Banskej Bystrici vyhral voľby Kotleba, tak sa na jeho adresu ozvala ostrá kritika. No súčasná ukrajinská vláda zaujíma podobné pozície proti svojim obyvateľom. — Когда в Банска-Бистрице на выборах победил Котлеба, то в его адрес прозвучала острая критика. Но современная украинская власть занимает ту же самую позицию по отношению к своим гражданам* (ТА3, 15.11.2014).

На самом деле демонстранты выразили свое огорчение тем, что президент Порошенко при-

глашен на 25-летие события, которое значительная часть жителей Словакии считает символом свободы, и это никак не соответствует образу современной украинской власти. В подобных протестах проявляются противоречия между официальной позицией властей и значительной части СМИ с одной стороны и широкой общественностью с другой стороны. В связи с украинским кризисом создается впечатление, будто большинство жителей Словакии стоит на западных позициях. Подтверждается, что правда не то, о чем думает большинство, а то, о чем говорит меньшинство. Транслировать свою точку зрения имеют возможность главным образом политики и лояльные им СМИ. Они в значительной степени являются союзниками при **распространении лжи**. Словацкий автор Динка [Dinka 2010] организаторов такой социально-коммуникативной практики называет «стаей охотников».

И еще один пример в связи с событиями на постсоветском пространстве. Во время войны в Югославии СМИ, как правило, сообщали сведения об *агрессивности сербов* и преступлениях некоторых их представителей. До сих пор мне не приходилось встречать информацию о том, как авиация США бомбила Белград. В свое время повторялась мысль о том, что бомбардировки — это *меньшее зло*, значит, все это было необходимо. Мне удалось узнать некоторые подробности об этой трагедии во время участия в научной конференции в столице Сербии. Американская авиация разбомбила целый ряд гражданских (в тогдашней интерпретации, «стратегических») объектов, в том числе и здание Сербского телевидения, где погибло свыше 30 его сотрудников. Однако мосты через реку Саву остались нетронуты. Рассказ одной коллеги из Белградского университета: *Когда приближались американские бомбардировщики, большое количество молодых людей пошли на мосты. Они держались за руки и пели сербские народные песни. Все мосты в Белграде были сохранены. Американцы не отважились их разбомбить...*

Об этом поистине мужественном и героическом поступке молодых сербов мне до сих пор не удалось обнаружить в СМИ ни одного сообщения. А подобных историй можно было рассказать очень много.

6. Заключение

Российский историк В. М. Назаров [Назаров 2004] отметил, что без СМИ Первой мировой войны вообще не случилось бы. Это утверждение кажется парадоксальным — ведь кто в те годы читал газеты? Но анализ исследователя показывает, что в определенных кругах общества, в основном среди городского населения, читали газеты и находились под их влиянием. Главным образом читающая публика была представлена интеллигенцией, которая в своем большинстве подпала под влияние националистических и вообще враждебных идей по отношению к соседним народам. Это случилось во Франции и Англии, это случилось в Германии и Австро-Венгрии, чуть позже и в России. Политикам и журналистам удалось разжечь **ненависть**, которая в конце концов привела к военной бойне и миллионом погибшим. Сто лет спустя после начала Первой мировой

войны сложилось похожее положение. Политики и СМИ в большинстве выступают негативно и публикуют отрицательные материалы о других людях и странах. Для словацких СМИ характерны те же самые тенденции, но украинский кризис пока получает также трезвые оценки, которые не вписываются в западные антироссийские умонастроения. Заслуживает внимания тот факт, что часть словацких СМИ раскрывает закулисные интриги Запада и в особенности США, главной целью которых является ослабление всей Европы. Из вышеуказанных иллюстраций вытекает, что не все СМИ подчиняются влиянию Запада, некоторые способны дать относительно объективную оценку украинскому кризису, за которым стоят стратегические интересы Запада.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. ČT1 — Česká televízia
2. LT — Literárny týždenník
3. P — Pravda
4. S — Sme
5. STV1 — Slovenská televízia
6. T — Týždeň
7. Ž — Život

ЛИТЕРАТУРА

8. Назаров М. Россия накануне революции и февраль 1917 года // Наш современник. 2004. № 3. С. 145—183.
9. Bačišin V. Sankcie dopadnú na všetkých // Pravda. 2014. 2.8. S. 41.
10. Besker J. Vo víre deštruktívnych záujmov // Pravda. 2014. 7.8. S. 29.
11. Dianiška J., Majchrák J. Naši rusofíli // Týždeň. 2014. № 50. S. 28—30.
12. Dianiška J. Rusko v ofenzíve // Týždeň. 2014. № 4. S. 51.
13. Dinka P. Žurnalisti — lovci vo svorke // Martin: Politologický odbor Matice slovenskej. 2010.
14. Drábek I. Západ Putina neprinúti ustúpiť // Pravda. 2014. 1.8. S. 3.
15. Drábek I. Sankcie Západu môžu paralyzovať ruskú elitu // Pravda. 2014. 2.8. S. 38.
16. Drábek I., Matišák A. Manifest orbánizmu Brusel neodsúdiť // Pravda. 2014. 31.7. S. 27.
17. Draxler J. Otázniky okolo vojny // Pravda. 2014. 4.8. S. 30.
18. Dzurinda M. Ukrajina musí bolieť // Týždeň. 2014. № 41. S. 45—47.
19. Chmelár E. Budúcnosť demokracie // Pravda. 2014. 31.7. S. 31.
20. Chmelár E. Najväčšie chyby Západu // Pravda. 2014. 9.9. S. 31.
21. Javůrek P. Manifest blúznenia // Pravda. 2014. 28.7. S. 28.
22. Javůrek P. Stabilita? Určite nie // Pravda. 2014. 27.10. S. 28.
23. Kováčik M. Ignorujú nás // Pravda. 2014. 17.9. S. 46.
24. Kusý M. Národný záujem Slovenska // Sme. 2014. 2.9. S. 11.
25. Krno M. Bazáre sú inde // Pravda. 2014. 4.8. S. 30.
26. Krno M. 70 rokov od veľkej bitky na Dukle // Pravda. 2014. 7.10. S. 6—7.
27. JT. Zámer, či omyl? // Život. 2014. № 30. S. 11—13.
28. Latta B. V Minsku budú rokovať o zajatcoch v Donbase // Pravda. 2014. 31.7. S. 28.

29. Latta B. V Kyjeve každý tvrdí niečo iné // Pravda. 2014. 5.8. S. 14.
30. Latta B. Ukrajinci budú platiť vojnovú daň // Pravda. 2014. 1.8. S. 14.
31. Latta B. Ukrajinská pravica báži po moci // Pravda. 2014. 10.9. S. 14.
32. Latta B. Ukrajincov volilo menej, ako sa čakalo // Pravda. 2014. 27.10. S. 12.
33. Latta B. Kyjev stále delí posty, separatisti majú už jasno // Pravda. 2014. 4.11. S. 10.
34. Latta B. Kyjev zmietol osobitný štatút // Pravda. 2014. 6.11. S. 28.
35. Lebduška M. Krajina sovietskych reliktov // Sme. 2014. 28.10. S. 13.
36. Lenč M. Vzniká „nová“ Ukrajina // Sme. 2014. 7.10. S. 13.
37. Prochádzková P. Zabudnutí vojnoví invalidi nevolili // Sme. 2014. 28.10. S. 10.
38. Schmögnerová B. Mráz prichádza z europarlamentu // Pravda. 2014. 11.10. S. 39.
39. Schultz P. Čistý agresor Rusko // Sme. 2014. 2.9. S. 10.
40. Schutz P. O plynovej vojne // Týždeň. 2014. № 41. S. 6.
41. Matišák A. Z ukrajinskej krízy sa teší Čína // Pravda. 2014. 1.8. S. 2—3.
42. Matišák A. Kto má plán, ako vyriešiť Ukrajinu? // Pravda. 2014. 2.8. S. 38.
43. Mesík J. Manželstvo z núdze // Život. 2014. № 31. S. 60—63.
44. Mišík M. Ruská plynová ruleta // Sme. 2014. 6.10. S. 13.
45. Morvay P. Putinovi sabotéri // Sme. 2014. 10.9. S. 14.
46. Morvay P. Plynovod Putin — Orbán // Smer. 2014. 5.11. Sd. 12.
47. Tóda M. Rusi našli vo Ficovi svojho spojenca // Sme. 2014. 2.9. S. 1—2.
48. Tóda M. Po voľbách prídu drsné časy // Sme. 2014. 27.10. S. 10.
49. Toma B. Sankcie zastavili export bagrov zo Slovenska // Pravda. 2014. 1.8. S. 2—3.
50. Toma B., Vavrová V. Trestanie Putina pocíť desiatky našich firiem // Pravda. 2014. 31.7. S. 1—2.
51. Vichová L. Zmrazený konflikt // Pravda. 2014. 5.11. S. 13.
52. Vichová L. Parašutisti vo vláde // Pravda. 2014. 8.12. S. 29.

J. Sipko

Prešov, Slovakia

INTERPRETATION OF THE ROLE OF THE USA AND THE WEST IN THE UKRAINIAN CRISIS IN SLOVAK MASS MEDIA

ABSTRACT. *A new round of confrontation between Russia and the Western countries is observed in mass media in connection with the Ukrainian crisis, the word combinations “a new cold war”, “cold war 2” and “the iron curtain” are being actively used again, and there appear historical allusions to the antagonism between Russia and the West in deferent historical epochs. All Slovak mass media irrespective of their ideological-political orientation demonstrate this tendency. The article analyzes the associations with the events in Ukraine in the aspect of linguo-culturology on the material of such Slovak mass media as the West oriented papers “SME” and “The Week” and some Czech and Slovak TV channels. The article also studies polemically sharp utterances of political figures (for example, ex-president of the Czech Republic V. Klaus and ex-president of the USSR M.S. Gorbachev) and anecdotes including those that contain precedent phenomena (Ivan Susanin). It is found that the following events are mentioned in connection with the situation in Ukraine: the War in Vietnam, the fall of the Berlin Wall, the Velvet Revolution, American bombings of Belgrade and the 2014 Olympiad.*

The article highlights that the Western mass media allegedly name Russia as the main source of the Ukrainian crisis. The position of the Slovak mass media is not equally homogeneous: some mass media keep to the Western position, while others, due to the freedom of speech, present an alternative point of view, attracting the readers' attention to the geopolitical plans of the USA to weaken Europe and to sever the ties between EU countries and Russia.

It is noted in the article that the situation, that formed under the influence of the events in Ukraine, resembles the atmosphere in Europe on the eve of World War I. Reporters and politicians of those times also spread hatred and nationalistic ideas, which made the neighboring countries look at each other with hostility.

KEYWORDS: *mass media discourse; linguistic worldview; Slovak mass media; cold war; pun.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages, University of Prešov, Slovakia.*

LITERATURE

1. ČT1 — Česká televízia
2. LT — Literárny týždenník
3. P — Pravda
4. S — Sme
5. STV1 — Slovenská televízia
6. T — Týždeň
7. Ž — Život
8. Nazarov M. Rossiya nakanune revolyutsii i fevral' 1917 goda // Nash sovremennik. 2004. № 3. S. 145—183.
9. Bačišin V. Sankcie dopadnú na všetkých // Pravda. 2014. 2.8. S. 41.
10. Besker J. Vo víre deštruktívnych záujmov // Pravda. 2014. 7.8. S. 29.
11. Dianiška J., Majchrák J. Naši rusofili // Týždeň. 2014. № 50. S. 28—30.
12. Dianiška J. Rusko v ofenzíve // Týždeň. 2014. № 4. S. 51.
13. Dinka P. Žurnalisti — lovci vo svorke // Martin: Politologický odbor Matice slovenskej. 2010.
14. Drábek I. Západ Putina neprinúti ustúpiť // Pravda. 2014. 1.8. S. 3.
15. Drábek I. Sankcie Západu môžu paralyzovať ruskú elitu // Pravda. 2014. 2.8. S. 38.
16. Drábek I., Matišák A. Manifest orbánizmu Brusel needsúdil // Pravda. 2014. 31.7. S. 27.
17. Draxler J. Otázniky okolo vojny // Pravda. 2014. 4.8. S. 30.
18. Dzurinda M. Ukrajina musí bolieť // Týždeň. 2014. № 41. S. 45—47.
19. Chmelár E. Budúcnosť demokracie // Pravda. 2014. 31.7. S. 31.
20. Chmelár E. Najväčšie chyby Západu // Pravda. 2014. 9.9. S. 31.

21. Javůrek P. Manifest blúznenia // Pravda. 2014. 28.7. S. 28.
22. Javůrek P. Stabilita? Určite nie // Pravda. 2014. 27.10. S. 28.
23. Kováčik M. Ignorujú nás // Pravda. 2014. 17.9. S. 46.
24. Kusý M. Národný záujem Slovenska // Sme. 2014. 2.9. S. 11.
25. Krno M. Bazáre sú inde // Pravda. 2014. 4.8. S. 30.
26. Krno M. 70 rokov od veľkej bitky na Dukle // Pravda. 2014. 7.10. S. 6—7.
27. JT. Zámer, či omyl? // Život. 2014. № 30. S. 11—13.
28. Latta B. V Minsku budú rokovať o zajatcoch v Donbase // Pravda. 2014. 31.7. S. 28.
29. Latta B. V Kyjeve každý tvrdí niečo iné // Pravda. 2014. 5.8. S. 14.
30. Latta B. Ukrajinci budú platiť vojnovú daň // Pravda. 2014. 1.8. S. 14.
31. Latta B. Ukrajinská pravica báži po moci // Pravda. 2014. 10.9. S. 14.
32. Latta B. Ukrajincov volilo menej, ako sa čakalo // Pravda. 2014. 27.10. S. 12.
33. Latta B. Kyjev stále delí posty, separatisti majú už jasno // Pravda. 2014. 4.11. S. 10.
34. Latta B. Kyjev zmietol osobitný štatút // Pravda. 2014. 6.11. S. 28.
35. Lebdúška M. Krajina sovietskych reliktov // Sme. 2014. 28.10. S. 13.
36. Lenč M. Vzniká „nová“ Ukrajina // Sme. 2014. 7.10. S. 13.
37. Procházková P. Zabudnutí vojnoví invalidi nevolili // Sme. 2014. 28.10. S. 10.
38. Schmögnerová B. Mráz prichádza z europarlamentu // Pravda. 2014. 11.10. S. 39.
39. Schultz P. Čistý agresor Rusko // Sme. 2014. 2.9. S. 10.
40. Schutz P. O plynovej vojne // Týždeň. 2014. № 41. S. 6.
41. Matišák A. Z ukrajinskej krízy sa teší Čína // Pravda. 2014. 1.8. S. 2—3.
42. Matišák A. Kto má plán, ako vyriešiť Ukrajinu? // Pravda. 2014. 2.8. S. 38.
43. Mesík J. Manželstvo z núdze // Život. 2014. № 31. S. 60—63.
44. Mišík M. Ruská plynová ruleta // Sme. 2014. 6.10. S. 13.
45. Morvay P. Putinovi sabotéri // Sme. 2014. 10.9. S. 14.
46. Morvay P. Plynovod Putin — Orbán // Smer. 2014. 5.11. Sd. 12.
47. Tóda M. Rusi našli vo Ficovi svojho spojenca // Sme. 2014. 2.9. S. 1—2.
48. Tóda M. Po voľbách prídu drsné časy // Sme. 2014. 27.10. S. 10.
49. Toma B. Sankcie zastavili export bagrov zo Slovenska // Pravda. 2014. 1.8. S. 2—3.
50. Toma B., Vavrová V. Trestanie Putina pocítia desiatky našich firiem // Pravda. 2014. 31.7. S. 1—2.
51. Vichová L. Zmrazený konflikt // Pravda. 2014. 5.11. S. 13.
52. Vichová L. Parašutisti vo vláde // Pravda. 2014. 8.12. S. 29.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РФ В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ ментальных моделей, формирующих основу графических метафор, появившихся на американских сайтах в течение периода, начавшегося почти одновременно с Олимпиадой в Сочи и завершившегося присоединением Крыма к России. Нас интересуют модели, связанные со следующими образами: Россия, Украина, США, президенты этих стран. В качестве основной использована методология, берущая начало из работ по метафорическому моделированию, мультимодальной метафоре и доработанная нами с точки зрения возможности более точного анализа языковых данных.

Описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образов американской карикатуры на момент присоединения Крыма к РФ.

Для РФ ключевой становится милитарная, агрессивная модель. Наша страна представлена достаточно традиционно через метонимические связи с танками, самолетами, автоматами Калашникова. За ней следует зооморфная (медведь, волк) и гастрономическая модели. Применительно к Украине и Крыму гастрономическая модель становится доминантной. За ней следуют модели пути и физиологии. Для США выделяются две основные модели: финансовая и милитарная. Президенты РФ и США часто изображаются вместе. Здесь доминируют театральная и спортивная модели. Фиксируется значительное ухудшение образа президента США.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем политической метафорологии. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графическая метафора; политический дискурс; политическая карикатура; Б. Обама; В. Путин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Наш обзор посвящен анализу ментальных моделей, лежащих в основе графических метафор, появившихся на американских сайтах в течение периода, начавшегося почти одновременно с Олимпиадой в Сочи и завершившегося присоединением Крыма к России. Нас интересуют следующие образы: Россия, Украина, США, президенты этих стран.

Итак, Российская Федерация. 30 % от всей выборки составляет, конечно, милитарная, агрессивная модель. Наша страна представлена достаточно традиционно через метонимические связи с танками, самолетами, автоматами Калашникова. Интересно отметить, что нигде наши военные не изображены пьяными, непрофессиональными, плохо одетыми, глупыми, что еще недавно было в карикатурах США. Везде это практически спецназ, хорошо обученная, одетая в соответствии со всеми современными тенденциями, отлично вооруженная грозная сила (ср., например, рис. 1). Только одна карикатура немного выпала из доминирующего направления (рис. 2). С одной стороны, она иллюстрирует милитарную модель, с другой — попадает в группу карикатур, представляющих Россию как наследницу СССР (их последнее время немало), параллельно развивается образ России-матери. Только матушка эта весьма злобная, склонная к шантажу и угрозам.

Вторая по частотности — зооморфная модель (9 % от всей выборки), что тоже неудивительно. Конечно, на первом месте медведь. Показательно, что животное здоровое, крепкое, крупное. Это особенно важно, если сопоставить сегодняшний образ с карикатурами времен рас-

пада СССР, когда у животного не хватало конечностей, оно было слабым, раненым, больным. Сейчас наш мишка проявляет свой крутой нрав, отказываясь подчиняться Б. Обаме в виде укротителя (рис. 3), готов легко наловить себе рыбы (в виде Украины или Крыма) под видом их спасения и наворовать себе меда (рис. 4).

Образ России как вора (либо бабки, либо медведя) тоже нередко появлялся при иллюстрации событий в Крыму (ср, например, рис. 5). Была только одна карикатура, где медведь был изображен с подпаленным хвостом — Украиной (рис. 6).

Рис. 1

Рис. 2

Работа выполнена в рамках государственного задания № 2014 / 392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

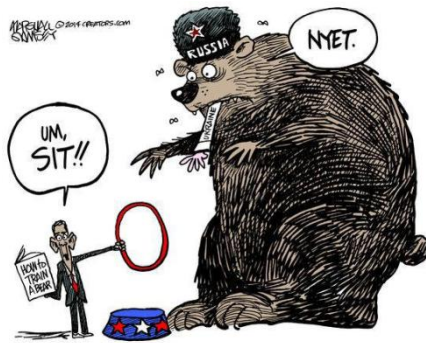

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Второй зооморфный образ — это волк, достаточно наглое, самоуверенное существо, которому нипочем угрозы Украины, США и Евросоюза, выступающих в роли трех поросят, пытающихся сдуть Крым — новый дом волка (рис. 7).

Рис. 7

Третья модель — гастрономическая (8 % от всей выборки). Она близко примыкает ко второй, потому что Крым изображается в качестве обеда медведя или волка (рис. 8).

Рис. 8

Но кроме этого, обедать Крымом в виде утки, головки сыра или стейка президент РФ может и в человеческом образе (рис. 9). Кстати, что касается утки, то здесь обыгрывается выражение *lame duck* — «хромая, подбитая утка». На основе этого выражения существуют следующие устой-

Рис. 6

чивые словосочетания: *lame duck president* — президент, заканчивающий свое пребывание на этом посту; «*lame duck*» year — последний год чьего-л. президентства; *Lame Duck Amendment* — «поправка о подбитой утке», т. е. двадцатая поправка к Конституции США, ратифицированная в январе 1933 г. Применительно к ситуации на Украине, Крым можно рассматривать не только как дичь, лакомый кусочек, но и саму Украину можно сравнить с подбитой уткой, у которой нет шансов на спасение, особенно зимой. Сыр ассоциируется со сладким, десертом, а само слово «*cheese*» и его синонимы часто метафорически обозначают деньги.

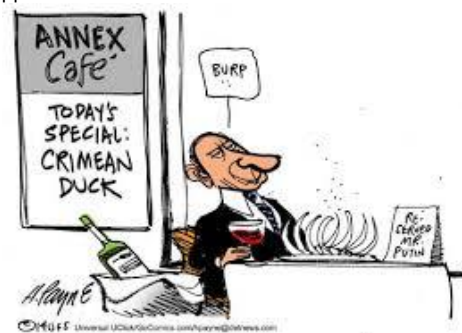

Рис. 9

Теперь пора перейти к Украине и Крыму как самостоятельным сферам-мишеням. Гастрономическая модель здесь становится доминантной (38 % применительно к сферам-мишеням «Украина» и «Крым»). За ней следуют модели пути и физиологии. У них равное процентное соотношение (каждая составляет 7 % от всей выборки и 31 % применительно к сферам-мишеням «Украина» и «Крым»). Пути у Украины как такового нет: она находится в глубокой расщелине, откуда ее тщетно пытаются достать Европа и РФ, каждая из которых тянет на себя (рис. 10).

Рис. 10

Физиологическая модель проявляется при изображении Крыма как психобольного, который, вместо того чтобы стать частью Европы, выбирает Россию (рис. 11). Украина — это либо инвалид, покалеченный В. Путиным (рис. 12), либо потенциальная жертва «мрачных жнецов», которые, кстати, перед этим разделались с торговым представителем Министерства сельского хозяйства США. Нужно сказать, что на момент создания и отбора карикатур еще и речи не шло о той кровавой гражданской войне, которая развернулась на Украине пару месяцев спустя.

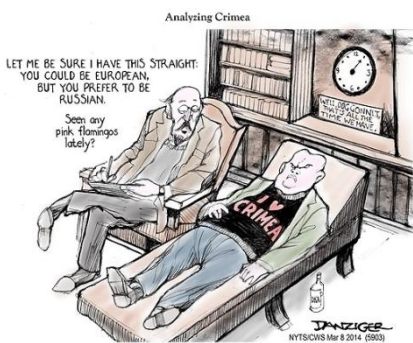

Рис. 11

Рис. 12

Единично проявлялась сексуальная модель, когда Украина представала как объект желаний и продажная женщина, и семейная модель с Украиной в образе матери, у которой бабушка-Россия украла ребенка-Крым. Интересно, что Евросоюз практически не попал в американскую карикатуру, и кроме образа поросенка (см. выше), неудачливого жениха Украины, подъемного крана и безликого неидентифицируемого политика ничем ярким не наделен. Что тоже показательно и хорошо отражает зависимость политики Европы от решений, принимаемых в США.

Сами США на карикатуре этого периода, как ни парадоксально для американского патриоти-

ческого сознания, тоже выглядели не лучшим образом. Основных моделей две: финансовая и военная. Финансовая модель составляет 9 % от всей выборки и 59 % применительно к США. Ни на одной карикатуре нет ощущения прежней уверенности американцев в обеспеченности будущего. Финансовая графическая метафора показывает близкий или уже наступивший финансовый крах, нищенствующую статую Свободы, банкротство дяди Сэма (см., например, рис. 13).

Рис. 13

Интересно, что стали появляться карикатуры, изображающие американцев или США в виде персонажей классической европейской литературы. Один из таких примеров представлен на рис. 14. США в образе бедняжки Козетты из романа В. Гюго «Отверженные» сетуют на свою судьбу и плачевное состояние экономики. Не случайно на карикатуре приведены и оригинальное название романа «Les Misérables» и перевод («The Miserable Ones»). Традиционный перевод названия романа на русский язык в большей мере передает смыслы отверженности обществом, изоляции. Если же посмотреть словарные статьи слова «*miserable*», то основные значения будут следующие: *прилаг.* 1. несчастный, жалкий; бедный; нищенский, убогий; 2. бедственный, плачевный; печальный 3. дрянной, ничтожный; презренный, подлый; *сущ.* 1. несчастный, жалкий человек, бедняга; 2. бедняк, бедная женщина. У английского заимствованного «*miserable*» семантика очень похожая на французскую: 1. жалкий, несчастный; 2. бедный, бедствующий, нуждающийся; 3. печальный (о новостях, событиях). То есть доминировать здесь будет не маргинальность, а финансовая несостоятельность, бедность и, как следствие этого, замкнутость социальной группы, закрытость возможностей и мира. Эта карикатура, помимо финансовой, включает еще и театральную модель, потому что внизу значится: «Сегодня на всех театральных площадках».

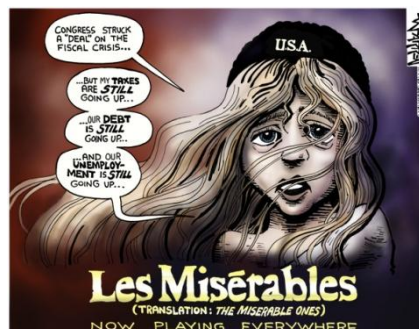

Рис. 14

На милитарную модель приходится при изображении США 7 % от всей выборки и 41 % применительно к США как отдельной сфере-мишени. Высмеиваются агрессивные призывы к войне представителей Консервативной партии. Отдельно высмеивается Дж. Маккейн, например на той карикатуре, где говорит американскому солдату, что теперь все американцы — украинцы и должны воевать с Россией за свои права. Позже, правда, выясняется, что у американского солдата отец ирландец, а мать вообще русская, и забывать об этом он не желает. Судя по карикатуре, в американском обществе все чаще напрямую говорят о том, что агрессивная внешняя политика США — это часть войны за энергоресурсы, что эта война в конечном счете губительна не только для других государств, но и для самих США, что за призывами «Свобода! Демократия! Права!» стоит простая жажда наживы (рис. 15).

Театральная и спортивная модели (6 % от всей выборки) связаны с образами В. Путина и Б. Обамы. В. Путин выступает в образе актера, манипулирующего марионеткой-Януковичем и российскими СМИ, певца, исполняющего переделанный на новый лад хит «Georgia On My Mind» (здесь обыграны омонимы: Georgia — штат Джорджия и Грузия), или жонглера (рис. 16, 17). Интересно, что последний образ примыкает к милитарной модели, потому что жонглирует наш президент бензопилами на глазах у связанного по

рукам и ногам Б. Обамы. Обращаясь к Б. Обаме, на карикатуре В. Путин говорит: «Throw me another». Это вызывает аналогию с разговорным выражением: «Tell me another! — Хватит врать-то! Брехать не пахать. Не кроши мне батон на уши! Не вешай лапшу! и т. д.».

Спортивная модель тоже показывает, что у Б. Обамы нет шансов. Видов спорта применительно к этой ситуации в данный период было всего два — баскетбол, где В. Путин, пользуясь нетрадиционным приемом пригибания корзины, легко кладет в нее мяч на глазах у изумленного долговязого Б. Обамы, и шахматы. В этой игре шах был поставлен с помощью российских танков, что снова дает сочетание с милитарной моделью (рис. 18).

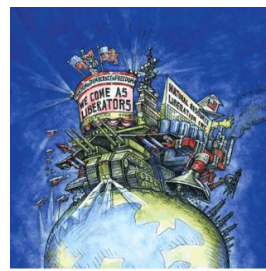

Рис. 15

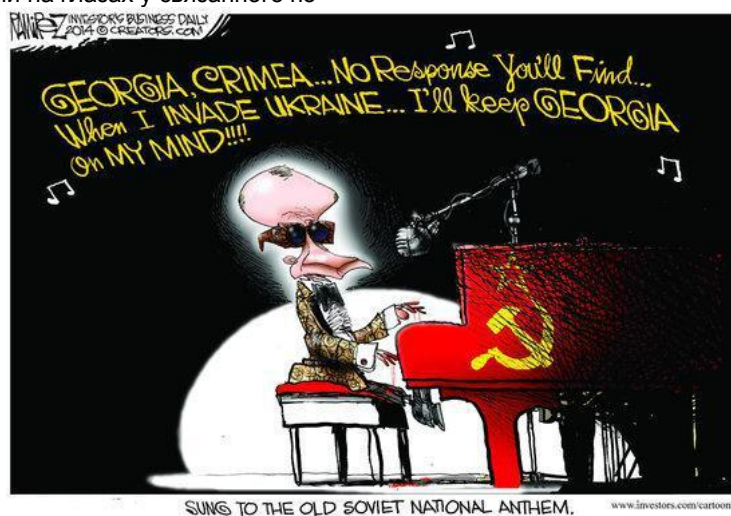

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Но не эти модели являются ключевыми, если говорить отдельно об образах президентов РФ и США. Для В. Путина ведущей становится модель brutального мачо, который откровенно издевается над слабым Обамой, гнет его в колесо, давит танком в лепешку, обворачивает вокруг пальца и т. д. В последнем случае обыгрывается ряд фразеологизмов: *to give smb. the finger* — выразить презрение, сделав неприличный жест рукой (средний палец поднят вверх); *to turn / twist smb. round one's (little) finger* — вить веревки из кого-л.; *to have smb. wrapped around one's little finger* — полностью подчинять себе кого-л. Порядка 90 % карикатур на В. Путина изображают его с обнаженным торсом, что только добавляет мачизма. Практически все образы так или иначе вновь возвращают к военной модели (ср., например, рис. 19). Кстати, на этом рисунке в темных очках В. Путина отражается Б. Обама с открытым от изумления ртом.

Единично фиксируются следующие образы В. Путина: монархический, Дед Мороз с подарками для военного бюджета США, сумасшедший и дикарь, пытающийся силком взять в полон Украину (рис. 20, 21).

Рис. 20

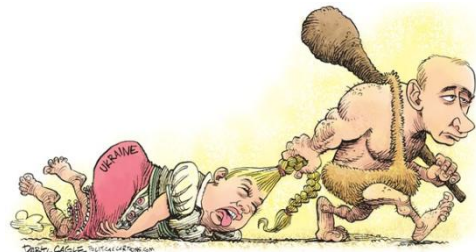

Рис. 21

В образе царя В. Путин сопоставляется с Николаем I, а ситуация с Крымом должна напомнить о Крымской войне 1853—1856 гг. (рис. 22). Второй монархический образ — это царь, «ужинающий в одиночестве». На ужин монарху подан Крым —

лакомый кусок, которым В. Путин ни с кем не поделится. Между прочим, это только первая перемена блюд, а это означает, что за Крымом должны были последовать другие территории (рис. 23).

Рис. 22

Рис. 23

Интересно, что по частности появления на карикатуре В. Путин во много раз превосходит Б. Обаму. Последний с начала 2014 г. заметно сдал свои позиции. Дело в том, что когда политический лидер вызывает желание создать шарж или карикатуру, это свидетельствует о его популярности. Положительная она или отрицательная — это другой вопрос, но так или иначе лидер интересен. Если этого нет, это свидетельствует о потере интереса к данной личности в обществе, что и произошло с Б. Обамой. Там, где он появляется один, Б. Обама предстает как унылый Пиноккио с длинным перевешивающим его носом или как откровенный придурок. Один из таких примеров представлен на рис. 24, где Б. Обама изображен вместе с символом демократов — осликом. Переносные значения этого слова знают все. Дополнительные смыслы вносит искаженный лозунг Б. Обамы «Hope & Change», который превратился в «Hopeless». У слова «hopeless» несколько значений, которые здесь обыграны: 1. безнадежный, неисправимый, безвыходный, безысходный; 2. отчаявшийся; доведенный до состояния отчаяния. Словарь Oxford дает еще такие значения: 1. feeling or causing despair about something — испытывающий или внушающий чувство отчаяния, безнадежности; 2. inadequate; incompetent — неадекватный, неподходящий, непрофессиональный. Напомним, что это американский графический материал, т. е. так видят двух президентов граждане США.

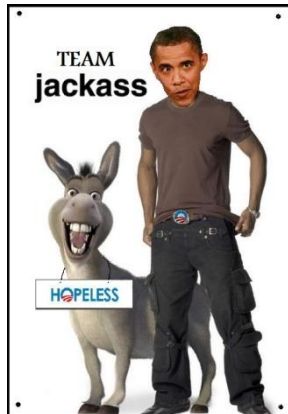

Рис. 24

Еще один интересный и новый образ Б. Обамы — это мим в берете (рис. 25, 26). Этот типаж явно вводит образ француза и обращен, с одной стороны, к театральной сфере, которая отражает фальшь, обман, подделку, а с другой — к мотивам чуждости, чужеродности, а потому ненужности, вновь обмана, враждебности для США.

Рис. 25

Рис. 26

Параллельно это аллюзия на другого хорошо известного в США персонажа — мсье Верду, главного героя одноименного фильма Ч. Чаплина. Мсье Верду (рис. 27, 28), после того как его уволили из банка, стал брачным аферистом и зарабатывал деньги, убивая свои престарелых состоятельных супругов. Жизнь его заканчивается на гильотине, но на суде он произносит речь, обличающую крупные военные концерны, которые тоже зарабатывают деньги подобным способом, только гораздо большей кровью. При переносе на Б. Обаму создается образ гнусного обманщика с искаженной системой ценностей,

пытающегося доказать, что его прегрешения — ничто по сравнению с деяниями других.

Единичные случаи приходится на изображение политиков Украины. В описываемый период В. Янукович появлялся в роли марионетки Кремля (рис. 30), а маленький, жалкий А. Яценюк явно проигрывал невозмутимому В. Путину на танке (рис. 31).

Рис. 27

Рис. 28

Из карикатур, где два президента изображены вместе, отдельно стоит упомянуть карикатуру, на которой Б. Обама берет на себя роль пограничника Украины, напрасно угрожающего вслед В. Путину, несущемуся вперед на танке. Показательно, что карикатура озаглавлена «Как весь остальной мир воспринимает Б. Обаму» (рис. 29).

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Завершая анализ графики этого временного периода применительно к конкретному событию, можно отметить, что карикатура, будучи частью политической пропаганды, конечно, отражает многое из того, что слышится в риторике ведущих политиков и СМИ. Относительно нашей страны можно порадоваться, что нас воспринимают пусть и агрессивной, но сильной страной. Нас перестали считать придурками и алкоголиками. Параллельно с этим критике со стороны своих собственных граждан начинают все чаще подвергаться действия лидеров США. Так, если посмотреть, что появлялось в блогах и комментариях [см., например: <http://blogs.denverpost.com/opinion/>; <http://my.firedoglake.com/>; <http://newsblogs.chicagotribune.com/taking-a-stantis/> и др.], то, наряду с демонстрацией агрессивных настроений, легко можно было обнаружить следующие высказывания:

And why are we punishing Russia again? Isn't it Crimea that held a vote and wants to be part of Russia? We're punishing Russia, then, because it has an obsessive girlfriend who is sending it valentines? — Почему же мы снова наказываем Россию? Разве Крым не провел референдум и не выразил желание стать частью РФ? Разве в этом случае мы не наказываем Россию за то, что у нее появился настойчивый поклонник, который шлет ей валентинки?

These are as much lies as is Obama's attempt to compare Iraq or any other of US complicities in the overthrow of governments to the unfolding events in Crimea. They may serve to hasten the enlightenment of the citizens of Ukraine, however; so, lie away Obama. Lie away. The world is waking up. — Это [агрессивное истолкование событий в Крыму] все вранье, так же как и вранье Обамы, когда он пытается сравнить участие США в государственных переворотах в Ираке и других странах с событиями, которые разворачиваются сейчас в Крыму. Все это должно только побыстрее открыть украинцам глаза на происходящее, так что, ври, Обама, ври. Мир просыпается.

The one good thing, though, is that USians are thoroughly sick & tired of being told we need to wage endless WAR, Inc everywhere. It's just gotten out of control & absurd. — В этом можно найти один позитивный момент — американцы по горло сыты тем, что им постоянно твердят о необходимости ведения бесконечной войны по всему миру.

I agree, and especially about the last part. Not only are we sick of being told we need to go to war, but the other problem for the propagandists is that even if they convince US folks that 'Putin is very scary' ... we just don't want to spend big bucks on the (utterly fake) 'world's policeman' role. Too much pain and need at home. Getting us to go to war again will be hard, the masters will need a HUGE false flag operation and even then you and I and a bunch of us will be out protesting. — Я тоже так думаю. Особенно это касается последнего комментария. Мы не только по горло сыты тем, что нас все время убеждают идти воевать, у пропагандистов есть проблема посложнее. Даже если они убедят американцев, что „Путин представляет невероятную угрозу“, мы просто не хотим тратить такие бабки на (насквозь фальшивую) „роль мирового полицейского“. Слишком много страданий и бед у нас дома. Будет очень сложно заставить нас воевать снова. Хозяевам придется найти ОГРОМНЫЙ фальшивый предлог, и даже тогда вы и я, да и другие тоже выйдут на улицы с акциями протеста.

Возможно, это может повлиять на сегодняшнюю ситуацию в мире. Пусть пока не на политическом уровне, а на уровне массового сознания, но это гораздо важнее.

ИСТОЧНИКИ

1. Cagle. URL: <http://www.cagle.com/politicalcartoons/>.
2. Cartoonstock. URL: http://www.cartoonstock.com/newscartoons/directory/a/american-russian_relations.asp.
3. Chicago Tribune. URL: <http://www.newsblogs.chicagotribune.com/taking-a-stantis/>.
4. Collapseofindustrialcivilization. URL: <http://www.collapseofindustrialcivilization.com/2013/02/>.
5. Danger. URL: <http://www.danzigercartoons.com/>.
6. Denverpost.com. URL: <http://www.blogs.denverpost.com/opinion/>.
7. Flickr. URL: <http://www.flickr.com>.
8. Free Republic. URL: <http://www.freerepublic.com>.
9. Host.madison. URL: <http://www.host.madison.com>.
10. Kyiv Post. URL: <http://www.kievpost.com>.
11. Legal Insurrection. URL: <http://www.legalinsurrection.com>.
12. My.firedoglake. URL: <http://www.my.firedoglake.com/>.
13. Politicalcartoons.com. URL: <http://www.politicalcartoons.com/cartoon>.
14. Streetsofsalem. URL: <http://www.streetsofsalem.com/>.
15. The Daily American. URL: <http://www.dailyamericannews.com>.
16. The English Blog. URL: <http://www.englishblog.com/>.
17. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com>.
18. The Week. URL: <http://www.theweek.com>.
19. Truthdig. URL: <http://www.truthdig.com>.
20. U. S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com>.
21. Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com>.

22. Witness.theguardian.com. URL: <http://www.witness.theguardian.com>.

23. Zero Hedge. URL: <http://www.zerohedge.com/news/2014-03-16/us-vs-russia-3-cartoons>.

ЛИТЕРАТУРА

24. ABBYY Lingvo : электр. программа.

E. V. Shustrova

Ekaterinburg, Russia

CRIMEA JOINING RUSSIA: AMERICAN POLITICAL CARTOON REFLECTION

ABSTRACT. *The paper investigates mental models that form a basis for graphic (multimodal) metaphors which have appeared in American online editions, blogs and sites. The period of investigation begins at the time following the Sochi Olympic Games and ends up with the moment when Crimea became part of the Russian Federation. The author takes into consideration the graphic images of Russia, Ukraine, the USA and the presidents of these countries. The methods of investigation are formed on the basis of the conceptual metaphor theory and the multimodal metaphor approach. These methods of study have been further modified in the process of research so that the linguistic data could be analyzed in a more detailed way.*

The author also gives examples of transferred meanings, pun and decomposition of set expressions and analyzes images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in the political cartoons of the given period.

In the American cartoon of this period, Russia is depicted by means of the military model with a very high level of potential threat. For the most part, metonymy is used as the images of tanks, military aircrafts, and Kalashnikov guns substitute the image of the country. The second model in frequency is the animalistic one (a bear, a wolf), with the gastro-model to follow. It is this gastro-model that comes top of the list when Ukraine and Crimea are depicted. Two more models to rival it in popularity are those of the way and anatomy. the USA is shown by means of economic and military metaphors. The presidents of Russia and the USA are often placed together with theatrical and sports metaphors being dominant. The results demonstrate a prominent degradation of B. Obama's image in the American cartoon.

The results of the research in question contribute to the investigation of political metaphors. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

KEY WORDS: *graphic metaphor; political discourse; political cartoon; Barack Obama; Vladimir Putin.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of the English Language, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

RESOURCES & LITERATURE

1. Cagle. URL: <http://www.cagle.com/politicalcartoons/>.

2. Cartoonstock. URL: http://www.cartoonstock.com/newscartoons/directory/a/american-russian_relations.asp.

3. Chicago Tribune. URL: <http://www.newsblogs.chicagotribune.com/taking-a-stantis/>.

4. Collapseofindustrialcivilization. URL: <http://www.collapseofindustrialcivilization.com/2013/02/>.

5. Danger. URL: <http://www.danzigercartoons.com/>.

6. Denverpost.com. URL: <http://www.blogs.denverpost.com/opinion/>.

7. Flickr. URL: <http://www.flickr.com>.

8. Free Republic. URL: <http://www.freerepublic.com>.

9. Host.madison. URL: <http://www.host.madison.com>.

10. Kyiv Post. URL: <http://www.kievpost.com>.

11. Legal Insurrection. URL: <http://www.legalinsurrection.com>.

12. My.firedoglake. URL: <http://www.my.firedoglake.com/>.

13. Politicalcartoons.com. URL: <http://www.politicalcartoons.com/cartoon>.

14. Streetsofsalem. URL: <http://www.streetsofsalem.com/>.

15. The Daily American. URL: <http://www.dailyamericannews.com>.

16. The English Blog. URL: <http://www.englishblog.com/>.

17. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com>.

18. The Week. URL: <http://www.theweek.com>.

19. Truthdig. URL: <http://www.truthdig.com>.

20. U. S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com>.

21. Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com>.

22. Witness.theguardian.com. URL: <http://www.witness.theguardian.com>.

23. Zero Hedge. URL: <http://www.zerohedge.com/news/2014-03-16/us-vs-russia-3-cartoons>.

24. ABBYY Lingvo :electr. programma

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111(73):42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

М. Г. Асланова
Пятигорск, Россия

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА В РЕЧИ ПОЛИТИКА (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы)

АННОТАЦИЯ. *Изучаются языковые средства и способы отражения национально-культурной ценностной ориентации субъекта инаугурационного обращения к нации. Определяются особенности речевого воздействия, осуществляемого в публичной политической речи. Обосновывается значимость изучения жанра инаугурационной речи, состоящая в том, что в подобном выступлении не только намечаются основные направления будущей внешней и внутренней политики вновь избранного главы государства, но эксплицируется его ценностная духовная и морально-этическая ориентация. Рассматриваются понятия «ценность», «концепт», «культурный концепт», принимаются их рабочие определения, определяются основные национально-культурные ценности американского народа, устанавливаются соответствующие им базовые концепты. Рассматривается речевой состав исследуемых речей, определяются средства экспрессивизации речи. Выделяются наиболее частотные абстрактные существительные в инаугурационных речах трех последних американских президентов. Дается характеристика второго инаугурационного обращения Б. Обамы с точки зрения его политической и нравственной ориентации как политика-демократа. Выявляются элементы композиционного построения инаугурационного обращения, анализируется второе инаугурационное обращение американского президента Барака Обамы с целью выявления ее лексической наполненности, отраженных в ней национально-культурных ценностей. Представляется тематический контент второго инаугурационного обращения Б. Обамы, приводится облако слов данного обращения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ценность; национально-культурная ценность; система национальных ценностей; инаугурационное обращение; политический дискурс.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Асланова Мария Геннадьевна, аспирант кафедры теории и практики перевода, Пятигорский государственный лингвистический университет; преподаватель кафедры иностранных языков, Пятигорский медико-фармацевтический институт — филиал Волгоградского государственного медицинского университета; адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск-32, пр-т Калинина, 11; e-mail: mas-mikelova@yandex.ru.*

Настоящая статья посвящена изучению языковых средств и способов отражения национально-культурной ценностной ориентации субъекта инаугурационного обращения к нации.

Основным методологическим принципом и отправной точкой настоящего исследования является антропоцентризм. «В преломлении к изучению языковой и мыслительно-речевой деятельности антропоцентризм способствует „выявлению лингвистически значимых дифференциальных признаков речевого поведения национально-этнических сообществ и отдельных языковых и речевых личностей“» [Локтионова 2011: 155]. Актуальность данной темы определяется несомненной значимостью для современной политической лингвистики изучения особенностей речевого воздействия, осуществляемого в публичной политической речи — одном из наиболее ярких, экспрессивных и в то же время недостаточно изученных жанров дискурса власти.

Особая значимость изучения жанра инаугурационной речи состоит в том, что в представляющих его текстах не только намечаются основные направления будущей внешней и внутренней политики вновь избранного главы государства, но и эксплицируется его ценностная духовная и морально-этическая ориентация. Политическая коммуникация, в свою очередь, ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям «для выработки общественного согласия принятия и обоснования социально-политических решений в условиях мно-

жественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 6].

В качестве источника практического материала мы использовали стенограмму второго инаугурационного обращения президента США Б. Обамы.

Барак Хусейн Обама начал свою политическую карьеру в сенате штата Иллинойс, где он представлял Демократическую партию. С 1997 по 2004 г., работая над государственными программами, он тесно сотрудничал с представителями как Демократической, так и Республиканской партии. Б. Обама приобрел известность как активный сторонник развития программ дошкольного образования и социальной поддержки малообеспеченных семей.

В 2004 г. Б. Обама предпринял успешную попытку избрания в сенат США. В ходе предвыборной гонки ему удалось обойти шестерых кандидатов. Он был избран в сенат США, став пятым в истории США сенатором-афроамериканцем. Во время работы сенатором Б. Обама расположил к себе 15 % демократов, готовых выдвинуть его кандидатом в президенты страны, а также завоевал любовь прессы. В основе идеологии Б. Обамы как члена Демократической партии лежит социал-либерализм, приветствующий вмешательство государства в экономические процессы.

В ходе своей предвыборной кампании Б. Обама затрагивал вопросы, жизненно важные для каждого американца: он говорил о необходимости вновь сделать Америку страной «открытых возможностей», где любой человек может рас-

считывать на осуществление своей «американской мечты». Предвыборные обещания кандидата в президенты Б. Обамы включали восстановление репутации США на международной арене, совершенствование национального здравоохранения и избавление от так называемой «нефтяной зависимости», включая полное удовлетворение внутреннего спроса на нефть, а в дальнейшем — превращение страны в крупного экспортера энергоресурсов.

Ключевую роль в завоевании симпатий сторонников и избирателей в период избирательной кампании сыграла критика правления республиканцев. Б. Обама негативно высказывался о решении президента Джорджа Буша ввести войска в Ирак. Предвыборным обещанием Б. Обамы стал вывод американских войск из Ирака. 20 января 2009 г. в ходе ожесточенной борьбы с Джоном Маккейном Б. Обама был избран на пост президента и вступил в должность.

Американские президенты неизменно придерживаются заложенной президентом Джорджем Вашингтоном традиции произнесения обращения к народу в день инаугурации, несмотря на то что инаугурационное обращение, согласно Конституции США, не является обязательной частью церемонии. Президент Обама не стал исключением. Инаугурационная речь президента должна представлять политические взгляды, принципы и основные направления внутренней и внешней политики, которую он намерен проводить, и те общенациональные приоритеты и ценности, которые призваны объединять народ вокруг лидера. Наряду с этим, инаугурационное обращение отражает и личностные качества, философию, политическое и нравственное кредо Б. Обамы как представителя социал-либерального направления. С точки зрения лингвокультурологии, политической лингвистики и лингвопрагматики инаугурация представляет собой серию символических вербально-невербальных актов политического содержания, выполняемых в момент вступления президента на пост.

Инаугурационное обращение как особый жанр политического дискурса не случайно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Е. И. Шейгал в статье «Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса» отмечает уникальную особенность инаугурационной речи: она является не просто речевым действием, но действием политическим [Шейгал 2002: 205—214].

Цель представленного в статье исследования заключается в том, чтобы на основе комплексного анализа установить, на какие базовые концепты, соответствующие основным национально-культурным ценностям американского народа, президент Б. Обама опирается как представитель Демократической партии и как политический деятель, стремящийся закрепить свой успех на выборах и заручиться поддержкой масс в реализации своей предвыборной программы.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи.

1. Принять рабочее определение концепта, учитывая его ценностную компоненту, что необходимо для установления базовых концептов,

соответствующих основным национально-культурным ценностям американского народа и фигурирующих в исследуемом дискурсе. Подтвердить особую значимость аксиологической составляющей в содержании концептов, вербализуемых в инаугурационном обращении.

2. Сопоставить тексты четырнадцати инаугурационных обращений последних девяти американских президентов (с 1961 по 2013 г.) и выявить особенности композиционного построения инаугурационной речи как особого жанра политического дискурса.

3. Выполнить сопоставительный анализ используемых в инаугурационных обращениях языковых средств и речевых приемов объективизации общенациональных духовных, морально-этических и политически ориентированных ценностей.

4. Выделить ценностные концепты, объективируемые в речи Б. Обамы, и охарактеризовать его инаугурационное обращение с точки зрения его политической и нравственной ориентации как политика-демократа.

Для принятия рабочего определения концепта рассмотрим далее некоторые из существующих в концептологии дефиниций. Сегодня различают лингвистическую, философскую, культурную, православную, политическую, социологическую и другие концептологии. Лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, главным образом, в сопоставительном аспекте [Воркачев 2007: 13—22]. В. И. Карасик и И. А. Стернин в работе «Антология концептов» трактуют концептологию как раздел междисциплинарной когнитивной науки [Карасик 2005: 13—15].

В настоящей статье мы будем придерживаться определения, предложенного Ю. С. Степановым, который считает концепт скорее общекультурным, чем лингвистическим понятием. В «Словаре концептов русской культуры» Ю. С. Степанов расширяет понятие концепта, подчеркивая его связь с культурой. Понятие «культурный концепт» относится не только к словам, но также к материальным предметам и ритуалам, выступающим в роли символов [Степанов].

С. Г. Воркачев в работе «Методологические основания лингвоконцептологии» подчеркивает особую привлекательность лингвокультурных концептов, отражаемых в семантике лексических единиц, для исследователей, так как «изучение концептов именно этого уровня позволяет лингвистам извлекать из лексических единиц языка богатейшую информацию о системе ценностей того или иного народа, что, в свою очередь, способствует раскрытию особенностей его видения и понимания мира» [Воркачев 2002: 79—95].

В. И. Карасик говорит о существовании так называемого «культурного концепта» — «многомерного смыслового образования, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 91].

Вслед за Ю. С. Степановым, С. Г. Воркачевым и В. И. Карасиком мы принимаем положение о том, что лингвокультурный концепт имеет ценностную составляющую, отражающую систему ценностей того или иного народа. Термин «ценность» находит применение в разных сферах на-

учного знания: истории, педагогике, политологии, психологии, социологии, философии, экономике, юриспруденции. Современный философский словарь дает следующее определение ценности: «...сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать „иное“ и сохранять в памяти прошлое» [Современный философский словарь].

Выдающийся социолог конца XIX — начала XX в. М. Вебер дал такое определение понятия ценности: «Ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Каждая ценность и система ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как в самоценном субъекте и обществе так и в социокультурной системе» [Вебер 1990: 628].

Принято выделять следующие ценности (идеалы): политические, социальные, витальные, национально-культурные, морально-этические, религиозные и экономические. «Отцы-основатели» — создатели американской конституции — заложили такие политические ценности американского народа, как *federalism* (федерализм), *separation of powers* (разделение власти), *checks and balances* (система сдержек и противовесов), *fear of despotism* (страх тирании), *fear of concentrated power* (боязнь сконцентрированной власти), *a fear of giving too much power to the lower classes* (страх предоставления слишком большой власти низшим классам). Объективация ценностных концептов в жанре инаугурационного сообщения осуществляется в соответствии с ее композиционным построением.

Сравнение четырнадцати инаугурационных обращений последних десяти американских президентов (с 1961 по 2013 г.) позволило нам выявить, что композиция их инаугурационных речей включает следующие элементы:

- 1) salutation (приветствие);
- 2) announcing entering upon office (заявление о вступлении в должность);
- 3) articulating sentiments on the occasion, words of gratitude to the ancestors, evaluation of the work of the previous president (выражение чувств по соответствующему случаю, слова благодарности предшественникам, оценка деятельности предыдущего президента);
- 4) making pledges (обещания);
- 5) arousing patriotism in citizens (пробуждение патриотизма сограждан);
- 6) announcing political principles to guide the new administration (оглашение политических принципов новой администрации);
- 7) appealing to the audience (призыв президента к аудитории быть готовыми к сплочению и совместным действиям на благо страны);

8) resorting to religious power (обращение к Богу с просьбой объединить Америку и американский народ).

Судя по композиционному построению проанализированных обращений, неотъемлемыми задачами подавляющего большинства президентов США являются пробуждение патриотизма сограждан, призыв к сплочению и совместным действиям на благо страны, утверждение ее конституционного строя.

Представим элементы композиционного построения речей девяти американских президентов (с 1961 по 2013 г.) в виде таблицы:

President and Number of Speech	1	2	3	4	5	6	7	8
John F. Kennedy	+	+	-	+	+	+	+	+
Lyndon Baines Johnson	+	+	-	+	+	+	+	-
Richard Milhous Nixon (First Inaugural Address)	+	+	-	+	+	+	+	+
Richard Milhous Nixon (Second Inaugural Address)	+	+	-	+	+	+	+	+
Jimmy Carter	-	+	+	+	+	+	+	-
Ronald Reagan (First Inaugural Address)	+	+	+	+	+	+	+	+
Ronald Reagan (Second Inaugural Address)	+	-	+	+	+	+	+	+
George Bush	+	-	+	+	+	+	+	+
Bill Clinton (First Inaugural Address)	+	-	+	+	+	+	+	+
Bill Clinton (Second Inaugural Address)	+	-	+	+	+	+	+	+
George W. Bush (First Inaugural Address)	+	+	+	+	+	+	+	+
George W. Bush (Second Inaugural Address)	+	+	+	+	+	+	+	+
Barack Obama (First Inaugural Address)	+	+	+	+	+	+	+	+
Barack Obama (Second Inaugural Address)	+	+	+	+	+	+	+	+

Примечание. Знак «+» в таблице означает наличие соответствующего элемента, знак «-» — его отсутствие).

Рассмотрим далее речеактовый состав исследуемых речей. Инаугурационные обращения девяти американских президентов (за исключением 39-го американского президента Джимми Картера) традиционно начинаются с приветственного обращения к присутствующим высокопоставленным лицам и аудитории: "Vice president", "Mr. Chief Justice", "Mr. Speaker", "Senator", "members of the US Congress", "reverend clergy", "fellow citizens", "fellow countrymen", "fellow Americans", "distinguished guests", "members of family", "neighbours", "friends". Президент Джимми Картер начинает свое инаугурационное обращение с выражения благодарности своему предшественнику. Каждый из остальных вступающих в должность президентов просто упоминает, что обращается в том числе и к прежнему президенту.

После торжественного приветственного обращения в речах семи экс-президентов из девяти (за исключением Дж. Буша и Б. Клинтона) следует заявление о вступлении в должность, упомин-

нение о принятой президентской клятве и торжественные обещания «добросовестно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и в полную меру сил поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов»: *for I have sworn before you and Almighty God the same solemn oath our forebears prescribed nearly a century and three quarters ago [Kennedy 1961]; ...the oath I have taken before you and before God is not mine alone, but ours together [Johnson 1965]; in the orderly transfer of power, we celebrate the unity that keeps us free [Nixon 1969]; ...I have just taken the oath of office on the Bible... [Carter 1977]; the orderly transfer of authority as called for in the Constitution takes place... [Reagan 1981]; with a simple oath, we affirm old traditions and make new beginnings [Bush 2001]; I'm grateful for the honor of this hour, mindful of the consequential times in which we live, and determined to fulfill the oath that I have sworn and you have witnessed [Bush 2005]; I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed... [Obama 2009].*

Композиционное построение инаугурационных речей допускает некоторое варьирование элементов и речевых актов. Так, начиная с Джимми Картера третья композиционная часть инаугурационных обращений содержит выражение того, что чувствует вновь избранный глава страны, слова благодарности соперникам по предвыборной гонке, положительную оценку деятельности предыдущего президента: *for myself and for our Nation, I want to thank my predecessor for all he has done to heal our land [Carter 1977]; Mr. President, I want our fellow citizens to know how much you did to carry on this tradition [Reagan 1981]; there are no words adequate to express my thanks for the great honor that you have bestowed on me [Reagan 1985]; President Reagan, on behalf of our Nation, I thank you for the wonderful things that you have done for America [Bush 1989]; on behalf of our nation, I salute my predecessor, President Bush, for his half-century of service to America [Clinton 1993]; As I begin, I thank President Clinton for his service to our nation. And I thank President Gore for a contest conducted with spirit and ended with grace [Bush 2001]; I'm grateful for the honor of this hour, mindful of the consequential times in which we live... [Bush 2005]; I thank President Bush for his service to our nation, as well as the generosity and cooperation he has shown throughout his transition [Obama 2009].*

Так как Б. Обама избран на второй срок и произносит свою вторую инаугурационную речь, то, естественно, элемент обращения к предшественнику в его речи отсутствует.

Рассмотрим далее средства экспрессивизации речи. Неотъемлемой частью инаугурационного обращения являются обещания президента достойно исполнять свои обязанности. В обращении президента Дж. Ф. Кеннеди обещания оформлены с помощью анафоры, составляющей большую часть всего обращения:

- "Let the world go forth..."
- "Let every Nation know..."
- "This much we pledge and more..."
- "To those old allies we pledge..."
- "To those new states..."
- "To those peoples in the huts and villages..."

- "To our sister republics..."
- "To that world assembly of sovereign states..."
- "To those nations..." [Kennedy 1961].

В инаугурационных обещаниях президента Дж. Ф. Кеннеди посредством анафоры экспрессируются основные ценности, незыблемые для демократического общества в целом. Это сохранение свободы, поддержание союзников, сохранение независимости бывших колоний в качестве новых независимых государств, помощь нуждающимся слоям населения, помощь братским странам в новом дружеском альянсе, укрепление мира, предотвращение войн.

В отличие от Дж. Ф. Кеннеди, президент Л. Б. Джонсон, принявший этот пост после убийства Кеннеди, в качестве инаугурационного обещания повторяет свою собственную фразу, сказанную в день убийства Дж. Ф. Кеннеди: *I will lead and I can do the best I can [Johnson 1965].*

Инаугурационные обещания Р. Никсона отражают главным образом намерение поддерживать баланс между опорой на традиции и стремление к прогрессу (*not turning away from the old, but turning toward the new*). Значительную роль играет экономическая составляющая: желание побороть безработицу (*full employment*), улучшить жилищные условия (*better housing*), усовершенствовать систему образования (*excellence in education*), защищать окружающую среду (*protecting our environment*), улучшить качество жизни (*enhancing quality of life*). Немаловажной является такая ценность, как укрепление мира (*to strengthen the structure of peace*) [Nixon 1969].

Президент Дж. Картер заканчивает свое обращение обещаниями, которые не только отражают его цели или намечают будущие достижения, но и своеобразно подтверждают уверенность в силе духа американской нации и несокрушимости американской мечты. Основными идеалами его будущей политики как представителя Демократической партии, согласно обращению, должны стать справедливость и милосердие (*"justice and mercy"*), единство (*"unity"*), уважение к расовому и культурному многообразию (*"respect for racial and cultural diversity"*), повышение производительности труда (*"productivity"*), укрепление института американской семьи (*"strengthening of American family"*), уважение закона (*"respect for the law"*) [Carter 1977].

Президент Р. Рейган, пришедший к власти в разгар экономического кризиса, в своих предвыборных обещаниях подчеркивает необходимость поднять экономику страны (*"healthy, vigorous, growing economy that provides equal opportunities for all Americans"*), побороть безработицу (*"putting all Americans back to work"*) [Reagan 1981, 1985].

Дж. Буш занял пост президента во времена больших перемен, как он сам выразился, «богатых на обещания» (*"rich with promise"*). Заканчивается эпоха тоталитаризма, что выдвигает на первый план ценность свободы и принципы демократии. Основные инаугурационные обещания Дж. Буша — продвижение демократии (*"great nations are moving towards democracy"*), свобода (*"freedom"*), свобода слова (*"freedom of speech"*), свободные выборы (*"free elections"*), свобода воли (*"freedom of will"*), свободный рынок (*"free market"*), процветание (*"prosperity"*) [Bush 1989].

Б. Клинтон называет время своего прихода к власти временем обновления, перемен (“a new season of America’s renewal”). Перемены должны повлечь за собой оживление американской демократии (“to revitalize our democracy”), реформирование американской политики, американского правительства (“reformation of American politics, American government”) [Clinton 1993].

Основные инаугурационные обещания Дж. Буша-младшего включают поддержание роста демократических движений и институтов в каждой нации и культуре (“to support the growth of democratic movements and institutions”), защиту себя и своих союзников (“to defend ourselves and our friends”), уничтожение тирании (“to end the tyranny”), содействие проведению реформ в правительствах других государств (“to encourage reform in other governments”) [Bush 2001, 2005].

Б. Обама, как и его предшественники, начинает свою деятельность в роли президента с призыва перестроить Америку (*to remake America*). Он обещает покончить с кризисом, уделив большое значение подъему экономики, науки, образования, способствовать сотрудничеству и взаимопониманию между народами, начать выводить войска из Ирака, стабилизировать мир в Афганистане. Подчеркивая расовое, культурное и религиозное разнообразие американского народа, призывает его к содействию в сохранении существующего мира. Как в первом, так и во втором инаугурационном обращении Б. Обама призывает американский народ к совместным действиям, способствующим дальнейшему благополучию и процветанию Америки [Obama 2009, 2013].

Традиционно все инаугурационные обращения, за исключением обращения президента Дж. Картера, упомянувшего слова пророка Моисея («He hath showed thee, O man, what is good; and what doth the Lord require of thee, but to do justly, and to love mercy, and to walk humbly with thy God» [Carter 1977]), и Л. Джонсона, процитировавшего царя Соломона («Give me now wisdom and knowledge, that I may go out and come in before this people: for who can judge this thy people, that is so great?» [Johnson 1965]), заканчиваются призывом президента благословить Америку и американский народ: *with a good conscience our only sure reward, with history the final judge of our deeds, let us go forth to lead the land we love, asking His blessing and His help, but knowing that here on earth God's work must truly be our own* [Kennedy 1961]; *let us go forward from here confident in hope, strong in our faith in one another, sustained by our faith in God who created us, and striving always to serve His purpose* [Nixon 1973]; *God bless you, and thank you* [Obama 2009]; *God bless you and may God bless America* [Reagan 1985]; *God bless you and God bless the United States of America... thank you and God bless you all* [Clinton 1993]; *may God strengthen our hands for the good work ahead — and always, always bless our America* [Clinton 1997]; *may God bless you, and may He watch over the United States of America* [Bush 2005]; *thank you, God Bless you, and may He forever bless these United States of America* [Obama 2013].

Полученные результаты подтверждают единство композиционных элементов в инаугурационных речах американских президентов, последователь-

ность данных элементов, за исключением приветствия и обращения к Богу, может меняться.

С идеологическими и политическими ценностями, предпочтениями, отражающимися в политических нормах, принципах и идеалах, определенными предписаниями, правилами, стандартами политического поведения и участия связаны следующие политические концепты, которые выявлены нами в исследуемом дискурсе: *Constitution, democracy, government, administration, nation, State, political equality* и многие другие.

Социальные ценности включают самоуважение, безопасность, теплые отношения с окружающими, чувство собственного достоинства, чувство принадлежности, получение удовольствия от жизни и многие другие. Социальные ценности отражают следующие социальные концепты, которые соотносятся с идеей социального равенства и социальной справедливости, противодействия любого рода дискриминации: *duty, family, justice, patriotism, tolerance, work* и другие.

Витальные концепты, отражающие витальные ценности, включают в себя, как и следует из названия, всё, что связано с явлением жизни и жизненными приоритетами, и репрезентируются в дискурсе инаугурации словами *life, safety, security, health, comfort, property, prosperity* и другими.

Национально-культурные концепты позволяют реконструировать историческое прошлое, культуру, идеалы, ценностные ориентиры, философию, идеологию и психологию американского народа и репрезентируются в американском президентском дискурсе единицами *American dream, American promise, melting pot, superpower, history, leadership, individualism, opportunity, optimism, hope, hero* и другими.

Морально-этические концепты представляют в виде морально-этических догм, отраженных в политической картине мира: исповедуется дух братства, единства, законности и справедливости, верховенство гуманизма. Человеческое достоинство и равные и неотъемлемые права считаются основой свободы, справедливости и всеобщего мира и репрезентируются в дискурсе лексемами *help, support, respect, spirit, dignity, progress, faith, honor* и другими.

Эстетические концепты, соотносимые с эстетическими ценностями (идеалы, гармония, следование традиции, культурная самобытность), репрезентируются словами *ideals, aspirations, harmony, tradition, identity*.

Религиозные концепты репрезентируются в дискурсе инаугурации следующими единицами: *God, Providence, Religion, Bible, Salvation, Spirituality*. Обращения к высшей силе — к Богу — в инаугурационных посланиях президентов США говорят о божественной природе государственной власти США, ее незыблемости.

Перейдем к ценностному анализу второго инаугурационного обращения Б. Обамы. Согласно традиции, началось обращение следующими словами:

Vice President Biden, Mr. Chief Justice, Members of the United States Congress, distinguished guests, and fellow citizens [Obama 2013].

Далее президент подчеркивает исключительность американской нации, силу демократии и американской конституции, акцентируя внимание

на таких политических ценностях, как *Constitution, declaration, democracy, equality, happiness, liberty, life, pursuit of happiness, rights, truths*:

Each time we gather to inaugurate a president, we bear witness to the enduring strength of our Constitution. We affirm the promise of our democracy. What makes us exceptional — what makes us American — is our allegiance to an idea articulated in a declaration made more than two centuries ago: “We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights, that among these are Life, Liberty, and the pursuit of Happiness” [Obama 2013].

Во второй части обращения особо отмечается, что прошлые достижения президента и избравшего его народа — это их совместные достижения. Подчеркивая свою неразрывную связь с народом, президент использует форму личного местоимения *we*, означающего «я + адресат речи». Это впечатление усиливает анафора, которая как бы усиливает роль народа в политической жизни страны и преуменьшает личные заслуги Барака Обамы, в то же самое время акцентируя еще несколько неотъемлемых политических и социальных ценностей американского народа:

Together, we determined that a modern economy requires railroads and highways to speed travel and commerce, schools and colleges to train our workers.

Together, we discovered that a free market only thrives when there are rules to ensure competition and fair play.

Together, we resolved that a great nation must care for the vulnerable, and protect its people from life’s worst hazards and misfortune [Obama 2013].

Следующие за этим инаугурационные обещания президента экспрессивизирует анафора *We, the people*, объединяющая в единое целое президента и его народ, антитеза *a shrinking few do very well and a growing many barely make it*. Первый отрезок речи завершает анафора, вызывающая к чувству патриотизма представителей среднего класса — *a rising middle class*, в котором выступающий видит главную опору в продвижении своей страны к процветанию:

We, the people, understand that our country cannot succeed when a shrinking few do very well and a growing many barely make it. We believe that America’s prosperity must rest upon the broad shoulders of a rising middle class [Obama 2013].

Далее следует призыв к преобразованиям в социальной и научно-технической сферах:

We understand that outworn programs are inadequate to the needs of our time. We must harness new ideas and technology to remake our government, revamp our tax code, reform our schools, and empower our citizens with the skills they need to work harder, learn more, and reach higher.

We, the people, still believe that every citizen deserves a basic measure of security and dignity. We must make the hard choices to reduce the cost of health care and the size of our deficit; but we reject the belief that America must choose between caring for the generation that built this country and investing in the generation that will build its future.

We, the people, still believe that our obligations as Americans are not just to ourselves, but to all pos-

terity. We will respond to the threat of climate change, knowing that the failure to do so would betray our children and future generations.

We, the people, still believe that enduring security and lasting peace do not require perpetual war.

We will defend our people and uphold our values through strength of arms and rule of law. We will show the courage to try and resolve our differences with other nations peacefully—not because we are naive about the dangers we face, but because engagement can more durably lift suspicion and fear.

We will support democracy from Asia to Africa, from the Americas to the Middle East, because our interests and our conscience compel us to act on behalf of those who long for freedom.

We, the people, declare today that the most evident of truths — that all of us are created equal... [Obama 2013].

Б. Обама подчеркивает главенствующую роль целого поколения американцев в жизни страны, создании благоприятных условий для процветания будущих поколений.

It is now our generation’s task to carry on what those pioneers began.

That is our generation’s task — to make these words, these rights, these values — of Life, and Liberty, and the Pursuit of Happiness — real for every American [Obama 2013].

Оглашая политические принципы своей администрации, президент вначале критикует существующее положение дел: он обращает внимание сограждан на избыточность политических программ, не соответствующих потребностям времени, а затем призывает к использованию новых идей и технологий для модернизации страны: *We understand that outworn programs are inadequate to the needs of our time. We must harness new ideas and technology to remake our government, revamp our tax code, reform our schools, and empower our citizens with the skills they need to work harder, learn more, and reach higher [Obama 2013].* Инаугурационная речь Обамы традиционно завершается обращением к Богу с просьбой благословить Америку и американский народ: *Thank you, God Bless you, and may He forever bless these United States of America [Obama 2013].*

Основываясь на полученных нами ранее данных по частотности использования абстрактных существительных в инаугурационных речах трех последних американских президентов [Асланова 2014: 95—101], мы выявили, что наиболее частотными в них являются следующие существительные: *freedom, power, liberty, nation, world*, отражающие политические, экономические и витальные ценности американского народа (табл. 1).

Таблица 1

Freedom	Power	Liberty	Nation	World
38	19	15	15	15

Проанализировав таким же образом второе инаугурационное обращение Б. Обамы, мы получили данные, отраженные в табл. 2.

Таблица 2

Time	People	Nation	Generation	Freedom	Work	Citizens	Journey	God	Liberty	Power	Peace	Government	Happiness
13	11	10	7	7	7	6	6	5	5	5	5	4	4

Рисунок

Второе инаугурационное обращение затрагивает все без исключения виды ценностей: политические, социальные, витальные, национально-культурные, морально-этические, религиозные и экономические.

Для визуализации тематического контента второго инаугурационного обращения Б. Обамы приведем его облако слов (см. рис.).

Облако тегов (облако слов, или взвешенный список, представленный визуально) — это визуальное представление списка категорий (или тегов, также называемых метками, ярлыками, ключевыми словами и т. п.) Обычно используется для описания ключевых слов (тегов) на веб-сайтах или для представления неформатированного текста. Ключевые слова чаще представляют собой отдельные слова, и важность каждого ключевого слова обозначается размером шрифта или цветом. Такое представление удобно для быстрого восприятия наиболее известных терминов и для распределения терминов по популярности относительно друг друга [Облако тегов...].

Частотность использования абстрактных существительных *people* (люди, народ), *nation* (нация), *generation* (поколение), *citizens* (граждане), а также использование слов *we* (мы) и *together* (вместе) вызваны потребностью лидера страны в сплочении своего народа. Подчеркивается роль нации в судьбе страны, значимость народа как полноправного участника инаугурации, наряду с президентом.

Концепты *freedom* (свобода) или *Liberty* (свобода) и *God* (Бог) в речах Б. Обамы играют осно-

вополагающую роль. Свобода слова и вероисповедания, право голоса — все это универсальные права человека, которые должны соблюдаться в любой стране мира. Говоря о свободе и правах человека, президент указывает на основной постулат своей политической программы — веру в то, что все мужчины и женщины созданы своим Творцом равными и обладают определенными фундаментальными правами.

Эффективная внутренняя и внешняя политика государства строится на упорной работе главы правительства совместно с народом. Каждый гражданин своим трудом вносит вклад в развитие страны, создает условия для процветания будущих поколений. Концепт «work» (работа) и частотность его употребления во всех без исключения обращениях президента к народу подчеркивает необходимость мотивации граждан к усердной работе ради реализации так называемой американской мечты (*American dream*), подразумевающей жизнь, которая будет богаче и полнее, такой, чтобы у всех были возможности действовать в соответствии со своими способностями и достижениями.

Изучив ценности американского народа и их отражение во втором инаугурационном обращении президента Б. Обамы, мы пришли к выводу, что они вносят большой вклад в экспрессивность речей, а также способствуют более широкому отклику массового адресата на услышанную речь. Американцы всегда готовы пойти за тем президентом, кто помнит и чтит американские ценности

и готов сделать все для их сохранения и реализации в жизни каждого гражданина страны. Таким образом, введение ценностей в речь является своеобразным проявлением речевого воздействия на адресата, способом заручиться поддержкой всех без исключения слоев населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланова М. Г. Структура профессиональной языковой личности политика (на материале американского политического дискурса) // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 3 (49). С. 95—101.
2. Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990.
3. Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж, 2010. Вып. 8. С. 5—27.
4. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. С. 79—95.
5. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. Т. 1. — Волгоград : Парадигма, 2005.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
7. Локтионова В. Г. К вопросу о методологии междисциплинарного и межпарадигмального подхода в лингвистике // Вестник ПГЛУ. 2008. № 4. С. 79—83.
8. Облако тегов (облако слов). URL: <https://ru.wikipedia.org>.
9. Степанов Ю. С. Словарь концептов русской культуры. URL: http://www.nnre.ru/kulturologija/lingvokulturologiyacennostno_smyslovoe_prostranstvo_jazyka.

M.G. Aslanova
Pyatigorsk, Russia

MEANS OF CREATION OF A POSITIVE IMAGE IN THE SPEECH OF A POLITICIAN (ON THE MATERIAL OF THE SECOND BARACK OBAMA'S INAUGURAL ADDRESS)

АННОТАЦИЯ. *The article studies the linguistic means and ways of reflection of the national-cultural value orientation of a subject of an inaugural address to the nation. It defines the peculiarities of the impact produced by a public political speech. The author argues that the importance of study of the genre of inaugural address consists in the fact that it does not only lay out the main lines of the future interior and exterior policy of the elected head of the state but also explicates his value oriented spiritual and moral priorities. The article dwells on the notions of value, concept and cultural concept, formulates their working definitions, singles out the major national-cultural values of the American people and defines the basic concepts, corresponding to the major national-cultural values of the American people. It also deals with the identification of speech acts in the text of the speeches under consideration and defines the means of making the speech more expressive. The undertaken study figures out the most frequently used abstract nouns in the speeches of the three recent American Presidents. The author characterizes the second Barack Obama's inaugural address from the point of view of his political and moral orientation as a democrat and singles out the elements of its composition. The article also analyzes the second Barack Obama's inaugural address with the purpose of definition of its lexical inventory and the set of national-cultural values. It presents the topical content and the lexical cloud of the second Barack Obama's inaugural address.*

KEYWORDS: *value; national-cultural value; system of national-cultural values; inaugural address; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Aslanova Maria Genadievna, Post-graduate Student of Department of Theory and Practice of Translation, Pyatigorsk State Linguistic University; Assistant Lecturer of Department of Foreign Languages, Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute – Branch of Volgograd State Medical University, (Pyatigorsk, Russia).*

LITERATURE

1. Aslanova M. G. Struktura professional'noy yazykovoy lichnosti politika (na materiale amerikanskogo politicheskogo diskursa) /Politicheskaya lingvistika// Вып. 3(49).- Екатеринбург, 2014.- С. 95-101.
2. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. — М. , 1990.- С.628.
3. Vorkachev S.G. “Kuda zh nam plyt'?” — lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe

10. Современный философский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/9814.

11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

12. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи — 3. — Саратов, 2002. С. 205—214.

13. Bush G. Inaugural Address, January 20, 1989, URL: <http://www.bartleby.com/124/pres63.html>.

14. Bush G. W. First Inaugural Address, January 20, 2001. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres66.html>.

15. Bush G. W. Second Inaugural Address, January 20, 2005. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres67.html>.

16. Carter J. Inaugural Address, January 20, 1977. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres60.html>.

17. Clinton B. First Inaugural Address, January 21, 1993. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres64.html>.

18. Clinton B. Second Inaugural Address, January 20, 1997. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres65.html>.

19. Johnson L. B. Inaugural Address, January 20, 1965. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres57.html>.

20. Kennedy J. F. Inaugural Address, January 20, 1961. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres56.html>.

21. Nixon R. M. First Inaugural Address, January 20, 1969. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres58.html>.

22. Nixon R. M. Second Inaugural Address, January 20, 1973. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres59.html>.

23. Obama B. H. First Inaugural Address, January 20, 2009. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres68.html>.

24. Reagan R. First Inaugural Address, January 20, 1981. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres61.html>.

25. Reagan R. Second Inaugural Address, January 20, 1985. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres61.html>.

sostoyanie, problemy, vektor razvitiya/S. G. Vorkachev// Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. — Вып. 8. — Voronezh, 2010. — С. 5-27.

4. Vorkachev S. G. Metodologicheskie osnovaniya lingvokontseptologii// Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Voronezh: Izd-vo VGU, 2002. С. 79-95.

5. Karasik B.I. , Sternin I. A. Antologiya kon-tseptov/ V. I. Karasik//Volograd: Paradigma, 2005. — Т. 1. С. 13-15.

6. Karasik B.I. Yazykovoy krug: lichnost', kon-tsepty, diskurs /V. I. Karasik// -Volgograd: Peremena, 2002. С. 91.
7. Loktionova V. G. K voprosu o metodologii mezhdistiplinarnogo i mezhpardigmal'nogo podkhoda v lingvistike/V. G. Loktionova//Vestnik PGLU №4 — Pyatigorsk: PGLU, 2008. -s.79-83.
8. Oblako tegov (oblako slov). URL: <https://ru.wikipedia.org>].
9. Stepanov Yu. S. Slovar' kontseptov russkoy kul'tury [Elektronnyy resurs] — Rezhim dostupa: http://www.nnre.ru/kulturologija/lingvokulturologiyacennostno_smyslovoe_prostranstvo_jazyka].
10. Sovremenny filosofskiy slovar' [Elektronnyy resurs] — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/9814].
11. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb, posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006.
12. Sheygal, E. I. Inauguratsionnoe obrashchenie kak zhanr politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal// — Zhanry rechi — 3. — Saratov, 2002. — s. 205-214.
13. Bush G.W. Second Inaugural Address, January 20, 2005. — URL: <http://www.bartleby.com/124/pres67.html>].
14. Carter J. Inaugural Address, January 20, 1977 — URL: <http://www.bartleby.com/124/pres60.html>].
15. Clinton B. First Inaugural Address, January 21, 1993. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres64.html>].
16. Clinton B. Second Inaugural Address, January 20, 1997. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres65.html>].
17. Johnson L.B. Inaugural Address, January 20. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres57.html>].
18. Kennedy J.F. Inaugural Address, January 20, 1961. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres56.html>].
19. Nixon R. M. First Inaugural Address, January 20, 1969. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres58.html>].
20. Nixon R. M. Second Inaugural Address, January 20, 1973. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres59.html>].
21. Obama B. H. First Inaugural Address, January 20, 2009. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres68.html>].
22. Reagan R. First Inaugural Address, January 20, 1981. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres61.html>].
23. Reagan R. Second Inaugural Address, January 20, 1985. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres61.html>].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Г. Локтионова.

Т. С. Вершинина, М. Ю. Илюшкина
Екатеринбург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье на примере советского и германского военного дискурса первой половины XX в. рассматриваются основные подходы к формированию моделей патриотического поведения в условиях военных действий. Категория «патриотическое поведение» рассматривается в культурологической, философской, исторической, социологической традиции как способ преобразования и улучшения мира, образец социально одобряемого поведения. Цель статьи заключается в выявлении речевых механизмов воздействия на индивида, формирующих запланированные формы поведения. Сопоставление речевых интеракций на русском и немецком языках периода Второй мировой войны, включенных в социокультурный контекст, позволяет дать психолого-лингвистическое обоснование восприятия таких моделей и описать их роль в поведении адресата (индивида) в условиях политического противостояния, когда перед личностью стоит проблема выбора. Результаты исследования демонстрируют эффективность подходов к формированию поведенческих моделей; подходы, основанные на методах лингвистического анализа и выявленные в процессе исследования, могут быть применены не только в политических или социологических исследованиях, но также стать опорными в работе практических психологов, могут быть полезны специалистам, работающим в сфере воспитания молодежи и коррекции отклоняющегося поведения. Описанные в статье модели патриотического поведения сохраняют актуальность и, при критическом переосмыслении, могут быть использованы как базовые методы речевого воздействия в современных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военный дискурс; патриотизм; русский язык; восприятие; героические символы; сравнительно-сопоставительный анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Вершинина Татьяна Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: wtatiana@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Илюшкина Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук; Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ilyushkina_maria@mail.ru.

Развитие современного общества, изменение его экономических, культурных и духовных оснований с неизбежностью требует теоретического осмысления общественно значимых субъективных процессов, затрагивающих интересы каждого гражданина, так или иначе включенного в них. Динамика социальных преобразований меняет ракурсы традиционных представлений о взаимодействии личности и общества. Ускорение общественных преобразований и активная вовлеченность в них субъектов приводит к трансформации ценностей, смыслов, установок, гражданской позиции личности в целом. В наибольшей степени это проявляется в ситуациях политической конфронтации, международных вооруженных конфликтов, в условиях боевых действий на территории страны.

В такие моменты актуальной становится проблема особой активности субъектов (общества, группы, индивида) как чрезвычайного поведения, которое в философской традиции (Ф. Ницше, Т. Карлейль, О. Ранк, П. Сорокин, С. Булгаков и др.) рассматривается как способ преобразования и улучшения мира и, следовательно, как существенное поворотное событие в планомерном течении социальных процессов. В культурологической, философской, исторической, социологической литературе такое поведение, как правило, характеризуется через категорию «патриотическое поведение». Иными словами, подчеркивается достижение некоторого предсказуемого результата, который будет рассматриваться в каче-

стве морально-нравственного образца социально одобряемого поведения.

Исходя из многогранности и многоликости представлений о патриотизме, считаем необходимым начать обсуждение проблемы с дискурса военного патриотизма.

В военном патриотизме в наибольшей степени проявляются все существенные аспекты данного феномена: социокультурные условия, денотативное и коннотативное значения, мотивационно-смысловые детерминанты, соотношение объективных и субъективных ценностей и целей, образ патриота — субъекта деятельности.

Социокультурные условия определяют не только формы и способы патриотического поведения, но и методы его формирования. Так, в общественном сознании XIX в. и во время Первой мировой войны патриотами считали офицеров и солдат, отдававших жизни за веру, царя и отечество, преданных идеалам служения и верности, тех, для кого понятие «честь» не было пустым звуком.

Во время Второй мировой войны формирует-ся тоталитарный героический дискурс, суть которого состоит во внедрении в массовое сознание установок преображения «плохого» в «хорошее», обыденного в патриотическое. Это отчетливо проявляется в директивах СНК СССР, в выступлениях И. В. Сталина. Многократное повторение одних и тех же установок в текстах массовой культуры умножает определенность представлений о патриотическом поведении: регулярно повторяются

такие «многомерные» формулировки, как «*отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу*», «*наше дело правое, враг будет разбит, мы должны победить*», «*предать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, — невзирая на лица*» и др. Выражение подобных установок, представленных в разных формах (кинофильмы, плакаты, газетные публикации, сводки Совинформбюро, карикатуры и т. п.), характерно для военного дискурса периода Второй мировой войны и оказывало сильное влияние на эмоции и подсознание. Эффективность подобных установок обеспечивалась также «закрепощенностью» общественного сознания советских граждан. Вся система государственного воздействия на личность была направлена на то, что человек не сможет расшифровать многослойную структуру символа, которым определялось и направлялось его поведение. Конфликт между осознаваемыми и неосознаваемыми способами взаимодействия общества и личности порождал у каждого индивида состояние постоянной тревоги и страха. Наиболее вероятным и социально одобряемым выходом становилось безусловное соответствие моральным нормам, среди которых были патриотизм, гражданственность, самоотверженность и т. д.

Сводки Совинформбюро воспринимались без когнитивной переработки благодаря верно подобранному голосу диктора и его профессиональным качествам, умению правильно сделать паузу, подчеркнуть интонацией трагичность поражения и радость победы, актуализировать тот или иной фрагмент сводки и т. д. Эмоциональное воздействие пропаганды усиливалось «Окнами ТАСС» и плакатами, сообщавшими о политических и военных успехах Красной армии. Плакаты расклеивали также в цехах, на стенах домов, танках и т. д. Содержание плакатов обеспечивало аффективно заряженный, побуждающий эффект, направленный на ненависть к врагу (*Воин Красной Армии, спаси!; Не дай надругаться!; Я жду тебя, воин-освободитель!*) и воскрешающие в памяти образцы патриотов прошлого (Минин и Пожарский; А. Невский, А. Суворов и В. Чапаев на одном плакате; «*Красноармеец, будь достоин богатырской славы твоего народа!*») и т. д.

Наиболее значительным и действенным, с точки зрения формирования мотивации, представляется плакат «Родина-мать зовет!» (традиционно Россия всегда была аграрной, следовательно, крестьянской страной. По переписи 1940-го года население страны насчитывало 194,1 млн чел., из них 63,1 — городское население, 131,0 — сельское. Крестьяне, несмотря на атеистическую пропаганду, по-прежнему сохраняли православное, патриархально-языческое сознание). Образ матери, с одной стороны, является важным архетипом бессознательного, с другой, основополагающим православным образом Богородицы, который отождествляется с матерью сырой землей [Руднев 2005]. В результате с первых дней был сформирован позитивный, эмоционально окрашенный образ страны, втянутой в войну.

Самое большое число патриотических символов дала пропагандистская машина прессы. Это подтверждают слова А. Толстого (в то время члена Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников): «...советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественной формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало „великого“. Среди воюющих находились 900 советских писателей, они создавали целую плеяду патриотических образов, которые в большей степени, чем символы служили опорой системы, которая посредством пропаганды подчеркивала их беззаветную преданность. Среди них Зоя Космодемьянская, В. Талалихин, Н. Гастелло, А. Матросов и др. Нарративность подобных историй, будучи воспринятой в качестве личностно значимого представления о патриотическом герое у красноармейцев, определяла представление о единственно верной модели поведения в условиях военных действий, что выливалось в повторяемости действий и отражении их в публикациях: „*Такой-то повторил подвиг Талалихина (Матросова, Гастелло и т. д.)*“».

В Третьем рейхе пропаганда патриотического поведения разворачивалась по подобной же схеме. Для снижения у немцев угрызений совести за преступления своей страны проводились массовые факельные шествия, способствующие эмоциональному подъему и формированию чувства сопричастности общему делу (ср. демонстрации 1 Мая, 7 ноября в СССР для повышения чувства единения со страной). Наиболее действенными средствами в Германии были радио и пропагандистские киножурналы «*Wochenschau*» перед киносеансами. Й. Геббельс создал эффективный аппарат тотальной пропаганды национал-социалистической идеологии, чем обеспечил поддержку агрессивного внешнеполитического курса Германии 1933—1945 гг. большинством ее граждан. Так же, как и в СССР, стремился побудить немцев держаться до окончательной победы. Национал-социалистическая пропаганда также была направлена на формирование патриотического отношения к стране, на восхваление героев нации. Особенностью пропаганды патриотического поведения в Третьем рейхе является героизирующий натурализм. В книге А. Гитлера «*Mein Kampf*» первые его герои изображаются «забрызганными кровью победителями в неравном бою, достойными подражания бойцами в исторических схватках на митингах». Следующий героический символ нацистской Германии основан на образе автогонщика Бернда Роземайера [Клемперер 1998: 4] (излюбленный героический образ 1930-х гг.), который вслед за Хорстом Весселем занял в народном сознании немцев почетное место. С 1939 г. автогонщика сменил танкист, «язык нацизма пустил в обращение и сделал излюбленным новое и редкое прилагательное... „бойцовский, боевой“ (*kämpferisch*). ...Это слово в самой обобщенной форме обозначает напряженное, в любой ситуации нацеленное на самоут-

верждение (защитой или нападением), бескомпромиссное состояние духа и воли» [Клемперер 1998: 4]. Отличительная черта нацистской пропаганды, с точки зрения эффективности воздействия, — вечерняя работа с ее объектами. Гитлер любил проводить митинги вечером. Й. Геббельс ежедневно по вечерам обращался к гражданам Германии. Успешность такого воздействия и формирования необходимых установок объясняется тем, что вечером ослаблены психические и физические возможности человека, следовательно, способность «расшифровать» символ также снижена. Трансформация символов патриотического поведения в нацистской пропаганде объясняется не только стремительными внутривнутриполитическими изменениями, но и захватническим характером последовавшей войны, поэтому символы героического поведения в структуре пропаганды государства-захватчика должны быть дополнены сопутствующими символами (освободитель, представитель великой расы и т. п.). Вызывая у солдат и граждан Германии недовольство Советской Россией как «оплотом коммунизма», Й. Геббельс ухитрился убедить немецких солдат в справедливости их войны, обещая уничтожение марксизма, гарантируя социальную безопасность немцев и восстановление национального престижа Германии.

Анализ потерь воюющих сторон, а также патриотической и героической символики XX в. дает основание предположить, что создание образцов патриотического поведения позволяет не в полной мере оснащенной (с точки зрения вооружения) и подготовленной (участие в приближенных к боевым условиям действиях) армии вести длительные боевые действия.

Технология создания моделей патриотического поведения, разработанная в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн, имела далеко идущие последствия. Модели патриотического поведения, внедренные в сознание нескольких поколений советских граждан, опосредованно откликаются и в поведении последующих поколений, однако смена политической парадигмы неизбежно приводит к новому содержанию наполнению денотата «патриотизм». При этом следует заметить, что общим в создании такого рода моделей можно рассматривать механизм формирования психологической защиты, позволяющей избежать состояния паники, отчаяния, страха, горя, вины, бессонницы, физического напряжения и беспокойства, охваченности тягостными воспоминаниями и представлениями разрушения и смерти. Такой ракурс находится в центре исследований военной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманов Р. А., Анцупов А. Я., Бархаев Б. П. Военная психология: методология, теория, практика : учеб.-метод. пособие / Военный университет. 2014. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php> (дата обращения: 25.06.14).
2. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. С. 37.

3. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. — М. : Проспект, 2001.
4. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. — М. : Педагогика, 1978.
6. Гаврилова Т. В. Зависимость психологических стрессовых реакций от общественной значимости события // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2005. № 1.
7. Грановская Р. М. Психология веры. 2-е изд., перераб. — СПб. : Питер, 2010. (Сер. «Мастера психологии»).
8. Дадун Р. Фрейд / пер. с фр. Д. Т. Федорова ; предисл. канд. филос. наук А. М. Руткевича. — М. : Изд-во АО «Х. Г. С.», 1994. С. 169—172.
9. Клемперер В. ЛТН. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Васильева. — М. : Прогресс-Традиция, 1998.
10. Леонтьев А. Н. Психологическая теория деятельности // Избр. психол. тр. : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. — М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 93—250.
11. Райх В. Психология масс и фашизм. — М. : АСТ, 2004.
12. Решетников М. М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения // Artofwar. 2014. URL: http://artofwar.ru/t/reshetnikow_m_m/text_0010.shtml (дата обращения: 15.11.2014).
13. Робертсон Р. Введение в психологию Юнга. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. (Сер. «Психологические этюды»).
14. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / под ред. В. С. Стёпина ; секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. — М. : Наука, 2007.
15. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. канд. воен. наук, проф. АВН генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. — М. : Олма-Пресс, 2001.
16. Руднев В. Словарь безумия. — М. : Независимая фирма «Класс», 2005.
17. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М. : РОССПЭН, 1999.
18. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997.
19. Тульчинский Г. Л. Разум, воля, успех: о философии поступка. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
20. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., 2002. С. 426—433.
21. Фрейд З. Влечения и их судьба // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. — СПб. : Алетейя, 1998. С. 124—150.
22. Фрейд З. Мы и смерть. 2014. URL: http://www.libok.net/writer/3939/kniga/49201/freyd_zigmund/myi_i_smert (дата обращения: 03.03.2014).
23. Lacan J. The Seminars of Jacques Lacan. Vol. 3. The psychoses, 1955—1956. — New York, 1981.

T. S. Vershinina, M. Y. Ilyushkina
Ekaterinburg, Russia

FORMATION OF A MODEL OF PATRIOTIC BEHAVIOR IN MILITARY DISCOURSE

ABSTRACT. *The article dwells on the main approaches to the formation of patriotic behavior models in wartime conditions on the example of the Soviet and German military discourse in the beginning of the twentieth century. The category of patriotic behavior is viewed in the cultural, philosophical, historical and sociological tradition as a way of improving socially approved behavior and society transformation. The article is aimed at revealing speech mechanisms of influencing an individual and modeling his/her behavior. The comparison of speech interactions in the Russian and German languages during World War II, included in the social and cultural context, gives ground for psychological and linguistic basis of perception of such models and describes their role in individual behavior in wartime conditions, when a person is faced by choice. The psycholinguistic basis for perception of such models and their role in individual behavior is given. The results of the undertaken research show the effectiveness of approaches to the formation of behavioral model. These approaches are based on the methods of linguistic analysis and can be applied not only to political and sociological research, but can be also used by practical psychologists and experts who work in the sphere of up-bringing and correction of deviant behavior. The models under analysis preserve their significance even if some of their aspects are criticized; they can be used as basic methods of speech influence in modern conditions.*

KEY WORDS: *military discourse; patriotism; the Russian language; perception; heroic symbols; comparative analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vershinina Tatiana Stanislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ilyushkina Maria Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.*

LITERATURE

1. Abdurakhmanov R. A., Antsupov A. Ya., Barkhaev B. P. Voennaya psikhologiya: metodologiya, teoriya, praktika : ucheb.-metod. posobie / Voenny universitet. 2014. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php> (data obrashcheniya: 25.06.14).
2. Andrianov M. S. Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo. — M. : Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2007. S. 37.
3. Antonyan Yu. M. Osobo opasnyy prestupnik. — M. : Prospekt, 2001.
4. Asmolv A. G. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov. — M. : Izd-vo «Institut prakticheskoy psikhologii»; Voronezh : NPO «MODEK», 1996.
5. Vygotskiy L. S. Psikhologiya iskusstva. — M. : Pedagogika, 1978.
6. Gavrilova T. V. Zavisimost' psikhologicheskikh stressovykh reaktsiy ot obshchestvennoy znachimosti sobytiya // Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsiy. 2005. № 1.
7. Granovskaya R. M. Psikhologiya very. 2-e izd., pererab. — SPb. : Piter, 2010. (Ser. «Mastera psikhologii»).
8. Dadun R. Freyd / per.s fr. D. T. Fedorova ; predisl. kand. filos. nauk A. M. Rutkevicha. — M. : Izd-vo AO «Kh. G. S.», 1994. S. 169—172.
9. Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa / per. s nem. A. Vasil'eva. — M. : Progress-Traditsiya, 1998.
10. Leont'ev A. N. Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti // Izbr. psikhol. tr. : v 2 t. / A. N. Leont'ev. — M. : Pedagogika, 1983. T. 2. S. 93—250.
11. Raykh V. Psikhologiya mass i fashizm. — M. : AST, 2004.
12. Reshetnikov M. M. Psikhopatologiya geroicheskogo proshlogo i budushchie pokoleniya // Artofwar. 2014. URL: http://artofwar.ru/r/reshetnikov_m_m/text_0010.shtml (data obrashcheniya: 15.11.2014).
13. Robertson R. Vvedenie v psikhologiyu Yunga. — Rostov n/D : Feniks, 1999. (Ser. «Psikhologicheskie etyudy»).
14. Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: mirovozzrencheskie i sotsiokul'turnye aspekty / pod red. V. S. Stepina ; sektsiya filosofii, sotsiologii, psikhologii i prava Otdeleniya obshchestvennykh nauk RAN. — M. : Nauka, 2007.
15. Rossiya i SSSR v voynakh KhKh veka: poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie / pod obshch. red. kand. voen. nauk, prof. AVN general-polkovnika G. F. Krivosheeva. — M. : Olma-Press, 2001.
16. Rudnev V. Slovar' bezumiya. — M. : Nezavisimaya firma «Klass», 2005.
17. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii. — M. : ROSSPEN, 1999.
18. Senyavskaya E. S. Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki. — M. : In-t ros. istorii RAN, 1997.
19. Tul'chinskiy G. L. Razum, volya, uspekh: o filosofii postupka. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1990.
20. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp. — M., 2002. S. 426—433.
21. Freyd Z. Vlecheniya i ikh sud'ba // Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza. — SPb. : Aletyya, 1998. S. 124—150.
22. Freyd Z. My i smert'. 2014. URL: http://www.libok.net/writer/3939/kniga/49201/freyd_zigmund/myi_i_smert (data obrashcheniya: 03.03.2014).
23. Lacan J. The Seminars of Jacques Lacan. Vol. 3. The psychoses, 1955—1956. — New York, 1981.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. А. Дондо
Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено рассмотрению актуальных вопросов, связанных со способами определения основных типов политических текстов в современной России. Материалом исследования являются статьи из печатных средств массовой информации, представляющих различные общественно-политические силы современного российского общества. При работе над статьей использовались методы контент-анализа, политологический анализ, анализ дискурса с позиций языка, риторических приемов и культурологических характеристик. При сопоставлении текстов различных политических сил России показано, что основными признаками того или иного общественно значимого типа дискурса являются манифестативная лексика (*Fahne-woerter*), а также риторические и культурологические особенности. Практическая ценность данной работы заключается в том, что на базе выявленных признаков определяются способы обнаружения того, к какой политической группе принадлежит тот или иной автор. Данные выводы позволяют более эффективно оценивать политические устремления отдельных деятелей и политических сил, особенно тех, кто недавно появился на общественной арене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс; манифестативная лексика; отрицательная манифестативность; риторические традиции; культурные особенности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дондо Сергей Анатольевич, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет; место работы: редакция газеты «Планета Антиглоб»; адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1; e-mail: sergei.dondo2002@yandex.ru.

1. Определение понятия общественно-политического дискурса

Размышляя о природе «дискурса», лингвисты поначалу определяли данное понятие как совокупность текстов в определенной сфере [Арутюнова 1999]. Однако довольно скоро стало ясно, что понятие «дискурс» намного шире и не только относится к особенностям языка (тогда бы нас удовлетворило понятие «подъязык»), но и предполагает речевую деятельность в данной сфере, на данном языке.

В данной работе принимается (вслед за В. З. Демьянковым [Демьянков 2005] и многими другими исследователями [Карасик 1999]) точка зрения на дискурс как на мыслительную человеческую деятельность (точнее, совместную речемыслительную активность). При таком восприятии дискурс окажется вполне удобным инструментом в междисциплинарных исследованиях, что мы уже неоднократно наблюдали. Можно ожидать развития соответствующих прикладных направлений и появления новых, например, лингвополитологии — дисциплины, ставящей своей задачей получение данных, значимых для политического анализа, на основании исследований лингвистического типа [Борисова 2012]. При этом, естественно, предполагается активное использование достижений языкознания: лексикологии, психолингвистики, фонетики и др.

В таком варианте под понятие «политический дискурс» подходит речемыслительная деятельность, связанная с осмыслением политической ситуации и влиянием на нее. В наши дни имеется немало работ — монографий, статей, исследований, — так или иначе связанных с этим понятием. Становление этого направления в России связано с конференциями, проходившими в 90-х гг. под руководством В. Н. Базылева, А. А. Леонтьева и Ю. А. Сорокина [Сорокин 1999]. Примерно в то же

время встал вопрос о неоднородности политического дискурса Российской Федерации.

2. Основные политические силы современной России

При выявлении особенностей различных типов политического дискурса будем ориентироваться на те представления о группировании общественно-политических сил, которые разделяются современными политологами и соответствуют противопоставлению сил в политических баталиях на региональном и федеральном уровнях.

Практически однозначно определяется «партия власти» — партия «Единая Россия», а также Объединенный народный фронт, молодежные организации и некоторые местные партии и организации, выступающие на выборах тогда, когда «Едро» демонстрирует невысокий рейтинг. Второй по значимости думской фракцией является КПрФ. Но это не единственная политическая сила в «красном», коммунистическом секторе нашего политического пространства. Есть традиционные партии и силы «Трудовая Россия», РКРП — РПК, есть новые коммунистические партии и объединения, например «Коммунисты России», а также различные молодежные, женские и другие общественные организации, открыто декларирующие поддержку коммунистических или социалистических идей.

Оставшиеся две парламентские партии — ЛДПР и «Справедливая Россия» — не имеют выраженных признаков идеологической ориентации. Можно отметить, что обе партии важной ценностью считают патриотизм, однако это характерно и для КПрФ, да и для всех партий «красного спектра». А в последние годы патриотизм стал едва ли не стержнем государственной идеологии. И все-таки можно говорить об определенной части политического спектра, для которой ведущей оказываются патриотические и традиционные

ценности. Сюда можно отнести и «просвещенных консерваторов» из Изборского клуба, и православных активистов, борющихся против гей-парадов и персональных номеров, и сторонников древнеславянских (ведических) групп. Видимо, в это консервативно-традиционное направление можно включать и идеологов исламизма, но их труды слабо представлены на русском языке.

Наконец, конечно же, нельзя не принимать во внимание политические силы либеральной направленности, бывшие у власти в России в 90-х гг. Это партии «Яблоко», «Гражданская инициатива» и ряд других. Наиболее значительные деятели этого направления широко публикуются в прессе, находясь в центре внимания медиа. Сейчас их принято называть «несистемной оппозицией».

С учетом отмеченных нами различий политических сил проанализируем тексты, относящиеся к ним, и на этом основании выявим особенности, определяющие разные типы политического дискурса.

3. Языковые, культурные и риторические признаки типов общественно-политического дискурса

При изучении политических текстов (письменных и устных), а также условий их существования (выступления, записи в блогах, статьи и т. п.) обращают на себя внимание следующие сферы проявления, позволяющие выявить заметные различия политических сил. Во-первых, это язык (возможно, первое место этого фактора связано с профессиональной принадлежностью автора данного текста, но не исключено, что язык, концентрирующий в разном виде основные когнитивные, коммуникативные и культурные особенности человеческой деятельности, действительно заслуживает первого места). Язык политической коммуникации уже широко описан и для русской-язычной сферы общения, и для многих других.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие так называемой манифестативной (*manifestive, Fahne-woerter*) лексики, т. е. характерной именно для данной группы [Borisova 1998]. Как было показано в нашем докладе на конференции «Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве», (Ярославль, 2012) в разряде общественно-политической лексики имеется определенный фрагмент (до нескольких сот единиц), который допускается в речи представителей только определенных политических групп. Например, слово *трудолюбивая* характерно для коммунистических текстов. Для других, в частности, принадлежащих перу либеральных авторов, такие единицы маловероятны, используются разве что в кавычках, т. е. при цитировании, ироничном употреблении. Только для православных характерны слова и словосочетания *промыслительно, Спаси, Господи* (в значении «спасибо») и другие.

При анализе лексики не менее важным оказывается и такое явление, как «отрицательная манифестативность», т. е. слова, которые не могут использоваться определенной группой людей. В основном положительно-манифестативная лексика для одной группы оказывается отрицательно-манифестативной для всех прочих. Но нередко встречаются слова, которые допустимы для

всех, кроме одной какой-либо политической группы, например слово *электорат* отвергается традиционалистами, тогда как либералы, провластные СМИ и в последнее время даже коммунисты его охотно используют.

Помимо выявления манифестативных слов, лексический анализ должен включать и выявление оценочных, эмоционально-экспрессивных, ассоциативных характеристик, которые также могут различаться у различных носителей языка. Показательным в этом смысле оказывается слово *эгоист*, которое имеет отрицательную окраску в группах, симпатизирующих коммунистам и традиционалистам, но положительную или хотя бы нейтральную в группах, ориентирующихся на либеральные идеи. Психолингвистический эксперимент, направленный на выявление оценочных характеристик общественно-политической лексики [Борисова, Некрасова 2009], показывает различия в отношении к словам *реформа, коммунист, священник* в зависимости от политической ориентации респондента. Правда, часть лексики одинаково оценивается всем населением. К таким относятся слова *свобода, справедливый, богатство* (положительная оценка), *фашист, террорист, роскошь* (отрицательная оценка разной степени интенсивности).

При изучении дискурса следует обращать не только к лексическому анализу. Определенные различия могут быть выявлены и при анализе синтаксических структур текстов разных групп, интонационных особенностей устной речи. Здесь, к сожалению, исследования находятся в начале пути. Можно отметить замечаемую многими фонетистами не полностью нисходящую интонацию в повествовательных предложениях, характерную для ведущих программ и ораторов, скорее относящихся к либеральному кругу. Эта же особенность отличает и речь В. В. Жириновского.

Еще одним фактором, позволяющим дифференцировать политические силы и традиции, являются культурные компоненты речи по-разному политически ориентированных групп населения: прецедентные тексты, имена, цитаты. Здесь в явном виде проявляется ориентация на картину мира, на культурно-идеологические предпочтения. Уже по упоминаниям (благоклонным) Булата Окуджавы, И. Бродского, художника Кабакова, скульптора М. Шемякина мы можем предположить, что речь идет об авторе текста либеральной ориентации. Конечно, есть еще имена, которые могут сплотить нацию, они одинаково любимы представителями различных политических сил: А. Блок, Пушкин, Лермонтов... Но уже Н. А. Некрасов и даже Н. В. Гоголь могут восприниматься негативно либералами, а А. Н. Радищев, поэты-декабристы — представителями традиционного дискурса. Впрочем, во всех политических станах найдутся люди, способные ставить эстетические достижения творцов выше их политических взглядов.

Имена исторических деятелей в этом смысле определяют предпочтения авторов сообщений более однозначно. Даже такие несомненно великие фигуры из уже далекого прошлого России, как Иван III, Иван Грозный, Петр Великий и Андрей Боголюбский воспринимаются по-разному в раз-

ных политических кругах. Либералы настороженно относятся даже к Александру Невскому, а в традиционалистских кругах возникают споры по поводу Петра I, который очень часто получает негативные оценки. Пожалуй, только коммунисты благостно воспринимают всех деятелей русской истории, но лишь до конца XVIII века, после чего идет четкое деление на «прогрессивных» и «реакционных» (последнее слово, кстати, манифестативно для коммунистов, первое же — отрицательно манифестативно для традиционалистов, избегающих его). О более поздних исторических фигурах и говорить не приходится, хотя иногда бывают «странные схождения». Например, многие коммунисты и традиционалисты положительно воспринимают И. В. Сталина. А вот Н. С. Хрущева, как-никак, первого секретаря Коммунистической партии, и коммунисты, и традиционалисты не любят (видимо, первые — за разоблачение, не вполне правдивое, культа личности Сталина и за компрометацию коммунистической идеи многими сумасбродными предложениями, а вторые — за бездумное разрушение церкви и нетактичное отношение к верующим).

Таким образом, речь идет о различных типах политического дискурса, которые формируются системой авторитетов и культурных ценностей, взглядами и политическими пристрастиями и тех или иных социальных групп населения.

Помимо историко-культурных аспектов общественно-политического дискурса, существуют и риторические. Риторические традиции включают в себя позиционирование говорящего по отношению к аудитории; степень эмоциональности речи, выбор стилового регистра — все это тоже может характеризовать различные общественно-политические группы, включающие как деятелей, так и их сторонников [Борисова 2012]. Например, для языка политических сообщений Третьего рейха, т. е. нацистской Германии, были характерны пафос, напыщенность, эмоциональность, что хорошо видно на примерах выступлений таких деятелей, как А. Гитлер, Геббельс и А. Геринг. Эта риторическая традиция получила название тоталитарной [Клемперер 1998].

В противовес ей для западного либерального дискурса характерна сдержанность. Работающие в данной традиции журналисты сравнивают себя с «гонцами, приносящими вести». Считается, что на психику слушателей и читателей нельзя «давить»: на основании изложенных фактов каждый сам должен сделать для себя соответствующие выводы об услышанном или прочитанном.

Впрочем, успокоенные ориентацией на объективность потребители либеральных массмедиа склонны воспринимать информацию без должного критического анализа. Так, большинство западных граждан до сих пор верят, что М. Каддафи был «людоедом», а Слободан Милошевич осуществлял геноцид в Косово.

Интересно отметить, что в советское время радиопередачи «из-за бугра» (коротковолновых радиостанций стран Запада на русском языке) заметно отличались от всего отечественного вещания спокойной интонацией (советскому радио был присущ приподнятый, пафосный тон). Также советские политические тексты изобиловали зна-

чительным количеством штампов, на основании чего многие исследователи считали советскую риторическую традицию тоталитарной [Seriot 1985]. Однако штампы и клише распространены и в либеральной риторической традиции (например, *права человека, демократия*), а эмоциональность и пафос были характерны и для русской дореволюционной литературы, например для публицистики Л. Н. Толстого, работ В. И. Ленина. То же самое можно сказать и о произведениях известного писателя А. И. Солженицына. Если обратиться к литературе XVII—XVIII вв., то схожие тенденции можно увидеть в книгах обличителя «новой веры» протопопа Аввакума и в указах Петра I. Так что пафос и эмоциональность характерны не только для советского дискурса.

Заметим, что для российской риторической традиции характерно самоотжествление говорящего со слушателями (отсюда частое употребление местоимения «мы»), в то время как для либеральной традиции характерно, что оратор как бы возвышается над толпой, доминирует над ней.

Подводя итоги размышлениям о различных типах риторической традиции, можно сказать, что для традиции тоталитарной принято вещать, для либеральной — сообщать, а для русской — звать.

Что касается выступлений И. В. Сталина, то они не принадлежат ни к русской, ни к тоталитарной традиции. Речь Сталина, всегда неспешная, изобиловавшая риторическими вопросами, ответами на которые включали и их формулировки. Также для выступлений Сталина было характерно повторение важнейших слов и использование нумерации: *во-первых, во-вторых* [Розина 1991]. Все это в определенной степени позволяет отнести выступления Сталина к либеральной традиции.

4. Типы политического дискурса в новой России

Теперь, когда мы сформулировали основные параметры, характеризующие политический дискурс, попробуем с их помощью описать политические силы и их дискурс.

Либеральный дискурс выражает позицию неолиберальных политических сил в современной России. Данный тип дискурса характеризует тенденция подражать западной массмедийной культуре, ее стремлению всячески подчеркнуть свою постулируемую независимость и беспристрастность в освещении событий. Подобные тексты содержат много заимствованных слов, иностранных терминов, псевдонаучных выводов и обобщений; синтаксис их достаточно сложен. Обычно отличаются экспрессивностью, иронией. С одной стороны, либеральный дискурс предназначен для представителей среднего образованного класса, так называемого «офисного планктона», «образованщины». С другой стороны, утрированно-примитивизированные предвыборные слоганы типа «Хочешь жить как в Европе? Голосуй за СПС» явно предназначены для людей не очень высокого интеллектуального уровня.

Патриотический дискурс России представлен такими политическими партиями, как «Народная воля», «Великая Россия» и др. Их язык в значительной мере является книжным, но иностранных заимствований в текстах данного типа

дискурса мало — в основном это религиозно-философские термины из древнегреческого языка. Устные и письменные тексты, относящиеся к данному типу дискурса, часто отличаются эмоциональностью, экспрессивностью.

Следует отметить, что лидеры ЛДПР и КПРФ постоянно заявляют о патриотизме, т. е. сближаются с данным типом политического дискурса. Однако язык устных и письменных текстов сторонников ЛДПР приближен к языку разговорному, даже бытовому. КПРФ формально является левой, коммунистической партией, но в своих выступлениях руководители КПРФ (Г. А. Зюганов, В. Рашкин и др.) часто обращаются к православным истокам русского менталитета. Если упрощение языка в текстах ЛДПР, скорее всего, направлено на получение как можно большего числа голосов на выборах, то изменения в коммунистическом дискурсе действительно отражают происходящие внутри КПРФ фундаментальные процессы трансформации целей, задач и методов работы. Достаточно вспомнить, что на нынешнем лозунге КПРФ на первом месте стоит слово *Россия*.

Коммунистический дискурс. Левый, коммунистический дискурс берет начало в революционных текстах начала прошлого века. Ему присуща, с одной стороны, эмоциональность и пассионарность, а с другой стороны, частое обращение к марксистско-ленинской философии и политэкономике. Данный тип дискурса также характеризует использование речевых штампов советских времен.

Как мы же сказали выше, Коммунистическая партия Российской Федерации — старейшая на данный момент коммунистическая партия России. В СМИ она в основном представлена возглавляемой В. Чикиным газетой «Советская Россия», а также «Правдой», которая является официальным рупором КПРФ и в лексическом плане мало чем отличается от партийных СМИ других российских коммунистических партий («Коммунисты России», «Рот-Фронт», Объединенная коммунистическая партия).

В 1990-е гг. в Российской Федерации значительную роль играли коммунистические организации более радикальной ориентации: «Трудовая Россия», РКРП и др. Выступления их лидеров — В. Анпилова, В. Крючкова, В. Тюлькина — отличались более последовательным употреблением фразеологии, характерной для марксистской пропаганды, например: *диктатура пролетариата, гегемон, классовый враг* (в КПРФ такие слова практически вышли из употребления). В наши дни роль этого типа дискурса невелика из-за резкого уменьшения членов радикальных коммунистических организаций.

Что касается **официально-властного дискурса**, нельзя не отметить, что в последнее время данный вид дискурса также претерпевает изменения. В постперестроечный период официальные тексты практически не отличались от обычного либерального дискурса, фактически являясь его частью. Такие тексты изобиливали штампами, но не штампами советской эпохи, а новыми, такими как *деловой, хозяйственник, прагматик*. Подобная лексика должна была по-

казывать народу, что главным принципом власти является такой: «Не болтаем о политике, а делаем полезное дело!»

В настоящее время для текстов властного дискурса характерен определенный возврат к дискурсу советской эпохи, использование таких слов, как *патриотизм, верность, преобразование*. Впрочем, уже в 90-е гг. (например, в выступлениях Ю. М. Лужкова) начали проявляться тенденции к использованию в незначительной мере патриотической риторики [Алпатов 1996]. В настоящее время, в связи с агрессивной политикой блока НАТО и «оранжевой» угрозой, данная тенденция все более усиливается.

В делении политического дискурса на основные типы нет четких границ, наблюдаются, как мы указали выше, смешанные типы. Есть свои особенности внутри левого (троцкисты, анархисты, сталинисты) и патриотического (патриоты-националисты, умеренные патриоты) типов дискурса.

Интересно отметить, что с возникновением в России движения «Антиглобалистское сопротивление», объединившего в своих рядах представителей различных общественно-политических сил, выступающих против «глобализации по-американски», некоторые лингвисты стали говорить о возможности появления нового типа политического дискурса — антиглобалистского. В настоящее время для отношений между силами, объединившимися вокруг идеи антиглобализма, а это и коммунисты, и патриоты, и националисты [Антиглобализм 2005; Филимонов 2005], характерны неприязнь и обида, имеющие исторические корни. Однако в рамках решения общих задач, в первую очередь антиглобалистского толка, представители разных силы способны к общению на общем языке. Возможно, через какое-то время язык антиглобализма действительно сформируется и займет свое место среди других типов политического дискурса.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение различных типов политического дискурса имеет не только теоретическое, но и практическое значение, помогая правильно определить политическую ориентацию авторов политических текстов или их части, что, в свою очередь, может служить ключом к пониманию того, какие силы стоят за тем или иным политическим манифестом или декларацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Использование языка в целях манипуляции // Обозреватель. 1996 № 6. Антиглобализм: новые повороты. — М. : ЛО Московия, 2005.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1999.
3. Борисова Е. Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России — 2 : материалы рабочего совещания. — М., 1998. С. 17—18.
4. Борисова Е. Г. Язык общественно-политической коммуникации : учеб. пособие. — М. : МГПУ, 2012.
5. Борисова Е. Г., Некрасова Е. И. Любите ли вы демократию? (Оценочный потенциал общественной лексики) // Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург,

21—24 сент. 2009 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. С. 23—24.

6. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст : сб. к 70-летию Т. М. Николаевой / под ред. В. Н. Топорова. — М. : Языки славянских культур, 2005. С. 34—55.

7. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград, 1999. — С. 5—19.

8. Клемперер В. Язык Третьего рейха / пер. с нем. А. Григорьева — М. : Прогресс-Традиции, 1998.

9. Розина Р. И. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Наука убеждать — риторика. — М. : Наука, 1991.

S. A. Dondo

Moscow, Russia

MAIN PRINCIPLES OF IDENTIFICATION OF SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with important problems, connected with the methods and ways of identification of the main types of political texts in modern Russia. The presented research was carried out on the material of mass media publications, representing various socio-political forces of the modern Russian society. The methods of content analysis, politological analysis, discourse analysis from the point of view of language, rhetorical techniques and culturological characteristics have been used by the author of the article. In the result of the comparison of texts of various political forces in modern Russia, the article demonstrates that the main distinctive features of a socially significant discourse are the so-called “manifestive words” (Fahne-wörter), as well as rhetorical and culturological peculiarities. The practical significance of this work lies in the fact that the obtained results allow a more effective evaluation of political aspirations of separate politicians and political forces, especially those which have recently appeared on the political scene of the country.*

KEY WORDS: discourse; manifestive words, negative manifestivity, rhetorical traditions, cultural peculiarities.

ABOUT THE AUTHOR: *Dondo Sergey Anatolievich, Degree Applicant of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University; Editorial Board Member, Newspaper “Planeta Antiglob”, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Alpatov V. M. Ispol'zovaniya yazyka v tselyakh manipulyatsii // Obozrevatel'. — 1996 — № 6. Antiglobalizm: novye povoroty. — М. : LO Moskoviya, 2005.

2. Arutyunova N. D. Diskurs// Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' pod redaktsiey V. N. Yartsevoy — Moskva, «Sovetskaya entsiklopediya», 1999

3. Borisova E. G. Osobennosti tipov politicheskogo diskursa v Rossii // Politicheskiy diskurs v Rossii — 2. Materialy rabochego soveshchaniya. М., 1998. s.17-18.

4. Borisova E. G. Yazyk obshchestvenno-politicheskoy kommunikatsii. Uch.pos. — М. : MGPU, 2012.

5. Borisova E. G., Nekrasova E. I. Lyubite li vy demokratiyu? (Otsenochnyy potentsial obshchestvennoy leksiki) // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg, 21-24 sentyabrya 2009 / Ural. gos. ped. un-t; Gl. red. Chudinov A. P. — Ekaterinburg, 2009. — s. 23-24.

6. Dem'yankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного yazyka // Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik k 70—letiyu T. M. Nikolaevoy / Pod red. V. N. Toporova. — М. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. S. 34—55.

10. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. — М., 1997.

11. Понимание в коммуникации: человек в информационном пространстве : сб. науч. трудов под общ. ред. Е. Г. Борисовой, Н. В. Аниськиной : в 3 т. — Ярославль ; М. : Изд-во ЯГПУ, 2012. — Т. 3.

12. Филимонов В. П. Святое православие и тайна беззакония. XXI век. — М., 2005.

13. Borisova E. Opposition discourse in Russia: Political Pamphlets 1989—91 // Political Discourse in Transition in Europe 1989—91. — Amsterdam ; Philadelphia, 1998. P. 111—130.

14. Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. — Paris, 1985.

7. Karasik V. I. Religioznyy diskurs — Yazykovaya lichnost': problemy lingvokulturologii i funktsional'noy semantiki. Volgograd, 1999. — s. 5-19.

8. Klemperer V. Yazyk Tre't'ego Reykha/ Per. s nem. A. Grigor'eva — М. : «Progress- Traditsii», 1998.

9. Rozina R. I. Korifey propagandy, ili ritorika Stalina// Nauka ubezhdat' — ritorika. — М. : «Nauka» — 1991.

10. Sorokin Yu. A. Politicheskiy diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya // Politicheskiy diskurs v Rossii. М., 1997.

11. Ponimanie v kommunikatsii: Chelovek v informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov pod obshch. red. E. G. Borisovoy, N. V. Anis'kinoy. V 3 tt.— Yaroslavl'; Moskva: Izd-vo YaGPU, 2012.—Т. 3.—117 s.

12. Filimonov V. P. Svyatoe pravoslavie i tayna bezzakoniy. XXI vek. М., 2005.

15. Borisova E. Opposition discourse in Russia: Political Pamphlets 1989—91 // Political Discourse in Transition in Europe 1989—91. — Amsterdam ; Philadelphia, 1998. P. 111—130.

13. Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. — Paris, 1985.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Г. Борисова.

Е. А. Исакова, О. А. Михайлова
Екатеринбург, Россия

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДРУГОГО В МЕДИАРЕПОРТАЖЕ
(на примере персонажа «Полицейские»)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одному из актуальных жанров современных СМИ — репортажу. Предметом изучения является жанровая разновидность репортажа, в центре которого находится не отдельное событие, а «мир Другого», далекий от целевой аудитории печатного издания. Для анализа привлечены тексты о полицейских из журнала «Русский репортер» за 2012—2014 гг. Цель исследования — выявление смыслов, конструирующих образ персонажа-полицейского как Другого. Методологической основой исследования являются категория идентичности и оппозиция «свой/чужой». Изучение эмпирической базы производилось на основе следующих методов: лингвистического анализа текста, контекстологического и семантического анализа лексики.

В результате анализа было доказано, что базовый признак для дистанцирования персонажей от аудитории — принадлежность к профессии, которая выбирается героем по внутренним побуждениям. Полицейского характеризует особая связь со структурой полиции и солидарность с коллегами, а также следование определенным правилам — профессиональным моральным нормам, которые организуют мир полицейских и выступают критерием для разграничения «свой — чужой». Конструирование образа полицейского как Другого осуществляется через внешность, речь и модель коммуникативного поведения героя. При этом в представлении персонажей отсутствует одномерность. Ведущая авторская стратегия в репортаже о Другом — разрушение негативных стереотипов, связанных с профессией полицейского, и смягчение отношения к персонажам. Основным средством реализации в тексте авторской стратегии являются диалоги.

Результаты исследования позволяют углубить понимание категорий идентичности и толерантности; могут быть использованы в изучении жанров СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиарепортаж; идентичность; «Другой»; стереотип.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: oamih@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Исакова Елена Александровна, аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: mbarts@mail.ru.

Репортаж — один из актуальных современных жанров отечественных СМИ. Журналист Д. Виноградов в блоге «Репортаж из букв», посвященном изучению этого жанра, так характеризует его тематику: «О чем, собственно, мы „докладываем“ читателю? О том, куда читатель в силу разных причин не попал, а то и вовсе попасть не может» [Виноградов]. «Репортер в своем рассказе как бы строит мост между читателем и неким удаленным от него местом», причем расстояние, лежащее в основе текста, может быть как географическим, так и социальным. Применяя при описании таких явлений термин «параллельные миры», исследователь пишет: «Действие репортажа может происходить в том же городе, где живет читатель, и даже в его же районе (доме, подъезде). Но рассказывать при этом о таких жизненных явлениях, о которых он никогда не слышал, и поучаствовать в них не может именно в силу своего места в обществе» [Там же].

Это наблюдение может быть переосмыслено с более глубоких, когнитологических позиций. Современный репортаж часто нацелен не только на сообщение о событии, но и на знакомство аудитории с другой сферой жизни и персонажами, для описания которых оказывается релевантным термин «Другой». Иначе говоря, автор репортажа, стараясь заинтересовать адресата, обращается к так называемому параллельному миру — миру Другого, т. е. выбирает незнакомую читателю среду и персонажей, отличающихся от потенци-

альной аудитории по каким-либо признакам. Вследствие этого в тексте репортажа значимыми становятся категории *Другой*, *идентичность*, а также оппозиция *свой / чужой*.

Термин «Другой» сегодня активно функционирует в науках гуманитарного цикла (см. обзор: [Езерник, Железняк, Кондаков, Салимовский 2007: 5—23]) и в общем виде определяется так: «Другой — то, что не есть Я, то есть „иное“, представленное, однако, в отношении ко мне и для меня» [Другой].

Материалом для нашего исследования послужили тексты рубрики «Репортаж» журнала «Русский репортер» за 2012—2014 гг. Целевая аудитория журнала — это представители российского среднего класса [Виноградов], которым не безразличны социальные проблемы и пути их решения. Героями рубрики «Репортаж», соответственно, становятся люди, удаленные от целевой аудитории по тому или иному «идентификационному фактору» [Рябов 2001]: возрасту, полу, этнической, социальной, профессиональной принадлежности и др. Поэтому параметры «идентификационной матрицы» (т. е. совокупности идентификационных факторов, лежащих в основе категоризационных процессов сознания [Микляева, Румянцева]) являются основанием для классификации признаков *Другого*:

1) по этнической принадлежности: например, жители Республики Дагестан (В. Емельяненко, «Лезгинка с выездом», «РР», № 42 от 24.10.2012) или

малочисленная народность юкагиров (Ш. Буртин, «Предпоследние из юкагиров», «РР», № 50 от 25.12.2013), выходцы из бывших советских республик, в том числе работающие в России (Ю. Гутова, «Рабство в Москве», «РР», № 48 от 06.12.2012) и др.;

2) субкультурной принадлежности: рок-музыканты и люди, увлекающиеся этой музыкой (Н. Зайцева, «Ебургский клубняк», «РР», № 48 от 05.12.2012), футбольные фанаты (В. Емельяненко, «Лезгинка с выездом», «РР», № 42 от 24.10.2012) и др.;

3) профессиональной принадлежности: полицейские (Ю. Гутова, «Убойный гуманизм», «РР», № 43 от 31.10.2012), чиновники, бизнесмены и топ-менеджеры (Ю. Гутова, «Людк, а Людк! Глянь че делается», «РР», № 49 от 12.12.2013),

4) гендерной принадлежности: например, женщины в декретном отпуске (А. Лонская, «Супермама против швабры», «РР», № 3 от 23.01.14), а также

5) социальной: маргиналы — люди с заболеваниями, в том числе наркотической или иной зависимостью (М. Ахмедова, «Место подвига», «РР», № 49 от 13.12.2012), материально необеспеченные и социально неблагополучные (М. Ахмедова, «Едрит-мадрит!», «РР», № 48 от 05.12.2013), осужденные (Ю. Гутова, «Размножение и наказание», «РР», № 13 от 02.04.2012).

Данный список, безусловно, может быть продолжен. Кроме того, возможны материалы, персонажи которых отличаются от целевой аудитории по нескольким факторам одновременно.

Цель нашего исследования — выявление смыслов, на основании которых герои репортажа воспринимаются как *Другие* и ассоциируются со своей особой средой, отдаленной от целевой аудитории.

В качестве примера взят репортаж Ю. Гутовой «Убойный гуманизм» («РР», № 43 от 31.10.2012). Текст посвящен полиции, и в нем показана без купюр «очередная рабочая неделя» «оперов убойного отдела» (город умышленно не называется). Очевидно, что базовым признаком для дистанцирования персонажей от аудитории выступает их профессиональная принадлежность. В центре внимания автора находится «параллельный мир» полицейских — профессии, отягощенной в российском обществе множеством негативных стереотипов — «неких устойчивых, минимизировано-инвариантных, обусловленных национально-культурной спецификой представлений» [Красных 2007: 232] (о стереотипах см. также: [Рыжков 1985; Сорокин 1985; Прохоров 1996; Бартмицкий 2005] и др.). Стереотипы как стандартное мнение о социальных группах, в нашем случае — о полицейских, отражены в первую очередь в анекдотах (см., например: [Зальялова 2007]) и представлены следующими негативными характеристиками: коррупция, бескультурье, жестокое обращение с подозреваемыми и заключенными, использование незаконных методов в работе и др.

Идея противопоставленности персонажа-полицейского и адресата эксплицируется в подзаголовке репортажа: «Убойный гуманизм. Почему настоящий полицейский не должен быть нормальным человеком». Столкновение лексических значений прилагательных «настоящий» (поли-

цейский) и «нормальный» (человек) имплицитно актуализирует смысл «полицейский не является нормальным человеком». Прилагательное «настоящий» в данном контексте выступает в значении «действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-нибудь» [Ожегов, Шведова 2005: 395], а прилагательное «нормальный» — в значении «соответствующий норме, обычный» [Ожегов, Шведова 2005: 421]. Необходимо учитывать и второе значение слова «нормальный» — «психически здоровый» [Там же], которое сообщает дополнительные смыслы, противопоставляя полицейского не только обычным людям, но и людям без психических отклонений.

Известно, что идентификация и противопоставление *свой / чужой* создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании [Михайлова 2004: 17]. В репортаже Ю. Гутовой негативные стереотипные представления касаются практически всех характеристик личности и служат показателями инаковости персонажа. Они очерчены системой подзаголовков текста («*Кого защищать*», «*Что носить*», «*Где жить*», «*Что любить*», «*Что делать*», «*Как говорить*» и др.) и становятся своеобразным стержнем композиции репортажа.

Как уже было сказано, сотрудники убойного отдела противопоставлены обычному человеку просто на основании профессии — того, с чем им приходится сталкиваться каждый день: трупы, жестокие убийства, ограбления пожилых женщин, совершаемые наркоманами и др. Например, автор приводит рассказ одной из героинь: *У бабы царалины по всему телу — до кости, вот такие! — с азартом рассказывает Маша коллегам ранним утром после дежурства, ночью она выезжала на место убийства. — Мужик говорит, это собака разодрала. Гематом на шее нет, но хрен знает! Может, подушкой задушили, может, у нее там газета запихнута в глотку.*

Однако основное значение, как нам кажется, приобретает не сам фактор профессии, а реакция полицейских на то, с чем они сталкиваются. Это может быть азарт, как в приведенном выше фрагменте, или цинизм: *Я могу смеяться, когда рядом труп, — говорит опер Пуся, дымя сигаретой. — Если кто-то хорошо пошутил. Даже если в этой комнате родственники погибшего.*

Вместе с тем в представлении персонажей отсутствует одномерность. Корреспондент, наряду с типичными признаками, поддерживающими стереотипные негативные представления о полицейских, отмечает обычные, человеческие качества своих героев. Так, следом за репликой одного из полицейских — Лени — *Его бы застрелить! Одна пуля в коленку, вторая в голову дана такая характеристика полицейского: Ему еще нет тридцати. Его жена — терапевт, лучший друг — травматолог. Он любит футбол и никогда не простреливал преступникам коленки.* Подобный прием контраста как средство разрушения стереотипа используется автором неоднократно.

Показатель инаковости находим в описании внешности героев. В обыденном представлении полицейские — это люди в форме. Однако герои репортажа одеты по форме только однажды —

в ситуации построения перед проверяющей комиссией. Отношение к форме у полицейских резко отрицательное (*Потому что она говно. Пошли говно, материал говно*), их постоянная служебная одежда, которую описывает журналист, достаточно символична: *На квадратной фигуре Пуся голубые джинсы в обlipку, на ногах белые кроссовки — стиль девяностых*. Здесь звучит намек на то, что полицейский, будучи исключенным из круга «своих» для читателей, может быть включен в круг «своих» для преступников и бандитов, атрибутами которых и были в девяностые голубые джинсы и белые кроссовки. Этот намек получит в дальнейшем развитие.

В целом внешний облик полицейских, представленный корреспондентом, несимпатичен для читателя. Для дистанцирования автор заостряет внимание на ситуативном поведении одного из персонажей — Пети: *Пуся выпил полбутылки виски. Он стоит у Лениной машины и ест шаурму без салфетки. Майонез течет по губам.<...> — Мой отец, знаешь, что раскисывал? — вязкий майонез размазывается по пальцам, мешается со слюнями, скатывается по Пусиным губам, как лава по вулкану...* Вместе с тем с целью смягчения негативного впечатления автор приводит реплику самого полицейского: *Смотри, какой я отвратительный! <...> Могу рыгнуть, если надо*. Эта реплика героя, на наш взгляд, сигнализирует о том, что полицейский воспринимает корреспондента как человека из мира «Других» и стремится продемонстрировать, что он тоже знает о негативных стереотипах и может, «если надо», им соответствовать. Персонаж избирает конфликтную тактику поведения, нарочито подчеркивая неряшливость в своем облике. Авторская же стратегия связана с разрушением стереотипа.

При описании внешнего вида, чтобы отвлечь читателя от стереотипного восприятия образа полицейского, автор также использует прием контраста и высвечивает совершенно неожиданные черты: у Лени *небесно-голубые глаза*, а также *умиротворяющий голос и буддистская улыбка*, а у другого героя — Пети — *пухлая белая ручка, и все называют его Пусей — от нежности*.

В идентификационную матрицу инаковости персонажей-полицейских включена и речь героев репортажа. Корреспондент воспроизводит их особый язык, куда входят 1) лексические единицы официально-деловой и полицейско-юридической сфер: *плановый ежегодный смотр и проверка состояния автотранспорта; жалоба за жестокое обращение; преступление; жертва* и т. п. 2) профессиональные жаргонизмы, многие из которых зафиксированы в «Большом словаре русского жаргона» с пометами «угол.» или «мил.»: *наркот* [БСРЖ: 376], *опер* [БСРЖ: 398], *легавый* [БСРЖ: 312, 326] и др.; 3) грубые просторечные единицы и обцензизмы, имеющие в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» пометы «бранное», «грубое», «вульгарное» или «нецензурное»: *хренов* [БСР: 686], *пидор* [БСР: 437], *сука* [БСР: 593], *дерьмо* [БСР: 141] и др.

Однако и речевая характеристика героев лишена однозначных оценок. Во фрагменте «Как

говорить» корреспондент приводит диалог, в котором персонаж имеет возможность дать собственные объяснения.

— *Пуся, почему ты столько материсься?*

— *Вот как тебе объяснить... Тебе все скажут: я обычно не матерюсь вообще. Но я не люблю, когда меня записывают. Я вижу, когда ты включаешь диктофон. И я не люблю! У меня есть принцип: я не верю никому, я не верю своей жене, я сам себя по три раза на день обманываю. Это не из-за того, что я не доверяю людям. А из-за того, что работа меня уже научила... <...> И я не должен быть хорошеньким. Легко хорошенькому сесть на шею, да? А ты попробуй плохенькому соври, попробуй его обмани, попробуй от него поскрывавайся!*

Здесь открыто выражено стремление героя соответствовать стереотипным представлениям о злом, жестоком полицейском, который никому не доверяет и которому страшно сказать неправду. И причиной такого коммуникативного поведения является именно профессия (*Работа меня уже научила*).

Основным средством реализации в тексте авторской стратегии, направленной на разрушение стереотипов и смягчение отношения к персонажам, являются именно диалоги, которые дают возможность героям, во-первых, самим охарактеризовать себя и свою среду, а во-вторых, подчеркнуть показатели инаковости.

Для полицейских важна крепкая связь с профессией и коллегами, т. е. со «своим кругом», четко противопоставленным кругу «других». Например, Маша, которая *увольнялась из полиции, полгода проработала помощником адвоката, но вернулась обратно*, объясняет: *Там другой мир, другие люди, я от той жизни с ума сойду!* Та же мысль звучит в словах Пети, который чувствует глубокую солидарность со своими коллегами — *ментами* (*За мента я горло переерызу, потому что это мой коллега*), с гордостью рассказывает о своих родных (отец Пети был милиционером, бабушка некоторое время работала в этой структуре, а прадед — *это вообще, ..., это мой идеал! — был энкавэдэшником*) и считает себя и двоюродного брата *единственными, кто остались, продолжателями рода: Когда мы собираемся с родственниками вместе, все ох...ют, когда мы начинаем говорить о своей работе... <...> потому что мы понимаем друг друга, а остальные нас не понимают*.

Полицейские, как показывает Ю. Гутова, испытывают внутреннюю потребность в своей профессии, которая помогает им выжить. Ср.: *У меня мама как начнет зудеть, я говорю: „Маман, что ты на меня бухтишь? Может быть, меня убьют завтра“. И все, дебаты закончились... Наверное, Маша была бы в собственных глазах просто одинокой выпивающей матерью, если бы не работа в полиции, жизнь рядом с преступлением и смертью. И что при гражданской работе отвечать вечно зудящей маман? Или: Если бы не миссия продолжателя милицейского рода, Пуся мог быть просто алкоголиком*.

Своеобразный смысловой центр текста образует ряд диалогов корреспондента с разными героями, позволяющих очертить границы «мира

полицейских» и дающих примерное представление о его устройстве.

Отталкиваясь от негативного отношения к полицейским (*Почему люди так не любят полицию?*), автор и Леня пытаются определить место полиции в системе других государственных структур. Полицейские сближаются не с врачами или учителями, а с чиновниками — по наличию власти и денег (*...У полицейских, как у чиновников, сила, они тоже берут взятки, зарабатывают деньги. Земельный опер может ездить на очень дорогой машине*). И этот фактор определяет известное отношение населения к полицейским.

Однако сотрудники убойного отдела, по мнению Лени, отличаются от прочих полицейских, как и от чиновников: *И у нас тоже все это прекрасно делать. Человек убил кого-нибудь — можно попросить с него пару миллионов и отпустить, правильно ведь, по логике? Но у нас такого почему-то нет. И никогда не было — так повелось.* «Опер» может нарушать какие-то правила, но в целом он живет особой моралью — моралью убойного отдела, в котором занимают не банальными какими-то преступлениями, как кражи, угоны машин, а убийствами, изнасилованиями — когда человека лишают достоинства, жизни. Эта мораль, как мы узнаем из дальнейшего разговора корреспондента с «операми», запрещает *бить пьяного*, которого жалко как человека, позволяет *колоть задержанных... исключительно психологически*. В условиях, когда «милиция и общепринятая мораль — вещи в принципе несовместимые», «потому что ты работаешь с людьми, которые переступили мораль», эти правила убойного отдела играют решающую роль. Здесь получает развитие сравнение с бандитами, живущими «по понятиям». Сравнение с бандой через лексему «понятия», с одной стороны, может восприниматься как негативное, но, с другой стороны, наличие негласных норм, правил, а не беспринципность — это положительная характеристика персонажей-полицейских.

Для героев существует некая условная черта. Переступивший ее полицейский выводится из круга своих. Включаясь в беседу по поводу негативного отношения к полицейским, усилившегося на фоне нашумевшего ранее случая, Петя объясняет:

— *Эти опера в Казани, которые пытали задержанного бутылкой, — говорит он, — я предполагаю, они были пьяные или под наркотиками. Они переступили грань. А когда человек переступает грань — все, он мне не кент, не мент. Все, он мне не товарищ, не коллега.*

Герой, испытывающий гордость за милицию и своего отца, очень жалеет, что эта структура сегодня утратила доверие граждан (*Раньше больше милиции доверяли*), потеряла авторитет как у обычных людей (*Раньше мент... когда ходил в форме, никто не смел взглянуть косо*), так и у преступников (*Все воры, все бандиты... знали, что нельзя трогать мента. Это такое правило*). Как считает Петя, это произошло как раз по вине полицейских, переступивших черту, которые раньше встречались редко и исключались из круга своей самой милицией, а теперь стали обычным явлением (*А сейчас что? Остались ты, да*

я, да мы с тобой). Оперативник, хотя и пытается это скрыть, горячо переживает по поводу того, что в обществе сложился такой стереотип, потому что в полиции *есть еще до хренищи нормальных парней*.

Сегодняшнюю ситуацию полицейские объясняют тем, что *в милиции работать некому*, а это значит, что *ее функцию, важную, в обществе выполнять некому*, и обращаются к тем, кто критикует полицейских: *Что же хоть один из них не идет к нам работать? Когда реально нужно решать проблемы, где они все?* Подобный авторский ход, на наш взгляд, также служит средством ослабления негатива и способствует размытию границ между «своими» и «чужими».

В финальном фрагменте репортажа автор продолжает и развивает мысль о настоящем, хорошем полицейском: *В опере должно быть главное качество, — говорит Калинин. — Чтобы он работал, ему должно быть не все равно.* Главное качество, которое *передается только от человека к человеку, в коллективе*, связано с традицией обучения старшими младших.

Итак, жанр репортажа позволяет выявить смыслы, с помощью которых конструируется мир Другого, в частности мир полицейских. Во-первых, полицейские — люди, связанные с особой профессией, выбирающие ее в силу определенных внутренних причин и вырабатывающие своеобразное отношение к работе и окружающему миру. Во-вторых, принадлежность к профессии накладывает отпечаток на внешность героя, его речь и модель коммуникативного поведения, а также, вероятно, на образ жизни в целом и ее восприятие. В-третьих, полицейского характеризует особая тесная связь со своим миром и солидарность с коллегами, а также следование определенным правилам, являющимся стержнем профессии. Эти правила — принятые в полиции моральные нормы — организуют устройство мира полицейских и выступают критерием для разграничения в рамках оппозиции «свой — чужой». Наконец, настоящий полицейский, как считают персонажи, имеет активную позицию, решительно настроен на борьбу с преступниками, т. е. не может относиться к работе безразлично.

Репортаж Ю. Гутовой, основанный на дистанцировании читателя и героев по профессиональному признаку, вместе с тем нацелен на разрушение существующих негативных стереотипов о полицейских и возможное сближение читателя с людьми такой профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Другой // Философский словарь URL: <http://www.philosophydic.ru/drugoj> (дата обращения: 30.09.2014).
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: ЭЛПИС, 2005.
3. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. — М.: Индрик, 2005.
4. Виноградов Д. Выбор темы для репортажа и где искать свежие темы // Репортаж из букв. URL: <http://to-report.livejournal.com/3836.html> (дата обращения: 26.09.2014).
5. Езерник Б., Железняк В. Н., Кондаков Б. В., Салимовский В. А. Проблема «Я и другой» в гуманитарных науках // Я и другой в пространстве текста: меж-

вuz. сб. науч. трудов / Перм. ун-т; Ун-т. в Любляне. — Пермь ; Любляна, 2007.

6. Зальялова Р. Р. Лингвокогнитивный аспект профессионального анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2007.

7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003.

8. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. URL: http://humanpsy.ru/miklyeva/soc_ident_02 (дата обращения: 26.09.2014).

9. Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. — Екатеринбург, 2004. С. 15—27.

10. Мокиенко В. П., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона = БСРЖ. — СПб. : Норинт, 2001.

11. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. — М., 1996.

12. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Куйбышев, 1985. С. 4—16.

13. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М. : Ладомир, 2001.

14. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. — М., 1985.

15. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи = БСР. — СПб. : Норинт, 2004.

E. A. Isakova, O. A. Mikhaylova
Ekaterinburg, Russia

CONSTRUCTING THE IMAGE OF “THE OTHER” IN MEDIA REPORTAGE (on the example of the image of policeman)

ABSTRACT. *The article deals with one of the popular contemporary mass media genres — the genre of reportage. The object of the study is a genre variant of reportage, focused not on a certain event, but on the World of the Others, distant from the printed media readers. The authors use the “Russkiy Reporter” magazine texts about policemen to analyze this genre variant of reportage. The aim of research is to find out what meanings take part in constructing the image of a policeman as “the Other” (i.e. as a person from a different world). The methodological basis of the work is defined by the category of identity and the opposition of “own / alien”. The investigation of the empirical data was done by using such methods as linguistic text analysis, contextological analysis and semantic analysis of vocabulary.*

The article argues that the main feature used to put the characters at a distance from the readers is their affiliation to a certain profession (the profession of policeman) chosen by the policeman according to his inner motive. The policeman is characterized by some special relations with the police structure in general and the sense of solidarity toward colleagues as well as by professional moral standards, which organize the world of police and, based on the opposition “own / alien”, divide the members of this world. The construction of the image of policeman as “the Other” is effected through his appearance, manner of speech and communicative behavior model. And the character emerges as a multi dimensional image. The leading author’s strategy in reporting about the Other consists in destruction of negative stereotypes and mitigation of relationships between the readers and those who are presented as Others. Dialogues included in the texts play the main role in realization of this strategy.

The results of the investigation will help to develop true understanding of the categories of ‘identity’ and ‘tolerance’ and can be used in study of mass media genres.

KEY WORDS: media reportage; identity; The Other; stereotype.

ABOUT THE AUTHOR: Mikhaylova Olga Alekseyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Isakova Elena Aleksandrovna, Post-graduate Student of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Drugoy // Filosofskiy slovar' URL: <http://www.philosophydic.ru/drugoy> (data obrashcheniya: 30.09.2014)

2. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M. : OOO «Izdatel'stvo ELPIS», 2005.

3. Bartmin'skiy E. Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike. M. : «Indrik», 2005.

4. Vinogradov D. Vyor byemy dlya reportazha i gde iskat' svezhie temy // Reportazh iz bukv. URL: <http://to-report.livejournal.com/3836.html> (data obrashcheniya: 26.09.2014)

5. Ezernik B., Zheleznyak V. N., Kondakov B. V., Salimovskiy V. A. Problema «Ya i drugoy» v gumanitarnykh naukakh // Ya i drugoy v prostranstve teksta: — mezhvuz. sb. науч. трудов / Perm. un-т; Ун-т. в Lyublyane. — Perm'-Lyublyana, 2007.

6. Zal'yalova R. R. Lingvokognitivnyy aspekt professional'nogo anekdota. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2007.

7. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'?. — M. : ITDГK «Gnozis», 2003.

8. Miklyayeva A. V., Rumyantseva P. V. Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya: SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. URL: http://humanpsy.ru/miklyayeva/soc_ident_02 (data obrashcheniya: 26.09.2014)

9. Mikhaylova O. A. Tolерantnost' v rechevoy kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticheskie i eticheskie osnovaniya // Kul'turnye praktiki tolерantnosti v rechevoy kommunikatsii. Ekaterinburg, 2004. — S. 15—27.

10. Mokienko V. P., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. SPb. : «Norint», 2001.

11. Prokhorov Yu. E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii

russkomu yazyku inostrantsev. M., 1996.

12. Ryzhkov V. A. Regulyativnaya funktsiya stereotipov // Znakovye problemy pis'mennoy komunikatsii. Mezhvuz. sb. nauch. tr. Kuybyshev, 1985. S. 4. — 16.

13. Ryabov O. V. «Matushka-Rus'»: Opyt gen-dernogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v

otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii. M. : Ladomir, 2001.

14. Sorokin Yu. A. Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta. M., 1985.

15. Khimik V. V. Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoj rechi. SPb : «Norint», 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

О. И. Калинин
Москва, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ РОССИИ В СМИ КНР:
К ВОПРОСУ О ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ НА УКРАИНЕ**

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена текстовой категории тональности как средству создания политического имиджа России китайскими СМИ. Новостные медиа рассматриваются как определяющий инструмент в процессе создания образа одной страны в сознании народа другой страны. Непростая внешнеполитическая ситуация вокруг событий на Украине и, разный подход к освещению данных событий в СМИ разных стран привели к резкому ухудшению внешнеполитического образа Российской Федерации. В этой связи анализ китайского новостного дискурса приобретает особую актуальность. В качестве основного метода исследования был выбран контент-анализ текстового материалов китайских СМИ. Результаты, полученные после анализа более чем 40 статей, позволяют автору прийти к выводам о нейтральной тональности номинаций и высказываний китайских СМИ, что в целом свидетельствует о позитивном имидже России, распространенном в КНР. Подобные работы по периодическому сканированию состояния политического имиджа России могут быть очень полезны при планировании мероприятий по созданию позитивного имиджа нашей страны за рубежом, что, в свою очередь, способствует повышению инвестиционной привлекательности и статуса страны на международной арене.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *китайские СМИ; Россия; Украина; политический имидж; тональность текста; новости.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Калинин Олег Игоревич, преподаватель 40-й кафедры (дальневосточных языков), факультет иностранных языков, Военный университет; адрес: 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, 1 — 47; e-mail: kallini4@yandex.ru.*

Известный американский философ Ричард Рорти, исследуя столкновение «лингвистической» и «нелингвистической» реальности пришел к выводу, что «истина скорее создается, чем находится» [Степин, Гусейнов, Семигин: 465]. Другой известный философ-теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр в очерке «Другой через самого себя» утверждает, что современный мир — это «мир гиперкоммуникаций, где любая сторона жизни может служить сюжетом для СМИ. Мир превратился в гигантский экран монитора. Информация перестает быть связанной с событиями и сама становится захватывающим событием». [Бодрийяр: 92].

Выводы основоположников теории постмодернизма как новой социально-языковой и культурной реальности имеют огромное количество подтверждений в современном мире.

В настоящий момент никто не будет оспаривать тот факт, что средства массовой информации, помимо функции чисто информативной (донесение информации) и воздействующей (воздействие на адресата сообщения), уже давно реализуют функцию управления массовым сознанием.

Современный мир создается СМИ. Мы видим события сквозь призму авторской инвариантности журналистов. Точнее сказать, мы видим не события, а только журналистский текст, в чем реализуется функция «управления массовым сознанием».

Нельзя не отметить, что развитие информационных технологий, которое привело к переходу от текста к «гипертексту», создает еще больший простор для СМИ в плане воздействия на аудиторию и управления «массовым сознанием».

В свете современных философско-лингвистических представлений о гипертексте как о средстве создания гиперреальности особую актуальность приобретает вопрос о конструировании посредством СМИ политического имиджа. Формирование позитивного имиджа страны как

внутри нее, так и за ее пределами, играет крайне важную роль в осуществлении геополитических целей и экономических стратегий того или иного государства.

В последнее время изменением образа своей страны активно занимается Китай, осуществляя переход от имиджа «всемирной фабрики» к «стране с четырехтысячелетней историей». С целью изменения имиджа Китая в России Канцелярией по распространению китайского языка и культуры проделана титаническая работа по проведению огромного числа культурных мероприятий, ставших имиджевыми медиановодами.

В настоящее время СМИ КНР все чаще обращаются и к имиджу России. В силу наметившегося поворота внешней политики России на Восток, в том числе усиливающегося взаимодействия РФ и КНР в вопросах внешнеэкономической и торговой деятельности, в вопросах безопасности и борьбы с проявлениями экстримизма и сепаратизма вопросы конструирования политического имиджа Российской Федерации в китайских СМИ представляются особенно важными.

Обратимся к лингвистической интерпретации понятия «политический имидж».

Политический имидж в последнее все чаще становится объектом научных исследований. При этом очевидно, что наибольший интерес к политическому имиджу проявляется в рамках политологии, однако отдельные вопросы формирования политического имиджа разных стран изучаются также социологией, маркетингом, культурологией и отдельной дисциплиной — имиджелогией. Языковые особенности формирования политического имиджа исследуются в рамках лингвистики с привлечением сведений из других отраслей научного знания.

Термин «имидж» возник в русском языке в результате заимствования из английского *image* — «образ, символ, изображение». Иными словами, изначально значение понятия «имидж» —

отражение, образ какого-либо субъекта или явления в сознании реципиента.

Весьма примечательным является еще одно определение имиджа — это «целенаправленно формируемый образ (лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях популяризации, рекламы и т. п.; одно из средств пропаганды» [Желтухина: 24]. В этом определении подчеркивается заведомая целенаправленность процесса формирования имиджа и его главное предназначение — формирование общественного мнения или, как минимум, воздействие на него.

Важно отметить, что во многих современных исследованиях, посвященных вопросам формирования политического имиджа, подчеркивается решающая роль информационной составляющей.

Е. С. Сорокина в своем исследовании «Коммуникативная компетентность как фактор современного политического процесса в России» связывает политический имидж с политической коммуникацией, полагая, что политический имидж возникает в процессе передачи политической информации от одной части политической системы к другой и между политической и социальной системами [Сорокина: 15].

В целом политический имидж является объектом междисциплинарных исследований, а процессы формирования и восприятия политического имиджа становятся объектами исследования политологии, психологии, теории межкультурной коммуникации, юриспруденции и, конечно, лингвистики.

С точки зрения лингвистики исследование политического имиджа может осуществляться посредством анализа тех языковых средств, которые используются различными акторами политической системы при создании политического нарратива.

Языковые средства в настоящий момент являются одним из основных орудий политического влияния. Действия непосредственных участников политического процесса мы наблюдать не можем, так как между непосредственно акторами политики и массами всегда находятся посредники в виде средств массовой информации и взаимодействующих с ними органов.

Как следствие, в современном медийном пространстве мы видим не само политическое действие, а его отражение, его образ, который преподносится нам через медиапосредника. В этой связи огромную роль играют именно языковые средства, применяемые для трансляции информации, лежащей в основе формирования политического имиджа государства.

Можно, как мы считаем, утверждать, что с точки зрения лингвистики, политический имидж — это сформированный эмоционально окрашенный образ-стереотип, ретранслируемый СМИ посредством языковых (речевых, текстовых) средств от непосредственных участников политической системы к опосредованным реципиентам информации.

Таким образом, процесс формирования политического имиджа можно охарактеризовать как усложненный вариант речевого акта, в который включается еще один участник — медиапосредник, который может регулировать поставляемую

реципиенту информацию в зависимости от собственной концепции или от условий своего функционирования. Сам же политический имидж является в том числе результатом языковой (речевой, текстовой) деятельности политических субъектов.

Перейдем к политическому имиджу Российской Федерации в связи с освещением событий на Украине китайскими СМИ.

Как указывалось выше, политический имидж рассматривается нами как результат речевой деятельности. Исходя из этого мы попытаемся проанализировать политический имидж России, сформированный в Китае, в связи с освещением китайскими СМИ событий на Украине (весна 2014 г.).

В качестве основного метода исследования нами выбран контент-анализ. Для контент-анализа мы использовали статьи, в которых идет речь о событиях на Украине и мировой реакции на эти события. Статьи опубликованы несколькими ведущими информационными интернет-порталами в апреле 2014 г.

Нами были проанализированы в общей сложности 40 новостных сообщений, появившихся за короткое время. Это позволило обобщенно представить сами события. Источниками новостных сообщений стали самые крупные и посещаемые новостные порталы китайского сегмента сети Интернет: сайт агентства Синьхуа (<http://www.xinhuanet.com>), сайт агентства «Новости Китая» (<http://www.chinanews.com/>), агентства Жэньминь Ван («Народная сеть») (<http://www.people.com.cn/>), агентства «Феникс» (Фэнхуан Ван) (<http://www.ifeng.com/>). Использование разных интернет-ресурсов, на наш взгляд, позволяет выявить наиболее общие и характерные черты языкового (речевого, текстового) представления китайскими СМИ событий, происходящих на Украине в указанный период.

Относительно вопроса о выборе темы «Ситуация на Украине» стоит отметить, что освещение именно этих событий во многом демонстрирует отношение к нашей стране со стороны тех или иных внешнеполитических сил. Оно проявляется в освещении данной темы в средствах массовой информации. Ни для кого не секрет, что именно в связи с событиями на юго-востоке Украины наметился заметный водораздел между СМИ западных стран и России и, как следствие, отличия в занимаемых по данному вопросу официальных позициях. Не вдаваясь в подробности словесных баталий, развернувшихся на страницах европейских и американских изданий, можно с достаточной степенью уверенности сказать, что западные СМИ преимущественно занимают антироссийскую позицию, продолжая поддерживать еще сохранившийся со времен холодной войны образ России как врага и агрессора.

В этом контексте крайне интересным представляется охарактеризовать позицию китайских СМИ. Это актуально еще и потому, что официальное руководство КНР не занимает по этому вопросу открытой позиции, что проявляется в «не осуждении не одобрении» действий России на заседаниях Совета Безопасности ООН и в заявлениях представителей дипломатической службы Китая. Безусловно, у КНР есть свои экономические и внешнеполитические причины не выражать от-

крыто своего мнения. Однако точка зрения Пекина все же должна проявляться (и проявляется) в СМИ, с тем чтобы сформировать общественное мнение относительно украинских событий.

Прежде всего стоит отметить, что все новостные порталы мира структурированы примерно одинаково. Главная страница публикует основные главные новости за последнее время; на каждом новостном сайте можно найти вкладки-разделы: политика, происшествия, экономика, культура, спорт, военное дело и т. д. Набор рубрик тоже примерно одинаков. Однако важно заметить, что на основном новостном-портале собирательного формата России «Яндекс Новости» уже давно существует отдельная вкладка «Ситуация на Украине», что показывает крайнюю заинтересованность как новостных агентств, так и рядовых граждан в освещении данной темы. Подобная вкладка присутствует и на главных сайтах CNN и BBC. При этом на китайских новостных порталах подобных разделов нет. Более того, в рассматриваемый период украинские события не попали даже в раздел «главные новости», что свидетельствует о продолжении генеральной линии Правительства Китая об «умалчивании событий на Украине» и определенной минимизации их информационного освещения.

Контент-анализ текстов новостей показал, что сообщения имеют сугубо информационный характер и в целом отражают абсолютно нейтральную позицию. В связи с этим для наименования тех или иных участников событий используются обобщенные и стилистически нейтральные слова и выражения.

Нельзя не отметить, что структурно новостные сообщения об украинских событиях построены однотипно, в них содержится крайне мало анализа событий, в котором можно прямо или косвенно выразить журналистскую точку зрения. В основном новости состоят из сухого перечисления наиболее значимых, общеизвестных фактов и приведения цитат с оценкой данных фактов всеми заинтересованными сторонами. Однако стилистически нейтральные слова, выражения и высказывания тоже формируют определенную тональность текста, которую мы можем назвать нейтральной тональностью. Последняя, в свою очередь, является средством создания имиджа лица или государства.

Так, например, нынешнее руководство Украины в российских СМИ журналисты все чаще называют «киевской хунтой», подчеркивая его нелегитимность. На Западе руководителей называют «президент, премьер-министр», делая акцент на том, что руководство Украины имеет легальный мандат на управление страной. В китайских же СМИ украинские руководители преимущественно называются 乌克兰代理总统 и 乌克兰代理总理, то есть «исполняющий обязанности президента» и «исполняющий обязанности премьер-министра», но не дается оценка легитимности настоящего киевского правительства. Часто можно столкнуться и с еще одним нейтральным термином «临时政府» — «временное правительство», использование которого свидетельствует о признании факта переворота на Украине. При этом подчеркивается, что легитимным станет только избранное Правитель-

ство, а то, которое руководит страной сейчас, всего лишь «временное».

В свою очередь, протестующих людей на юго-востоке Украины, которых официальные власти обвинили в «терроризме и сепаратизме», а западные СМИ называют «террористами и сепаратистами», китайские журналисты обозначают как «亲俄武装分子» — «пророссийские вооруженные элементы» или еще чаще «抗议者» — «протестующие». Отдельно стоит рассмотреть термин «抗议者», образованный суффиксальным способом 抗议 + 者 (тот, кто действует, деятель). Относительно семантики слова 抗议 китайские словари дают такие определения: «对某人、某国、某单位的言论、行为或措施表示强烈反对» — «выражать решительное несогласие с заявлениями, действиями или поступками некоторого человека, государства или организации»; «对他方的意见或措施作反对的表示» — «выражение несогласия с действиями иди точкой зрения противоположной стороны». Очевидно, что семантическое поле термина 抗议 не включает в себя понятия «вооруженный мятеж», «вооруженный протест», «сепаратизм» и т. д. Основную семантику поля можно обозначить как «несогласие с чем бы то ни было». Данный факт подтверждает и употребление слова 抗议 в дипломатической сфере, например: «抗议照会 — нота протеста». Тем самым, сохраняя нейтральную позицию, китайские СМИ не идут вслед за своими западными коллегами относительно однозначного определения протестного движения на юго-востоке Украины как «сепаратистского или террористического», признавая лишь факт протеста мирных граждан с использованием вооружения.

Также нельзя не отметить, что, если в китайских СМИ и появляются термины «恐怖主义分子 — террористы» или «分裂主义者 — сепаратисты», то они употребляются только в кавычках (в качестве передачи прямой речи того или иного политического деятеля) с формулировкой: «谴责亲俄武装分子实行恐怖行为 — «кто-то обвинил пророссийских активистов в терроризме». Ср. также: «乌克兰当局将这些抗议者视为“恐怖分子 — Украинские власти называют этих протестующих „террористами“». Таким образом, становится очевидным определенное дистанцирование журналиста от того, кто выражает подобное мнение, что может быть обусловлено как принципами журналистской этики непредвзятости, так и несогласием с цитируемым мнением.

Отдельно следует остановиться на оценке китайскими СМИ факта присоединения Крыма к России. Это значимое с международной точки зрения событие нашло свои отголоски в китайских новостях даже через месяц после самого события. Известно, что факт легитимности референдума в Крыму и вхождения Крымской Республики в состав Российской Федерации обсуждался всеми СМИ и выносился на голосование в Совете Безопасности ООН. Известно также, что западные страны, а вслед за ними и западные СМИ выступили с резкой критикой воссоединения Крыма с Россией, в то время как почти все источники информации в РФ, по крайней мере офици-

альные, давали лишь позитивную оценку данному факту.

В новостях китайских СМИ за указанный период, конечно, уже нет публикаций, посвященных исключительно вопросам Крыма, однако тема присоединения Крыма проходит в качестве связующего звена через всю хронологию событий. Об этом свидетельствуют высказывания: «自克里米亚并入俄罗斯以来» — «с момента вхождения Крыма в состав России»; «争取像克里米亚一样加入俄罗斯的机会» — «воспользоваться шансом для присоединения, подобного вхождению Крыма в состав России»; «克里米亚自治共和国上月宣布独立并加入俄罗斯联邦后» — «после того как Республика Крым объявила о независимости и вхождении в состав Российской Федерации».

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание на использованные глаголы: 并入 — 合并在一起 (соединять вместе, объединять) и 加入 — 参加, 参与 (вступать, входить). Оба глагола несут имеют смысловой компонент «добровольного вхождения, вливания, воссоединения с чем-либо», что говорит о том, что, несмотря на то, что официально Правительство Китая не признало присоединения Крыма, в целом данный факт преподносится как законное волеизъявление его жителей, а не как насильственное военное присоединение или аннексия. Нельзя не отметить, что при описании крымского референдума и вхождения в состав России не используются пассивные конструкции, а в качестве субъекта действия всегда стоит непосредственно Крымский полуостров (полуостров Крым), что еще раз подтверждает сказанное выше об общей нейтральной тональности текстов СМИ КНР.

Интересно отметить, что общая стилистика китайских новостей за указанный короткий период является, скорее, не «пророссийской», а «антиамериканской». Напомним, что одним из знаковых событий 22—24 апреля был визит вице-президента США в Киев, его встреча с руководством Украины и представителями общественных кругов, в том числе по поводу предоставления финансовой и материальной помощи Украине.

Общую тональность текстов, посвященных визиту Байдена на Украину, можно охарактеризовать как «скептическую»: журналисты открытым текстом пишут о «театральности» выступлений вице-президента и о «смехотворности» предоставленной помощи. Вот некоторые иллюстрации:

美国副总统拜登的基辅之行22日是重头戏 — *Визит вице-президента США в Киев 22 апреля — это просто "цирковое представление"*

没有给他们带来预想中的振奋 — *не принесло им (украинцам) ожидаемого облегчения (о помощи США)*

这让乌克兰民众极度失望 — *что (помощь США) очень разочаровала украинский народ*

援助对已经欠俄罗斯10多亿美元天然气款项的乌克兰来说无异于“杯水车薪” — *помощь стала для Украины, уже задолжавшей России более 1 миллиарда долларов за газ, просто каплей в море*

拜登出访乌克兰的目的是,明确是否美国可以在“不丢脸”的情况下从乌克兰问题上抽身。 — *Цель визита вице-президента США в Украину — вы-*

яснить, может ли США выпутаться из украинского кризиса, не потеряв лица

Как мы видим из этих высказываний, авторы применяют достаточно сильные в оценочном плане выражения, как например — 重头戏 (*театральное представление, требующее особого мастерства*), 杯水车薪 (*чашкой воды не потушить загоревшегося воза дров; мизерная помощь; попытка с негодными средствами*); 丢脸 (*потерять лицо*). Подобные выражения однозначно негативно окрашены, поэтому они воздействуют на читателя, формируя общественное мнение намного эффективнее, чем безоценочный журналистский текст.

Таким образом, подводя итоги выборочному анализу китайских СМИ, освещающих события на Украине, мы можем утверждать, что в целом события на Украине, являющиеся важнейшими в контексте геополитических мировых изменений XXI века, не находят должного места в лентах китайских новостей. Отчасти это объясняется выжидательной позицией официального Пекина, который, безусловно, не присоединится к западным санкциям против России, но и не может открыто поддержать «внутригосударственный сепаратизм» в силу внутрикитайских проблем. В этой связи общая нейтральная тональность китайских сообщений реализуется в сугубо информационном формате: новости сообщаются гражданам с предоставлением позиций всех заинтересованных сторон.

При этом нельзя не отметить, что Россия представлена отчасти в образе жертвы западных стран. Негативная оценка больше ощущается в отношении к США, что в известной степени характерно для внешнеполитического курса КНР, которая во многом противостоит Америке в АТР. В свою очередь, политический имидж России, создаваемый китайскими СМИ, близок к нейтральному.

В заключение нельзя не отметить возросшую роль электронных средств массовой информации для формирования общественного мнения той или иной страны. Посредством создания адекватных и актуальных для мировой повестки дня медиаповодов и проведения грамотной политики в медиасфере, можно не только формировать позитивный образ своего государства, но и создавать имидж других государств, используя различные текстовые категории, в том числе — тональность. Сопоставительное изучение текстовых категорий китайского и российского политического дискурса ждет, как нам кажется, своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. — М. : Мысль, 2010. Т. 3 : Н — С. С. 465—466.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. — М. : Республика, 2006.

3. Желтухина М. Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие — восприятие — интерпретация // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. — М., 2003. Вып. 23.

4. Зернецкий П. В. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект // Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. трудов / Белгосуниверситет ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск, 1998. № 1.

5. Зернецкая О. В. Новостийные медиа в политическом дискурсе // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / сост и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск, 2000. Вып. 2.

6. Зильберт Б. А. Проблемы классификации текстов массовой информации / Изд. АН СССР. Сер.: Литература и язык. 1986. № 1.

7. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. — М., 2002. № 3.

8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. — М., 2004.

9. Пеконди А. В. Конструирование политического имиджа России современными печатными средствами массовой информации США : дис. ... канд. полит. наук. — Владикавказ, 2012.

10. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира : моногр. — Челябинск, 2002.

11. Пономарева О. А. Вераблизация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.19. — Волгоград, 2008.

12. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М., 2000.

13. Сорокина Е. С. Коммуникативная компетентность как фактор современного политического процесса в России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002.

14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. — Волгоград, 2000.

O. I. Kalinin

Moscow, Russia

POLITICAL IMAGE OF RUSSIA IN CHINA'S MASS MEDIA: TOWARDS THE QUESTION OF SENTIMENT ANALYSIS IN CONNECTION WITH THE EVENTS IN UKRAINE

ABSTRACT. *The article deals with the category of sentiment analysis as a means of creation of the political image of Russia by the Chinese mass media. News mass media are regarded as the main instrument in the process of creating the image of a country in the minds of the people of another country. The difficult political situation connected with the events in Ukraine and the difference in approaches to the coverage of these events in mass media of some countries have led to a sharp deterioration of the international image of the Russian Federation. In view of this, the analysis of the Chinese news discourse becomes especially important. The author chose content analysis of the source material (Chinese mass media texts) as the main method of research. The results of analysis of more than 40 articles allow the author to come to the conclusion about the neutral emotional coloring of nominations and utterances in the mass media of China, which, on the whole, testifies to the fact, that a positive image of Russia has been spread in the PRC. The given approach, aimed at a regular determination of the political image of Russia, may be very useful while planning the activity with the purpose of creating the positive image of our country abroad, which, in its turn, may raise the investment attractiveness and the status of the country in the world.*

KEYWORDS: *China's mass media; Russia; Ukraine; political image; emotional value of the text; news.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinin Oleg Igorevich, Assistant Lecturer of 40th Department (Far Eastern Languages Branch), Faculty of Foreign Languages, Military University, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Novaya filosofskaya entsiklopediya. V chetyrekh tomakh. / In-t filosofii RAN. Nauchno-red. sovet: V. S. Stepin, A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin. M., Mysl', 2010, t. III, N — S, s. 465-466.

2. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. M. : Respublika, 2006

3. Zheltukhina M. R. Politicheskiy i mass-medial'nyy diskursy: voz-deystvie — vospriyatie — interpretatsiya // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st. pod red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotova. — M., 2003. Vyp. 23.

4. Zernetskiy P. V. Kommunikativnye strategii: klassifikatsionnyy aspekt // Metodologiya issledovaniya politicheskogo diskursa: Aktual'nye problemy sodержatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov: sb. nauch. Trudov. Belgosuniversitet; pod obshch. red. I. F. Ukhvanovoy-Shmygovoy. Minsk. 1998. №1.

5. Zerenetskaya O. V. Novostiynye media v politicheskom diskurse // Metodologiya issledovaniya politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy sodержatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov. Vyp. №2 Sost i obshch. Red Ukhvanovoy-Shmygovoy I. F. Minsk, 2000.

56. Zil'bert B. A. Problemy klassifikatsii tekstov massovoy informatsii / Izd. AN SSSR, ser.: Literatura i yazyk. 1986. № 1.

7. Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. M., 2002. №3.

8. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kon-tsepty, diskurs.: monografiya / V. I. Karasik. — M., 2004.

9. Pеконди А. В. Конструирование политического имиджа России современными печатными средствами массовой информации SShA / Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. — Vladikavkaz, 2012

10. Pitina S. A. Kontsepty mifologicheskogo myshleniya kak sostavlyayushchaya kontseptosfery natsional'noy kartiny mira. : monografiya / S. A. Pitina. — Chelyabinsk, 2002.

11. Ponomareva O. A. Verablizatsiya politicheskogo imidzha v rossiyskikh i amerikanskikh sredstvakh massovoy informatsii: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. 10.02.19. Volgograd, 2008.

12. Sлышкин G. G. Ot teksta k simvoly: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M., 2000.

13. Sorokina E. S. Kommunikativnaya kompetentnost' kak faktor sovremennogo politicheskogo protsessa v Rossii / Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk. — M., 2002.

14. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : dis. d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.19. — Volgograd, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

Н. В. Козловская
Санкт-Петербург, Россия

**ЛЕКСЕМЫ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ»
В ФИЛОСОФСКИХ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ Н. А. БЕРДЯЕВА И К. Н. ЛЕОНТЬЕВА**

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования в статье являются термины «нация» и «национальность» и их терминологические определения в произведениях К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева. Тема — формирование значений общественно-политических терминов в рамках русского философского дискурса. Статья содержит анализ структуры значений терминов: особое внимание уделяется уникальным семантическим компонентам значения, характерным только для авторской терминосистемы каждого из авторов.

Цель статьи — проанализировать семантическое наполнение социально-политических терминов в философском тексте; выявить сходство и различие значений этих лексем в терминосистемах сопоставляемых авторов. Кроме того, в статье делается попытка выявить, какие типы определений используют авторы и с помощью каких родовых и видовых идентификаторов они описывают значения анализируемых терминов.

В статье используются методы компонентного и контекстуального анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Полученные данные позволили сделать вывод о том, что за терминами «нация» и «национальность» в философских терминосистемах двух русских мыслителей стоят разные мыслительные сущности, определяемые особенностью мировоззрений и диалектов авторов. *Нация* у К. Н. Леонтьева — это конкретное понятие: ветвь племени, имеющая свои отличительные признаки в языке, истории, религии, экономике, нравах, обычаях и культуре. *Национальность*, по К. Н. Леонтьеву, есть «образ» нации, а национальный идеал — желаемый образ. Определения К. Н. Леонтьева по структуре относятся к родо-видовым; они не только отражают семантику термина, но дают представление о семантической мотивированности. Н. А. Бердяев не разводит понятия «нация» и «национальность», используя их как взаимозаменяемые. Дефиниции терминов у Н. А. Бердяева носят контекстуальный характер. В авторской терминосистеме Бердяева понятие «нация/национальность» обладает рядом уникальных семантических черт, которые характерны только для данной семиотической системы: нация/национальность имеет мистическую, таинственную, иррациональную, непознаваемую основу; нации принципиально неравноправны и образуют иерархию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нация; национальность; национальный идеал; термин; русский религиозно-философский текст; дискурсивная функция термина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Козловская Наталья Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; адрес: e-mail: sa-ga@kodeks.com.

Проблема поисков национального идеала является одной из ключевых в русской философии конца XIX — начала XX в. Это обусловило появление в русском философском тексте терминов, которые впоследствии стали осознаваться как общественно-политические: *нация*, *национальный идеал*, *национальность* и др. Интерес к творчеству К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева в этом аспекте не случаен: вынесенные в название статьи термины входят в авторские философские терминосистемы обоих авторов в особой, дискурсивной функции, о которой пишет В. Д. Табанкова: *Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект, новый, свой собственный индивидуальный подход к предмету исследования. Он выстраивает свою логикопонятийную систему* [Табанкова 2013: 6]. В рамках данной статьи мы не будем подробно анализировать понятия «авторский философский термин» и «авторская философская система», ограничившись ссылкой на специальные работы: [Азарова 2010; Козловская 2013; Козловская 2014].

Не приходится говорить и об актуальности «национального» вопроса в наши дни — тем более интересно рассмотреть, какие компоненты

смысла наполняют анализируемые понятия в произведениях философов, творчество которых носило провидческий характер и во многом опережало свое время. «Единицы прочитали Леонтьева, и даже прочитавшие не разнесли пророческую весть, — пишет А. А. Корольков о К. Н. Леонтьеве. — Теперь же легче умничать, а на самом деле совершать не менее тяжкие ошибки, которые тоже провидел Леонтьев, но нашу близорукость осудят уже иные поколения. Нам же дана тонкая ниточка национального спасения, и крепость ее станет возрастать, если не перестанем вчитываться и вдумываться в строки искренних и пронзительных русских мыслителей» [Корольков 1995: 698]. Провидческий характер философии Бердяева и величие личности мыслителя подчеркивается в словах С. А. Левицкого: «Он был философом пророческого духа, он был в высшей степени чуток к болезням и грехам века сего <...> Бердяев был самой яркой личностью в русской философии XX века...» [Левицкий 1994: 516].

Термины *нация*, *национальность* и их производные в применении к описываемому периоду времени (мы анализируем работы, написанные с 1875 по 1918 г.) можно назвать формирующимися. Видимо, поэтому они не представлены в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890—1907, 40-й том — 1897), в котором содер-

жаты такие статьи, как *национализация земли, национализм, национал-либералы, национальная гвардия, национальная музыка, национальное духовенство, национальное собрание, национальные цвета, национальный конвент, национальный синод, национальный собор, национальные движения, национальные мастерские*, а также *национальные имущественные во Франции во время революции* [Брокгауз, Ефрон 1897, т. 40: 708—727]. Отметим, что в Малом энциклопедическом словаре (1-е издание: 1899—1902; 2-е издание: 1907—1909) появляется понятие «нация»: «*совокупность индивидов, связанных сознанием своего единства, общности происхождения, языка, верований, быта, нравов, обычаев, исторического прошлого и солидарностью социальных и политических интересов настоящего. Ни один из указанных признаков (раса, язык или религия) не являются существенной принадлежностью нации (разнообразие расовых отличий, языков имеется у некоторых наций)...*» [Малый Брокгауз, Ефрон 1907—1909].

В Национальном корпусе русского языка первое употребление слова *нация* относится к 1804 году, слово становится «заметным» (растет показатель частоты на миллион словоупотреблений) в 1837 г., резкие скачки показателя частоты наблюдаются в 1863, 1878, 1891 и 1919 гг. (документы с 1700 по 1925 г.). *Национальность*: корпус фиксирует первое употребление в 1840 г., а скачки показателя частоты относятся к 1849, 1878, 1903 и 1920 гг.

Реалии, появление которых в последующие годы (в частности, в советское время) обычно соотносили с формированием капиталистического строя и индустриального общества, получили интересную интерпретацию в трудах К. Н. Леонтьева (*Византизм и славянство* (1875); *Плоды национальных движений на православном Востоке* (1888—1889); *Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву* (1890—1891); *Культурный идеал и племенная политика* (1890)) и Н. А. Бердяева (*Философия свободы* (1911); *Философия неравенства* (1918); *Новое средневековье* (1924)).

Обращение к терминам *нация* и *национальность* в творчестве двух философов интересно для нас по ряду причин. Прежде всего, выбранный лексический материал позволяет проанализировать, как меняется семантическое наполнение социально-политических терминов в философском тексте; каково сходство и различие значений этих лексем в терминосистемах разных авторов. Кроме того, задачей статьи является анализ терминологических определений слов *нация* и *национальность*: какие типы определений используют авторы и с помощью каких родовых и видовых идентификаторов они описывают значения анализируемых терминов. В качестве дополнительной можно указать задачу анализа явления терминологической системности на конкретных участках терминологических полей.

Взгляды К. Н. Леонтьева на «национальный вопрос» получили терминологическое оформление в ключевых понятиях *нация, национальность, национальный идеал, национальное начало, национальный признак, национальная политика, культурный идеал, племенная полити-*

ка, национализм. В творчестве Н. А. Бердяева схожий участок терминологического поля представлен следующими понятиями: *нация* (то же, что *национальность*), *национальное бытие, национализм, интернационализм, национальное сознание, народ, национальное начало*.

Важное различие в употреблении терминов *нация* и *национальность* двумя философами заключается в том, что К. Н. Леонтьев строго разграничивает эти понятия, а Н. А. Бердяев — нет, поскольку употребляет их как взаимозаменяемые (этот факт заслуживает внимания: Бердяев, писавший позже Леонтьева, был хорошо знаком с трудами последнего). На особую важность разграничения терминов «национального вопроса» для К. Н. Леонтьева указывает, к примеру, такая цитата: *Осмеливаюсь думать, что слова: нация, национальность, национальный идеал, национальное начало и национальная политика — никак не одно и то же* [Культурный идеал и племенная политика] (здесь и далее все цитаты без указания года издания и страниц взяты из НКРЯ и приведены с указанием названий цитируемых работ).

Основной текст Н. А. Бердяева, проблематика которого связана с «национальным вопросом» (кроме поздней «Русский идеи» 1946 г.), — это «Философия неравенства», в котором осмыслению понятий *нация* и *национальность* посвящено Письмо четвертое («О нации»); следовательно, именно этот термин, вынесенный в позицию заголовка, автор считает основным. Однако в дефинициях определяемое может быть разным: и *нация*, и (реже) *национальность*. Н. А. Бердяев использует оба термина как равнозначные, иногда — в рамках одного абзаца: *Бессмысленно и нелепо подходить с одной абстрактной меркой к правам национальности германской и национальности испанской в данный момент мировой истории. В жизни наций бывают периоды расцвета и периоды отцветания, периоды высшего напряжения их силы и периоды слабости* [Бердяев 1990: 351].

Для анализа индивидуальных значений терминов в сопоставляемых терминосистемах установим предварительный набор дифференциальных элементов, обратившись к толковым словарям.

В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1894) находим следующие определения: *НАЦИЯ: Народ, вообще люди, говорящие одним языком, связанные общностью происхождения и историческими традициями, а также племенным единством*.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (по времени издания наиболее близкий ко времени написания анализируемых произведений) дает такое толкование: «НАЦИЯ. 1. Исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры» [ТСУ 1996, т. 2: 460].

В Большом академическом словаре в толкование включен семантический компонент «политические связи»: «НАЦИЯ. 1. Исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся общностью языка, территории, экономических и политических связей, особенностями культуры и психологического склада» [БАС 2008, т. 11: 468].

Словарные дефиниции задают определенные контуры значения термина (общность; сложившаяся исторически; общность связей, культуры и т. д.), представления о которых позволят нам охарактеризовать признаки, наполняющие понятие *нация*, в терминосистемах К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева.

По всей вероятности, термин *нация* в середине XIX в. по-разному определялся разными учеными, о чем свидетельствует полемика К. Н. Леонтьева с П. Е. Астафьевым, автором произведения «Смысл истории и идеалы прогресса» (1885), отзвуки которой можно обнаружить в произведениях «Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву» (1890—1891), «Культурный идеал и племенная политика» (1890), «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)» (1887), «Письма о восточных делах» (1882).

Свойство нечеткости значения термина *нация* в политическом и философском дискурсе того времени преодолевается за счет реализации дискурсивной функции авторского термина в философии К. Н. Леонтьева. Проецируя идею замысла речи на процесс вычленения авторского термина, В. Д. Табанакова считает возможным *ограничить понятие „авторский термин“ результатом контекстуального семантического и логико-понятийного анализа языковых форм декодирования в специальном тексте* [Табанакова 2013: 6].

Приведем фрагменты, содержащие контекстуальные определения авторского термина: *Вообще нацию определить в точности очень трудно. Племя — легче. Язык и кровь (признаки более физиологические). Культуру — тоже легче. Совокупность признаков более идеальных, чем кровь и язык (уже сформированный), т. е.: религия, род государственных учреждений; вкусы (обычаи, моды, нравы домашние и общественные); характер экономической жизни. Нация же выходит, мне кажется, из совокупности обеих этих совокупностей — идеальных и физиологических. Признаки особой нации слагаются из признаков племенных и культурных* [Леонтьев 1996: 656]; *Не считать ли в этом вопросе важным для нации не само господствующее племя и даже не язык его, а совокупность всех тех культурных признаков, которыми отличается эта нация от других. Какие же это признаки? Прежде всего — опять-таки те же религиозные отличия; потом резкие отличия в государственных учреждениях и, наконец, если возможно, то и внешнебытовые отличия (которые вовсе не так уж внешни, как многие думают, а имеют глубокое психическое значение)* [Культурный идеал и племенная политика]; *Все создающее, все охраняющее то, что раз создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличный, противопологающий одну нацию другой...* [Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года]; *И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови* [Византизм и славянство]; *Чем знаменита, чем прекрасна нация? Не одними железными дорогами и фабриками, не всемирно удобными учреждениями. Лучшее украшение нации — лица, богатые дарованием и самобытностью. Лица даровитые и*

самобытные не могут быть без деятельности творчества; когда есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода [Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве].

Данные анализа показали, что термину *нация* в трудах К. Н. Леонтьева присуще свойство дефинированности (что и делает его собственно термином); несколько родовых идентификаторов группируют вокруг себя две совокупности дифференциальных сем: «племенные» и «культурные» признаки *нации*. Родовой идентификатор понятия *нация* у К. Н. Леонтьева обозначается при помощи словосочетаний *сама вещь* (так автор, по его собственному признанию, подчеркивает конкретность разбираемого понятия); *организм, почти физическое представление, известная ветвь известного племени*.

Интенционал понятия наполняется за счет следующих смысловых составляющих:

- племенные (физиологические) признаки: *язык и кровь* (оба признака несут вероятностный, стохастический характер), *ветвь племени*;
- культурные (идеальные) признаки: *религия, род государственных учреждений; вкусы (обычаи, моды, нравы домашние и общественные); характер экономической жизни*.

Кроме того, в понятие *нация* у К. Н. Леонтьева входят дополнительные признаки: материальные объекты, делающие нацию великой; талантливые люди.

Таким образом, *нация* у К. Н. Леонтьева — это конкретное понятие: ветвь племени, имеющая свои отличительные признаки в языке, истории, религии, экономике, нравах, обычаях и культуре. Национальность — это образ нации, представление о ней «со стороны» и изнутри. Прежде чем перейти к характеристике значения термина *национальность* в работах К. Н. Леонтьева, обратимся к толковым словарям.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — *народность, совокупность отличительных черт и свойств народа* [Словарь иностранных слов под ред. А. Н. Чудинова].

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. «1. То же, что нация... 2. только ед. Принадлежность к какой-л. нации. 3. только ед. То же, что народность во 2 и 3 знач. (Народность искусства). 4. только ед. Национальная обособленность, исключительность» [ТСУ 1996, т. 2: 461—462].

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. «1. То же, что нация. 2. Принадлежность к какой-л. нации. 3. Устар. Национальная самобытность» [БАС 2008, т. 11: 467].

Национальность в терминосистеме К. Н. Леонтьева — понятие более отвлеченное, чем *нация*. Оно определяется философом через родовой признак «идос» (так в оригинале), т. е. «эйдос» (от греческого «вид, образ»). «Эйдос — термин древнегреческой философии, означавший конкретную явленность, видимую сущность, форму как специфический признак вещи, ее цель и движущую силу» [СЭС 1984: 1417].

Термин «национальность» у К. Н. Леонтьева раскрывается при помощи ряда полиморфных [Шелов 2003: 83] определяющих выражений, допускающих возможность нескольких различных интерпретаций. Приведем несколько цитат-опре-

делений из разных работ К. Н. Леонтьева: *Национальность понятие более отвлеченное. Это какой-то идос — той нации, которую мы только что воображали себе во плоти. Когда мы говорим: русская национальность, французская, китайская, то мы вспоминаем о таких общих качествах или признаках, которые более или менее свойственны всем людям, составляющим эту нацию (или хотя бы большинству их), и совокупностью которых эта нация отличается от других. Чем эти признаки резче, чем эта совокупность их выразительнее, тем более в нации национальности, т. е. особенности, своеобразности, оригинальности. <...> Национальность данной нации — это, скорее, то, что уже есть у нее теперь налицо совокупность признаков существующих, историческим развитием уже приобретенных* [Леонтьев 1996: 601]. В работе «Кто правее?» К. Н. Леонтьев призывает своего оппонента П. Е. Астафьева помириться с его, леонтьевским понятием о национальности как *необходимой основе и формирующей силе всякой мощной и жизнеспособной культуры* [Леонтьев 1996: 653]. Эти определения делают возможным добавление существенного компонента значения в смысловую структуру термина «нация»: «необходимость национальности как совокупности существенных признаков», то есть, по Леонтьеву, нация не является таковой до тех пор, пока у нее нет национальности.

Приведенные цитаты позволяют выделить родовой и видовые идентификаторы термина *национальность*: особенность, своеобразность, оригинальность (нации); культурная составляющая нации. В целом термин представляется очень неопределенным, «образным», нежестким. Интенциональная неопределенность понятия термина основана на принципиальной, сущностной неопределенности идоса, нежесткости представления об особенностях нации, зависимости этого представления от взгляда со стороны или изнутри. Интенциональная неопределенность свойственна еще одному производному термину К. Н. Леонтьева — *национальный идеал*, который соотносится с термином *национальность* как представления о желаемом образе и существующий образ: *Национальный идеал — это совокупность национальных признаков еще не приобретенных; это представление той же нации в будущем ближайшем или отдаленном. <...> Национальный идеал — это различное субъективное представление разных граждан об идосе будущей реальной нации* [Леонтьев 1996: 601].

Таким образом, в авторской терминологической системе К. Н. Леонтьева выделяются три основных понятия, связанных с национальным вопросом: *нация* (совокупность конкретных, перечисляемых в текстовых дефинициях «племенных» и «культурных» признаков); *национальность* (образ нации у ее представителей и у других наций); *национальный идеал* (желаемый, мыслимый образ нации).

Как уже отмечалось, Н. А. Бердяев обозначает терминами «нация» и «национальность» одно и то же понятие, сущностные признаки которого разработаны у этого автора с большей степенью отчетливости и выпуклости.

Приведем несколько цитат, которые являются составными частями пространного контекстуального определения, формируемого всем текстом главы «О нации» («Философия неравенства»): *Нация есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Она есть порождение совершенно своеобразной исторической действительности, и тайна её недоступна тем, которые совершенно лишены чувства исторической действительности, которые пребывают целиком в абстрактных социологических категориях. <...> Национальность есть та сложная иерархическая ступень, в которой наиболее сосредоточена острота исторической судьбы. В ней природная действительность переходит в действительность историческую. <...>*

Нация есть дух, Божий замысел, который эмпирический народ может осуществить или загубить [Вехи: Философия неравенства] (здесь и далее приводятся цитаты из раздела «Русская философия» (Н. А. Бердяев) электронного ресурса «Библиотека русской религиозно-художественной и философской литературы „Вехи“»).

Из текста четвертого письма «Философии неравенства» и из работы «Философия свободы» нами выделены родовые понятия, при помощи которых Н. А. Бердяев определяет термин *нация/национальность*: *неповторимая реальность; историческая категория; иерархическая ступень; историческое образование; мистический организм, мистическая личность, ноумен (исторического процесса); дух, Божий замысел*. Анализируемое понятие уточняется и наполняется конкретным содержанием за счет большого количества разноаспектных дифференциальных признаков: *историческая (конкретно-историческая); историческая действительность; таинственность; иррациональность, нетленность; победа над смертью; религиозная основа; неравноправие*.

Кроме того, для идиостиля Бердяева характерно использование «отрицательных» определений, которые отражают невозможные в дефиниции термина родовые идентификаторы: *не есть эмпирическое явление (отрывка исторического времени); не есть живущее поколение; не есть сумма... поколений; не есть тот или иной класс*.

По Н. А. Бердяеву, в содержание понятия *нация/национальность* входят обозначение цели (*Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории; ...всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его*); наличие гениев, избранных личностей (*Самого совершенного и высшего своего выражения нация достигает в гении*); культурные объекты, памятные места (*В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги*).

Обратим особое внимание на семантический признак «неравенство», наличие которого составляет особенность дискурсивной функции термина *нация/национальность* в творчестве Н. А. Бердяева: *Все исторические национальности имеют совершенно разные, неравные пра-*

ва, и они не могут предъявлять одинаковых притязаний. В историческом неравенстве национальностей, неравенстве их реального веса, в историческом преобладании то одних, то других национальностей есть своя большая правда, есть исполнение нравственного закона исторической действительности, столь непохожего на закон действительности индивидуальной [Вехи: Философия неравенства].

Охарактеризовав смысловые составляющие сравниваемых понятий, перейдем к анализу их текстового представления, т. е. характера дефиниций, и сделаем краткие выводы.

Определения К. Н. Леонтьева достаточно кратки, их функция — идентифицировать объект описания, отделить друг от друга понятия *нация* и *национальность*. По структуре эти определения ближе всего к родо-видовым, они не только отражают семантику термина, но дают представление о семантической мотивированности.

Термин *нация* определяется через родовые идентификаторы «цвет племен», «организм» и две совокупности, два «набора» подробно описанных выше видовых идентификаторов, отражающих разные аспекты представляемого понятия: «племенной» и «культурный». Термин *национальность* в терминосистеме К. Н. Леонтьева является производным по отношению к термину *нация*, поскольку определяется через него: *национальность* — это идея, скрытая за тем реальным и конкретным физическим явлением, которое мы зовем нацией (эйдос нации), душа нации. Понятие *национальность* у Леонтьева не включает «племенных», «физических» черт, относясь к категории культурологических. *Национальность*, по К. Н. Леонтьеву, есть «образ» нации, а *национальный идеал* — желаемый образ.

Дефиниция у Н. А. Бердяева носит контекстуальный характер. На протяжении всего текста возникают новые определения, и в известную уже структуру терминологического понятия «встраиваются» новые компоненты. «В контекстуальных определениях, — пишет С. Д. Шелов, — действует своеобразное правило роста терминологичности: чем длиннее контекст, необходимый для идентификации соответствующего понятийного содержания определяемой единицы, тем большую терминологичность этой единицы следует предполагать...» [Шелов 2003: 57]. О высокой степени терминологичности понятия говорит и большое количество выделяемых семантических компонентов значения: это признаки, которые можно условно назвать «реальными» (историческая категория), «мистические» признаки (дух, Божий замысел).

И Н. А. Бердяев, и К. Н. Леонтьев признают, что *нация* (национальность) — это категория историческая, этнографическая и культурная. Однако Н. А. Бердяев выделяет гораздо большее число отличительных и существенных признаков понятия, что, собственно, и делает его термин «более авторским», если так можно выразиться. В терминосистеме Бердяева понятие *нация/национальность* обладает рядом уникальных семантических черт, которые характерны только для данной семиотической системы: *нация/нацио-*

нальность имеет мистическую, таинственную, иррациональную, непознаваемую основу; нации принципиально неравноправны и образуют иерархию.

Таким образом, за терминами *нация* и *национальность* в философских терминосистемах двух русских мыслителей стоят разные мыслительные сущности, обусловленные особенностью мировоззрений и идеологем авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. — М.: ГНО-ЗИС/ЛОГОС, 2010.
2. БАС = Большой академический словарь русского языка. Т. 11. / РАН, Ин-т лингвист. исследований. — М.: СПб., 2008.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Собр. соч. / Н. А. Бердяев. — Париж: YMCA-Press, 1990. Т. 4.
4. Брокгауз, Ефрон 1897 = Энциклопедический словарь под редакцией проф. И. Е. Андреевского. Т. 40. — СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, 1897.
5. Вехи = Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «ВЕХИ»; раздел «Русская философия». URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/index.html> (дата обращения: 05.12.2014).
6. Козловская Н. В. К проблеме лингвистической характеристики русского религиозно-философского текста // Лингвистика. Семиотика. Метапозитика: науч. сб. / под ред. д-ра филол. наук В. П. Ходуса. — Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавказ. федерального ун-та: Дизайн-студия Б, 2013. Вып. 1 (14). С. 133—140.
7. Козловская Н. В. К описанию языка русской религиозной философии // Труды ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 431—444.
8. Константин Леонтьев. Произведения. URL: http://knlentiev.narod.ru/texts/cultur_ideal.htm (дата обращения: 01.12.2014).
9. Корольков А. А. Пророк в своем отечестве // К. Н. Леонтьев: pro et contra. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 2.
10. Левицкий С. А. Бердяев: пророк или еретик // Н. А. Бердяев: pro et contra. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. Кн. 1.
11. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). — М.: Республика, 1996.
12. Малый Брокгауз, Эфрон 1907—1909. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 05.12.14).
13. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
14. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. — СПб.: Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1894.
15. Советский энциклопедический словарь = СЭС. — М.: Советская энциклопедия, 1984.
16. Табанаква В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2013.
17. ТСУ = Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. — М.: Терра, 1996.
18. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003.

N. V. Kozlovskaya
St. Petersburg, Russia

LEXEMES “NATION” AND “NATIONALITY” IN THE PHILOSOPHICAL TERMINOLOGICAL SYSTEMS OF N.A. BERDYAEV AND K.N. LEONTIEV

ABSTRACT. *The article analyzes the terms “nation” and “nationality” and focuses on their terminological definitions in the works by K. N. Leontiev and N. A. Berdyaev. The theme of the article is the formation of social and political lexical meanings of these terms in the Russian philosophical discourse.*

The article aims at revealing the similarities and differences of the authorial philosophical terms in the terminological systems of K. N. Leontiev and N. A. Berdyaev and also at analyzing the types of terminological definitions of the compared philosophers. The author of the article uses the component and contextual analysis as well as the comparative method.

The performed analysis allows making a brief conclusion concerning the internal organization of the compared authorial terminological systems. The differences in the meanings of the terms “nation” and “nationality” come from the differences in the worldviews and idiolects of the compared authors. “Nation” in the works of Leontiev is presented as a concrete notion; it is a branch of a tribe with its own distinguishing features in the language, history, religion, economics, morals, customs and culture. According to Leontiev, “nationality” is the “image” of the nation, and the national ideal is presented as the desired image. Berdyaev’s definitions have a contextual character. In his authorial philosophical terminological system the “nation” is the same as “nationality”; the notion of “nation/nationality” has a mystical, mysterious, irrational, unknowable basis; nations are fundamentally unequal and form a hierarchy.

KEY WORDS: *nation, nationality, national ideal, term, Russian religious and philosophical discourse, discursive function of the term.*

ABOUT THE AUTHOR: Kozlovskaya Natalia Vitalyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

LITERATURE

1. Azarova N. M. Tipologicheskiy ocherk yazyka russkikh filosofskikh tekstov KhKh veka. M. : GNOZIS/LOGOS, 2010.

2. BASRYa: Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka. M. : SPb.: Rossiyskaya akademiya nauk. Institut lingvisticheskikh issledovaniy. T. 11. 2008.

3. Berdyaev N. A. Filosofiya neravenstva // V kn.: N. A. Berdyaev. Sobranie sochineniy. T. 4. Parizh: YMCA-Press, 1990.

4. Brokgauz, Efron 1897: Entsiklopedicheskiy slovar' pod redaktsiyei prof. I. E. Andreevskogo. T. 40. SPb.: Izdateli: F. A. Brokgauz, I. A. Efron, 1897.

5. Vekhi: Biblioteka russkoy religiozno-filosofskoy i khudozhestvennoy literatury «VEKH»; razdel «Russkaya filosofiya»: URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/index.html> (data obrashcheniya 05.12.2014).

6. Kozlovskaya N. V. K probleme lingvisticheskoy kharakteristiki russkogo religiozno-filosofskogo teksta // Lingvistika. Semiotika. Metapoetika: Nauchnyy sbornik / pod red. d-ra filol nauk V. P. Khodusa. — Stavropol': Izdvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo un-ta; «Dizayn-studiya B», 2013. — Vyp.1 (14). — 568 s. S. 133 — 140.

7. Kozlovskaya N. V. K opisaniyu yazyka russkoy religioznoy filosofii. Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2014. № 2-1. s. 431 — 444.

8. Konstantin Leont'ev. Proizvedeniya. URL: [\[knlentiev.narod.ru/texts/cultur_ideal.htm\]\(http://knlentiev.narod.ru/texts/cultur_ideal.htm\) \(data obrashcheniya 01.12.2014\).](http://</p>
</div>
<div data-bbox=)

9. Korol'kov A. A. Prorok v svoem otechestve // K. N. Leont'ev: Pro et Contra. Kniga 2. SPb.: Izd-vo RKhGI, 1995.

10. Levitskiy S. A. Berdyaev: prorok ili eretik // N. A. Berdyaev: pro et contra. Kniga 1. SPb.: Izd-vo RKhGI, 1994.

11. Leont'ev K. N. Vostok, Rossiya i slavyan-stvo. Filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872—1891). M. : Respublika, 1996.

12. Malyy Brokgauz, Efron 1907—1909. URL: <http://slovari.yandex.ru> (data obrashcheniya 05.12.14).

13. NKRYa: <http://www.ruscorpora.ru/>

14. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Pod red. A. N. Chudinova. SPb.: Izdanie knigoprodavtsa V. I. Gubinskogo, 1894.

15. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1984.

16. Tabanakova V. D. Avtorskiy termin: znayu, interpretiruyu, perezozhu. Tyumen': Izdatel'stvo TGU, 2013.

17. TSU: Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 4 / pod red prof. D. Ushakova. M. : Terra, 1996.

18. Shelov S. D. Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya. SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Д. Черняк.

А. В. Колмогорова, М. Е. Шестаков
Красноярск, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЛИЦЕДЕЙСТВА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются роль и функции феномена коммуникативного лицедейства в российском политическом дискурсе. На материале одного из предвыборных выступлений В. В. Жириновского доказыва-ется, что коммуникативное лицедейство выполняет усиливающую, концептуализирующую и эпистемическую функции в процессе персуазивной коммуникации политика и его электората.

Методологию исследования составляют базовые понятия дискурс-анализа, а также исследовательские проце-дуры, свойственные французской школе анализа персуазивного дискурса: выявление и описание ключевого концепта, риторических инструментов, используемых для его конструирования и внедрения, в состав которых входит иссле-дуемый феномен коммуникативного лицедейства, и, наконец, определение функции коммуникативного лицедейства в организации дискурса политического деятеля.

Как показывают результаты проведенного анализа, коммуникативное лицедейство включено в наиболее важ-ные этапы убеждающей риторики: самопозиционирование и доказательство правильности собственной позиции. Оно формирует концептуальную канву дискурса и служит созданию эпистемических иллюзий (то, что считалось «верованием», наивным стереотипом, стало восприниматься как знание). Итак, можно заключить, что коммуни-кативное лицедейство в политическом дискурсе выполняет ряд функций в процессе развертывания аргументации: усилительную функцию; концептуализирующую функцию; эпистемологическую функцию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; коммуникативное лицедейство; персуазивный дискурс; аргу-ментация; прагматика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Крас-ноярск); адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 1, каб. 234; e-mail: nastiakol@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шестаков Михаил Евгеньевич, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 1, каб. 234; e-mail: mihan-plyt@mail.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Данная публикация посвящена проблеме описания прагматических функций такого фено-мена устного контактного общения, как коммуни-кативное лицедейство. Объектом исследования является феномен коммуникативного лицедейства в политическом дискурсе. В качестве материала выступают видеозаписи выступления В. Жири-новского перед представителями СМИ. Методо-логию исследования составляют базовые поня-тия дискурс-анализа [Dijk 1997, 2006; Chilton, Schaeffner 1997], а также исследовательские про-цедуры, свойственные французской школе ана-лиза персуазивного дискурса [Серио 1999, Charaudeau 2002]: выявление и описание страте-гий, реализующих каждый из этапов убеждения, риторических инструментов, используемых для его конструирования и внедрения, в состав кото-рых входит исследуемый феномен коммуни-кативного лицедейства, и, наконец, определение функции коммуникативного лицедейства в орга-низации дискурса политического деятеля.

ФЕНОМЕН КОММУНИКАТИВНОГО ЛИЦЕДЕЙСТВА

Коммуникативное лицедейство — феномен, который был впервые отмечен нами при анализе речевого взаимодействия матери с ребенком в русской лингвокультуре [Колмогорова 2013]. Мы анализировали корпус видеозаписей и обнаружи-ли, что в ряде случаев мать отклоняется от когни-тивной роли «я, здесь — и — сейчас действую-

щая/говорящая», занимая другие когнитивно-коммуникативные позиции, описать которые мож-но, используя коннектор условности как *бы*. Например, нами зафиксирован ряд ситуаций, в которых мать говорит и действует как *как бы* а) ребенок, разговаривающий с ней самой; б) ре-бенок, взаимодействующий с другим взрослым; в) посторонний человек или вымышленный пер-сонаж, разговаривающий с ребенком; г) мать, находящаяся в другом эмоциональном состоянии и в другой ситуации, нежели она есть на самом деле (например, понарошку рассерженная мать); д) другой человек, разговаривающий о данной матери и о данном ребенке.

Термин «коммуникативное лицедейство» призван отразить некоторое раздвоение, мани-фестирующееся в речевом поведении говоряще-го. Значение лексемы *лицедейство* толкуется, как правило, через лексемы *представление* (те-атральное) и *притворство* [Ожегов 1987: 280]. Опираясь на театральные контексты употребления лексемы *лицедейство*, предполагающий времен-ное отождествление актером себя с персонажем [Захава 1978: 66] при сохранении самоидентифи-кации, мы употребляем сочетание «коммуни-кативное лицедейство», акцентируя момент огра-ниченного во времени перевоплощения говоря-щего. При этом «затушевывается» параметр соз-нательности данного действия: для профессио-нального актера лицедейство есть осознанно выбранное ремесло, тесно связанное с набором

профессиональных навыков перевоплощения, а для «обычного» коммуниканта, временно покидающего свою когнитивно-коммуникативную роль, степень осознанности перевоплощения варьируется. Таким образом, **коммуникативное лицедейство** есть временное отождествление говорящим себя с другим человеком, сопровождаемое краткосрочной заменой собственных привычек вербального и невербального поведения имитируемыми привычками, свойственными изображаемой личности, и маркируемое в речи автореференциональным сдвигом (временная атрибуция я к объекту перевоплощения). При этом коммуникативное лицедейство, не имея эстетической ценности, используется в качестве особого приема для реализации актуальных для говорящего коммуникативных целей.

КОММУНИКАТИВНОЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО И СМЕЖНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

В проблемном поле коммуникативной лингвистики и лингвопрагматики случаи размывания или смещения и наложения границ категорий Я/ДРУГОЙ всегда вызывали живой интерес. Так, швейцарским исследователем Д. Вайсом была введена в поле лингвопрагматического анализа обширная категория так называемых ксенотекстов — прецедентных текстов и простых малоизвестных цитат из чужой, внепарламентской речевой среды, используемых депутатами Государственной думы во время парламентских дебатов [Вайс 2012, 2014]. Однако ксенотексты, как отмечает Д. Вайс, вводятся в речь либо особыми метатекстовыми «скрепами», либо именованьем автора или номинацией жанрового маркера цитируемого произведения [Вайс 2014: 44]. В случае с коммуникативным лицедейством его единственным маркером является резкая и нарочитая замена говорящим привычной для него манеры речевого и неречевого поведения другой, свойственной иному человеку, сделать которого узнаваемым входит в целевую установку говорящего.

Другой феномен, близкий к рассматриваемому, — стратегия речевой маски. Суть данной стратегии в том, чтобы сменить свою речевую манеру на иную, которая принадлежит обобщенному социальному или профессиональному типу, отраженному в нашем языковом сознании [Шпильман 2006: 6]. Так, агент секретных служб может временно использовать речевую маску журналиста, воспроизводя некие стереотипные речевые манеры, свойственные, согласно общепринятому мнению, именно журналистам. Коммуникативное лицедейство же представляет собой, в отличие от речевой маски, во-первых, имитацию не просто типизированного речевого поведения представителя какой-либо социальной группы, а конкретной личности, индивидуальности — отдельного «персонажа», а во-вторых, происходит это без единого намека на имплицитность или сокрытие, так, чтобы наблюдатели могли отчетливо видеть происходящую смену, перевоплощение.

Говоря о перевоплощении, упомянем и непосредственно касающийся этого аспекта феномен перевоплощенной языковой личности. Это языковая личность, которая временно воссоздает в

условиях публичности иной языковой образ, обусловленный творческим замыслом режиссера и сценариста/ драматурга, базирующийся на собственном речевом опыте и языковой компетенции [Колмогорова, Косинова 2013]. Отталкиваясь от собственной психологической природы, языковая личность изменяет некоторые существенные свои характеристики, вбирает черты чужого, имитируемого ею, образа. Сопоставляя перевоплощенную языковую личность с коммуникативным лицедейством, отметим, что для первого случая характерно более долговременное перевоплощение в специально для того предназначенном контексте (сцена, съемочная площадка) в целях реализации какого-либо не собственно коммуникативного, а, скорее, эстетического задания, конструируемого не самим перевоплощающимся, а другими — режиссером, сценаристом, продюсером, наконец.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наблюдения за речевым материалом показали, что коммуникативное лицедейство встречается прежде всего в неформальном общении, где выполняет разнообразные, а иногда и прямо противоположные коммуникативные функции: урегулирования конфликтной ситуации, обострения конфликта, а также контактоустанавливающую функцию, функцию эмоциональной разрядки. Однако случаи использования коммуникативного лицедейства были нами обнаружены также и в контексте политического дискурса, в частности, в выступлениях В. В. Жириновского. В рамках идеологического дискурса исследуемый прием выполняет другую функцию — аргументирующую. Смена дискурсивных рамок и функционала коммуникативного лицедейства потребовала ухода от исключительно коммуникативной методологии к процедурам анализа персуазивного дискурса. Согласно французской школе дискурс-анализа П. Шародо [Charaudeau 2006, 2008], в политическом дискурсе реализуется преимущественно такой аргументативный модус, как убеждение (а не демонстрация или экспликация, например). Отправной точкой развертывания персуазивного дискурса является, по П. Шародо [Charaudeau 2008], коммуникативная ситуация, которая дает коммуникантам «ключи» для интерпретации всего коммуникативного события — дискурсивные инструкции. Далее субъект аргументации, согласно идеальной модели, конструирует дискурс, последовательно решая следующие задачи: 1) установление контакта; 2) ликозидание (создание собственного имиджа в глазах собеседников); 3) вовлечение собеседника в круг своих ценностей и установок; 4) собственно аргументация. На этапе ликозидания говорящему необходимо убедить слушающего в своей легитимности как обладателя права на речь (стратегия легитимизации), на этапе вовлечения в круг собственных ценностей — заставить слушателя поверить в адекватность и «правильность» этих ценностей (стратегия создания доверия), а также привлечь и удержать внимание собеседника (стратегия эмоционального захвата). На этапе аргументации субъект персуазивного дискурса использует три вида стратегий: стратегии проблематизации (по-

становка проблемы), самопозиционирования (объяснение собственного выбора), доказательства правильности отстаиваемой позиции. При этом для реализации каждой стратегии важен способ рассуждения (дедукция, аналогия, противопоставление, подсчет), тип знания, который служит когнитивной базой, референциональной опорой (собственно знания и верования) и модальность высказывания. Опираясь на описанную систему исследовательских конструктов, рассмотрим фрагмент выступления В. В. Жириновского во время предвыборной президентской кампании 2012 г., принимая во внимание тот факт, что политический дискурс всё чаще реализуется как политический медиадискурс [Будаев, Чудинов 2008: 8]

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Кратко охарактеризуем коммуникативную ситуацию: проанализированный материал представляет собой фрагмент выступления В. В. Жириновского в качестве кандидата в президенты РФ от либерал-демократической партии. Выступление является частью большой пресс-конференции, которую кандидат дал под эгидой агентства «Интерфакс» представителям ведущих российских и зарубежных медиа. Все собравшиеся прекрасно понимают, что основным кандидатом и наиболее вероятным победителем предвыборной гонки станет кандидат от «партии власти» В. В. Путин, который на момент выборов исполнял обязанности Председателя Правительства и, по сути, от руководства страной не уходил. В таком контексте дискурсивные инструкции, определяемые ситуацией, таковы: говорящий оспаривает право на власть у того, кто ее уже имеет, слушающие должны принять или отвергнуть позицию конкурента существующей власти.

Начало видеофрагмента совпадает с этапом ликозидания в персуазивном дискурсе. В. В. Жириновский использует для самопрезентации стратегию «от противного», подчеркивая, что нынешняя власть в лице «кремлевского кандидата» относится к нему негативно, что «автоматически» должно в рядах оппозиционеров вызвать положительную оценку образа кандидата — либерал-демократа:

На 90 % мы расходимся с позицией кремлёвского кандидата и отношения самые прохладные / потому что э-э-э [0,3] / я его раздражаю / ему ближе тихие чиновники... [0,2] кабинетные //
[говорит тихим монотонным голосом]

Это вопрос стиля / он сидит и тихо разговаривает / он не понимает / что страна требует окрика //

В последней реплике говорящий переходит к реализации этапа проблематизации: «Какая власть нужна России — сильная или слабая?»

Одновременно В. В. Жириновский формирует две важные для дальнейшего развертывания аргументации импликатуры:

1. «Кремлевский» кандидат любит кабинетных, тихих чиновников → меня он не любит → я не кабинетный, я из народа, я — глас народа.

2. Тихий → безвольный → отсутствие власти.

Далее мы наблюдаем развертывание самопозиционирования кандидата: он — за сильную

власть. Говорящий преобразуется, принимая «царскую» позу (ассоциируемую, пожалуй, с кинообразом Петра I):

МОЛЧАТЬ! [кричит, бьет кулаком по столу]

/ Вот это страна почувствует / вот это царь! Император! ВСТАТЬ! [подбородок приподнят, жест «указующий перст», высокомерный взгляд на присутствующих «сверху вниз»].

Прибегая к коммуникативному лицедейству, В. В. Жириновский использует стратегию апелляции к прецедентности: перед наблюдателями предстает уже не фигура политика, а царь. Возникают цепочки кинообразов монархов, в частности Петра I, неистово борющегося с мздоимством и взяточничеством в советских кинороманах на историческую тематику. Таким образом, коммуникативное лицедейство способствует также и реализации стратегии захвата внимания через прием драматизации. Формируется еще одна импликатура: громкий → сильный → власть.

В. В. Жириновский продолжает, но мгновенно преобразившись в В. В. Путина, имитируя его тихий бесстрастный голос и специфическую интонацию, характерную для рабочих совещаний правительства, которые широко транслируются по телевидению:

/ садитесь / ну как у вас там дела/зарплату / ну / надо повысить / учителям / ну среднеэкономическая по стране/ вот у вас ЖКХ вроде бы повысилась [разводит руками]

Вновь «примеряет роль» самодержца:

[кричит] БЕЛЫХ, Я ТЕБЯ ВЫГОНЯЮ! ТЫ ТАМ В ШВЕЦИИ, ТАК И ОСТАВАЙСЯ В ШВЕЦИИ [жест «указующий перст»] У ТЕБЯ ТАМ ПОВЫШЕНИЕ 40 % ЗА ГАЗ И ЗА СВЕТ

Другие губернаторы / всё стоп / проверять давай // [жест «стоп», обе ладони наружу]

// [вновь тихий голос, специфически «путинская» интонация] *вот я возможно приеду в Кремль / вот в мае / я посмотрю / я кого-то может быть накажу / вы знаете [поправляет галстук] как я / как он сказал? А бережно! [возвращается к собственной интонации] / как я бережно отношусь к кадрам [имитируя В. Путина, говорит тихо, монотонно, разводит руками]*

В данной части с помощью коммуникативного лицедейства субъект аргументации переходит непосредственно к доказательству отстаиваемого им тезиса о необходимости «сильной руки». При этом основной стратегией является стратегия противопоставления. Важную роль при этом играют вспомогательные стратегии доказательства: стратегия моделирования возможного мира через прием драматизации и стратегия создания доверия. В рамках первой из двух наблюдатели оказываются вовлеченными в театральное действо, в котором на одной воображаемой сцене видят привычные и широко тиражируемые телевидением сцены общения Председателя Правительства с подчиненными по животрепещущим проблемам, касающимся каждого жителя страны. На другой воображаемой сцене моделируется некий возможный мир, где сильная правящая «рука» бьет по столу и решает всё те же проблемы в мгновение ока. Таким образом, формируется основной аргумент: слабая власть не может решить насущные проблемы, а сильная — может! Стратегия же

создания доверия — побочный эффект драматизации: наблюдатели этой смены сцен невольно оказываются как бы свидетелями «реальных» событий. Следовательно, не поверить собственным глазам они не могут.

Заканчивается выступление реализацией стратегий раскрытия обмана и обличения:

// Какие кадры? / по коррупционной схеме кадры?! / мы почему поддержали назначение губернаторов? / мы думали всех заменят и будут работать бешено ребята / зная что через 5 минут тебя снимут // Такая же мафия пошла / никакой разницы, поэтому в чем беда России? // Выбираем губернаторов не тех / назначаем не тех // Госмонополия — ничего не получается / частный сектор / полностью приватизация — ничего не получается //

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА

Проведенный анализ показывает, что коммуникативное лицедейство в политическом дискурсе является действенным приемом в процессе реализации стратегий самопозиционирования и доказательства в контексте персуазивной коммуникации. При этом коммуникативное лицедейство является составляющей частью таких стратегий самопозиционирования, как апелляция к прецедентности и «захват внимания». В рамках доказательства правильности собственной позиции коммуникативное лицедейство привлекается в качестве инструмента реализации стратегий моделирования возможного мира через прием драматизации и создания доверия. Кроме того, при помощи коммуникативного лицедейства создается метонимическая дихотомия концептуальных пар: СИЛЬНЫЙ ГОЛОС — СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ / ТИХИЙ ГОЛОС — СЛАБАЯ ВЛАСТЬ. Таким образом, ГОЛОС становится ключевым идеологическим концептом анализируемого дискурса. При помощи коммуникативного лицедейства трансформация претерпевает и когнитивная основа аргументации: то, что П. Шародо называет «верованиями» (установки, мнения, предрассудки) — устойчивые народные мнения о том, что власть должна быть сильной, что сила манифестируется в умении оратор и т. д., — пройдя испытание лицедейством, приобретает статус истинного знания — ведь это то, что было увидено своими глазами, прочувствовано наблюдателями-зрителями.

ВЫВОДЫ

В политическом дискурсе феномен коммуникативного лицедейства играет важную роль в процессе убеждения, оказания воздействия на аудиторию. Коммуникативное лицедейство оказывается включено в наиболее важные этапы аргументации: самопозиционирование и доказательство правильности собственной позиции. Оно формирует концептуальную канву дискурса и служит созданию эпистемических иллюзий (то,

что считалось «верованием», наивным стереотипом, стало восприниматься как знание). Итак, можно заключить, что коммуникативное лицедейство в политическом дискурсе выполняет ряд функций в процессе развертывания аргументации: 1) усилительную функцию; 2) концептуализирующую функцию; 3) эпистемологическую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.
2. Вайс Д. Депутаты любят цитаты: ссылки на ксенотексты в Госдуме // Русский язык сегодня. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. Вып. 5 : Проблемы речевого общения. С. 64—75.
3. Вайс Д. Интертекстуальность в Госдуме // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08.2014) / гл.ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2014. С. 43—45.
4. Захава Б. Е. Мастерство актера и режиссера. — М., 1973.
5. Колмогорова А. В. Коммуникативное лицедейство в общении матери с ребенком // Вопросы психолингвистики. 2012. Вып. 15. С. 102—109.
6. Колмогорова А. В., Косинова Е. В. Реальная и перевоплощенная языковые личности немецкого актера // Вестн. Харьков. национального ун-та им. В. Н. Каразина. 2013. Вып. 73. С. 12—19.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. — М. : Рус. яз, 1987.
8. Серюо П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М. : Прогресс, 1999.
9. Штільман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2006.
10. Charaudeau P. A communicative conception of discourse // Discourse studies. — London, 2002. Vol. 4, No. 3. P. 301—318.
11. Charaudeau P. Un modèle socio-communicationnel du discours. Entre situation de communication et stratégies d'individuation // Médias et Culture. Discours, outils de communication, pratiques : quelle(s) pragmatique(s) ?. L'Harmattan. — Paris, 2006. Numéro special. P. 15—40.
12. Charaudeau P. L'argumentation dans une problématique d'influence // Argumentation et Analyse du Discours. 2008. № 1. URL: <http://aad.revues.org/index193.html> (дата обращения: 23.11.2012).
13. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction / T. A. van Dijk (ed.). — London, 1997. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. P. 206—230.
14. Dijk T. A. van. What is political discourse analysis? — Amsterdam : Benjamins, 1997. P. 11—52.
15. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.

A. V. Kolmogorova, M. Y. Shestakov
Krasnoyarsk, Russia

PRAGMATIC FUNCTIONS OF COMMUNICATIVE ACTING IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article explores the role and functions of communicative acting in the Russian political discourse. On the material of one pre-election speech of V. V. Zhirinovskiy it argues that communicative acting carries out strengthening, conceptualizing and epistemic functions in persuasive communication of a politician addressing his electorate.*

The research methodology key concepts are borrowed from critical discourse analysis. The main steps of discourse examination follow the guidelines of the French school of persuasive discourse analysis: identification of discourse key concepts and description of rhetorical operations including the analyzed phenomenon of communicative acting, definition of the function of communicative acting in the organization of a politician's discourse.

As the results of the undertaken analysis show, communicative acting is found among the most important components of argumentative rhetoric: self-positioning and proving correctness of one's own position. It forms a conceptual outline of discourse and creates epistemic illusions (things originally considered as "beliefs" or naive stereotypes are now perceived as knowledge). Therefore, the author concludes that in the process of argumentation in political discourse, communicative acting performs such functions as strengthening, conceptualizing and epistemic function.

KEY WORDS: *political discourse; communicative acting; persuasive discourse; argumentation; pragmatics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shestakov Mikhail Evgenievich, Post-graduate Student of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

LITERATURE

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. Uchebnoe posobie. M. : Flinta, Nauka, 2008. 352 s.
2. Vays D. Deputaty lyubyat tsitaty: ssylki na ksenoteksty v Gosdume // Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 5: Problemy rechevogo obshcheniya. — M. : FLINTA: Nauka, 2012. — S. 64-75.
3. Vays D. Intertekstual'nost' v Gosdume // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch.konf. (Ekaterinburg, 26-28.08.2014) / gl.red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2014. S. 43-45.
4. Zakhava B. E. Masterstvo aktera i rezhissera. — M., 1973. 233 s.
5. Kolmogorova A. V. Kommunikativnoe litsedeystvo v obshchenii materi s rebenkom // Voprosy psikhologicheskoy lingvistiki. 2012. Vyp.15. S. 102-109.
6. Kolmogorova A. V., Kosinova E. V. Real'naya i perevoploshchennaya yazykovye lichnosti nemetskogo aktera // Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V. N. Karazina. 2013. Vyp.73. S. 12-19.
7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod. red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoy. — 18-e izd., stereotip. — M. : Russ. Yaz, 1987. 797 s.
8. Serio P. Kak chitayut teksty vo Frantsii // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. M. : Progress, 1999. 415 s.
9. Shpil'man M. V. Kommunikativnaya strategiya «rechevaya maska» (na materiale proizvedeniy A. i B. Strugatskikh): avtoref. dis. kand. filol. nauk. — Novosibirsk, 2006. 26 s.
10. Charaudeau P. A communicative conception of discourse // Discourse studies. vol. 4, no. 3. London, 2002. P. 301—318.
11. Charaudeau P. Un modèle socio-communicationnel du discours. Entre situation de communication et stratégies d'individuation // Médias et Culture. Discours, outils de communication, pratiques : quelle(s) pragmatique(s) ?. L'Harmattan. Paris. 2006. Numéro special. P. 15—40.
12. Charaudeau P. L'argumentation dans une problématique d'influence // Argumentation et Analyse du Discours. № 1. 2008. URL : <http://aad.revues.org/index193.html> (дата обращения 23.11.2012).
13. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics. // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. T.A. van Dijk (Ed.). London, 1997. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. 206-230 p.
14. Dijk. T.A. van What is political discourse analysis? Amsterdam: Benjamins. 1997. 11-52 p.
15. Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). 359-383 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде.

О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева
Кемерово, Россия

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ЮЛИЕЙ ТИМОШЕНКО В ЗЕРКАЛЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ (по материалам официального сайта)

АННОТАЦИЯ. *Описывается метафорическая модель «Судебный процесс — это спектакль» в политических выступлениях Юлии Тимошенко. В рамках когнитивной лингвистики метафора трактуется как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий мощным прагматическим эффектом. Театральная метафора относится к числу самых частотных при описании политических событий, что объясняется как собственно языковыми причинами (детальная структурированность театрального мира как исходной сферы для метафоры), так и экстралингвистическими факторами: современной политической коммуникации присущи такие черты, как постановочность, лицедейство. Показывается, как посредством использования данной модели Юлия Тимошенко, для речи которой характерна экспрессивность и метафоричность, создает образ заказного, постановочного процесса, разворачивающегося по уже заранее известному сценарию, и ставится под сомнение его легитимность. Этому служат задействованные политиком фреймы. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления» включает следующие слоты: «Вид зрелища» (спектакль, цирковое представление, шоу), «Жанр представления» (фарс, театр абсурда, а также профанация, симуляция). Фрейм «Элементы представления» подчеркивает, что, как течение театрализованного действия проходит по определенной схеме, так и судебный спектакль состоит из эпизодов, актов, в качестве которых предстают отдельные судебные заседания. Фрейм «Театральные декорации и реквизит» включает слоты «Декорации» (кулисы, занавес, ширма), «Реквизит» (марионетка). Данные метафоры указывают на несамостоятельность судебных работников, наличие скрытых истинных организаторов происходящего. Фрейм «Работники театра» представляет судью и других участников процесса актерами, разыгрывающими свои роли. Фрейм «Публика» позволяет указать на Виктора Януковича как одновременно и зрителя, и заказчика спектакля.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика, политический дискурс, концептуализация, концептуальная метафора, театральная метафора, Юлия Тимошенко*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, Кемеровский государственный университет; адрес: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: Kondr25@rambler.ru.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ковалева Кристина Андреевна, студент 1 курса магистратуры по направлению «Филология», Кемеровский государственный университет, Кемеровский государственный университет; 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309, e-mail: verle.kristina@yandex.ru.*

Одним из способов формирования необходимого авторам восприятия политических событий и определенного эмоционального отношения к ним является метафора, которая длительное время воспринималась преимущественно как «украшение» речи оратора, а в рамках когнитивной лингвистики начала трактоваться как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий мощным прагматическим эффектом. Выявление в речи конкретных политиков предпочитаемых метафорических моделей имеет принципиальное значение, так как «метафоры политиков задают способ осмысления ситуаций, подталкивая слушателя к выбору определенного сценария для понимания и оценки этой ситуации» [Будаев, Чудинов 2006: 26].

Театральная метафора традиционно является одним из основных способов концептуализации политической действительности (см. работы А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, Э. В. Будаева, А. А. Касловой, Р. Д. Керимова, Н. А. Кузьминой, Е. Стояновой, О. А. Солоповой, М. В. Черняковой, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Н. Г. Шехтман и др.), что определяется как высокой структурированностью театрального мира как исходной сферы для метафоры, так и особой природой современной политической коммуникации, для которой зачас-

тую характерна постановочность, четкое распределение ролей, неискренность, изрядная доля лицедейства. Поэтому театральная метафорика, подчеркивающая стереотипные применительно к современным политическим фигурам смыслы «двуличие», «фальшь», «несамостоятельность» [Кузьмина 1999: 209], имеющая высокий потенциал воздействия на читателей, активно функционирует в политическом дискурсе разных стран. Не является исключением в этом отношении и политический дискурс Украины.

Одной из наиболее ярких фигур украинской политики как в общественном плане, так и в языковом является украинский экс-премьер-министр и двукратный кандидат в президенты Юлия Тимошенко. Ее выступления отличаются особой экспрессивностью и метафоричностью, стремлением наиболее рельефно представить свои взгляды, вызвать интерес адресата, подтолкнуть слушателя к выбору определенной позиции [см.: Кондратьева 2010; Ковалева 2013; Кондратьева, Ковалева 2014 и др.].

Театральная метафора регулярно используется Юлией Тимошенко на всех этапах ее тернистого политического пути — во время первого участия в президентских выборах, в период судебного процесса, во время тюремного заточе-

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

© Кондратьева О. Н., Ковалева К. А., 2015

ния, в период баллотирования в президенты в 2014 г. Во многих случаях Тимошенко прямо именуется политической жизнью Украины театром: **К сожалению, политика — иногда бывает большим театром. Я буду гарантом того, что вы будете знать, что за кулисами, потому что театр — это настоящее** (22.02.2014); **Мы воспринимаем сегодняшнее заседание правительств и критику от Януковича к Азарову как театр, которым они хотят вводить дальше в заблуждение общество и переводить друг с друга ответственность, которую они несут совместно, и в первую очередь Президент** (01.06.2011).

Также продуктивны при описании политики в выступлениях Юлии Тимошенко метафоры циркового представления: **Это неплохой трюк для цирковой арены, но достойным Лидером может быть тот, кто для своего народа является олицетворением справедливости, голосом правды, гарантом защищенности, кто может не разрываться, а соединять, не унижать, а любить** (05.04.2013); **Не превращайте суд в цирк. Вас семеро с одной стороны. Я — одна и не могу защищаться** (27.07.2011); **свободный народ имеет право не только знать, как в курортных городах представители власти жонглируют стратегическим вектором за их спиной, но и выразить свое мнение по этому поводу** (30.05.2013).

Как показал анализ, наиболее активно метафоры с исходной сферой «Театр» использовались Юлией Тимошенко в 2010—2011 гг., в период судебного разбирательства по «газовому делу», в рамках которого ей инкриминировали превышение должностных полномочий и нанесение ущерба в размере 1,5 миллиарда гривен. Судебные заседания в многочисленных комментариях Юлии Тимошенко по данному поводу регулярно описывались как некое зрелище, представление различных видов и жанров, тем самым создавался образ заказного, постановочного процесса, разворачивающегося по уже заранее известному сценарию. Следует отметить не только частотность, но и детальную структурированность театральной метафорической модели, ее высокую эмоциональную нагруженность в текстах данного временного периода.

Описание роли театральной метафоры в презентации судебного процесса над Юлией Тимошенко и является задачей настоящего исследования. В качестве материала использовались публикации русскоязычной версии официального сайта Ю. Тимошенко <http://www.tymoshenko.ua/ru/>.

Проведенный анализ показал, что метафорическая модель «Судебный процесс — это театральное представление», активно функционирующая в выступлениях Юлии Тимошенко 2010—2011 гг., представлена пятью фреймами: «Вид зрелища и жанр представления», «Элементы представления», «Театральные декорации и реквизит», «Работники театра», «Публика», — каждый из которых включает в свой состав конкретные слоты и организует значительное количество метафорических переносов.

Столь развернутая фреймово-слотовая структура анализируемой метафорической модели позволяет говорить о том, что потенциал сферы-

источника метафорической экспансии — «Театр» — практически в полном объеме задействуется при проекции на так называемый газовый процесс и, соответственно, является значимым средством его концептуализации в политической картине мира Юлии Тимошенко. Каждый элемент метафорической модели актуализирует разнообразные аспекты судебного разбирательства, позволяет Юлии Тимошенко сформулировать свое отношение к данному процессу и его участникам, донести свою точку зрения до соратников по партии и потенциальных избирателей — рядовых граждан Украины.

1. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления». В выступлениях и текстах Юлия Тимошенко регулярно интерпретирует свой судебный процесс как заказное политическое зрелище, имеющее весьма сомнительный характер: **Зато действующая власть предлагает сомнительные политические зрелища, показательные судилища, перебивание грязного белья, инспирированные идеологические конфликты** (24.08.2011), детально характеризует это представление в жанрово-видовом отношении.

1. Слот «Вид зрелища». Судебный процесс над Ю. Тимошенко описывается как представление различных видов, спектакль, цирк, шоу: **Прокуроры ... не реагируют ни на какие незаконные действия судьбы. Это говорит о том, что все это — спектакль** (24.06.2011); **Не превращайте суд в цирк. Вас семеро с одной стороны. Я — одна и не могу защищаться. Я понимаю, что вы должны делать расправу надо мной, но делайте хотя бы иллюзию судебного процесса** (27.07.2011); **Текст обвинительного заключения не содержит описания событий преступления и соотвествующих доказательств. Прокурор должен был отказаться от обвинения на данной стадии судебного разбирательства. Несмотря на отсутствие состава преступления, он продолжает это судебное шоу** (27.07.2011); **Суд начал повторно читать фальшивое обвинительное заключение с транслиацией в Межигорье. Повторяют шоу „на бис“ для одного зрителя — Януковича** (22.07.2011).

2. Слот «Жанр представления». Основной жанр судебной театральной постановки над Юлией Тимошенко — это фарс: **Я требую сейчас, чтобы суд, который будет меня судить, вместо фарса превратился в настоящий суд** (24.06.2011); **Как мы и ожидали, этот суд превратили в фарс. Это твердый вывод. Так же, как у нас Генеральная прокуратура занимается фарсом и политическими репрессиями, так именно суд, будучи департаментом Администрации Президента, тоже занимается фарсом** (11.05.2011); **Согласно статье 229 Уголовного кодекса, прошу отложить сегодняшнее заседание и дать возможность моему адвокату обеспечить доказательства, чтобы прекратить весь этот фарс** (4.07.2011). Посредством подобных метафор актуализируется идея профанации, имитации судебного процесса.

По мере развития судебного процесса театр фарса постепенно превращается в театр абсурда — обвинения становятся все более нелепыми, предстают как бессмысленное, лиш-

ное логики нагромождение фактов, поступков: *Я не думаю, что это дело когда-нибудь закончится — до того как падет режим. За одним делом идет другое, а за другим третье, а потом все превращается в фарс, и уголовные дела сыплются как из рога изобилия. И те, кто их возбуждает, даже не задумывается о том, как смешно это выглядит со стороны. Завтра вспомнят, что я в школе окно разбила или за буйки заплывала* (16.07.2011); *Я опасюсь, что с такой поспешностью сегодня объявляли о новом уголовном деле по газовым соглашениям для того, чтобы завтра под прикрытием якобы неправильно подписанных газовых соглашений продолжать сдавать украинские национальные интересы... Они будут говорить, что это опять „виновата невестка“ потому, что она подписала „не такие“ „газовые соглашения“. Это театр политического абсурда* (11.04.2011).

Судебный процесс над Юлией Тимошенко представлен не только как фарс и абсурд, но и как профанация, симуляция: *Я думаю, что все, в принципе, происходящее в Печерском районном суде, и не только в отношении меня, но и в отношении Луценко, Макаренко, Диденко, Шепитько, ко всем людям, которых сегодня по политическим мотивам репрессируют ... Это не суд, это не судьи, это не уголовные дела. Это полная профанация* (26.07.2011); *Все эти чрезвычайные положения — это чистой воды политическая симуляция для того, чтобы людей ввести в полное заблуждение* (21.01.2011); *Я уже несколько томов изучила, это достаточно объемные материалы, там очень много документов, очень много свидетельств, но все это профанация, и все это просто абсурд, о котором не хочется говорить* (14.03.2011).

Метафоры видов и жанров политического представления актуализируют идею заказного, постановочного характера процесса, его алогичности и абсурдности, что позволяет сделать вывод об искусственности и наигранности судебного процесса.

2. Фрейм «Элементы представления». Течение театрализованного действия проходит по определенной схеме, судебный спектакль также состоит из эпизодов, актов, в качестве которых предстают отдельные судебные заседания: *Это — фарс, в последнем акте которого должны заключить Юлию Тимошенко. И не как человека, а как оппозицию, как в настоящий момент самую мощную фигуру, которая противостоит режиму и его планам* (3.08.2011). При заинтересованности зрителя спектакль могут повторить «на бис»: *Суд начал повторно читать фальшивое обвинительное заключение с трансляцией в Межигорье. Повторяют шоу „на бис“ для одного зрителя — Януковича* (22.06.2011).

3. Фрейм «Театральные декорации и реквизит». В театральном действе существенное значение имеет и его оформление, зачастую несущее мощную смысловую нагрузку. Декорации, оформляющие сцену, и элементы театрального реквизита, используемого во время представления, позволяют создать соответствующую атмосферу и максимально точно имитировать действительность.

Метафоры бутафории позволяют продемонстрировать фальшивость, показной характер политического процесса: *В частности, сейчас МВД планирует все же устроить бутафорский новый судебный процесс над Юлией Тимошенко* (05.06.2012).

1. Слот «Декорации». Лексемы кулисы, занавес, ширма чаще всего метафорически используются в лексиконе политиков для обозначения скрытости истинных причин и механизмов происходящего, указывают на завуалированных истинных организаторов происходящего: *Представитель гражданского истца, который был в судебном процессе, делал все для того, чтобы занимать правовую, объективную и нравственную позицию. Я думаю, что причина замены представителей гражданского истца заключается в том, что прокуратуру и тех, кто руководит из-за кулис всем этим процессом, не устраивают люди, у которых есть совесть, профессионализм, порядочность, не устраивают те, кто может занимать честную и справедливую позицию* (2.09.2011); *Понятно, что это чистое мошенничество, но самое главное, что американская компания здесь выступает в качестве ширмы исключительно. Ей отдается всего небольшое количество процентов в общей компании, а в действительности шельф Черного моря отдается кланам, которые окружают Януковича* (09.01.2011).

2. Слот «Реквизит». Метафоры реквизита традиционно указывают на вторичность, искусственность, позволяют представить сопоставимые с ними реалии как объекты разного рода манипуляций истинных авторов происходящего.

Участники судебного процесса охарактеризованы Ю. Тимошенко не как самостоятельные персонажи, а как часть реквизита, умело используемого администрацией президента; это марионетки, которых ловко дергают за ниточки: *У меня есть отвод судьи. У вас нет ни опыта, ни знаний, чтобы это дело рассматривать. Но вас специально указом преднамеренно месяц назад перевели в Печерский суд для того, чтобы рассматривать дела, которые являются политически заказными. Я заявляю вам отвод, потому что считаю вас марионеткой администрации президента* (24.06.2011); *Удалось заставить марионетку Киреева зачитать заявление о допуске других адвокатов* (18.07.2011); *Марионетка Киреев выполнил заранее спланированную провокацию и отстранил от участия в деле Сергея Власенко* (18.07.2011); *Та информация, которой я владею на эту минуту, говорит о том, что Янукович со своей Администрацией вам еще не приказал меня освободить, поэтому я не рассчитываю на то, что вы, будучи полной марионеткой Администрации Президента, отмените сегодня меру пресечения. Поэтому я знаю, что вы и дальше будете служить режиму, а не праву. Вы и дальше будете пытаться меня по заказу Януковича* (05.09.2011).

Таким образом, метафоры марионеток позволяют представить облеченных властью участников судебного процесса (прокурора, судью, обвинителя и др.) как послушных исполнителей чужой воли, лишенных собственного мнения, не имеющих право самостоятельно принимать ре-

шения, соответственно, в интерпретации Юлии Тимошенко, они не имеют никакого права вершить над ней суд.

4. Фрейм «Работники театра». Участники судебного процесса предстают в высказываниях Юлии Тимошенко как актеры, разыгрывающие свои роли: *К большому сожалению, там те же актеры — это господин Клюев, господин Ющенко, они публично подписали капитуляцию Украины и сдачу ее национальных интересов* (3.02.2011).

Судью, возглавляющего «газовый» судебный процесс, Тимошенко регулярно именуется ряженым, тем самым подчеркивая, что это не настоящий судья, а всего лишь его подобие: *Киреев, вы не рассматриваете дело, вы ее фальсифицируете. Вы — не судья. Киреев, вы преступник в мантии, вам надо снять мантию, все признаки государства и уйти из зала. Вы ряженный, который выполняет заказы на политические репрессии. Прекращайте преступления, ведь каждый день совершаете преступления в рассмотрении дела* (5.09.2011); *Жаль Киреева и других ряженных. Их жизнь — это несколько дней фальшивого триумфа перед Януковичем, а затем пожизненный стыд перед людьми* (18.07.2011). Актеры постоянно играют не свойственные им роли, так Тимошенко ставит под сомнение право данных персонажей вершить над ней суд.

5. Фрейм «Публика». Поставленный спектакль имеет своих зрителей. В данном судебном процессе, по мнению Юлии Тимошенко, только один заинтересованный зритель — президент Украины В. Янукович, выступающий сразу в двух ипостасях — и как заказчик спектакля, и как его зритель: *Я хорошо понимаю, что решения относительно меня принимаются далеко за пределами суда, и об этом знают все. Я понимаю, что правовые аргументы не имеют веса ни при принятии решения об изменении меры пресечения, ни при вынесении приговора. Но несмотря на это я знаю, что у уголовного дела есть один заказчик, один судья, один зритель, один человек, который получает от этого удовольствие* (26.08.2011). *Суд начал повторно читать фальшивое обвинительное заключение с трансляцией в Межгорье. Повторяют шоу «на бис» для одного зрителя — Януковича* (22.06.2011).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в выступлениях Юлии Тимошенко театральная метафора является значимым средством репрезентации судебного процесса 2010—2011 гг. Целью использования подобных метафор является акцентирование внимания народа на несамостоятельности судебных органов, зависимости их от администрации президента. Юлия Тимошенко регулярно называет судей «марионетками Януковича», а сам судебный процесс в представлении экс-премьер-министра выглядит как спектакль, сценарий которого прописан и продуман заранее, а актерами в этих представлениях являются политики и представители судебных органов. Таким образом акцентируется внимание на постановочности судебного процесса, его заказном характере и предрешенности его результатов.

В заключение отметим, что, используя при характеристике газового процесса театральные

метафоры, Юлия Тимошенко демонстрирует самостоятельность обвинителей и судей, их подконтрольность администрации президента, соответственно, не признает их право вершить над ней суд, и тем самым ставит под сомнение легитимность судебного процесса.

ИСТОЧНИКИ

1. Юлия Тимошенко : офиц. сайт. URL: <http://www.tymoshenko.ua/ru/>.

ЛИТЕРАТУРА

2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М. : Помовский и партнеры, 1994. 351 с.

3. Будаев Э. В. Театр как сфера-источник для метафорического представления действительности в российской и британской прессе 2000—2004 // LINGUISTICA JUVENIS. — Екатеринбург, 2005. Вып. 5 : Дискурс и текст. С. 30—46.

4. Будаев А. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2006.

5. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.

6. Керимов Р. Д. Театральная метафора в немецком политическом дискурсе (когнитивный аспект) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 24. С. 206—216.

7. Ковалева К. А. Милитарные метафоры как средство репрезентации политической действительности в идиостиле Юлии Тимошенко // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 4-2 (56). С. 121—124.

8. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 101—112.

9. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Национально-специфические метафорические модели в политическом дискурсе Восточной Европы (на примере анализа политического дискурса Украины) // Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse. — Zurich, 2014. P. 83—94.

10. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. — Екатеринбург ; Омск, 1999.

11. Солопова О. А. Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 107—114.

12. Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) // Balkan Rusistics. URL: <http://www.russian.slavica.org/printout4072.html> (дата обращения: 23.05.2013).

13. Чернякова М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. 2004. Т. 13. С. 86—96.

14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000.

16. Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральная и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

O. N. Kondratyeva, K. A. Kovaleva
Kemerovo, Russia

**YULIA TIMOSHENKO TRIAL THROUGH THE LOOKING GLASS OF THEATRICAL METAPHOR
(on materials of the official site)**

ABSTRACT. *The metaphorical model «Litigation - is a performance» in Julia Timoshenko's political performances is described is. Within the limits of cognitive linguistics the metaphor is treated as a leading way of thinking and the tool of the argument possessing powerful pragmatic effect. The theatrical metaphor concerns to number of the most frequency at the description of political events, that speaks as actually language reasons (detailed structure of a theatre world as initial area for a metaphor), and extralinguistic factors: such features, as affectedness, acting are inherent in the modern political communications.*

Julia Timoshenko for which speech it is characteristic expressiveness and metaphoricalness shows, how by means of use of the given model, creates an image custom-made, affectedness the process developed under already in advance known script, and called into question its legitimacy. It is served with the frames involved by the politician. The frame «the Type of a show and a genre of concept» includes the following slot: «the Type of a show» (performance, circus concept, show), «the Genre of concept» (a farce, theatre of absurdity, as well as profanation, simulation). The frame emphasizes «Elements of performance», that as current of the dramatized action passes under the certain diagram, and judicial performance will consist of episodes, certificates as which separate judicial sessions appear. The frame «Theatrical sceneries and a requisite» includes slot's «Scenery» (side scenes, a curtain, a screen), «Requisite» (puppet). The given metaphors specify dependence of judicial workers, availability of the latent true organizers of an event. The frame «Workers of theatre» represents the judge and other participants of process by the actors playing the roles. The frame "Public" allows to specify Victor Janukovich as at the same time both the spectator, and the customer of performance.

KEY WORDS: *political linguistics, political discourse, conceptualization, conceptual metaphor, theatre metaphor, Yulia Timoshenko.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kondratyeva Olga Nikolayevna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kovaleva Kristina Andreyevna, First Year Master's Degree Student in the Field of Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

SOURCES & LITERATURE

1. Yuliya Timoshenko. Ofitsial'nyy sayt. <http://www.tymoshenko.ua/ru/>
2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. M. : Pomovskiy i partnery, 1994. 351 s.
3. Budaev E. V. Teatr kak sfera-istochnik dlya metaforicheskogo predstavleniya deystvitel'nosti v rossiyskoy i britanskoy presse 2000-2004 // LINGUISTICA JUVENIS. Vyp. 5. Diskurs i tekst. Ekaterinburg, 2005. S. 30—46.
4. Budaev A. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie. M. : Flinta 2006. 252 s.
5. Kaslova A. A. Metaforicheskoe modelirovanie prezidentskikh vyborov v Rossii i SShA (2000 g.): diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2003. 208 s.
6. Kerimov R. D. Teatral'naya metafora v nemetskom politicheskom diskurse (kognitivnyy aspekt) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv. 2013. №24. S. 206—216.
7. Kovaleva K. A. Militarnye metafory kak sredstvo reprezentatsii politicheskoy deystvitel'nosti v idiosstile Yulii Timoshenko // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 4-2 (56). S. 121—124.
8. Kondrat'eva O. N. Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiosstile Yulii Timoshenko // Politicheskaya lingvistika. Ural. gos. ped. un-t, 2010. № 4 (34). S. 101—112.
9. Kondrat'eva O. N., Kovaleva K. A. Natsional'no-spet-sificheskie metaforicheskie modeli v politicheskom diskurse Vostochnoy Evropy (na primere analiza politicheskogo diskursa Ukrainy) // Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse. Zurich, 2014. R. 83-94.
10. Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka. Ekaterinburg; Omsk, 1999.
11. Solopova O. A. Teatral'naya metafora v politicheskom diskurse Velikobritanii // Politicheskaya lingvistika. 2006 № 18. S. 107—114.
12. Stoyanova E. Teatral'naya metafora v politicheskom diskurse (na materiale yazyka rossiyskikh i bolgarskikh mass-media) // Balkan Rusistics. URL: <http://www.russian.slavica.org/printout4072.html> (data obrashcheniya: 23.05.2013)
13. Chernyakova M. V. Teatral'naya metafora kak sredstvo manipulyatsii v publikatsiyakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI, posvyashchennykh voyne v Irake // Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva. 2004. T. 13. S. 86—96.
14. Chudinov, A. P. Rossiya v metaforicheskoy zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000): monografiya. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001. 238 s.
15. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.-Volgograd: Peremena, 2000. 367 s.
16. Shekhtman N. G. Sopotavitel'noe issledovanie teatral'noy i sportivnoy metafory v rossiyskom i amerikanskopoliticheskom diskurse: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2005. 227 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким.

М. В. Никифорова
Екатеринбург, Россия

**СРЕДСТВА АРГУМЕНТАЦИИ В ЖАНРЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ
(на материале теледебатов с участием Е. Ройзмана)**

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию средств аргументации в одном из агональных жанров политического дискурса — жанре предвыборных теледебатов. Материалом для анализа послужила видеозапись теледебатов с участием известного общественного и политического деятеля Е. Ройзмана. Цель статьи — проанализировать доминирующие способы аргументации в высказываниях Е. Ройзмана и определить средства их языковой объективации.*

Современные лингвистические изыскания характеризуются интегративностью применяемых методов и приемов анализа. Настоящее исследование выполнено на стыке ряда лингвистических дисциплин: риторики, теории аргументации, стилистики, коммуникативной прагматики и теории речевых жанров. В ходе анализа автором статьи описываются структурно-смысловые части теледебатов; определяются доминирующие средства аргументации в каждой из частей. Особое внимание уделяется языковым средствам и лингвостилистическим приемам реализации оценочных доводов в речи политика.

В результате проведенного анализа автором делается вывод о коммуникативно-прагматической обусловленности системы средств аргументации и способов их языкового воплощения в речи политика, с одной стороны, спецификой жанра предвыборных теледебатов, с другой — характерными проявлениями языковой личности политика.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения типов аргументативной коммуникации, а также для составления риторических портретов политических деятелей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *агональный жанр; предвыборные теледебаты; языковая личность; аргументация; оценочный довод; речевое воздействие.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Никифорова Марина Владимировна, аспирант, преподаватель, Российский государственный профессионально-педагогический университет; адрес: г. Екатеринбург, ул. Таганская, д. 75, к. 423; e-mail: armada29@yandex.ru.*

Предвыборные теледебаты — относительно новое явление в российской политической коммуникации. Традиционно их относят к группе агональных жанров, поскольку целью участников является борьба за власть [Шейгал 2000: 270]. Помимо агональности как ведущего интенционального признака, предвыборным теледебатам свойственны официальность, сценарность, определенный ролевой состав участников, темпорально-локальная обусловленность и публичный характер коммуникации.

Главной жанровой особенностью предвыборных теледебатов исследователи считают аргументативный характер их вербального ряда [Иванова 2003; Лагута, Часовских 2013; Шейгал 2000; Eemeren, Garssen 2009; Plug 2009; Walton, Hansen 2013]. В этой связи именно реализация аргументативного потенциала высказываний участников теледебатов становится предметом исследовательского интереса. Материалом для настоящей статьи послужила видеозапись теледебатов с участием Е. Ройзмана (общественного деятеля, руководителя фонда «Город без наркотиков», доверенного лица кандидата в президенты М. Прохорова) и Ю. Болдырева (в прошлом заместителя председателя Счетной палаты, доверенного лица кандидата в президенты Г. Зюганова), проводимых телеканалом ТВЦ в период предвыборной президентской кампании 2012 г. В центре нашего внимания — приемы и средства аргументации в высказываниях Е. Ройзмана. Используя case study (метод отдельного случая), мы попытались обобщить существенные черты коммуникативного поведения языковой личности в конкретном речевом событии, а также выявить специфику ее инди-

видуального коммуникативного стиля.

Прежде всего отметим, что существуют различные подходы к объяснению сущности процесса аргументации. Под аргументацией мы понимаем «разновидность коммуникативной деятельности, направленной на убеждение адресата при помощи аргументов», и под аргументом — «средство убеждения, имеющее речевую форму выражения и апеллирующее к мыслительным способностям адресата и его личностным ценностям» [Паршина 2005 : 147]. В риторике существуют различные классификации аргументов, однако в целом все их многообразие можно свести к двум основным группам, выделенным еще в античности: логические (ad rem — к сути) и эмоциональные (ad hominem — к человеку). Последние иначе называют психологическими аргументами [Анисимова, Гимпельсон 2004], экстралогическими аргументами [Кунцевич 2005], парааргументацией [Чудинов, Чудинова 1998]. В нашей работе мы воспользуемся расширенной классификацией аргументов, предложенной исследователями Т. В. Анисимовой, Е. Г. Гимпельсон для анализа жанров делового дискурса. Исследователи выделяют две группы аргументов: логические доводы и доводы воздействующей речи. К первой группе относятся факты (исторические и системные), статистические данные, ссылки на документы. Вторую группу аргументов составляют психологические, образные, оценочные, иллюстративные аргументы и ссылки на авторитет [Анисимова, Гимпельсон 2004].

Отметим, что на российском телевидении не существует единого стандарта в проведении теледебатов: каждый телеканал предлагает собственную композиционную схему, в соответствии с

которой развивается полемика. Агитационный дискурс, как отмечают исследователи, характеризуется «свободой выбора и сочетаемости жанровых образцов» [Купина 2000 : 216]. Так, рассматриваемый вариант теледебатов включает в себя следующие структурно-смысловые части: программная речь, прения, обращение к зрителю. Программная речь представляет собой освещение позиции кандидата на пост президента, изложение его взглядов на вопрос, сформулированный ведущим. Именно в рамках программной речи освещается центральная тема теледебатов — «Как укрепить добрососедские отношения между народами России и избавить общество от угрозы международных и межконфессиональных конфликтов». Прения — вторая часть теледебатов — представляют собой собственно полемическую часть и в самом общем виде могут трактоваться как «спор для слушателя» [Поварнин 1992: 16]. Представляется вполне логичным, что в прениях основное внимание участников сосредоточено не столько на заявленной ведущим теме, сколько на завоевании зрительских симпатий для своего кандидата и дискредитации кандидата оппонента. Последняя часть — обращение к зрителю — является заключительным словом участников и реализует основную коммуникативную цель теледебатов: призвать избирателей на выборах президента страны поддержать определенного кандидата. Учитывая композиционно-содержательную неоднородность теледебатов, представляется целесообразным проанализировать средства аргументации, используемые Е. Ройзманом, отдельно в каждой структурно-смысловой части.

Анализ текстового материала демонстрирует, что в **программной речи**, реализующейся в форме продолжительных монологических высказываний, для более эффективного воздействия на адресата Е. Ройзман сочетает различные приемы аргументации. Среди логических аргументов центральное место занимают исторические факты и статистические данные. Так, основным доводом в аргументации тезиса о возможности решения национального вопроса в России выступает **исторический прецедент**. Е. Ройзман приводит примеры решения национального вопроса в разные периоды российской истории, доказывая таким образом наличие позитивного политического опыта: *Со времен / после того когда сумели победить татарское иго / опыт был очень прост / там был ценз религиозный // ... Русское правительство нашло очень верный ход / они насаждали на Кавказе традиционный ислам //*

В свою очередь, при обсуждении вопроса избыточной внешней миграции и трудовых отношений в российском обществе Е. Ройзман выдвигает тезис о необходимости принятия мер для сохранения коренного населения России и аргументирует его посредством **статистических данных**: *...с 2002 по 2010 год / русских стало меньше на 4 млн 870 тысяч человек // И носителей русского языка стало меньше на 4 млн 600 тысяч //*. В продолжение этого эпизода развивающий тезис о необходимости введения визового режима с наркопроизводящими регионами также обосновывается с помощью статистических данных: *У нас от употребления героина в год погибает / по 2010 году*

были последние цифры / официальные цифры / 126 тысяч человек // Ну мы первое место в мире занимаем / вообще по смертности / особенно среди молодежи // На этом фоне конечно / власть просто обязана / вводить жесточайший визовый режим / хотя бы с наркопроизводящими регионами //

Среди доводов воздействующей речи особую роль в высказываниях Е. Ройзмана играют **психологические аргументы**. Так, выдвигаемый тезис о нецелесообразности применения силовых методов при решении проблемы сепаратизма аргументируется с помощью **довода «к положению в обществе»**: *Никакое силовое недопустимо в принципе // ...можно просто потерять Дальний Восток / в частности // Такими же действиями можно потерять Калининград //*. В другом эпизоде посредством **довода «к пользе»** обосновывается тезис о необходимости введения прямых выборов в муниципалитетах: *Если муниципалитеты / ну муниципальные все должности будут выборные / люди / те кто голосуют / будут отвечать за свой выбор // И те / кто выбран / они будут сориентированы не на вертикаль власти / космическую / а на своих избирателей //*

Обращает на себя внимание, что в ряде эпизодов фактические и психологические доводы включают в себя **оценочный компонент**. Отметим, что оценка как выражение одобрения/неодобрения характерна для социального взаимодействия вообще, но в политической коммуникации она играет особую, структурообразующую роль. Оценка является механизмом воздействия на адресата, «без оценки невозможна экспансия политических взглядов» [Дементьева 2009: 83]. Так, обосновывая мысль об ответственности советских политиков за межнациональные конфликты в современной России, Е. Ройзман не только обращается к фактам, но и дает оценку результатам деятельности коммунистической партии: *И когда чуть-чуть Советская власть ослабла / вырвалось везде / и на национальных окраинах / и внутри // Русские побежали отовсюду и оказались на своей территории самым гонимым народом //*. В другом фрагменте оценочный компонент присутствует в аргументации тезиса о необходимости содействия русским людям, живущим за рубежом, в получении российского гражданства: *Кто сталкивался / знают / насколько сложно получить российское гражданство людям которые родились у нас / и сейчас живут на чужбине // Им гораздо сложнее / чем получить тем же таджикам / тем же киргизам / узбекам //*

Также в систему риторической аргументации включаются **образные аргументы**, выполняющие одновременно экспрессивную и акцентирующую функции. Ср.: *То что сейчас Путину удалось какое-то замирение Кавказа / это такой пожар / потушен огромными деньгами // Просто огромными деньгами в ежедневном режиме // Но деньги / они дешевле крови в любом случае / скажем так / поэтому пусть так / лишь бы как-то справляться с ситуацией //*. В данном случае метафора — *пожар потушен огромными деньгами* — эксплицирует несогласие автора с политическими методами действующей власти. Сравнение же — *деньги дешевле крови* — манифе-

стирует ценностные ориентации Е. Ройзмана (и его кандидата), тем самым демонстрируя его солидарность с властью в вопросе непременно бескровного разрешения межнациональных конфликтов.

Теперь обратимся непосредственно к **полемической части теледебатов** (диалогу в прениях) и рассмотрим приемы и средства аргументации, используемые Е. Ройзманом в споре с оппонентом.

Аргументационная деятельность Е. Ройзмана в прениях заключается в обосновании собственных взглядов и опровержении заявлений оппонента и реализуется в двух основных стратегиях поведения: стратегии защиты и стратегии нападения. Последнюю исследователи рассматривают как разновидность стратегии дискредитации [Паршина 2005]. В полемике названные стратегии наслаиваются друг на друга и пересекаются. Так, в целях «игры на повышение» по отношению к собственному кандидату Е. Ройзман нередко использует именно приемы нападения.

Основным типом аргументации в реализации стратегии защиты становится **оценочный аргумент**. Эксплицитная оценка выражается главным образом на морфологическом уровне: через использование прилагательных и наречий в превосходной степени (1), глаголов в форме совершенного вида (2), местоимений-интенсификаторов (3):

1) **самые высокие в России зарплаты / и самая мощная социальная сфера** // (обосновывается тезис об успешности «Норильского никеля»);

2) **Прохоров там 6,5 лет прожил; Прохоров сумел создать предприятие; Он поднял предприятие просто на другой уровень** // (аргументируется мысль о личной заслуге М. Прохорова в успехе «Норильского никеля»);

3) **...Порядка 100 миллионов долларов каждый год тратит на благотворительность / сам / его никто не заставляет** // (подчеркивается гражданская инициатива М. Прохорова).

Помимо оценочных высказываний, в реализации стратегии защиты Е. Ройзман использует и другие риторические аргументы. Так, мысль о нелегком пути М. Прохорова в бизнесе подкрепляется **ссылкой на авторитет** (в данном случае авторитетным лицом выступает сам Е. Ройзман как представитель бизнеса): **Поверьте / я сам из бизнеса // я знаю / что такое заниматься бизнесом / сколько препятствий** //. В продолжение этой реплики Е. Ройзман использует яркий **образный аргумент — сравнение**: **И обвинять бизнесмена / в том что он удачлив / это все равно что обвинять врача / что он хорошо лечит** //. Такого рода аналогией Е. Ройзман подчеркивает профессионализм М. Прохорова, закономерность его успеха как бизнесмена.

В реализации стратегии нападения ведущая роль также принадлежит оценочному аргументу. Объектом оценки становится Коммунистическая партия и ее деятельность. Оценка звучит в форме обвинений и эксплицируется посредством различных языковых средств: на лексико-семантическом уровне — лексем (1) и метафор с отрицательно-оценочным значением (2), на морфологическом уровне — отрицательных приставок *не-* и *без/бес-* (3), на синтаксическом уровне — пропозиций с отрицательной модальностью (4):

1. **Советский Союз рухнул! Советский Союз**

развалился!; **А как же так получилось что просто провалилась страна / и страны не стало?**;

2. **... Вы были у власти 70 лет! Вы уронили страну ! и теперь жалуйтесь / на то что кто-то подобрал** //; **... страна лежала на боку!**;

3. **Страна рушилась / ... потому что она была неконкурентоспособной** //; **А как получилось / что заводы были бесхозны?**;

4. **...как оно произошло, что зарплаты не платили годами?**

Функцию экспликации авторской оценки реализует также **вопросно-ответное единство** — фигура речи, «способствующая установлению контакта с аудиторией и привлечению внимания к информации» [Культура русской речи http]. Особую роль вопросно-ответные единства приобретают в эпизодах полемики, когда нападение является способом защиты. Ср: Ю. Болдырев: **Сначала / чубайсы и кохи / кладут заведомо рентабельное предприятие-монополист набок // Затем / за бесценок...** — Е. Ройзман: **А как вы позволили? Коммунисты! Как вы позволили? Вы были у власти! Вертикаль у вас была / в сто раз круче путинской! Вся страна принадлежала вам! Ну как вы позволили?** — Ю. Болдырев: **Повторю // Для того чтобы это сделать / Ельцин расстрелял парламент из танков // — Е. Ройзман: Ельцин тоже коммунист // Нормальный такой коммунист / секретарь обкома // И Горбачев коммунист // Где у вас предатели-то? Только среди коммунистов!** Отметим также, что посредством повторов, которые в качестве составного элемента входят в вопросно-ответные единства, Е. Ройзману удается не только повысить экспрессивность высказывания, но и сделать акцент на важных положениях.

Разновидностью оценочного типа аргумента в реализации стратегии нападения становится **довод «к человеку»**, считающийся нечестным приемом в деловой риторике, однако весьма распространенным в политической коммуникации. На языковом уровне довод «к человеку» репрезентируется пропозициями с отрицательной модальностью (1) и дейктическими знаками *там*, *кому-то* и др. (2):

1. **Сколько лет Зюганову? Ему 69-й год // Он не дает системе самоочищаться / и он не отходит в сторону** //; **Зюганов пока особо рабочих мест не создал** //;

2. **Да / где-то / сбоку / кому-то нравится политикой заниматься** //

Кроме того, довод «к человеку» может предъясняться через контекст высказывания. Ср: **Я это все наблюдал / наблюдал находясь в Думе // Знаю как в Думе проходит голосование // Нет / там можно оставаться независимым / но когда лидер фракции бежит в Кремль / отчитываться перед Сурковым / гораздо сложнее работать** //. В рассматриваемом фрагменте довод «к человеку» носит характер **инсинуации**: авторская оценка не звучит открыто, а выражается через косвенное указание на негативные сведения о кандидате оппонента.

Приемы псевдоаргументации [Карасик 2002: 67], к числу которых относятся намеренные и ненамеренные ошибки в аргументации и различные психологические уловки, также способствуют ак-

туализации содержательно-оценочных элементов речи. Так, в одном из эпизодов Е. Ройзман использует спекулятивный прием «игры на повышение», целью которого является создание положительного образа собственного кандидата на фоне намеренного «умаления» образа кандидата оппонента: *Прохоров / в 23 года остался один / без родителей / сам зарабатывал деньги / в то время когда Зюганов сидел в Думе // Ну там политические манифесты / какие-то там программы // Прохоров / просто / сам / зарабатывать деньги // Зюганов же не пошел деньги зарабатывать / просто сел в Думу //*. На языковом уровне этот прием реализуется посредством контекстуальной антонимии — соположения и противопоставления слов и словосочетаний, которым в контексте высказывания приписывается положительная и отрицательная оценочность. Отметим также, что действительные знаки *там, какие-то там*, а также наречие *просто* ярче выявляют отрицательную окрашенность образа кандидата оппонента и усиливают суггестивное воздействие контекстуальных антонимов.

К числу прочих манипулятивных уловок, используемых Е. Ройзманом, относится такой классический софизм, как **поспешное (ложное) обобщение**. Использование данного приема обусловлено стремлением автора посредством лексических индикаторов типа *все, всегда, каждый* увеличить степень речевого воздействия на адресата. Ср.: *Коммунисты не способны сами зарабатывать деньги! Они способны считать чужие деньги / и чужое распределять / чем в общем-то они и прославились в веках / понимаете? Попробуйте начать сами зарабатывать! У вас будет другая позиция / вы сами будете смотреть / как и что распределять // Но вы же не зарабатываете сами / вам распределять чужое нравится! Этим всегда славились все коммунисты / во все времена //*. Помимо ложного обобщения, в данном фрагменте необходимо отметить и способы презентации референта в высказывании. В начале реплики Е. Ройзман говорит о коммунистах в третьем лице: *Коммунисты не способны сами зарабатывать деньги! Они способны считать чужие деньги /*, но затем переходит на «вы»: *Но вы же не зарабатываете сами / вам распределять чужое нравится!* На наш взгляд, таким образом Е. Ройзмину удается дважды повторить основную мысль, избегая при этом лексико-грамматической идентичности.

Последняя часть теледебатов — **обращение**: *Друзья / Михаил Прохоров / мой товарищ // То / за что я сам могу ручаться / что Михаил не врун и не трус // Он действительно сильнейший экономист / он понимает что делать // И я читал его программу / там все пункты выполнены // И я считаю / что надо дать ему шанс / потому что в стране надо уже что-то менять // Вот в общем-то и все // Спасибо //*. Как уже было отмечено, основная функция обращения — убедить зрителей в необходимости на выборах президента страны поддержать определенного кандидата. Обоснование тезиса носит сугубо риторический характер и построено на трех типах доводов. Первый из них — **ссылка на собственное мнение** (разновидность ссылки на авторитет):

Михаил Прохоров / мой товарищ // То / за что я сам могу ручаться //. Второй — довод «к положению в обществе»: *в стране надо уже что-то менять*. На наш взгляд, этот довод сам нуждается в аргументации и в более развернутом контексте мог бы одновременно выполнять функцию развивающего тезиса. Третий аргумент — оценочные высказывания: *Михаил не врун и не трус; Он действительно сильнейший экономист; все пункты выполнимы*. В приведенном фрагменте все высказывания репрезентируют авторскую оценку, лишены обоснования и рассчитаны исключительно на эффект доверия.

Таким образом, анализ реплик Е. Ройзмана с точки зрения их аргументативного потенциала в таком сложном речевом событии, как предвыборные теледебаты, свидетельствует о следующем:

- особенности теледебатов как агонального жанра обуславливают не только определенный набор субжанров (жанров в рамках сложного речевого события), но и разное соотношение используемых в них логических и риторических средств аргументации;

- в программной речи Е. Ройзман использует преимущественно логические (7 контекстов), психологические (15 контекстов) и оценочные аргументы (5 контекстов); в жанре обращение — психологический довод (1), оценочные высказывания (3), ссылку на авторитет (1);

- в прениях (полемической части теледебатов) аргументационная деятельность Е. Ройзмана реализуется в двух основных стратегиях коммуникативного поведения — защиты и нападения; Е. Ройзманом используются основные типы риторических аргументов: оценочный аргумент (31 контекст), психологический аргумент (11 контекстов), ссылка на авторитет (4 контекста), иллюстративный аргумент (3 контекста);

- прения характеризуются высокой степенью оценочности высказываний; оценка носит как эксплицитный, так и имплицитный характер и выражается комплексом языковых средств, среди которых лексемы с соответствующим оценочным значением, изменение морфологической формы слова, пропозиции с отрицательной модальностью, вопросно-ответные единства, повторы, противопоставления и др.;

- в отдельных фрагментах полемики Е. Ройзман использует приемы псевдоаргументации (3 контекста) — манипулятивные уловки, реализующие функцию импlications авторской оценки;

- реализация комплекса оценочных доводов и спекулятивных приемов в высказываниях Е. Ройзмана направлена на формирование положительного образа собственного кандидата и отрицательного образа кандидата оппонента; речевое воздействие, таким образом, осуществляется посредством апелляции к эмоционально-чувственной сфере сознания адресата;

- своеобразие средств аргументации в теледебатах обусловлено, с одной стороны, спецификой жанра (высокой степенью агональности, относительной спонтанностью коммуникации, наличием оппонента и т. д.), с другой стороны — характерными проявлениями языковой личности политика; в частности, превалирование в прениях оценочных доводов, на наш взгляд, во многом объясняется особенностями

коммуникативного стиля Е. Ройзмана — экспрессивностью и эмоциональной открытостью.

Обобщая все вышесказанное, еще раз отметим, что анализ лингвистической специфики теледебатов как разновидности аргументативной коммуникации позволяет обнаружить общие и специфические черты в использовании политиком основных приемов аргументации, а также выявить характерные для его индивидуального стиля способы речевого воздействия и определить доминирующие средства их вербализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика : учеб. пособие. — Воронеж : МОДЭК, 2004.
2. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96—102.
3. Дементьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 82—92.
4. Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. — М. : Дело, 2002.
5. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
7. Куксова М. Ю. Лексико-синтаксические средства воздействия в современной политической речи // Ярославский педагогический вестник. 2011. Том 1, № 2. С. 168—172.
8. Культура русской речи и эффективность общения / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. — М. : Наука, 1996.
9. Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. — М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/12.php (дата обращения: 09.09.2014).
10. Кунцевич С. Е. Психологические аспекты поли-

тического дискурса // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. 2005. № 4 (20). С. 37—50.

11. Купина Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. С. 216—233.
12. Лаврова А. А. Речевое воздействие в жанре предвыборных теледебатов // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2009. № 4. С. 162—175.
13. Лагута Н. В., Часовских Н. А. Структурное и речевое наполнение теледебатов // Вестн. Амур. гос. ун-та. 2013. № 60. С. 147—150.
14. Паршина О. Н. Специфика жанровой формы теледебатов // Жанры речи. 2002. № 3. С. 226—231.
15. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Саратов, 2005. URL: http://dibase.ru/article/05042010_parshinaolgaikolaevna_6745/1 (дата обращения: 01.08.2014).
16. Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. — Минск, 1992. № 3. С. 60—137.
17. Стернин И. А. Практическая риторика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2008.
18. Халатян А. Б. Коммуникативные стратегии и тактики современного предвыборного дискурса в России и США // Вестн. ПГЛУ. 2010. № 1. С. 159—164.
19. Чудинов А. П., Чудинова Е. А. Юридическая риторика и культура речи : учеб. пособие для студ. юрид. вузов. — Екатеринбург : Зерцало-Урал, 1998.
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000.
21. Eemeren F. H., Garssen B. J. In varietate concordia — united in diversity: European parliamentary debate as an argumentative activity type // Controversia. 2009. V. 7, № 1. P. 19—37.
22. Plug H. J. The strategic use of argumentation from example in plenary debates in the European Parliament // Controversia. 2009. V. 7, No 1. P. 38—57.
23. Walton D. N., Hansen H. V. Arguments from fairness and misplaced priorities in political argumentation // Journal of Politics and Law. 2013. Vol. 6, No. 3. P. 78—94.

M. V. Nikiforova
Yekaterinburg, Russia

ARGUMENTATION IN THE GENRE OF PRE-ELECTION DEBATE (argumentative means used by E.V. Roizman in pre-election debate)

ABSTRACT. *The paper focuses on argumentation in one of the agonal genres of political discourse – in pre-election debate. The system of argumentation used by the famous public and political figure E.V. Roizman in the context of pre-election debate is under analysis. The purpose of the article is to study argumentation used by E.V. Roizman and identify the linguistic means of its realization.*

Modern linguistics studies are characterized by the integration of research methods and means. The analysis is carried out at the intersection of various linguistic disciplines: rhetoric, argumentation theory, stylistics, communicative pragmatics, and the speech genre theory. The author describes the structural parts of debate and identifies the dominating argumentative means in each part. Special attention is given to the evaluation argument and linguistic means and lingo-stylistic devices of its presentation in the politician's speech.

As a result of the analysis, the author draws the conclusion that the system of argumentation and linguistic means of its presentation in the politician's individual style are conditioned by both genre specific features and linguistic identity of the politician.

The results of the analysis can be used for further research of argumentative communication as well as for describing rhetorical portraits of politicians.

KEY WORDS: *agonal genre; pre-election debate; linguistic identity; argumentation; evaluation argument; speech influence.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Post-graduate Student, Assistant Lecturer, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Anisimova T. V., Gimpel'son E. G. *Sovremennaya delovaya ritorika: uchebnoe posobie*. Voronezh: MODEK, 2004. 432s.
2. At'man O. V. Verbalizatsiya strategii samoprezentatsiiv prezidentskikh predvybornykh teledebatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 1 (35). S. 96 — 102.
3. Dement'eva M. K. Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. № 4 (30). S. 82 — 92.
4. Zaretskaya E. N. *Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii*. M. : Delo, 2002. 477 s.
5. Ivanova Yu. M. *Strategii rechevogo vozdeystviyav zhanre predvybornykh teledebatov: dis. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2003. 138 s.
6. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kon-tsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
7. Kuksova M. Yu. *Leksiko-sintaksicheskie sredstva vozdeystviya v sovremennoy politicheskoy rechi* // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2011. Tom I. №2. S. 168 — 172.
8. *Kul'tura russkoy rechi i effektivnost' obshcheniya / pod red. L. K. Graudinoy i E. N. Shiryaeva*. M. : Nauka, 1996. 441 s.
9. *Kul'tura russkoy rechi: uchebnyk dlya vuzov / pod red. L. K. Graudinoy i E. N. Shiryaeva*. M. : NORMA-INFRA, 1999. 560 s. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/12.php (data obrashcheniya 09.09.2014).
10. Kuntsevich S. E. *Psikhologicheskie aspekty politicheskogo diskursa* // *Vestnik Minskogo gos. lingvist. un-ta*. 2005. №4 (20). S. 37— 50.
11. Kupina N. A. *Agitatsionnyy diskurs: v poiskakh zhanra vliyaniya* // *Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii*. Ekaterinburg, 2000. S. 216 — 233.
12. Lavrova A. A. *Rechevoe vozdeystvie v zhanre predvybornykh teledebatov* // *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. № 4. 2009. S. 162 — 175.
13. Laguta N. V., Chasovskikh N. A. *Strukturnoe i rechezhanrovoe napolnenie teledebatov* // *Vestnik Amurskogo gos. un-ta*. №60. 2013. S. 147 — 150.
14. Parshina O. N. *Spetsifika zhanrovoy formy teledebatov* // *Zhanry rechi*. 2002. № 3. S. 226 — 231.
15. Parshina, O. N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: diss. ... dokt. filol.nauk: 10.02.01. Saratov, 2005*. URL: http://dibase.ru/article/05042010_parshinaolgaikolaeva_6745/1 (data obrashcheniya 01.08.2014).
16. Povarnin S. I. *Spor. O teorii i praktike spora* // *Voprosy filosofii*. Minsk. 1992. №3. S. 60 — 137.
17. Sternin I. A. *Prakticheskaya ritorika: uchebnoe posobie dlya stud.vyssh. ucheb.zavedeniy*. M. : Akademiya, 2008. 272 s.
18. Khalatyan A. B. *Kommunikativnye strategii i taktiki sovremennoy predvybornogo diskursa v Rossii i SShA* // *Vestnik PGLU*. 2010. № 1. S. 159—164.
19. Chudinov A. P., Chudinova E. A. *Yuridicheskaya ritorika i kul'tura rechi: uchebnoe posobie dlya studentov yuridicheskikh vuzov*. Ekaterinburg: Zertsalo-Ural, 1998. 87s.
20. Sheygal, E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Volgograd: Peremena, 2000. 386 s.
21. Eemeren F.H., Garssen B.J. *In varietate concordia — united in diversity: European parliamentary debate as an argumentative activity type* // *Controversia*. 2009. V. 7. № 1. P. 19 — 37.
22. Plug H.J. *The strategic use of argumentation from example in plenary debates in the European Parliament* // *Controversia*. 2009. V. 7. No 1. P. 38 — 57.
23. Walton D.N., Hansen H.V. *Arguments from fairness and misplaced priorities in political argumentation* // *Journal of Politics and Law*. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 78 — 94.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

И. И. Скачкова
Волгоград, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

АННОТАЦИЯ. *Объектом данного исследования является понятие языковой политики в современной социолингвистике.*

Целью данной работы является рассмотрение феноменов языковой политики, языкового планирования и их понятийных дериватов. В работе использовались общенаучные методы: анализа и синтеза, сравнения, обобщения, системного подхода.

Термин «языковое планирование» в российских трудах по языкознанию практически не встречается, а в американской социолингвистике языковое планирование рассматривается как сознательное воздействие на язык со стороны властных структур, отдельных людей, групп или организаций, относящееся главным образом к официальным языковым стилям в их письменной форме. Языковое планирование возможно и необходимо в негомогенных языковых коллективах. Объектами языкового планирования являются нация и субнациональные группы. Языковое планирование подталкивает изменение языка в нужном для агентов языкового планирования направлении. Целью языкового планирования является влияние на поведение других лиц через используемый ими язык. Но реализация решений о языковом планировании зависит от носителей языка.

Автор делает вывод о том, что термины «языковая политика» и «языковое планирование» соотносятся как общее и частное: языковое планирование считается частью языковой политики и направлено на ее реализацию. Автор обосновывает целесообразность использования термина «языковая политика», который подчеркивает зависимость феномена языковой политики от политики государства, дискурса и политических лидеров. Результаты, полученные в статье, могут использоваться в курсах общего языкознания и социолингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковая политика; языковое планирование; языковое строительство; имплицитная языковая политика.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Скачкова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Волгоградский филиал); адрес: 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8; e-mail: irinask.2007@mail.ru.*

Поскольку мы занимаемся изучением языковой политики в Соединенных Штатах и в качестве материалов исследования используем работы зарубежных ученых, то считаем целесообразным рассмотреть понятия «языковой политики», употребляемые разными учеными. Кроме того, мы рассмотрим, каким образом соотносятся понятия «языковая политика» и «языковое планирование», которые в российской социолингвистике часто используются как синонимы. Также опишем, каким образом соотносятся понятийные дериваты термина «языковая политика».

В данном исследовании мы опираемся на достижения современной лингвистической философии, которая определяет язык как арсенал знаний, которые передаются и усваиваются. Мы также используем языковую модель Ю. Хабермаса, который рассматривает язык как отражение социальной практики. Ю. Хабермас утверждает, что изменения в политике, культуре, экономике непосредственным образом сказываются на языке, превращая его в медиума (посредника) между автономным существованием человека и социумом [Хабермас 2000]. В. В. Наумов, в свою очередь, говорит о том, что «не всякие изменения социума обуславливают развитие языка» [Наумов 2010: 8], однако взаимодействие общества и языка обеспечивает функционирование последнего и стимулирует языковые изменения [Наумов 2010: 9]. В. М. Алпатов придерживается того мнения, что «социальные изменения неизбежно отражаются и на изменениях в функционировании тех или иных языковых образований» [Алпатов 2013: 21]. Дру-

гими словами, социальные изменения стимулируют функциональные изменения языка.

Определение языкового планирования (Language Planning) впервые было дано Эйнармом Хаугеном в ходе его деятельности по языковому планированию в Норвегии в 1959 г. Под языковым планированием он понимал любое воздействие на язык, осуществляемое со стороны официальных организаций или частных лиц, имеющее официальный или неофициальный характер [Haugen 1959]. Как самостоятельная дисциплина языковое планирование начало формироваться в конце 1960-х гг. В своей работе «Лингвистика и языковое планирование» Э. Хауген рассматривает нормативную, или предписывающую лингвистику как некий вид управления (или манипулирования) языком. Таким образом, уже Панини, древнеиндийский лингвист, предположительно живший в V в. до нашей эры, может считаться «законодателем языка», как и греческие и латинские грамматисты, бывшие авторами учебников и желавшие установить непоколебимые нормы письменной и устной речи на этих языках [Хауген 1975: 443].

В этой же работе Э. Хауген говорит о том, что языковое планирование относится к официальным языковым стилям, особенно в их письменной форме. Языковое планирование возможно во вторичном речевом коллективе, в котором имеется частичное взаимопонимание, и третичном речевом коллективе, в котором понимания нет, поэтому там требуются переводчики. В первичном речевом коллективе языковое планирование не

требуется, поскольку между говорящими существуют лишь идиосинкратические, или, в лингвистических терминах, идиолектные различия [Хауген 1975: 450]. В качестве примера вторичного языкового коллектива ученый назвал Англию, а третичного — Швейцарию. С точки зрения исследователя, в этих государствах языковое планирование необходимо, поскольку эти речевые коллективы нуждаются в некотором общем коде, который позволил бы всем желающим осуществлять общение с членами других первичных коллективов [Хауген 1975: 450]. Мы считаем, что США относятся ко вторичному речевому коллективу. Для целей нашего исследования важным является утверждение Э. Хаугена о том, что объектом языкового планирования является нация, но при этом не следует забывать о субнациональных группах. В той же работе ученый говорит о том, что языковое планирование означает преднамеренное подталкивание языкового изменения в нужном направлении, но реализация решений о языковом планировании в конечном счете, зависит от носителей языка которые являются последней инстанцией в этом деле [Хауген 1975: 467].

Резюмируем высказывания Э. Хаугена о языковом планировании. С его точки зрения, языковое планирование возникло около V в. до нашей эры. К языковому планированию он относит нормативную (предписывающую) лингвистику. Ученый дает очень широкое определение языкового планирования, которое рассматривается с точки зрения официальности/неофициальности и относится только к официальным языковым стилям, преимущественно в письменной форме. Языковое планирование возможно в тех речевых коллективах, в которых возникают коммуникативные неудачи. Объектом языкового планирования является нация, но субнациональные группы также входят в сферу интересов агентов языкового планирования. Языковое планирование направлено на изменение языка в нужном для агентов планирования направлении, но реализация решений о языковом планировании полностью зависит от носителей языка.

Если говорить коротко, то Э. Хауген определяет языковое планирование как «оценку языкового изменения». Поскольку люди «могут и действительно <...> менять <...> свой язык», то у них должен быть выбор (языковых средств). Следовательно, ученые могут говорить о языковом планировании как о «попытке повлиять на этот выбор» [Хауген 1975: 445]. Такого же мнения придерживается Р. Фазолд, который говорит, что «именно существование выбора делает возможным языковое планирование» [цит. по: Гришаева 2007: 49]. Но подробнее о возможности языкового планирования и языковой политики мы поговорим в другой раз, а сейчас добавим о праве выбора. В. В. Наумов полагает, что право выбора (или, точнее, свобода в реализации этого права) является относительным и зависит а) от общей языковой ситуации, определяемой государственными или административными структурами; б) национальной ментальности, проявляющейся, в частности, в отношении нации к иностранным языкам [Наумов 2010: 15]. Примером права выбора языковых единиц может являться ситуация на Украине

в феврале 2014 г. 23 февраля Верховная рада отменила Закон об основах государственной языковой политики от 3 июля 2012 г. Этот закон предусматривал возможность официального двуязычия в тех регионах, в которых миноритарные группы составляют более 10 % (численность национальных меньшинств превышает 10 % в 13 из 27 административно-территориальных единиц Украины). В Крыму родители имели право выбора языка обучения в школе для своих детей. А в феврале 2014 г. русский язык был объявлен вне закона, Рада предусмотрела уголовное наказание за использование любого миноритарного языка в общественном месте. Речь идет не только о русском языке, но также о венгерском, польском, румынском, молдавском.

Некоторые советские и российские ученые критически относятся к самой возможности языкового планирования. Нарекания вызывает термин «планирование», некоторые исследователи считают неуместным использовать его применительно к языковому развитию [Стеблин-Каменский 1960: 56]. «По-видимому, термин „языковое планирование“ неудачен, — писал А. Д. Швейцер, — так как он действительно может создать представление о том, что развитие языка можно сознательно направлять по тому или иному руслу. Думается, что используемые в <...> языкознание термины „языковая политика“ и „языковое строительство“ значительно точнее и правильнее отражают суть дела, поскольку они подразумевают не направление языкового развития, а вмешательство в стихийно развивающиеся языковые процессы, причем вмешательство, ограниченное различной восприимчивостью языковых подсистем к влиянием извне» [Швейцер 1971: 71—72]. Однако автор процитированных строк в целом не отрицает суть и методы языкового планирования.

В отечественной социолингвистике термин «языковое планирование» практически не встречается. Он, как и термин «языковое строительство», чаще используется для обозначения позитивной политики, направленной на укрепление коммуникативных и социальных функций конкретных языков. Но к языковой политике также относится деструктивное воздействие на язык, запрещение или ограничение использования конкретного языка его носителями. Например, в начале XX в., когда США проводили политику ассимиляции разнообразных языковых групп, многих учителей, которые работали в двуязычных классах, судили и признали виновными за то, что они вели занятия на родных языках учеников. Детей ругали и даже наказывали за то, что они говорили на родном языке в классах, школьных коридорах и на игровых площадках [Crawford 1995: 89]. Поэтому некоторые исследователи предлагают использовать термин «языковая политика» как общее обозначение любой практики сознательного воздействия на языковую ситуацию — и позитивной, и негативной (ограничительной и разрушающей).

Однако другие исследователи, например Е. Б. Гришаева, считают, что термин «языковое планирование» более нейтрален и не вызывает отторжения у большинства этнически разнородного населения в различных странах. С ее точки

зрения, языковая политика зависит от политики государства, которая в конечном счете определяется политикой господствующего класса, а в многонациональных государствах — еще и политикой в национальном вопросе. Поэтому исследовательница предлагает использовать более нейтральный по форме и содержанию термин «планирование» [Гришаева 2007: 63]. Представляется, что она права в своих предположениях относительно зависимости языковой политики от политики государства, политики господствующего класса и национальной политики. Именно поэтому мы считаем целесообразным использовать термин «языковая политика», который подчеркивает зависимость от указанных выше политик, дискурса и политических лидеров. В качестве определения языковой политики на данном этапе исследования мы используем данную в большом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой дефиницию: языковая политика — это «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Языкознание: 616].

Несмотря на вышесказанное, в работах американских исследователей чаще встречается термин «языковое планирование», поэтому далее мы рассмотрим определения языкового планирования, данные американскими учеными.

Р. Купер считает, что «языковое планирование относится к целенаправленным усилиям для влияния на поведение других лиц в отношении приобретения, структуры или функционального распределения их языковых кодов» [Cooper 1989: 45]. В данной понимании языкового планирования подчеркивается стремление влиять на поведение человека в многоязычном обществе через его язык. Кроме того, в этом определении говорится о возможности влияния на структуру языка, но агент планирования не упоминается.

Д. Бломмаерт относит к языковому планированию все случаи, в которых власть пытается формировать социолингвистические характеристики общества любыми средствами. С ее точки зрения, цели языкового планирования имеют социальный, политический или экономический характер. [Blommaert 1996: 207]. Б. Вайнштейн рассматривает языковое планирование в качестве «инструмента лидеров, желающих изменить общество», который «направлен на „изменение“ с помощью рационально скоординированных действий государства» [Weinstein 1983: 37]. Дэвид Робинсон считает, что языковое планирование — это официальная деятельность правительства, направленная на отбор и развитие унифицированного административного языка или языков. Языковое планирование — это последовательные действия отдельных людей, групп или организаций, влияющие на использование языка или его развитие [Robinson 1988]. По мнению этих исследователей, языковое планирование — это стремление власти любыми способами повлиять на речевое поведение членов общества.

Проанализированные определения языкового планирования можно свести к следующему: в американской социолингвистике языковое планирование рассматривается как сознательное воздействие на язык со стороны властных струк-

тур, отдельных людей, групп или организаций, относящееся главным образом к официальным языковым стилям в их письменной форме. Языковое планирование возможно (и необходимо) в неомогенных языковых коллективах. Объектом языкового планирования являются нация и субнациональные группы. Языковое планирование подталкивает изменение языка в нужном для агентов языкового планирования направлении, причем американские социолингвисты считают возможным изменение структуры языка. Целью языкового планирования является влияние на поведение других лиц через используемый ими язык. Но реализация решений о языковом планировании зависит от носителей языка. Некоторые лингвисты при рассмотрении разных определений языкового планирования говорят, что основные положения языкового планирования традиционно рассматриваются в контексте следующих вопросов: КТО планирует, для КОГО и КАК [Гришаева 2007: 52].

Выше мы говорили, что термин «языковое планирование» был предложен в 1959 г. А словосочетание «языковая политика» в американской лингвистике в 1970 г. предложил Дж. Фишман, не отметивший его существенного отличия от понятия «языковое планирование» [Fishman 1975: 108]. Э. Хауген предлагал изучать языковое планирование в рамках прикладной лингвистики, а Дж. Фишман рассматривал языковую политику в рамках прикладной социолингвистики. Следует заметить, что в отечественной социолингвистике термин «языковая политика» впервые был употреблен Е. Д. Поливановым в 1929 г. для обозначения одной из очередных проблем социальной лингвистики [Поливанов 1929].

Далее рассмотрим, каким образом ученые соотносят понятия «языковое планирование» и «языковая политика». В 1975 г. Э. Хауген назвал языковое планирование одним из видов языковой политики [Хауген 1975]. М. Херриман и Б. Барнаби рассматривают языковое планирование как фактическую реализацию языковой политики. Когда политика создается намеренно и сознательно, она обычно включает некоторые формы планирования. Когда власть (государство) не проводит официальную языковую политику, национальные языки могут получить статус официальных в результате имплицитной (неявной) политики (примером может служить английский в США) [Herriman, Burnaby 1996]. Джозеф Ло Бьянко, австралийский ученый, который занимается дискурсивными исследованиями языковой политики в США, в своих работах использует термин «языковая политика и планирование» (language policy and planning), не разделяя эти понятия [Bianco 2001]. Австралийский лингвист Ричард Балдауф рассматривает языковую политику как заявление о намерениях, а языковое планирование — как реализацию, выполнение политики и определяет языковую политику как планирование, часто крупномасштабное и национальное, обычно осуществляемое правительством. Целью такой политики, с его точки зрения, является влияние на способы общения, уровень владения языком или их изменение [Baldauf 1993/1994]. Схожую точку зрения высказали отечественные

социолингвисты Н. Б. Вахтин и Е. Б. Головки. В своей работе «Социолингвистика и социология языка» они разграничивали языковую политику и языковое планирование как общее и частное. Языковая политика — это часть общей политики государства, которое принимает основные принципы политики в отношении языков, функционирующих на его территории. А языковое планирование — это часть более общего понятия «языковая политика», или, точнее, — это реализация языковой политики [Вахтин, Головки 2004: 163]. Современный отечественный ученый В. Т. Клоков полагает, что слово «планирование» ассоциируется прежде всего с созданием определенной программы, а слово «политика» понимается как наличие и проведение в жизнь некоторых планов. Поэтому он предлагает термином «языковая политика» обозначать как планирование, так и реализацию мероприятий в области языка, а термином «языковое планирование» — изучение и прогнозирование языковых проблем, а также процесс прогнозирования определенных мероприятий в сфере языка (языков) [Клоков 1992: 7].

Многие ученые считают, что языковая политика и языковое планирование различаются целями. Так, профессор С. Н. Кузнецов считает, что целями языковой политики являются: «1) сохранение существующего языка, 2) изменение существующего языка, а также 3) возобновление функций („оживление“) мертвого литературного языка (современная история иврита), 4) создание нового литературного языка (история новонорвежского, индонезийского и др. языков). Языковое планирование (но не обязательно языковая политика) может преследовать также следующие цели: 5) создание региональных надъязыковых систем (общеславянский язык Крижанича, современные попытки создания общескандинавской языковой нормы или общескандинавского языка), 6) создание общемировых надъязыковых систем (международные искусственные языки типа эсперанто)» [Кузнецов]. Кроме того, как мы уже говорили, в западной социолингвистике используются термины *status planning* и *corpus planning* для обозначения статусного и корпусного планирования. Это может быть причиной того, что термины «языковая политика» и «языковое планирование» часто используются как синонимы, что, с нашей точки зрения, является некорректным. В нашем исследовании термины «языковая политика» и «языковое планирование» не являются идентичными.

Далее рассмотрим, как соотносятся понятийные дериваты термина «языковая политика». В англоязычной научной литературе употребляются такие термины, как «языковой инженеринг», «языковое развитие», «языковое определение», «культивирование», «модернизация», «языковой менеджмент», которые подразумевают «набор сознательных и систематических усилий, направленных на организацию и развитие ресурсов языка в ограниченный период времени» [Гришаева 2007: 51]. В 20—30-х гг. XX в. в СССР возник термин «языковое строительство» для обозначения активной работы, проводимой государством по развитию малых и окраинных языков (создание алфавитов для бесписьменных языков, создание национальных терминологий, развитие образова-

ния, печати, делопроизводства на языках национальных меньшинств). Практика языкового строительства (это еще один вариант перевода английского термина «language engineering» — языковой инженеринг) в США появилась после Второй мировой войны, но как самостоятельная исследовательская дисциплина начала формироваться в конце 1960-х гг. Правда, до настоящего времени среди ученых нет единого мнения о том, что является объектом и предметом данной отрасли научного знания.

Современный украинский исследователь И. В. Попеску предлагает еще одно понятие — языковое прогнозирование — и определяет его как один из этапов языковой политики, наряду с языковым строительством и языковым планированием [Попеску].

В названии коллективной монографии, посвященной исследованию отношений языка и государства, французские исследователи использовали термин «языковое обустройство» (*amenagement linguistique*) («Языковая политика и языковое обустройство»). Под «обустройством» авторами понимается деятельность правительственных и общественных организаций, направленная на урегулирование конфликтных языковых ситуаций в многонациональных странах, когда напряженность возникла в результате противоположного действия, с одной стороны, тенденции к политико-экономической интеграции в большинстве стран Запада и, с другой стороны, тенденции к культурно-языковой диверсификации [см.: Гришаева 2007: 51]. В 1986 г. в статье «За создание глоттополитики» французские исследователи Л. Геспэна и Ж.-Б. Марселлези предложили термин «глоттополитика», в котором, по их мнению, нейтрализуется противопоставление между языком и речью. Глоттополитика включает в себя как сознательное, так и бессознательное воздействие общества на язык, например, установление статуса французского языка и языков национальных меньшинств, воздействие на речевые произведения, тексты, например, когда отвергается какое-либо употребление или текст становится материалом для анализа [см.: Гришаева 2007: 68].

По мнению французских ученых, языковая политика отличается от глоттополитики тем, что первая представляет собой дискретные акты, которые оказывают воздействие на одну или несколько языковых систем, в то время как вторая оказывает свое действие непрерывно и направлена на речевую практику, имеющую дискретный характер. Глоттополитика необходима для объединения всех фактов речевой деятельности, испытывающих в результате применения языковой политики влияние со стороны общества [см.: Гришаева 2007: 68]. В работах современных англоязычных авторов нам этот термин не встретился. Следует отметить, что точное разграничение указанных выше типов деятельности возможно для описательных и педагогических целей, на самом деле цели языковой политики и языкового планирования являются более многочисленными и сложными. Виды деятельности для достижения этих целей часто пересекаются друг с другом и даже могут противоречить друг другу [Baldauf 1993/1994: 87].

В данной статье было рассмотрено возникновение терминов «языковое планирование» и «языковая политика», проанализировано отличие этих понятий друг от друга. В статье показано, что большинство ученых соотносят термины «языковая политика» и «языковое планирование» как общее и частное, языковое планирование считается частью языкового политики и направлено на реализацию языковой политики. В данной работе также обосновывается целесообразность использования термина «языковая политика», который подчеркивает зависимость феномена языковой политики от политики государства, дискурса и политических лидеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции // *Comparative politics*. № 2 (12). 2013. С. 8-28.
2. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве (функциональный аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. — Красноярск, 2007.
3. Кузнецов С. Н. Языковая политика и языковое планирование. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml (дата обращения: 27.06.12)
4. Наумов В. В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. — М. : КомКнига, 2010.
5. Поливанов Е. Д. Круг очередных проблем современной лингвистики // *Русский язык в советской школе*. — М., 1929. № 1. С. 57—62.
6. Попеску И. В. Теоретические основы языковой политики. URL: <http://russian.kiev.ua/print.php?id=9001564> (дата обращения: 17.04.2011).
7. Стеблин-Каменский М. И. Возможно ли планиро-

вание языкового развития? // *Вопр. языкознания*. 1968. № 3. С. 47—56.

8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб. : Наука, 2000.
9. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // *Новое в лингвистике*. — М., 1975. Вып. 7 : Социолингвистика. С. 441—472.
10. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике — М. : Наука, 1971.
11. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
12. Baldauf R. Unplanned Language Policy and Planning // *Annual Review of Applied Linguistics*. 1993/1994. № 14. P. 82—89.
13. Bianco J. L. Officialising Language. A Discourse Study of Language Politics in the United States. — Sidney, 2001.
14. Blommaert J. Language planning as a discourse on language and society: The linguistic ideology of a scholarly tradition // *Problems and Language Planning*. 1996. № 20 (3). P. 199—222.
15. Cooper R. Language planning and social change. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989.
16. Crawford J. Bilingual Education, History, Politics, Theory and Practice. 3rd ed. — Trenton, NJ : Crane, 1995.
17. Haugen E. Planning for Standard Language in Modern Norway // *Antropol. Ling*. 1959. № 8.
18. Herriman M., Burnaby B. Language policies in English-dominant countries. — Clevedon, England : Multilingual Matters, 1996.
19. Robinson D. Language Policy and Planning // *ERIC Digest. Clearinghouse on Languages and Linguistics*. — Washington DC, 1988.
20. Weinstein B. The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choices. — New York: Longman, 1983.

I. I. Skachkova

Volgograd, Russia

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE PLANNING: DEFINITION OF THE NOTIONS

ABSTRACT. *The article deals with the concept of language policy in modern sociolinguistics.*

The purpose of the paper is to examine the phenomena of language policy, language planning and their conceptual derivatives. General scientific methods are used in the paper: analysis and synthesis, comparison, generalization and systemic approach.

In Russian writings in linguistics the term “language planning” practically does not occur, and in the American sociolinguistics “language planning” is viewed upon as a conscious influence on language by authorities, individuals, groups or organizations, related mainly to official language styles in their written form. Language planning is possible and necessary in non-homogeneous language communities. A nation and sub-national groups are the objects of language planning. Language planning stimulates language change in the direction, necessary for the agents of language planning. The purpose of language planning is to influence the behavior of others through the use of language. But the implementation of decisions in language planning depends on the speakers.

The author concludes that the terms “language policy” and “language planning” are related as the general and the particular. Language planning is considered to be a part of language policy and is aimed at its implementation. The author proves the expediency of the term “language policy”, which brings out the dependence of the phenomenon of language policy on the state policy, discourse and political leaders. The results of the study can be used in the theory of linguistics and sociolinguistics.

KEY WORDS: *language policy; language planning; language engineering; implicit language policy.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skachkova Irina Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd branch), Volgograd, Russia.*

LITERATURE

1. Alpatov V. M. Yazykovaya politika v sovremennom mire: «odnoyazychnaya» i «dvuyazychnaya» praktiki i

problema yazykovoy assilyatsii // *Comparative politics*. № 2 (12). 2013. С. 8-28.

2. Grishaeva E. B. Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v polietnicheskom i

multikul'turnom prostranstve (funktsional'nyy aspekt): dis. ... doktora filol. nauk. Krasnoyarsk, 2007.

3. Kuznetsov S. N. Yazykovaya politika i yazykovoe planirovanie // genhis.philol.msu.ru. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml (data obrashcheniya: 27.06.12)

4. Naumov V. V. Gosudarstvo i yazyk: Formuly vlasti i bezvlastiya. M. : KomKniga, 2010. 184 s.

5. Polivanov E. D. Krug sovremennykh problem sovremennoy lingvistiki // Russkiy yazyk v sovetskiy shkole. M., 1929. № 1. s. 57-62.

6. Popesku I. V. Teoreticheskie osnovy yazykovoy politiki. URL: <http://russian.kiev.ua/print.php?id=9001564> (data obrashcheniya: 17.04.11)

7. Steblin-Kamenskiy, M. I. Vozmozhno li planirovanie yazykovogo razvitiya // Vopr. Yazykoznaneya. 1960. № 3. S. 47-56.

8. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie. SPb.: Nauka, 2000. 380 s.

9. Khaugen E. Lingvistika i yazykovoe planirovanie // Novoe v lingvistike. Vyp. VII. Sotsiolingvistika. M., 1975. S. 441-472.

10. Shveytser A. D. Voprosy sotsiologii yazyka v sovremennoy amerikanskoj lingvistike M. : Nauka, 1971. 104 s.

11. Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopediche-skiy slovar'. M. : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. 685 s.

12. Baldauf R. Unplanned Language Policy and Planning // Annual Review of Applied Linguistics. 1993/1994. №. 14. P. 82-89.

13. Bianco J. L. Officialising Language. A Discourse Study of Language Politics in the United States. Sidney, 2001. 367 p.

14. Blommaert J. Language planning as a discourse on language and society: The linguistic ideology of a scholarly tradition Language // Problems and Language Planning. 1996. № 20(3). P. 199-222.

15. Cooper R. Language planning and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 221 p.

16. Crawford J. Bilingual Education, History, Politics, Theory and Practice. (3rd ed.) Trenton, NJ, Crane, 1995.

17. Haugen E. Planning for Standard Language in Modern Norway // Antropol. Ling., 1959. № 8.

18. Herriman M., & Burnaby B. Language policies in English-dominant countries. Clevedon, England: Multilingual Matters, 1996. 244 p.

19. Robinson D. Language Policy and Planning // ERIC Digest. Clearinghouse on Languages and Linguistics Washington DC, 1988.

20. Weinstein B. The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choices. New York: Longman, 1983.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик.

Г. А. Туманова
Москва, Россия

**РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ
(на материале русско- и немецкоязычных политических ток-шоу)**

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой статье рассматривается проблема функционирования прецедентных феноменов в политической коммуникации на материале русского и немецкого языков, а также выявляется основная цель их использования в таком жанре политического дискурса, как политические ток-шоу. Изначально обладая определенным потенциалом воздействия, прецедентные феномены призваны усилить эффект воздействия на аудиторию, выступая в качестве средства аргументации, дополняя доводы и факты, приводимые говорящим. Таким образом, прецедентные феномены представляют собой одно из наиболее эффективных средств реализации коммуникативной стратегии убеждения в политических ток-шоу. В работе анализируются прецедентные имена и прецедентные ситуации, чаще других употреблявшиеся в русско- и немецкоязычных политических ток-шоу в 2014 г., основной темой которых являлся политический и экономический кризис на Украине и российско-украинские отношения. Помимо этого, в статье перечисляются основные критерии прецедентности, на основе которых предлагается подход к определению понятия «прецедентное имя», отличающийся от традиционного, обосновывается возможность определения имен некоторых политических деятелей мирового уровня в качестве прецедентных имен, широко употребляемых в политических ток-шоу как на российском, так и на немецком телевидении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; прецедентные феномены; прецедентное имя; прецедентная ситуация; когнитивная база; стратегия убеждения; политические ток-шоу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Туманова Галина Александровна, аспирант очной формы обучения, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38; e-mail: 11_geminy@mail.ru.

Политическая жизнь мирового сообщества становится все более активной, что связано с демократизацией и глобализацией политических процессов в России и в мире. Одновременно с этим «интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу» [Будаев, Чудинов 2006: 11].

Политическая коммуникация (ПК) — это особая сфера деятельности, сущность которой можно определить как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [Шварценберг 1993: 174].

В связи с ростом интереса к проблемам политической коммуникации в последние годы формируется политическая лингвистика, представляющая собой интенсивно развивающееся направление языкознания, в рамках которого было опубликовано большое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых (В. Н. Базылев, Е. В. Бакумова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, А. А. Федосеев, А. А. Филинский, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, A. Burkhardt, W. Dieckmann, T. A. van Dijk, A. Dörner, H. Girnt, J. Klein, E. Neuland, Th. Niehr, M. Wengeler и др.).

Анализ работ по данной тематике позволяет сделать вывод, что одновременно разными авторами используется несколько синонимичных, но в то же время конкурирующих между собой терминов, обозначающих язык политической коммуникации: «политический язык», «язык в политике»,

«язык политики», «политическое употребление языка» и т. д.

В немецком языкознании используется термин «Politolinguistik», который был впервые озвучен немецким лингвистом Армином Буркхардтом [Burkhardt 1996: 82]. Интересно отметить, что термин «политолингвистика» используется и некоторыми российскими исследователями (например, С. Г. Катаевой), однако для отечественной науки характерно скорее использование словосочетания «политическая лингвистика» (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, П. Б. Паршин, Л. Н. Синельникова, А. П. Чудинов и др.).

Как известно, основная задача любой политической партии или политического деятеля — борьба за власть. Достижение поставленной цели возможно лишь в том случае, если политик способен привлечь на свою сторону аудиторию, заставить ее поверить в реальность сформулированных задач. Ведущая роль в реализации той или иной политической программы принадлежит способности лидера привлечь аудиторию на свою сторону, сформировать мнение, необходимое данному политику или представляемой им партии.

В процессе убеждения используется целый набор определенных средств, нацеленных на решение конкретной коммуникативной задачи: аргументация, прагмасемантические средства воздействия, разнообразные риторические приемы и т. д.

Данная статья написана на материале выпусков политических ток-шоу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Специальный корреспондент», «Политика», «Maybrit Illner», «Anne Will», «Studio Friedman», вышедших в эфир в 2014 г. Общая продолжительность видеоматериала составляет более 9 часов (около 550 минут).

Ток-шоу значительно отличаются от письменных жанров политического дискурса тем, что они представляют собой некий видеоряд, при этом информация воспринимается одновременно на слух и визуально (т. е. помимо самой речи анализируются и оцениваются жесты, мимика, поведение во время выступления, внешность говорящего и т. д.). Говорящий использует разные средства воздействия на зрителей и других участников: вербальные и невербальные. Таким образом, можно говорить о *гибридности* воздействия на зрителей в ток-шоу, о его многокомпонентности. Невербальная составляющая, будучи неотъемлемой частью политических ток-шоу, относится скорее к периферийным средствам воздействия, в то время как аргументация является ядром, своеобразным фундаментом, на котором выстраивается уже вся структура убеждения.

Как отмечает Г. И. Рузавин, «аргументация, в отличие от других форм убеждения, составляет его рационально-логическую составляющую, которая влияет на разум людей и потому оказывает сильное и продолжительное воздействие на сознание и поведение людей» [Рузавин 1997: 7]. В процессе коммуникации аргументация осуществляется в тесной связи с другими компонентами убеждения. Однако специфика политического дискурса состоит в том, что убеждение нередко основывается не только и даже не столько на рациональных приемах и методах, сколько на психологических, этических, стилистических, эстетических, ораторских и т. п. элементах.

По словам Т. Нира, «использование видеоматериала (при анализе парламентских дебатов, выпусков новостей или ток-шоу) сделало явным, что анализ только языковых компонентов коммуникации является недостаточным» [Niehg 2014: 47] (перевод наш. — Г. Т.).

Политические ток-шоу — это относительно молодой жанр русскоязычного политического дискурса, сформировавшийся в 90-е гг. XX в. на фоне демократических изменений, происходивших в обществе. Возникла необходимость релевантного отображения существующих в нем мнений и настроений и обсуждения острых социальных и политических вопросов.

В политических ток-шоу ярче, чем в других жанрах, проявляется агональная функция политического дискурса, так как в прямом эфире происходит столкновение разных политических сил, мнений и позиций.

В 2014 г. основной темой большинства политических ток-шоу на российском телевидении был кризис на Украине, повлекший за собой гражданскую войну на юго-востоке страны. Несмотря на то что телепрограмм, посвященных этой проблеме, в Германии вышло значительно меньше, украинский кризис является актуальной и обсуждаемой темой и в ФРГ. Подтверждение этому мы находим, например, в статьях Ф. Буркхардта, который называет события на Украине «одним из самых значительных противостояний в Европе со времен распада Советского Союза» [Буркхардт 2014: 404].

Как в любом политическом ток-шоу, в рассмотренных нами программах привлекал симпатии зрителей и становился лидером тот участник,

который обладал способностью «убеждать аудиторию, приводить убедительные доводы и аргументы против оппонентов, подкреплять сказанное фактами, воздействовать не только на разум, но и на чувства и эмоции слушателей» [Рузавин 1997: 12].

Одним из средств усиления эффекта воздействия выступают прецедентные феномены (ПФ). Обращение к ним как символам, существующим при определенных обстоятельствах, позволяет привлечь внимание аудитории и вызвать определенные ассоциации, необходимые говорящему. С другой стороны, использование прецедентных феноменов нацелено на конкретную аудиторию, способную распознать данные ассоциации, образы и стереотипы, т. е. аудиторию, обладающую хотя бы минимальной степенью подготовленности и определенными фоновыми знаниями. Опытный политик, как правило, хорошо чувствует аудиторию и выбирает наиболее эффективную тактику убеждения, в соответствии с которой строит свое выступление. Политик должен быть не только хорошим оратором, но и психологом, понимать настроение аудитории, анализировать реакцию на свое сообщение и в случае необходимости корректировать линию поведения.

Способность прецедентных феноменов служить аргументом в пользу точки зрения говорящего является следствием того, что они относятся к числу основных составляющих когнитивной базы (КБ), которая представляет собой «определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков 1998: 83—84]. Прецедентные феномены хранятся в КБ, по терминологии Д. Б. Гудкова, в виде «национально-детерминированных минимизированных представлений», включающих дифференциальные признаки, атрибуты и оценку ПФ [Там же]. Сходную точку зрения занимает и В. В. Красных, определяющая прецедентные феномены как своеобразные «единицы хранения» информации в когнитивной базе национально-лингвокультурного сообщества [Красных 1997: 130].

Активное изучение прецедентных феноменов началось во второй половине 80-х гг. XX в. Существенный вклад в разработку теории прецедентности внесли Г. Г. Слышкин, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Е. А. Нахимова, И. В. Захаренко, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева, Ю. Е. Прохоров и др. Классической стала классификация прецедентных феноменов В. В. Красных, которая выделяет прецедентное имя (ПИ), прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентную ситуацию (ПС) [Красных 1997: 139]. Однако в последние годы появились работы, в которых представлен иной подход к разграничению подвидов ПФ. Так, например, И. В. Высоцкая указывает на необходимость выделения, помимо вышеперечисленных ПФ, также прецедентного события, прецедентной даты, прецедентного названия (как доминанты ПТ), прецедентного стиля, прецедентного жанра, прецедентного изображения, прецедентного звучания и прецедентного образа, расширяя таким образом терминологический ряд [Высоцкая 2013]. В данной работе мы придерживаемся

ваемся традиционной типологии прецедентных феноменов.

Прецедентные феномены используются во всех жанрах политического дискурса, и политические ток-шоу не являются исключением. В данной статье рассматриваются прецедентные имена и прецедентные ситуации.

Д. Б. Гудков отмечал, что прецедентные имена занимают особое положение среди прецедентных феноменов, входящих в когнитивную базу. «Они тесно связаны с двусторонними и абстрактными именами, относятся вместе с ними к ядру языковых средств фиксации и трансляции культурной информации, „материализуя“ ключевые концепты национальной культуры» [Гудков 1999: 15]. Исходя из того, что прецедентное имя — вербальный прецедентный феномен, который определяется как индивидуальное имя, связанное, с одной стороны, с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; а с другой — с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, можно говорить о том, что ПИ являются наиболее емким, образным и, следовательно, наиболее распространенным видом ПФ. С учетом специфики материала предлагается несколько иное понимание «широко известного текста», с которым соотносится ПИ. Прецедентным в данном случае будет звучащая речь и часто появляющийся на экране телевизора зрительный образ политического деятеля, имя которого становится прецедентным. Прецедентными являются, с нашей точки зрения, также отдельные высказывания того или иного государственного деятеля, олицетворяющего представляемую им страну, а также проводимую им внешнюю и внутреннюю политику.

Таким образом, подход к определению ПИ в настоящей работе несколько отличается от общепринятого. Вслед за Д. Б. Гудковым мы рассматриваем данные имена собственные в первую очередь как имена-символы, закрепленные в сознании представителей данного лингвокультурного сообщества зрительным образом и наделенные «некоторой эталонной совокупностью качеств», подкрепленных высказываниями указанных политиков. Это дает нам возможность расценивать их как ПИ [Гудков 1999: 17]. Подобную точку зрения разделяет, помимо Д. Б. Гудкова, и Р. В. Попадинец. Эти исследователи полагают, что «некоторые ПИ не апеллируют к каким-либо ПТ, а лишь выражают определенное „вечное“ качество, не обусловленное какими-либо обстоятельствами». В качестве примера Д. Б. Гудков приводит Ломоносова и Моцарта (как выражение одаренности, гениальности).

Следовательно, можно считать, что *Путин, Меркель, Обама* перестали быть только именами собственными, относящимися к конкретным физическим лицам. Они определяют вектор развития не только стран, которые возглавляют, но и всего мира. *Путин* и *Обама* воспринимаются как личности, характеризующиеся набором определенных признаков, как символы противостоящих друг другу сил, во многом определяющих мировую политику. *Путин, Меркель* и *Обама образуют* линию противостояния, на противоположных

концах которой находятся Россия и США, в то время как Германия (т. е. Европа) выступает неким посредником.

Особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить критериям прецедентности, главными из которых являются воспроизводимость и узнаваемость. В условиях глобализации информационных процессов и распространения влияния средств массовой коммуникации на все сферы жизни общества узнаваемость достигается посредством всестороннего обсуждения и оценки политических действий руководства той ли иной страны в СМИ и Интернете.

Остановимся более подробно на следующих примерах:

А. Руцкой: *Достаточно посмотреть историю геббельсовской пропаганды. И мы все то же самое увидим один в один.*

Е. Федоров: *До этого говорила шире* (ранее в программе упоминались некоторые американские политики, а также документы, в которых говорится об ослаблении России странами Западной Европы и США) *Маргарет Тэтчер. Это конкретные люди. И в материалах Гитлера это было записано на бумаге в виде приказов* [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г)].

В обоих случаях ПИ (или их производные) призваны проиллюстрировать негативное отношение стран Западной Европы и США к России на протяжении продолжительного времени. Не вызывает сомнения, что коннотация, связанная с именами вождей Третьего рейха (*Гитлер* и *Геббельс*), носит явно отрицательный характер. Так, например, *Гитлер* чаще всего используется в значении «человеконенавистник» [Косиченко 2006: 212]. А. Руцкой приводит ПИ с целью провести параллели между действиями Запада в отношении России во время Великой Отечественной войны и в современный период. В таком же значении используется производное прилагательное от ПИ *Гитлер* и В. Жириновским: *Это все делала гитлеровская Германия: враг на востоке* (убеждение посредством преувеличения угрозы со стороны ЕС и США) [Политика (17.12.2014 г.)].

Прецедентные ситуации, так же как и прецедентные имена, в контексте политического дискурса расцениваются нами как свернутая до минимума аргументация. Употребление ПИ и ПС предполагает, что оратор выстраивает определенные связи, в основе которых лежат определенные ассоциации, сравнения, аллюзии или перенос качеств одного предмета (личности) на другой, достигая тем самым у реципиента нужного понимания в совокупности с необходимой эмоциональной оценкой сказанного.

Тематика выбранных ток-шоу изначально накладывает ограничения на выбор сфер-источников прецедентных имен. Поскольку основной темой рассматриваемых в статье ток-шоу является политическая ситуация на Украине, то единственной сферой-источником ПИ будет «Политика». *Путин, Меркель, Обама, Тэтчер, Наполеон, Сталин, Гитлер* и др. — это те прецедентные имена, которые можно услышать в российском телеэфире в последние месяцы в связи с кризисом на Украине.

Аналогичная ситуация наблюдается и в немецкоязычном ПД. Наиболее частотными прецедентными именами можно назвать **Putin, Merkel, Obama**. Например: *Putins Machthunger — wie weit wird Moskau gehen?* — так называется программа «Maybrit Illner», вышедшая в эфир 20 ноября 2014 г. на канале ZDF; *Alles dreht sich um Putin — Bleibt die Ukraine auf der Strecke* — под таким заголовком транслировалась программа «Anne Will» 27 ноября 2014 г. Для большей наглядности приведем также статистические данные. Так, в программе «Maybrit Illner» от 20 ноября 2014 г. за 58 минут **Putin** прозвучало 23 раза, **Merkel** — 6 раз, **Obama** — 2 раза; в эфире «Studio Friedman» за меньший промежуток времени (23 минуты) можно было услышать: **Putin** — 25 раз, **Merkel** — 2 раза, **Obama** — 3 раза.

Перечисление в одном высказывании нескольких ПИ может говорить о стремлении автора не только обратиться к авторитетам, но и противопоставить их:

Egon Bahr (немецкий политик, которому принадлежит ключевая идея новой восточной политики правительства Вилли Брандта «Изменения путем сближения»): *Die Ukraine ist in der Tat ein entscheidender Teil. Sie ist für Russland das, was das Ruhrgebiet für die alte Bundesrepublik war. Unentbehrlich im Bunde. Und das Zweite ist... Ich muss noch mal darauf zurückkommen, dass von Brandt bis Merkel, von Breschnew bis Putin über viele Stationen unterschiedliche Menschen 40 Jahre strategische Partnerschaft galt. Das heißt über den Tag hinaus und unabhängig von aktuellen Schwierigkeiten. Und das wird auch weiter gepflegt werden müssen* [Maybrit Illner (20.11.2014 г.)].

В одном высказывании Э. Бар приводит имена как российских, так и немецких политических деятелей разных эпох. Сделано это для того, чтобы наглядно продемонстрировать важность «стратегического партнерства» между Россией и Германией как в 70-е гг. XX в., так и на современном этапе, убедить собеседников в правильности проведения «Новой восточной политики» Вилли Брандта, т. е. политики сближения стран Востока и Запада.

Схожесть ПИ в русско- и немецкоязычном ПД объясняется общей тематикой анализируемых ток-шоу, долгими культурно-политическими и экономическими связями, а также тем, что за ПИ стоят исторические личности, оказавшие влияние на судьбы многих стран, в том числе России и Германии.

Еще одним частотным видом ПФ являются **прецедентные ситуации**. ПС (точно так же, как и ПИ) обладают высокой концентрацией информации и представлений, отражают систему ценностных ориентиров и эталонов национальной культуры.

С. Железняк: *Даже в том, что в советский период преподавалось в отношении и Октябрьской революции, и последовавшей за этим Гражданской войны, никто не скрывал омерзительного количества жертв человеческих и омерзительного количества трагедий, которые сопровождали эти переломные процессы. Потом была страшная Великая Отечественная война, унесшая десятки миллионов наших жизней для*

того, чтобы победить фашизм [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г.)].

Революция 1917 года, Гражданская война и Великая Отечественная война — прецедентные ситуации, за которыми стоят ключевые события в истории России XX в., повлекшие за собой кардинальные изменения в жизни страны, Европы и мира. Обращение к ним призвано усилить эмоциональный фон высказывания, убедить аудиторию через чувства, эмоции и ассоциации, которые эти ПС вызывают в реципиенте.

В. Жириновский: *Украина на весь XXI век: вместо Афганистана, Вьетнама, арабская весна. Все вместе взятое. Подарок Европе — очаг, который будет гнить, взрываться вулканом. Сейчас у нас финансовое цунами, сейчас у нас финансовый Майдан. ... Уже наступил сорок первый год!* [Политика (17.12.2014 г.)].

Отсылка к тем же или схожим событиям встречается и у немецких политических деятелей. Например:

Gregor Florian Gysi (немецкий политик, известен публичными выступлениями с критикой политики стран Запада, в первую очередь США): *Ich will nur darauf hinzuweisen, dass auch der Westen Völkerrechts verletzt hat. Beim Kosovo, zum Beispiel. Ich habe damals gesagt, wir machen ein Büchse der Pandora auf.*

Wir haben viele Dinge und völkerrechtlich geregelt über die Abtrennung der deutschen Ostgebiete nach dem zweiten Weltkrieg. Es ist auch eine völkerrechtliche Regelung am Ende getroffen worden.

Richard David Precht (немецкий философ и публицист): *Der Westen wollte keinen Kompromiss, sondern wir wollten gleich die ganze Ukraine in den Westen ziehen. Das ist ein Denken aus der Zeit des Kalten Krieges!*

Из перечисленных примеров видно, что прецедентные ситуации (**Октябрьская революция, Великая Отечественная война, Афганистан, Майдан, Kosovo, der zweite Weltkrieg, der Kalte Krieg** и др.) являются эффективным средством реализации стратегии убеждения. Это объясняется тем, что прецедентные ситуации представляют собой редуцированное представление о конкретной ситуации, куда помимо энциклопедической информации входит образное представление и ценностное отношение к данной ситуации [Попадинец 2006].

ПС могут выступать в качестве временных рамок либо некой точки отсчета:

Jan Techau (директор центра Карнеги—Европа): *Es überrascht nicht, wenn ich darüber anders denke als Herr Krasnizkiy. Es hat eine systematische Politik nach dem Mauerfall und nach der Wiedervereinigung Deutschlands gegeben. Russland wurde in die Architektur Europas gezogen, hereingebracht, als Partner aufgenommen. Man hat Privilegien eingeräumt, einen NATO-Russland-Rat.*

Здесь автор заменяет даты прецедентными событиями, что, с одной стороны, упрощает конструкцию реплики, а с другой, делает высказывание более эмоциональным и обладающим большим воздействующим эффектом, так как в ПС априори заложена определенная экспрессия.

В выпуске программы «Специальный корреспондент» от 5 декабря 2014 г. развернулась горя-

чая дискуссия после просмотра фильма тележурналиста А. Рогаткина «Хлеб Первомайска»:

А. Рогаткин: *Там, конечно, не как в блокаде Ленинграде — на саночках трупы не возят, но люди умирают с голоду.*

В течение непродолжительного промежутка времени несколько раз прозвучало «**блокадный Ленинград**»: гуманитарная катастрофа в юго-восточном украинском городе Первомайске сравнивается с военной блокадой г. Ленинграда, длившейся более двух лет и унесшей жизни нескольких сотен тысяч жизней (в первую очередь из-за голода).

Однако стоит отметить, что разные виды прецедентных феноменов не используются изолированно, часто в рамках одного высказывания сосуществует сразу несколько видов ПФ. Приведем пример из выступления режиссера Карена Шахназарова:

Я почитал прессу американскую. Ну, там Россия и Путин — это не враг номер три, как еще Обама сказал, а враг номер один. Горбачева называют предателем, Ельцина называют предателем, но по сути-то дела это было очень великодушное и благородное решение. Что мы получили в ответ?! Какие мы увидели поступки? Варшавского договора нет — но НАТО пошло дальше. Вошла Польша, вошла Болгария, вошла Румыния. ... Мы боимся вас (страны западной Европы и США). А почему вы нас боитесь? Да у нас есть основания! За двести лет вы четырежды вторгались в пределы нашей страны: Наполеон, Крымская война, интервенция в восемнадцатом году и Гитлер [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г.)].

Подобное мы можем наблюдать и в немецкоязычных политических ток-шоу:

Peter Altmaier (немецкий политик, с 17 декабря 2013 г. — глава ведомства федерального канцлера и федеральный министр по особым поручениям): *Trotzdem haben wir niemals den sowjetische Einmarsch in Afghanistan akzeptiert (ввод советских войск в Афганистан в 1978 г.). Trotzdem haben wir die sowjetischen Aktivitäten in Angola (1975 г.) und Mosambik (1975 г.) nicht akzeptiert. Es war ein sozialdemokratischer Kanzler, Helmut Schmidt, der gemeinsam mit Ronald Reagan die Nato-Nachrüstung durchgesetzt hat [Maybrit Illner (20.11.2014 г.)].*

Как видно из примеров, прецедентные имена и прецедентные события, дополняя и усиливая друг друга, создают в своем единстве эффективное средство убеждения оппонентов.

Наряду с историческими реалиями прошлых столетий, в ток-шоу активно задействованы ситуации и события, произошедшие в последнее время, например, «**аннексия**» **Крыма**:

Marieluise Beck (немецкий политик, депутат бундестага от партии «Союз-90» / «Зеленые»): *1994 war die Ukraine bereit ihre Atomwaffen abzugeben. Ihr wurde zugesichert, auch von Russland, das bei der Abgabe von Atomwaffen die Integrität gesichert ist. Nachdem Präsident Janukowitsch einen Vertrag mit der EU über Handel ausschließen will, ohne dass Russland gesagt hätte, das wollen wir nicht. Die Ukraine sieht sich dann konfrontiert, dass es eine Annexion gibt (т. е. «аннексия*

Крыма» [Anne Will (27.11.2014 г.)].

Поскольку события, обсуждаемые в приведенных выпусках телепрограмм, произошли относительно недавно, то может возникнуть вопрос о том, насколько правомерно относить перечисленные имена и события к прецедентным феноменам. Как уже говорилось ранее, основными критериями прецедентности являются воспроизводимость (в том числе в СМИ), популярность, узнаваемость. Всем перечисленным параметрам эти имена и события соответствуют.

Таким образом, основная цель применения ПФ в телевизионных ток-шоу заключается в стремлении воздействовать на аудиторию, что предопределяет обращение автора в первую очередь не к понятиям, а к образам. Любой прецедентный феномен обладает большим потенциалом воздействия и употребляется с целью произвести впечатление на адресата, выполнить функцию воздействия через определенные ассоциации, хранящиеся в национальной когнитивной базе и в сознании каждого члена общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург, 2006.
2. Буркхардт Ф. Освещение кризиса в Украине в немецких ток-шоу // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры : русское издание. 2014. № 1. С. 404—414.
3. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1(18). С. 117—137.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация. 1998. № 4. С. 82—93.
5. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М.: Изд-во МГУ, 1999.
6. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1999.
7. Катаева С. Г. Немецкая политолингвистика — возникновение и становление новой научной дисциплины прикладной лингвистики // Известия ВГПУ. 2009. № 2. С. 59—64.
8. Косиченко Е. Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
9. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 1. С. 128—144.
10. Попадинец Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка: экспериментальное исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 2006.
11. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. — М.: ИФРАН, 1997.
12. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. В 3 ч. Ч. 1. — М.: РАУ, 1993.
13. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / Josef Klein; Hajo Diekmannshenke (Hrsg.). — Berlin : De Gruyter, 1996. S. 75—100.

14. Die Ukraine-Krise in den deutschen Talkshows // Ukraine-Analysen. 2014. № 135. S. 10—19.

15. Niehr Th. Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.

СПИСОК ТЕЛЕПРОГРАММ

16. Studio Friedman (27.03.2014 г.).

17. Maybrit Illner (20.11.2014 г.).

18. Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г.).

19. Anne Will (27.11.2014 г.).

20. Специальный корреспондент (05.12.2014 г.).

21. Политика (17.12.2014 г.).

G. A. Tumanova

Moscow, Russia

THE ROLE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE REALIZATION OF STRATEGY OF PERSUASION (on the material of the Russian and German Language talk shows)

ABSTRACT. *The article deals with the problem of functioning of precedent phenomena in political communication in Russian and German and formulates the main purpose of their use in such genre of political discourse as political talk shows. Initially possessing a certain potential of influence, precedent phenomena are meant to strengthen the effect of influence upon the audience, acting as a means of argument, supplementing the arguments and facts given by the speaker. Thus, precedent phenomena make one of the most effective means of implementing the communication strategy of persuasion in political talk shows. The paper analyzes the primary “precedent names” and “precedent situations” that are used more often than others in Russian and German speaking political talk shows in 2014, the main theme of which is the political and economic crisis in Ukraine and the Russian-Ukrainian relations. Apart from this, the article enumerates the main criteria of “precedentness”, upon which a working definition of the “precedent name” is based. This definition differs from the traditional one and creates the possibility of referring the names of some world political figures to the class of “precedent names” (commonly referred to in political talk shows on both Russian and German television).*

KEY WORDS: *political communication; precedent phenomena; precedent name; precedent situation; cognitive base; strategy of persuasion; political talk shows.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tumanova Galina Aleksandrovna, Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

LITERATURE & RESOURCES

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург, 2006.

2. Burkhardt F. Osveshchenie krizisa v Ukraine v nemetskikh tok-shou // Forum noveyshey vostochnoevropeyskoy istorii i kul'tury — Russkoe izdanie. 2014. №1. S. 404-414

3. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretsedentnosti // Kritika i semiotika. 2013. № 1(18). S. 117-137.

4. Gudkov D. B. Pretsedentnoe imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. 1998. № 4. S. 82-93

5. Gudkov D. B. Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti. — M. : Izd-vo MGU, 1999.

6. Gudkov D. B. Pretsedentnye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoy kommunikatsii: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk. — M. : 1999.

7. Kataeva S. G. Nemetskaya politolingvistika — vozniknovenie i stanovlenie novoy nauchnoy distsipliny prikladnoy lingvistiki // Izvestiya VGPU. 2009. №2. S. 59-64.

8. Kosichenko E. F. Pretsedentnoe imya kak sredstvo vyrazheniya sub"ektivnoy otsenki: dis. ... kand. filol. nauk. — M. : 2006.

9. Krasnykh V. V. Kognitivnaya baza vs kul'turnoe prostranstvo v aspekte izucheniya yazykovoy lichnosti

(k voprosu o russkoy kontseptosfere) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 1997. № 1. S. 128-144.

10. Popadinets R. V. Pretsedentnye imena v soznanii nositelya russkogo yazyka : Eksperimen-tal'noe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kursk, 2006.

11. Ruzavin G. I. Metodologicheskie problemy argumentatsii. — M. : IFRAN, 1997.

12. Shvartsenberg R.-Zh. Politicheskaya sotsio-logiya: V 3 ch. — Ch. 1. — M. : RAU, 1993.

13. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung. In: Josef Klein/Hajo Diekmannshenke (Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin: De Gruyter, 1996. S. 75—100.

14. Die Ukraine-Krise in den deutschen Talkshows // Ukraine-Analysen. 2014. № 135. S. 10-19.

15. Niehr Th. Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.

16. Studio Friedman (27.03.2014)

17. Maybrit Illner (20.11.2014)

18. Voskresnyy vecher s Vladimirom Solov'evym (23.11.2014)

19. Anne Will (27.11.2014)

20. Spetsial'nyy korrespondent (05.12.2014).

21. Politika (17.12.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

И. В. Фролова
Химки, Россия

О ВЫРАЖЕНИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ КАЧЕСТВЕННОЙ БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

АННОТАЦИЯ. В работе изучена взаимосвязь оценки и экстралингвистических факторов в аналитической статье. Предметом статьи является изучение способов выражения субъективности. Охарактеризован экстралингвистический фактор внутренней предвзятости автора, и проведены различия между категориями «предвзятость», «предубеждение», «субъективность» и «личностный смысл». В статье использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, элементы контекстологического и статистического анализа. Выявлен ряд способов выражения предвзятости в аналитических статьях британской и русской качественной прессы на примере кризисной ситуации в Украине. К ним отнесены: 1) обобщение мнения отдельных лиц в «общее мнение»; 2) прямое указание на неугодность чего-л. с опущением лица, высказывающего оценку; 3) выборочный показ сторон явления; 4) приведение цитат специалистов по данному вопросу в своей стране, чье мнение совпадает с общей тональностью и оценочным отношением к вопросу в данной статье или национальной позицией страны; 5) использование понятий с отрицательной семой в значении; 6) использование преуменьшения и неопределенности значения; 7) отсутствие связи между тезисом и аргументом. В ходе работы было выявлено, что 1) примерное соотношение текстовых фрагментов, репрезентирующих предвзятость при помощи одного приема или конвергенции приемов, составляет соответственно 2:1; 2) наиболее частотным способом выражения предвзятости в статьях обеих стран является использование слов с яркими коннотациями; 3) для российских аналитических статей характерна позитивная тональность, свидетельствующая о сдвиге в пользу личностного смысла, в британской же прессе наблюдается перевес негативно-оценочной лексики, что отражает значительную степень предвзятости. Результаты исследования могут быть применены в курсах стилистики, лингвистики текста, медиалингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аналитическая статья; субъективность; предубеждение; личностный смысл; предвзятость; оценка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фролова Ирина Валерьевна, преподаватель английского языка на кафедре «Иностранные языки — 1», Финансовый университет при Правительстве РФ; аспирант кафедры английской филологии ИЛиМК, Московский государственный областной университет; адрес: 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49; e-mail: irinchen13@mail.ru.

Аналитическая статья — журналистский текст, для которого характерны доказательное рассуждение, значительная/высокая степень теоретического объяснения, оценки и обобщения общественно значимых явлений, определение позиции, которую нужно занять, чтобы поддержать или устранить анализируемое явление.

К жанрообразующим признакам аналитической статьи А. А. Тертычный относит следующие:

- 1) выявление взаимосвязи различных явлений;
- 2) использование аналитико-синтетических операций: сравнения, оценки, детализации, разъяснения, прогнозы, обобщения;
- 3) использование коммуникативных операций: диалогичность, ситуативность;
- 4) выявление и изложение связей, направленных в прошлое и будущее явления [Краткая характеристика аналитических жанров журналистики].

Смысловая интерпретация аналитической статьи (далее АС) предполагает учет оценочных значений и экстралингвистических параметров, которые подчинены замыслу данного вида медиатекста.

Под оценкой мы, вслед за Г. Ф. Ивановой, понимаем «*мнение* о (...) значимости для человека объекта оценки, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям» [Иванова 2007]. С. С. Гусев пишет, что до начала XX в. категория мнения не рассматривалась учеными в качестве актуальной проблемы теоретического

осмысления. Однако в последние годы возросло понимание ситуативности языкового общения, в котором проявляются «*частные позиции конкретных людей*», служащие выражением мнений участников коммуникативного процесса [Энциклопедия эпистемологии и философии науки]. Аксиологические критерии как способы измерения реализации ценности во многом зависимы в аналитической статье от индивидуального или коллективного автора (в нашем случае журналиста или редакции) и от национальных способов реакции на ситуации (особенностей культуры). Анализируя аналитический медиатекст, стоит отметить и то, что в нем, наряду с общечеловеческими ценностями, которые во многом объединяют культуры, проявляются индивидуально-личностные, коллективные и национальные ценности, которые могут разделять культуры и провозгласить различные трактовки одного и того же события. Поскольку объектом оценки в исследуемом материале является кризисная ситуация в Украине, мы имеем дело в основном с витальными, социальными, политическими и моральными ценностями.

Ряд ученых (Ю. С. Старостина, И. В. Егорова) считают важным учет экстралингвистических факторов для правильной интерпретации оценки. И. В. Егорова правомерно полагает, что «для адекватного понимания языковой оценки необходимо учет национальных норм общения, принятых в данной культуре в тот или иной исторический период времени» [Старостина]. В вербальном

общении коммуникантов проявляется значимость события, ситуации, процесса для их участников, отдельных социальных групп, аудитории данного СМИ, общества в целом. Значимость лежит в основе правил речевого поведения и объединяет оценку и экстралингвистические факторы, являясь отражением субъективного содержания.

В данной работе мы принимаем за основу исследования субъективности в АС такой экстралингвистический фактор, как внутренняя предвзятость (Т. ван Дейк, 1989, Пехк-Иващенко, 2007), и предпринимаем попытку соотнести его с понятиями «субъективность», «личностный смысл» и «пристрастность» (*bias*) [Пехк-Иващенко 2007]. Наряду с этим, мы обратимся к вопросу о влиянии данного экстралингвистического фактора на функционирование оценочных средств.

Предвзятость рассматривается нами как *изначальная склонность* к какой-то позиции или заключению, сложившаяся заранее (*доопытная* готовность к тому или иному выводу), обычно основанная на предубеждении [СО; Энциклопедический словарь по психологии и педагогике]. В английском языке данное понятие коррелирует с понятием «*bias*», определяемым как устойчивое чувство за или против группы лиц или одной стороны в споре, часто не основанное на справедливом суждении (“*a strong feeling in favour of or against one group of people, or one side in an argument, often not based on fair judgement*”) и переводимое как «предвзятость», «предубеждение», «необъективность», «пристрастие» [OALD]. При этом следует заметить, что медийная предвзятость подразумевает не столько взгляд отдельного журналиста или точку зрения, репрезентированные в статье, сколько повсеместное нарушение стандартов журналистики («*a pervasive or widespread bias contravening the standards of journalism, rather than the perspective of an individual journalist or article*») [Media bias].

Понятия «предвзятость» и «*bias*» тесно связаны с категорией объективно-необъективного. Субъективность понимается нами как «пристрастное, избирательное, предвзятое, лишенное (или свободное от) объективности *отношение* к людям, жизни и себе» [Энциклопедия практической психологии]. Через субъективность вышеуказанные понятия сопряжены с оценкой и понятием «личностный смысл». Согласно А. Н. Леонтьеву, личностный смысл — субъективно воспринимаемая значимость для индивида тех или иных событий, явлений действительности, интересов, потребностей, мотивов человека, создающая пристрастность индивидуального сознания [Психологический словарь]. Однако это определение требует уточнений, так как оно не совсем четко устанавливает соотношение понятий «личностный смысл» и «субъективная оценка». Важно отметить, что личностный смысл «*создает* пристрастность человеческого сознания» и всегда *произведен* «от места человека в системе общественных отношений и от его социальной позиции», оценка же может этого не учитывать [Леонтьев; Психологический словарь]. Предполагается, что личностный смысл лежит в основе оценки в *прагматически направленной* аналитической статье, мотивируя оценочные смыслы. В то же

время оценка шире понятия «личностный смысл» — она может быть объективной и субъективной, эмоциональной и рациональной и т. д. Одним из основных источников личностного смысла и оценки является «неоднозначность реальности, то есть такое положение вещей в мире, по поводу которого возможны разные мнения, предположения, гипотезы и т. п.» [Зарезина 2004]. Справедливо все же заметить, что оценка понимаемая шире, чем стратегия в АС, может строиться на эмоциях, а эмоциональная и смысловая реальности не совпадают. Эмоции зависят от личностного смысла — «словами «эмоция», «эмоциональный» допустимо обозначать только реакцию, но не стимул, только переживание или репрезентацию, но не события или связи явлений в жизненном мире». В свою очередь, «личностный смысл всегда конкретен и содержит явное или скрытое указание на те мотивы или другие смыслообразующие структуры, которые придают личностную значимость данному объекту или явлению, а также на содержательное отношение между ними». Наконец, эмоция — это «главная, но не единственная форма субъективной презентации в образе личностного смысла объектов и явлений» [Леонтьев 2003]. Что касается соотнесенности категорий значения и смысла, то воспользуемся уточнением И. А. Тарасовой, которая считает, что значение слова — отражение объективного, а смысл — это реализация субъективных аспектов значения в зависимости от ситуации [Тарасова 2012].

Понятия «личностный смысл» и «предвзятость» можно рассматривать как однопорядковые, но они могут различаться в некоторых контекстах, где их необходимо отличать друг от друга, так как в отдельных случаях в статьях, особенно написанных исследователями и учеными, на передний план выходит личностная значимость, в других — детерминированная заданием редакции и/или основанная на предубеждениях предвзятость. Интересно заметить, что аналитических статей, написанных учеными или специалистами, в британской прессе выявлено не было, в то время как в русской прессе они существуют и содержат многосторонний анализ кризисной ситуации. Это, например, статья С. Глазьева (помощника президента России, академика РАН, академика АН Украины) «Зачем Америке Майдан», статья В. Кашина (эксперта Центра анализа стратегий и технологий) «Последствия военной фазы украинского кризиса», статья А. Г. Арбатова (академика РАН, руководителя Центра международной безопасности Российской академии наук) «Украина и реальная политика», статьи С. С. Жильцова (доктора политических наук) «Украина входит в затяжной кризис» и «Украина на пороге распада» и некоторые другие. Главной отличительной чертой вербального выражения личностного смысла, как показывает данный материал, является общая позитивная тональность речи.

Аналитическая статья объединяет объективную информацию с личностными смыслами, предвзятостью и оценочной информацией. С. В. Зарезина доказывает, что чем более сообщение переводится из официальной в личностную сферу, тем более широко представлены оценочные сужде-

ния пишущего. При этом возрастает «интимизация сообщения», количество малоизвестных, неоднозначных и непроверенных фактов [Зарезина 2004].

На основе 20 аналитических статей британской и российской прессы, посвященных кризисной ситуации в Украине, был установлен ряд способов выражения предвзятости.

1. Первым способом является использование слов с оценочной семой. Для британской и российской АС характерны как слова с ингерентной оценочной коннотацией (оценка обуславливается смысловой структурой и реализуется при актуализации), так и слова с оценочным ореолом или адгерентной оценочной коннотацией («оценка не обуславливается смысловой структурой, а возникает в результате контекстуальных или ситуативных факторов; это слова, которые в когнитивной картине мира близки к отрицательному или положительному полюсу, а в языковой — нет») [Иванова 2007].

На страницах британских изданий The Guardian и The Financial Times содержится информация об аннексии Крыма: *Having in effect annexed Crimea last month, Russia has repeatedly declared it has no intention of sending troops into Ukraine* [The Guardian. 14.04.14]. Или: *Developments are eerily similar to the build-up to Moscow's annexation of Crimea last month* [The Financial Times. 18.04.14] (*to annex — to take control of a country or region by force*) [MDT]. Можно встретить и слово «оссурация». Однако в русскоязычных статьях «Независимой газеты» о событиях в Крыму пишут как о «присоединении», а не аннексии. В статьях газеты «Ведомости» есть информация об аннексии Крыма и завоеваниях России, что может быть объяснено спецификой идеологической концепции газеты, издателями которой являются в том числе американцы и британцы.

Ополченцев юго-востока Украины британские газеты называют **пророссийскими милиционерами** (*“pro-Russian militia men”* — прилагательное «пророссийский» приобретает отрицательную коннотацию в контексте); **вооруженными людьми** (*“armed men”* — акцент сделан на хаотичности вооруженных формирований); **бойцами в масках** (*“masked fighters”* — актуализирована невозможность определить личность бойцов в противовес официальной армии); **бунтарями** (*“rebels”*, согласно словарю Macmillan, — *rebel — someone who tries to remove a government or leader using force*; негативная коннотация акцентирует недопустимость действий); **пророссийскими активистами** (*“pro-Russian activists”* — нейтральная окраска словосочетания); **вооруженными пророссийскими боевиками** (*“armed pro-Russian militants”*, согласно словарю Macmillan, — *militant — using extreme and sometimes violent methods to achieve political or social change*, негативная коннотация); **хорошо вооруженными бандитами** (*“well-armed gunmen”*, согласно словарю Macmillan, — *gunman — someone who uses a gun when fighting or committing a crime*, а негативная коннотация связана со смыслом «незаконность вооружения, возможно спонсируемого Россией»); **боевики-сепаратисты** (*“separatist gunmen”*) [MDT].

В то же время российские аналитические статьи обобщенно представляют ополченцев как **«население юго-востока»** (без указания на причастность к военным действиям; в контексте подчеркивается вынужденность военной защиты населением этой территории). Обратимся к интерпретации лексемы «ополченцы» и контекстуальным реализациям значения. Ополчение — «военное формирование, создаваемое в помощь действующей армии, преимущ. на добровольных началах» [СО]. Однако вооруженных граждан Донбасса исходя из данной дефиниции сложно назвать ополченцами, так как их действия направлены против действующей армии. Словарь Даля дает следующее толкование глаголу «ополчать» — «вооружать, делать воином, подымать народ, образуя рать, войско; подымать, восстанавливать против, заставить враждовать, биться; составлять полки», и это определение скорее нейтральное, чем оценочное [СО; СД].

«Инсургенты», согласно словарю Ефремовой, — участники вооруженного восстания; повстанцы (нейтральная окраска) [СЕ], **«те, кто воюет против карательных войск»** («карательный» — имеющий целью жестоко наказывать, произвести расправу [СО]); в данном определении актуализирована несправедливость операции и сочувствие к защитникам) [СО], **«бойцы народной армии»** (в данном определении актуализирована положительная оценка, поддерживаемая прилагательным «народный»), **«протестующие на Востоке»** («протестовать» — выражать несогласие [СО], акцентируется вынужденность вооружения населения Донбасса и желание разрешить конфликтную ситуацию мирным путем)[СО], **«приверженцы выстраивания дружеских отношений с Россией»**, **«представители юго-востока»**, **«сторонники федерализации»** (позитивная окраска, выражающая стремление к мирным переговорам).

2. Другим приемом выражения предвзятости является обобщение мнения отдельных лиц в «общее мнение» [Вольф 2006].

José Manuel Barroso, the head of the European commission, said he was shocked at the bloodshed. Barroso spoke to Ukraine's president, Viktor Yanukovich, on the phone on Thursday, warning of “possible consequences if the situation is not stabilised”. (...)

Barroso's options appear very limited. What can Europe do except put Yanukovich in the same box as the dictator next door, Alexander Lukashenko of Belarus, and blacklist his cronies and oligarch financiers to stop them shopping in London, skiing in Switzerland or holidaying in the Mediterranean? [The Guardian. 23.01.14]. В данном контексте, включающем экспрессивный и эмоционально заряженный риторический вопрос, британский журналист берет на себя право высказываться за всю Европу, демонстрируя практически неоспоримое право Европы давать негативную оценку Януковичу, Лукашенко, их приближенным и олигархам, а также убеждать в вынужденности возможных санкций против них. Риторический вопрос, экспрессивное утверждение в вопросительной форме обобщает реакцию главы Европейской комиссии на ситуацию в Украине.

В статье «Независимой газеты» («Россияне трезвеют в оценках») есть пример подобного обобщения мнений: *В то же время настроения становятся все более контрастными и полярированными — у части людей, в первую очередь у городских интеллектуалов, усиливается ощущение, что последствия дестабилизации в Украине отразятся все большими издержками для России, говорит Гудков. Люди, преимущественно городские интеллектуалы, понимают, что не готовы и не хотели бы нести издержки за ситуацию на юго-востоке* [НГ. 2.06.14]. Последнее предложение абзаца можно трактовать и как продолжение прерывного цитирования, и как перефразирование цитаты, и как представление мнения Гудкова в качестве «общего мнения» группы людей. Сам журналист представляет мнение группы людей уже как общее мнение (от лица всех россиян — в заголовке статьи).

3. Третьим способом выражения предвзятости служит выборочный отбор информации. Указанный способ проявления тенденциозности характерен как для российской, так и для зарубежной прессы. В следующем фрагменте публикации газеты «The Guardian» пророссийский юго-восток Украины не предстает таким же образованным, как проевропейский запад. При этом важно, что газеты «The Guardian» и «The Financial Times» односторонне рассматривают и сам конфликт как результат культурных и географических, но не политических различий между противоборствующими сторонами — различий, на которые которые указывает английская пресса: *The Ukrainian conflict is conventionally seen as cultural and geographical — Yanukovych and the pro-Russian east against the educated classes of Kiev and the pro-European west of the country* [The Guardian. 23.01.14]. Однако российская качественная пресса пишет о «политических элитах Киева». Нельзя не отметить и более объективную характеристику явления в газете The Financial Times: *Ukraine is not ethnically divided. But a cultural and historic faultline runs between its Ukrainian-speaking and pro-European west, and Russian-speaking east and south* [The Financial Times. 24.01.14].

Действия ополченцев тоже по-разному описываются в британских и российских АС. Первые делают акцент не на защите мирного населения, как российские СМИ, а на якобы подрывной деятельности ополченцев, описывая их действия: *Armed men seized symbols of power in Donetsk and Lugansk*; *Over the past two weeks, men — some armed and waving Russian flags — have seized local government buildings, security offices and police stations in up to a dozen eastern towns and cities* (в данном контексте категоричность оценки подчеркнута количественной характеристикой «дюжина») [The Financial Times. 18.04.14].

4. Следующим приемом выражения предвзятости является прямое указание на неугодность, сомнительность чего-л. без ссылки на субъекта высказывания.

Материал свидетельствует о том, что данный способ выражения предвзятости характерен для британских газет: *Whether Iran, Zimbabwe, Belarus*

or Syria, travel, financial, and economic sanctions have in recent years become the EU's default option in dealing with unsavoury regimes [The Guardian. 23.01.14]. Если взять более широкий контекст, то и он не дает информации о том, для кого данные режимы являются сомнительными.

5. Одним из показателей выражения предвзятости и личностного смысла является использование средств усиления/ослабления категоричности.

Можно предположить, что использование средств усиления категоричности выражает большую предвзятость, в то время как ослабление категоричности свидетельствует о выражении личностного смысла посредством апелляции к общечеловеческим ценностям, в частности об уважительном отношении к объекту оценки. В британских статьях выявлены следующие способы усиления категоричности:

а) лексемы со значением усиления качества, повторяемости: *five fibs from Vladimir* (согласно словарю Macmillan a fib — *informal* a lie about something that is not important), *rather subjective interpretation of events, diatribe, again* [MDT];

б) специфическое построение высказывания с точки зрения темо-рематической организации: *how Putin distorted the facts about Ukraine* (тема — Putin distorted the facts; рема — how);

в) контраст: *After politely writing down reporters' questions, Putin launched into a tirade against the new government in Kiev*;

г) ирония, преувеличение, намек: *In the course of the diatribe, Putin distorted several facts. Here are five of the best* (журналист намекает на то, что случаев искажения было значительно больше пяти);

д) идиоматические выражения:

Yanukovych is the legitimate president of Ukraine.

When it came to the ousted Yanukovych government, Putin seemed to want to have his cake and eat it. On the one hand, the Russian president said he agreed with protesters that Ukraine's previous regimes were all "crooks" and admitted Yanukovych had no power and no political future. On the other, he still insisted Yanukovych remained the legitimate president. [The Guardian. 04.03.14] В данном контексте идиоматическое выражение "to have one's cake and eat it" («погнаться за двумя зайцами»), прилагательное "ousted" («отстраненный от власти») и аргументы, доказывающие абсурдность слов Путина, приводятся для оправдания незаконного свержения с поста президента Януковича. Даже используемый якобы для снижения категоричности глагол "to seem" совсем не уменьшает ее, наоборот, категоричность усилена посредством идиоматического выражения «погнаться за двумя зайцами». Факты же свидетельствуют о том, что противоречия в словах Путина нет, а президента Януковича не отстраняли от власти законным путем.

В российских источниках категоричность усиливается за счет:

а) лексем со значением усиления качества, масштаба действий: «кризис беспрецедентен», «антипатриотические силы Украины», «езде происходят массовые нарушения прав человека»;

б) повторов: «*незаконной временной власти в Киеве*», «*новой незаконной власти*»; «*отвергать Украину от России*», «*подчинить Украину*», «*разрушить потенциал*».

Ослабление категоричности в британских АС, свидетельствующее в большинстве случаев о снижении уровня предвзятости, выражается посредством модальных глаголов (“*could*”, “*may*”, “*might*”), их эквивалентов (“*to seem*”), наречий (“*apparently*”, “*presumably*”, “*largely*”), количественных слов (“*a number of*”), показателей разносторонней интерпретации событий (например, *both... and*), использования времени Present Simple для документирования прошедших событий в хронологическом порядке, преуменьшения и неопределенности значения (данный способ выявлен только в британских газетах: ***At least some of these pro-Russian militia men are local, it seems*** [The Guardian. 16.04.14].)

Показателен следующий пример: *In fact, the situation has resembled more a phoney or psychological war than a real one. There has been just a handful of deaths, with life continuing normally for most people. The battle has primarily been one of words, rumours and fears, with exaggerated claims from Russian and Ukrainian officials alike;*

They [Easteners]cite imminent threats of violence from Right Sector, a nationalist group from Kiev, though there has been no sign of such activity. [The Financial Times. 18.04.14].

Использование неопределенной информации можно соотнести с одним из видов трансформаций, «в результате которой возникает смысловая реальность, то есть реальность, ментально сконструированная личностью» — «субъективная интерпретация неопределенной информации, основанная на том, что черты и поведенческие проявления других людей имеют тенденцию восприниматься и интерпретироваться в соответствии с уже имеющимся представлением об этих людях» [Зарезина 2004].

Ослабление категоричности в русскоязычных статьях осуществляется схожими способами: с помощью показателей разносторонней интерпретации событий («*разные точки зрения по поводу бурных и трагических событий в Украине*», «*но есть и другой взгляд на события*»), количественных показателей (точных данных опросов), использования прошедшего времени для документирования прошедших событий в хронологическом порядке.

6. Следующим приемом выражения предвзятости является отсутствие связи между тезисом и аргументом. Это намеренная логическая ошибка, которая выявлена только на примере британских статей (подчеркиваем, что речь идет скорее именно о намеренной логической ошибке, а не о подмене понятий, так как намеренное нарушение логических связей в литературном произведении производится «с целью подчеркнуть внутреннее противоречие данного положения») [Лагута 1999]: *Moscow has denied backing the separatists in the east. But the overthrow of Mr Yanukovich's corrupt and discredited government has brought to the surface long-term frictions between the country's mainly Ukrainian-speaking west and Russian-speaking east, exposing rifts between generations and social*

classes [The Financial Times. 18.04.14]. В указанном фрагменте помимо логической ошибки, можно отметить способ выборочного показа сторон явления, а некоторые фрагменты текста характеризуются конвергенцией способов выражения предвзятости.

7. Последним способом выражения предвзятости является цитирование высказываний тех отечественных специалистов по данному вопросу, чье мнение совпадает с концепцией издания или с национальной позицией. Сказанное является наиболее противоречивым способом выражения предвзятости, так как обращение к авторитетному лицу, с одной стороны, свидетельствует о стремлении к большей объективности. Однако, с другой, выбор журналистом мнения того или иного специалиста может быть обусловлен рядом субъективных факторов (целью статьи, заданием редакции):

Yanukovich is now very dependent on a very small group of people,” says James Sherr, a Ukraine expert at London’s Chatham House. “They are all hardline, and all Russian-oriented [The Financial Times. 24.01.14].

Британский эксперт по ситуации в Украине дает неаргументированную негативную оценку лицам в окружении Януковича следующим образом: негативно-оценочная лексема «бескомпромиссный, жесткий» сопровождается повтором местоимения «все» и союзом «и», что акцентирует мысль о неправильности поддержки пророссийского курса в Украине.

В российской АС конфликт в Украине воспринимается как внутренний, поэтому аналитических статей, посвященных боевым действиям, в качественных российских СМИ немного (1/3) по сравнению с популярной прессой (2/3), в основном это публикации информационно-новостного типа. Явления, подвергаемые оценке и анализу, различно представлены в британских и российских АС. Так, например, оценка поддержки ополчения Донбасса российскими солдатами и российским вооружением затрагивается вскользь в русскоязычных АС. В то же время британские АС трактуют конфликт как двусторонний («Россия — Украина»), поэтому о фактах снабжения вооружением, как и о российской символике, упоминается почти в каждой статье об украинском военнополитическом конфликте.

Подводя итог, отметим, что анализ британских и российских аналитических статей, посвященных кризису в Украине, позволил выявить семь наиболее частотных способов выражения предвзятости в британских и четыре — в российских аналитических статьях. Установлено примерное соотношение текстовых фрагментов, репрезентирующих предвзятость при помощи одного приема или конвергенции приемов (соответственно 2:1). Кроме того, материал показал, что наиболее частотным способом выражения предвзятости в статьях обеих стран является использование слов с яркими коннотациями. При этом для российских аналитических статей в целом характерна позитивная тональность, свидетельствующая о сдвиге в пользу личного смысла, в британской же прессе наблюдается перевес негативно-оценочной лексики, что отражает зна-

чительную степень предвзятости. Сказанное также подтверждается разной степенью категоричности в высказываниях. Почему же в российских статьях нет ряда способов выражения субъективной оценки? На наш взгляд, в ситуации кризиса это может быть объяснено стремлением России к коммуникативному компромиссу, желанием скорректировать негативную информацию, транслируемую СМИ и передаваемую в сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : КомКнига, 2006.
2. Горбачев Алексей. Россияне трезвеют в оценках // Независимая газета. 2014. 2 июня.
3. Зарезина С. Н. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации: на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991—2004 гг. : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004.
4. Иванова Г. Ф. Ментальные сферы языка: оценка. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2007.
5. Краткая характеристика аналитических жанров журналистики. URL: http://media.utmn.ru/library_view_book.php?bid=1371&chapter_num=11 (дата обращения: 23.06.14).
6. Лагута О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Ч. 1. Учебно-методическое пособие / отв. ред. Н. А. Лукьянова. — Новосибирск : Новосибир. госуниверситет, 1999.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. URL: <http://azps.ru/hrest/59/8888100.html> (дата обращения: 24.06.14).
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М. : Смысл, 2003.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1999.
10. Пехк-Ивашенко В. Роль экстралингвистических факторов в формировании новостного текста (на материале русскоязычных СМИ Эстонии) : дис. ... канд. филол. наук. — Тарту, 2007.
11. Предвзятость // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/13298/%D0%9F%D1%80%D0%B

I. V. Frolova
Khimky, Russia

ON EXPRESSION OF SUBJECTIVITY IN ANALYTICAL ARTICLES OF THE BRITISH AND RUSSIAN QUALITY PRESS

ABSTRACT. *The article studies the interconnection between evaluation and extra-linguistic factors in the analytical article. The object of the article is the ways of subjectivity expression. The article describes the main extra-linguistic factors of preconception of the author of a written text, and attempts to reveal the distinctive features of preconception, bias, subjectivity and personal meaning. The author relies on descriptive and contrastive-comparative methods as well as elements of contextual and statistical analysis in her paper. A number of ways of expressing preconception and personal meaning are described. The description is based on the conflict in Ukraine covered in analytical articles of the British and Russian quality press. The results of this research reveal: 1) consolidation of individual opinions into general opinion; 2) direct indication of non-acceptance of something without the subject of evaluation; 3) optional demonstration of features of the phenomenon; 4) quotations of native specialists whose opinion coincides with the general emotional and evaluative treatment of the problem described in the given article or with the national position of the country; 5) use of words with the negative seme in the meaning; 6) use of understatement and uncertainty of meaning; 7) lack of connection between the thesis and the argument. In the course of this investigation it has been determined that: 1) the approximate ratio of text fragments, representing preconception with one method or a convergence of methods, is 2:1, correspondingly; 2) the most frequent way of preconception expression in analytical articles of both countries is by the words with powerful connotations; 3) Russian analytical articles are characterized by a positive presentation of material confirming the shift to personal meaning, while in British ones there exists a prevalence of negatively evaluative words which illustrates a certain degree of preconception. Research results can be used in the courses of stylistics, text linguistics and media linguistics.*

KEY WORDS: *subjectivity; bias; personal meaning; preconception; evaluation.*

5. <http://www.psychologos.ru/articles/view/subektivnost> (дата обращения: 24.06.14).
12. Психологический словарь «Планета». URL: http://planeta.ru/dic/11_22.htm (дата обращения: 19.06.14).
13. Словарь Даля онлайн. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 28.09.14).
14. Старостина Ю. С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений. URL: <http://engphil.samsu.ru/ianiuscms/docs/pragmalingua/starostina2.pdf> (дата обращения: 1.06.14).
15. Субъективность // Энциклопедия практической психологии. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/subektivnost> (дата обращения: 24.06.14).
16. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. — М. : ФЛИНТА, 2012.
17. Толковый словарь Ефремовой онлайн. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 28.09.14).
18. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Mnenie-356.html (дата обращения: 24.06.14).
19. Black Ian. Ukraine Crisis: five possible scenarios // The Guardian. 2014. 14 Apr.
20. Buckley Neil, Olearchyk Roman. Ukraine: On the front line // The Financial Times. 2014. 24 Jan.
21. Jack Andrew. Ukraine: The 'war without war' that rumbles on // The Financial Times. 2014. 18 Apr.
22. Luhn Alec. Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine // The Guardian. 2014. 4 March.
23. Luhn Alec. Who are the men rolling into eastern Ukraine in armoured vehicles? // The Guardian. 2014. 16 Apr.
24. Macmillan Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.09.14).
25. Media bias. URL: https://www.princeton.edu/~achaney/tmve/wiki100k/docs/Media_bias.html (дата обращения: 19.06.14).
26. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/bias_1 (дата обращения: 19.06.14).
27. Traynor Ian. Ukraine crisis exposes Europe's policy vacuum // The Guardian. 2014. 23 Jan.

ABOUT THE AUTHOR: *Frolova Irina Valerievna, Assistant Lecturer of Department of Foreign Languages — 1, Financial University under the Government of the Russian Federation; Post-graduate student of Department of English Philology, Moscow State Regional University, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. — M. : KomKniga, 2006. — 280 s.
2. Gorbachev, Aleksey. Rossiyanе trezveyut v otsenkakh. // *Nezavisimaya gazeta*. — 2014. — 2 Iyunya
3. Zarezina S. N. Ustoychivye lichnostnye smysly v aspekte mezhkul'turnoy kommunikatsii : Na materiale statey o Rossii v angloyazychnoy presse za 1991-2004 gg. : dis. ...kand. filol. nauk. — Irkutsk, 2004. — 236s.
4. Ivanova G. F. Mental'nye sfery yazyka: otsenka. — Ufa: Izd-vo BGPU, 2007. — 124s.
5. Kratkaya kharakteristika analiticheskikh zhanrov zhurnalistiki. El. resurs URL: http://media.utmn.ru/library_view_book.php?bid=1371&chapter_num=11; (data obrashcheniya: 23.06.14)
6. Laguta O. N. Uchebnyy slovar' stilisticheskikh terminov. Prakticheskie zadaniya. Chast' 1. Uchebno-metodicheskoe posobie / Otv. red. N. A. Luk'yanova. — Novosibirsk: Novosibirskiy gosuniversitet, 1999. — 71 s.
7. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lich-nost'. El. resurs URL:<http://azps.ru/hrest/59/8888100.html>; (data obrashcheniya: 24.06.14)
8. Leont'ev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti. — M. : Smysl, 2003. — 487s.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slo-var' russkogo yazyka. — M. : Azbukovnik, 1999. — 944s.
10. Pekhk-Ivashchenko V. Rol' ekstralingvisticheskikh faktorov v formirovanii novostnogo teksta (na materiale russkoyazychnykh SMI Estonii): dis. ...kand. filol. nauk. — Tartu, 2007. — 148s.
11. Predvzyatost'. // Entsiklopedicheskiy slovar' po psikhologii i pedagogike. El. resurs URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/13298/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (data obrashcheniya: 24.06.14)
12. Psikhologicheskiy slovar' «Planeya». El. resurs URL: http://planey.ru/dic/1/1_22.htm (data obrashcheniya: 19.06.14)
13. Slovar' Dalya onlayn. El.resurs URL: <http://slovardalja.net/> (data obrashcheniya: 28.09.14)
14. Starostina Yu. S. Interpretatsiya lingvisticheskoy otsenki v terminakh aksiologicheskikh suzhdeniy. El. resurs URL: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/pragmalingua/starostina2.pdf> (data obrashcheniya: 1.06.14)
15. Sub'ektivnost'. // Entsiklopediya prakticheskoy psikhologii. El.resurs URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/subektivnost> (data obrashcheniya: 24.06.14)
16. Tarasova I. A. Poeticheskij idiosil' v kognitivnom aspekte. — M. : FLINTA, 2012. — 196s.
17. Tolkovyy slovar' Efremovoy onlayn. El. resurs URL: <http://www.efremova.info/> (data obrashcheniya: 28.09.14)
18. Entsiklopediya epistemologii i filoso-fii nauki. El. resurs URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Mnenie-356.html (data obrashcheniya: 24.06.14)
19. Buckley, Ian. Ukraine Crisis: five possible scenarios. // *The Guardian*. — 2014. — 14 April
20. Buckley, Neil; Olearchyk Roman. Ukraine: On the front line. // *The Financial Times*. — 2014. — 24 January
21. Jack, Andrew. Ukraine: The 'war without war' that rumbles on. // *The Financial Times*. — 2014. — 18 April
22. Luhn, Alec. Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine. // *The Guardian*. — 2014. — 4 March.
23. Luhn, Alec. Who are the men rolling into eastern Ukraine in armoured vehicles? // *The Guardian*. — 2014. — 16 April
24. Macmillan Dictionary and Thesaurus. Эл. ресурс URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.09.14)
25. Media bias. Эл. ресурс URL: https://www.princeton.edu/~achaney/tmve/wiki100k/docs/Media_bias.html (дата обращения: 19.06.14)
26. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. Эл.ресурс URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/bias_1 (дата обращения: 19.06.14)
- Traynor, Ian. Ukraine crisis exposes Europe's policy vacuum. // *The Guardian*. — 2014. — 23 January

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Ю. М. Сергеева.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1"42
ББК ШП41.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Д. А. Алексеева
Саратов, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье приведен анализ метафоризации лексики сферы экономических отношений на примере шести глагольных лексико-семантических групп, входящих в семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения». В работе подтверждается наличие прочных семантических связей между лексикой экономической и политической сфер по факту актуальности использования метафор на базе газетных текстов 2000-х гг., а также анализируется влияние, которое оказало изменение политической и экономической ситуации в обществе на менталитет нации. Литературные метафоры на базе рассматриваемого семантического поля проецируются в новую понятийную область, близкую по смыслу к экономической сфере при сохранении фрейма ситуации с заменой слота «деньги» на «абстрактную валюту» (просьбы, обмен и т. д.). Результатом действия становится получение власти над неживыми объектами или другими людьми. Сленговые же метафоры не всегда сохраняют эту модель переноса, для них в качестве новых понятийных областей могут выступать «Наркотики», «Умственные способности и их оценка», «Частные межличностные ситуации», «Конфликт», «Спорт», при этом спортивная метафора частотна. Также для литературных метафор характерно регулярное фиксирование в общественно-политических текстах 2000-х гг., а сленговые не встретились в исследованных источниках по причине быстрого обновления фонда сленговой лексики, в связи с интенциями авторов и спецификой самих текстов рассматриваемой тематики. Что касается психологического компонента восприятия сферы имущественных и товарно-денежных отношений, то, вопреки исторически сложившейся традиции, современный носитель языка воспринимает ее положительно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора; русский язык; СМИ; финансы; экономика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алексеева Дина Алексеевна, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики; преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и лингводидактики; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; адрес: 410028, г. Саратов, ул. Вольская, д. 10, 12 корп., ауд. 126; e-mail: alexeeva.collect@gmail.com.

Во взаимоотношениях между странами ключевую роль играют два аспекта: политический и экономический. Как показывают стремительно развивающиеся события последнего календарного года, экономические интересы государства могут существенно корректировать выбор политического курса: ввод антироссийских санкций странами — членами ЕС и последовавшие за ними политические разногласия в Евросоюзе; увеличение экономических контактов между РФ и Китаем; подписание масштабных соглашений в целях переориентации рынков сбыта и т. д.

Соответственно, наличие такой связи между экономической и политической составляющими жизни общества должно отражаться и в языке. Для проверки данной гипотезы обратимся к материалам словарей и газетного подкорпуса НКРЯ.

За исходную понятийную область (здесь и далее используется терминология, принятая в работе А. П. Чудинова [Чудинов 2001: 45—46]) возьмем семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения» и рассмотрим внутри него единицы литературного языка и сленга (согласно сформулированному Р. И. Розиной определению сленга как некой нестандартной подсистемы лексики современного русского языка, «которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социолингвистической ситуации — и в публичной речи)» [Розина 2005: 15], что позволяет нам привлечь словари сленга и жаргона). Привлечение материала сленга поможет нам

охватить не только статику языковой метафоры, но и ее динамику: «...под динамикой понимается сам процесс метафорического переосмысления, проявляющийся в выборе того, а не иного признака (или комплекса признаков) как символа переноса. Говоря о статике, мы имеем в виду уже сформировавшуюся и функционирующую в языке метафору» [Скляревская 1987: 60].

В рамках рассматриваемого СП выделим шесть лексико-семантических групп (ЛСГ):

- 1) «Приобрести что-либо в собственность законно, уплатив за это денежные средства» (назовем ее условно ЛСГ-1),
- 2) «Приобрести что-либо в собственность незаконно, не уплатив за это» (ЛСГ-2),
- 3) «Вести коммерческую деятельность» (ЛСГ-3),
- 4) «Долговые обязательства» (ЛСГ-4),
- 5) «Материальное положение и его изменение» (ЛСГ-5),
- 6) «Материальные ценности» (ЛСГ-6).

Рассмотрим метафоры, образующиеся от глаголов указанных ЛСГ:

- в самую крупную, ЛСГ-1, входят такие единицы русского литературного языка, как *купить, откупить, подкупить, закупить, выторговать*, и следующие сленговые единицы: *выкупать, отовариться, перекупить, покупать, прикупить, приватизировать*;

- состав метафор в ЛСГ-2 почти в два раза меньше и включает следующие единицы: *украсть, расхищать, ограбить, обокрасть, прикрасть*;

- такие единицы, как *котироваться, обсчитывать, платить, спекулировать, торговаться* и

© Алексеев Д. А., 2015

маклячить, отражают скорее сам процесс перехода неких объектов из собственности одного лица (или группы лиц) в собственность другого лица (или групп лиц), т. е. тяготеют по семантике к ЛСГ-3;

- ЛСГ-4 представлена единицами *взыскать, одолжить, расквитаться, расплатиться, расчитаться, считаться, сквитаться*;

- ЛСГ-5 включает, например, такие лексемы, как *нажить, обогатить, обогатиться, разжиться, нищать, нуждаться, обанкротиться, обнищать, разоряться*;

- в состав ЛСГ-6 входят глаголы *оценить, обесценить, расценивать, расценить, ценить, владеть, иметь, обладать, поиметь, разменять*.

Новая понятийная область для литературной метафоры в рамках ЛСГ-1 семантически близка исходной «Приобрести что-либо в собственность» с той разницей, что отсутствует важный компонент уплаты или неуплаты денежных средств. Например, *купить* — *приобрести за деньги* → *расположить чем-либо в свою пользу, вызвать чью-либо симпатию или подкупить* — *привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками и т. п.* → *расположить в свою пользу, вызвать чью-либо симпатию*. Получение чего-либо в собственность достигается с помощью иной «валюты» абстрактного, метафизического характера, как в случае с *выторговывать* — *торгуясь, добиться уступки в цене* → *добиться чего-либо, получить что-либо в результате просьб, уговоров и т. п.*

Таким образом, фрейм ситуаций остается прежним с заменой слота «деньги» на слот «просьбы», «уговоры», «обаяние», «личные качества» и т. д. Метафорический перенос осуществляется на основании компонента «получить власть над». Разница заключается в том, что при употреблении лексической единицы в ее прямом значении некто наделяется властью, чаще всего над неживым объектом, а при метафорическом использовании — над человеком или группой лиц (склонить на свою сторону можно силы, за которыми стоят конкретные люди, равно как и симпатия вызывается именно у конкретных людей, а не у каких-то абстрактных сообществ).

В рамках ЛСГ-2 и ЛСГ-6 общая структура ситуации также остается неизменной: у глагола *украсть* от исходного значения *присвоить себе чужую собственность* образуется вторичное *воспользоваться чем-либо в ущерб другому, за счет другого, владеть* — *иметь что-нибудь в собственности, обладать* переходит в *иметь навык, искусно действовать* с аналогичной заменой слота «собственность» на абстрактное «что-либо».

Единицы ЛСГ-3 либо также сохраняют фрейм ситуации с подменой слота «деньги» на «нечто абстрактное» (чувства, здоровье, сама жизнь — как в случае с *платить, спекулировать* и т. д.), либо изменяют слот (например, «объект действия»: *котироваться* — *иметь ценность на рынке* → *получать оценку в глазах общества*). При метафоризации лексики ЛСГ-5 отмечается аналогичная замена слота «материальные блага» на «духовность».

Структура ситуации в ЛСГ-4 подразумевает более глобальные результаты, так как если глаголы *расчитаться* и *сквитаться* в своем прямом значении охватывают, как правило, частную ситуацию, то метафоры включают в себя компонент масштабности последствий (*сквитаться* — *расплатившись, перестать быть должным* → *отомстить за нанесенную обиду, оскорбление*).

Сленговые метафоры иногда повторяют эту же модель переноса (*купить, приватизировать* — *украсть что-либо, перекупить* — *угол. передать краденое сообщнику, торговать* — *воровать*). Но в большинстве случаев понятийные область-источник и область-мишень у этих единиц значительно отдалены друг от друга в тематико-семантическом отношении. Перенос смысла осуществляется в актуальные для носителей сленга понятийные области, например:

- «Наркотики» (*выкупать* в значении *ощущать воздействие наркотика*),

- «Физические действия, прямая номинация которых в той или иной степени табуирована в литературном языке» (*отоварить* — *совершить половой акт, приватизировать* — *вступить в близкие отношения, торговать* — *заниматься проституцией*),

- «Умственные способности и их оценка» (*выкупать* в значениях *понимать / рассмотреть что-либо и высказать свое мнение / узнать о чем-либо, догадаться, прикрасить* — *совершить неожиданный (как правило, неумный) поступок; сделать, сказать глупость*),

- «Частные межличностные ситуации» (*купить* в значениях *обмануть, разыграть кого-либо / спровоцировать кого-либо на что-либо, покупать, прикупить* — *угол. обманывать кого-либо, прикупить* — *угол. найти слабую струнку в характере кого-либо / сделать кого-либо зависимым, используя компрометирующие материалы*),

- переходящие в открытый «Конфликт» (*отовариться* — *получить наказание, купить* в значении *задержать, арестовать*),

- «Спорт» (*обокрасить* — *спорт.: баск., футбол. отбросить мяч у соперника, отоварить* — *победить кого-либо*).

Уточним, что сленговые метафоры рассматриваются не в противопоставлении литературным, а в качестве дополнения к ним.

Обоснуем выделение двух отдельных ЛСГ (ЛСГ-1 и ЛСГ-2) в рамках «Приобрести что-либо в собственность» не только по признаку законности, но и по признаку уплаты/неуплаты денежных средств: при рассмотрении активности метафорических процессов в диахронии выявляется принцип «нестяжательности», исконно присущий русской культуре [Степанов 1997]. Однако этот принцип мог утратиться или видоизмениться в связи с историческими процессами, происходившими в нашей стране: эпоха социализма сменилась эпохой рыночных отношений. Сопровождавшее ее первичное накопление капитала привело к определенным изменениям в мышлении и самосознании отдельных граждан, так как метафора «является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата <...>

картины мира» [Чудинов 2013: 23]. Изначально наличие собственности трактовалось однозначно положительно, а приобретение или передача (в том числе, законно) воспринималось как действие недостойное; также воспринимались отрицательно посредники, перекупщики и все те, для кого эта сфера деятельности является профессией [Балашова 2001, 2011]. Теперь же, в изменившихся социальных и экономических условиях, должен был пройти процесс переосмысления этих видов деятельности как положительных.

Так как для получения полной картины необходим более широкий спектр понятий, в анализ также была включена ЛСГ-3 «Вести коммерческую деятельность», отражающая нечто, что было чуждо для нашей страны практически на протяжении 74 лет, и ЛСГ-4, ЛСГ-5, ЛСГ-6, которые интересны нам тем, что не включают в себя неологизмов, а входящие в их состав единицы не претерпевали существенных изменений в диахронии, хотя процессы метафоризации на их базе не были активны вплоть до XVIII в.: «Развитие экономики и банковской системы, усиление их общей значимости в жизни социума приводят к активизации именно этих пластов лексики как источника метафоризации. Начало этого процесса можно наблюдать уже в XVIII в.» [Балашова 2014: 229].

Для решения нашей задачи (а именно: проследить, оказало ли изменение политической и экономической ситуации в обществе влияние на менталитет нации) обратимся к НКРЯ.

В Национальном корпусе русского языка газетный подкорпус интересует нас больше всего за счет его полноты и актуальности по временному параметру языкового материала. Материалы НКРЯ покрывают значимый для нас временной промежуток, так как, по утверждению Е. В. Колотниной, «современные публицистические тексты, посвященные проблемам экономики, отличаются от публикаций предшествующей эпохи меньшей декларативностью, тенденцией к использованию максимального арсенала коммуникативных стратегий и тактик, стремительной экспансией варваризмов, жаргонизмов и неологизмов, а также активным использованием самых разнообразных выразительных средств, в том числе метафорических» [Колотнина 2001: 5].

Напомним, что данный корпус содержит в себе статьи 2000-х гг. таких общественно-политических печатных газет, как «Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда» и электронных агентств — РИА «Новости», РБК, «Новый регион». Нам также важны принципы формирования газетного корпуса: «Каждый год выпуска должен быть представлен одинаковым объемом текстов в несколько десятков миллионов словоупотреблений» [Национальный корпус русского языка: состав и структура], что гарантирует репрезентативность используемых материалов.

Единицы ЛСГ-1 имеют регулярное употребление в интересующем нас метафорическом значении, например: *Конфликт «Единой России» со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым закончился мировым соглашением. «Справедливая Россия» смогла выторговать себе право выдвигать своих представителей на ру-*

ководящие посты в парламентах регионов [Матвеева 2010].

Газетный корпус свидетельствует, что глагол *подкупать* вообще в большинстве контекстов используется в переносном значении либо при описании людей: *Подкупает в казанцах уважительное отношение к несчастьям соперников* [Беляков 2010], *Забота о несовершеннолетних сотрудниках, конечно, подкупает* [Курцев 2009], либо при описании неживых объектов: *Обычно они <кальвадосы> немного резковаты, но подкупают озорством и дружелюбной прямолинейностью* [Сидоров 2011]. Отмечается высокая частотность дериваций с тем же значением: *подкупающая улыбка / прямота/непосредственность/искренность* и т. д.

Купить и *закупить* часто используются в переносном смысле в спортивном дискурсе для обозначения перехода игроков из одного клуба в другой по инициативе руководства: *если у «Зенита» поначалу что-то пойдет не так, клуб в состоянии исправить ситуацию, купив столько новых звезд, сколько необходимо. Клуб может себе позволить перекупать игроков у менее богатых конкурентов — это огромное преимущество* [Тарасенко 2011]; *на выделенные на летние трансферы 80 миллионов фунтов «Челси» рассчитывает закупить кого-то из самых зажигательных игроков мирового футбола* [Смирнов 2011].

Единицы ЛСГ-2 часто используются для обоснования носящей отрицательный характер политической или общественной позиции человека или группы лиц по отношению:

— к частным лицам (*он меня любил, а ты украла его у меня* [Галкина 2010], *у вас гол украли* [Нестеров, Пономаренко 2011]);

— определенным организациям (*Они украли у нас мечту — сказал мне после матча знакомый болельщик, на глазах которого наворачивались слезы* [Кадаев 2011]);

законам (*Почему их тоже не грабят дополнительными налогами?* [Лившиц 2010]);

— политическим силам (*Да, в туре президентских выборов тогда у Виктора Януковича украли победу, но народ в итоге, когда «оранжевые» пустили страну вразнос, дал свою оценку* [Сергеева А. 2011]; *Новый политический сезон начался со скандала. «Единая Россия» украла бренд у партии «Справедливая Россия»* [Морокова 2010]).

Несмотря на отрицательную коннотацию, которую имеют как исходные, так и переносные значения единиц ЛСГ-2, спортивная метафора на основе лексики этой ЛСГ отражает положительное отношение к происходящему, так как описывает ситуацию, когда «свой» игрок обыгрывает «чужого». В целом спортивная метафора на базе рассматриваемого СП имеет высокую частотность: например, из 114 вхождений по глаголу *обкрадывать* 33 (т. е. почти треть) метафоричны и относятся к отбиранию мяча или шайбы (*Вратарь «красно-белых» Дикань в собственной штрафной площади завозился с мячом, и его обокрал форвард «Крыльев» Драган Елич* [Лисовский 2010]; *Курьянов обкрадывает защитников и кладет шайбу точно в «домик»* [Беляков 2006]).

Стоит обратить внимание, что единицы ЛСГ-3 используются в отрицательных конструкциях, при этом есть косвенные указания на то, что сами эти единицы воспринимаются положительно: *Ироническое осмысление жизни на «Оскаре» всегда **котируется** хуже, чем фильмы, ясные с первых кадров* [Сергеева Ж. 2011]; *Не брали наших тренеров, не **котировались** они. Иранцы предпочитали работать с европейскими специалистами* [Абрамов 2011]; *Не зря армия так низко **котируется** — хуже зоны* [КП 2010]. Единицы данной ЛСГ в своем метафорическом значении представлены неравномерно: газетный подкорпус либо фиксирует конкретную единицу только в основном значении, либо метафоры на основе данной единицы достаточно частотны, что позволяет говорить о коннотациях, приобретаемых переносными значениями. Зафиксированные коннотации, как правило, положительны.

Отметим и тот факт, что, несмотря на устойчивость в литературном языке метафоры **платить** — *поступать каким-либо образом в ответ на чье-либо действие, чувство, отношение и платить высшую плату, жертвовать собой ради чего-то*, в первых 100 контекстах из более чем 20 тысяч **платить** ни разу не употребляется в переносном значении, равно как и глагол **торговать** в первых ста контекстах самостоятельно не употребляется в переносном значении, только в составе словосочетаний **торговать смертью** (*Например, мы провели акцию «Сообща, где **торгуют** смертью»*). В Кирове на телефоны доверия поступило 58 обращений от граждан [Зайцева 2011] и **торговать воздухом** (*А интернет-агентства пока **торгуют** воздухом. Вчера руководство Москвы объявило, что проведение чемпионата мира по фигурному катанию обойдется ей в 207 миллионов рублей <...> Одновременно с этим появилась информация, что билеты будут стоить от 200 до 3000 рублей. Однако некоторые билетные агентства уже объявили о начале продаж* [Смирнов 2011]). Сложившуюся ситуацию можно объяснить общей специфической газетных текстов, в которых все-таки должна преобладать фактологическая информация.

Метафоры на основе ЛСГ-4 стабильно пополняют спортивный дискурс (**расквитаться** за поражение девятилетней давности [Левит 2010]; *хавбек Роман Широков признал, что в Голландии команда получила по заслугам, слово **расплатившись** за игру на ноль в матче на Суперкубок с ЦСКА* [Дмитриенко 2011]) и подтверждают факт наличия более масштабных последствий для прямого значения слова: *Совсем недавно в городе Сальске убит 76-летний пенсионер Юрий Ермоленко. Убийца — его 55-летний сосед. Несколько лет назад мужчины уже выясняли отношения при помощи оружия. Тогда был ранен Василий Лукьяшко, **скептавшийся** нынче за давнюю обиду* [Жарков 2004].

Единицы ЛСГ-5 на материале газетного подкорпуса демонстрируют частотные употребления в переносном смысле, зафиксированном в словарях: **нажить завистников /врагов, обогатить арсенал средств судебной защиты, обогатить уран или обанкротиться** в значении *потерпеть крах: Регуляторная система, существо-*

*вавшая до кризиса 2008 года, самого глубокого после Великой депрессии 20—30-х годов прошлого века, **обанкротилась** и стала архаичной* [Стуруа 2010], при этом метафоры на базе ЛСГ-5 «Материальное положение и его изменение» не имеют ярко выраженного оценочного характера.

Клишированность устойчивых словосочетаний с единицами ЛСГ-6 привела к подавляющему количеству вхождений именно в переносном значении: **ценить** *директора/дружбу/время/терпение/безопасность* и т. д., **расценить** *меры/желание как недопустимые/шутку* и т. д., **иметь** *отношение / право голосовать / в виду / не иметь ничего против* и т. д. ЛСГ «Материальные ценности» закономерно сохраняет положительную коннотацию при метафоризации, что соответствует историческому развитию лексики данного раздела.

На материале газетного корпуса НКРЯ не зафиксировано употребление сленговых единиц в значениях, которые дают словари Т. Г. Никитиной, В. М. Мокиенко, М. А. Грачёва и С. И. Левиковой [Мокиенко, Никитина 2001; Никитина 2004; Левикова 2003; Грачёв 2006].

Подводя итоги, отметим, что семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения», в рамках которого были рассмотрены шесть глагольных лексико-семантических групп, проецирует литературные метафоры в новую понятийную область, близкую по смыслу к экономической сфере, при сохранении фрейма ситуации с заменой слота «деньги» на «абстрактную валюту» (просьбы, обман и т. д.). Результатом действия становится получение власти над неживыми объектами или другими людьми.

Сленговые же метафоры не всегда сохраняют эту модель переноса, для них в качестве новых понятийных областей могут выступать «Наркотики», «Умственные способности и их оценка», «Частные межличностные ситуации», «Конфликт», «Спорт», при этом спортивная метафора частотна.

Если литературные метафоры регулярно фиксируются в общественно-политических текстах 2000-х гг., то сленговые не встретились в исследованных источниках (кроме **обокрасть** в спортивном дискурсе), что связано с тремя факторами: а) быстрым обновлением фонда сленговой лексики, которое не успевают фиксировать соответствующие словари; б) желанием авторов газетных текстов избежать употребления в статьях сниженной, не литературной лексики; в) спецификой самих текстов общественной и политической тематики, целью которых является охват максимальной аудитории, что может быть затруднено при активном использовании сленговых единиц, значение которых может быть непонятно некоторым слоям населения.

В то время как лексика ЛСГ-6 «Материальные ценности» исторически имеет положительную коннотацию, ЛСГ-3 «Вести коммерческую деятельность» ее постепенно приобретает. А учитывая наличие позитивной оценки в прагматической области семантики метафор на базе ЛСГ-1 (сохранение отрицательной оценки присуще ЛСГ-2 «Приобрести что-либо в собственности незаконно, не уплатив за это» вполне логично),

сделаем вывод, что в языковой картине мира носителей русского языка всё же произошел некий сдвиг: если раньше передача собственности через торговые отношения воспринималась отрицательно, то теперь носитель языка не против принять активное участие в экономических отношениях и выторговать себе более выгодные условия.

ИСТОЧНИКИ

1. *Абрамов В.* Почему нас держат за буратин? // Советский спорт. 2011. 9 февр.
2. *Беляков К.* «Наш „Ак Барс“ непобедим!». Репортаж из фан-сектора казанской команды, где хоккей становится праздником // Советский спорт. 2010. 17 апр.
3. *Беляков К.* Провинившихся «милиционеров» накажут рублем // Советский спорт. 2006. 23 дек.
4. *Галкина Г.* Бетт Мидлер: «Мы не ненавидим Мэрил Стрип, а просто хотим, чтобы она поменьше снималась» // Труд-7. 2010. 1 авг.
5. *Дмитриенко И.* «Спартак» — в четвертьфинале, а «Зенит» — в пролете // Труд-7. 2011. 16 марта.
6. *Жарков В.* «ЗАБЕРИТЕ МОЙ ПУЛЕМЕТ» // Труд-7. 2004. 12 мая.
7. *Зайцева А.* (Киров). Шестиклассники пришли переписывать диктант под кайфом // Комсомольская правда. 2011. 30 марта.
8. *Кадаев М.* После первого тайма матча «Ростов» — «Алания» один из братьев Пономаренко хотел уйти со стадиона // Комсомольская правда. 2011. 12 мая.
9. *КП:* Сержант, который обжег в Омске солдат утюгом, полгода проведет в дисбате // Комсомольская правда. 2010. 23 нояб.
10. *Курцев А.* Детей спасут от рабства // Труд-7. 2009. 20 нояб.
11. *Левит А.* Чемпион мира Владимир Кличко: «Такой клоунады давно не видел!» // Советский спорт. 2010. 22 июля.
12. *Лившиц А.* Наказание невиновных // Известия. 2010. 20 окт.
13. *Лисовский А.* «Крылья» отвоевали у «Спартака» в Москве ничью // Комсомольская правда. 2010. 14 нояб.
14. *Матвеева А.* Эсэров научили Пугина любить // РБК Daily. 2010. 9 февр.
15. *Морокова А.* Вперероссы-плагиаторы // Новый регион 2. 2010. 24 сент.
16. *Национальный корпус русского языка: состав и структура.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpoa-structure.html> (дата обращения: 4.07.2014).
17. *Национальный корпус русского языка: газетный корпус (корпус современных СМИ).* URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-raper.html> (дата обращения: 22.11.2014).
18. *Нестеров Д., Пономаренко Д.* Вратарь «Локомотива» Александр Вьюхин: «Уже до цирка дошло!» // Советский спорт. 2011. 28 марта.
19. *Тарасенко И.* Не дайте нам заснуть! Евгений Ловчев на встрече с читателями поделился ожиданиями от нового сезона // Советский спорт. 2011. 12 марта.
20. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. 1935—1940. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 15.11.2014).
21. *Сергеева А.* Партия Януковича не хочет преследовать Ющенко за «оранжевый переворот» // Новый регион 2. 2011. 4 апр.
22. *Сергеева Ж.* Почему им не дали Оскар // Труд. 2011. 1 марта.
23. *Сидоров А.* Солнце восходит в Нормандии // РБК Daily. 2011. 18 марта.
24. *Смирнов Д.* Абрамовичу захотелось сексуального футбола // Комсомольская правда. 2011. 3 мая.
25. *Смирнов Д.* Билеты на чемпионат мира появятся в апреле // Комсомольская правда. 2011. 30 марта.
26. *Стуруа М.* (Миннеаполис). Уолл-стрит под синей коробкой // Известия. 2010. 20 июля.

ЛИТЕРАТУРА

27. *Балашова Л. В.* Социальная метафора и языковая картина мира (на материале русского языка XI—XX вв.) // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М., 2001. С. 36.
28. *Балашова Л. В.* История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.
29. *Балашова Л. В.* Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014.
30. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998.
31. *Грачёв М. А.* Словарь современного молодежного жаргона. — М. : Эксмо, 2006.
32. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М. : Русский язык, 2000.
33. *Колотнина Е. В.* Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Колотнина Елена Владимировна. — Екатеринбург, 2001.
34. *Левикова С. И.* Большой словарь молодежного сленга. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003.
35. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. — СПб. : Норинт, 2001.
36. *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг : толковый словарь. — М. : Астрель : АСТ, 2004.
37. *Розина Р. И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. — М., 2005.
38. *Склярская Г. Н.* Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 58—65.
39. *Степанов Ю. С.* Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
40. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
41. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.

D. A. Alekseyeva
Saratov, Russia

SOCIO-ECONOMIC METAPHORS IN MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article presents the results of the analysis of metaphors based on the sphere of economic relations on the material of six lexico-semantic groups within the semantic field of "Property and commodity-monetary relations". Considering the relevance of metaphorical usage in the media of the 2000s, the paper argues that there are strong semantic links between the vocabulary of economic and political spheres. The possible influence that the change of a political and economic situation in the society had on the mentality of the nation is analyzed. Literary metaphors on the basis of the considered semantic field are projected upon the new conceptual area, which is close to the economic sphere in meaning; they keep the same situation frame replacing the slot "money" for the slot "abstract currency" (requests, fraud, etc.) while the result of the action is getting power over inanimate objects or other people. Slang metaphors do not always keep to this model; their new conceptual areas are "Drugs", "Mental capacities and their evaluation", "Private interpersonal situations", "Conflicts", "Sports", with the latter being the most frequent. Furthermore, literary metaphors are typical of socio-political media texts of 2000s, while the author did not come across slang metaphors in the texts under analysis because of the fast renewal of slang vocabulary, the authors' intensions and the specific character of the texts on the considered subject. As for the psychological perception of the sphere of "Property and commodity-monetary relations", despite the historically developed tradition, modern Russian native speakers give it a positive evaluation.*

KEY WORDS: *metaphor; the Russian language; media; finances; economics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alekseyeva Dina Alekseyevna, Post-graduate Student of Department of Language Theory, History, and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism; Assistant Lecturer of Department of the English Language and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Language Teaching Methods, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky.*

RESOURCES & LITERATURE

1. Abramov V. Pochemu nas derzhat za buratin? // Sovetskiy sport, 2011.02.09.
2. Belyakov K. «Nash «Ak Bars» nepobedim!». Reportazh iz fan-sektora kazanskoy komandy, gde khokkey stanovitsya prazdnikom // Sovetskiy sport, 2010.04.17.
3. Belyakov K. Provinivshikhhsya «militsonerov» nakazhut rublem // Sovetskiy sport, 2006.12.23.
4. Galkina G. Bett Midler: «My ne nenavidim Meril Strip, a prosto khotim, chtoby ona pomen'she snimalas'» // Trud-7, 2010.08.01.
5. Dmitrienko I. «Spartak» — v chetvert'finale, a «Zenit» — v prolete // Trud-7, 2011.03.16
6. Zharkov V. ZABERITE MOY PULEMET' // Trud-7, 2004.05.12.
7. Zaytseva A. (Kirov). Shestiklassniki prishli perepisyvat' diktant pod kayfom // Komsomol'skaya pravda, 2011.03.30.
8. Kadaev M. Posle pervogo tayma matcha 'Rostov' — 'Alaniya' odin iz brat'ev Ponomarenko khotel uyti so stadiona // Komsomol'skaya pravda, 2011.05.12.
9. KP: Serzhant, kotoryy obzheg v Omske soldat utyugom, polgodu provedet v disbate // Komsomol'skaya pravda, 2010.11.23.
10. Kurtsev A. Detey spasut ot rabstva // Trud-7, 2009.11.20.
11. Levit A. Chempion mira Vladimir Klichko: Takoy klounady davno ne videl! // Sovetskiy sport, 2010.07.22.
12. Livshits A. Nakazanie nevinovnykh // Izvestiya, 2010.10.20.
13. Lisovskiy A. «Kryl'ya» otvoevali u «Spartaka» v Moskve nich'yu // Komsomol'skaya pravda, 2010.11.14.
14. Matveeva A. Eserov nauchili Putina lyubit' // RBK Daily, 2010.02.09.
15. Morokova A. Vpererossy-plagiatory // Novyy region 2, 2010.09.24.
16. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: sostav i struktura. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html> (data obrashcheniya 4.07.2014).
17. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: gazetnyy korpus (korpus sovremennykh SMI). URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html> (data obrashcheniya 22.11.2014).
18. Nesterov D. , Ponomarenko D. Vratar' «Lokomotiva» Aleksandr V'yukhin: Uzhe do tsirka doshlo! // Sovetskiy sport, 2011.03.28.
19. Tarasenko I. Ne dayte nam zasnut! Evgeniy Lovchev na vstreche s chitatel'nyami podelilsya ozhida-niyami ot novogo sezona // Sovetskiy sport, 2011.03.12.
20. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova. 1935-1940. URL: <http://dic.academic.ru> (data obrashcheniya 15.11.2014).
21. Sergeeva A. Partiya Yanukovicha ne khochet presledovat' Yushchenko za «oranzhevyy perevorot» // Novyy region 2, 2011.04.04.
22. Sergeeva Zh. Pochemu im ne dali Oskar // Trud, 2011.03.01.
23. Sidorov A. Solntse voskhodit v Normandii // RBK Daily, 2011.03.18.
24. Smirnov D. Abramovichu zakhotelos' seksual'nogo futbola // Komsomol'skaya pravda, 2011.05.03.
25. Smirnov D. Bilety na chempionat mira poyavyatsya v aprele // Komsomol'skaya pravda, 2011.03.30.
26. Sturua M. (Minneapolis). Uoll-strit pod siney korobkoy // Izvestiya, 2010.07.20.
27. Balashova L. V. Sotsial'naya metafora i yazykovaya kartina mira (na materiale russkogo yazyka XI-XX vv.) // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. — M. , 2001. S. 36.
28. Balashova L. V. Istoriya Russkoy Metafory: kognitivnyy aspekt. — Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 544 s.
29. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI-XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2014. 632 s.
30. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. / Gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb.: Norint, 1998. 1536 s.
31. Grachev M. A. Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona. — M. : Izd-vo Eksmo, 2006. 672 s.
32. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. — M. : Russkiy yazyk, 2000. 1233 s.
33. Kolotnina E. V. Metaforicheskoe modelirovanie deystvitel'nosti v russkom i angliyskom ekonomicheskom

diskurse: dis... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20 / Kolotnina Elena Vladimirovna. — Ekaterinburg, 2001. — 261s.

34. Levikova S. I. Bol'shoy slovar' molodezhnogo slenga. — M. : FAIR-PRESS, 2003. 928 s.

35. Mokienko V. M. , Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb.: «Norint», 2001. 720 s.

36. Nikitina T. G. Molodezhnyy sleng: Tolkovyy slovar'. — M. : OOO «Izd. Astrel», OOO «Izd. AST», 2004. 912 s.

37. Rozina R. I. Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennom slenge: glagol. — M., 2005. 302 s.

38. Sklyarevskaya G. N. Yazykovaya metafora v slovare. Opyt sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykozvaniya. — M. : Nauka, 1987. №2. S. 58-65.

39. Stepanov Yu. S. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 824 s.

40. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000): Monografiya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

41. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: Monografiya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. П. Хижняк.

Ю. В. Горшунов
Бирск, Россия
Е. Ю. Горшунова
Москва, Россия

ВЕРБАЛЬНАЯ ЭТНОАГРЕССИЯ НА СТАДИОНАХ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются проявления вербальной агрессии футбольных фанатов, направленной на представителей иной лингвокультуры, иной этнической группы, поскольку они поддерживают команду противника и болеют за нее и, соответственно, воспринимаются болельщиками принимающей стороны как соперник, противник, враг, чужой. Проблема футбольного хулиганства и вербальной агрессии как ее составляющей, поднятая в статье, рассматривается прежде всего как социокультурная, а точнее, как межкультурная проблема, которая волнует многих людей — блюстителей порядка и законодателей, социологов и психологов, культурологов и журналистов, а также спортивные клубы, которые несут огромные убытки из-за штрафов за агрессивное поведение своих болельщиков, широкую спортивную общественность, обывателей и ревнителей языка.

В фокусе внимания авторов находятся этнически ориентированные вербальные оскорбления и инвективы, которые футбольные фанаты используют для унижения, дискредитации и дегуманизации представителей иных этнических групп. Вербальная этноагрессия связывается с изменившейся и быстро меняющейся демографической ситуацией в странах Евросоюза, а именно с иммиграционной проблемой, затронувшей наиболее благополучные европейские страны — Францию, Германию и Италию. В связи с этим этноагрессия на стадионах рассматривается главным образом на примере Италии, которая стала «перевалочным пунктом» для многих североафриканских беженцев и мигрантов из южноевропейских стран.

Объектом и жертвой этнических и расистских оскорблений и выпадов становятся даже отдельные спортсмены, примером чему является чернокожий футболист ганского происхождения Марио Балотелли. Запреты для болельщиков выкрикивать речовки и слоганы расистского содержания воспринимаются в Италии как дискриминационные и несправедливые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальная агрессия, вербальная этноагрессия; субкультура футбольных фанатов, этнолингвокультура, этнический ярлык, дискредитация, дегуманизация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал); адрес: 452453, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; e-mail: gorshunov_@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горшунова Елизавета Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва); адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1; e-mail: ms.gorshunova_@gmail.com.

Проблема футбольного хулиганства на стадионах во время проведения матчей и послематчевой агрессии, нередко являющейся естественным продолжением агрессивного поведения на трибунах стадиона, — это не только социальная проблема, но проблема межкультурная, межэтническая и лингвистическая. Она волнует полицию, призванную соблюдать и поддерживать порядок, законодателей, социологов, психологов, культурологов, спортивные клубы, которые получают большие штрафы за агрессивное поведение своих болельщиков, широкую спортивную общественность, журналистов и ревнителей языка.

Обычно футбольное хулиганство ассоциируется с субкультурой футбольных фанатов, но вряд ли стоит отождествлять фанатов и футбольных хулиганов, которые дискредитируют саму идею футбольного фанатизма. Футбольный фанатизм сегодня — масштабное социальное явление, ставшее поистине интернациональным. В каждой стране, имеющей свои собственные фан-движения, фанатская субкультура создает собственную символику, сленг и коллективные практики. В этой субкультуре существует целая классификация болельщиков — от людей, мирно смотрящих матчи дома в удобных креслах, до людей, активно поддерживающих команду на каждом матче и вне стадиона. Субкультура фут-

больных фанатов не лишена агрессивности, и футбольные хулиганы — это только часть футбольных фанатов, но самая активная их часть.

Футбол в последнее время, к сожалению, стал ассоциироваться прежде всего с беспорядками на трибунах, а не с видом спорта. К числу наиболее типичных проявлений противоправного поведения относятся жестокие избиения болельщиков противостоящей команды, хулиганские действия на стадионах, а после окончания соревнований — групповые акты вандализма. Оружие толпы футбольных фанатов, разбитые стекла автобусов и опрокинутые автомобили, погромы поездов, акты насилия, уничтожение и повреждение чужого имущества, вандализм становятся прогнозируемыми и привычными «спутниками» спортивных мероприятий.

Грандиозным скандалом завершился центральный матч 29-го тура российской футбольной Премьер-лиги между петербургским «Зенитом» и столичным «Динамо» в начале мая 2014 г. За несколько минут до конца встречи при счете 2:4 толпа питерских фанатов выбежала на поле и напала на гостей. Одним из пострадавших оказался защитник москвичей Владимир Гранат, который получил несколько ударов по голове. Помимо футболиста «Динамо», пострадал и нападающий «Зенита» Саломон Рондон. Таким обра-

зом фанаты сорвали матч «Зенита» и «Динамо» на стадионе «Петровский».

Меры по предупреждению появления и контролю хулиганов на стадионах и в общественных местах принимаются разные: это и запрет на продажу алкоголя на матчах с повышенным риском как на территории стадиона, так и на прилегающей к нему области, это и особое внимание к контрольно-пропускной системе спортивного комплекса, запрет на использование пиротехники во время проведения спортивных соревнований и митингов и др. Как правило, в разы увеличивается количество полицейских на матчах с повышенным риском. Удачно выражает идею предупреждения и контроля массовых беспорядков немецкое словосочетание *kletten prinzip*, которое переводится на английский язык как *“burr principle”* (букв. «принцип репья») и обозначает «method of crowd- and riot-control [developed by the West German police]» [Эйто 1990]. Метод позволяет полиции держать под цепким и неустанным наблюдением потенциальных зачинщиков беспорядка во время какого-либо массового мероприятия — футбольного матча или демонстрации. При этом в резерве находятся отряды полиции, подготовленные для ликвидации беспорядков, чтобы в случае необходимости помешать разрастанию конфликта [Горшунов 2006].

Хулиганство на стадионах и после матчей привлекает внимание СМИ. Так, английская газета «The Mail on Sunday» 8 января 2006 г. вышла со статьей своего обозревателя Глена Оуэна под броским заголовком «Germans tell their World Cup fans: „Stop calling the English „Island Monkeys“ ... and whatever you do, don't chant „We'll Invade You Again“» («Организаторы чемпионата мира по футболу в Германии обратились к своим болельщикам прекратить обзывать англичан „островными обезьянами“ и не скандировать: „Мы снова вас оккупируем“ по отношению к словакам»). Речь здесь идет о явлении, которое мы охарактеризовали как вербальная этноагрессия, поскольку в данном случае вербальная агрессия направлена на представителей другой этнолингвокультуры.

Известно, что спортивные болельщики стремятся поддерживать свою спортивную команду, выкрикивая и скандируя лозунги и речовки, и стремятся обескуражить и унижить команду соперника и болельщиков противоположной команды. Дело нередко доходит до разборок и драк после матчей. Обеспокоенные высоким уровнем вербальной и физической агрессии, футбольные боссы в Германии накануне финальной части Кубка мира по футболу 2006 г. развернули кампанию, нацеленную на прекращение оскорбительных провокационных выкриков, задевающих чувство собственного достоинства иностранных болельщиков и в первую очередь болельщиков из Англии. Известно, что многие немецкие футбольные фанаты изводят насмешками английских болельщиков, называя их *‘Inselaffen’*, т. е. «обезьяны (мартышки) с острова», «островные обезьяны (мартышки)». Таким образом, они унижают и дегуманизируют англичан. В данном этническом ярлыке присутствует сравнение с обезьяной или мартышкой, человекоподобными и

обезьяноподобными существами. Мартышка и обезьяна традиционно считаются животными, не достигшими в своем интеллектуальном развитии уровня человека и поэтому находящимися ниже его по всем показателям. Сравнение с обезьяной или мартышкой унижает человеческое достоинство.

Судя по материалам цитируемой статьи [The Mail on Sunday, January 8, 2006], официальные лица и организаторы чемпионата были встревожены информацией, что во время матча между сборными Германии и Словакии в сентябре 2005 г. немецкие фанаты скандировали: «We're going to invade you again» («Мы снова вторгнемся на вашу территорию»). Налицо рецидив прошлого.

Проведенная организаторами кампания имела не только воспитательную цель, была направлена и на то, чтобы создать более привлекательный образ баварца, изжить стереотипы о баварцах как о «недалеких большеголовых тупицах», которые «шлепают себя по бедрам» («to banish the stereotypes of mullets and thigh-slapping Bavarians»).

Баварцам, кстати, сильно достается от болельщиков других немецких команд, которые выкрикивают провокационные и оскорбительные речовки: «Wir ziehen den Bayern die Lederhosen aus; die Lederhosen aus! Wir ziehen den Bayern das Fell über die Ohren; das Fell über die Ohren! Zickezacke, Zickezacke». = «We take off the Bavarians' leather trousers, we give the Bavarians a good kicking, zickezacke, zickezacke, hoi, hoi, hoi» («Мы снимем с баварцев их кожаные брюки (до колен) и зададим хорошенькую трепку»).

Вербальная этноагрессия напрямую связана с изменившейся и быстро меняющейся демографической ситуацией в странах Евросоюза. Иммиграционные процессы, как известно, затронули весь Евросоюз, но особенно остро сказались, по-видимому, на более экономически благополучных европейских странах — Франции, Германии и Италии, притягательных в плане трудоустройства для мигрантов. Можно утверждать, что Италия стала своего рода «перевалочным пунктом» для многих североафриканских беженцев и мигрантов из южноевропейских стран. В настоящее время в этой стране проживает около 7 % некоренного населения. Иммиграция сказывается негативно на итальянском обществе, где принимаются меры по контролю процесса нелегальной иммиграции, не получившие, правда, одобрения со стороны ЕС и Ватикана. Нелегалов могут оштрафовать на сумму 10 000 евро, задержать и содержать под арестом до 6 месяцев. Группам гражданских волонтеров разрешено сотрудничать с полицией — патрулировать улицы городов и передавать в руки представителей правопорядка иммигрантов, не имеющих вида на жительство.

Антииммигрантские настроения в Италии набирают силу. Одним из каналов для выражения недовольства и проявления расизма становятся стадионы, которые политические партии и общественные движения традиционно используют в качестве удобного и эффективного рупора. Нередко во время футбольных матчей болельщики развертывают баннеры и скандируют речовки, направленные против иммигрантов, особенно так называемых цветных. В большинстве случаев за спиной болельщиков стоят правозащитные

силы, умело использующие их для пропаганды расистских идей.

В субкультуре фанатов чужая команда и ее фанаты автоматически воспринимаются как не свои, чуждая и более или менее враждебная сила. То есть агрессивное разделение «свои — чужие» заложено в основу субкультуры. Расовая и национальная ксенофобия достаточно распространены среди фанатов [Тарасов 2010].

Объектом и жертвой этнических и расистских оскорблений и выпадов становятся и отдельные спортсмены. Особенно не повезло молодому и перспективному чернокожему футболисту ганского происхождения Марио Балотелли. Черный цвет его кожи был предметом насмешек с детства, прямые оскорбления и обидные намеки сопутствуют Марио Балотелли и сейчас. Во время некоторых матчей расистские оскорбления в его адрес лились потоком. Например, в ноябре 2010 г., во время товарищеского матча с командой Румынии, около сотни итальянских болельщиков громко освистали чернокожего игрока своей собственной сборной и развернули баннеры с надписями, которые на русский язык можно перевести как «Нет полиэтнической национальной футбольной команде» или «Нет мультиэтнической Италии», «(В природе) не существуют черные итальянцы». Спортивная пресса отреагировала на этот неприятный инцидент заявлением, согласно которому как раз и хорошо, что в Италии есть чернокожие итальянцы, поскольку именно Балотелли был самым ярким игроком на фоне других футболистов, игравших вяло. Чернокожий спортсмен не застрахован от расистских выпадов и в России, но у нас, желая оскорбить и унижить темнокожего спортсмена, русскоязычные болельщики вряд ли используют слово «негр» (англ. *nigger*), считающееся в англоговорящем социуме оскорбительным. В русскоязычной коммуникации эта единица лишена негативных коннотаций и не относится к оскорбительным инсинуациям, является вполне политкорректным выражением. Скорее всего, темнокожего спортсмена назовут «черномазым» (или используют более сильный эпитет, альтернативой которого является «чернозадый»). Исследователи субкультуры футбольных фанатов в России отмечают широко распространенное мнение, что расистские настроения распространены преимущественно среди фанатов «Спартака» и ЦСКА [<http://xepo.sova-center.ru/45A29F2/5FAE022>], а использование расистской терминологии применительно к кавказским народам легко обнаруживаем, например, в фэнзине торпедовских фанатов [Bulldog. № 6]. Многочисленные примеры провокационного поведения фанатов, использование ими расистских оскорблений и хулиганских выходок по отношению к темнокожим игрокам, что проявляется, в частности, в том, что они имитировали обезьянье уханье, крики диких животных, улюлюкали, бросали бананы и дразнили темнокожих игроков, находим в исследовании Александра Тарасова [Тарасов 2010], который констатирует, что к настоящему времени расистские, фашистские и вообще ультраправые идеи и настроения достаточно широко распространены и прочно укоренились в субкультуре российских футбольных фанатов. Нет никаких оснований

считать, что в обозримом будущем ситуация может радикально измениться к лучшему. Вряд ли на положении дел принципиально скажется и тот факт, что «родственная» субкультура, в значительной степени инфицировавшая фанатов праворадикальными (и особенно расистскими) взглядами — наци-скинхеды, — пережила свой пик и находится на спаде [Тарасов 2010].

Марио Балотелли часто называют «королем скандалов» и характеризуют его как несдержанного, импульсивного, самовлюбленного и неуправляемого футболиста, т. е. приписывают ему те качества, которые, как ни парадоксально, стереотипно ассоциируют именно с итальянцами!

Запрет UEFA на использование болельщиками на футбольных матчах речовок и слоганов расистского содержания воспринимается в Италии неоднозначно, поскольку, по мнению многих фанов, только на стадионах можно дать волю эмоциям, «оторваться» и расслабиться, и политкорректности не место на трибунах. Применяемые санкции, когда на команду, чьи фаны отличались агрессивным, некорректным расистским поведением, накладывается большой штраф или игра проходит при пустых трибунах (с пустующим фанатским сектором), поскольку провинившихся болельщиков отлучают от посещения игры их команды, воспринимаются как дискриминационные и несправедливые.

Пожалуй, традиция скандировать обидные и оскорбительные для соперника речовки, шумно реагировать на забиваемые голы соблюдается в Италии сильнее, чем где бы то ни было. Совсем недавно там разгорелся скандал, когда болельщики «Ювентуса» скандировали расистские лозунги, нацеленные на Марио Балотелли, суть которых сводится к тому, что не существуют чернокожие итальянцы, а фаны «Лацио» развернули антисемитские баннеры. Хотя многие итальянские фаны согласны с тем, что расистским оскорблениям на этнической почве действительно не место на стадионе, так называемые «региональные», или «местные» оскорбления, направленные против другой местной команды и ее фанов, считаются уместными и этичными, в порядке вещей (даже если содержат нецензурные слова и скабрзные намеки). Болельщики отстаивают свое право на речовки и обидные выкрики против команды соперника, на перебранку с фанатами противной команды, считая, что это своего рода национальная забава, перебранка между друзьями, которые недолго таят обиду друг на друга. В этой связи отметим, что английские газеты, например, не могли не откликнуться на забавный эпизод во время футбольного матча между командами «Manchester City» и «Napoli» на стадионе Этихад в Манчестере, когда группа итальянских болельщиков из Неаполя развернула баннер с надписью «Are you Italian? No, Napulitan!» в знак солидарности с фанатами из Милана, которых обязали пропустить одну игру своей команды. Наказание было вызвано некорректным поведением миланцев, которые назвали южан, т. е. неаполитанцев, представляющих клуб «Napoli», «жертвами холеры» («cholera sufferers»). В Неаполе действительно случаются вспышки холеры. По отношению к Неаполю и неаполитанцам на трибунах

нередки намеки на царящую в городе преступность и бедность. Освещающая этот эпизод газета «Гардиан» вышла со статьей своего спортивного обозревателя «Italian football fans stand up for their right to be abused by rivals» («Итальянские футбольные фанаты отстаивают свое право быть обруганными фанатами команд-соперниц») [The Guardian, Wed. 9 Oct. 2013]. Газета поместила фото болельщиков-неаполитанцев, развернувших баннер с ироничной надписью «Are you Italian? No, Napulitan!»

Завершая тему этноагрессии на стадионах, приведем в пример тлеющий и незатухающий, затяжной англо-аргентинский конфликт. Война Англии и Аргентины за контроль над Фолклендскими (Мальвинскими) островами в 1982 г., известная в истории как Фолклендская война и закончившаяся поражением Аргентины, стала одним из самых заметных событий британской внешней политики XX в. Для Аргентины поражение в войне стало болезненным ударом по национальной гордости. Оно явилось непосредственной причиной падения аргентинской военной хунты. Необходимость войны и ее историческое значение до сих пор служит предметом ожесточенных споров в Аргентине, но руководство страны по-прежнему не отказывается от претензий на острова. Британский премьер-министр Маргарет Тэтчер заработала тогда дополнительную популярность, позволившую ей и Консервативной партии уверенно победить на всеобщих парламентских выборах 1983 г. Война помогла Великобритании восстановить чувство уверенности в себе на международной арене, потерянное после провозглашения независимости бывшими британскими колониями и поражения во время Суэц-

кого кризиса. И хотя англо-аргентинские дипломатические отношения были восстановлены в 1990 г., чувства обиды, досады и недоверия аргентинцев по отношению к англичанам остались. Не удивительно, что аргентинские футбольные фанаты сравнивают апатичного болельщика с англичанином: «El que no salta es un ingles» = «Whoever does not jump is an Englishman» («Кто не прыгает, тот англичанин»).

И еще один интересный момент. Болельщики из Голландии, когда их команда играет с немцами, припоминают немцам оккупацию своей страны во время Второй мировой войны и многозначительно скандируют: «Stap onze fietzen uit» = «Get off our bikes» («Слезьте с наших велосипедов»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшун Ю. В. Новые заимствования в английском языке конца 20 века // Вестн. БирГСПА. Филология. — Бирск, 2006. Вып. 8. С. 68—72.
2. Тарасов А. Субкультура футбольных фанатов России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией : сб. ст. — М. : Центр «Панорама», 2010. С. 18—50.
3. Эйто Дж. Словарь новых слов. — М. : Рус. яз., 1990.
4. Kington Tom. Italian football fans stand up for their right to be abused by rivals // The Guardian. 2013. 9 Oct.
5. Owen Glen. Germans tell their World Cup fans: Stop calling the English 'Island Monkeys' // The Mail on Sunday. 2006. 8 Jan.
6. Pisa Nick. Baloletti hit by more racist abuse as Fiorentina fans target Milan striker boarding train following controversial win at Siena // Daily Mail. 2013. 20 May.

Y. V. Gorshunov
Birsk, Russia
E. Y. Gorshunova
Moscow, Russia

VERBAL ETHNIC AGGRESSION AT STADIA

ABSTRACT. *The article deals with cases of aggression of football fans, targeted to the representatives of another linguo-culture or a different ethnic group, as they support the visiting team and, correspondingly, are treated by the fans of the home team as rivals, opponents, enemies and aliens. The problem of football hooliganism and verbal aggression as its component, outlined in the article, is regarded, first of all, as a socio-cultural problem, or, to be more exact, as an intercultural one, which interests many people – law enforcers and law makers, sociologists and psychologists, culturologists and journalists, and also sports clubs which suffer huge losses of money because of the fines imposed upon them for aggressive behavior of their fans; it also attracts the attention of broad sports communities, people from the street and language zealots.*

The authors of the article focus on ethnically targeted verbal insults and invectives, which are used by football fans to humiliate, discredit and dehumanize the representatives of other ethnic groups. Verbal ethnic aggression is connected with changes that have taken and are still taking place in the demographic situation in EU countries, and namely with the immigration problem, that challenges the most developed European countries – France, Germany and Italy. In connection with this, ethno-aggression at stadia is studied mainly on the example of Italy, which became a “stepping stone” for many Northern African refugees and migrants from the Southern European countries.

Even separate sportsmen become the object and victim of ethnic and racist insults and attacks, which may be illustrated by the case of the black football player of Ghana descent Mario Balotelli. Prohibitions for football fans to cheer slogans of racist nature are treated in Italy as discriminational and unfair.

KEY WORDS: *verbal aggression, verbal ethno-aggression, football fan subculture, ethno-lingual culture, ethnic label, discredit, dehumanization.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorshunov Yury Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Birsk Branch of Bashkir State University, Birsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorshunova Elizaveta Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Gorshunov 2006: Gorshunov Yu. V. Novye zaimstvovaniya v angliyskom yazyke kontsa 20 veka // Vestnik BirGSPA: Filologiya. — Vyp. 8 — Birsk, 2006. — P. 68-72.

2. Tarasov 2010: Tarasov Aleksandr. Subkul'tura futbol'nykh fanatov Rossii i pravyy radikalizm // Russkiy natsionalizm mezhdru vlast'yu i oppozitsiey. Sbornik statey. — M. : Tsentr «Panorama», 2010. — S. 18-50.

3. Eyto 1990: Eyto, Dzh. Slovar' novykh slov. — M. :

Rus. yaz., 1990. — 434c.

4. Glen Owen. Germans tell their World Cup fans: Stop calling the English 'Island Monkeys' // The Mail on Sunday, January 8, 2006.

5. Nick Pisa. Baloletti hit by more racist abuse as Fiorentina fans target Milan striker boarding train following controversial win at Siena // Daily Mail. 20 May 2013.

6. Tom Kington. Italian football fans stand up for their right to be abused by rivals // the Guardian, Wed. 9 Oct. 2013.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. В. Григоровская

Тюмень, Россия

«ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ» АЙН РЭНД: РОССИЯ ОБ АМЕРИКЕ И АМЕРИКА О РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи является диалог России и Америки в творчестве американской писательницы русского происхождения Айн Рэнд и русского писателя Н. Г. Чернышевского. Тема статьи — сравнение двух национальных утопий, ее целью является исследование «русского» в творчестве Айн Рэнд и раскрытие новых сторон творчества Н. Г. Чернышевского. Рассматривается взаимодействие романов Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». Сопоставительный анализ текстов ведется по направлениям идейного содержания, жанровой формы, системы персонажей, символической структуры. При анализе используются следующие методы: системно-целостный, историко-сравнительный, типологический. В результате анализа автор приходит к выводу о наличии в творчестве Айн Рэнд черт, типологически схожих с творчеством Н. Г. Чернышевского. Выявляется близость изучаемых текстов и моделирование в обоих национального мифа о России и об Америке. Данные результаты могут быть использованы в практике преподавания русской и зарубежной литературы в вузах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Что делать?»; Н. Г. Чернышевский; «Атлант расправил плечи»; Айн Рэнд; национальный миф; утопия; Россия; Америка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Григоровская Анастасия Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Государственный аграрный университет Северного Зауралья (Тюмень); адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 7; e-mail: feministka86@mail.ru.

Идея сопоставления романов русского писателя-шестидесятника XIX в. и американки советского происхождения, которых разделяет целый век, может показаться парадоксальной. Возникновению у нас интереса к этому вопросу предшествовали размышления о сущности конфликта между двумя великими державами, задающими тон политической ситуации во всем мире — Российской Федерации и Соединенными Штатами Америки. Любой конфликт вытекает не только из противоположности оппозиционных сторон, но и из их глубокого сходства.

Обе страны имеют свои собственные национальные мифы. Роднит их проекция в будущее, совершенный утопизм и претензии на глобальность. В случае с Россией мы имеем право говорить о двух самостоятельных мифах — «русской идее» и «советской мечте». «Американская мечта» не менее многолика. Закономерное дитя «русской идеи», «советская мечта» имеет ряд черт, схожих с «американской мечтой». Это претензия на глобальный эксперимент, абсолютный оптимизм, «дух исторической молодости», «право на счастье» [Баталов 1982; Баталов 2009; Лапезуз 1995; Голенопольский 1981].

Как известно, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) был написан еще в царской России и демонстрирует крайне революционные для того времени взгляды. Роман американской писательницы Айн Рэнд (Алиса Розенбаум) «Атлант расправил плечи» («Atlas Shrugged», 1957) не был популярен в свое время в США из-за неоднозначного идейного содержания. Сопоставление двух столь знаковых для каждой из эпох текстов следует начать с того, что и «Что делать?», и «Атлант расправил плечи» являются так называемыми романами, иллюстрирующими авторскую идею («романы — иллюстрации философской идеи» в терминологии С. Л. Кошелева, «романы идей» в терминологии О. Хаксли, В. М. Кам-

нева и т. п.). Сближает их общая философская основа: оба писателя исповедуют теорию «разумного эгоизма». Любопытно, что понимание эгоизма у обоих авторов практически идентично, несмотря на разницу формально утверждаемых мировоззрений. Неразрывно связано с понятием эгоизма и понятие свободы в обоих романах.

Свобода у Чернышевского и Айн Рэнд представлена в нескольких основополагающих вариантах. Свобода труда в «Что делать?» ассоциирована в первую очередь с независимостью: *Но главное — независимость! Делать, что хочу, жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в чем не нуждаться!* [Чернышевский 1974: 72]. Идеал независимости — не пустой звук и для героев Айн Рэнд. В частности, герои романа «Атлант расправил плечи» отстаивают свою профессиональную независимость: «То, что у врачей должны быть какие-то права, желания или выбор, считалось „неуместным эгоизмом“» («*irrelevant selfishness*» в оригинале); говорили, что врач не может выбирать, он обязан „служить“» [Рэнд 2009в: 57]. «Нежелание поступаться своими интересами ради других» — эта идея есть одно из отражений концепта «свобода» в романе, который напрямую связан с концептом «эгоизм».

Свобода в любви также роднит оба романа. Отрицание чувства ревности, свобода отношений — это то, что проповедуют как Чернышевский, так и Айн Рэнд. Хэнк Риарден страдает от того, что его жена Лилиан рассматривает его как свою собственность: *Ты принес меня в жертву своим животным инстинктам! Неужели ты настолько жесток и эгоистичен?* [Рэнд 2009б: 231]. Как видим, свобода и эгоизм здесь взаимосвязаны. Для Н. Г. Чернышевского свобода также заключается прежде всего в ответственности перед самим собою и, как следствие, в признании прав другого человека: *Тогда она любит его, как он*

любит ее, только потому, что хочет любить, если же она не хочет, он не имеет никаких прав над нею, как и она над ним [Чернышевский 1974: 373]. Так же в романе рассматривается и ревность. Это ущемление свободы другого: *Это искаженное чувство... это следствие взгляда на человека, как на мою принадлежность, как на вещь* [Чернышевский 1974: 298].

Оба романа поднимают проблему соотношения личной и коллективной свобод. Герои Н. Г. Чернышевского решают ее через освобождение от стереотипов социума. Как известно, образы свободы представлены в романе архетипами женщин. «Новая женщина» символизирует собой «новую любовь». У женщины, которая существовала до «нового времени», не было главного: *У ней не было свободы* [Чернышевский 1974: 368]. На наш взгляд, Вера Розальская и Дагни Тагерт — очевидные двойники. У обеих женщин есть свое дело (мастерская и железная дорога), обе любят в разное время двух мужчин (Лопухов и Кирсанов; Франсиско д'Анкония и Хэнк Риарден), обе борются с обществом за право быть собой.

В обоих романах есть антиподы главной героини. В «Что делать?» это Жюли, в «Атланте...» — Лилиан. Жюли совершенно осознанно подчиняется тем правилам, которые приняты в обществе, будучи внутренне с ними несогласной: *Я ношу накладной бюст, как ношу платье, юбку, рубашку, не потому, чтоб это мне нравилось, — по моему, было бы лучше без этих ипокритств, — а потому, что это так принято в обществе* [Чернышевский 1974: 28]. Жюли сама страдает от своей несвободы, о чем открыто говорит: *Боже мой, с кем я принуждена жить в обществе!... Дай мне силу сделатьсь опять уличной женщиной в Париже, я не прошу у тебя ничего другого, но освободи меня от этих людей, от этих гнусных людей!* [Чернышевский 1974: 29]. Однако она все равно остается среди этих самых людей, автор дает ей лишь право спасти чужую судьбу, потому она и восклицает: *Ты раб, но французенка свободна* [Чернышевский 1974: 30]. Помогая Вере, она спасает и саму себя.

Лилиан — это соперница Дагни. Она представительница враждебного индивидуалистам лагеря, ее представления о свободе ограничены рамками ее собственного «я». В отличие от Жюли, она откровенно зависима от денег. Символично то, как она относится к подарку мужа, который дарит ей браслет из риарден-металла: *Ты хочешь сказать... что цена ей такая же, как и куску железнодорожного рельса?* [Рэнд 2009а: 48]. Без сомнения, символично и то, что Дагни меняет свой бриллиантовый браслет на эту металлическую цепочку. Лилиан любит деньги, а не Риардена и все, что с ним связано.

Образы свободы в романах удивительно похожи. Несмотря на то что в русской культуре образы свободы, как правило, статичны, в романе Айн Рэнд мы встречаем именно такие образы. Лексема «спасе» реже ассоциируется у американца со свободой, и такой метафорический оборот, как «from a height in the freedom of air and space» [Rand 1992: 35] («из поднебесья»), свидетельствует о сочетании в индивидуально-

авторской концептуальной картине мира писательницы черт различных ментальностей. «Свобода» и «несвобода» — это два концепта романа «Что делать?». Первый часто выражается в тексте метафорой «свободного дыхания»: *Ах, как я его люблю... и грудь шире становится, дышится легче, вот это так, это самое верное: дышать очень легко* [Чернышевский 1974: 211]. Второй — метафорой «затрудненного дыхания»: *Но теперь, мой друг, слишком душно в этом зиллом, гадком воздухе* [Чернышевский 1974: 99].

Герои романов Н. Г. Чернышевского обладают такой чертой, как максимализм. При отстаивании свободы своих действий они способны идти до конца, будь то дело всей жизни или нежеланное замужество. Вера Павловна восклицает: *Я не унижусь, пусть меня съедят, я брошусь из окна, я пойду собирать милостыню... но отдать руку гадкому, низкому человеку — нет, лучше умереть* [Чернышевский 1974: 42]. Хэнк Риарден отвечает Франсиско на вопрос о том, что он будет делать, если его корпорацией завладеют «скулящие подонки»: *Я лучше взору свои рельсы* [Рэнд 2009б: 142]. Вообще крайний экстремизм — черта, которая роднит оба произведения. Свобода для героев оборачивается сверхидеей, за которую не жаль и умереть. Например, Кирсанов говорит Вере Павловне: *Я принимаю правило: против воли человека не следует делать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни* [Чернышевский 1974: 398]. В своей речи Джон Голт произносит похожее: *Если человек гибнет, сражаясь за свою свободу, это не жертвование: он не хочет жить рабом...* [Рэнд 2009в: 376].

Принципиальным для понимания конструирования мечты о «прекрасном новом мире» в обоих романах является вопрос о примирении с реальностью. С одной стороны, героиня романа «Что делать?» Вера Павловна рассуждает о том, что обстоятельства порой оказываются сильнее человека, ведь *чего нельзя делать, о том и не думаешь серьезно* [Чернышевский 1974: 350]. И все же автор призывает своих героев и читателей к активным действиям, так как человек, примирившийся с пошлостью, *живя на земле, только коптит небо* [Чернышевский 1974: 57]. Айн Рэнд как философ говорила о том, что человек должен примириться с «метафизически данным», иначе он обречен на борьбу с ветряными мельницами: *Метафизически данное... не может быть правильно или ложно, оно попросту есть...* [Пейкофф 2011: 45]. Однако преобразование мира — важная часть жизни героев Айн Рэнд: они изобретают новые сплавы, строят из них железные дороги и мосты, внедряют в производство двигатели нового типа...

Некоторым исследователям кажется, что сходство взглядов Айн Рэнд и социалистов лишь внешнее: «Общественное благо, по Рэнд, есть равнодействующая личных интересов, а не подавление личного интереса общественным, как это было при большевистском социализме...» [Жежко 2011]. На примере утопического социализма Чернышевского мы видим, что для героев Чернышевского нет ничего удивительного в том, чтобы, полюбив человека, думать не о совместном счастье, а о счастье других людей. Так, Вера

Павловна в первый вечер своей любви к Лопухову мечтает о том, чтобы *все люди стали радостны и счастливы* [Чернышевский 1974: 76]. Она же в своем первом сне, освободившись из подвала, символизирующего несвободу, задумывается о том, что надо помочь и другим освободиться: *Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи* [Чернышевский 1974: 104]. Таким образом, свобода в «Что делать?» — эстафета, которую люди должны передавать друг другу.

Казалось бы, герои романа Айн Рэнд, напротив, отрицают свою заинтересованность в каком бы то ни было общественном благе. Риарден в суде заявляет: *Если сейчас мои ближние, называющие себя обществом, верят в то, что ради их блага необходимы жертвы, тогда я скажу: будь проклято общественное благо, я не стану его частью!* [Рэнд 2009б: 174]. Однако мы видим, что романы роднит не только отрицание жертвы (все помнят слова Лопухова: *Да их и не бывает, никто и не приносит; это фальшивое понятие: жертва = сапоги всмятку* [Чернышевский 1974: 126]), но и то, что герои и Чернышевского, и Айн Рэнд живут исключительно интересами своего дела, совершенно забывая о личной жизни. Перед нами некие идеальные «новые люди». Кажется, они только и делают, что работают.

Общая черта «новых людей» — их аскетизм. «„Новые люди“ не просто ограничивают свои устремления к выгоде, учитывая интересы других людей — они отказывают себе во множестве полезных и желательных вещей ради интересов других» [Никифоров 2010: 31], — пишет в своей работе о героях Н. Г. Чернышевского Я. А. Никифоров. Герои Айн Рэнд мотивируют свои действия исключительно материальной выгодой, однако от этого их несомненная польза для общества никуда не пропадает. Самые яркие представители нового типа в романах — Рахметов и Хэнк Риарден (о Джоне Голте следует, пожалуй, говорить отдельно, это совершенно особый тип героя, играющий роль мессии, сверхчеловека в романе).

Рахметов как «особенный человек» представляет собой героя, который приравнял свою личную свободу к свободе коллективной: *Вот как он говорил и вел свои дела, а дел у него была бездна, и все дела, не касавшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали...* [Чернышевский 1974: 277]. Именно Рахметов выговаривает Вере Павловне за то, что она забыла про свою мастерскую в минуту личного горя, призывая, таким образом, ставить коллективный интерес превыше личного: *Вы подвергали почти верной, почти неизбежной гибели благосостояние пятидесяти человек. Из-за чего? из-за маленького удобства себе* [Чернышевский 1974: 290]. Такое ущемление свободы других за счет личной свободы Рахметов называет грехом против духа святого [Чернышевский 1974: 294].

Метафора стали, которая употребляется в обоих текстах применительно к главным героям, служит для обозначения твердости их характеров, который они «закаляют» через различные аскезы. Рахметов спит на гвоздях, аскеза Риардена заключается в производстве стали: *...многолетия самобичевания, когда он отвергал надеж-*

ду или образцы, не позволяя себе ощутить усталость, не давая себе времени на это... [Рэнд 2009а: 40]. Риарден действительно тверд, как металл, и в минуты душевного смятения главной героини он успокаивает ее: *Дагни... кем бы мы ни были, мы движем миром, и нам вести его вперед* [Рэнд 2009а: 113].

Куда же движется этот мир? Кульминацией обоих романов является утопический эпизод, в котором, как в зеркале, отразились как сходства, так и различия мировоззрений двух авторов. В романе «Что делать?» это «Четвертый сон Веры Павловны», в романе «Атлант расправил плечи» — главы «Атлантида» и «Утопия алчности». Первое, что очевидно роднит обе утопии — постоянно возникающий на страницах обоих текстов образ металла, становящийся символом произведений. Как известно, в «хрустальных дворцах» (которые также фигурируют и у Айн Рэнд: дом в долине Джона Голта *был полностью прозрачен — почти сплошной лист стекла* [Рэнд 2009в: 16]) из сна Веры Павловны все было сделано из алюминия: *Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами* [Чернышевский 1974: 375]. В романе фигурирует именно алюминий, потому что во времена написания романа он только-только начал применяться и считался одним из самых легких и прочных металлов. В романе Айн Рэнд новому сплаву Риардена прочат широкую известность: *Потому что сплав этот прочнее и дешевле стали; кроме того, рельсы из него переживут век любого известного нам металла* [Рэнд 2009а: 28]. Вообще металл как лейтмотив текста появляется постоянно: в браслете на руке Дагни, в часах на руке Джона Голта. Сталь как символ соотносится с «трансцендентной жестокостью принципа всепобеждающего духа» [Кирло 2007: 412]. Любой сплав — это соединение противоположностей, в данном случае — материи и духа. Глубоко мифологический символ, в фольклоре разных народов он нередко проявлялся испытаниями героя («пройти огонь, воду и медные трубы»). Для романов Чернышевского и Айн Рэнд металл — это символ «выковки» нового человека, характера (тут же можно провести параллель с соцреалистическими романами, например, «Как закалялась сталь» Н. Островского).

Тут мы подходим к вопросу о создании, «выковке» и «сплаве» новой национальной утопии в романах. Местоположение утопического мира играет в создании такой утопии не последнюю роль. Прекрасный мир в «Что делать?» — это нива, поле, луг, куда во сне попадает героиня. В романе «Атлант расправил плечи» идеальное общество находится на вершине горы и, по сути, является миражом: *Да, не удивляйтесь, вершина горы, на которую не станет садиться ни один летчик. То, что вы видели, было ее отражением, спроецированным над этой долиной* [Рэнд 2009в: 10]. Дело в том, что пространственный образ мечты находится в прямой зависимости от ментальности автора. Образ поля — типично русский образ свободы, простора, воли. Это также древний языческий символ земли-матери, женский символ плодородия. Примечательно, что земля эта — бывшая пустыня, преобразованная руками «новых людей».

Иное дело — гора. В контексте романа Айн Рэнд, изобилующего античными аллюзиями, на вершине горы призваны жить исключительно боги, достигшие совершенства. Это символ гордости, индивидуализма, мужской символ целеустремленности. Таким образом, она соответствует мифу об американской мечте, в основе которой лежит корень «само-»: самореализация, самостоятельность, самоосуществление, самовыражение, самоуправление... Мечта Чернышевского лежит в плоскости сплава русской идеи и социалистической мечты: тут и женское, «бабье» начало (которое отмечали многие философы от Ф. М. Достоевского до С. Франка), и альтруизм в сочетании с крайним коллективизмом (иной вариант — соборностью).

Важны также временные координаты утопии. Если Чернышевский помещает свою мечту в будущее, ради которого надо работать, к которому надо стремиться, то Айн Рэнд живет «здесь и сейчас». Ее выбор — организация своеобразного «рая на земле» (для чего она и уехала в свое время в США). Интересно также и то, что мечта Чернышевского — для всех: *Каждый может жить, как ему угодно* [Чернышевский 1974: 379]. Интернациональность такой идеальной страны подчеркивается упоминанием в тексте Одессы и Херсона: *Это в твоё время, а теперь, смотри, вот где Новая Россия* [Чернышевский 1974: 378]. В мире Чернышевского царит равенство, все живут в одном большом доме, получают самое необходимое бесплатно. В новый мир Айн Рэнд попадают лишь избранные, полубоги, по особому приглашению Джона Голта (основателя этого мира) или пройдя через испытания (ключевым качеством для того, чтобы вступить в круг избранных, по видимому, как и в мифах и вообще любом фольклоре, является смелость). Тем, кто живет в этом мире, нет дела до оставшихся за его пределами: *Он избавит человечество от ужаса внезапного паралича... Нет, там ничего не узнают о моем откровении* [Рэнд 2009в: 49] — говорит «дезертировавший» врач о своем открытии лекарства от аполексии. В нем нет и ничего бесплатного, все в нем следует заработать, даже самое необходимое. Дома в этом мире все разные, каждый из них выражает характер своего владельца.

Символом обеих утопий является женщина, как бы ни стремилась Айн Рэнд замаскировать этот факт за фаллическим образом горы. Женское начало — традиционно русское. «Гид» Веры Павловны по утопическому миру — Светлая Красавица, новая женщина, символ освобождения в романе. У Айн Рэнд этот образ внезапно появляется в иллюзии, которая приходит Дагни: *На обочине дороги она увидела строение из стеклянных блоков, соединенных деревянным каркасом, но на миг ей показалось, что это не здание, а рама для портрета — портрета женщины, высокой, хрупкой, с белокурыми волосами и удивительно красивым лицом, но немного размытым, как бы смазанным, завуалированным расстоянием, словно художник сумел лишь намекнуть, но не передал во всем совершенстве* [Рэнд 2009в: 37]. Действительно, Дагни выступает своего рода гостем в этом мире (как и Вера Павловна), она единственная, кто возвращается из

него во внешний мир для того, чтобы продолжить борьбу. Поэтому женский образ в романе Рэнд так же важен, как и в романе Чернышевского. Однако «гидом» для нее является мужской образ, Джон Голт, получеловек-полулегенда (вообще образ гостя и его проводника в утопическом мире берет свое начало еще в классическом тексте Томаса Мора).

Любопытно также, что в «Что делать?» упоминается Америка как прогрессивная страна. Известно, что в образе Чарльза Бьюмонта Чернышевский «зашифровал» Лопухова, смерть которого инсценирована на страницах романа (однако Лопухов и правда жил в Нью-Йорке через какое-то время после расставания с Верой Павловной и даже входил в партию абolicionистов). Это «альтер эго» Лопухова представлено как абolicionист, ратующий за свободу и равенство. Он крайне позитивно относится как к Америке, так и к России: *Нам некогда скучать: у нас слишком много дела. Я считаю, мне кажется (поправил он свой американизм), что и русский народ должен бы видеть себя в таком положении: по-моему, у него тоже слишком много дела в руках* [Чернышевский 1974: 421]. Характеристика Америки из уст Бьюмонта-Лопухова звучит так по-рэндовски: *Вы ждете такого упрека от человека из нации, про которую все утверждают, что единственная цель и мысль ее — доллары?* [Чернышевский 1974: 422]. Вспомним роман Айн Рэнд: *Деньги — продукт добродетели; Бегите прочь от человека, который скажет вам, что деньги — зло; Деньги — барометр общественной добродетели* [Рэнд 2009б: 94—95]. Также очевидна ориентация на Америку в деле решения «женского вопроса». Катерина Полозова, скучающая от отсутствия серьезного занятия в России, говорит отцу: *Папа, поедем в Америку, когда т-г Бьюмонт купит у себя завод... я там буду что-нибудь делать* [Чернышевский 1974: 423]. Конечно, сказано это «шутя», но Чернышевский известен своим талантом зашифровать от цензуры что угодно. Сам Полозов рассуждает об американцах: *...у них в Америке человек — ныне работник у сапожника или пахарь, завтра генерал, послезавтра президент, а там опять конторщик или адвокат. Это совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по деньгам и по уму* [Чернышевский 1974: 426]. А дальше Полозов думает, что это правильно, да и сам он точно такой же человек: *Деньги — главное; и ум, потому что без ума не проживешь денег* [Чернышевский 1974: 426].

Налицо откровенная идеализация Чернышевским Америки и воссоздание мифа о ней. В романе «Атлант расправил плечи» Россия не упоминается, но известно мнение Айн Рэнд о своей Родине. Особенно показательны в этом смысле ее первый роман «Мы — живые» («We the living») (1936). *Если они спросят тебя в Америке — скажи им, что Россия — это огромное кладбище и что все мы медленно погибает* [Рэнд 2006: 7], — такие слова близких людей Айн Рэнд приведены в предисловии к первому изданию книги в России.

Для чего созданы обе утопии — еще один важный вопрос. Герои Чернышевского движимы

идеями «осчастлививания» человечества, герои Рэнд устроили забастовку, скрывшись в своем самодельном мире от посягательств на разум. Герои Айн Рэнд больше направлены «внутрь», чем «вовне», их продуцирование «нового человека» касается в первую очередь их самих, но уже потом социума, а не наоборот. Нам кажется, что причина негативного отношения Айн Рэнд к коллективизму СССР (а если вспомнить, то деятельность ранней пуританской Америки также носила коллективный характер) кроется в том, что она видела ошибочность тоталитарной идеологии, имея возможность оценить ее последствия. Любое общество развивается стадийно, и героям Чернышевского (как и ему самому) не дано было знать, «как слово их отзовется».

«Несмотря на всю прокламируемую нелюбовь к России и русской литературе, и в ее книге, и в ней самой бесконечно много русского — экстремизм, претензии на глобальность, желание использовать литературу как проповедь, потребность исправлять „карту звездного неба“» [Паперный 2013]. В этих словах исследователя много истины, хоть абсолютизировать «русское» в Айн Рэнд и не стоит. На наш взгляд, Алиса Розенбаум явилась сотворцом национального мифа Америки, как миллионы других переселенцев, создавших страну-мечту США. Отражением русской ментальности в ее романах были прежде всего экстремизм, претензии на глобальность, использование пространства художественного текста как трибуны, идеализация реальности. Айн Рэнд, кроме того, создатель своеобразного философского течения, по сути, основатель своего собственного культа, что немало напоминает советских идеологов. Исследование многообразия «ментального содержания» произведений Айн Рэнд только начинается, и перед исследователями открываются достаточно обширные горизонты на этом поле деятельности.

A. V. Grigorovskaya
Tyumen, Russia

«WHAT TO DO?» BY N. G. CHERNYSHEVSKY AND «ATLAS SHRUGGED» BY AYN RAND: RUSSIA ABOUT AMERICA AND AMERICA ABOUT RUSSIA

ABSTRACT. *The article deals with the dialogue between America and Russia in the works of the American writer of Russian descent Ayn Rand and the Russian writer N. G. Chernyshevsky. The topic of the article is comparison between two national utopias, its goal is the research of “the Russian” in Ayn Rand’s creative activity and the revelation of new boundaries in the books by N. G. Chernyshevsky. The interaction of novels “What to do?” by N. G. Chernyshevsky and “Atlas shrugged” by Ayn Rand is considered. The comparative analysis of the texts is carried out in terms of conceptual content, genre form, system of characters and symbolic structure. The following methods have been used for the analysis: all-round systemic, historic-comparative and typological. As a result of the undertaken analysis the author makes the conclusion, that Ayn Rand’s works of fiction have features that are typologically close to the ideas of N. G. Chernyshevsky. Their similarity and modeling of the national myth about Russia and America is detected in the works of both authors.*

KEY WORDS: «What to do?»; N. G. Chernyshevsky; «Atlas shrugged»; Ayn Rand; national myth; utopia; Russia; America.

ABOUT THE AUTHOR: Grigorovskaya Anastasiya Vasilyevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, FSBEI HPE «Northern Trans-Ural SAU», Tyumen, Russia.

LITERATURE

1. Batalov E. Ya. Sotsial'naya utopiya i utopichesko-soznanie v SSHA. — М. : Nauka, 1982.
2. Batalov E. Ya. Russkaya ideya i amerikanskaya mechta. — М. : Progress-Traditsiya, 2009.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. — М. : Наука, 1982.
2. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. — М. : Прогресс-Традиция, 2009.
3. Голенопольский Т. Г., Шестаков В. П. «Американская мечта» и американская действительность. — М. : Искусство, 1981.
4. Жежко И. Айн Рэнд на американском «Tea Party»: диалог консерваторов и радикалов // Иностранная литература. 2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/zh15.html>.
5. Кирло Х. Словарь символов / пер.с англ. — М. : Центрполиграф, 2007.
6. Лаперуз С. Духовный призыв «Американской мечты» // Американский характер. Очерки истории культуры США. Импульс реформаторства. — М. : Наука. — С. 56—73.
7. Никифоров Я. А. «Новые люди» Чернышевского как агенты модернизации русского общества // Изв. Саратов. ун-та. 2010. Т. 10. Сер.: Социология. Политология. Вып. 3. С. 29—32.
8. Паперный В. Ушибленная коммунизмом: учение и судьба Айн Рэнд // Историческая правда: дайджест. 2013. 28 янв. URL: <http://www.istpravda.ru/digest/1917/>.
9. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд : пер.с англ. — М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012.
10. Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. Ч. 1 : пер.с англ. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009а.
11. Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. Ч. 2 : пер.с англ. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009б.
12. Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. Ч. 3 : пер.с англ. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009в.
13. Рэнд А. Мы живые. — СПб. : Невская перспектива, 2006.
14. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Собр. соч. : в 5 т. / Н. Г. Чернышевский. — М. : Правда, 1974. — Т. 1.
15. Rand A. Atlas Shrugged. — New York : Dutton, 1992.

2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/zh15.html>.

5. Kirlo Kh. Slovar' simvolov / Per.s angl. — M. : Tsentrpoligraf, 2007.

6. Laperuz S. Dukhovnyy prizyv «Amerikanskoy mechty» // Amerikanskiy kharakter. Ocherki istorii kul'tury SShA. Impul's reformatorstva. — M. : Nauka. — S. 56-73.

7. Nikiforov Ya. A. «Novye lyudi» Chernyshevskogo kak agenty modernizatsii russkogo obshchestva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2010. T. 10. Ser.Sotsiologiya. Politologiya, vyp.3.S. 29 — 32.

8. Papernyy V. Ushiblennaya kommunizmom: Uchenie i sud'ba Ayn Rend // Istoricheskaya pravda: daydzhest. 2013. 28 yanvarya. URL: <http://www.istpravda.ru/digest/1917/>

9. Peykoff L. Ob'ektivizm: filosofiya Ayn Rend / Per.s angl. — M. : Astrel': Poligrafizdat, 2012.

10. Rend A. Atlas raspravil plechi: V 3 ch./ Per.s angl. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2009a. — Ch. 1.

11. Rend A. Atlas raspravil plechi: V 3 ch./ Per.s angl. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2009b. — Ch. 2.

12. Rend A. Atlas raspravil plechi: V 3 ch./ Per.s angl. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2009v. — Ch. 3.

13. Rend A. My zhivye. — Spb: Nevskaya per-spektiva, 2006.

14. Chernyshevskiy N. G. Chto delat'? Iz ras-skazov o novykh lyudyakh // Chernyshevskiy N. G. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. — M. : Pravda, 1974. — T. 1.

15. Rand A. Atlas Shrugged. — New York: Dutton, 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, профессор О. М. Ушакова.

Е. В. Ерофеева
Екатеринбург, Россия

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КОММУНИКАНТОВ В ВЫРАЖЕНИИ МЕНАСИВНОЙ И АВЕРТИВНОЙ СЕМАНТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ДИСКУРСА)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу роли социального статуса коммуникантов в речевой ситуации угрозы и предупреждения. На примерах из французской литературы анализируется вариативность употребления языковых средств для передачи менасивной и авертивной семантики. Предпринимается попытка сопоставительного анализа способов выражения указанных речевых актов. Ситуативная вариативность речевых актов тесно связана со стратификационной вариативностью, которая обнаруживается в речевых различиях представителей разных социальных слоев, вызываемых их положением в обществе, классовой и профессиональной принадлежностью, образованием, возрастом, полом. Немаловажную роль играют и социальные роли участников коммуникации, определяющие речевое поведение последних, вносящие в речевое общение определенные социальные, обусловленные практикой свойства и регулирующие любое вербальное взаимодействие. Исследование фактического материала показало, что в зависимости от социально-психологического контекста находится также функционирование прямых и косвенных речевых актов. Делается вывод о том, что выбор способа выражения менасива и авертива прагматически мотивирован.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный статус; ролевые отношения; менасивная и авертивная семантика; речевой акт угрозы и предупреждения; разговорная речь, французский дискурс; ситуативная и стратификационная вариативность высказываний; прямые и косвенные речевые акты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.

При всей важности учета языковых средств выражения менасивной и авертивной семантики (т. е. семантики угрозы и предупреждения: от фр. «*menacer*» — угрожать и «*avertir*» — предупреждать) еще более важным является анализ функционирования таких высказываний в конкретной речевой ситуации. Обращение к анализу экстралингвистических факторов диктуется социальным характером коммуникативного процесса, поскольку речевая деятельность протекает не иначе как в социальных условиях. Таким образом, только прагматические параметры ситуации, соответствующие пресуппозиционные условия (кто, кому, при каких обстоятельствах, почему, зачем говорит) в сочетании с языковыми единицами позволяют говорящему наиболее точно передавать свое намерение, а слушающему безошибочно определять оттенок обращенного к нему побуждения в каждом конкретном случае.

Анализируемый нами материал подтверждает мысль о том, что общей сферой применения менасивных и авертивных высказываний является разговорная речь. Под разговорной речью обычно понимается устная разновидность национального языка, обусловленная такими экстралингвистическими характеристиками, как непосредственность, неофициальность, непринужденность общения. Однако многие исследователи указывают на неоднозначность термина «разговорная речь» [Сиротинина 1974; Девкин 1979; Скребнев 1985]. Дело в том, что под речью в лингвистике подразумеваются конкретные акты коммуникации, сам процесс общения, а термин «разговорная речь» обозначает функциональную разновидность языка. Подобной амбивалентностью характеризуется и синонимичный термин «разговорный язык», поскольку понятие «язык» требует

наличия автономной системы, включающей только ей присущую фонетику, лексику и грамматику. Под термином «разговорный язык» следует понимать функциональную подсистему общенационального языка, используемую при неофициальном повседневном общении; термин же «разговорная речь» объединяет речевые акты (далее РА), протекание которых обусловлено совокупностью вышеуказанных экстралингвистических условий.

Непринужденность устной разговорной речи выражается в отсутствии официальных отношений между коммуникантами, что делает возможным применение лексики из бытовой тематики при общении. Неофициальность должна восприниматься как отсутствие у говорящих установки на употребление каких-либо обязательных языковых форм, своеобразное пренебрежение к разному роду предписаниям правильной, «образцовой» речи. Наконец, непосредственность разговорной речи связана с тем, что говорящие не разделены ни пространственными, ни временными преградами, они находятся в прямом контакте, и это предопределяет диалогическое построение речи, или обмен информацией посредством чередования реплик. Следствием последнего является спонтанность разговорной речи — отсутствие предварительного обдумывания материала и его обработки. Однако неподготовленность, непродуманность реплик в то же время как бы заранее детерминирует стереотипность РА, состоящую в предпочтении устойчиво повторяющихся построений, определяемых исследователями в качестве шаблонных фраз [Шведова 1960], клише [Девкин 1979], речевых штампов [Лаптева 1972], стереотипов [Земская 1979]. Л. П. Якубинский писал по этому поводу, что «говорение в связи с определенными шаблонами

быта влечет образование целых шаблонных фраз, „прикрепленных“ к данным бытовым положениям и темам разговора» [Якубинский 1986: 49].

Употребление тех или иных языковых средств при оформлении высказывания находится в прямой зависимости от ситуации общения, что отражается в ситуативной вариативности высказываний. Ситуативная вариативность тесно связана с так называемой стратификационной вариативностью, которая обнаруживается в речевых различиях представителей разных социальных слоев, вызываемых их положением в обществе, классовой и профессиональной принадлежностью, образованием, возрастом, полом. Оба эти вида социальной вариативности настолько тесно связаны и взаимообусловлены, что А. Д. Швейцер предлагает говорить о стратификационно-ситуативной вариативности со стратификационно-ситуативными переменными [Швейцер, Никольский 1978: 39].

Отсюда ведет начало и употребление взятых из социологии терминов «статус» и «роль»: под статусом понимается совокупность постоянных, а также социально-демографических характеристик коммуникантов, а роль означает «способ поведения», детерминируемый социальной ситуацией» [Там же: 78]. Социальная же ситуация трактуется как сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи, их социально-демографические признаки, ролевые отношения, обстановку совершения РА, тему. Социальные ситуации общения могут быть стандартными и вариативными. В первых использование языковых средств жестко регламентируется речевым этикетом, во вторых оно зависит от обстановки общения, здесь диапазон языковых средств не имеет строгих ограничений. Вариативная ситуация отмечается непринужденной атмосферой общения, неофициальными отношениями коммуникантов, тогда как стандартной ситуации присуща официальность. Л. П. Крысин различает еще симметричные и асимметричные ситуации общения: участники симметричных ситуаций имеют «одинаковые социальные признаки, равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол» [Крысин 1976: 49], тогда как участники асимметричных ситуаций общения различаются хотя бы по одному из указанных признаков.

Возрастающий интерес исследователей к ролевой и статусной теории повлек за собой разработку всевозможных классификаций ролей и позиций. При этом ролевые отношения могут осуществляться на равных условиях или, наоборот, с подчинением одного коммуниканта другому [Жданова 2010: 92]. О. С. Иссерс отмечает, что несимметричная позиция коммуникантов может выражаться в двух ипостасях: сильной и слабой. Последняя требует от коммуниканта приложения максимума «коммуникативных усилий», чтобы добавить себе и своей речи большей респектабельности [Иссерс 2006: 128].

Наш материал — диалогические побудительные реплики — в подавляющем большинстве случаев представлен примерами таких речевых ситуаций, которые не предполагают особых ритуалов и регламентов осуществления РА побуждения. Эти ситуации соотносятся с личным, уст-

ным и, как правило, неофициальным общением, где говорящий имеет право выбирать конкретный способ оформления своего высказывания.

Так, если рассмотреть наши примеры с точки зрения межличностных параметров участников общения, выделяемых в речевой ситуации, то окажется, что они неоднозначны: говорящий и слушающий не связаны только иерархическими, функционально-статусными отношениями волеизъявления — волеисполнения. Между ними, напротив, существуют или возможны некоторые иные отношения личного, неофициального характера: родственные, дружеские, товарищеские, коллегиальные и прочие.

Н. В. Готлиб, изучая реализацию принципа вежливости в конфликтных РА, различает еще социально-нормативные и антисоциальные ситуации. В социально-нормативных ситуациях субъект волеизъявления (говорящий) является полноправным членом общества и подчиняется принятым в этом обществе законам, тогда как инициатор высказываний в антисоциальных ситуациях противопоставляет себя обществу и выступает в антисоциальной роли гангстера, бандита и т. п. [Готлиб 1989: 88].

Рассмотрим речевую вариативность выражения угрозы и предупреждения в некоторых наиболее распространенных коммуникативных ситуациях, выделяемых на основе перечисленных параметров.

РА угрозы, реализуемый чаще всего в антисоциальных ситуациях, подразумевает распределение ролей по схеме *говорящий — «преступник», слушающий — «жертва»*, где целью — мотивом «преступника» — является изменение положения дел в свою пользу. При этом удовлетворение его интересов связано с попранием права другой личности и опирается на «право сильного». В цитируемом ниже примере генерал Фроман, герой романа К. Арноти «Друг семьи», незаконно пришедший к власти во время путча, обращается с воззванием к населению:

(1) — *A divers endroits dans les villes, des camions bourrés d'explosifs attendent mon signal. Au moindre mouvement hostile de la population, ces camions exploseront aux points névralgiques des villes. Chacun de vous peut provoquer sa mort et celle de centaines de personnes. Si vous restez calmes, rien ne vous arrivera. Ne cherchez pas demain les journaux. On en a fini avec le règne impudent de la presse...* [Arnothy: 21] / *В разных городах грузовики, нагруженные взрывчаткой, ждут моего сигнала. При малейшем враждебном движении со стороны народа эти грузовики взорвутся в указанных точках городов. Каждый из вас может спровоцировать свою собственную смерть, а также смерть сотен человек. Если вы будете сохранять спокойствие, ничего не случится. Не ищите завтра газеты. Мы покончили с циничным правлением прессы.*

В данном случае субъект и объект воздействия (народ) не связаны какими-либо межличностными взаимоотношениями. В языковом отношении двучастная структура РА угрозы представлена в «расчлененном виде», т. е. требование и негативные последствия выражаются разными предложения-

ми (которые, в свою очередь, разделены дистантно).

Социально-нормативные ситуации предполагают опору не на «право сильного», а на другие виды прав, предоставляемых говорящему ввиду его привилегированного социального положения, возраста, главенствующего положения в иерархии семейных отношений. Угроза может применяться должностным лицом с превентивной целью — предотвратить возможное неподчинение. В следующем примере руководитель предприятия обращается к служащим:

(2) — **A partir d'aujourd'hui je ne tolérerai plus aucun incident — ai-je dit. Notre production commence à en être affectée et je ne saurais le tolérer. C'est vous qui, pour finir, en souffrirez le plus. — Ceux d'entre vous qui ne seront pas au travail demain matin seront immédiatement renvoyés chez eux** [Exbrauat :57]. / С сегодняшнего дня я не потерплю больше никаких инцидентов, — сказал я. Это сказывается на производстве, и я не смогу с этим мириться. В конце концов, сильнее всего от этого пострадаете именно вы. Те из вас, кто не придет на работу завтра утром, будут немедленно уволены.

Эта ситуация опирается на санкционированные обществом правила: служебное положение начальника по отношению к рабочим дает ему право на употребление РА угрозы.

Иерархия семейных отношений включает, например, взаимоотношения детей и родителей. Иногда в целях регуляции поведения детей возможно употребление того или иного наказания, а следовательно, и угрозы. Например, мать обращается к ребенку, который капризничает в общественном месте:

(3) — **Si monsieur n'est pas sage, il va prendre une rondinée ce soir** [Fallet: 192]! / Если мсье не будет паинькой, он получит сегодня вечером трепку.

Возможен и обратный вариант, т. е. применение угрозы детьми по отношению к родителям. Такая ситуация способствует неблагоприятно эмоционально-психологического фона взаимоотношений в семье. Полагая, что родители будут страдать, если что-то случится с их детьми, младшее поколение использует родительские чувства как средство оказания давления. Например, в следующем примере выздоравливающий сын заявляет своей матери, которая вновь начинает неприятный для него разговор:

(4) — **Maman, je retombe dans le coma, si tu continues** [Arnothy: 331]. / Мама, я снова впаду в кому, если ты не перестанешь.

В ситуации общения между близкими людьми говорящий может угрожать собеседнику и через нанесение ущерба самому себе, рассматривая этот также и как ущерб для адресата. Так, например, молодой человек обращается к знакомой девушке:

(5) — **Si tu pars, je vais me casser le bras** [Exbrauat: 73]! / Если ты уйдешь, я сломаю себе руку!

Иерархия взаимоотношений по возрасту в какой-то степени связана с типом взаимоотношений между детьми и родителями и направлена на коррекцию поведения. Например, в цитируемом

ниже высказывании хозяин дома кричит расшалившимся детям:

(6) — **Si vous ne vous arrêtez pas de crier en jouant autour de la maison, je vais vous mettre une distribution, les gosses** [Fallet : 215]! / Если вы не перестанете кричать, играя возле дома, я вам задам, пацаны!

РА угрозы может употребляться в качестве ответной реакции на предпринятое (реальное или предполагаемое) действие адресата. Ситуация угрозы в данном случае опирается на желание говорящего защитить свои права от посягательства:

(7) — **Je ne vous laisse pas le choix! Elle sortit le revolver et s'éloigna de lui. — Moi non plus, je ne vous laisse pas le choix** [McReynolds: 142]! / Я не оставляю вам выбора!

Она достала револьвер и отодвинулась от него.

— Я тоже не оставляю вам выбора!

Действие героини в сложившейся ситуации (использование оружия) оправданно, так как она использует право на самооборону.

Анализируя ситуативную вариативность РА угрозы в целом, можно отметить, что при обращении к нижестоящему (в любой иерархии: социальной, семейной, возрастной) преобладают формы императива, нередко сопровождаемые постпозиционным элементом (*c'est clair?*, *compris?* и т. п.). К специфическим приемам выражения угрозы во французском языке можно отнести а) использование модальных глаголов *vouloir*, *pouvoir* для выражения побуждения; б) частое использование риторических вопросов с союзом *si*.

Мотивом побуждения, выраженного в предостережении, является стремление говорящего предотвратить опасную или явно невыгодную для адресата ситуацию, поэтому РА предупреждения может встречаться при любой ролевой структуре коммуникативной ситуации. Предупреждение реализуется чаще всего в социально-нормативных ситуациях, где роли распределяются по следующей схеме: говорящий — «спаситель», слушающий — «жертва», и целью спасителя является попытка побудить жертву не совершать некоторого действия в силу его неблагоприятности для говорящего. Намерение говорящего, таким образом, подразумевает положительную бенефактивность. Так, в приводимом ниже примере в роли «спасителя» в силу своего профессионального долга выступает адвокат:

(8) **L'avocat: — Si votre union présumée avec une jeune femme n'était pas une solidité, la secte vous attaquerait. N'oubliez pas aussi, qu'en cas de mariage avec une étrangère, l'office d'immigration lancera une enquête...** [Arnothy: 45] / Адвокат: — Если ваш предполагаемый союз с молодой женщиной не был надежным, секта будет вас атаковать. Не забывайте также, что в случае брака с иностранкой бюро по иммиграционным делам начнет следствие...

Очевидно, что РА предупреждения является более уместным при обращении старшего по статусу (по возрасту, социальному положению) к младшему при близкой психологической дистанции и в непринужденной обстановке общения. Однако в ситуации непосредственной опасности

для адресата роль спасителя может взять на себя любое лицо, независимо от его статуса, положения в обществе, возраста и т. п. Например, маленький мальчик, зная о готовящемся нападении, считает себя вправе предупредить комиссара Мерэ:

(9) — *Vous feriez mieux de faire attention, monsieur le commissaire* [Simenon: 578]! / *Вам лучше быть осторожным, господин комиссар!*

Наличие опасности объясняет модус уверенности говорящего относительно исполнения адресатом предсказуемого действия и освобождает от речевых стратегий убеждения, мотивировок и аргументации своего побуждения [Maingueneau 1999]. В языковом выражении такие РА часто не содержат аподозиса (термин из теории текста, используемый здесь для обозначения той части семантической модели РА, которая выражает негативные последствия). Иначе говоря, они представляют собой косвенные РА предупреждения с количественной трансформацией семантической модели [Ерофеева 2013]:

(10) — *Attention! — cria-t-il. — Cache-toi vite! (J'ai entendu le faible ronronnement. Le bruit s'amplifie peu à peu: le moteur de la voiture...)* [Terrel: 174] / *Осторожно! — крикнул он. — Прячься быстро! (Я услышал слабый гул. Шум потихоньку усиливался: мотор автомобиля...)*

Подводя итог вышесказанному, отметим, что диалогическое общение строится по гибким моделям. Для того чтобы правильно строить высказывания, учитывая конкретные условия общения, необходимо владеть принципом вариативности, позволяющим «выбирать адекватные средства выражения мыслей и чувств, подходящие темы для разговора, эффективные в данных условиях общения тактические приемы достижения желаемого результата» [Тарасова 1992: 49]. К факторам, регулирующим появление в речи того или иного варианта, следует отнести возраст и образование говорящих, их социальный статус, официальность или близость отношений. Выбор способа выражения менасивов и авертивов прагматически мотивирован. Высказывание строится в зависимости от индивидуальных мотивов и целей говорящего, от социальных условий общения, от индивидуально-личностных характеристик коммуникантов, объема их знаний, уровня воспитанности. Важную роль при построении высказываний с угрозой играет фактор ролевых отношений между коммуникантами. Анализ коммуникативных ситуаций, в которых реализуется значение угрозы и предупреждения, показал, что менасив чаще всего используется в так называемых антисоциальных ситуациях, представляющих конфликтный тип взаимодействия. Авертив, исполненный положительной бенефактивности в адрес слушающего, более уместен в социально-нормативных ситуациях. Роль «спасителя», принадлежащая говорящему, ослабляет значение фактора ролевых отношений (социальный статус, образование, возраст, положение в семейной иерархии) между коммуникантами.

В заключение необходимо добавить, что социально-психологический контекст влияет на выбор коммуникантами прямых и косвенных способов выражения менасива и авертива. Употребле-

ние прямых РА в антисоциальных ситуациях обусловлено сознательным отказом говорящего от соблюдения общественно приемлемых форм поведения, а следовательно, и от необходимости воплощения «невежливых» коммуникативных целей в виде «вежливых» косвенных форм. В социально-нормативных ситуациях употребление прямых РА обосновывается наличием у говорящего определенного вида «права» на нарушение норм поведения (более высокий социальный статус, социально оправданная цель). В случае отсутствия у говорящего подобного «права», в ситуации речевого взаимодействия функционируют косвенные формы. Употребление косвенных форм вызвано желанием говорящего избежать открытого конфликта и «конформировать» с нормами общественного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готлиб Н. В. Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликации перформатива : дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1989.
2. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. — М. : Международные отношения, 1979.
3. Жданова Е. В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. — М. : Флинта : Наука, 2010.
4. Ерофеева Е. В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2014.
5. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М. : Русский язык, 1979.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. — М. : КомКнига, 2006.
7. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. — М. : Наука, 1976. С. 42—52.
8. Лантева О. А. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 35—47.
9. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
10. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности : учеб. пособие. — М. : Просвещение, 1974.
11. Тарасова И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез : пособие по самообразованию (для изучающих англ. язык). — М. : Высшая школа, 1992.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М. : Изд-во АН СССР, 1960.
13. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. — М. : Высшая школа, 1978.
14. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. — М. : Наука, 1986.
15. Arnothy Ch. L'ami de la famille. — Paris : B — Grasset, 1984.
16. Arnothy Ch. Voyage en noce. — Paris : Plon, 1994.
17. Exbrayat. Espion, où es-tu, m'entends-tu? — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1992.
18. Fallet R. La soupe aux choux. — Paris : Denoël, 1980.
19. McReynolds G. L'Etoile bleue. U.G.E. Poche Passion, 1995.

20. *Maingueneau D.* L'énunciation en linguistique française. — Paris : Hachette, 1999.

21. *Simenon G.* Pedigree // Tout Simenon 2. — Paris : Presse de la Cité, 1988.

22. *Terrel A.* Le témoin est à la noce. — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1984.

E. V. Erofeeva

Yekaterinburg, Russia

THE ROLE OF THE INTERLOCUTORS' SOCIAL STATUS IN EXPRESSING MENACE AND WARNING (a study of French discourse)

ABSTRACT. *The article analyzes the role of the interlocutors' social status in the communicative situation of menace and warning. The diversity of language means used to express menace and warning are analyzed by way of examples found in French literature. The author attempts to give a comparative analysis of the means of expression of the above mentioned speech acts. Situational diversity of speech acts is closely associated with stratificational diversity found in the speech differences of the representatives of different social groups; those differences result from an individual's social status, social class and profession, education, age and sex. The interlocutors' social roles play an important part, determine the interlocutors' verbal behavior, impart to the communication of some specific properties related to society and practice, and regulate any verbal interaction. The study of factual material shows that the functioning of direct and indirect speech acts also depends on the social and psychological context. It is concluded, that the choice of the means to express menace and warning is pragmatically motivated.*

KEY WORDS: *pragmatics; social status, role relationships; semantics of menace and warning; speech act of menacing and warning; informal language, French discourse; situational and stratificational diversity of expression; direct and indirect speech acts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; As-sociate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State Economical University, Yekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Gotlib N. V. Semantiko-pragmaticcheskie osobennosti vyskazyvaniy, ne dopuskayushchikh eksplikatsii performativa: Dis... kand. filol. nauk. -L., 1989. -197 s.

2. Devkin V. D. Nemetskaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979. — 256 s.

3. Zhdanova E. V. Lichnost' i kommunikatsiya: praktikum po rechevomu vzaimodeystviyu. M. : Flinta: Nauka, 2010. — 176 s.

4. Erofeeva E. V. Pragmaticcheskie aspekty rechevykh aktov razlichnoy kommunikativnoy napravlenosti v sovremennom frantsuzskom yazyke. — Ekaterinburg: Izd-vo Ur.gos.ped.un-ta, 2014.- 286s.

5. Zemskaya E. A. Russkaya razgovornaya rech': Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya. — M. : Russkiy yazyk, 1979. — 240 s.

6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — 4-e izd., stereotip. — M. : KomKniga, 2006. -288 s.

7. Krysin L. P. Rechevoe obshchenie i sotsial'nye roli govoryashchikh // Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya. — M. : Nauka, 1976. — S. 42-52.

8. Lapteva O. A. Izuchenie russkoy razgovornoy rechi v otechestvennom yazykoznanii poslednikh let // VYa AN SSSR, 1972. — № 2. — S. 35-47.

9. Skrebnev Yu. M. Vvedenie v kollokvialistiku. — Saratov: Izd-vo sarat. un-ta, 1985. — 210 s.

10. Sirotnina O. B. Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti: Uchebnoe posobie. — M. : Prosveshchenie, 1974. — 144 s.

11. Tarasova I. P. Rechevoe obshchenie, tolkue-moe s yumorom, no vser'ez: posobie po samoobrazovaniyu (dlya izuchayushchikh angl. yazyk). — M. : Vysshaya shkola, 1992. — 173 s.

12. Shvedova N. Yu. Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi. — M. :Izd-vo AN SSSR, 1960. — 337 s.

13. Shveytser A. D., Nikol'skiy L. B. Vvedenie v sotsiolingvistiku. — M. : Vysshaya shkola, 1978. — 216 s.

14. Yakubinskiy L. P. Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie. — M. : Nauka, 1986. — 205 s.

15. *Arnothy Ch.* L'ami de la famille. — Paris: B — Grasset, 1984. — 348 p.

16. *Arnothy Ch.* Voyage en noce. — Paris: Plon, 1994. — 396 p.

17. *Exbrayat.* Espion, où es-tu, m'entends-tu? — Paris: Librairie des Champs-Élysées, 1992.- 191 p.

18. *Fallet R.* La soupe aux choux. — Paris: Denoël, 1980. — 236 p.

19. *McReynolds G.* L'Etoile bleue. U.G.E. Poche Passion, 1995. — 154 p.

20. *Maingueneau D.* L'énunciation en linguistique française. — P.: Hachette, 1999. — 156 p.

21. *Simenon G.* Pedigree // Tout Simenon 2. — Paris: Presse de la Cité, 1988. — 894 p.

22. *Terrel A.* Le témoin est à la noce. — P.: Librairie des Champs-Élysées, 1984. — 187 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Р. И. Зарипов
Москва, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В КОНТЕКСТЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР В СОЧИ

АННОТАЦИЯ. Целью настоящего исследования ставится характеристика метафорических образов России во французском политическом дискурсе в контексте Олимпиады в Сочи, а также анализ их манипулятивного воздействия на реципиента в ходе политической коммуникации. Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и дескрипторной теории метафоры, а также опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Используются методы когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, моделирования, а также лингвостатистический метод.

Во французских политических текстах метафоры образа России осуществляют такие манипулятивные функции, как навешивание ярлыков, мифотворчество, дезинформация и искажение реального положения вещей. По результатам проведенного исследования, которые могут использоваться при анализе метафорического моделирования во французском политическом дискурсе, выявлены основные лексико-семантические поля, единицы которых в процессе метафоризации формируют образы российской политической действительности. Отмечается, что с помощью образно-метафорической информации средства массовой информации Франции голословно указывают на чрезмерные траты денежных средств и коррупцию в нашей стране в ходе подготовки к Олимпийским Играм в Сочи. Использование метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение уже достаточно длительного периода представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информация; метафора; воздействие; образ; концепт; метафорическое выражение; сфера-источник; метафоризация; понятийная область.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зарипов Руслан Ирикович, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны РФ; адрес: 123001, г. Москва, Большая Садовая, д. 14; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Языковое воздействие, реализуя мелиоративную и пейоративную функции, предполагает наличие в речи социально-идеологических мифологем, различных языковых штампов, эвфемизмов и дисфемизмов, иронии, высказываний с установкой на прямое оскорбление, создание отрицательного образа, «демонизацию» и т. д. [Копнина 2008: 160—168]. Во многом такие приемы применяются с использованием образительных средств, основой которых выступает метафора, так как именно она способна образовать как эвфемизм и положительный языковой политический штамп, так и дисфемизм, отрицательный или дискредитирующий образ.

Так, при освещении зимних Олимпийских игр в Сочи французские СМИ использовали большое количество метафорических образов с целью выработать у реципиента определенное восприятие российской политической действительности. Как мы увидим далее, метафоры России во французских политических текстах осуществляют такие манипулятивные функции, как навешивание ярлыков, мифотворчество, дезинформация и искажение реального положения вещей.

Вместе с тем внедрение манипулятивной информации, как правило, осуществлялось попеременно с нейтральной. Смешение этих видов информации мешает логическому восприятию реципиента и делает более яркими (на фоне нейтральной информации) внедряемые манипулятивные единицы.

Остановимся на примерах, в которых нет манипулятивной информации. Обычно в этих случаях речь идет об объективном изложении событий с использованием таких метафор, которые подчеркивают значимость приводимых фактов.

Получение Россией права провести Олимпиаду сравнивается с победой в некоем спортивном соревновании: *la Russie remporta la timbale en 2007* [Jégo. 05.02.2014]. Выражение *remporter la timbale* («удачно провести дело, достичь цели») употребляется в значении «выйти победителем из состязания» [Гак, Ганшина 2006: 1054] и относится к спортивной сфере-источнику.

Сам город Сочи неоднократно называется городом-витриной, визитной карточкой России и ее зеркалом:

- *vitrine de la Russie* («витрина России») [Le Point. 24.02.2014];

- *vitrine de la superpuissance Russie* («витрина супердержавы России») [Jégo. 08.02.2014];

- *Sotchi est la "ville miroir de ce que les Russes appellent eux-mêmes la nouvelle Russie"* (Сочи — это «город-зеркало того, что сами россияне называют Новой Россией») [Le Parisien. 28.03.2014].

Если Сочи — зеркало России, то по уровню подготовки Олимпиады, безопасности в городе, по атмосфере спортивного праздника можно судить обо всей стране.

- *Devenue la nouvelle carte de visite du prestige russe, la ville est censée promouvoir l'image du pays sur la scène internationale...* («Став визитной карточкой российского величия, город призван продвигать образ страны на международной арене») [Jégo. 18.10.2013].

Внимание привлекает выражение *nouvelle carte de visite* («новая визитная карточка»). Так же, как визитная карточка содержит определенные сведения о своем владельце, Сочи дает представление о России, а именно демонстриру-

ет уровень организации Игр, качество их проведения, обстановку в городе, отношение жителей к иностранцам и ряд других характеристик.

Общий контекст и сами метафоры, указанные выше, положительно оценивают российскую действительность.

Сочи уподобляют «Лас-Вегасу на морском побережье» (*un Las Vegas de bord de mer*) [Jégo. 05.02.2014]. Называя так столицу зимней Олимпиады — 2014, автор прибегает к приему антонимии, который здесь характеризует Сочи положительно. Лас-Вегас является центром туристического и игорного бизнеса и потому олицетворяет собой роскошь, богатство, «рай на Земле», поэтому реципиент подсознательно в результате метафорического переноса распространяет подобные характеристики на Сочи.

Район проведения Олимпийских игр пережил настоящую перестройку, которая в статье метафорически названа *transformation copernicienne* («коперниковская трансформация») [Там же]. Автор ставит целью не просто отметить изменение Сочи и его окрестностей при подготовке к Олимпиаде, а подчеркнуть его полное, коренное «превращение» (*transformation*) в другой город (а именно Лас-Вегас, только на берегу моря). Имя Коперника связано с открытием гелиоцентрической системы мира, т. е. с коренными изменениями представлений о мире в целом (*copernicien* — «составляющий фундаментальное открытие, новшество» [Гак, Ганшина 2006: 236]). Именно на этом основании возникает приведенный метафорический перенос. Отныне Сочи — не старенький бальнеологический курорт, а мировой спортивный центр, столица зимних Олимпийских игр, «Лас-Вегас на морском побережье».

Однако большая часть используемых во французском политическом дискурсе метафорических образов была направлена не на прославление успехов России, а на ее дискредитацию. «Давайте вспомним, — говорил президент РФ В. В. Путин на пресс-конференции 18 декабря 2014 г., — как страна готовилась к Олимпиаде 2014 года. С каким подъемом, энтузиазмом мы это делали, для того, чтобы устроить праздник не только для наших любителей спорта, но и для любителей спорта во всем мире. Но ведь это же очевидный факт: были предприняты беспрецедентные попытки, явно скоординированные, дискредитировать и подготовку к Олимпиаде, и сам ход Олимпиады» [Путин 2014].

В текстах, посвященных Олимпиаде, широко использовались информационно-идеологические и иные штампы, подменяющие реальность. Метафоры в этих текстах должны были, по мысли их авторов, продемонстрировать реципиенту отсутствие в России элементарных гражданских прав и свобод, а также сформировать в его сознании такой образ российской власти, который был бы максимально авторитарным (читай: диктаторским или даже самодержавным).

• *Le 19 août 2013, un oukaze présidentiel imposait ainsi de nouvelles règles de sécurité à Sotchi: manifestations interdites, contrôles renforcés, déplacements soumis à des règles draconiennes...* («Указ президента от 19 августа 2013 года установил новые правила безопасности в Сочи: запрещены митинги, усилен контроль, приняты дра-

коновские меры в отношении передвижения...») [Jégo. 06.01.2014].

Приведенное выражение содержит метафору *règles draconiennes* («драконовские меры»), т. е. крайне жестокие, строгие меры (сравнение с законами Дракона). Итак, меры безопасности называют «драконовскими» — *La sécurité sera draconienne* [Jégo. 27.11.2013]. Отметим в этой связи, что проведение таких масштабных мероприятий, как Олимпийские игры, всегда предполагает введение строгих мер безопасности. Называть эти меры «драконовскими», т. е. крайне жестокими, нет никаких оснований. Более того, по нашим наблюдениям, французские СМИ никогда не называли меры безопасности, принимаемые в других странах при проведении аналогичных мероприятий, «драконовскими». Метафора «драконовский», или, иначе, «драконов», понадобилась французским СМИ для того, чтобы, не приводя никаких фактов, голословно обвинить российскую власть в полицейском произволе, хотя никаких жестокостей по отношению к гостям и спортсменам Олимпиады в Сочи зафиксировано не было.

Французские СМИ сравнивают Владимира Путина с Петром Великим:

• *Sotchi est à Poutine ce que Saint-Petersbourg fut à Pierre le Grand. On est passé de la fenêtre sur l'Europe à la baie vitrée sur le monde...* («Сочи для Путина — то же самое, что Санкт-Петербург для Петра Великого. Если в первом случае речь шла об окне в Европу, то теперь через панорамный витраж вид открывается на целый мир...») [France 24, 26.06.2013].

Уникальность метафоры заключается не только в двойном параллельном сравнении: Сочи — Санкт-Петербург и Путин — Петр Великий, но и в том, что Путина именуют царем России и абсолютным монархом (монархическая метафорическая модель). Например:

• *Comment sanctionner la Russie sans toutefois se tirer une balle dans le pied d'un point de vue économique?... Pas facile. D'autant que les 28 sont divisés sur l'attitude à adopter face aux visées expansionnistes du tsar Poutine...* («Как наложить санкции на Россию, не навредив себе экономически?... Нелегко. Тем более что страны ЕС расходятся в своих позициях по вопросу их принятия в ответ на экспансионистские цели царя Путина...») [Le Parisien. 20.03.2014].

Подчеркивается, что он «единолично» правит страной в течение 14 лет:

• *Il règne sur la Russie depuis 14 ans* («Он царствует в России уже 14 лет») [Le Point. 24.02.2014].

Вся система общественных отношений преподносится так, будто в России сохраняется феодальное общество во главе с царем в центре и «местными баронами» (*barons régionaux*) на местах [Jégo. 12.02.2014; Jégo. 05.02.2014]. Властные полномочия последних характеризуются метафорой *le tout-puissant* [Jégo. 05.02.2014]. Иначе говоря, на местах они являются всемогущими, как Бог (одно из значений *tout-puissant* — «Всемогущий, Бог» [Гак, Ганшина 2006: 1067]).

В этих условиях страна страдает от эндемических болезней: *le pays souffre de maux endémiques*. Под последними автор подразуме-

вае некие нарушения властями прав простых граждан [Attal 2014]. Другая морбиальная метафора, *l'éternel talon d'Achille de la Russie* [Avril 2014], призвана подчеркнуть, что данная проблема имеет застарелый характер. В чем заключаются нарушения, авторы не пишут и никаких фактов не приводят. Расчет делается на то, что им поверят на слово.

При освещении подготовки и проведения Олимпиады-2014 в Сочи самое пристальное внимание уделялось личности президента Путина. Его деятельность подвергалась жесткому разбору и осуждению — «По любому вопросу, что бы мы ни делали, мы всегда встречаем проблемы оппонирования и борьбы с нами» [Путин 2014].

В одних случаях дело ограничивается насмешкой, злой иронией. Например, когда используют в отношении В. Путина определение *superstar olympique* [Avril 2014] или когда Олимпиаду в Сочи называют игрушкой для Путина (*Sotchi est le jouet de Poutine*) [France 24. 26.06.2013].

Самой жесткой критике была подвергнута огромная работа по подготовке Олимпиады. Эти труды не только высмеивали, но и без конца утверждали о якобы непомерных тратах на нее, фактах коррупции и нарушений прав человека.

Самые частотные и запоминающиеся метафорические словоупотребления, характеризующие Россию в контексте подготовки XXII зимних Олимпийских игр в Сочи, включают различные существительные в связке с прилагательным *pharaonique*, происхождение которого относится к эпохе египетских фараонов: *chantiers pharaoniques, travaux pharaoniques, coût pharaonique, dépenses pharaoniques, réalisations pharaoniques*. В словаре Le Petit Robert оно определяется следующим образом: *Digne des pharaons par sa démesure* («достойный фараонов по своему излишеству»; синоним *colossal*) [Le Petit Robert 2011: 1882].

Прилагательное *pharaonique* придает описанию гипертрофированный характер, указывая на чрезмерные и неоправданные усилия и средства на проведение Игр. Более того, данные метафоры подкреплены общим отрицательным по отношению к России как стране-организатору контекстом.

Рассмотрим действие на реципиента прилагательного *pharaonique* в сочетании с существительным *chantier* («стройка»):

Des habitants déplacés sans ménagement et sans indemnités pour laisser place à des chantiers pharaoniques («Ради фараоновской стройки жителей насильно перемещают и оставляют без компенсаций») [Bouchez, Réscout 2014].

Здесь прилагательное *pharaonique* приобретает смысл «непомерно огромная стройка; несомерно или чрезвычайно огромная стройка». Субъект речи использует слово *pharaonique* именно в этом смысле. Если бы он использовал близкие по значению определения *très grand, énorme*, например, вряд ли бы он смог выразить идею о масштабах строительства в Сочи. В этом случае адресат узнал бы, что стройка огромная, очень большая, но размах строительных работ ему был бы не ясен. В этих условиях большую роль в передаче нового знания (когнитивная

функция) выполняет область сферы-источника, представленная определением *pharaonique*. Она структурирует понимание области цели по собственному образу, делая более понятным для адресата содержание, касающееся размаха строительных работ в Сочи.

Новое знание, создающееся метафорой, не всегда является истинным, поскольку часто субъекту речи выгодно преподнести реципиенту иную, искаженную реальность. В данном конкретном случае необходимо отметить, что слово *pharaonique* передает адресату еще и другую, дополнительную информацию. Адресату внушается мысль о том, что стройка в Сочи в технологическом отношении далека от совершенства и, скорее всего, отражает примитивные приемы строительства (*chantier pharaonique* — «стройка при фараонах»). Даже если это понимать не буквально, а в переносном смысле, то и тогда адресат будет представлять олимпийскую стройку как стройку довольно примитивную, но проводимую с большим размахом (*d'une manière démesurée*).

С другой стороны, употреблением прилагательного *pharaonique* в сочетании со словом «стройка» (*chantier*) субъект речи делает возможной и иную интерпретацию: в Сочи строят много и масштабно, но втридорога, не считаясь с конечными расходами. Эта идея подкрепляется в самом тексте фактологической информацией, а также еще одним метафорическим выражением — *dépenses pharaoniques*:

Les dépenses pharaoniques de Sotchi s'expliquent d'abord par l'absence d'infrastructures («Фараоновские траты в Сочи объясняются в первую очередь отсутствием инфраструктуры») [Lesprit 2014].

В этом обороте смысл определения *pharaonique* вновь изменяется. Слово *dépense* в словаре Auzou объясняется как *emploi d'argent* [Dictionnaire encyclopédique Auzou 2006: 534]. В сочетании со словом *pharaonique* смысл выражения будет близким к значению оборота «невероятно большой расход денежных средств». Примерно такое же значение можно придавать определению *coût pharaonique* — «чрезмерные, невероятно большие издержки»:

...le coût pharaonique du chantier olympique, les soupçons de corruption et, surtout, les infractions aux droits de l'homme... («...фараоновская цена олимпийской стройки, подозрения в коррупции и особенно нарушения прав человека...») [Gélie 2014].

В другом источнике встречается метафорический синоним прилагательного *pharaonique* в сочетании с существительным *coût* — *astronomique* (в значении «запредельная, астрономическая цена») [Le Parisien. 07.02.2014].

В словосочетании *travaux pharaoniques* существительное можно перевести как «работы», это подтверждается его использованием в иных выражениях: *travaux en sous-sol* («подземные работы»), *travaux publics* («общественные работы») и т. п. Однако в ряде случаев словом *travaux* передается смысл, близкий словосочетанию *travaux pharaoniques*: *travaux de Romain* («долгий, тяжелый труд»), *gros travaux* («нелегкий труд»). Оборот *travaux pharaoniques* отличается от последних двух выражений, прежде всего потому, что в пря-

мом значении он более экспрессивен, так как его смысл — не «работы фараона», а «рабовладельческий труд в эпоху фараонов», а в переносном значении — «тяжелый труд, как при фараонах». Хотя эта мысль и не высказывается напрямую, адресату довольно легко прийти к подобному выводу самостоятельно:

Trente-sept milliards d'euros, c'est ce qu'ont coûté ces Jeux, de très loin les plus chers de l'histoire. Travaux pharaoniques, corruption, infrastructures inexistantes... («Эти Игры самые дорогие в истории, они обошлись в 37 миллиардов евро. Титанические работы, коррупция, отсутствующая инфраструктура») [Bouchez 2014].

Sotchi, avant et après les chantiers pharaoniques des JO... Mais transformer une station balnéaire en site olympique a nécessité des travaux pharaoniques («Сочи до и после фараоновской олимпийской стройки... Но превращение бальнеологического курорта в олимпийский объект требует титанических работ») [Camus, Coutagne 2014].

Метафорическое выражение *réalisations pharaoniques* создает в сознании реципиента образ огромных сооружений, «как при фараонах»:

La petite ville des bords de la mer Noire et ses environs ont été transfigurés par des réalisations pharaoniques... («Гигантские сооружения преобразили небольшой город на Черноморском побережье и его окрестности») [Jégo. 24.01.2014].

Определение *pharaonique* изменяет свое значение в разных ситуациях употребления, а кроме того, имеет во всех случаях довольно яркие семантико-стилистические оттенки, накладывающиеся на основное значение слова.

Частое повторение метафоры *pharaonique*, очевидно, имеет свои причины. С одной стороны, повторения, на первый взгляд, обедняют текст. Ведь если рассматривать повторение как отклонение от некоторой условной нейтральной синтаксической нормы, для которой достаточно однократного употребления слов, то априори было бы эффективней использовать какие-то другие образно-метафорические средства, чтобы сделать текст еще более эмоциональным и экспрессивным. Тем более что повторения обычно ничего не добавляют к предметно-логической информации, хотя и служат дополнительной эмоциональностью, экспрессивности и стилизации [Гаврилов 2004: 54]. Но не только в этом ценность повторений. Они обладают огромной силой убеждения. Вот что по этому поводу писал Г. Лебон: «Утверждение оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Кажется, еще Наполеон сказал, что существует только одна заслуживающая внимания фигура риторики — это повторение. Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что, в конце концов, она уже принимается как доказанная истина» [Лебон 2014: 290].

Отметим в этой связи, что метафора *pharaonique*, будучи неоднократно повторенной, оказывается наиболее убедительной для реципиента. Ее суть в данном случае заключается в понимании и переосмыслении сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида

[Лакофф, Джонсон 2008: 27]. Так, намеренное и неоднократное использование терминов одного вида, в данном случае *pharaonique*, применительно к терминам другого вида, а именно *chantier olympique à Sochi*, дает субъекту речи возможность навязывать реципиенту негативное представление о вполне успешном олимпийском строительстве в Сочи.

Метафорические словоупотребления, основанные на прилагательном *pharaonique*, относятся к монархической метафорической модели (в связи с тем, что фараон — это египетский владыка, царь).

Отсутствие чувства меры, чрезмерные масштабы строительства и грандиозные затраты на проведение Олимпийских игр передаются не только определениями *pharaonique* и *astronomique*. Так, во французских СМИ можно встретить емкую характеристику *veau d'or. Les jeux de Sochi: le veau d'or* («Игры в Сочи: золотой телец») [Rybinski 2013].

Образ золотого тельца (*veau d'or*) восходит к Ветхому Завету, где он был объектом культа отступивших от Бога Израиля. В современном понимании золотой телец предстает символом наживы и алчности. Действительно, автор статьи сравнивает Олимпийские игры в Сочи с золотым тельцом — «настоящим объектом идолопоклонства» [Там же] — с тем чтобы подчеркнуть чрезмерные, рекордные финансовые затраты на их проведение и невиданный размах коррупции.

Анализ основных метафорических выражений, создающих образ России в контексте проведения Олимпийских игр в Сочи, показывает, что СМИ Франции с помощью метафорических выражений голословно указывают на чрезмерные, авантюрные траты денежных средств и коррупцию в нашей стране.

Негативное освещение российской политической действительности во французских средствах массовой информации стало своего рода универсальным протестом в ответ на внешнеполитические успехи России и ее внутреннюю консолидацию. Использование метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение уже достаточно длительного периода представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Л. А. Стилистика французского языка: учебное пособие. — М.: Военный университет, 2004.
2. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый француско-русский словарь. 11-е изд., стер. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006.
3. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 2-е изд. — М.: Флинта, 2008.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. — М.: Челябинск: Социум, 2014.
6. Путин В. В. Логика жизни заставит нас выйти из кризиса // Российская газета. 2014. № 290 (19 дек.).
7. Attal S. Sochi: la Russie est sur la mauvaise pente // France 24. — URL: <http://www.france24.com/fr/20140207-sotchi-russie-est-mauvaise-pente/> (дата обращения)

ния: 08.07.14).

8. Avril P. Poutine en quête de sacre olympique // Le Figaro. — URL: <http://sport24.lefigaro.fr/jeux-olympiques/sotchi-2014/actualites/poutine-en-quete-de-sacre-olympique-677106> (дата обращения: 29.07.14).

9. Bouchez Y. Les Jeux de Sotchi en 14 chiffres // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/24/les-jeux-de-sotchi-en-14-chiffres_4371990_1616891.html?xtmc=jeux&xtcr=14 (дата обращения: 17.07.14).

10. Bouchez Y., Pécout A. Sotchi 2014: ce qu'il ne fallait pas manqué // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/23/sotchi-2014-ce-qu-il-ne-fallait-pas-manquer_4370592_1616891.html?xtmc=cloture&xtcr=6 (дата обращения: 08.07.14).

11. Camus E., Coutagne G. Sotchi, avant et après les chantiers pharaoniques des JO // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/03/sotchi-avant-et-apres-les-chantiers-pharaoniques-des-jo_4345536_1616891.html (дата обращения: 17.07.14).

12. Dictionnaire encyclopédique Auzou. — Paris: Edition Philippe Auzou, 2006. — 2176 p.

13. Gélie P. La médaille de l'hypocrisie // Le Figaro. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2014/02/07/3103-20140207ARTFIG00430-la-medaille-de-l-hypocrisie.php> (дата обращения: 17.07.14).

14. Interdiction de se moquer des JO de Sotchi, le "jouet de Poutine" // France 24. — URL: <http://observers.france24.com/fr/content/20130626-russie-interdiction-moquer-jo-sotchi-poutine> (дата обращения: 01.08.14).

15. Jégo M. A Sotchi, l'acharnement judiciaire contre un militant écologiste // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/02/05/sotchi-acharnement-judiciaire-contre-le-militant-ecologiste-evgueni-vitichko_4360399_3210.html (дата обращения: 01.08.14).

16. Jégo M. A Sotchi, l'écologie mène en prison // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/12/des-decharges-a-ciel-ouvert-l-envers-du-decor-de-sotchi_4364777_1616891.html (дата обращения: 14.07.14).

17. Jégo M. A Sotchi, les ONG dénoncent l'exploitation des ouvriers // Le Monde. — URL: <http://www.lemonde.fr/sport/article/2013/10/18/a-sotchi-les-ong-deno>

ncent-aussi-l-exploitation-des-ouvriers_3497866_3242.html (дата обращения: 17.07.14).

18. Jégo M. Avant les Jeux, M. Poutine visite Sotchi, capitale de la Russie «superpuissance» // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/01/06/vladimir-poutine-visite-sotchi-capitale-de-la-russie-superpuissance_4343360_3214.html (дата обращения: 21.07.14).

19. Jégo M. Poutine, le mâle absolu // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/le-magazine/article/2014/01/24/poutine-le-male-absolu_4353254_1616923.html (дата обращения: 21.07.14).

20. Jégo M. Sotchi, vitrine et laboratoire de la Russie poutinienne // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/27/sotchi-vitrine-et-laboratoire-de-la-russie-poutinienne_3520854_3214.html (дата обращения: 01.08.14).

21. Jeux olympiques: les Femmes font feu sur Sotchi // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/laparisienne/societe/femen-feu-sur-sotchi-07-02-2014-3569473.php> (дата обращения: 04.08.14).

22. JO 2014 — Sotchi: pour Poutine, la Russie est "ouverte et modernisée" // Le Point. — URL: http://www.lepoint.fr/monde/jo-2014-sotchi-pour-poutine-la-russie-est-ouverte-et-modernisee-24-02-2014-1795226_24.php (дата обращения: 01.08.14).

23. Le Petit Robert. — P.: Le Robert, 2011. — 2837 p.

24. Lesprit B. Sotchi, l'envers du décor // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/sport/article/2014/01/09/les-jeux-de-promethee_4345565_3242.html?xtmc=sotchi&xtcr=4 (дата обращения: 21.07.14).

25. L'Europe face au cas Poutine // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/actu/l-europe-face-au-cas-poutine-20-03-2014-3688725.php> (дата обращения: 17.08.14).

26. Olympisme: Jean-Claude Killy quitte la scène // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-sports/jean-claude-killy-quitte-le-cio-28-03-2014-3718023.php> (дата обращения: 29.07.14).

27. Rybinski G. Vladimir Poutine, la mansuétude lui va si bien // France 24. — URL: <http://www.france24.com/fr/20131203-vladimir-poutine-mansuetude-lui-va-bien/> (дата обращения: 07.08.14).

R. I. Zaripov
Moscow, Russia

METAPHORICAL IMAGES OF RUSSIA IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE SOCHI OLYMPIC GAMES

ABSTRACT. *The goal of the present research is the description of the metaphorical images of Russia in French political discourse in the context of the Sochi Olympic Games, as well as the analysis of their manipulative influence through political communication. The methods of research have been chosen under the influence of the metaphorical modeling theory and the metaphor descriptor theory, as well as the achievements of discourse analysis and the works of some representatives of cultural and cognitive linguistics.*

Metaphorical images of Russia in French political texts exercise manipulative functions such as labeling, myth-making, disinformation and falsification. The results of the undertaken research which can be used in French political discourse metaphorical modeling analysis suggest that the lexical-semantic fields serving as sources of metaphorical images of Russian political reality are revealed. It is noted that through the use of figurative and metaphorical information French news media point at an exorbitant spending of money and jobbery in Russia in the preparation for the Olympic Games in Sochi. The use of metaphorical expressions guaranteeing a negative apprehension of Russian realities by recipients of information is a permanent feature of French political discourse.

KEY WORDS: *information; metaphor; influence; image; concept; metaphorical expression; source domain; metaphorization; conceptual field.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zaripov Ruslan Irikovich, Adjunct, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Gavrilov L. A. Stilistika frantsuzskogo yazyka: uchebnoe posobie. — M. : Voennyi universitet, 2004.
2. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'. 11-e izd., stereotipnoe. M. : Rus. yaz.-Media, 2006. XVI, 1160, [8] s.
3. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie: ucheb. posobie. — 2-e izd. — M. : Flinta, 2008. — 176 s.
4. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem. Izd. 2-e. — M. : Izdatel'stvo LKI, 2008. — 256 s.
5. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. — M. : Chel-yabinsk: Sotsium, 2014. — 379 s.
6. Putin V. V. Logika zhizni zastavit nas vyyti iz krizisa // Rossiyskaya gazeta. — № 290. — 19.12.2014.
7. Attal S. Sotchi: la Russie est sur la mauvaise pente // France 24. — URL: <http://www.france24.com/fr/20140207-sotchi-russie-est-mauvaise-pente/> (date of access: 08.07.14).
8. Avril P. Poutine en quête de sacre olympique // Le Figaro. — URL: <http://sport24.lefigaro.fr/jeux-olympiques/sotchi-2014/actualites/poutine-en-quete-de-sacre-olympique-677106> (date of access: 29.07.14).
9. Bouchez Y. Les Jeux de Sotchi en 14 chiffres // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/24/les-jeux-de-sotchi-en-14-chiffres_4371990_1616891.html?xtmc=jeux&xtcr=14 (date of access: 17.07.14).
10. Bouchez Y., Pécout A. Sotchi 2014: ce qu'il ne fallait pas manqué // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/23/sotchi-2014-ce-qu-il-ne-fallait-pas-manquer_4370592_1616891.html?xtmc=cloture&xtcr=6 (date of access: 08.07.14).
11. Camus E., Coutagne G. Sotchi, avant et après les chantiers pharaoniques des JO // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/03/sotchi-avant-et-apres-les-chantiers-pharaoniques-des-jo_4345536_1616891.html (date of access: 17.07.14).
12. Dictionnaire encyclopédique Auzou. — Paris: Edition Philippe Auzou, 2006. — 2176 p.
13. Gélie P. La médaille de l'hypocrisie // Le Figaro. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2014/02/07/3103-20140207ARTFIG00430-la-medaille-de-l-hypocrisie.php> (date of access: 17.07.14).
14. Interdiction de se moquer des JO de Sotchi, le "jouet de Poutine" // France 24. — URL: <http://observers.france24.com/fr/content/20130626-russie-interdiction-moquer-jo-sotchi-poutine> (date of access: 01.08.14).
15. Jégo M. A Sotchi, l'acharnement judiciaire contre un militant écologiste // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/02/05/sotchi-acharnement-judiciaire-contre-le-militant-ecologiste-evgueni-vitichko_4360399_3210.html (date of access: 01.08.14).
16. Jégo M. A Sotchi, l'écologie mène en prison // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/12/des-decharges-a-ciel-ouvert-l-en-vers-du-decor-de-sotchi_4364777_1616891.html (date of access: 14.07.14).
17. Jégo M. A Sotchi, les ONG dénoncent l'exploitation des ouvriers // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/sport/article/2013/10/18/a-sotchi-les-ong-denoncent-aussi-l-exploitation-des-ouvriers_3497866_3242.html (date of access: 17.07.14).
18. Jégo M. Avant les Jeux, M. Poutine visite Sotchi, capitale de la Russie «superpuissance» // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/01/06/vla-dimir-poutine-visite-sotchi-capitale-de-la-russie-superpuissance_4343360_3214.html (date of access: 21.07.14).
19. Jégo M. Poutine, le mâle absolu // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/le-magazine/article/2014/01/24/poutine-le-male-absolu_4353254_1616923.html (date of access: 21.07.14).
20. Jégo M. Sotchi, vitrine et laboratoire de la Russie poutinienne // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/27/sotchi-vitrine-et-laboratoire-de-la-russie-poutinienne_3520854_3214.html (date of access: 01.08.14).
21. Jeux olympiques: les Femem font feu sur Sotchi // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/laparisienne/societe/femem-feu-sur-sotchi-07-02-2014-3569473.php> (date of access: 04.08.14).
22. JO 2014 — Sotchi: pour Poutine, la Russie est "ouverte et modernisée" // Le Point. — URL: http://www.lepoint.fr/monde/jo-2014-sotchi-pour-poutine-la-russie-est-ouverte-et-modernisee-24-02-2014-1795226_24.php (date of access: 01.08.14).
23. Le Petit Robert. — P.: Le Robert, 2011. — 2837 p.
24. Lesprit B. Sotchi, l'envers du décor // Le Monde. — URL: http://www.lemonde.fr/sport/article/2014/01/09/les-jeux-de-promethee_4345565_3242.html?xtmc=sochi&xtcr=4 (date of access: 21.07.14).
25. L'Europe face au cas Poutine // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/actu/l-europe-face-au-cas-poutine-20-03-2014-3688725.php> (date of access: 17.08.14).
26. Olympisme: Jean-Claude Killy quitte la scène // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-sports/jean-claude-killy-quitte-le-cio-28-03-2014-3718023.php> (date of access: 29.07.14).
- Rybinski G. Vladimir Poutine, la mansuétude lui va si bien // France 24. — URL: <http://www.france24.com/fr/20131203-vladimir-poutine-mansuetude-lui-va-bien/> (date of access: 07.08.14).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Гаврилов.

Ю. А. Истратова
Екатеринбург, Россия

ЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению политического языка в поэтических текстах французского поэта и исполнителя собственных песен Жоржа Брассенса. Тема статьи в широком смысле — употребление политического языка, в поэтическом и песенном творчестве. Цель нашей работы — установить особенности использования политического языка, его лексики и риторических приемов в поэтическом и песенном творчестве французского поэта. Для достижения поставленной цели используется контекстологический анализ песенного текста и семиотическая методология Ю. М. Лотмана. В центре внимания находятся вопросы политики, культуры и искусства, которые рассматриваются как «вторичные моделирующие системы». Первичной моделирующей системой при этом оказывается язык политики, культуры и искусства, выступающий в качестве средства коммуникации между людьми. Выполненная нами работа позволила получить следующие результаты: 1) политическая речь подчиняется правилам, ориентируется на стандарты и нормы; 2) однако ее эффект может достигаться, как это ни парадоксально, за счет нарушения норм и правил. Полученные нами результаты могут использоваться в процессе литературоведческого и текстологического анализа политических песенных текстов для изучения «грамматики политического и поэтического текста». По результатам исследования нами сделаны следующие выводы: (а) Политическая песня Жоржа Брассенса строится как политическая речь с точки зрения риторической структуры и лексики, но представлена в форме поэтического текста; б) рациональные аргументы в тексте уступают место эмоциональным средствам; в) транспозиция политической речи в поэтическую форму увеличивает силу речевого воздействия и придает тексту вневременное звучание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Жорж Брассенс, политическая песня, политический дискурс, поэтический текст, риторика, ремотивация, метафоризация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Истратова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания, Уральский федеральный университет (Екатеринбург); адрес: 620075, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 111; e-mail: juliaistratova@list.ru.

Des idées qui font avancer les idées.

1. Введение. Одна из наиболее популярных в настоящее время политических песен французского поэта Жоржа Брассенса «Mourir pour des idées» («Умереть за идею») стала известна широкой публике в 1972 г. Считается, что она появилась как ответ на критику его антивоенного сочинения шестидесятых годов «Les deux oncles» («Два дяди»), которое надделало переполоха в 1964 г, обострив дискуссию о гражданском примирении. В ней видно, как сталкивались в то время конфликтующие модели исторической памяти: с одной стороны, официальная интерпретация роли Франции в мировой войне, транслируемая приверженцами генерала де Голля и участниками движения Сопротивления, с другой — точка зрения сторонников коллаборационистского режима Виши. Певец считал, что замалчивание этого конфликта — не лучший способ снятия социального напряжения, поскольку, как говорит Брассенс, во многих французских семьях был свой «дядя Мартэн», воевавший на стороне союзников, и «дядя Гастон», поддержавший режим маршала Петена (Brassens «Les deux oncles»).

В чем обаяние знаменитой песни «Mourir pour des idées»? Почему и через 40 с лишним лет она кажется современной и не теряет притягательной силы?

2. Структура и семантика текста. Песня задумана автором так, что ее текст отчетливо членится на сегменты. Перед нами шесть строф, связанных структурным, синтаксическим, лексическим и смысловым параллелизмом. Внутренняя и внешняя эквивалентность куплетов задана заглавием и общим форматом. По композиции

песня воспринимается как текст-диалог, в котором слышны два голоса — голос поэта, отягощенного политическими идеями, и голос его музыки, чужающейся политики. Говоря по-разному об одном, они дают несхожие интерпретации мира, при столкновении которых порождаются оригинальные смыслы. Обратимся к тексту песни, чтобы проанализировать по меньшей мере некоторые строфы, выделить ключевые слова, узловые смыслы и стержневые идеи авторского замысла.

2.1. Mourir pour des idées, l'idée est excellente. В первой строфе, обращаясь к музе, поэт утверждает, что умереть во имя политической идеи — прекрасная мысль; однако аполитичная муза советует не спешить расставаться с жизнью:

(1) *Mourir pour des idées, l'idée est excellente.*

(2) *Moi j'ai failli mourir de ne l'avoir pas eue,*

(3) *Car tous ceux qui l'avaient, multitude accablante,*

(4) *En hurlant à la mort me sont tombés dessus.*

(5) *Ils ont su me convaincre et ma muse insolente,*

(6) *Abjurant ses erreurs, se rallie à leur foi*

(7) *Avec un soupçon de réserve toutefois :*

(8) *Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente,*

(9) *D'accord, mais de mort lente.*

Idees et idées 'идея идея рознь' (1—2). Чтобы подчеркнуть несуразность «смерти за идею» (Пасть за идею... Что ж, идея неплохая / Я сам едва не пал, идею не приняв), Брассенс использует так называемый антанаклазис (употребление одного и того же слова в разных значениях): *des*

idées во мн. числе с неопределенным артиклем 'идеи в широком смысле, идеология' (в переводе мн. число заменено на ед., поскольку словосочетание передается русским идиоматическим оборотом); *l'idée* в ед. числе с определенным артиклем 'идея, мысль, о которой идет речь'.

Le poète et la foule 'поэт и толпа' (3—7). Резко отрицательное отношение поэта к толпе во многих стихотворениях разных лет очевидно (ср. «Le pluriel»: *des ligues, cliques et autres troupes* — здесь и далее тексты цитируются по изданию: [Brassens 2004]).

La multitude accablante (3). Лексема *multitude*, букв. 'множество', здесь в значении 'множества людей, толпы' — один из самых распространенных поводов для негодования Brassensa во многих его текстах (ср. «La mauvaise réputation»: *Tout le monde se rue sur moi* [ibid.]; «La tondue, La messe au pendu»: *La foule qui se déchaîne* [ibid.]). К тому же многозначность глагола *accabler* ('обвинить, подавить, раздавить' [PR 2012: s. v. *accabler*]) показывает, что агрессивная толпа, обвиняя поэта в безыдейности и навязывая ему мысль о почетности смерти за идею, могла *растоптать* его физически, отчего он едва не погиб — вероятный намек на историю с песней «Les deux oncles» (см. выше пункт 1).

Hurlant à la mort (4). В стандартном французском языке оборот используется в отношении животных, применительно к собакам или волкам, в значении 'выть от тоски': *chien qui hurle à la lune ou à la mort*, букв. 'собака, которая воет на луну, на смерть'. Brassens, используя прием ремотивации фразеологического оборота, метафорически совмещает образ своры воющих собак и толпы, воспевающей «почетную кончину» во славу смерти за идею.

Ma muse et la foule (5). Говоря о своей музе, Brassens противопоставляет, с одной стороны, толпу и поэта, с другой — толпу и музу.

D'accord, mais de mort lente (8—9). Стоит пояснить, что Жорж Brassens вовсе не обличает тех, кто верит в идею. Он негодует по поводу того, что приверженцы этих самых идей, «гуру», «поводыри» хотели бы возвести идею в абсолют — положить на ее алтарь жизнь, причем не столько собственную, сколько чужую — убедить других пожертвовать собой. *De mort lente* представляет собой так называемое «некатегорическое высказывание», которое приобретает в контексте противоположное значение (*Умрем ради идей! Я „за“ двумя руками / Умрем... Но стариками* — пер. А. Аванесова; здесь и далее переводы цитируются по изданию: [Аванесов 2002]), т. е., фактически, умрем, но не за идею, а когда пробьет час. Здесь же, на наш взгляд, проявляется еще и нежелание подчиняться давлению навязчивых «советчиков» и «мессий».

Сходные речевые формулы встречаются в разных культурах. Ср. широко известный диалог из кинофильма «Белое солнце пустыни»: Семен: *Погоди, вот придет Абдулла, он тебе вырвет язык! Ну чего молчишь?* Сухов: *Язык берегу.* Семен: *Тебя как, сразу кончить, или желаешь помучиться?* Сухов: *Лучше, конечно, помучиться* [В. Мотыль, «Белое солнце пустыни». 1970].

2.2. Mourrons pour des idées si elles ne sont pas fausses. Во второй строфе поэт добавляет,

что умереть за идею, конечно, прекрасно, но как отличить добро от зла? Чтобы избежать ошибок и разочарований, муза вновь советует не торопиться.

(10) *Jugeant qu'il n'y a pas péril en la demeure,*

(11) *Allons vers l'autre monde en flânant en chemin*

(12) *Car, à forcer l'allure, il arrive qu'on meure*

(13) *Pour des idées n'ayant plus cours le lendemain.*

(14) *Or, s'il est une chose amère, désolante,*

(15) *En rendant l'âme à Dieu c'est bien de constater*

(16) *Qu'on a fait fausse route, qu'on s'est trompé d'idée,*

(17) *Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente,*

(18) *D'accord, mais de mort lente.*

Il y a péril en la demeure (10). В современной французской речи это выражение соответствует русскому «промедление смерти подобно» [PR 2012: s. v. *demeure*]. В этом случае, вновь прибегая к ремотивации идиоматического словосочетания, Brassens использует антонимическую перифразу, букв. «промедление не опасно».

En flânant en chemin (11). Brassens, казалось бы, согласен отправиться в «лучший мир», да только не спеша. Ср. сходные мотивы в «Завещании» 1955 г. («Le testament»): *J'ferai la tombe buissonnière / J'quitt'rai la vie à reculons* [Brassens 2004]. *Я в путь последний на кладбище / Поюду дорогой школяра* [Аванесов 2002].

En rendant l'âme à Dieu c'est bien de constater (15). Brassens вновь использует «ироническую антифразу» (*bien* в смысле 'mal, triste, pénible'), сетует, что, отдавая богу душу, горько сознавать, что идея не стоила жертвы, но хорошо уже то, что хотя бы перед смертью «открылись глаза».

Из-за отсутствия места строфы 3—5 мы приводим здесь без подробного лексического анализа.

2.3. Mourrons pour des idées, c'est leur raison de vivre. В этом куплете поэт замечает, что смерть за идею прекрасна, но для иных пророков в проповеди смерти за идею — смысл жизни. Похоже на то, что пророкам известен совет музы — со смертью за идею не нужно спешить.

(19) *Les Saint Jean Bouche d'Or qui prêchent le martyre,*

(20) *Le plus souvent, d'ailleurs, s'attardent ici-bas.*

(21) *Mourir pour des idées, c'est le cas de le dire,*

(22) *C'est leur raison de vivre, ils ne s'en privent pas.*

(23) *Dans presque tous les camps on en voit qui supplantent*

(24) *Bientôt Mathusalem dans la longévité.*

(25) *J'en conclus qu'ils doivent se dire, en*

aparté :

(26) *„Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente,*

(27) *D'accord, mais de mort lente.“*

2.4. Mourrons pour des idées, mais quelles idées choisir? Поэт утверждает, что умереть за идею прекрасно, но за какую именно идею жертвовать собой? Будущим жертвам, сталкивающимся с проблемой выбора, нужно прислушаться к совету музы: со смертью за идею не нужно торопиться.

(28) *Des idées réclamant le fameux sacrifice,*

(29) *Les sectes de tout poil en offrent des séquelles,*

(30) *Et la question se pose aux victimes novices :*

(31) *Mourir pour des idées, c'est bien beau mais lesquelles ?*

(32) *Et comme toutes sont entre elles ressemblantes,*

(33) *Quand il les voit venir, avec leur gros drapeau,*

(34) *Le sage, en hésitant, tourne autour du tombeau.*

(35) *Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente,*

(36) *D'accord, mais de mort lente.*

2.5. Mourrons pour les idées — il n'y en a pas assez? Умереть за идею прекрасно, говорится в пятой строфе, но стоит ли; ведь уже принесено немало жертв, а золотой век так и не наступил. Поэтому права муза — со смертью за идею поспешность не нужна.

(37) *Encor s'il suffisait de quelques hécatombes*

(38) *Pour qu'enfin tout changeât, qu'enfin tout s'arrangeât !*

(39) *Depuis tant de grands soirs que tant de têtes tombent,*

(40) *Au paradis sur terre on y serait déjà.*

(41) *Mais l'âge d'or sans cesse est remis aux calendes,*

(42) *Les dieux ont toujours soif, n'en ont jamais assez,*

(43) *Et c'est la mort, la mort toujours recommencée...*

(44) *Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente,*

(45) *D'accord, mais de mort lente.*

2.6. Mourez donc les premiers, nous vous cédonс le pas! В заключительном куплете подводится итог: умереть за идею прекрасно — так советуют пророки, но пропустим их вперед, поскольку нам муза советует: со смертью за идею не нужно спешить.

(46) *Ô vous, les boutefeux, ô vous les bons apôtres,*

(47) *Mourez donc les premiers, nous vous cédonс le pas.*

(48) *Mais de grâce, morbleu ! laissez vivre les autres,*

(49) *La vie est à peu près leur seul luxe ici-bas ;*

(50) *Car, enfin, la Camarde est assez vigilante,*

(51) *Elle n'a pas besoin qu'on lui tienne la faux.*

(52) *Plus de danse macabre autour des échafauds !*

(53) *Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente,*

(54) *D'accord, mais de mort lente.*

Стихи 46 и 47 представляют собой реминисценцию текста Бориса Виана: *S'il faut donner son sang / Allez donner le vôtre / Vous êtes bon apôtre / Monsieur le Président. (И не надо нам лент. / Если крови вам мало. / Сдайте вашу капралу, / господин Президент!* — пер. Дмитрия Свицова). Подробнее об отсылках Жоржа Брассенса к элементам французской культуры, политическим реалиям и символам см.: [Истратова 2014].

Boutefeux, bons apôtres (46). Недвусмыслен-

ное *boutefeux* (букв. 'запал, детонатор'; здесь 'задиры, поджигатели войны' [Гак 2010: s. v. *boutefeux*]) показывает, что Брассенс считает «борцов за идею» демагогами и провокаторами.

Mourez donc les premiers (47). В этом случае в тексте трансформация распространенного выражения, встречающегося у Альфонса Карра (1808—1890), французского писателя, основателя сатирического журнала «Les Guêpes» и газеты «Le Journal») «*Messieurs les assassins, commencez les premiers*» («*Господа убийцы, вначале вы*» или «*начните с себя*»), явно перефразированного «*Tirez donc les premiers, messieurs les Anglais*» — слова, которые приписывают графу д'Отерошу (comte d'Auteroche), командовавшему французскими гвардейцами в битве при Фонтенуа (la bataille de Fontenoy, 1745). По легенде, выйдя навстречу англичанам без охраны и обнажив голову, граф воскликнул: «Господа англичане, стреляйте первыми!».

В финале своего антигимна напрасной смерти Жорж Брассенс в энергичных выражениях (*mais de grâce, morbleu! laissez vivre les autres!*) призывает «пророков и мессий», проповедующих «смерть за идею», начать с самопожертвования. Поэт не без сарказма дает понять, что сам не спешит расстаться с жизнью ради благого дела, зато приглашает «пророков» и прочих «вождей» начать с себя, раз жертва так необходима (*nous vous cédonс le pas*).

La Camarde (50). Букв. 'коротконосая, курносая, безносая, т. е. Смерть', поскольку она традиционно изображается в виде скелета с черепом вместо головы (une « tête de mort » dont le nez, réduit à l'arête osseuse, paraît aplati [PR 2012: s. v. *camarde*]). Напомним, что антагонист Гарри Поттера в одноименных романах и фильмах Voldemort, связанный с миром смерти (букв. 'полет смерти'), также нередко появляется без этой важной части лица.

Мотив смерти у Брассенса — один из наиболее распространенных (среди прочих ключевых тем — дружба, любовь, анархизм, актуальная политика). Так или иначе он отмечается в 109 текстах при том, что общее число известных песен Брассенса — чуть более двухсот. Во многих текстах поэт затрагивает эту тему косвенно или аллюзивно, в 67 песнях о смерти говорится напрямую.

Высокая творческая активность Брассенса приходится на 1950-е гг. В этот период он еще молод, полон сил — война миновала, снова вокруг него друзья, крепкая семья, любимый учитель, дорогие сердцу книги. Однако уже в ранних стихах — зловещая тень смерти: одну из наиболее ярких песен, «*Bonhomme*» (1956 г.), поэт напишет всего в тридцать пять лет. Скоротечность жизни, одиночество старого человека, неотвратимый конец: поэт без страха заглядывает в жуткое «безносое» лицо, и весь дальнейший творческий путь Смерть останется одной из его героинь первого плана. Сколько лукавых и ласковых песен Брассенс ей посвящает, как только не называет ее: *la Camarde* (букв. 'плосконосая', 'курносая') в песнях «*La ballade des cimetières*» (1960), «*Supplique pour être enterré à la plage de Sète*» (1966), «*Mourir pour des idées*» (1972); *la Faucheuse* (букв. 'с косой, держащая косу, жница') в

«Comme une sœur» (1958), «Entre l'Espagne et l'Italie» (?); *Sa Majesté la Mort* ('ее Величество Смерть') в песне «Oncle Archibald», (1953). Даже одна из последних песен Брассенса «Trompe-la-Mort» («Обмани-смерть») — и та о ней. Песню завершает такой куплет: «*Но если все-таки на днях / Зароют в землю некий прах / И будут вдруг у мертвеца / Мои черты лица / Не торопитесь горевать / Партер слезами заливать / То будет просто ловкий ход / Сценический уход / Но только занавес дадут / И время, точку ставя тут / Осаду снимет наконец / Под крики „Браво, молодец!“ / Из ямы выпрыгну я вон / И выйду к залу на поклон / Так что не вздумайте спешить / Мне саван шить»* [Аванесов 2002]. К сожалению, такого Смерть стерпеть уже не могла и вскоре поэта настигла.

Elle n'a pas besoin qu'on lui tienne la faux (51). *Tenir la faux* — Брассенс обыгрывает выражение *tenir / tendre la main à qqn* 'протянуть руку помощи, помочь'. Смысл этой поэтической трансформации — 'Не помогайте Смерти; она и без вас знает, как управлять с косой'.

Danse Macabre (52). «Пляска смерти» — аллегорический сюжет, встречающийся в живописи и литературе Средневековья и отражающий европейские представления о всеобщем равенстве перед Смертью и бренности человеческого бытия. Смерть сводит в могилу представителей всех слоев общества — знать, духовенство, купцов, крестьян, мужчин, женщин, детей. К этому сюжету обращались Гёте (баллада «Пляска смерти», 1815), Бодлер (1857), Рильке (1907), Густав Майринк (1908), Август Стриндберг и др.

Здесь Брассенс продолжает славные традиции европейской поэзии — завершается «*Mourir pour des idées*» призывом: «*Plus de danse macabre autour des échafauds!*» (52), т. е. «*Довольно плясок смерти вокруг эшафотов!*». И да здравствует жизнь! «*Умрем. Но стариками...*» [Аванесов 2002].

3. Заключение. Политическая песня Брассенса строится по правилам политической речи с точки зрения риторической структуры и выбора лексики, но представлена в форме поэтического текста, в котором рациональные аргументы уступают место эмоциональным средствам воздействия на слушателя. Текст построен по принципу последовательной симметрии: каждый элемент первой строфы находит соответствие во второй строфе, затем в третьей строфе и т. д. Сама же строфа делится на стихи, объединяемые по смыслу в три группы. С риторической точки зрения, они образуют введение (лат. *introductio*, стихи 1 и 2), развитие повествования (*narratio*, 3—7) и заключение (*conclusio*, 8—9). Сегментация текста представлена в основном на сублексическом уровне — средствами ритмико-фонетического параллелизма — и на суперлексическом — средствами ритмико-синтаксического параллелизма, тогда как смысл создается на лексико-семантическом ярусе. По общей композиции песня воспринимается как текст-диалог, в котором слышны два голоса —

голос поэта, отягощенного политическими идеями, и голос его музыки, чурающейся политики. Говоря по-разному об одном, они дают несхожие интерпретации мира, при столкновении которых порождаются оригинальные смыслы. Транспозиция политической речи в поэтическую форму увеличивает силу речевого воздействия и придает тексту вневременное звучание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов А. Г. Брассенс в русском переводе. — М.: Стратегия, 2002.
2. Виноградов С. И. Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993. № 2—4.
3. Вольфсон И. В. Язык политики. Политика языка. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003.
4. Гак В. Г., Ганишина К. А. Новый французско-русский словарь. — М.: Дрофа: Русский язык-Медиа, 2010.
5. Жельвис В. И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. — Екатеринбург, 1999.
6. Истратова Ю. А. Аллюзия во французской поэзии: Ж. Брассенс. — Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2010а.
7. Истратова Ю. А. Политическая аллюзия у Брассенса // Политическая лингвистика. 2010б. № 4 (34). С. 188—191.
8. Истратова Ю. А. Аллюзивная ономастика в поэзии Брассенса / УрГПУ. — Екатеринбург, 2011.
9. Истратова Ю. А., Томашпольский В. И. По Парижу с Брассенсом // Плюрилингвизм и мультилингвизм. — Тюмень, 2012. С. 128—138.
10. Истратова Ю. А. Политические символы и стереотипы в поэтической речи // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 248—253.
11. Носик Б. М. Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. — М.: Эксмо, 2011.
12. Травин А. URL: <http://translatesong.livejournal.com/15374.html> (дата обращения: 16.01.2015).
13. Фрейдкин М. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Водолей, 2012.
14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта, 2006.
15. *Analyse Brassens*. URL: <http://www.analysebrassens.com> (дата обращения: 28.07.2014).
16. *Bonnafé A.* Brassens. — Paris: Seghers, 1963.
17. *Brassens G.* Poèmes et chansons. — Paris: Éditions du Seuil, 2004.
18. *PR 2012*— Le Petit Robert de la langue française. — Paris: Le Robert, 2012.
19. *Rochard L.* Brassens par Brassens. — Paris: Le Cherche midi, 2005.
20. *Rochard L.* Les mots de Brassens. — Paris: Le Cherche midi, 2009.
21. *Sermonte J.-P.* Brassens: le prince et le croque-notes. — Paris: Rocher, 1990.
22. *Tygat A.* L'univers symbolique de Georges Brassens. — Paris: Carpentier, 2004.
23. *Vendromme P.* Brassens. Le petit père. — Bruxelles: Marc Laudelout, 2000.
24. *Wilmet M.* Brassens libertaire. — Bruxelles: Aden, 2010.

Y. A. Istratova
Ekaterinburg, Russia

LANGUAGE OF POLITICAL ALTERNATIVES IN POETIC TEXTS

ABSTRACT. *The paper studies the political language in poetic texts by the French poet and singer-songwriter Georges Brassens. In a broader sense, the article deals with the use of political language, in poems and songs. The aim of the work consists in the attempt to determine the peculiarities of the use of political language, its vocabulary and rhetoric devices in poetry and lyrics of the French poet. To achieve this goal the author uses the contextual analysis of the lyrics and the semiotic method of Yuri Lotman. The author focuses her attention on the issues of politics, culture and art, which are referred to as the "secondary modeling systems", the primary modeling system in this case being the language of politics, culture and the arts, acting as a means of communication between people. The analysis yielded the following results: (a) political speech follows the rules and is regulated by standards and norms; (b) but its effect can be achieved, paradoxically, due to violations of the rules and regulations. The obtained results can be used in literary and text analysis of political lyrics for the study of "grammar of political and poetic texts". As a result of the study the author comes to the following conclusions: (a) Georges Brassens' political song is constructed as a political speech in terms of rhetoric structure and vocabulary, but is presented in the form of a poetic text; (b) rational arguments in the text give way to emotional tools; (c) the transposition of political speech into poetic form increases the volume of speech influence and gives the text a timeless ring.*

KEYWORDS: *Georges Brassens, political song, political discourse, poetic text, rhetoric, re-motivation, metaphORIZATION.*

ABOUT THE AUTHOR: *Istratova Yulia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Avanesov A. G. Brassens v russkom perevode. — M. : Strategiya, 2002.
2. Vinogradov S. I. Slovo v parlamentskoy rechi, i kul'tura obshcheniya // Russkaya rech'. 1993. № 2—4.
3. Vol'fson I. V. Yazyk politiki. Politika yazyka. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2003.
4. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'. — M. : Drofa, Russkiy yazyk-Media, 2010.
5. Zhel'vis V. I. Invektiva v politicheskoy rechi // Russkiy yazyk v kontekste kul'tury. — Ekaterinburg, 1999.
6. Istratova Yu. A. Allyuziya vo frantsuzskoy poezii: Zh. Brassens. — Ekaterinburg : Izd-vo UGTU—UPI, 2010a.
7. Istratova Yu. A. Politicheskaya allyuziya u Brassensa // Politicheskaya lingvistika. 2010b. № 4 (34). S. 188—191.
8. Istratova Yu. A. Allyuzivnaya onomastika v poezii Brassensa. — Ekaterinburg : Izd-vo Ur-GPU, 2011.
9. Istratova Yu. A., Tomashpol'skiy V. I. Po Parizhu s Brassensom // Plyurilingvizm i mul'tilingvizm. — Tyumen', 2012. S. 128—138.
10. Istratova Yu. A. Politicheskie simvol'y i stereotipy v poeticheskoy rechi // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 248—253.
11. Nosik B. M. Progulki po Parizhu s Bori-som Nosikom. — M. : Eksmo, 2011.
12. Travin A. URL: <http://translatesong.livejournal.com/15374.html> (data obrashcheniya 16.01.2015).
13. Freydkin M. Sobranie sochineniy v 3-kh t. — M. : Vodoley, 2012.
14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta, 2006.
15. *Analyse Brassens*. URL : <http://www.analysebrassens.com> (date of access: 28.07.2014).
16. *Bonnafe A.* Brassens. — Paris : Seghers, 1963.
17. *Brassens G.* Poèmes et chansons. — Paris : Éditions du Seuil, 2004.
18. *PR 2012*—Le Petit Robert de la langue française. — P. : Le Robert, 2012.
19. *Rochard L.* Brassens par Brassens. — Paris : Le Cherche midi, 2005.
20. *Rochard L.* Les mots de Brassens. — Paris : Le Cherche midi, 2009.
21. *Sermonte J.-P.* Brassens: le prince et le croque-notes. — Paris : Rocher, 1990.
22. *Tytgat A.* L'univers symbolique de Georges Brassens. — Paris : Carpentier, 2004.
23. *Vendromme P.* Brassens. Le petit père. — Bruxelles : Marc Laudelout, 2000.
24. *Wilmet M.* Brassens libertaire. — Bruxelles : Aden, 2010.

Статью рекомендует к печати д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. Л. Кушнерук
Челябинск, Россия

ПРОЕКТИВНОСТЬ ДИСКУРСА: ТЕКСТОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ *HEALTH* И *ЗДОРОВЬЕ* В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сопоставительному изучению проективности рекламных дискурсов как конструированию реальности, подчиненной законам маркетинга. Взгляд на дискурсивный мир в пространственных терминах позволяет рассмотреть его как «местоимение» ментальных единиц, к которым относятся лингвоконцепты *HEALTH/ЗДОРОВЬЕ*, имеющие регулярную объективацию в российской и британской коммерческой рекламе. Сопоставительный анализ лингвоконцептов проводится с целью установления того, насколько полноценно их содержание раскрывается в рекламе, как эволюционирует признаковый состав концептов-коррелятов и каким актуальным модификациям подвержен их содержательный объем. Исследование текстовых репрезентаций лингвоконцептов в условиях отражения и формирования социально значимых смыслов и ценностных установок производится с опорой на методологию выявления концептуальной структуры, ранее применявшуюся к межнациональному дискурсу, которая преобразуется в целях исследования концептуального наполнения дискурсивных миров. Многомерность лингвоконцептов предопределяет комплексный сопоставительный анализ по параметрам семиотической плотности, особенностей линейной реализации, образно-оценочных и ценностных репрезентаций, а также объективируемых предельностей. Особенности ассоциативно-смыслового развертывания позволяют сделать вывод об усложнении содержательного ядра лингвоконцептов-коррелятов и появлении в их структурах коммерчески маркированного слоя. Коммерческая ангажированность лингвоконцептов возникает в результате наращивания семантического объема за счет желательных экономическому институту характеристик, объединенных единым ассоциативно-смысловым вектором «здоровье как результат употребления рекламируемого продукта». Результаты представляют интерес для дальнейшего исследования проективности институционального дискурса в аспекте многократного целенаправленного воздействия агента на клиента, ведущего к значимым модификациям лингвоконцептов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рекламный дискурс; маркетинг; лингвоконцепт; когнитивно-коммуникативная парадигма; образно-оценочная репрезентация концепта.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет; адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

В широком диапазоне гуманитарного знания проективность естественного языка является важным инструментом реализации общественной практики преобразования действительности. В социально-философских исследованиях проективности имеет широкую трактовку как свойство языка регулировать общественные отношения [Гафурова 2008, Тульчинский 2011]. Сущность проективности видится в создании реальности посредством языка [Проективный философский словарь 2002: 10]. В языкознании проективность воспринимается как отображение одной сущности на другую и обнаруживается на традиционных для «внутренней лингвистики» уровнях языковой структуры [Виноградова 1999; Чернейко 2009]. В исследовательских условиях «внешней лингвистики» проективность отождествляется с практикой создания нового, отображением одних характеристик на других. В рамках коммуникативного языкознания проективность рассматривается как жанрово-стилистическая категория дискурса [Бельская 2010; Малетина 2004; Силаев 2010]. В кругу текстологических исследований проективность трактуется как преобразование ментальных представлений о действительности в текстовое пространство [Ионова 2008].

Когнитивно-коммуникативная парадигма современного языкознания, утверждающая единство языка и когниции, выводит на первый план исследования проективность как свойство дискурса, выражающееся в преобразовании ментальных представлений о конкретном виде чело-

веческой активности в текстовое пространство. Говоря о проективных свойствах дискурса, мы исходим из единой мирозозидающей функции языка, которая заключается в конструировании особого мира при восприятии и интерпретации фактов действительности с помощью языкового описания [Кубрякова 2004: 525]. Рекламные дискурсы России и Великобритании демонстрируют проективные свойства, изображая возможные миры, отличные от реального, — такие, которые российские и британские рекламисты хотели бы создать для трансляции смыслов, приобщающих к «правильному» образу жизни и стилю потребления, определяемым национально-культурной спецификой и ментальностью представителей соответствующего сообщества. Мир — мыслительный артефакт, когнитивная структура представления дискурса, создаваемая в интегративной совокупности актов рекламного взаимодействия, включающая элементы контекстуального и текстуального характера [Кушнерук 2013: 75].

Цель статьи — сопоставительный анализ дискурсов современной коммерческой рекламы в России и Великобритании с точки зрения их проективных свойств, отражающих конструктивную творческую деятельность рекламистов, направленную на создание мира, в котором актуализируются лишь те концептуальные представления, которые имеют прагматическую детерминированность и отражают социокультурные приоритеты потребления в двух странах. Рассматривая рекламу в социокультурном аспекте, считаем, что

«социальное» и «культурное» «растворены друг в друге», так как в любом социальном явлении всегда присутствует человек как носитель социальных ролей и культурных ценностей [Марков 1997].

Одним из механизмов выявления концептуальных структур является анализ справочных дефиниций по ключевым словам, а также текстовых репрезентаций [Карасик 2010; Попова 2007; Руженцева 2013]. Данный двухэтапный алгоритм считаем адекватным для описания концептуальных представлений, объективируемых в британской и российской коммерческой рекламе, поскольку, во-первых, он дает возможность установить собственно информационное содержание концепта, включающее наиболее существенные признаки, а во-вторых, рассмотреть интерпретационное поле концепта, которое в конкретном аспекте уточняет основное информационное содержание. Анализ языковых знаков, являющихся средствами доступа к когнитивным структурам, дает представление о концептах *HEALTH* и *ЗДОРОВЬЕ*, находящих регулярные формы актуализации в рекламе Британии и России. Номинации концептов избраны для обозначения по признаку частотности употребления в соответствующих рекламных произведениях (2000 рекламных объявлений на русском и английском языках).

Содержательный минимум концепта *HEALTH* раскрывается следующим образом: 1) *A person's health is the condition of their body and the extent to which it is free from illness or is able to resist illness*; 2) *Health is a state in which a person is not suffering from any illness and is feeling well* [CCALED 2008]. *The state of being free from illness or injury • a person's mental or physical condition* [ODE 2005]. Для описания концепта *ЗДОРОВЬЕ* воспользуемся соответствующими словарными определениями: *здоровье — состояние любого живого организма, при котором он в целом и все его органы способны полностью выполнять свои функции; отсутствие недуга, болезни* [http://ru.wikipedia.org]; 1. *Состояние организма, при котором правильно функционируют все его органы*. 2. *Самочувствие человека*. 3. *Духовное и социальное благополучие* [Ефремова 2006].

На уровне ключевых слов и понятий концепты *HEALTH* и *ЗДОРОВЬЕ* демонстрируют сходство признаков. Приведенные дефиниции дают возможность выделить общие признаки, закрепленные за концептами в Великобритании и России: 1) состояние организма; 2) отсутствие недуга; 3) самочувствие человека. Очевидно, что словарные иллюстрации конкретизируют признаки здоровья: в русскоязычных словарях акцентируется *духовное и социальное благополучие*, в англоязычных — *умственное и физическое состояние*. Обратимся к рекламным репрезентациям названных концептов в сопоставляемых дискурсах.

Лексемное наполнение концепта HEALTH: *здоровье (health, well-being)*, *здоровый образ жизни (healthy lifestyle)*, *качество жизни (quality of life)*, *пищеварительная система (digestive system)*, *нервная система (nervous system)*, *иммунная система (immune system)*, *сердце (heart)*, *кровь (blood)*, *волосы (hair)*, *кожа (skin)*, *суставы (joints)*, *зубы (teeth)*, *кости (bones)*, *рост (growth)*, *брюшная полость (coeliac)*, *соматические клетки (body*

cells), *кровообращение (circulation)*, *психологические функции (psychological functions)*, *концентрация (concentration)*, *обучение (learning)*, *память (memory)*, *мышление (reasoning)*, *витамины (vitamins)*, *кальций (calcium)*, *диета (diet)*, *калории (calories)*, *норма холестерина (cholesterol balance)*, *функция мышц (muscle function)*, *усталость (tiredness)*, *утомление (fatigue)*, *целebные свойства (healing properties)*, *снижение веса (weight loss)*, *аллергия (allergy)*, *непереносимость (intolerance)*; *вегетарианец (vegetarian, veggie)*, *веган (vegan)*, *общество веганов (vegan society)*, *активные люди (people on the go)*, *активность (activity)* и др. Лексемное наполнение концепта *ЗДОРОВЬЕ*: *здоровье, жизненная сила, организм, здоровое питание, целebность, полезность, питательная ценность, диетическое меню, правильное питание, пищеварение, похудение, функция кишечника, обмен веществ, кроветворение, органы пищеварения и кровообращения, репродуктивная функция, гемоглобин, щитовидная железа, нервная система, тонус организма, сетчатка, потребность организма в витаминах, укрепление костей, вес, иммунитет* и др.

При сходстве лексемного наполнения концептов *HEALTH* и *ЗДОРОВЬЕ* наблюдаются отличия. В британской рекламе здоровье воспринимается в тесной взаимосвязи с качеством жизни в целом, работой всех жизненно важных систем организма, а также психологическими функциями человека, его памятью, мышлением, способностью к концентрации внимания, обучению. Здоровье связывается с такими общественно значимыми феноменами, как вегетарианство и веганство, а также общей активностью человека. В российской рекламе номенклатура болезней представлена гораздо шире, чем в британской (*сердечно-сосудистые заболевания, острые респираторные заболевания; простуда; сахарный диабет, анемия, близорукость, туберкулез* и др.), и здоровье рассматривается как способность противостоять недугам. Важнейшими характеристиками здоровья также являются *жизненная сила, правильное питание, полезность употребляемых продуктов, крепкий иммунитет*.

Анализ концептуального окружения вносит дополнения в признаковую составляющую обсуждаемых концептов. Контекстуальное окружение концепта *HEALTH*: *рекомендуемое дневное потребление (guideline daily amount)*; *польза для здоровья (health benefit)*; *требование к здоровью (health claim)*; *эффекты, укрепляющие здоровье (health maintaining effects)*; *здоровый образ жизни (a healthy lifestyle)*; *сбалансированная диета и здоровый образ жизни (a balanced diet and healthy lifestyle)*; *здоровый баланс (healthy balance)*; *здоровые кости (healthy bones)*; *здоровые зубы и кости (healthy teeth and bones)*; *здоровый рост костей (healthy bone growth)*; *здоровое питание (healthy eating)*; *крепкое здоровье (good health)*; *здоровый перекус (healthy snack, a snack that's healthy)*; *здоровая пищеварительная система (healthy digestive system)*; *здоровое пищеварение (digestive well-being)*; *общее состояние здоровья (general well-being)*; *здоровое снижение веса (healthy weight loss)*; *укрепляющие здоровье пробиотики (the health giving probiotic cultures)*; *подходит для*

людей, страдающих заболеваниями брюшной полости (*suitable for coeliacs*); крепкие кости (*strong bones*); ежедневный режим питания (*daily diet*); безглютеновая диета (*gluten free diet*); диета со сбалансированным количеством углеводов, жиров, белков и клетчатки (*a balanced diet of carbohydrates, fat, protein and fibre*); информация для аллергиков (*allergy information*); питаться с пользой для здоровья (*eat healthily*); подходит для вегетарианцев (*suitable for vegetarians*); подходит для вегетарианцев и веганов (*suitable for vegetarians and vegans*); одобрено обществом вегетарианцев (*Vegetarian Society approved*); зарегистрировано обществом веганов (*Registered with the vegan society*); оставаться в движении (*keep active*); здоровая еда, физическая активность (*healthy meal, physical activity*); вести более полноценный образ жизни (*to lead fuller lives*), активный образ жизни (*active lifestyle*).

Залогом крепкого здоровья в британской рекламе выступает сбалансированная диета, определяемая рекомендуемым ежедневным потреблением того или иного продукта и его пользой для организма. В связке с питанием идет образ жизни в целом, который предполагает физическую активность и укрепляющий здоровье, во многом аскетичный рацион, устанавливаемый культурой вегетарианства и веганства.

Контекстуальное окружение концепта **ЗДОРОВЬЕ**: *правильное питание человека; обмен веществ в организме; диетический продукт; сбалансированная диета; соблюдение диеты; целебный овощ; полезные человеку минералы; лечебно-профилактическое действие; тонизирующее действие; укрепление сердечно-сосудистой системы; ежедневная потребность организма в витаминах; улучшение пищеварения; аппетит; укрепление нервной системы; выводить токсины; улучшение пищеварения; излечение заболеваний; снижение холестерина; антиоксиданты; улучшение состояния сосудов; регулирование пульса; нормальное функционирование организма; поддержка высокого уровня гемоглобина; противовоспалительная активность; антимикробные свойства; общеукрепляющие, противовоспалительные свойства; снижение калорий; очищение от шлаков, токсинов, радиоактивных веществ; лечебный эффект; укрепление стенок капилляров; улучшение состояния сосудов, регулирование пульса и др.*

Показателями здоровья в российской рекламе являются правильное питание и соблюдение диеты, употребление диетических продуктов, в которых содержатся полезные человеку витамины и минералы, укрепляющие все системы организма. Актуальны лечебные эффекты, результативность в излечении заболеваний, а также освобождение организма от шлаков, токсинов, радиоактивных веществ и регулирование общего самочувствия.

Образно-оценочные репрезентации здоровья в двух дискурсах позволяют обнаружить отдельные признаки, которые также дают материал для когнитивной интерпретации и уточняют содержание анализируемых концептов. Выявляется *коммерческая маркированная* концептов HEALTH и ЗДОРОВЬЕ, которая эксплицируется в рекламе

продуктов питания. Взаимосвязь продукта и здоровья человека намеренно подчеркивается специалистами для повышения мотивации покупки.

Образно-оценочные репрезентации концепта HEALTH. Проявлением здоровья оказывается употребление «здоровых» продуктов, которые создают «баланс здоровья», а также служат основой для приготовления «здоровой» еды: **более здоровая альтернатива** из бутербродов и пасты (*a healthier alternative in sandwiches and pastas*); **более здоровые варианты** еды (*healthier food options*); **более здоровый заменитель** сливочного масла (*healthier substitute for butter*); **здоровая порция** витаминов и кальция (*a healthy helping of vitamins and calcium*); **здоровый выбор** (*the healthy choice*); **готовить с большей пользой для здоровья** (*cook the healthier way*); **строительные блоки** для крепкого здоровья (*building blocks for essentially good health*); **сохранять крепкое здоровье** (*to maintain good health*); **хорошо подходит** для здоровья зубов и костей (*good for healthy teeth and bones*); **баланс здоровья** (*balance of good health*) и др.

Признаком здоровья является употребление питательных продуктов, усиленных витаминами и не содержащих искусственных добавок: **питательный представитель семьи фунги** (*a nutritious member of the fungi family*); **не содержит красителей, усилителей вкуса и других неприятных добавок, которые бы вы не стали употреблять** (*with no colourings, flavourings or nasty things you wouldn't add yourself*); **эта суперъеда способствует оздоровлению** вашей нервной системы (*this super food helps keep your nervous system healthy*); **напиток из цитрусовых усилен витаминами** (*citrus juice drink fortified with vitamins*); **источник витаминов** (*source of vitamins*).

Образно-оценочные репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ. Здоровье в общем концептуализируется как богатство: **Здоровье — лучшее богатство**. Здоровье укрепляют продукты, неизменно характеризующиеся как полезные, питательные, восстанавливающие и всегда лучшие для человека: **идеальный для здоровья; яркий букет вкусов лета, солнца и здоровья; прекрасное средство** повышения иммунитета и поддержания нервной системы; **прекрасно взбадривает и освежает** в любое время дня; **придает силу и оказывает благотворное влияние на организм; благотворно воздействует на ваш организм; очень полезны; слились воедино полезные свойства** всех входящих в его состав овощей; **идеальный источник энергии и питательной ценности; источник жизненной силы; натуральный источник антиоксидантов; лучший источник железа, каротина, витамина; кладь белков, аминокислот, витаминов; незаменим** для людей, ведущих активный образ жизни; **идеальный баланс природных витаминов и минералов; восстанавливает баланс микрофлоры в организме; повышает умственную активность, улучшает память, укрепляет нервную систему, улучшает работу сердца**.

Специфической характеристикой здоровья в российской рекламе является духовное благополучие, которое ассоциируется с продуктом, несущим

щим счастье, гармонию, радость, умиротворение, хорошее настроение, вдохновение, субъективно понимаемым как блага, к которым приближает его употребление. Ср.: **источник здоровья и вдохновения; пробуждает радость, даря улыбку каждому новому дню; открывает вам секрет безмятежного счастья; с первым глотком вы обретете жизнерадостность, бодрость духа и хорошее настроение; погружает в приятное ощущение отдыха и гармонии; вызовет вдохновение и подарит легкое чувство влюбленности; согреют и прибавят сил, создав особенную атмосферу восточной сказки; дарит поистине волшебное ощущение легкости и умиротворения** и др.

Структура концептов HEALTH и ЗДОРОВЬЕ во многом формируется за счет разнообразной фактуальной информации, представленной в рекламных произведениях, которую можно систематизировать по ряду оснований.

Представления, связанные с концептом HEALTH. Общие представления о здоровье, рекомендации: *Международные руководства о правильном питании рекомендуют ограничивать потребление насыщенных жиров, транс-жирных кислот, сахара, соли для поддержания здоровья (International dietary guidelines recommend a limited intake of saturated fats, trans-fat, sugars and salt to maintain good health); Для поддержания „баланса здоровья“ рекомендуется увеличивать количество хлеба, зерновых и картофеля в ежедневном рационе (For a «Balance of Good Health» it is recommended that we increase the amount of bread, other cereals and potatoes in our daily diet)* и др. Представления о роли витаминов, минералов и жирных кислот для здоровья: *Витамин С — антиоксидант, который защищает клетки от повреждения свободными радикалами (Vitamin C is an antioxidant that can help protect your body cells from damage by free radicals); Калий способствует нормализации кровяного давления (Potassium can help maintain a healthy blood pressure)* и др. Ежедневное потребление 250 г жирных кислот Омега 3 обеспечивает нормальную работу сердца. Их лучший источник — жирная рыба, такая как лосось, скумбрия и сардина (*Daily consumption of 250 mg of Omega 3 fatty acids contributes to the normal functioning of the heart. The best source of omega 3 fatty acids is oily fish such as Salmon, Mackerel and Sardines*) и др. Представления об исключении влияния неблагоприятных факторов на здоровье: большое количество рекламных произведений включает информацию об отсутствии вредных искусственных красителей, усилителей вкуса и консервантов (*Free from artificial colours, flavours and preservatives; No additives or preservative*), а также генетически модифицированных продуктов (*Made with non GM ingredients; Free from genetically modified products*). Коммерческую маркированность концепта HEALTH закрепляют представления о благотворном влиянии рекламируемого продукта на здоровье. Ср. рекламу соков: *Бутылка сока POM Wonderful содержит высокий уровень антиоксидантов, которые помогают защищать ваши клетки от повреждения свободными радикалами и старения, а также сни-*

жают уровень холестерина и риск развития рака предстательной железы (A Bottle of POM Wonderful contains consistent high levels of antioxidants that help protect your cells against the damaging and ageing effect of free radicals, it can also help with lowering cholesterol and prostate cancer).

Концептуализация здоровья, представленная в дискурсивном мире британской коммерческой рекламы, не укладывается в рамки медико-биологической интерпретации, ограниченной сферой физиологического состояния организма, оказывается в тесной взаимосвязи с проблемой образа жизни в целом. Представления о сбалансированной диете как части здорового образа жизни: *Разнообразная сбалансированная диета и здоровый образ жизни нужны для крепкого здоровья (A varied, balanced diet and a healthy lifestyle is recommended for good health); Важно придерживаться разнообразной сбалансированной диеты как составной части здорового образа жизни (It is important to have a varied and balanced diet as part of a healthy lifestyle).* Сбалансированное питание укрепляет здоровье, поэтому разработаны принципы правильного питания: *Мы разработали 10 простых принципов и создали вкусные сбалансированные по составу разнообразные продукты, чтобы помочь вам питаться правильно всегда (we've set out 10 easy principles and created deliciously balanced products rich in variety to help you eat better forever)* и др.

Сходным образом удается выявить представления, формирующие периферийные признаки концепта ЗДОРОВЬЕ. Например, общие представления о здоровье, рекомендации: *Рекомендованы кафедрой гигиены питания и диетологии СПбГМА им. И. И. Мечникова; Рекомендовано Российской академией медицинских наук как диетический продукт* и др. Примечательно, что рекомендации часто носят конкретный характер и адресуются людям, имеющим заболевания. Можно предположить, что такая черта, отсутствующая в британской рекламе, отражает практику российского самолечения, когда человек не обращается к врачам, что объясняется стремлением экономить время, а также разочарованием в действиях медицинских работников. Ср. рекламу авокадо: *В этом фрукте преобладают легкоусвояемые мононасыщенные жиры, поэтому его можно рекомендовать людям, имеющим сердечно-сосудистые заболевания.* Ср. рекламу шоколада: *изготовлен на основе фруктозы и новейших заменителей сахара, что дает вам возможность снизить количество потребляемых калорий и позволяет рекомендовать продукт при диабете.* Представления о роли витаминов и минералов для здоровья — например, в рекламе конфитюра: *Исключительно щадящая обработка ягод позволяет сохранить все их целебные свойства и витамины. Весь комплекс содержащихся в них веществ стимулирует обменные процессы в организме, повышает его сопротивляемость простудным заболеваниям и неблагоприятным факторам окружающей среды.* Представления об исключении влияния неблагоприятных факторов на здоровье: *Без консервантов, красителей; не содержит сахара, красителей, ароматизаторов и других вредных добавок;*

Не содержит генетически модифицированных продуктов. Представления о благотворном влиянии рекламируемого продукта на здоровье — реклама молока: *Стимулирует работу кишечника, способствует активному перевариванию пищи; Предупреждает возникновение дисбактериоза, подавляет активность патогенных бактерий; Предотвращает образование и препятствует проникновению в кровь токсинов, образующихся в процессе переваривания пищи; Укрепляет иммунитет, защищает от кишечных и других инфекций; Обеспечивает синтез витаминов.* Представления о применении продукта в лечебных целях — ср. рекламу лимонов: *В XVII веке в Китае лимон применяют как средство по излечению ран и легочных заболеваний, в том числе и туберкулеза. Употребление лимона против цинги китайская медицина установила за много веков до открытия витамина.* Реклама салата: *Руккола содержит крайне много витамина С, который является прекрасным антиоксидантом, помогает снижению холестерина, борется со свободными радикалами в клетках крови, активизирует работу иммунной системы.* Реклама чая: *Славится лечебным эффектом при головной боли и простуде. Восстанавливает жизненную энергию, тонизирует, оказывает бактерицидное действие, содержит витамин С и укрепляет иммунитет.* Представления о ценности продукта для правильного питания: *Кабачки ценны тем, что в них содержатся действенные компоненты, необходимые для правильного питания человека; Мясо королевской креветки — лидер среди морепродуктов и при желании может стать основой сбалансированной диеты.* Представления о пользе продукта для здоровья: *Базилек улучшает пищеварение, возбуждает аппетит, обладает дезинфицирующим действием, укрепляет нервную систему.*

Проведенный анализ объявлений, представленных в дискурсах коммерческой рекламы России и Великобритании, дает представления о концептах HEALTH и ЗДОРОВЬЕ, которые находят регулярные формы объективации и оказываются принципиально сходными в структурном отношении. Концепты, фиксируемые номинациями *health* и *здоровье*, являются **коммерчески маркированными**. Это значит, что спецификой текстовых репрезентаций двух концептов в британской и российской рекламе является обязательное осмысление здоровья в связи с рекламируемым продуктом. Такая маркированность появляется в содержании концептов благодаря проективности дискурса, которая детерминируется осознанным выбором языковых единиц под влиянием базовых коммерческих смыслов. К их числу мы относим: 1) регулирование спроса и предложения на товары и услуги; 2) распространение сведений о товарах и услугах с целью создания популярности; 3) информирование об особых свойствах товаров, усиливающих их привлекательность в глазах покупателей.

При общем сходстве названные концепты имеют социокультурную специфику, т. е. по-разному осмысливаются представителями двух лингвокультур. Структура выделенного концепта HEALTH неоднородна. Она включает концептуальные раз-

новидности *общее состояние человека (the condition of the body), здоровое питание (healthy eating), здоровый образ жизни (healthy lifestyle)*. Концепт HEALTH объединяет представления о здоровье как состоянии живого организма, здоровом питании как системе взглядов, способствующих укреплению здоровья и профилактике заболеваний, а также активном образе жизни как неотъемлемой части существования здорового общества в целом. Структура выделенного концепта в большей степени формируется фактуальной информацией, соотносимой с практикой культуры здорового образа жизни. Это общие представления о нормальном функционировании организма, роли витаминов, минералов, отсутствии вредных добавок для его укрепления, здоровом питании, идеях вегетарианства и веганства.

Так же как у концепта HEALTH, содержательный минимум концепта ЗДОРОВЬЕ включает данные об общем состоянии организма и самочувствии человека, отсутствии недуга, здоровом питании. Отличительной чертой является признак духовного и социального благополучия как одной из приоритетных установок, соотносимых с русским языковым сознанием и поведением (по В. И. Карасику). В структуре концепта ЗДОРОВЬЕ практически отсутствуют фигурирующие в британской рекламе номинации таких культурно значимых явлений, как здоровый образ жизни и веганство. Вегетарианство как феномен в большей степени соотносится не с образом жизни, а с системой питания (*подходит для вегетарианского и постного питания*) и ставится в один ряд с особым рационом во время Великого поста — важнейшего периода в календаре Русской православной церкви. Вариативность ассоциативных признаков концепта ЗДОРОВЬЕ также формируют представления о бытовых способах лечения с помощью рекламируемого продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельская Т. И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010.
2. Виноградова С. А. Значение и семантическое варьирование относительных прилагательных английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1999.
3. Гафурова М. Ю. Социально-философский анализ феноменов проективности языка (в пространстве между индивидуальным, социальным и общественным) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Казань, 2008.
4. Ионова С. В. Проекция текста в аспекте вторичной текстовой деятельности // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 47—53.
5. Карасик В. И. Эмблематический концепт «благополучие» // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 34—41.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Кушнерук С. Л. Лингвистическое миромоделирование в рекламе : моногр. — Челябинск : Изд-во Челябин. гос. пед. ун-та, 2013.

8. Малетина О. А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2004.

9. Марков А. П., Бирженюк Г. М. Основы социокультурного проектирования. — СПб., 1997.

10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007.

11. Проективный философский словарь. — СПб., 2002.

12. Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи. — Екатеринбург, 2013.

13. Силаев П. В. Средства усиления убедительности в учебном аргументативном дискурсе студентов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Смоленск, 2010.

14. Тульчинский Г. Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидения. — М., 2011. Вып. 8. С. 250—265.

15. Чернейко Л. О. Лингвистическая релевантность понятия *концепт* // Текст. Структура и семантика : докл. 12-й Междунар. конф. — М., 2009. Т. 1.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

16. Википедия : электр. энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

17. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. 2006.

18. CCALED 2008 = Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. C:\ProgramData\ABBY\Lingvo\3\Dic\System\CollinsCobuildEnEn.lsd.

19. ODE 2005 = Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford Univ. Pr., 2005. C:\ProgramData\ABBY\Lingvo\3\Dic\System\OxfordDictionaryEnEn.lsd.

S. L. Kushneruk

Chelyabinsk, Russia

PROJECTIVITY OF DISCOURSE: TEXTUAL REPRESENTATIONS OF THE CONCEPTS *HEALTH* AND *ZDOROVYE* IN BRITISH AND RUSSIAN ADVERTISEMENT

ABSTRACT. *The article is devoted to a comparative study of projectivity of advertizing discourse as a form of constructing reality, subject to the laws of marketing. The study of the world of discourse in terms of space allows regarding it as a receptacle of mental units, including the linguo-concepts of HEALTH/ZDOROVYE, regularly found in Russian and British commercial advertisement. The comparative analysis is undertaken with the purpose of establishing to what degree their content is disclosed in advertisement, how their set of correlating concepts develops and what urgent modifications of the volume of their content are observed. The study of text representations of linguo-concepts in the conditions of reflection and formation of socially important meanings and evaluations is carried out with reference to the methodology of discovery of conceptual structure, formerly used in relation to international discourse, which is modified with the aim of research of conceptual content of discursive worlds. Versatility of linguo-concepts predetermines the complex comparative analysis according to parameters of semiotic density, peculiarities of linear organization, figurative-evaluative and value representations and objectivized ideas. The peculiarities of associative semantic unfolding make it possible for the author to come to the conclusion about the complex nature of the core of the linguo-conceptual correlates and the appearance in their structure of a commercially marked layer. The commercial engagement of linguo-concepts appears as a result of increase of semantic volume due to the characteristics desirable for the economic institution. These characteristics are united by one common associative semantic vector "health as a result of eating the advertised product". The obtained results may be used in the future research of projectivity of institutional discourse in the aspect of multiple purposeful influence of the agent upon the recipient, leading to meaningful modifications of linguo-concepts.*

KEYWORDS: *advertizing discourse; marketing; linguo-concept; cognitive-communicative paradigm; figurative-evaluative representation of a concept.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State Pedagogical University. Chelyabinsk, Russia.*

LITERATURE

1. Bel'skaya, T. I. Sredstva aktualizatsii opor-nykh kontseptov parfyumernogo diskursa sovremennogo frantsuzskogo yazyka [Tekst] / T. I. Bel'skaya // Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2010.

2. Vinogradova, S. A. Znachenie i semanticheskoe var'irovanie nositel'nykh prilagatel'nykh angliyskogo yazyka [Tekst] / S. A. Vinogradova // Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 1999.

3. Gafurova, M. Yu. Sotsial'no-filosofskiy analiz fenomenov proektivnosti yazyka (v prostranstve mezhdru individual'nym, sotsial'nym i obshchestvennym) / M. Yu. Gafurova // Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kazan', 2008.

4. Ionova, S. V. Proektsiya teksta v aspekte vto-richnoy tekstovoy deyatel'nosti [Tekst] / S. V. Ionova // Voprosy psikholingvistiki. — №7. — 2008. — S. 47–53.

5. Karasik, V. I. Emblematichekii kontsept «blagopoluchie» [Tekst] / V. I. Karasik // Politicheskaya lingvistika. — Vyp. 3 (33). — Ekaterinburg, 2010. — S. 34–41.

6. Kubryakova, E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Tekst] /

E. S. Kubryakova. — М. : Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. — 560 s.

7. Kushneruk, S. L. Lingvisticheskoe miromodelirovanie v reklame [Tekst]: monografiya / S. L. Kushneruk. — Chelyabinsk: izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta, 2013. — 295 s.

8. Maletina, O. A. Lingvostilisticheskie osobennosti portreta kak zhanra khudozhestvennogo diskursa [Tekst] / O. A. Maletina // Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2004.

9. Markov, A. P. Osnovy sotsiokul'turnogo proektirovaniya [Tekst] / A. P. Markov, G. M. Birzhenyuk. — SPb., 1997. — 262 s.

10. Popova, Z. D. Kognitivnaya lingvistika [Tekst] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — М. : AST: Vostok — Zapad, 2007. — 314 s.

11. Projektivnyy filosofskiy slovar'. — SPb., 2002. — 298 s.

12. Ruzhentseva, N. B. Mezhnatsional'nyy diskurs: model' v kontekste epokhi [Tekst] / N. B. Ruzhentseva, Yu. A. Antonova. — Ekaterinburg, 2013. — 292 s.

13. Silaev, P. V. Sredstva usileniya ubedi-tel'nosti v uchebnom argumentativnom diskurse studentov [Tekst] / P. V. Silaev // Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Смоленск, 2010.

14. Tul'chinskiy, G. L. Lichnost' kak proekt i brend [Tekst] / G. L. Tul'chinskiy // Nauka televideniya. — Vyp. 8. — M., 2011. — S. 250–265.

15. Cherneyko, L. O. Lingvisticheskaya rele-vantnost' ponyatiya kontsept // Tekst. Struktura i semantika: doklady KhII Mezhdunarodnoy konfe-rentsii. — T. 1. — M., 2009.

16. CCALED 2008: Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. —

C:\ProgramData\ABBYY\Lingvo\%3\Dic\System\CollinsCobuildEnEn.lsd

17. ODE 2005: Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005. — C:\ProgramData\ABBYY\Lingvo\%3\Dic\System\OxfordDictionaryEnEn.lsd

18. Efremova, T. F. Bol'shoy sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka 2006.

19. Elektronnaya entsiklopediya «Vikipediya»: <http://ru.wikipedia.org>

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

К. Х. Наджим

Саратов, Россия; Багдад, Ирак

ИДИОМЫ ИЗ ПОЛЯ «ОДЕЖДА» КАК ЭКСПРЕССИВНОЕ СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Автор анализирует идиомы, включающие в состав члены поля «Одежда», в газетных массмедиа начала XXI века. Цель работы — выявить принципы концептуализации когнитивно и культурологически значимой семантической сферы в процессе идиоматизации в применении к современному политическому дискурсу. Используя методику семантического, лингвокогнитивного, лингвокультурного и статистического анализа, автор характеризует внутреннюю форму фразеологизмов, частотность их употребления и основные функции в газетных общественно-политических текстах. В результате анализа делается вывод, что данные идиомы регулярно используются для характеристики экономического положения человека в современном российском обществе и его отношения к собственности (бережливость — расточительность; жадность — щедрость). Основной концептуально значимой функцией фразеологизмов становится экспрессивная оценка кризисных явлений в отечественной экономике, бедственного положения практически всех социальных слоев россиян (за исключением олигархов и чиновников разного ранга). Использование идиом для характеристики благополучного экономического положения граждан и улучшения такого положения регулярно совмещается с актуализацией признака 'незаконный характер обретения собственности'. С помощью идиоматики современные политические реалии оцениваются с позиции традиционных ценностей народа, в основе которых лежит представление о социальной справедливости: стремление к финансовому благополучию естественно и должно находиться в прямой зависимости от трудовых затрат лица, тогда как желание жить за чужой счет и кичиться богатством недопустимо. Основные выводы и материал работы могут быть использованы при анализе идиоматики как средства репрезентации языковой картины мира, в курсах по политической лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; идиомы; русский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Наджим Кассим Хамед, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; адрес: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, 11 корп., каб. 207; e-mail: kasim_hammad@yahoo.com.

Как отмечают исследователи, одной из характерных особенностей газетного текста и публицистики в целом является чередование экспрессии и стандарта, постоянное превращение экспрессии в стандарт и поиск новых экспрессивных средств выражения [Сиротинина 2010: 18]. Идиомы, или фразеологические единицы (далее — ФЕ), можно отнести к традиционным источникам создания экспрессии в СМИ общественно-политического содержания. Это прослеживается на примере статей, очерков об актуальных проблемах экономики — пожалуй, ведущей темы в российском газетном политическом дискурсе начала XXI в.

Безусловно, различного рода образные средства (в том числе метафора и идиоматика) выполняют в массмедиа, помимо экспрессивной, когнитивную функцию (ср: [Балашова 2003; 2012; 2014; Белт 2007; Будаев, Чудинов 2006; Наумов 2012; Наумова 2004; Чудинов 2003; Шабалина 2011; Шейгал 2004]). Об этом свидетельствует, в частности, анализ функционирования членов фразеосемантического поля (далее — ФСП) «Одежда» в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (2001—2014 гг.).

Как показал анализ, с тематической областью «Экономика» связана семантика более 20 % единиц данного поля (по лексикографическим данным: [Алефиренко, Золотых 2008; Баранов, Добровольский 2007; Бирих 2005; Молотков 1994; Телия 2009; Тихонов 2004, I—II; Фелицына, Мокиенко 1990; Яранцев 2006] — в состав ФСП «Одежда» входит около 500 ФЕ разного типа).

Так, в языковой системе исследуемые фразеологизмы регулярно указывают:

- на имущественное и экономическое положение человека (преимущественно — на бедность, нищету, недостаток средств, хотя фиксируются и ФЕ с антонимическим содержанием); ср.: *полный карман* 'о богатом, денежном человеке'; *голь перекатная* 'нищие, разорившиеся, живущие в нищете люди'; *ни гроша в кармане*; *блоха в кармане (да вошь на аркане)* — 'о полном отсутствии денежных средств';

- изменение экономического положения человека (чаще — в худшую сторону; ср.: *затянуть пояс / ремень [потуже]* 'о необходимости ограничить себя в чем-л., требующем денежных расходов'; *остаться без штанов* 'разориться'; *набивать карманы* 'быстро (и обычно нечестным путем) обогащаться');

- отношение человека к собственности (бережливость — расточительность; жадность — щедрость); ср.: *тряхнуть карманом* 'расщедриться; не поспуившись, потратить деньги на что-л.'; *складывать в чулок* 'копить деньги; проявляя излишнюю бережливость, не тратить деньги').

Очень важной для русской языковой картины мира особенностью семантики идиом ФСП «Одежда» является их регулярная маркированность по признакам 'законный — незаконный характер приобретения собственности', 'причина обогащения / разорения' человека'. Как показал анализ семантики, русские ФЕ более активно фиксируют незаконный и/или несправедливый (с точки зрения носителей языка) характер обретения собственности и денежных средств (ср.: *облегчить чьи-л. карманы*; *залезать в чей-л. карман*). Причиной же утраты собственности, разорения человека становятся не только просчеты, необдуманные поступки

человека и незаконные/несправедливые действия со стороны других лиц, но и излишняя щедрость, абсолютное бескорыстие человека — обладателя собственности (ср.: *пойти по миру с сумой; снять с себя последнюю рубашку*).

При использовании указанных ФЕ в общественно-политических газетных СМИ начала XXI в. можно выявить определенную систему. В частности, данные фразеологизмы используются по отношению к нескольким типам объектов.

Во-первых, как и в языке, это может быть конкретное лицо, которое обычно воспринимается как часть определенной социальной группы. Например: *Этому фермеру повезло: друзья помогли найти бесплатное хранилище (элеватор за такую услугу **оставил бы без портка**)* [Л. Карамышева. Эпопея фермера Слинько // Труд-7, 2006.12.16]; Плохо — когда **в кармане вошь на аркане**, а дети по городам разбросаны [О. Бутова. Вас ждут на сайте фермера Трофимова // Труд-7, 2002.11.12]; *А есть вполне конкретный чиновник, который, судя по результатам исследования компетентных органов, **залез в государственный карман***. [И. Качаева. Взяли на мушку или на пушку? // Труд-7, 2007.10.30].

Во-вторых, с помощью исследуемых идиом (и это, пожалуй, самая многочисленная группа контекстов) дается экспрессивная характеристика экономического положения различных социальных групп в современной России (с одной стороны, рабочих и крестьян, учителей, врачей и других «бюджетников», малого и среднего бизнеса, с другой — крупных бизнесменов и олигархов, чиновников среднего и высшего звена, криминалитета). Например: *Конечно, обидно, что фермеры тянут такой воз и при этом **в долгах как в шелках*** [Л. Карамышева. Эпопея фермера Слинько // Труд-7, 2006.12.16]; *Остальным же заправщикам придется **затянуть пояса потуже** и терпеть — оптом с нефтебаз отаружается только дизель* [Ю. Акулич. В мае в Красноярский край должны привезти 30 тысяч тонн бензина // Комсомольская правда, 2011.05.04]; *Чиновники продолжают усиленно продавать государственную землю и **набивать лично себе карман*** [А. Александрова. На Южном Урале разразился земельно-экологический скандал // Новый регион 2, 2011.01.20].

Наконец, не менее активно в роли объекта экономической характеристики выступают государственные, политические и финансовые институты: властные структуры, субъекты Федерации и регионы России, банки и фонды, бюджетные организации и другие, которые в этом случае олицетворяются и воспринимаются как самостоятельные личности. Например: *Деньги из **бездонного кармана** правительства перетекут в очередной стабфонд и будут лежать мертвым грузом* [В. Виктор. По соске в одни руки // Труд-7, 2007.02.13]; — *Кризис еще не кончился, все строительные компании **в долгах как в шелках*** [Е. Беляков. Как я покупал квартиру в Москве // Комсомольская правда, 2010.08.24]; *Но пока „**для поддержки штанов**“ город активно использует европейские деньги* [Л. Бутузова. Евро или Союз? // Известия, 2010.06.17].

Абсолютное большинство анализируемых ФЕ используются при описании внутрироссийской

экономической жизни. Но обострение мирового финансового и экономического кризиса приводит к тому, что экспрессивные фразеологизмы начинают активно употребляться при анализе социально-экономического положения в других государствах и в мировом сообществе в целом. Например: *Кстати, Пентагон сначала планировал закупить для себя 800 „рапторов“, но довел программу только до 127 единиц и на этом остановился: даже для богатой Америки удовольствие оказалось **не по карману*** [М. Луканин. Истребители летят в никуда // Труд-7, 2011.01.12]; *„Чаще всего финансирование таких консультаций осуществляют коммунальные органы, а ведь они сами **в долгах как в шелках**“, — отмечает эксперт* [Каждый десятый немец — банкрот // РБК Daily, 2007.05.29]; *Чего еще недостает в этом обилии земных благ иным китайским чиновникам и вопреки всему **вынуждает их залезать в карман к государству?*** [Д. Привалов. Штучки партийный мандаринов // Труд-7, 2003.07.10].

Весьма показательным становится частотность употребления исследуемых фразеологизмов из ФСП «Одежда» при описании различных финансово-экономических ситуаций.

Абсолютное большинство данных ФЕ характеризует кризисные явления в отечественной и мировой экономике, а также бедственное положение практически всех социальных слоев россиян (за исключением олигархов и чиновников разного ранга). Многие из таких фразеологизмов чрезвычайно частотны в газетных массмедиа (ср.: *не по карману* — 707 употреблений; *затянуть пояс [потуже]* — 151; *бьет по карману* — 46; *в долгах как в шелках; в долгу как в шелку* — 45; *без гроша в кармане* — 25).

Например: *Кризис **бьет по карману** судовладельцев* [Российские моряки могли стать заложниками нерадивых судовладельцев // РИА Новости, 2009.10.06]; — *У вас, конечно, очень высокие амбиции, если вы отказались от гонора, когда **в карманах пусто*** [Г. Галкина. Микки Рурк: «До сих пор внутри меня живет маленький человек, которому неймется» // Труд-7, 2009.03.19]; *Но отпуск-то у людей уже в разгаре, а **в карманах ветер гуляет*** [В кошельке учителя не густо, но уже и не пусто // Труд-7, 2000.06.28]; *Законодательство в те годы позволяло правоохранителям этот товар за копейки реализовать. Государство получало **шиш в карман**. Кто-то на этом очень серьезно наживался, а мы терпели убытки* [А. Овчинников. Сослуживцы Чичваркина оправданы. И пойдут увольняться из „Евросети“ // Комсомольская правда, 2010.12.01]; *И кто придет с деньгами туда, где бездорожье да **голь перекатная?*** [Е. Владимирова. Здесь начинается Россия // Труд-7, 2005.06.10]; *В условиях острого экономического кризиса это **бьет по карману** простого человека втрое сильнее* [М. Рябов. «Родина»: украинские чиновники без стыда зарабатывают на эпидемии гриппа // Новый регион 2, 2009.11.09]; *Но людям, которые здесь честно работают, а сидят **без гроша в кармане**, не до этих хитросплетений* [Л. Рак «В кассе денег нет» // Труд-7, 2004.08.25].

Особое внимание уделяется различному рода культурным организациям, а также некоторым

регионам, муниципалитетам, которые, по мнению авторов публикаций, не просто влачат жаркое существование, а уподобляются нищим, просящим подавание. Например: *Строители памятника опять пойдут с шапкой по кругу* [О. Липчинская. В деревне под Иркутском жители за свой счет строят памятник погибшим на войне // Комсомольская правда, 2011.03.01]; *Никто с протянутой рукой, с шапкой по кругу ходить не должен* [А. Гамов. Путин в Госфильмофонде: «Никто с протянутой рукой, с шапкой по кругу ходить не должен» // Комсомольская правда, 2011.02.01]; *Но пока „для поддержки штанов“ город активно использует европейские деньги* [Л. Бутузова. Евро или Союз? // Известия, 2010. 06.17]; *Добрые люди и сегодня есть, хотя иногда приходится председателю фонда идти с шапкой по кругу, выпрашивая у бизнесменов деньги* [О. Нестерова. Родом из СССР // Труд-7, 2007.10.13].

Значительно реже фиксируются в газетном политическом дискурсе фразеологизмы, характеризующие благополучное экономическое положение государства и граждан (ср.: *жить... как у Христа за пазухой* — 17; *полный карман / полные карманы [денег]* — 14 употреблений; *обут-одет; одет-обут* — 8), причем многие из таких контекстов содержат отрицательные частицы, включены в ирреальную модальную рамку или описывают ситуацию, ограниченную временными рамками. Например: *Но это работа, и она стабильная. Жена одета-обута, ребенок тоже* [Д. Вахрушева. Предпоследний вагон // Труд-7, 2009.12.08]; *Например, о том, что люди, создающие своими руками богатство огромного государства, должны бы жить, как у Христа за пазухой* [В. Хлыстун. Пенсию в каратах не измеришь // Труд-7, 2007.02.07]; *К зиме они возвращаются домой с полными карманами денег* [Д. Филимонов. Азербайджан в ожидании бунта // Известия, 2007.12.24].

В то же время в газетных СМИ начала XXI в. весьма частотны и ФЕ, характеризующие финансовое благополучие отдельных лиц, социальных слоев, организаций и стран (ср.: *толстый кошелек; толстые кошельки; с толстым кошельком* — 76 употреблений). Но, как правило, в соответствующих контекстах объект номинации оценивается негативно, поскольку имплицитно или прямо указывается на незаконный характер обретения богатства, на недостойное, по мнению автора публикации, поведение сверхобеспеченных людей и др. Например: *Но они (как и в России) все-таки предпочитают „мэринов“ и толстые кошельки их хозяев, а не хлопцев-контрактников с небогатой получкой (даже очень симпатичных)...* [В. Баранец. Рекламу военной службы убивают примитивизм и глупость // Комсомольская правда, 2010.09.01]; *Со своим новым коллективом „Рубль“ Сергей Шнуров отыграл во Владивостоке два концерта и все на небольшую аудиторию тонких ценителей его творчества с толстыми кошельками в ресторане и ночном клубе „Yellow Submarine“* [Н. Голянова. Во Владивостоке Шнур признался, что собирается через три года уехать из России // Комсомольская правда, 2010.07.09]; *Равенство прав пока еще только декларируется, но пользоваться ими*

могут лишь граждане с толстым кошельком [А. Дорофеев. Ющенко согласился с требованиями русского кандидата в президенты // Новый регион 2, 2009.09.07].

Если же объектом номинации становятся обычные граждане, то такие контексты обычно включают иронию, но не по отношению к обеспеченным лицам, а по отношению к власти и социально-экономической ситуации в стране в целом. Например: *ДЕНЕЖКИ. Самые маленькие зарплаты у жителей Брестчины Традиционно, по данным Белстата, самые толстые кошельки оказались у минчан* [О. Антипенко. Белорусы стали больше пить и меньше смотреть телевизор // Комсомольская правда, 2009.01.30].

Еще в большей степени негативная оценка объекта номинации присуща контекстам, содержащим ФЕ из подгруппы «Обогащение; улучшение материального положения». Характерно, что все они маркированы по признаку 'незаконный характер обретения собственности'. Частотность многих членов подгруппы в газетных массивах начала XXI в. достаточно велика (ср.: *залезать / залезть в карман* — 87 употреблений; *набивать себе карманы* — 52; *набивать / набить [свой] карман / [свои] карманы* — 48; *обирать / обобрать до нитки* — 28). Например: *Провинциальную интеллигенцию в 90-е годы обобрали до нитки, сломали невыплатами, заставили для прокорма горбатиться на приусадебных участках — какие уж тут толстые журналы...* [В. Коробов. «Россию без поэзии не мыслю» // Труд-7, 2002.03.21]; *Композиторы „с именами“ боятся натолкнуться на нечистоплотных дельцов, которые обманут и оберут до нитки, как это беззастенчиво делают аудиопираты, наживающиеся, по сути, на плодах чужого труда* [А. Стародубец. Андрей Петров: мою судьбу решил «Большой вальс» // Труд-7, 2006. 02.28].

Использование подобных фразеологизмов в современном политическом газетном дискурсе обычно ограничено несколькими типами ситуаций.

Во-первых, это описание событий, связанных с криминальным поведением обладателя собственности: с воровством, грабежом, нелегальным бизнесом, обиранием клиентов, уклонением от налогов и др. Например: *И тогда случается беда: прямо на улице, среди белого дня на виду у всех человека раскручивают на очень большие деньги, а иногда и просто обирают до нитки* [Хороша была халыва! // Труд-7, 2007. 03.29]; *Я совершенно уверен, что, например, брокеры в течение торгового дня регулярно „залезают в карман“ своих клиентов для исполнения других сделок и никто этого не контролирует* [«Главными инсайдерами являются чиновники» // РБК Daily, 2007.10.03]; *Банки обещают дивиденды, а на самом деле залезают к нам в карман* [Стоит ли этим летом опасаться за свои сбережения? // Комсомольская правда, 2005.06.28].

Во-вторых, чрезвычайно активно ФЕ из данной подгруппы характеризуют коррупцию в государственных учреждениях, в медицинской и образовательной сферах (взятие взяток, разворовывание бюджетных денег и др.). Например: *Стоимость продуктов будет складываться из-за того, что кто-то набивает себе карманы —*

это сборы, поборы, вымогательства, справки, попадание в квоты, налоги и увеличение ЕСН [«Нужно перестать называть реформами то, что делается в России» // РБК Daily, 2010.05.26]; По версии следствия, медик **набивал карманы** за счет взяток и воровства [А. Краскин. В Мончегорске судят врача, помогавшего уклонистам от армии // Комсомольская правда, 2011.02.09]; В российские порты заходят накладно — санитарные, таможенные, ветеринарные и другие органы **обирают до нитки** [Е. Владимирова. Куда плывет осетр? // Труд-7, 2004.11.23].

В-третьих, подобным образом может оцениваться социально-экономическая политика государства: непомерные налоги на малый и средний бизнес, завышенные тарифы на коммунальные услуги для населения и др. Например: *Потому что все в этом здании принадлежит грузинскому народу, униженному и обобранному до последней нитки паразитирующей кликой!* [А. Кабанников, Н. Варсегов. Первый день без Шевардадзе // Комсомольская правда, 2003.11.24]; *„Но в целом вводить плату за любительскую ловлю — это желание переложить проблемы с больной головы на здоровую и в очередной раз залезть в карман налогоплательщиков“*, — заявил он [Сергей Миронов раскритиковал идею платной рыбалки // РБК Daily, 2011.03.02]; *„А если кто-то надумает все же залезть в карман к потребителю, разговаривать с ними надо предельно жестко“*, — распорядился премьер [И. Воробьева. Премьер послал депутатов в регионы проверить коммунальные тарифы // РБК Daily, 2011.01.18]; *Получается, что государство вновь пытается залезть в карман своих граждан* [О. Финькова. Налог на недвижимость не коснется большинства башкирцев // Комсомольская правда, 2009.09.15].

Интересной оказывается интерпретация в газетных СМИ идиомы *бездонный карман*. С одной стороны, она регулярно характеризует нечистых на руки или безмерно алчных бизнесменов, коррупционеров. Например: *Более того, все эти солдаты не получали даже денежного и прочего довольствия, которое тоже уходило в чей-то бездонный карман* [В. Гаврилов. Полковник — хват, но не отец солдатам // Труд-7, 2005.08.20]; *— Да куда вы без нас денетесь! — обезоружил нас улыбкой гаишник, засовывая добычу в бездонный карман российского милиционера* [Д. Стешин, В. Ворсобин. Разогнал хохол ГАИ. Что же ждем мы, москаль?! // Комсомольская правда, 2005.08.18]. С другой стороны, идиома именуется бюджет страны, который разворовывается коррупционерами всех мастей или расходуется нерационально и попросту транжируется. Например: *— Наверное, у чиновников есть и другие способы залезть в государственный карман* [Е. Владимирова. Большой откат // Труд-7, 2006.12.13]; *Поставленное в скобки слово „взнос“ подчеркивает особую природу этих денег, которые, в отличие от налогов, не являются безвозмездным платежом в бездонный карман государства, а представляют собой часть отложенной нашей с вами зарплаты* [А. Исаев. В санаторий только на «Мерседесе» // Труд-7, 2001.05.08]; *„Задача государства — сле-*

дить, чтобы они (крупные проекты) не разбухали, точно давать по рукам тем, кто пытается залезть в государственный карман, но само их наличие — это безусловный плюс для развития страны“, — сказал Медведев... [Медведев высказывается за финансовый контроль крупных инвест-проектов // РИА Новости, 2008.04.29].

Весьма специфическим оказывается употребление в современном политическом дискурсе фразеологизмов, характеризующих отношение к собственности (щедрость, бескорыстие или бережливость, скупость). В традиционной картине мира способность легко расставаться с собственностью и желание безвозмездно помочь нуждающимся оцениваются положительно, тогда как излишняя тяга к богатству, прижимистость и скарденность — отрицательно (ср.: [Степанов 1997: 661]). Но в современных медиа преобладает негативное отношение к бездумной трате средств, к отсутствию бережливости, поскольку исследуемые ФЕ с соответствующими значениями включаются в описание ситуаций, связанных, с одной стороны, с вызывающим поведением нуворишей и их жен, возлюбленных, которые таким образом демонстрируют свое богатство, а с другой — финансово-экономической несостоятельностью отдельных граждан и властных структур в целом, неспособных правильно распорядиться как семейным, так и государственным бюджетом. Например: *Так, приезжают они, чаще „новые русские“, потрясают мощной: „Выведешь на медведя, Степаныч, — озолотим!“* [Н. Варсегов. Не стреляйте в пьяных медведей! // Комсомольская правда, 2006.12.02]; *Для тех, кто способен тряхнуть мощной, предлагается прогулка по морю под парусом большой крейсерской яхты* [Поехали к морю // Труд-7, 2005.08.03]; *Причем стоит это удовольствие для их бездонного кармана сущие пустяки* [В. Ворсобин. Блатные номера // Комсомольская правда, 2003.10.24];

В соответствии с этой когнитивно-оценочной матрицей бережливость и даже скупость воспринимаются положительно, поскольку свидетельствуют, по мнению авторов публикаций, об экономической зрелости как отдельного лица, так и государства. Например: *Теперь остается лишь один выход из ситуации: затянуть пояса и жить по средствам* [В. Ворсобин. Белорусы просто проснулись в другой стране после теракта // Комсомольская правда, 2011.04.16]; *...Можно сделать такой простецкий вывод: от регионов требовали затянуть ремни и не тратить лишнего* [А. Седов. Владимир Путин — Алексею Кудрину: «Кто вас назвал лучшим министром финансов в мире?» // Комсомольская правда, 2010.12.18]; *Ведь того, кто последней рубахой не поделится, можно назвать бережливым* [С. Кузина. Грех № 4: алчность // Комсомольская правда, 2010. 02.12]; *Более 10 лет в Свердловской области формировался сбалансированный бюджет — сколько получили, столько и потратили, или по одежке — протягивай ножки* [С. Булгарин. Верхняя палата свердловского Заксобрания одобрила поправки к бюджету-2010 // Новый регион 2, 2010.05.27].

Таким образом, идиомы из ФСП «Одежда» с экономической семантикой представляют собой

по преимуществу исконно русские ФЕ, вошедшие в язык в далеком прошлом. Следовательно, они отражают традиционную картину мира русского этноса. Тем не менее данные единицы оказываются чрезвычайно востребованными в газетном политическом дискурсе начала XXI в. Показательно, что с помощью исследуемых идиом авторы публикаций экспрессивно характеризуют современные социально-экономические отношения как в России, так и в мировом сообществе в целом. Тем самым современные политические реалии оцениваются с позиции традиционных ценностей народа, в основе которых лежит представление о социальной справедливости: стремление к финансовому благополучию естественно и должно находиться в прямой зависимости от трудовых затрат лица, тогда как желание жить за чужой счет и кичиться богатством недопустимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М.: Эллис, 2008.
2. Балашова Л. В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 21—42.
3. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11—23.
4. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI — XXI вв. — М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014.
5. Белт Т. Газетные метафоры и политическое убеждение: экспериментальное исследование // Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (23). С. 10—19.
6. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимолог. слов. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
7. Большой фразеологический словарь русского

языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

8. Журавлева О. Н. Окказиональная переработка фразеологизмов в политических текстах // Политическая лингвистика. 2003. Вып. 11. С. 44—54.
9. Наумов К. Д. Функционирование идиом на базе славянских языческих представлений в русском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 136—144.
10. Наумова И. О. Английские источники политической лингвистики современного русского языка (на материале фразеологических калек с английского) // Политическая лингвистика. 2004. Вып. 12. С. 89—110.
11. Сиротинина О. Б. Все, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
12. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — М.: Мир энциклопедий. Аванта+, 2007.
13. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. — М.: Языки русской культуры, 1997.
14. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 5-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1994.
15. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А. Н. Тихонова: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2004.
16. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвостранноведческий словарь. — М.: Русский язык, 1990.
17. Чудинов А. П. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей // Политическая лингвистика. 2003. Вып. 9. С. 47—57.
18. Шабалина Е. В. Числительные в русской политической фразеологии: *пятая колонна* и *пятая графа* // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 189—193.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис 2004. — 328 с.
20. Яранцев Р. И. Русская фразеология: словарь-справочник. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2006.

K. H. Najim
Saratov, Russia

IDIOMS FROM THE FIELD OF «CLOTHES» AS EXPRESSIVE MEANS OF CHARACTERIZATION OF ECONOMIC PROBLEMS IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article analyzes idioms that include members of the field "Clothes" in newspaper mass media of early 21st century. The goal of the article is to bring out the principles of conceptualization of cognitively and culturally meaningful semantic sphere in the process of idiomatization — in reference to modern political discourse. By using the methods of semantic, linguo-cognitive, linguo-cultural and statistical analysis, the author characterizes the intrinsic form of the idioms, frequency of their usage and basic functions in newspaper socio-political texts. The analysis leads to the conclusion that these idioms are regularly used to characterize the economic status of a person in the modern Russian society and its relationship to property (thrift — extravagance; greed — generosity). The expressive assessment of the domestic economy crisis, the plight of almost all social layers of Russians (except oligarchs and officials of different ranks) becomes the main conceptually significant feature of phraseological units. The use of idioms for the characteristics of well-being of the citizens and of its improvement is regularly combined with the actualization of the property 'illegal character of gaining ownership of'. Modern political realities are often evaluated with the help of idioms from the point of view of traditional values of the people, which are based on the idea of social justice: aspiration to high financial well-being is natural and must be directly dependent on the amount of labor of a person, whereas the desire to live at the expense of others and to boast wealth is unacceptable. The main conclusions and the material can be used in the analysis of idiomatic corpus as a means of representation of the linguistic worldview and in the course of political linguistics.*

KEY WORDS: *political discourse; idiom; the Russian language.*

ABOUT THE AUTHOR: *Najim Kassim Hamed, Post-graduate Student of Department of Language Theory, History, and Applied Linguistics, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.*

LITERATURE

1. Alefirenko N. F., Zolotykh L. G. Frazеологический

- slovar': Kul'turno-poznavatel'noe prostranstvo russkoy idiomatiki. — M. : Elpis, 2008. — 472 s.
2. Balashova L. V. Obshchestvenno-politicheskaya leksika kak istochnik metaforizatsii vne politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006. Vyp. 20. S. 21—42.
3. Balashova L. V. Politicheskii 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013. № 2 (44). S. 11—23.
4. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI — XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi: Znak, 2014. — 632 s.
5. Belt T. Gazetnye metafory i politicheskoe ubezhdenie: eksperimental'noe issledovanie Politicheskii 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2007. № 2 (23). S. 10—19.
6. Birikh A. K. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. — 3 izd., ispr. i dop.— M. : Astrel': AST: Lyuks, 2005. — 926 s. (Birikh 2005)
7. Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Otv. red. V. N. Teliya. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. — 784 s. (Teliya 2009).
8. Zhuravleva O. N. Okkazional'naya pererabotka frazeologizmov v politicheskikh tekstakh // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2003. Vyp. 11. S. 44—54.
9. Naumov K. D. Funktsionirovanie idiom na baze slavyanskikh yazycheskikh predstavleniy v russkom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012. № 1 (39). S. 136—144.
10. Naumova I. O. Angliyskie istochniki politicheskoy lingvistiki sovremennogo russkogo yazyka (na materiale frazeologicheskikh kalek s angliyskogo // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2004. Vyp. 12. S. 89—110.
11. Sirotinina O. B. Vse, chto nuzhno znat' o russkoy rechi: Posobie dlya effektivnogo obshcheniya. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010. — 224 s.
12. Slovar'-teaurus sovremennoy russkoy idiomatiki / Pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. — M. : Mir entsiklopediy. Avanta+, 2007. — 1135 s. (Baranov, Dobrovol'skiy 2007).
13. Stepanov Yu. S. Slovar' russkoy kul'tu-ry. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1997. — 838 s.
14. Frazеologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. A. I. Molotkova. — 5-e izd., stereotip. — M. : Russkiy yazyk, 1994. — 543 s. (Molotkov 1994).
15. Frazеologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. A. N. Tikhonova. V 2-kh t. — M. : Flinta: Nauka, 2004. T. I. — 832 s. T. II. — 832 s. (Tikhonov 2004 I—II).
16. Felitsyna V. P., Mokienko V. M. Russkie frazeologizmy: Lingvostrannovedcheskiy slovar'. — M. : Russkiy yazyk, 1990. — 220 s. (Felitsyna, Mokienko 1990).
17. Chudinov A. P. Metodika sopostavitel'nogo issledovaniya metaforicheskikh modeley // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2003. Vyp. 9. S. 47—57.
18. Shabalina E. V. Chislitel'nye v russkoy politicheskoy frazeologii: pyataya kolonna i pyataya grafa // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2011. № 1 (35). S. 189—193.
19. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis 2004. — 328 s.
20. Yarantsev R. I. Russkaya frazeologiya: Slo-var'-spravochnik. — M. : Rus. yaz. — Media, 2006. — 896 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. В. Балашова.

А. А. Накарякова
Екатеринбург, Россия

ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА НАБОВОКА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В центре внимания данной статьи находится роль политики в жизни и творчестве Владимира Набокова. Изучается отношение писателя и его героев к сфере общественной деятельности, рассматриваются те его персонажи, которые так или иначе связаны со сферой политики: люди, причастные к государственному устройству, к общественной деятельности. Исследуются черты, присущие данному типу персонажей, и их роль в персонификации Набокова. Метод исследования можно обозначить как метод традиционного структурно-типологического и сравнительно-исторического анализа. Используя материал всего корпуса русскоязычных текстов Набокова, интервью писателя, опираясь также на работы литературоведов, посвященные изучению творчества прозаика в политическом ключе, мы выстраиваем типологическую парадигму персонажей.

Объектом исследования является обширная персонификация русских романов Набокова, подчиненная внутренней логике художественного и мировоззренческого отбора автора. Предметом исследования стал политический аспект творчества писателя и, в частности, типологическая общность набоковских персонажей, связанных с политикой. Цель нашей работы состоит в анализе ранее мало исследованного политического контекста творчества Набокова.

Изученный материал позволяет сделать выводы о значимости для писателя темы политики и о многогранности ее проявления в его творчестве, о важности ключевой для Набокова оппозиции «подлинное — ложное» в контексте нашей темы. Политика оказывается своего рода игрой, к которой писатель относится не всегда с доверием и пониманием, но зачастую — с уважением и интересом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Владимир Набоков, персонаж, политика, политическая сфера, общественная деятельность, аполитичность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Накарякова Анна Андреевна, аспирант кафедры литературы XX—XXI веков, Уральский федеральный университет; адрес: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: AnutkaN@mail.ru.

Говорить о политике в произведениях Владимира Набокова непросто. Известно, что Набоков был весьма далек от данной сферы и не стремился погрузиться в нее, изучить глубоко и досконально. Несмотря на то, что жизнь писателя пришлось на период тяжелых потрясений в истории России и Европы, Набоков всячески стремился отстраниться от «большой жизни», избегая политических подробностей, описания программ государственного устройства и всевозможных доктрин в своих произведениях. Политика — сфера, в которой нет места личному, индивидуальному и неповторимому, а для Набокова как раз это важнее всего. Более того, сам писатель всячески подчеркивал свою аполитичность: «„Я никогда, никогда, никогда не буду писать романы, которые решают современные проблемы или отображают общественный интерес“, — писал В. В. Набоков своему нью-йоркскому литературному агенту А. де Джоннели в 1938 г.» [Шифф 2002: 64].

Неслучайно своим любимым персонажам писатель часто передает это более чем прохладное отношение к политике. В романе «Подвиг» появляются слова: «Мартыну было больше всего жаль своего образа покойного, действительно незаменимого, — его жестов, бороды... Это было в каком-то смысле ценнее его общественных заслуг, для которых был такой удобный шаблончик, — и со странным перескоком мысли Мартын поклялся себе, что никогда сам не будет состоять ни в одной партии, не будет присутствовать ни на одном заседании, никогда не будет тем персонажем, которому предоставляется слово, или который закрывает прения и чувствует при этом все восторги гражданственности. И часто Мартын дивился, почему никак не может заговорить о сокро-

венных своих замыслах с Зилановым, с его друзьями, со всеми этими деятельными, почтенными, бескорыстно любящими родину русскими людьми» [Набоков 1990, т. 2: 253] (в дальнейшем произведения В. Набокова русского периода цитируются по данному изданию с указанием в скобках номера тома и страницы).

А в романе «Другие берега», говоря о мыслях своих собратьев по изгнанию в Англии, рассказчик отмечает: «Я замечал, что патриотизм и политика сводились у них к животной злобе, направленной против Керенского скорее, чем против Ленина, и зависевшей исключительно от материальных неудобств и потерь» [4, 275]. Не менее интересен пассаж из романа «Смотри на арлекинов!», посвященный политическим взглядам эмигрантской интеллектуальной элиты: «Я имел случай узнать и невзлюбил профессора Ленгли — на официальном обеде в канун его отбытия в Оксфорд. Его „марксизм“ оказался симпатично комичным и очень умеренным (может быть, слишком умеренным на вкус супруги) в сравнении с общим невежественным обожанием Советской России, практикуемым американскими интеллектуалами. Помню внезапную тишь, вороватый обмен скептическими гримасами, когда на приеме, устроенном в мою честь самым видным из членов нашего английского отделения, я охарактеризовал большевицкое государство как обывательское в минуты передышки и скотское в действии; соревнующееся в прожорливой хватке — на международной арене с самой богомолой; выпестованное в своей литературе посредственностью, сперва сохранив несколько талантов, уцелевших от прежних времен, а после вымарав их собственной их кровью. Один из профессоров, левый

моралист и ревностный стенописец (в тот год он экспериментировал с автомобильными красками), вышел вон из дверей. <...> Рецензенты моих книг дули в ту же дуду, для порядка журия меня за недооценку „величия“ Ленина. Даже президент Квирна, опасно симпатизировавший модным „советчика“, принял, по сути, мою сторону: посетив нас, он говорил, как он горд и т. д., что он нашел мою „последнюю (?) книгу весьма интересной“, хоть и не может не сожалеть о моем обыкновении при всякой возможности хулить во время занятий „нашего великого союзника“. Я ответил, смеясь, что эта хула покажется детскими ласками в сравнении с публичной лекцией о „Тракторе в советской литературе“, которую я намереваюсь прочесть под конец семестра» [Набоков 2004, т. 5: 390] (в дальнейшем произведения американского периода цитируются по данному изданию с указанием номера тома и страницы). Набоков вновь и вновь обращается к теме неупорядоченности, незрелости, шаткости политических взглядов эмигрантов, которые одновременно ненавидят советскую Россию и боятся ее.

Политика — это служение общему и игнорирование частности, это обезличенность, штамп. Все «восторги гражданственности» кажутся «общим местом» тому человеку, который любит не некий абстрактный образ родины, а неповторимый запах родного дома, картину на стене, стрекот крыльев светлячков на веранде и вкус простокваши...

Некоторые исследователи подчеркивают аполитичность как стиль поведения писателя, как черту его мировоззрения и как аспект его творчества. «Аполитичность Набокова вызывала удивление», — замечает Стейси Шифф [Шифф 2002: 104]. Виктор Ерофеев пишет: «Набоков аполитичен, и это, кажется, большой плюс. Русская литература — с отбитыми почками — не скоро вернется к политическому дискурсу (по своей воле)» [Ерофеев 2002: 136].

В равнодушии к происходящим в мире событиям писателя, как известно, обвиняли и современники-эмигранты. А Назарян в статье «Набоков и политика» отмечает: «Набокова давно считают писателем, убежавшим от истории, человеком, успешно спасшимся от русской революции, покинув Петербург, а от Второй мировой и Холокоста, покинув Берлин. В Америке большинство коллег называли Набокова агрессивно аполитичным. Как рассказывает Питцер в своей блестяще написанной хронике, его часто критиковали за то, что он не занимался актуальными вопросами. Например, его друг Эдмунд Уилсон (Edmund Wilson) писал: „Я никогда не мог понять, как Вы можете притворяться, что можно писать о людях и совсем не рассматривать общество и среду“» [Назарян: "The New Republic", США. — 14.04.2013].

В то же время наиболее, быть может, проницательные литературоведы придерживаются принципиально иной точки зрения. Они полагают, что подчеркнутая индифферентность Набокова к политике — лишь очередная миф, элемент игры с биографами и читателями. В книге Михаила Шишкина «Русская Швейцария» читаем: «Аполитичность Набокова — миф, который писатель усердно возводит вокруг себя, как стену. Он сле-

дит за всеми политическими событиями в мире и в России. Его каждодневный маршрут проходит мимо киоска, где он покупает главные газеты на всех известных ему языках» [Шишкин 2011: 341].

Д. Чекалов, говоря о рассказах Набокова, утверждает: «Рассказ „Образчик разговора, 1945“ опровергает, кстати сказать, ходячее мнение об аполитичности Набокова. (Вот и в письме к Глебу Струве от 24 ноября 1946 года он писал: „С интересом слежу за советизацией русских черносотенцев. По-прежнему ненавижу рабство“.») Коллаборационистские настроения части американского общества, запечатленные в рассказе, подмечены Набоковым зорко и бескомпромиссно: без него мы бы ничего о них не знали» [Чекалов 2004: 7].

Исследователь Н. Елисеев, в свою очередь, замечает: «На эту игру слов можно было бы не обращать внимания, если бы не тщательно, яростно скрываемый интерес Набокова к политике. Между тем этот аполитичный либерал не просто интересовался политикой. Он великолепно в ней разбирался. Чего стоит один только анализ русской истории, предложенный им Бомстону-Несбиту-Батлеру: „...русскую историю можно рассматривать ...как своеобразную эволюцию полиции, странно безличной и как бы даже отвлеченной силы, иногда работающей в пустоте, иногда беспомощной, а иногда превосходящей правительств в зверствах — и ныне достигшей такого расцвета...“ Это что, не интересующийся политикой человек? Нет, это пишет человек, поразительно умеющий объяснить какие-то политические явления, прикинувшись полным профаном в этой самой области» [Елисеев 2007: http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov/].

Не менее категорично замечает А. Д. Васильев: «Напомним прежде всего о том, что миф о своей сугубой аполитичности В. Набоков формировал и культивировал для читательской аудитории настойчиво и последовательно, то вкладывая соответствующие высказывания в речь близких ему персонажей, то манифестируя такие суждения в собственных высказываниях (авторских репликах, комментариях и проч.)» [Васильев 2013: 139]

Тот же Васильев не просто отмечает факт существования мифа о равнодушии Набокова к политике, но и анализирует его: «Снобистское кокетство В. Набокова своей якобы аполитичностью довольно-таки сродни распространенному российскому увлечению „деидеологизацией“ („деидеологизация“ — устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)» [Там же: 202]), а точнее, конечно, — реидеологизацией. Таким образом, миф о некоей „аполитичности“ В. В. Набокова — всего лишь миф, правда, старательно (несмотря на вышеупомянутые прямые инвективы) выстраиваемый как самим писателем, так и позднейшими набоковедами. Нередко они (впрочем, следуя логике самого объекта изучения), считая набоковские русскоязычные тексты кристально аполитичными, склонны делать нечто вроде исключения для а н т и советских суждений и оценок великого стилиста: дескать, это всё — в силу врожденного благородства и стремления соблюдать правила хорошего тона, как положено

всякому порядочному человеку. Например: „Хотя Набоков и утверждал, что писатель не имеет социальных обязательств, но вместе с тем был бескомпромиссен по отношению к тоталитарному режиму в СССР“ [3. С. 5] — то есть **это** отношение — как бы не в счет» [Там же: 142].

А в уже упомянутой статье «Набоков и политика», посвященной пьесе «Трагедия господина Морна», читаем: «Существует еще одна причина обратить внимание на „Господина Морна“: как отмечают в предисловии переводчики, в этой пьесе „Набоков намного полнее и откровеннее, чем когда-либо в дальнейшем своем творчестве, исследует истоки революционного импульса, которыми он считает тягу к смерти и страсть к разрушению“. По „Господину Морну“ очень заметно и то, что Набоков считает революционеров варварами, и то, что он испытывает по отношению к смерти смесь восторга и ужаса. Это совсем не удивительно, если учесть, что отец Набокова был убит в Берлине русскими реакционерами за год до того, как писатель принял за свою пьесу. Горюя об отце, о родном городе и о более утонченном жизненном укладе, чем тот, который могли предложить первые десятилетия 20 века, Набоков-младший написал „Господина Морна“ — политическую фантазию, оторванную от актуальной политической тематики. В конечном счете, это пьеса об эго, одновременно опустошенных и удовлетворенных, о расходящихся влюбленных, иссякающей страсти, убеждениях, которые оказываются ничтожными, надеждах, которые оказываются эгоистичными, и попытках изменить мир, нацеленных в сущности лишь на то, чтобы компенсировать некую пустоту в сердце. Как говорится, вся политика на самом деле, местная» [Назарян: «The New Republic», США. — 14.04.2013].

Упомянутая в этой статье Андреа Питцер в своей книге, озаглавленной «Тайная история Владимира Набокова» («The Secret History of Vladimir Nabokov»), утверждает, что «под покровами искусства ради искусства, в которые Набоков не без самоиронии обличал свои произведения, скрывается подробная хроника кошмаров его времени... На уровне глобальном становится очевидным, что Набоков, неуклонно избегавший политических тем в публичных высказываниях, выражал свое отношение к событиям, свидетелем которых ему довелось стать» [Питцер 2013: <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>]. Исследователь предполагает, например, что «судебные разбирательства, материалы ФБР и нацистская пропаганда проливают некоторый свет на отдельные места в „Лолите“» [Там же]. Или рассуждает, «является ли «Бледный огонь» своеобразным письмом любви всем жертвам ГУЛАГа». «В репертуаре зрелого Набокова едва ли есть хоть один роман, — пишет Питцер, — в котором никто из главных героев не сокрушен тюремным заключением или не преследуем воспоминаниями о тех, кто сгинул в лагерях» [Там же].

Без сомнения, точка зрения вышеупомянутых исследователей, считающих аполитичность писателя мнимой, выглядит убедительно. Во всяком случае, невозможно утверждать, что писатель совершенно исключал любую политическую подоплеку из своих произведений. Так, например,

можно обратить внимание на роман «Под знаком незаконнорожденных», где в центре внимания оказывается политическая система государства Падука. Это — полицейское государство, построенное на принципах насилия, шпионажа, пропаганды. Уже по тому, сколь гротескно уродлива описываемая в романе страна, можно заключить, насколько неприятен Набокову тоталитаризм в любом виде, насколько этот строй противоречит его принципам и мировоззрению в целом.

Интересно, однако, то, что писатель не желает замечать различий, например, между немецким фашизмом и советским коммунизмом и старательно отрицает параллели между реально существующими тираниями и государствами, созданными его воображением. Для него не важны тонкости политических программ, он принципиально выше этого. Интересуют писателя, прежде всего механизмы давления на человека, манипуляции с личностью, а не тонкости проектов тоталитарного устройства.

Особенно это заметно, если обратиться к роману «Приглашение на казнь», где действие происходит в условной реальности. Главный герой Цинциннат испытывает безжалостное давление марионеточного государства на свою личность, уничтожение границ личного пространства, покушение на экзистенциальную свободу. Насилие государственной машины над личностью для Набокова, в принципе, неприемлемо, ведь это прежде всего вторжение в ту сферу, которая должна оставаться неприкосновенной. Он не единожды говорил об этом в своих интервью.

Несмотря на многократные утверждения о том, что созданный им мир-антиутопию не стоит соотносить с реальными государствами, параллели проводятся совершенно очевидные. Кроме того, в романах упомянуты не только преступления фантазмагорических тираний, но и преступления вполне реальных тоталитарных режимов. Так, например, в нацистских лагерях погибают и невеста профессора Пнина Мира Белочкина, и герой романа «Смотри на арлекинов!» Осип Львович Оксман («Сам Осип Львович погиб при отчаянной попытке к бегству, — уже почти убежав, босой, в заляпанном кровью исподнем, из „экспериментальной больницы“ в нацистском концентрационном лагере» [5, 311]). Что уж говорить о советской действительности, которая Набокову была глубоко чужда. «Я бежал из России, не достигнув и девятнадцати лет и оставив поперек тропы в опасном лесу труп убитого красноармейца. Затем я в течение полувека поносил Советскую власть, вышучивал ее, выворачивал наизнанку, чтобы сделать ее посмешнее, выжимал, как мокрое от крови полотенце, пинал дьявола в самое его зловонное место и по иному изводил советский режим при всяком удобном случае, какой подворачивался в моих сочинениях» [5, 440], — заявляет рассказчик в «Смотри на арлекинов!», и это во многом кредо самого Набокова.

Исследователь А. Васильев также отмечает: «Впрочем, сам Набоков весьма откровенен (и безапелляционен) в своих оценках того, что происходит в Советском Союзе, и в инвективах против тех, по чьей вине это происходит. Эти эпизоды метаромана можно условно подразде-

лить на две основные группы: характеристики вождей-правителей и описания всецело подвластных им „народных масс“. Результатом деятельности вождей („тиранов“) становится возникновение нового государства и формирование нового типа людей — точнее, наверное, некоей человеческой массы. Наиболее гротескно эти достижения описываются в изображении фантастической и фантазмагорической Зоорландии — страны всеобщего абсолютизированного равенства, или, говоря иначе, универсального и поголовного нивелирования. Но и повторяющиеся из фрагмента во фрагмент метаромана упоминания о Стране Советов, реальной, или, строго говоря, представляемой Набоковым из его эмигрантского далека, тоже не отличаются бесстрастностью и беспристрастностью» [Там же: 140].

Кроме того, здесь стоит особо упомянуть рассказ «Истребление тиранов». Рассказчик признается: «Я никогда не только не болел политикой, но едва ли когда-либо прочел хоть одну передовую статью, хоть один отчет партийного заседания. Социологические задачки никогда не занимали меня, и я до сих пор не могу вообразить себя участвующим в каком-нибудь заговоре <...> До блага человечества мне дела нет, и я не только не верю в правоту какого-либо большинства, но вообще склонен пересмотреть вопрос, должно ли стремиться к тому, чтобы решительно все были полусыты и полуграмотны» [4, 385]. Эти слова можно по большому счету назвать программой самого писателя. Он заявляет: «Я плохо разбираюсь в том, что государству полезно, а что вредно <...> Среди всех и всего меня занимает одна только личность» [4, 386].

Для писателя сама суть политики (прежде всего, тоталитарного государства) заключается в том, что «ограниченный, грубый, малообразованный человек, самодур, жестокий и мрачный пошляк с болезненным гонором» [4, 386] возвышается благодаря внедрению «темных, зоолгических, зоорладских идей» [4, 386], которые приходится по душе массам. К идее вообще рассказчик (а за ним — и автор) относится более чем скептически: «Будь идея, у которой мы в рабстве, вдохновеннейшей, восхитительнейшей, освежительно мокрой и насквозь солнечной, рабство оставалось бы рабством, поскольку нам навязывали бы ее» [4, 387].

Тирания неприемлема для Набокова во всех видах. «Как позднее напишет его жена Вера, „каждая книга ВН — удар по тирании“. Эта тирания, как свидетельствуют самые великие и страдающие герои Набокова, может процветать и внутри, и снаружи» [Питцер 2013: <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>].

Как мы видим, слова «политика», «общественность», «гражданственность» и тому подобные чаще всего упоминаются Набоковым в негативном контексте, а потому и его герои-протагонисты относятся к данным понятиям либо с непониманием, либо с пренебрежением.

Общественная жизнь со всеми ее перипетиями оказывается областью, недоступной для понимания, например, жены шахматиста Лужина, между прочим, одной из самых обаятельных героинь в галерее женских персонажей. «Она ужаснулась тому, что в продолжение последних лет

так мало занималась наукой изгнания, равнодушно принимая лаком и золотой вязью блещущие воззрения своих родителей и без внимания слушающая речи на собраниях, которые одно время полагалось посещать. Ей пришло в голову что и Лужин, быть может, найдет вкус в гражданственных изысканиях, быть может, увлечется, как, по видимому, увлекаются этим миллионы умных людей» [2, 130]. «Началось с газет. Она стала выписывать „Знамя“, „Россиянина“, „Зарубежный Голос“, „Объединение“, „Клич“, купила последние номера эмигрантских журналов и, для сравнения, несколько советских журналов и газет» [2, 131]. Но знакомство героини с политическими тонкостями и попытка приобщиться к «гражданственным изысканиям» оказываются довольно неудачными. «Дело в том, что чем внимательнее она читала газеты, тем ей становилось скучнее, и туманом слов и метафор, предположений и выводов заслонялась ясная истина, которую она всегда чувствовала и никогда не могла выразить. Когда же она обращалась к газетам потусторонним, советским, то уже скуке не было границ. От них веяло холодом гробовой бухгалтерии, мушиной канцелярской тоской, и чем-то они ей напоминали Образ маленького чиновника с мертвым лицом в одном учреждении, куда пришлось зайти в те дни, когда ее и Лужина гнали из канцелярии в канцелярию ради какой-то бумажки» [2, 132]. Безликость и внутренняя пустота, прячущаяся за пафосом громких слов — такой представляется политика Лужиной, а в какой-то степени и самому Набокову. Но в то же время, необходимо отметить, что в данном случае речь идет прежде всего о советской действительности, которую Набоков не приемлет ни в каком виде.

В отличие от госпожи Лужиной, таким персонажам, как Щеголев из романа «Дар», поговорить на темы, касающиеся политики, представляется весьма занимательным занятием. «И Щеголев пошел рассуждать о политике. Как многим бесплатным болтунам, ему казалось, что вычитанные им из газет сообщения болтунов платных складываются у него в стройную схему, следуя которой логический и трезвый ум (его ум, в данном случае) без труда может объяснить и предвидеть множество мировых событий. Названия стран и имена их главных представителей обращались у него вроде как в ярлыки на более или менее полных, но по существу одинаковых сосудах, содержание которых он переливал так и этак <...> Словом — мир создаваемый им, получался каким-то собранием ограниченных, безъюморных, безликих, отвлеченных драчунов, и чем больше он находил в их взаимных действиях ума, хитрости, предусмотрительности, тем становился этот мир глупее, пошлее и проще. Совсем страшно бывало, когда он попадал на другого такого же любителя политических прогнозов. Был, например, полковник Касаткин, приходивший иногда к обеду, и тогда сшибалась щеголевская Англия не с другой щеголевской страной, а с Англией касаткинской, такой же несуществующей, так что в каком-то смысле войны международные превращались в межуособные, хотя воюющие стороны находились в разных планах, никак не могущих соприкоснуться» [3, 143].

Персонажи, подверженные пошлости, видят политику как борьбу неких неизвестных сил. Эта сфера им, как и многим другим, совершенно не ясна, но это не останавливает подобных героев в стремлении плести кружева из пустых, ничего не значащих слов, которые маскируют неосведомленность и создают видимость ложной просвещенности. Набокову глубоко чуждо подобное «словоплетение».

Но именно благодаря тому, что Щеголев — персонаж, несомненно, неприятный и неглубокий, его точка зрения не может быть разделена писателем, и для самого Набокова политическая жизнь, скорее всего, не просто «собрание ограниченных и безъёморных драчунов», каковой она представляется герою. И можно ли утверждать, что сама сфера политики дискредитирована тем, что дает персонажам-«пошлякам» широкие возможности для проявления своих склонностей к пустым рассуждениям?

Казалось бы, отношение к политике — своего рода «проверка» персонажа, критерий разделения на положительных и отрицательных героев. Но, разумеется, в набоковском мире все не может быть столь однозначно. Кроме того, все это касается того, как писатель и его протагонисты и антагонисты относятся к различным проявлениям политической деятельности. А есть ли среди героев Набокова те, кто существует «внутри» этой сферы, кто посвящает жизнь служению на «политической арене»? Если об отношениях Набокова и политики пишут довольно часто, то персонажи, чья жизнь так или иначе связана с общественной деятельностью, практически никогда не становятся предметом исследований набоковедов.

Разумеется, нельзя не упомянуть образы правителей тех государств, которые придуманы Набоковым — тирана Падука, возникающего и в романе «Под знаком незаконнорожденных», и безымянного правителя в рассказе «Истребление тиранов». Подобные персонажи, как правило, демонизированные, безликие, страшные, олицетворяют собой ужас бездушного тоталитарного государства. Они чаще всего недалекие и духовно слепые, не обладают талантами и чувством юмора, но при этом являются весьма ловкими манипуляторами, умудряющимися добиться покорности и подчинения масс.

Особняком стоят фигуры иных правителей — не тиранов, а королей по крови, наследников, оказавшихся в изгнании. «Одинокий король» («Solus rex») — особая категория набоковских персонажей. Они появляются в пьесе «Трагедия господина Морна», в романе «Бледное пламя». Но короли, потерявшие свою страну, не одержимы обретением власти, завоеванием утраченного. Они связаны прежде всего с темой потерянного рая, тоски по родине. И подобные фигуры в контексте темы политики для нас не очень важны, потому что от политики они совершенно оторваны.

Не так уж много в прозе Набокова персонажей, посвящающих свою жизнь общественной деятельности, но все же такие герои есть и, что интересно, весьма характерные. Один из такого рода героев — главный редактор берлинской «Газеты» Васильев (персонаж романа «Дар»). Когда Федор Константинович метафизически

«перемещается» в тело и разум Васильева, мы имеем возможность понять, что происходит в душе человека, близкого к политике, практически дышащего ею. «Он [Федор Константинович — А. Н.], для которого так называемая политика (все это дурацкое чередование пактов, конфликтов, обострений, трений, расхождений, падений, перерождений ни в чем неповинных городков в международные договоры) не значила ничего, погружался, бывало, с содроганием и любопытством в просторные недра Васильева и на мгновение жил при помощи его, васильевского, внутреннего механизма, где рядом с кнопкой „Локарно“ была кнопка „локаут“, и где в ложно умную, ложно занимательную игру вовлекались разнокалиберные символы: „пятерка кремлевских владык“ или „восстание курдов“ или совершенно потерявшие человеческий облик отдельные имена: Гинденбург, Маркс, Панлеве, Эррио, — головастая э-оборотность которого настолько самопределилась на столбцах васильевской „Газеты“, что грозила полным разрывом с первоначальным французом; это был мир вещей предсказаний, предчувствий, таинственных комбинаций, мир, который в сущности был во стократ призрачней самой отвлеченной мечты» [3, 34].

Политика здесь представляется как игра, умная, но призрачная, бесплодная — игра, имитирующая живую жизнь. В то же время, что есть жизнь, по Набокову, как не игра? Особенно силен этот игровой элемент в творчестве. Можно сказать, что Федор Константинович, с одной стороны, с иронией, с другой стороны, с неким уважением говорит об игре на чужом поле, правила которой ему недоступны. И хотя слово «ложная» заведомо снижает оценку этого рода деятельности, она загадочна и, во всяком случае, вызывает интерес.

Сам Васильев производит впечатление все-таки довольно обаятельного персонажа, но в то же время деятельность его описана с большой иронией: «Редактор берлинской „Газеты“, наладив связь с малочитаемым английским журналом, помещал в нем еженедельную статью о положении в советской России. Несколькая зная язык, он писал статью начерно, оставляя пробелы, вкрапывая русские фразы и требуя от Федора Константиновича дословного перевода своих передовичных словеч: быть молодцу не в укор, чудеса в решетке, как дошла ты до жизни такой, се лев, а не собака, пришла беда — растворяй ворота, и волки сыты, и овцы целы, беда, коль пироги начнет печи сапожник, всяк сверчок знай свой шесток, голь на выдумки хитра, милые бранятся — только тешатся, мы и сами с усами, свой своему поневоле брат, паны дерутся — у хлопцев чубы болят, дело не волк — в лес не убежит, снявши голову, по волосам не плачут, нужна реформа, а не реформы. И очень часто попадалось выражение: „произвело впечатление разорвавшейся бомбы“» [3, 155]. Здесь, возможно, сказывается отношение Набокова не столько к политике, сколько к информационно-политической сфере деятельности и вообще к газетам. Писателю эта область была, как известно, глубоко чужда.

Совсем не удивительным оказывается тот факт, что книгу Годунова-Чердынцева о Чернышевском Васильев называет «беспардонной, ан-

тиобщественной, озорной отсебятиной» [3, 186]. Для него общественный пафос гораздо важнее любого таланта: «Есть традиции русской общест-венности, над которыми честный писатель не смеет глумиться. Мне решительно все равно, талантлив вы или нет, я только знаю, что писать пасквиль на человека, страданиями и трудами которого питались миллионы русских интеллигент-тов, недостойно никакого таланта» [3, 187]. Васильев, без сомнения, чувствует некую солидар-ность с Чернышевским, преемственность. Ведь он, со своей точки зрения, служит великой миссии: сплотить изгнанников, поддержать их морально, используя в качестве рупора свою «Газету».

Что касается самого Чернышевского, то его не упомянуть в связи с нашей темой невозможно. Конечно, учитывая гротескно-пародийный стиль романа «Жизнь Чернышевского», написанного Годуновым-Чердынцевым, не приходится удив-ляться, что фигура революционера подана откро-венно уничижительно. Но в то же время невоз-можно игнорировать размышления Годунова-Чердынцева о судьбе России и ее «героях»: «Он понемножку начал понимать, что такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным по-рядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы, и что либералы или славянофилы, рисковавшие мень-шим, стоили тем самым меньше этих железных забияк» [3, 183]. Признание деятельности шести-десятников — казалось бы, весьма неожиданный ход для эстета и аристократа Годунова-Чер-дынцева. Не менее интересно его замечание по поводу действий царя: «Он живо чувствовал некий государственный обмен в действиях „Царя-Освободителя“, которому вся эта история с даро-ванием свобод очень скоро надоела; царская скука и была главным оттенком реакции. После мани-феста стреляли в народ на станции Бездна, — и эпиграмматическую жилку в Федоре Константи-новиче щекотал безвкусный соблазн, дальней-шую судьбу правительственной России рассмат-ривать, как перегон между станциями Бездна и Дно» [3, 183]. Это явно слова не человека, дале-кого от политики, каковым позиционирует себя Годунов-Чердынцев, а человека, интересующего-ся тем, что происходило в его стране.

Если принять во внимание подобных героев, можно решить, что политика для Набокова — совершенно бесполезная сфера жизни, основан-ная на притворстве, лжи, ненужной суете, обез-личивании человека, и люди, которые занимают-ся этим делом, по большей части нелепы. Но этот вывод не будет верным.

Дело в том, что персонажи, подобные Васи-льеву и иже с ним, лишь одна «сторона меда-ли». Набоков не мог пренебрежительно относиться к политической жизни хотя бы потому, что его отец, Владимир Дмитриевич, был человеком по-литики, чья жизнь и смерть были неразрывно свя-заны со служением своей стране, заботой о ее судьбе. Об этом упомянуто в «Других берегах»: «Став одним из лидеров Конституционно-Демо-кратической партии, мой отец тем самым презри-тельно отверг все те чины, которые так обильно

шли его предкам. На каком-то банкете он отка-зался поднять бокал за здоровье монарха — и преспокойно поместил в газетах объявление о продаже придворного мундира» [4, 240].

Как и все, что связано с образом отца, взгля-ды Владимира Дмитриевича описаны с огромным уважением: «...отец приезжал в Англию с пятью другими видными деятелями печати (среди них были Алексей Толстой, Немирович-Данченко, Чу-ковский) по приглашению британского правитель-ства, желавшего показать им свою военную дея-тельность, которая недостаточно оценивалась русским общественным мнением» [4, 272]. «Об этом отец замечательно рассказывал за обеден-ным столом, но в его книжке „Из воюющей Анг-лии“ я нахожу мало примеров его обычного юмо-ра: он не был писателем» [4, 272]. Или то, что касается Русско-японской войны: «В кафе у фи-умской пристани, когда уже нам подавали зака-занное, мой отец заметил за ближним столиком двух японских офицеров — и мы тотчас ушли» [4, 141]. Эта немногословная бескомпромиссность по отношению к врагу описана с гораздо большей симпатией, чем многоречивые и пустые рассу-ждения иных «государственников».

Очень интересно этот момент биографии пи-сателя обыгран в романе «Смотри на арлеки-нов!». Здесь рассказчика ошибочно принимают за сына известного общественного деятеля («По-звольте мне, пользуясь этой приятной прогулкой, рассказать о двух моих встречах с вашим про-славленным отцом. Первая случилась в опере, в пору Первой Думы. Я, разумеется, знал портреты ее наиболее приметных членов. И вот из божест-венных высей я, бедный студент, увидел, как он появился в розовой ложе с женой и двумя маль-чуганами, одним из которых, конечно же, были вы. Второй раз я увидел его на публичном диспу-те по вопросам текущей политики, на розовой заре Революции; он выступал сразу после Керен-ского, и контраст между нашим пламенным дру-гом и вашим отцом с его английским sangfroid и отсутствием жестикуляции...» [5, 311]), в то время как отец рассказчика, по его словам, «был игрок и распутник. <...>Отпрыск княжеского рода, верно слу-жившего дюжине царей, отец застрял в идилличе-ских предместьях истории. Его политические взгля-ды были поверхностны и реакционны» [5, 312].

В «Других берегах» есть весьма любопытное упоминание о генерале Куропаткине, «корена-стом госте» отца, который в тот самый день по-сещения их дома «был назначен Верховным Главнокомандующим Дальневосточной Армии» [4, 141]. Этот герой запоминается вовсе не своей политической деятельностью, о которой мы мало что знаем, кроме того факта, что он «опростился» и, возможно, его ждал «советский конец». Прежде всего, Набокову запомнился тот фокус со спичка-ми, который Куропаткин показывает мальчику, запомнился эпизод, который относится к области простых человеческих отношений, а не к положе-нию страны на международной арене.

Есть у Набокова и другие персонажи, жизнь которых связана с политической, дипломатиче-ской деятельностью, но описаны они совершенно нейтрально, без иронии. Это можно сказать, на-пример, о Михаиле Платоновиче Зиланове, герое

романа «Подвиг»: «Он «принадлежал к числу тех русских людей, которые, проснувшись, первым делом натягивают штаны с болтающимися подтяжками, моют по утрам только лицо, шею да руки, — но зато отменно, а еженедельную ванну рассматривают как событие, сопряженное с некоторым риском. На своем веку он немало покатался, страстно занимался общественностью, мыслил жизнь в виде чередования съездов в различных городах, чудом спасся от советской смерти и всегда ходил с разбухшим портфелем. <...> Мартын всякий раз, когда видел его, почему-то вспоминал, что этот, по внешности малоспортивный человек, играющий, вероятно, только на бильярде да еще, пожалуй, в рухи, спасся от большевиков по водосточной трубе и когда-то дрался на дуэли с октябристом Тучковым» [2, 207]. Не сказать, что в «Подвиге» общественные интересы Зиланова освещены подробно, но уже само отсутствие иронии значимо. Для Набокова это тоже своеобразный способ авторской оценки.

В том же «Подвиге» упомянут Грузинов, «который, по наведенным справкам, оказался человеком больших авантур, террористом, заговорщиком, руководителем недавних крестьянских восстаний» [2, 255]. «Оказалось однако, что Юрия Тимофеевича Грузинова не так-то легко привести в благое состояние духа, когда человек вылезает из себя, как из норы, и усаживается нагашом на солнышке. Юрий Тимофеевич не желал вылезать. Он был в совершенстве добродушен и вместе с тем непроницаем, он охотно говорил на любую тему, обсуждал явления природы и человеческие дела, но всегда было что-то такое в этих речах, отчего слушатель вдруг спрашивал себя, не измывается ли над ним потихоньку этот сдобный, плотный, опрятный господин с холодными глазами, как бы не участвующими в разговоре. Когда прежде, бывало, рассказывали о нем, о страсти его к опасности, о переходах через границу, о таинственных восстаниях, Мартын представлял себе что-то властное, орлиное. Теперь же, глядя, как Юрий Тимофеевич открывает черный, из двух частей, футляр и нацепляет для чтения очки, — очень почему-то простые очки, в металлической оправе, какие подстать было бы носить пожилому рабочему, мастеру со складным аршином в кармане, — Мартын чувствовал, что Грузинов другим и не мог быть. Его простоватость, даже некоторая рыхлость, старомодная изысканность в платье (фланелевый жилет в полоску), его шутки, его обстоятельность, — все это было прочной оболочкой, коконом, который Мартын никак не мог разорвать» [2, 273]. На этот «кокон», на эту загадку, окутывающую Грузинова, можно особо обратить внимание. Столь же загадочна для Годунова-Чердынцова игра, которая ведется Васильевым: Федор Константинович осознает, что те слова, которые для него являются пустым неясным набором букв, для редактора наполнены тайным смыслом и оказываются крайне значимыми в его деятельности.

А в романе «Защита Лужина» с симпатией упомянут «милейший Василий Васильевич, застенчивый, благообразный, светлоробордый, в старческих штиблетах, кристальной души человек. В свое время его ссылали в Сибирь, потом за

границу, оттуда он вернулся, успел одним глазком повидать революцию и был сослан опять. Он задушевно рассказывал о подпольной работе, о Каутском, о Женеве и не мог без умиления смотреть на Лужину, в которой находил сходство с какими-то ясноглазыми идеальными барышнями, работавшими вместе с ним на благо народа» [2, 136]. Несмотря на иронию, проскальзывающую в упоминании о «идеальных барышнях» и «благе народа», сам персонаж неприязни отнюдь не вызывает. Просто сфера его интересов ни писателем, ни его протагонистами не разделяется и не может быть разделена. Все, что связано с общественной деятельностью и пресловутым «служением народу», опять же окутано тайной.

Таким образом, несмотря на прохладное отношение Набокова к понятиям «народность», «гражданственность», на его скептический взгляд на политику, назвать писателя аполитичным и отнести всех его героев, связанных с общественной сферой, к отрицательным — невозможно. Персонажи, не создающие вокруг себя шума, искренне преданные своему делу, заслуживают уважения. Герои, заинтересованные в судьбе родины, стремящиеся принять в ней участие, не могут служить объектом иронии. Неприятны Набокову герои, которые стараются замаскировать внутреннюю пустоту пафосными речами и видимостью активной общественной деятельности. Подлинное и ложное — оппозиция, являющаяся ключевой для понимания набоковского творчества, — оказывается очень важной и при работе с темой политики — темой, без сомнения, важной, сложной, неоднозначной для Владимира Набокова.

Разумеется, все, что связано с тиранией, с подавлением свободы, превращением человека в часть безликой слепой толпы (что происходит в советской России и гитлеровской Германии), изначально маркировано отрицательно. Но в целом политика для писателя — своего рода игра, не всегда доступная его пониманию. Набоков и его герои могут отзываться о ней с иронией, относиться с безразличием или неприязнью, но это все же целый мир, к которому нельзя отнестись без некоего уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 1 / сост. В. В. Ерофеев. — М. : Правда, 1990.
2. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 2 / сост. В. В. Ерофеев. — М. : Правда, 1990.
3. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 3 / сост. В. В. Ерофеев. — М. : Правда, 1990.
4. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 4 / сост. В. В. Ерофеев. — М. : Правда, 1990.
5. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода. В 5 т. Т. 5 / сост. Н. И. Артеменко-Толстой. — СПб. : Симпозиум, 2004.
6. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. — СПб. : Азбука, 2000.
7. Васильев А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. — М. : Флинта, 2013.
8. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. — Л. : Советский писатель, 1979.
9. Елисеев Н. Память, говори// Сеанс : журн. 22.04.2007 // http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov/.

10. Ерофеев В. Затмение частичное // Шаровая молния / В. Ерофеев. — М. : Зebra E, 2000. С. 134—146.

11. Назарян А. Набоков и политика (Все, что достойно перевода) // The New Republic. — 14.04.2013. URL: <http://inosmi.ru/world/20130414/208046753.html>.

12. Питцер А. Тайная история Владимира Набокова. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>.

13. Чекалов Д. От переводчика // Со dna коробки / В. Набоков. — М. : Азбука, 2004. С. 3—11.

14. Шифф Стейси. Вера (Миссис Владимир Набоков) : биография. — М. : Независимая газета., 2002.

15. Шишкин М. Русская Швейцария (Литературно-исторический путеводитель). — М. : АСТ, 2011.

A. A. Nakaryakova
Yekaterinburg, Russia

VLADIMIR NABOKOV'S CREATIVE LEGACY: POLITICAL ASPECT

ABSTRACT. *The article focuses on the role of politics in Vladimir Nabokov's life and work. It studies the writer's and his literary characters' attitude to social activity. The article dwells on those characters who are in a certain way connected with the sphere of politics: those having something to do with state system or with social activity. The author studies the features of the given type of characters and their role in the works of Nabokov. The method of research used in the article may be defined as traditional structural-typological and comparative-historical analysis. The study is based on the whole corpus of Russian texts by Nabokov and his interviews; it also involves the works of literary critics on the writers creative legacy in the sphere of politics. On the basis of all this material, the author of the article presents a typological paradigm of Nabokov's characters.*

The object of research is a wide world of Nabokov's characters, which is organized by the inherent logic of literary and worldview choice of the writer. The object of the study is the political aspect of Nabokov's creativity, in particular, typological community of 'political' characters. The purpose of the study is the analysis of the political context of Nabokov's works of fiction, which has not been studied in detail before.

The author comes to the conclusion about the importance of the political theme for the writer and the versatility of its presentation in his creative works, and about the role of Nabokov's key opposition of "real – false" in the context of the given research. Policy turns out to be a kind of acting, and Nabokov does not always treat it with trust and understanding, but very often – with interest and respect.

KEY WORDS: Vladimir Nabokov, character, policy, field of politics, social activity, political indifference.

ABOUT THE AUTHORS: Nakaryakova Anna Andreyevna, Post-graduate Student of Department of Russian Literature of the XX-XXI-st centuries, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 1. — 416 s.

2. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 2. — 449 s.

3. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 3. — 480 s.

4. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 4. — 480 s.

5. Nabokov V. V. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda v 5 t.* Sost. N. I. Artemenko-Tolstoy. — SPb.: Simpozium, 2004. Т. 5. — 608 s.

6. Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk.* — SPb.: Azbuka, 2000. — 336 s.

7. Vasil'ev A. D. *Intertekstual'nost': pretse-dentnye fenomeny.* — М.: Flinta, 2013. — 342 s.

8. Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe.* — Leningrad.: Sovetskiy pisatel', 1979. — 224 s.

9. Eliseev N. *Pamyat', govori!* // Zhurnal «Seans» — 22.04.2007 // http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov/.

10. Erofeev V. *Zatmenie chastichnoe* // Erofeev. *Sharovaya molniya.* — М. : Zebra E, 2000. — 336 s. — S. 134-146.

11. Nazaryan A. *Nabokov i politika (Vse, chto dostoyno perevoda)* // The New Republic", SShA. — 14.04.2013 // <http://inosmi.ru/world/20130414/208046753.html>

12. Pittser A. *Taynaya istoriya Vladimira Nabokova* // <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>

13. Chekalov D. *Ot perevodchika* // Vladimir Nabokov. *So dna korobki.* М. : Azbuka, 2004. — 256 s. — s. 3—11.

14. Shiff Steysi. *Vera (Missis Vladimir Nabokov): Biografiya.* — М. : Nezavisimaya Gazeta., 2002. — 522 s.

15. Shishkin M. *Russkaya Shveytsariya (Literaturno-istoricheskiy putevoditel').* — М. : AST, 2011. — 608 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская.

А. А. Постникова
Екатеринбург, Россия

**НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В «МЕСТАХ ПАМЯТИ» ПАРИЖА:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В АРХИТЕКТУРЕ**

АННОТАЦИЯ. Автор преследовала цель — проанализировать образ власти в пространстве знаков и символов Первой империи во Франции. Используя методологию «мест памяти», автор проанализировала культурную политику Наполеона. Французский император стремился преобразовать Париж в своеобразное «место памяти» своего правления. Последующие правители, воздвигая памятники в честь императора, стремились через образы прошлого подчеркнуть значимость своей собственной власти. Таким образом, память о Наполеоне стала неотъемлемым элементом политической системы во Франции. Данная статья может быть использована в исследовании репрезентаций власти в архитектуре и культурной памяти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, образ Наполеона, общественное сознание, «места памяти», архитектура, скульптура, музеи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: А. А. Постникова, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: alina33_07_87@mail.ru.

«Места памяти» являются мощным средством репрезентации власти и залогом ее вечности в сознании последующих поколений. Тема материального воплощения государственной парадигмы всё более активно обсуждается в медиапространстве и научных кругах [Architecture, Power 2008; Бодрийяр 2000; Земцов 2013]. Проявление власти в пространстве знаков и символов являлось характерной чертой Первой империи во Франции. Париж стал своеобразным «местом памяти» Наполеона как своего рода напоминанием французам о той великой эпохе. Последующие правители, воздвигая памятники в честь императора, стремились через образы прошлого подчеркнуть значимость своей собственной власти. Таким образом, память о Наполеоне стала неотъемлемым элементом политической системы во Франции.

«Места памяти» Первой империи убеждают нас в том, что Париж на века слился с историей этой эпохи, стерев грань между прошлым и настоящим и став частью повседневной жизни французам. О. де Бальзак по этому поводу написал следующие строки: «Волнение его было похоже на то, какое мы все испытывали перед Наполеоном, какое мы вообще испытываем в присутствии великого человека, блистающего гением и облеченного славою» [Бальзак 2003: 13].

Памятники Парижа, воздвигнутые при Наполеоне, стали олицетворением вечности его образа в жизни Франции. Император стремился оставить память о себе не только в военных и политических деяниях, но и в архитектуре. В связи с этим в Париже все годы его правления велось активное строительство, город был буквально завален грудой камней. Когда Наполеон пригласил короля Вюртемберга посетить французскую столицу и спросил его, как тот ее находит, собеседник с сарказмом ответил: «Я нахожу ее очень хорошей для города, который взяли приступом архитекторы» [Pasquier 1903: 48]. Результаты градостроительства при Наполеоне были

значительны: возведено несколько мостов, сооружены новые набережные...

В 1803 г. был открыт мост Лувра, или Искусств, который стал местом встреч творческой богемы и излюбленным объектом внимания французской литературы. Писатели предпочитали обращаться к образу моста как к некоему культовому сооружению, по которому люди переходят из одной жизни в другую, преодолевая на этом пути разнообразные препятствия. Так, герой «Шагреновой кожи» Бальзака, получив заветный талисман, встречает друзей, которые ведут его именно к мосту Искусств, за которым откроется для Рафаэля иная жизнь, полная роскоши и беззаботности.

Как и в XIX в., сейчас памятник остается местом паломничества эстетствующих и тонко чувствующих натур. Мост используется французскими художниками в качестве студии под открытым небом; здесь же они выставляют свои работы. Мост Искусств стал во Франции некой метафорой процесса постижения творческого мастерства. Не случайно, что именно это название выбрал французский режиссер Эжен Грин для фильма, посвященного проблеме смысла искусства в судьбе человека творчества. Грин уверяет, что по этому «мосту» может пройти только тот, кто наслаждается самим процессом творения; но те, кто использует творчество в корыстных целях, не способны «увидеть противоположный берег». Так мост Лувра стал неким символом надежды и новой жизни. В июне 2014 г. мост в очередной раз подтвердил свою магическую значимость, обрушившись под тяжестью «замков любви» [В Париже обвалился мост].

Еще одним значимым символом наполеоновской Франции стала известная улица Риволи, строительство которой началось по приказу императора, желавшего увековечить свою победу в Италии. Бонапарт решил создать широкий проспект для прогулок парижан, так как подобное времяпрепровождение в ту эпоху становилось

Данная статья написана в рамках государственного задания № 2014 / 392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

весьма популярным. Так, «Журнал де Пари» в 1808 г. отметил: «Пешие прогулки стали модными даже среди красавиц, у которых прежде не было в обычае показываться на людях». В том, что идея создания широкого проспекта была реализована Наполеоном, нас убеждает эстамп 1812 г., на котором изображены гуляющие парочки на Риволи [Jardin des Tuileries]. С эпохи Наполеона и по сей день на этом месте обосновались дорогие кафе, что, безусловно, способствует образу данной улицы как символу богатства и социального неравенства.

Одним из первых упомянул Риволи как место обитания богатой элиты писатель Бальзак. Его «тридцатилетняя женщина» проезжает в кабриолете по этой улице, что станет последним мгновением ее беззаботной жизни. А. Франс, также тяготевший к социальным проблемам, использовал это название как некую метку веселой жизни, полной наслаждений и роскоши. Так, Жильберта из «Восстания ангелов» обычно пьет чай на улице Риволи; только одной фразой, в которой было упоминание этой улицы, автор многое сказал читателям о героине. Наиболее известная достопримечательность улицы Риволи — кафе «Ангелина», основанное в 1903 г. Сюда любила заходить жившая неподалеку Коко Шанель, английский король Георг V и, конечно же, эту кондитерскую обожал М. Пруст [Paris sur les pas de Marcel Proust].

Важным «местом памяти» о военной славе Наполеона в Париже является Триумфальная арка, строительство которой было начато в 1806 г. после победы императора под Аустерлицем. Этот памятник увековечил имена героев Великой армии и названия побед Наполеона. Император не дождался окончания строительства Триумфальной арки: оно завершилось лишь в 1836 г., в царствование Луи-Филиппа, под руководством архитектора Абея Блуэ. Это сооружение стало не только местом славы, но и символом ушедшей героической эпохи Франции. 15 декабря 1840 г. под аркой проехал траурный кортеж с прахом Наполеона, доставленным с острова Святой Елены.

Помимо Триумфальной арки, визуальным олицетворением побед Наполеона стала Вандомская колонна, строительство которой началось в 1806 г. Изначально на колонне был воздвигнут памятник Наполеону, представлявший его в образе древнеримского императора [Vue de la colonne]. Однако этот памятник был уничтожен в 1814 г. в связи с возвращением династии Бурбонов. С тех пор политические изменения, происходившие во Франции, отражались на судьбе статуи Вандомской колонны. В 1833 г. король Луи-Филипп приказал восстановить памятник Наполеону. Новая статуя была выполнена скульптором Ш. М. Сером, который представил Наполеона в хорошо узнаваемой шляпе, в сюртуке, надетом поверх мундира, со зрительной трубой в правой руке. Но и эта скульптура была сброшена с Вандомской колонны, так как Наполеон III, придя к власти, решил вернуть копию прежнего памятника, и «Наполеон» возродился в виде древнеримского императора. Восстановленная статуя стала, с одной стороны, символом поклонения

бонапартистов, с другой — объектом критики противников Наполеона. Парижская коммуна вновь ее уничтожила, а в 1875 г. правительство Третьей республики возвратило скульптуру на прежнее место.

Многие деятели культуры, переживавшие постоянные «падения Наполеона», неоднократно выражали ярый протест против подобных действий, привлекая внимание общественности к истории памятника как такового. Одним из первых выступил по этому поводу писатель В. Гюго в стихотворении «Ода к Вандомской колонне», в которой прославил победы Наполеона [À la Colonne]. Особое восхищение этим местом со стороны французов (или тех, кто относил себя к ним) выразил А. И. Герцен: «Раз вечером, поздно, зимой 1848 шел я с одним поляком из Мицкевичевых приверженцев по Вандомской площади. Когда мы поравнялись с колонной, поляк снял фуражку. „Неужели?..“ — подумал я, не смея верить в такую глупость, и смиренно спросил его: что за причина, что он снял фуражку? Поляк показал мне пальцем на бронзового императора. Как же после этого не теснить и не угнетать людей, когда это приобретает столько любви!» [Герцен 1958: 102]. Тяжело переживал уничтожение статуи на Вандомской колонне в период Парижской коммуны О. Барбье, написавший по этому поводу: «Те, кто разрушил Вандомскую колонну — наш символ патриотизма, должны быть наказаны» [Barbier 1878: 60]. Несмотря на все перипетии исторической судьбы колонны, Вандомская площадь по-прежнему является для французов символом громких побед Наполеона. Каждый прохожий может увидеть слова, высеченные у основания колонны: «Император Наполеон посвятил эту колонну победам Великой Армии...».

Наполеон решил также оставить след в священном для французов месте — площади Бастилии. В 1808 г. император задумал воздвигнуть там фонтан в виде слона, который должен был стать символом свободы, отдав приказ министру Э. Крете реализовать этот проект: «Его Величество желает [чтобы министр] немедленно составил план и смету строительства фонтана на месте Бастилии; этот фонтан должен иметь форму слона; для реализации этой цели будут задействованы общественные фонды» [Correspondance de Napoléon 1858: 26]. В 1810 г. был заложен первый камень фонтана. Наполеон, находясь в это время в Испании, написал министру 21 декабря: «Господин Крете, я узнал из газет, что вы заложили первый камень в фонтан Бастилии. Я предполагаю, что слон будет находиться в середине просторного бассейна, заполненного водой».

Современники высказывали мысль о том, что данное сооружение отразило устремления Наполеона к движению на Восток. Однако император не успел достроить фонтан, который в 1842 г. окончательно уничтожили. Память о слоне как о символе ушедшей эпохи Наполеона продолжает жить в сознании французского общества. 9 марта 1828 г. театр Варьете представил водевиль «Путешествие по улицам», рассказавший зрителям историю Парижа в архитектуре и скульптуре. Сюжет спектакля, иронично напоминающий о незаконченности слона, пользовался большим успехом у пуб-

лики [Almanach des spectacles 1898: 179—180]. До сих пор французы незавершенность какого-либо дела именуют сломом Бастилии.

Помимо стремления увековечить память о себе в величественных сооружениях, Наполеон также создавал места развлечений для французской публики. Одним из подобных заведений стали сады Тиволи, располагавшиеся на улице Сен-Лазар. В этом прекрасном парке французы устраивали балы, аттракционы, о чем свидетельствуют эстампы того времени [L'incomparable Baba faisant]. Бальзак в «Первой страсти» упомянул об одном из таких празднеств: «Однажды вечером после чудесного дня — чудесного, ибо я провел его в обществе Клемане, — она, по своей молодости снисходительная к нашим желаниям, повела нас в Тиволи. Так как праздник затянулся, и мы уже не могли поспеть в коллеж к положенному часу, то было решено, что мы туда отправимся только на следующее утро». Шарль Бодлер также обратился к этому культовому месту в посвящении В. Гюго:

Но я... Я в них влюблен! — Мне вас до боли жалко,

Садов ли Тиволи вы легкий мотылек,
Фраскати ль старого влюбленная весталка
Иль жрица Талии, чье имя знал раек.

[Бодлер Ш.]

Помимо садов Тиволи, символом праздности французского общества времен Наполеона стал игорный дом «Фраскати», основанный неаполитанцем Гарши в 1800 г. [Rue de Richelieu]. Кафе выполняло три функции: игорного дома, ресторана и кондитерской. Считалось, что в эту эпоху «Фраскати» был самым известным в Европе рестораном. Один английский путешественник был покорен великолепной архитектурой и дизайном этого здания: «Дом похож на обитель важного вельможи; цокольный этаж разделяется на элегантные салоны, восхитительно освещенные и украшенные зеркалами. Через эти салоны можно выйти в сад, заполненный деревьями, цветами, беседками. Это заставляет вспомнить сюжеты из сказки „Тысяча и одна ночь“ [John 1913: 49—50]. В 1822 г. один молодой человек, видимо, частый посетитель этого заведения, отозвался о «Фраскати» так:

Три двери в этом логове:
Надежда, позор и смерть;
Через первую мы входим,
Через две другие — выходим [Paris chez soi].

Завсегдатаем игорного дома был Бальзак, который неоднократно упоминал в своих произведениях «Фраскати» как символ утраты надежд. Вспомним сюжет «Утраченных иллюзий», когда герои решили посетить это место: «В четырех шагах от Фраскати эти слова оказали магическое действие. Друзья отпустили кабриолет и вошли в игорный дом. Вначале они выиграли три тысячи франков, спустились до пятисот, вновь выиграли три тысячи семьсот; затем спустились до ста су, очутились опять при двух тысячах франков и рискнули на чет, надеясь сразу удвоить ставку: чет не выходил уже пять раз сряду, они поставили на него всю сумму. Снова вышел нечет. После двух часов жестоких волнений Люсьен и Луστο, не помня себя, сбегали по ступеням лестницы этого знаменитого особняка. У них осталось сто франков».

Горьким разочарованием для азартных людей было закрытие игорных домов 1 января 1838 г. Герой романа «Дама с камелиями», современник тех событий, выразил сожаление по этому поводу: «Я начал с того, что позаимствовал пять или шесть тысяч из капитала и пристрастился к игре. С тех пор, как уничтожили игорные дома, игра идет повсюду. Раньше можно было найти свое счастье у Фраскати: играли на деньги и, если проигрывали, то могли утешиться возможностью выигрыша, а теперь, за исключением клубов, где до некоторой степени следят за расплатой, повсюду можешь быть уверенным, что не получишь выигрыша. Легко понять, почему это происходит». Память об известном увеселительном заведении осталась в литературе и в изысканном блюде «Фраскати», которое готовили в этом кафе [Frascati].

Недалеко от дома, где находилось кафе «Фраскати», с 1800 г. располагается один из первых торговых пассажей в мире под названием «Панорама». Идея строительства крытого базара принадлежала американцу Уильяму Тэ. Через несколько лет после основания торговой площадки там устроил свой бутик скульптор Жан Пьер Дантан, ставший известным карикатурными изображениями великих людей своего времени. До сих пор в торговой лавке скульптора расположен Музей Дантана. В стенах «Панорамы» обрел известность гравер М. Стерн, произведения которого можно приобрести в магазинчике, расположенном в торговом пассаже.

Возведение «мест памяти», посвященных Наполеону, продолжилось и после смерти императора. Как правило, они создавались для сохранения образа Наполеона в сознании французского общества. Дом инвалидов, где находится могила императора, и Музей армии — это одно из тех мест, где мы невольно верим в существование неразрывной связи с прошлым. Величественная архитектура этого здания увековечила память о двух правителях французской истории — Людовике XIV и Наполеоне I. Напротив центрального входа в Дом инвалидов, во Дворе почета, на постаменте возвышается скульптура императора, грозно смотрящего на каждого входящего в его владения (под этим устремленным взглядом невольно возникает желание спросить у «Наполеона в камне» позволения войти). Под этим памятником во Дворе почета до сих пор французы провожают в последний путь заслуженных военных, как бы отправляя их души к великому императору.

В центре комплекса Дома инвалидов находится некрополь, сердцем и главной достопримечательностью которого является могила Наполеона. Император был перезахоронен в этом месте 2 апреля 1861 г. Могилу окружают двенадцать «Викторий», символизирующих деяния Наполеона. На полу, на белом мраморе, высечены названия знаменитых побед императора. Посещение этого памятника стало не только частью туристических экскурсий, но и обязательным элементом уроков истории во французских школах. Так, вокруг «Наполеона» толпятся школьники, воспитывающиеся в атмосфере «живой» истории, и образ императора продолжает наполнять гордостью за свою страну юные сердца французов.

ных экспонатов — посмертная маска Наполеона и шляпа императора.

Достоянием этого музея стали произведения искусства, изображающие последние дни легендарного императора, дающие захватывающее ощущение жестокости времени, которое не щадило даже его. Однако деятели культуры, создавая образы Наполеона, способствовали его возрождению во времени историческом. Среди экспонатов музея привлекает внимание творение итальянского скульптора Винченцо Вела «Последние дни Наполеона». Художник изобразил уже увядающего правителя в домашнем халате с оголенной грудью; но видно, как в этом больном теле еще теплится огонек неустанного стремления к высотам. На левом колене императора лежит карта, и его устремленный вдаль взгляд говорит о рождающихся в голове Наполеона очередных проектах. Тем самым Вела подчеркнул, что смерть не уничтожила идеи императора, которые продолжают вдохновлять человечество на великие подвиги. Интересна картина «Наполеон на смертном одре» Ж. Б. Мозеса. Художник передал настроение глубокой скорби по «отцу нации», охватившее французское общество в период Июльской монархии. Смерть уже исказила лицо Наполеона, но не стерла следов его прижизненного величия. Создание этой картины стало знаковым событием и в жизни художника: через год после ее завершения, в 1844 г., Мозес скончался.

Символом смерти и вечности Наполеоновской эпохи является кладбище Пьер-Лашез, где похоронены многие маршалы Первой империи. После падения императора их судьбы сложились по-разному, но после смерти они встретились в этом священном месте. Привлекает внимание памятник на могиле маршала М. Нея в виде полукруга, воздвигнутый в 1903 г. 7 декабря 1815 г. Ней был расстрелян как государственный изменник неподалеку от Парижской обсерватории; на этом месте в 1853 г. была воздвигнута статуя. Тело же маршала было перенесено на кладбище Пьер-Лашез только в 1903 г. по инициативе правительства Третьей республики. По легенде, когда могильщик открыл гроб Нея, он был пуст [Quand le maréchal Ney!] Эта история породила миф о том, что маршала в 1815 г. не расстреляли, а он умер лишь в 1846 г. в США, в Северной Каролине. На кладбище стоит кенотаф, посвященный еще одному герою Наполеоновской эпохи — И. Мюрату. Маршала расстреляли 13 октября 1815 г. Встав перед солдатами, Мюрат поцеловал медальон с портретом жены искомандовал: «Сохраните лицо, цельтесь в сердце!» Тело маршала было сброшено в братскую могилу, затем перезахоронено в крипте церкви Сан-Джорджо [Joachim MURAT]. Остальные маршалы, умершие в Париже в глубокой старости, сразу после смерти удостоились чести быть похороненными на кладбище Пьер-Лашез: Л. Н. Даву, К. П. Виктор, Ф. Ж. Лефевр и др.

«Места памяти» Парижа представляют собой своеобразный срез истории правления Наполеона, способствуя формированию наполеоновской легенды в сознании французов. Архитектурные сооружения, скульптуры, развлекательные заведения подтверждают идею «вечного возвраще-

ния» императора. Изначально создаваясь как объекты репрезентации власти, они под влиянием творчества писателей и художников наполнились романтикой ушедшей героической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальзак О. Шагреновая кожа. — М., 2003.
2. Бодлер Ш. Маленькие старушки // URL: <http://www.bodlers.ru/100.html>.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М., 2000.
4. В Париже обвалился мост // URL: <http://www.tourprom.ru/news/25305/>.
5. Герцен А. И. Былое и думы. — М., 1958.
6. Земцов В. Н. Власть и семантика мундира // Вопросы всеобщей истории. — Екатеринбург, 2013.
7. Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. — М., 2008.
8. Флобер Г. Воспитание чувств. — М., 2004.
9. Architecture, Power, and National Identity. — Lodod, 2008.
10. À la Colonne // URL: <http://www.eternels-eclairs.fr/Poeme-Victor-Hugo-A-la-Colonne>.
11. Almanach des spectacles. — Paris, 1828.
12. Barbier O. Voyage sentimental autour d'une vieille femme. P., 1878. P. 60.
13. Correspondance de Napoléon T. 18. I. Parid, 1858.
14. Correspondance de Napoléon. T. 14. — Paris, 1864.
15. Frascati // URL: <http://www.chezfrancis.fr/encours/?p=1119>.
16. Jardin des Tuileries // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8457484p.r=Rivoli.langEN>.
17. John D. P. Journal d'un voyage à Paris au mois d'août 1802. — Paris, 1913.
18. Joachim MURAT // URL: <http://napoleon-monuments.eu/Napoleon1er/Murat.htm>.
19. L'incomparable Baba faisant au jardin de Tivoli. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8413390q.r=LES+JARDINS+TIVOLI.langEN>; Vol-a-tire d'ailes Exécuté pour la 1re fois à Paris dans le Jardin de Tivoli // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8509450c.r=LES+JARDINS+TIVOLI.langEN>.
20. La vie à Malmaison. URL: <http://www.chateau-malmaison.fr/fr/taxonomy/term/76>.
21. Malmaison : souvenirs de Napoléon 1er à l'île de Sainte-Hélène. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90408554.r=+Malmaison+Napoleon.langFR>.
22. Musée du château de Malmaison. URL: http://www.musees-nationaux-napoleoniens.org/homes/home_id25127_u112.htm.
23. Musée du château de Bois-Préau. URL: http://www.musees-nationaux-napoleoniens.org/homes/home_id25127_u112.htm.
24. Pasquier E.D. Histoire de mon temps. T. 1. — Paris, 1903.
25. Paris sur les pas de Marcel Proust. URL: <http://voyage.lefigaro.fr/article/sur-les-pas-de-marcel-proust-paris-20>.
26. Quand le maréchal Ney revient d'outre-tombe. URL: <http://www.etaletaculture.fr/histoire/quand-le-marechal-ney-revient-doutre-tombe>.
27. Rue de Richelieu, 108 : Frascati : [estampe]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84574853/f1.zoom.r=Le%20caf%C3%A9%20Frascati%20.langFR>.
28. Paris chez soi. Revue historique, monumentale et pittoresque de Paris ancien et moderne. — Paris, 1855.
29. Vue de la colonne Vendôme avant les mutilations

exercées en 1814. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10303631g.r=Colonne+Vend%C3%B4me.langFR>.

30. Vue de la colonne de la place Vendôme Prise rue Saint Honore [sic]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530062916/f1.zoom.r=Colonne%20Vendôme.langFR>.

A. A. Postnikova
Ekaterinburg, Russia

NAPOLEONIC ERA IN “MEMORY PLACES” OF PARIS: REPRESENTATION OF POLITICAL POWER IN ARCHITECTURE

ABSTRACT. *The author pursued the aim to analyze the image of political power in the sphere of signs and symbols of the First Empire in France. Using the method of “memory places”, the author analyses the cultural policy of Napoleon. The French Emperor sought to transform Paris into a specific “memory place” of his reign. The subsequent country leaders, erecting monuments in honor of the emperor, wanted to emphasize the importance of their own power in the images of the past. Thus, the memory of Napoleon became the integral element of the political system in France. The article can be used in studies of representations of political power in architecture and cultural memory.*

KEY WORDS: *political discourse, image of Napoleon, public consciousness, “memory places”, architecture, sculpture, museums.*

ABOUT THE AUTHOR: *Postnikova Alyona A., Candidate of History, Senior Lecturer of Department of General History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Bal'zak O. Shagrenevaya kozha. M., 2003. S. 13.
2. Bodler Sh. Malen'kie starushki // URL: <http://www.bodlers.ru/100.html>.
3. V Parizhe obvalilsya most // URL: <http://www.tourprom.ru/news/25305/>.
4. Gertsen A. I. Byloe i dumy. M., 1958. S. 102.
5. Zemtsov V. N. Vlast' i semantika mundira // Voprosy vseobshchey istorii. Ekaterinburg, 2013.
6. Zemtsov V. N. Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenie. M., 2008.
7. Flober G. Vospitanie chuvstv. M., 2004. S. 191. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M., 2000.
8. Architecture, Power, and National Identity. L., 2008.
9. À la Colonne // URL: <http://www.eternels-eclairs.fr/Poeme-Victor-Hugo-A-la-Colonne>.
10. Almanach des spectacles. P., 1828. P. 179-180.
11. Barbier O. Voyage sentimental autour d'une vieille femme. P., 1878. P. 60.
12. Correspondance de Napoléon I. P., 1858. T. 18. P. 26.
13. Correspondance de Napoléon. P., 1864. T. 14. P. 452.
14. Frascati // URL: <http://www.chezfrancis.fr/encours/?p=1119>.
15. Jardin des Tuileries // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8457484p.r=Rivoli.la ngEN>.
16. John D.P. Journal d'un voyage à Paris au mois d'août 1802. P., 1913. P. 49-50.
17. Joachim MURAT // URL: <http://napoleon-monuments.eu/Napoleon1er/Murat.htm>.
18. L'incomparable Baba faisant au jardin de Tivoli // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8413390q.r=LES+JARDINS+TIVOLI.langEN>; Vol-a-tire d'ailes Exécuté pour la 1re fois à Paris dans le Jardin de Tivoli // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8509450c.r=LES+JARDINS+TIVOLI.langEN>.
19. La vie à Malmaison // URL: <http://www.chateau-malmaison.fr/fr/taxonomy/term/76>.
20. Malmaison : souvenirs de Napoléon 1er à l'île de Sainte-Hélène // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90408554.r=+Malmaison+Napoleon.langFR>.
21. Musée du château de Malmaison // URL: http://www.musees-nationaux-napoleoniens.org/homes/home_id_25127_u112.htm.
22. Musée du château de Bois-Préau // URL: http://www.musees-nationaux-napoleoniens.org/homes/home_id2_5127_u112.htm.
23. Pasquier E.D. Histoire de mon temps. P., 1903. T. 1. P. 48.
24. Paris sur les pas de Marcel Proust // URL: <http://voyage.lefigaro.fr/article/sur-les-pas-de-marcel-proust-paris-120>.
25. Quand le maréchal Ney revient d'outre-tombe // URL: <http://www.etaletaculture.fr/histoire/quand-le-marechal-al-ney-revient-doutre-tombe>.
26. Rue de Richelieu, 108 : Frascati : [estampe] // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84574853/f1.zoom.r=Le%20caf%C3%A9%20Frascati%20.langFR>.
27. Paris chez soi. Revue historique, monumentale et pittoresque de Paris ancien et moderne. P., 1855. P. 61.
28. Vue de la colonne Vendôme avant les mutilations exercées en 1814 // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10303631g.r=Colonne+Vend%C3%B4me.langFR>.
Vue de la colonne de la place Vendôme Prise rue Saint Honore [sic] // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530062916/f1.zoom.r=Colonne%20Vendôme.langFR>.

Статью к публикации рекомендует д-р ист. наук, профессор В. Н. Земцов.

А. С. Романов
Москва, Россия

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ АРМЕЙСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ США

АННОТАЦИЯ. В качестве объекта настоящего исследования выступает гендер как социальный конструкт. В психологии и социологии принято разграничивать пол (англ. *sex*) как совокупность контрастирующих генеративных признаков и гендер (англ. *gender*, от лат. *gens* — род) как пол социальный, который охватывает социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности противоположных полов. Оба понятия используются для проведения так называемой горизонтальной социополовой стратификации общества, в отличие от вертикальных — классовой, сословной и подобных — стратификаций. Первое понятие соотносится с анатомо-физиологическими особенностями людей. Понятие «гендер» рассматривается в социальном контексте и обозначает совокупность социальных ролей и признаков индивида, соответствующих его половой идентификации. Во многих культурах гендерные идеи и практики объясняются как природная или божественная данность. В рамках настоящего исследования под гендером понимается социальный пол индивида, а также закрепленные за ним социальные роли, модели поведения и статус. Эти нормы, или общепринятые социокультурные каноны, обязательны для исполнения в соответствии с анатомо-физиологическими особенностями индивида. Согласно гендерной теории, эти различия обусловлены факторами социального, а не природного характера. Гендер предъявляет различные требования к мужчинам и женщинам, обуславливает ценности и нормы социального поведения и не одобряет нарушения установленных «правил игры». Автор статьи приходит к заключению о том, что гендер способен оказывать влияние на распределение социально детерминированных ролей и функциональных обязанностей в рамках армейской субкультуры США. Кроме того, гендер может выступать в качестве средства реализации этнических стереотипов об американских военнослужащих. Статья предназначена для широкой аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пол; гендер; гендерный стереотип; стереотипизация; армейская субкультура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Романов Александр Сергеевич, адъюнкт очной адъюнктуры, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, кафедра № 32 английского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; адрес: 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4; e-mail: biyalka@mail.ru.

В психологии и социологии принято разграничивать пол (англ. *sex*) как совокупность контрастирующих генеративных признаков и гендер (англ. *gender*, от лат. *gens* — род) как пол социальный, который охватывает социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности противоположных полов. Оба понятия используются для проведения так называемой горизонтальной социополовой стратификации общества, в отличие от вертикальных — классовой, сословной и подобных — стратификаций. Первое понятие соотносится с анатомо-физиологическими особенностями людей. *Sex*, или *sexus*, детерминирован биологическими факторами: гормональным статусом, особенностями протекания биохимических процессов, генетическими различиями, анатомией. Биологическое начало индивида традиционно считалось фундаментальным в определении психологических и социальных различий между мужчинами и женщинами. Половые признаки особей определенного вида подразумевают не только репродуктивные свойства, но и весь спектр физиологических, психических и поведенческих признаков. Психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин определяются не только системой воспитания, традициями и обычаями, правовыми и этическими нормами, не только полом, но и гендером.

Понятие «гендер» рассматривается в социальном контексте и обозначает совокупность социальных ролей и признаков индивида, соответствующих его половой идентификации. Изначально в английской лингвистической традиции гендер понимался как синоним грамматической

категории рода. Затем произошло переосмысление и заимствование термина другими отраслями научного знания, такими как философия, социология, история, политический дискурс. С гендером в общественном сознании ассоциируются определенные модели поведения людей в зависимости от их половой принадлежности, гендер воспринимается социумом как некий биологически обусловленный атрибут. В действительности же гендер навязан индивиду обществом и потому представляет собой социальный конструкт. «Гендер — социальные ожидания относительно поведения, которое считается правильным для представителей определенного пола. Гендер касается не физических свойств, по которым мужчины отличаются от женщин, а социально сформированных черт маскулинности и фемининности» [Кон 2009: 341].

Во многих культурах гендерные идеи и практики объясняются как природная или божественная данность. Под гендером следует понимать социальный пол индивида, а также закрепленные за ним социальные роли, модели поведения и статус. Эти нормы, или общепринятые социокультурные каноны, обязательны для исполнения в соответствии с анатомо-физиологическими особенностями индивида. Согласно гендерной теории, эти различия обусловлены факторами социального, а не природного характера. Гендер предъявляет различные требования к мужчинам и женщинам, обуславливает ценности и нормы социального поведения и не одобряет нарушения установленных «правил игры». В «Словаре гендерных терминов» А. А. Денисовой под гендером понимается «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает

выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли» [Денисова 2002: 15].

Н. Л. Пушкарёва определяет гендер как систему отношений и процессов, лежащих в основе социальной иерархии. Гендер содержит элементы устойчивости и изменчивости и составляет одну из основ стратификации общества по половому признаку [Пушкарёва 1999: 22].

Гендер представляет собой диалектическое единство мужского и женского начал, маскулинности и фемининности. Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний. Мы приходим к заключению, что понятие «гендер» отражает сложный социокультурный процесс формирования социумом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках.

ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА

Поскольку гендерный стереотип представляет собой феномен социокультурного порядка и мыслится как частный случай реализации социального стереотипа, он обнаруживает все его свойства: *эмоциональность, оценочность, согласованность, или консенсус, неточность, ригидность, когерентность, однозначность*. В связи с ритуализацией пола важное значение приобретают гендерные стереотипы, представляющие собой общепринятые суждения о социальных группах или отдельных представителях этих групп на основе половой принадлежности.

В рамках лингвистических исследований под стереотипами следует понимать особые формы хранения социально-исторического опыта, знаний и оценок. Е. Бартминский определяет стереотип как «представление о предмете, оформленное в определенной общественной рамке и определяющее, чем этот предмет является, как он выглядит, как действует, как трактуется человеком и т. п. <...>» [Бартминский 1995: 7].

По мнению А. В. Кирилиной, стереотипы рассматриваются как особые формы обработки, хранения и передачи информации, облегчающие ориентацию человека в мире. «Стереотипы — это социальные феномены. Они обусловлены социокультурными механизмами. Стандарты поведения соотносятся с реальной стратификацией общества. Это означает, что каждая из социальных страт имеет свои стереотипы поведения. Таким образом, правомерно рассматривать гендерные стереотипы с двух позиций: в мужском и в женском самосознании, с одной стороны, и в коллективном общественном сознании, с другой» [Кирилина 1999: 73].

«Словарь гендерных терминов» под редакцией А. А. Денисовой определяет гендерный сте-

реотип как культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, находится в тесной связи с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий определенного типа поведения от представителей того или другого пола [Денисова 2002: 55]. Выполняя когнитивную функцию, гендерные стереотипы позволяют упростить реальную ситуацию и программируют поведение индивида в зависимости от половой принадлежности. Гендерные стереотипы регламентируют социальные роли мужчин и женщин. «Одобренные» гендерными стереотипами данной культурной общности нормы поведения затем функционируют в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное».

Таким образом, под гендерными стереотипами мы условимся понимать схематичные, упрощенные коллективные оценочные представления определенной социокультурной общности относительно поведенческих, социально-ролевых, интеллектуальных, профессиональных свойств и характеристик, приписываемых данным представителям обоих полов.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Общеизвестно, что средства массовой коммуникации представляют собой чрезвычайно эффективный инструмент систематического распространения информации с целью оказания политического, экономического, идеологического и организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей. СМИ не только отражают совокупность событий пространственно-временного континуума, но и активно участвуют в концептуализации и категоризации языковой картины мира человека. Превращая мнения в убеждения, а оценки в стереотипы, СМИ детерминируют поведение человека. Маскулинность и фемининность не являются исторически инвариантными концептами. Напротив, им присуща лабильность. Культурная репрезентация половой принадлежности создается за счет акцентуации тех или иных свойств мужественности и женственности. СМИ играют важную роль в реализации и трансляции в массовом сознании гендерных стереотипов. Благодаря средствам массовой коммуникации, представляется возможным проследить динамику гендерных стереотипов не только в синхронии, но и в диахронии.

В языке фиксируется вся совокупность гендерных стереотипов, однако частота употребления их в речи неодинакова. Анализ оригинальных текстовых произведений военно-политической тематики позволяет выявить наиболее частотные стереотипы, регламентирующие гендерное поведение военнослужащих армии США. В основе анализа лежит гендерный подход к дистрибуции социально-профессиональных ролей в поле армейской субкультуры США. В самом начале нашего лингвокультурологического анализа необходимо сделать оговорку, что в рамках настоящего исследования мы не ставим перед собой цели выяснить правдивость или же доказать несостоя-

тельность того или иного гендерного стереотипа. Мы лишь стремимся зафиксировать их.

После окончания войны во Вьетнаме произошли кардинальные изменения в структуре военного социального института США. Начиная с 30 июня 1973 г. ВС страны переходят на добровольную систему комплектования. Наблюдается постепенное нивелирование традиционной системы разделения военнослужащих по гендерному признаку. *Since 1973, when the United States military ended conscription and established an all-volunteer force, the number of women serving on active duty has risen dramatically. The share of women among the enlisted ranks has increased seven-fold, from 2 % to 14 %, and the share among commissioned officers has quadrupled, from 4 % to 16 %.* [Penn 2013: 1]. Динамической силой этого процесса стали женщины, осваивающие мужские профессии. Рядом с традиционным, стереотипным образом мужчины-защитника все отчетливее просматривается женский силуэт, бросающий вызов маскулинному диктату. Примечательно, что обычаи гендерного равенства были описаны еще в «Истории» Геродота (книга IV). Древнегреческий историк повествует о савроматах — женщинах-воительницах. Согласно традициям, женщины-савроматы верхом выезжали на охоту, принимали участие в военных походах, носили одинаковую с мужчинами одежду. Девушки племени савроматов не могли вступать в matrimониальные отношения до тех пор, пока не приносили вождю племени голову врага, что являлось признаком зрелости и превосходной воинской выучки. По мнению Геродота, савроматы произошли от соединения амазонок со скифами [Геродот 1972: 110—117]. В результате революции профессиональных отношений возникает необходимость совмещения и реформирования социальных ролей. Женщины — военнослужащие США обретают новую идентичность. Наблюдаются изменения в структуре гендерных ролей, которые приводят к нивелированию социокультурных стереотипов маскулинности и фемининности. Так, например, в отчете Д. Ф. Бурелли, специалиста по вопросам кадровой политики армии США научно-исследовательского отдела конгресса, приводятся следующие статистические данные о вкладе женщин в обеспечение национальной безопасности США. В период с сентября 2001 г. по 28 февраля 2013 г. в боевых действиях на территории Ирака и Афганистана приняли участие 299 548 женщин-военнослужащих, около 800 из них получили ранения, число погибших составило 130 человек. На 29 февраля 2013 г. для участия в военных операциях было передислоцировано 16 407 женщин, состоящих на действительной военной службе [Burelli 2013: 2]. Несмотря на активную интеграцию женщин в армейскую субкультуру, они по-прежнему становятся объектом гендерной стереотипизации. Мы полагаем, что статус-кво женщин-военнослужащих обусловлен по меньшей мере тремя факторами.

Во-первых, вследствие таких существенных свойств, как *ригидность* и *согласованность*, гендерные стереотипы обретают устойчивость во времени и транслируются значительным количеством предшественников армейской субкультуры.

Так, например, в армейской среде широко распространено мнение о том, что типичный мужчина легче принимает решения, более независим, уверен в себе, конкурентоспособен и по сравнению со среднестатистической женщиной обладает более ярко выраженными лидерскими качествами. Типичные женщины более услужливы, добры, мягки и эмоционально экспрессивны, чем мужчины (Broverman, Vogel, Broverman, Clarkson, & Rosenkrantz, 1972; Diekman & Eagly, 2000). Вышеперечисленные гендерно обусловленные стереотипные представления о женщинах-военнослужащих резко контрастируют с качествами, необходимыми для успешного прохождения военной службы.

Во-вторых, армейская субкультура США пропитана духом *андроцентризма*, имеющего глубокие исторические и традиционные корни. «Андроцентризм можно рассматривать как специфическую конфигурацию властных отношений, которая не является ни неизбежной, ни универсальной...» [Ушакин 2001: 130]. Андроцентризм мыслится как взгляд на мир с позиции мужских нормативных представлений и социальных моделей поведения. Мужская норма рассматривается как универсальная объективность, в то время как женская репрезентируется как отклонение от нормы. Язык играет особую роль в воспроизводстве андроцентризма, поскольку языковая картина мира фиксирует и воспроизводит мир с мужской точки зрения. Признаки андроцентризма армейской субкультуры США реализованы в речи путем отождествления понятий *человек* и *мужчина* (*man* — человек, мужчина или *man as man* — человек как таковой) и закрепления языковых средств номинации женщин, которые коррелируют с мужским родом [Денисова 2002: 4]. Лексемы, используемые для номинации женщин-военнослужащих в официальном военно-политическом дискурсе, нейтральны и политкорректны: *a woman soldier, a female soldier, a woman guard member, a teammate, a female gunner soldier, a female counterpart, a fellow soldier, a female service member*. Следует отметить, что аффиксы женского рода (-ess, -ine, -trix и др.) в вышеприведенных лексемах отсутствуют и семантическим ядром является слово *soldier*, что прямо указывает на гендерное своеобразие приведенных единиц. В качестве другого интересного, на наш взгляд, примера реализации лингвистического андроцентризма в языковой картине мира военнослужащего ВС США могут служить следующие словосочетания: *to man a ship or a unit* — укомплектовать личным составом/экипажем судно или часть/подразделение; *a manned vehicle* — управляемое транспортное средство; *man at the wheel* — рулевой; *a man-borne radar* — портативная РЛС, *man by man* — по одному, поодиночке; *a man-carrying vehicle* — пилотируемый ЛА (летательный аппарат), *man-controlled* — управляемый человеком и т. д. В приведенных словосочетаниях в качестве семантической основы выступает лексема *man*.

На уровне социально-группового диалекта женщины-военнослужащие зачастую номинируются с помощью эмоционально окрашенных и пейоративно-димиутивных способов: *crack troop* (negative connotation to a female soldier) — «от-

борные войска»; *heavy drop* (a rotund female) — пышная женщина; *morale platoon* (group of female soldiers that sleep around, usually barracks whores) — женщины-военнослужащие легкого поведения; *desert fox = queen for a year* (a female soldier who is being considered much more attractive due to being at a duty station with fewer civilian females) — женщина-военнослужащая, пользующаяся популярностью среди сослуживцев лишь по причине отсутствия других женщин; *Power Point bitch* (military IT specialists who are forced to make Power Point slide shows for officers who believe that IT technicians are also secretaries) — канцелярский работник (причем пейоративное *bitch* может быть отнесено в равной степени как к мужчинам, так и к женщинам); *bitchin' Betty* (most U.S. military aircraft feature warning systems that frequently utilize female voices) — система аварийного оповещения, озвучиваемая женским голосом [Military.com]; *gun Bunny* (a female artillery soldier) — женщина-военнослужащая, проходящая службу в артиллерийских войсках [Lilith-ezine.com].

В-третьих, гендерные стереотипы закрепляются в массовом сознании членов армейского языкового коллектива средствами правового инструментария, регламентирующего участие женщин-военнослужащих в боевых действиях. В соответствии с Меморандумом министра обороны США от 13 января 1994 г. «Порядок назначения личного состава на должности, связанные с непосредственным участием в наземных боевых действиях» (*Direct Ground Combat Definition and Assignment Rule*), военнослужащие могут занимать любую соответствующую их квалификации должность, за исключением назначения женщин на должности в формировании ниже бригадного уровня, если последние предназначены для непосредственного участия в наземных боевых операциях. Наземные боевые операции предполагают применение оружия личным составом и экипажами в условиях огневого столкновения с противником, а также высокую вероятность рукопашной схватки. Речь идет о боевых подразделениях сухопутных войск, сил специальных операций, ПВО, ВВС и ВМС. *This mismatched experience arises largely because of the differences among occupational roles for military women and men. Occupations in infantry are dominated by men: while 19 % of servicemen are in the infantry, gun crews or are seamen, only 3 % of servicewomen are in these roles. The ongoing prohibition against women serving in ground units where combat is the primary mission plays a part in the skewed distribution of these infantry roles.* [Patten, Parker 2011: 8]

Далее мы предлагаем рассмотреть несколько наиболее распространенных гендерных стереотипов, вербализованных в тексте военно-политического дискурса. В статье майора Джейн Блэр «Five Myths about Women in Combat» («Пять мифов о женщинах в бою») приводится ряд типичных для американского армейского языкового коллектива гендерных стереотипов о роли и профессиональных функциях, возлагаемых на женщин-военнослужащих. Автор публикации приходит к суждению о том, что стереотипные пресуппозиции о женщинах основаны на культурных стереотипах, которые формируются в том числе

под влиянием голливудских фильмов. В армейской субкультуре распространены и активно культивируются следующие гендерно обусловленные стереотипы:

1) *Women are too emotionally fragile for combat.* Эмоционально женщины более ранимы и восприимчивы к проявлению агрессии и насилия;

2) *Women are too physically weak for the battlefield.* Физиологически представительницы прекрасного пола менее приспособлены к большим физическим нагрузкам, которым подвергается военнослужащий во время боевых действий;

3) *The presence of women causes sexual tension in training and battle.* Женщины-военнослужащие провоцируют сексуальное напряжение и оказывают негативное влияние на моральный дух подразделения;

4) *Male troops will become distracted from their missions in order to protect female comrades.* Женщины менее эффективны в условиях реальных боевых действий, вследствие чего выполнение поставленной задачи может оказаться под угрозой срыва. *This myth conjures an image of a heroic soldier, attacking the enemy and about to win, until catastrophe strikes: he spots a wounded woman on the battlefield and abandons his assault to save her life, costing his side the battle. It's the "women and children first" argument translated to the battlefield;*

5) *Women can't lead men in combat effectively.* Женщины-военнослужащие не способны эффективно осуществлять командные функции, когда у них в подчинении находятся мужчины [Blair 2011].

В статье Натаниель Пенн «Natural Born Killers» («Прирожденные убийцы») показаны типичные для армейской субкультуры США стереотипные представления о женщинах-военнослужащих: в условиях боевых действий женщины не способны сохранять эмоциональное равновесие; женщине не свойственны жестокость и беспощадность, необходимые для того, чтобы лишить человека жизни; женщины имеют низкий болевой порог; женщины побуждают мужчин к сексуальной активности и представляют угрозу сплоченности воинского коллектива, состоящего в основном из мужчин. *Women get flustered under fire. They're too fragile, too emotional. They lack the ferocity required to take a life. They can't handle pain. They're a distraction, a threat to cohesion, a provocative tease to close-quartered men. These are the sort of myths you hear from people who oppose the U.S. military's evolving new rules about women in combat. But for women who have already been in combat, who have earned medals fighting alongside men, the war stories they tell don't sound a thing like myths* [Penn 2013].

Элен Бенедикт, автор статьи «The Nation: The Plight of Women Soldiers» («Нация: участь женщин-военнослужащих»), выражает убежденность в том, что «начиная от офицеров высшего командного звена Пентагона и заканчивая рядовыми, мужчины по-прежнему не спешат признать заслуги женщин-военнослужащих или же вовсе не воспринимают их как реальных участников боевых действий. Вместо этого их сознание пропитано вековыми стереотипами о том, что женщины — пассивные сексуальные объекты, не имеющие ни малейшего представления о воен-

ной службе и не заслуживающие доверия в бою» — *Some soldiers and commanders show their hostility by undermining women's authority, denying them promotions, or denigrating their work. Others show it through sexual harassment, assault, and rape (of which there is a shockingly high rate in the military). These problems occur throughout the military, on US bases all over the world, as well as at war.* В зависимости от характера личностных взаимоотношений с противоположным полом, многие мужчины-военнослужащие выделяют следующие категории соратниц по оружию: *a bitch* (женщина, которая воздерживается от каких-либо отношений со своими сослуживцами), *a ho* = *whore* (женщина, ведущая неразборчивую половую жизнь, даже если в действительности у нее всего один партнер), *a dyke* (мужеподобная женщина, не представляющая интереса для противоположного пола). *One guy told me the military sends women soldiers over to give the guys eye-candy to keep them sane. He told me in Vietnam they had prostitutes, but they don't have those in Iraq, so they have women soldiers instead.* Элен Бенедикт полагает, что в американском социуме распространено суждение, согласно которому фемининность противоречит сущности военного института: *It (American society)... will not tolerate the killing and mutilation of its mothers and daughters.* Уступая мужчинам в физическом отношении, женщины-военнослужащие могут стать легкой мишенью для противника, что представляет собой дополнительный фактор риска для всего воинского подразделения [Benedict 2009].

Автор статьи «How Military's „Bro“ Culture Turns Women Into Targets» («Как военная культура „братьев по оружию“ превращает женщин в жертв») С. Сорчер полагает, что одной из причин низкого профессионального статуса женщин-военнослужащих в армейской социокультурной среде выступает *законодательная политика Пентагона (the US Defence Secretary Memorandum of 1994)*, которая запрещает женщинам занимать должности, предполагающие непосредственное участие в боестолкновениях с противником. Другим существенным фактором, определяющим статус женщин, являются *количественные показатели*: из 1,4 млн военнослужащих, состоящих на действительной военной службе армии США, на долю женщин приходится 15 %. Женщины-военнослужащие на офицерских должностях составляют 16 %. С. Сорчер указывает на то, что мужчины-военнослужащие обнаруживают тенденцию ставить под сомнение достоверность сведений, передаваемых женщинами-военнослужащими (*“he-said, she-said” scenario*), что негативно сказывается на авторитете последних. Кроме того, автор статьи приводит статические данные о жертвах сексуальных правонарушений в ВС США. *Those scandals fueled the congressional and media frenzy over the 3,374 reported sexual assaults in the military last year. The Pentagon estimates that sexual assaults actually occur far more frequently and that 26,000 troops were victims of unwanted sexual contact (6.1 percent of the military's women and 1.2 percent of its men) last year alone.* Психолог Стефани Сакс, участник проекта 2005 г. *Washington Coalition of Sexual Assault Programs*,

посвященного военной субкультуре и проблемам сексуальных правонарушений в ВС США, пишет о том, что многие мужчины-военнослужащие считают, что «в посягательствах сексуального характера отчасти виноваты сами женщины-военнослужащие, поскольку в действительности они не принадлежат к армейской субкультуре <...>» [Sorcher 2013].

В статье «Sex and Military Women: Female Soldiers Are Not Just Victims» («Секс и женщины-военнослужащие: женщины-солдаты — не просто жертвы») первый лейтенант Сухопутных войск США Д. Скотт утверждает, что, согласно распространенным стереотипным представлениям, в каждом воинском подразделении есть женщины, которые становятся жертвами так называемых «сексуальных хищников» (*sexual predators*). *When the media makes it sound like every female soldier is a victim, a slut, a bitch, a dyke, or some other negative stereotype, it negates the positive impact that female soldiers are having within our military. Stories that focus on rape and sexual assault perpetuate the myths that women are unable to serve their nation with the same pride and distinction as our male counterparts.* — *Прослужив в армии около 15 лет, я никогда не сталкивалась с сексуальными домогательствами, хотя СМИ настойчиво транслируют, что в военной среде женщинам-военнослужащим отводится роль второсортных маргиналов...* [Scott 2010].

К. Игнарри, автор публикации «Gender Stereotypes and Success in the Military» («Гендерные стереотипы и успех в военной службе»), пишет следующее: *The lack of female personnel and those in high-ranking positions has been attributed to “pregnancy, long hours and the prohibition against women serving in frontline combat positions” by the Army* [Ignarri 2009]. Аналогичная идея прослеживается в статье под названием «U.S. Army Studying For The First Time How Female Soldiers Perform In Combat» («Первое исследование ВС США, посвященное боевой эффективности женщин-военнослужащих»). Автор статьи указывает на такой гендерный стереотип, как *“women issues, such as pregnancy and menstrual cycles”* [Baldor, Bynum 2014].

В статье «Shooting down stereotypes» («Опровергая стереотипы») сержант в отставке, арабист разведроты 101 воздушно-десантной дивизии К. Уиллиамс пишет следующее: *Ten years ago, as I prepared to take part in the invasion of Iraq, I never thought women would be allowed to serve in combat jobs in the U.S. military, at least not in my lifetime. To be honest, I wasn't even sure it was a good idea. Some of my male comrades in the 101st Airborne Division (Air Assault) had even clearer thoughts on the question. They told me, sometimes to my face, that I didn't belong in the military at all, much less in a combat zone. Women serving in the infantry was simply anathema to them* [Williams 2013].

В результате проведенного исследования нами был сделан ряд выводов:

1. Возникновение и закрепление в общественном сознании мужской части армейского языкового коллектива США гендерно обусловленных стереотипов о женщинах-военнослужащих объясняется совокупностью системных факторов:

- устойчивостью и согласованностью стереотипов;
 - андроцентричностью языка армейской субкультуры;
 - культурно-историческими традициями;
 - дифференциацией физиологических особенностей, характерных для представителей противоположных полов;
 - гендерным составом ВС США, в котором доминирующая роль отводится мужчинам;
 - спецификой законодательной политики руководящих органов армии США.
2. Гендерные стереотипы армейской субкультуры США обнаруживают черты сексизма, который закреплен патриархальной системой устройства института ВС.
3. Гендерные стереотипы о женщинах-военнослужащих зачастую носят пейоративный характер.
4. Гендерные стереотипы обладают манипулятивным потенциалом, поскольку являются порождением массовой культуры и направлены на массового адресата.
5. СМИ служат мощным инструментом распространения и закрепления в массовом сознании гендерных стереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартминский Е.* Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов 1993—1994 г. // Речевые и ментальные стереотипы. 1995. С. 7—9.
2. *Геродот.* История : в 9 кн. — Л. : Наука, Ленингр. отд., 1972.
3. *Денисова А. А.* Словарь гендерных терминов. — Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты», 2002.
4. *Кирилина А. В.* Гендер: Лингвистические аспекты : моногр. — М. : Ин-т социологии РАН, 1999.
5. *Кон И. С.* Мальчик — отец мужчины. — М. : Время, 2009.
6. *Пушкарева Н. Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. — М. : МЦГИ, 1999. С. 15—34.
7. *Радбиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2010.
8. *Ушакин С.* Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001.
9. *Baldor L. C., Bynum R.* Fox News Latino. U.S. Army Studying For The First Time How Female Soldiers Perform In Combat. February 26, 2014. URL: <http://latino.foxnews.com/latino/lifestyle/2014/02/26/us-army-studying-soldiers-both-sexes-to-determine-combat-fitness-requirements> (дата обращения: 19.07.14).
10. *Benedict H.* The Nation: The Plight of Women Soldiers. May 06, 2009. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=103844570> (дата обращения: 28.06.14).
11. *Blair J.* Five Myths About Women in Combat // The Washington Post. May 27, 2011. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/five-myths-about-women-in-combat/2011/05/25/AGAsavCH_story.html] (дата обращения: 28.06.14).
12. *Boldry J., Wood W., Kashy D.A.* (2001) Gender stereotypes and the evaluation of men and women in military training // Journal of Social Issues (57) 4. 689—705.
13. *Burrelli D. F.* Women in Combat: Issues for Congress / Congressional Research service, May 9, 2013. URL: <http://fas.org/sgp/crs/natsec/R42075.pdf> (дата обращения: 18.07.14).
14. *Ignarri C.* Gender Stereotypes and Success in the Military. September 23, 2009. URL: <http://socialpsychologyeye.wordpress.com/2009/09/23/gender-stereotypes-and-success-in-the-military/>. (дата обращения: 19.07.14).
15. *Patten E., Parker K.* Women in the U.S. Military: Growing Share, Distinctive Profile, December 22, 2011. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/12/22/women-in-the-u-s-military-growing-share-distinctive-profile/> (дата обращения: 28.06.14).
16. *Penn N.* Natural Born Killers// GQ. 09/2013. URL: <http://www.gq.com/news-politics/newsmakers/201305/united-states-military-women-gq-may-2013> (дата обращения: 28.06.14).
17. *Lilith-ezine.com.* URL:<http://www.lilith-ezine.com/articles/suzyrottencrotch.html>.
18. *Military.com.* URL:<http://www.military.com/join-army-forces/military-terms-and-jargon.html>.
19. *Scott J.* Sex and Military Women: Female Soldiers Are Not Just Victims. March 29, 2010 г. URL: <http://www.pbs.org/pov/regardingwar/conversations/women-and-war/sex-and-the-military-woman-female-soldiers-are-not-just-victims.php>.
20. *Sorcher S.* How Military's 'Bro' Culture Turns Women Into Target // National Journal. Sept. 5, 2013. URL: <http://www.nationaljournal.com/magazine/how-the-military-s-bro-culture-turns-women-into-targets-20130905>] (дата обращения: 19.07.14).
21. *Williams K.* Shooting down stereotypes// Winnipeg Free Press. January 26, 2013. URL: <http://www.winnipegfreepress.com/opinion/fyi/Shooting-down-stereotypes-188495031.html> (дата обращения: 19.07.14).

A. S. Romanov
Moscow, Russia

GENDER ASPECT OF THE US ARMY SUBCULTURE STEREOTYPIZATION

ABSTRACT. *The objective of research in the current article is gender regarded as a social construction. In psychology and sociology it has become conventional to distinguish between sex as a set of contrasting generative characteristics and gender (from Lat. gens — genus) as a social sex embracing socially determined roles, identities and activities of opposite sexes. Both terms are used for the so-called horizontal socio-sexual stratification of society as opposed to the vertical class, occupational and similar stratifications. The first concept is related to the anatomical and physiological characteristics of people. The concept of gender is seen in a social context and represents an accumulation of social roles and attributes of the individual, appropriate to the gender identity. In many cultures gender ideas and practices are treated as natural or divine reality. In this study, gender is treated as a social sex of the individual and social roles, behaviors and status assigned to him.*

These standards or common socio-cultural rules must be obeyed in compliance with anatomical and physiological characteristics of the individual. According to the gender theory, these differences are due to social factors, rather than of a natural character. Gender sets various requirements for men and women, causes values and norms of social behavior and does not approve of violations of the "rules of the game". The author concludes that gender is capable of exerting influence on the distribution of socially determined roles and fields of responsibilities within the framework of the US army subculture. Moreover, gender can be a means of realization of ethnic stereotypes about the US military. This study is intended for a broad audience.

KEYWORDS: sex; gender; gender stereotype; stereotyping; army subculture.

ABOUT THE AUTHOR: Romanov Aleksandr Sergeevich, Adjunct, Candidate of Philology Degree Applicant, Department of English № 32, Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia.

LITERATURE

1. Bartminskiy E. Etnotsentrizm stereotipa: rezultaty issledovaniya nemetskikh (Bokhum) i pol'skikh (Lyublin) studentov 1993-1994 g. — Rechevye i mental'nye stereotipy. 1995, s.7-9.
2. Gerodot. Istoriya: v 9 kn. — L. : Nauka. Le-ningr. otd., 1972. — 600 s.
3. Denisova A. A. Slovar' gendernykh terminov. Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Vostok-Zapad: Zhenskies Innovatsionnye Proekty», 2002. — 256 s.
4. Kirilina A. V. Gender: Lingvisticheskie as-pekty (monografiya). — M. : In-t sotsiologii RAN, 1999. — 155 s.
5. Kon I. S. Mal'chik — otets muzhchiny. — M. : Vremya, 2009. — 703 s.
6. Pushkareva N. L. Gendernye issledovaniya: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy v sisteme istoricheskikh nauk // Zhenshchina. Gender. Kul'tura. — M. : MTsGI, 1999. — S. 15-34.
7. Radbil' T. B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: uchebnoe posobie/ T. B. Radbil'. — M. : Flinta: Nauka, 2010. — 328 s.
8. Ushakin S. Politicheskaya teoriya feminizma: sovremennye debaty // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. I: Uchebnoe posobie / Pod red. I. A. Zherebkinoy. Khar'kov: KhTsGI, 2001; SPb.: Aleteyya, 2001.
9. Baldor L.C., Bynum R. Fox News Latino. U.S. Army Studying For The First Time How Female Soldiers Perform In Combat. February 26, 2014. . — URL: <http://latino.foxnews.com/latino/lifestyle/2014/02/26/us-army-studying-soldiers-both-sexes-to-determine-combat-fitness-requirements> (date of access: 19.07.14).
10. Benedict H. The Nation: The Plight of Women Soldiers. May 06, 2009 . — URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=103844570> (date of access: 28.06.14).
11. Blair J. Five Myths About Women in Combat// The Washington Post. May 27, 2011. . — URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/five-myths-about-women-in-combat/2011/05/25/AGAsavCH_story.html] (date of access: 28.06.14).
12. Boldry J., Wood W., Kashy D.A. (2001) Gender stereotypes and the evaluation of men and women in military training/ Journal of Social Issues (57) 4, 689-705.
13. Burrelli D. F. Women in Combat: Issues for Congress. Congressional Research service, May 9, 2013. . — URL: <http://fas.org/sgp/crs/natsec/R42075.pdf> (date of access: 18.07.14).
14. Ignarri C. Gender Stereotypes and Success in the Military. September 23, 2009. — URL: <http://socialpsychologyeye.wordpress.com/2009/09/23/gender-stereotypes-and-success-in-the-military/>. (date of access: 19.07.14).
15. Patten E., Parker K. Women in the U.S. Military: Growing Share, Distinctive Profile, December 22, 2011. — URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/12/22/women-in-the-u-s-military-growing-share-distinctive-profile/> (date of access: 28.06.14).
16. Penn N. Natural Born Killers// GQ. 09/2013. . — URL: <http://www.gq.com/news-politics/newsmakers/201305/united-states-military-women-gq-may-2013> (date of access: 28.06.14).
17. Lilith-ezine.com. — URL:<http://www.lilith-ezine.com/articles/suzyrottencrotch.html>].
18. Military.com . — URL:<http://www.military.com/join-armed-forces/military-terms-and-jargon.html>.
19. Scott J. Sex and Military Women: Female Soldiers Are Not Just Victims. March 29, 2010 г. . — URL: <http://www.pbs.org/pov/regardingwar/conversations/women-and-war/sex-and-the-military-woman-female-soldiers-are-not-just-victims.php>
20. Sorcher S. How Military's 'Bro' Culture Turns Women Into Target// National Journal. September 5, 2013. . — URL: <http://www.nationaljournal.com/magazine/how-the-military-s-bro-culture-turns-women-into-targets-20130905>] (date of access: 19.07.14).
21. Williams K. Shooting down stereotypes// Winnipeg Free Press. January 26, 2013 . — URL: <http://www.winnipegfreepress.com/opinion/fyi/Shooting-down-stereotypes-188495031.html> (date of access: 19.07.14).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Б. Л. Бойко.

И. В. Ружицкий
Москва, Россия

АФОРИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

АННОТАЦИЯ. В статье уточняется определение понятия «афоризм», в качестве основных свойств афоризма выделяются наличие автора, относительная краткость и нетривиальность суждений данного типа. Указываются основные возможные направления исследования афоризмов в текстах Ф. М. Достоевского, главное внимание при этом уделяется политическому дискурсу писателя. Анализируются функции афоризмов — дидактическая, рефлексивная и функция аргументации. Делаются предположения относительно причин склонности Ф. М. Достоевского к частому употреблению афоризмов, причем во всех без исключения жанрах его творчества — художественных текстах, публицистике и письмах. К таким причинам относится во многом парадоксальное мировоззрение писателя, находящее отражение и в языке; авторская склонность к нагнетанию смысла, сопряженная с поисками языковых средств выражения его тончайших нюансов; постоянное участие в литературной и общественно-политической полемике; осознание самим Ф. М. Достоевским своей пророческой функции, из чего непременно следует нравоучительная форма используемых им генерализованных высказываний. Предлагаются основы классификации высказываний афористического типа в картине мира Ф. М. Достоевского, основу которой составляет концепт «человек». Отдельное внимание уделяется составляющим афоризм структурным единицам — семантическим геистальтам, представляющим собой ассоциативные ряды входящих в высказывание идиоглосс — ключевых для писателя лексических единиц. В качестве примеров приводятся семантические геистальты, формирующие афоризмы такой референтной области, как «Россия и русские». Основой проведенного исследования явились материалы Словаря языка Достоевского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, Словарь языка Достоевского, политический дискурс, афоризм, идиоглосса, семантический геистальт.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ружицкий Игорь Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, адрес: 125480, г. Москва, ул. Виллиса Лациса, д. 11, корп. 4, кв. 379; e-mail: konnitie@mail.ru.

Ф. М. Достоевский, пожалуй, один из самых цитируемых и самых афористичных русских писателей, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, в Национальном корпусе русского языка на запрос «Достоевский» мы получаем 10 674 вхождения, а, например, на «Толстой» — 9 907 при существенно большей омонимии второго; высокая частота вхождений (22 265) на запрос «Пушкин» объясняется как широкой омонимией, так и хрестоматийностью данного автора и его произведений (см.: <http://www.ruscorgora.ru/>). То же показывают и многочисленные словари афоризмов (качество этих словарей оставляет желать лучшего, но тем не менее определенным источником материала они являются). Причин такой склонности Достоевского к частому употреблению афоризмов, причем во всех без исключения жанрах его творчества — художественных текстах, публицистике и письмах, — несколько: во многом парадоксальное мировоззрение писателя, находящее отражение в его языке (парадоксальность излагаемой мысли — одно из свойств афористического высказывания); авторская склонность к нагнетанию смысла, сопряженная с поисками языковых средств выражения его тончайших нюансов; постоянное, в течение всей жизни, участие в литературной и общественно-политической полемике, в которой, наряду с афоризмами, излюбленным языковым средством становится языковая игра; наконец, осознание самим Достоевским своей пророческой функции, из чего непременно следует дидактическая и нравоучительная форма используемых им генерализованных высказываний.

Данная статья посвящена изучению особенностей функционирования афоризмов Достоев-

ского в его публицистике, которую вполне можно охарактеризовать как авторский политический дискурс. Указанная тема уже затрагивалась в науке (см., например: [Гришин 1961; Гинзбург, Караулов 2001]), однако в данной области осталось довольно много исследовательских лакун, касающихся как функций генерализованных высказываний в речи, так и сложностей определения самого понятия «афоризм».

Под афоризмом будем понимать разновидность генерализованного высказывания, обобщающего суждения, обладающего следующими свойствами: 1) указанием на авторство; 2) нетривиальностью, часто — парадоксальностью выражаемой мысли; 3) краткостью. Все эти свойства являются в той или иной степени относительными: автор предложения может быть забыт, нетривиальность, периодически воспроизводимая, становится банальностью, а «длина» афоризма, в большинстве случаев соответствующая числу единиц оперативной памяти (7 ± 2), может сокращаться до трех знаменательных слов или расширяться до нескольких предложений, что характеризует в первую очередь публицистику. Афоризм между тем не перестает быть афоризмом, своеобразной когнемой, единицей знания, отличаясь по своим свойствам и функциям от других единиц подобного рода — пословиц, крылатых выражений, устойчивых научных формул, предложений, максим и др. (см.: [Ружицкий 2012, 2014]).

При изучении генерализованных высказываний Достоевского интерес представляет следующее: причины, по которым такого рода предложения остаются в человеческой памяти и начинают периодически воспроизводиться, т. е. служить осо-

бого типа отсылками к прецедентным текстам; роль в этой запоминаемости самой идеи, заключенной в афоризме, способы ее языкового оформления; ключевые слова, используемые в составе афоризмов, а также ассоциативно-смысловые цепочки, образуемые этими словами; референтные области действительности, с которыми связаны афоризмы; основные интенции в употреблении афоризмов и др. Остановимся на некоторых из перечисленных аспектах изучения афористики Достоевского, сосредоточившись в основном на писательском политическом дискурсе.

Ядро разработанной нами с использованием ресурсов Словаря языка Достоевского (см. [Словарь... 2001; СЯД 2008, 2010, 2012]) тематической классификации афоризмов Достоевского (около 1600 единиц) включает в себя прежде всего следующие области:

(1) ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ (с такими подклассами, как *душа, бессмертие души; человек и судьба, человек и тайна; внутреннее состояние и содержание человека; жизнь — страдание; любовь; веселость — серьезность* и др.). С политическим дискурсом наиболее тесную связь имеют следующие классы данной референтной области:

— *человек и общество, человек и государство.*

«<...> не пренебрегайте инстинктами общества, каковы бы они ни были» (Публицистика, т. 19, с. 61) (здесь и далее номера тома и страницы даются по изданию: [Достоевский 1972—1990]); «Политика <...> изобличает мелочь, внутреннее бессилие государства» (Дневник писателя, т. 23, с. 66);

— *коллективизм (единение) — индивидуализм.*

«Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всё освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля» (Дневник писателя, т. 26, с. 31);

— *война — мир, победа — поражение.*

«<...> политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима» (Дневник писателя, т. 22, с. 123); «Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Война их обновляет, освещает, вызывает, крепит мысли и дает толчок» (Дневник писателя, т. 22, с. 124); «Человек по природе своей страшно склонен к трусливости и *бесстыдству* (здесь и далее в примерах курсив Ф. М. Достоевского. — *И. Р.*) и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну: он чувствует в ней лекарство» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «<...> война менее обозляет, чем мир» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «Война развивает братолюбие и соединяет народы» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну <...>» (Дневник писателя, т. 22, с. 126); «<...> пролитая кровь важная вещь, соединительная

вещь!» (Дневник писателя, т. 23, с. 100); «Долгий мир всегда родит жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное — умственный застой» (Дневник писателя, т. 23, с. 101); «<...> полезно оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великого принципа, а не для материального интереса, не для жадного захвата» (Дневник писателя, т. 25, с. 103);

(2) НРАВСТВЕННОСТЬ (подклассы: *ценность нравственности и нравственные ценности; назначение нравственности; нравственность — политика, совесть — власть; нравственная и духовная жизнь общества; свобода — гласность* и др.). В политическом дискурсе мы чаще встречаем употребление афоризмов следующих классов:

— *нравственное — безнравственное.*

«Понятие, заключающееся в слове „дрянь“, чрезвычайно обширно и из мира вещественного очень удобно переносится в мир нравственный и умственный <...>» (Публицистика, т. 20, с. 118);

— *социализм, атеизм.*

«<...> религиозный либерализм, индифферентизм и, наконец, атеизм всегда и во все века и времена были болезнями сословий высших, аристократических» (Публицистика, т. 21, с. 229).

— *нравственный идеал, нравственное совершенство, морально высшее.*

«Общественных гражданских идеалов, не связанных органически с идеалами нравственными, не существовало никогда, да и не может существовать!» (Дневник писателя, т. 26, с. 165); «Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» (Дневник писателя, т. 22, с. 75).

И наиболее часто в публицистике Достоевского мы находим афористические высказывания, входящие в референтную область, которую можно обозначить как (3) РОССИЯ И РУССКИЕ (подклассы: *русское государство; народ, связь с народом; народность и православие; нация, национальность; русское общество; русский либерализм; интеллигенция; русский человек; русский характер; русская душа, русский дух; Родина, отечество — инородцы, «чужие края»; взгляд на иностранцев*). Именно созвучие этих генерализованных высказываний со многими аспектами современной жизни и усиливает их афористическую значимость, заставляет нас говорить о «пророческом даре Достоевского» (конечно, в первую очередь в данном случае имеется в виду роман «Бесы»), созвучие не только в самих идеях, выражаемых этими высказываниями, но и в их языковом оформлении, прежде всего в используемых лексических средствах. Например:

— *родина, отечество — инородцы, «чужие края»; взгляд на иностранцев.*

«Да Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, то есть славяне: ненавистно славянское племя Европе, les slaves, дескать, рабы, а у немцев столько этих рабов: пожалуй, взбунтуются» (Дневник писателя, т. 23, с. 63); «Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса. Скорее изобретется perpetuum mobile или жизненный эликсир, чем постигнется

Западом русская истина, русский дух, характер и его направление. В этом отношении даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия» (Публицистика, т. 18, с. 41); «Даже физическими способностями русский не похож на европейцев. Всякий русский может говорить на всех языках и изучить дух каждого чуждого языка до тонкости, как бы свой собственный русский язык, — чего нет в европейских народах, в смысле всеобщей народной способности» (Публицистика, т. 18, с. 55); «<...> нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека. Поверьте тоже, что скорей уж татарин любит сторониться от русского (именно вследствие своего мусульманства), а не русский от татарина» (Дневник писателя, т. 23, с. 127); «В том-то и главная наша разница с Европой, что не историческим, не культурным ходом дела у нас столь многое происходит, а вдруг и совсем даже как-то внезапно, иной раз даже никем до того неожиданным предписанием начальства» (Дневник писателя, т. 27, с. 10); «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли» (Дневник писателя, т. 26, с. 147); «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами <...>» (Дневник писателя, т. 23, с. 30); «Будущность Европы принадлежит России» (Дневник писателя, т. 22, с. 122); «Деликатный страх перед Европой есть чисто русское дело и изобретение и не может быть понят никогда и никем» (Дневник писателя, т. 26, с. 76).

В теории афористики принято различать афоризмы вводные, суждения, входящие в тексты литературных или художественных произведений, и афоризмы обособленные, самостоятельные, когда весь текст состоит только из них. Обособленные афоризмы представляют собой отдельный литературный жанр, позволяющий отразить в сжатом виде авторскую субъективную картину мира, в этом состоит их основное назначение. Применительно к творчеству Достоевского собственная авторская позиция, образ ратора, достаточно четко выявляется в афоризмах «Дневника писателя», дидактический характер которого определялся самим его замыслом, в публицистике и личных письмах, где их основными функциями является аргументация высказанной мысли, ее подчеркивание, усиление воздействия на читателя или оппонента и дидактическая, часто — нравоучительная. Функции афоризмов в других жанрах творчества писателя уже могут становиться другими. Например, в записных книжках Достоевского, набросках, планах произведений нет адресата, соответственно, нет и не может никакого воздействия на читателя, а есть только фиксация в сжатом виде результатов каких-либо авторских размышлений: *Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни; Сострадание есть высочайшая форма человеческого существования*. Такого рода функцию использования афоризмов будем называть рефлексивной, которая, помимо функции дидактической, характерна и для генерализованных высказываний, встречающихся в публицистике Достоевско-

го. Особый исследовательский интерес представляют собой афоризмы, включенные в речь персонажей литературных произведений, где суждения подобного рода выполняют как перечисленные выше задачи, так и служат экспрессивным средством в раскрытии художественного образа (подробнее см.: [Ружицкий 2014]).

Основной концептуальной идеей Словаря языка Достоевского (см.: [СЯД 2008, 2010, 2012]) является положение о том, что лексикографическому представлению подлежат не все слова, используемые автором (порядка 35 000 единиц), но только те, которые характеризуют авторский идиостиль и, соответственно, отражают мировоззрение писателя, — идиоглоссы. Таких единиц в текстах полного собрания сочинений Достоевского выявлено около 2 200. Вхождение слова в состав высказывания афористического типа служит безусловным показателем того, что слово обладает идиоглоссным статусом. В языковом сознании автора идиоглоссы существуют не изолированно, они вступают в гипотактические, паратактические и ассоциативные связи, являются своеобразными центрами притяжения различного рода семантических ассоциатов. Выскажем предположение, что идиоглоссы, входящие в высказывания афористического типа, образуют ассоциативные ряды, семантические гештальты (специфичные для национальной или индивидуальной картины мира цепочки ассоциаций — подробнее см.: [Караулов 2000, 2014; Ружицкий 2008, 2011, 2013]), которые как раз и являются единицами авторского языкового сознания. Приведем примеры таких ассоциативных цепочек идиоглоссы из контекстов их употребления, данных выше в референтной области РОССИЯ И РУССКИЕ:

Россия → виноватый → русский → славяне → Европа → ненавистный → раб; Россия → загадка → жизненный → русский → истина → дух → характер → направление; русский → способность → говорить → язык → дух → европейский → народ → смысл → народный; целый → мир → широкий → гуманный → душа → настоящий → человек → поверить → любить; Европа → главный → вдруг → внезапно → дело → неожиданный; будущность → Россия; деликатный → страх → дело → понять и др. Фиксация данных семантических гештальтов в генерализованных высказываниях Достоевского является, на наш взгляд, перспективным направлением исследования языковой личности писателя. Интересной, на наш взгляд, является также возможность проведения своеобразного эксперимента по конструированию высказываний афористического типа с использованием выявленных семантических гештальтов Достоевского среди носителей современного русского языка и культуры, что позволит обнаружить как механизмы создания афоризма, так и инвариантные и вариативные части языкового сознания Достоевского в сравнении с современным русским.

В заключение еще раз подчеркнем ключевые направления исследования афористики Достоевского, представленной, в частности, в его политическом дискурсе. Это уточнение самого понятия «афоризм»; поисковая работа по обнаружению генерализованных высказываний в текстах Дос-

товского, их классификация; изучение функций такого рода высказываний, выявление входящих в них семантических гешталтов; их сравнение с ассоциативными рядами, обнаруженными в афоризмах других авторов XIX в.; проведение эксперимента с носителями современного русского языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. Предисловие. — М. : Азбуковник, 2001. С. IX—LXIV.
2. Гришин Д. В. Афоризмы и высказывания Ф. Достоевского. — Мельбурн : Мельбурнский ун-т, 1961.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1972—1990.
4. Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование : тезисы 13 Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 2000. С. 107—109.
5. Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ — новый подход к интерпретации художественного текста // Слово Достоевского — 2014. Идиостиль и картина мира : коллективная моногр. / под общ. ред. Е. А. Осокиной. — М. : ЛЕКСРУС, 2014. С. 61—88.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
7. Ружицкий И. В. Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских носителями иных культур // Русское слово в русском мире — 2008: Россия и

русские в восприятии инокультурной языковой личности : сб. науч. ст. / под ред. И. В. Ружицкого, Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко. — М. : ЦП «Ваздаст», 2008. С. 5—21, 196—229.

8. Ружицкий И. В. Вместо предисловия // Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (Г—З) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М. : Азбуковник, 2010. С. VIII—XVII.

9. Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия // Вестн. Центра междунар. отношений МГУ им. М. В. Ломоносова. 2011. Сер. «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». Вып. 3. С. 75—83.

10. Ружицкий И. В. О языке Достоевского // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. № 9. С. 73—81.

11. Ружицкий И. В. Афоризмы Достоевского // Русская речь. 2014. № 5. С. 30—37.

12. СЯД = Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (А—В) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М. : Азбуковник, 2008.

13. СЯД = Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (Г—З) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М. : Азбуковник, 2010.

14. СЯД = Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (И—М) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М. : Азбуковник, 2012.

15. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. 1. / Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, М. М. Коробова, Е. А. Цыб, С. Н. Шепелева ; под ред. Ю. Н. Караулова. — М. : Азбуковник, 2001.

I. V. Ruzhitskiy
Moscow, Russia

APHORISMS IN DOSTOYEVSKY'S POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article clarifies the definition of the concept of «aphorism»; its basic features are determined to be as follows: the presence of the author and the relative brevity and non-triviality of judgments of this type. The main lines of research of aphorisms are investigated and the main attention is paid to the political discourse of the writer. The following functions of aphorisms are analyzed: didactic, reflexive and argumentative. Assumptions about the reasons of F. Dostoyevsky's propensity to use aphorisms in all genres of his creative works — fiction, journalism and letters — are made. These reasons are: the paradoxical worldview of the writer, reflected in the language; the author's tendency to intensify the sense, which also means the search of language means to express the subtlest of its nuances; constant participation in literary and political debates; the awareness by F. Dostoyevsky of his prophetic function, which determines the moralizing form of his generalized statements. The basics of classification of aphoristic statements in F. Dostoyevsky's worldview are suggested; in the center of this classification is the concept "human being". Special attention is paid to the components of the aphorism constituent structural units — semantic gestalts, by which the associative series of idioglosses (the key lexical units in the writer's stile) is understood. The paper contains examples of semantic gestalts of the reference group "Russia and Russians". The conducted research is based on the materials of the Dostoyevsky's Language Vocabulary.*

KEYWORDS *Dostoyevsky, Dostoyevsky's vocabulary, political discourse, aphorism, idioglossa, semantic gestalt.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhitskiy Igor Vasilyevitch, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian for Foreign Students, Lomonosov State University Philological Faculty, Lomonosov State University, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Ginzburg E. L., Karaulov Yu. N. Yazyk i mysl' Dostoyevskogo v slovarnom otobrazhenii // Slovar' yazyka Dostoyevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta. Vyp. Pervyy. Predislovie. Moskva: Azbukovnik, 2001. S. IX—LXIV.
2. Grishin D. V. Aforizmy i vyskazyvaniya F. Dostoyevskogo. Mel'burn: Mel'burnskiy un-t, 1961. — 77 s.
3. Dostoyevskiy F. M. Polnoe sobranie sochine-niy: v 30 t. L. : Nauka, 1972—1990.
4. Karaulov Yu. N. Semanticheskiy geshtal't assotsiativnogo polya i obrazy soznaniya // Yazykovoe soznanie. Soderzhanie i funktsionirovanie: Tezisy XIII

Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholin-gvistike i teorii kommunikatsii. M., 2000. S. 107—109.

5. Karaulov Yu. N. Assotsiativnyy analiz novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta // Slovo Dostoyevskogo—2014. Idiostil' i kartina mira: Kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. E. A. Osokinoy. M. : LEKSRUS, 2014. S. 61—88.

6. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] // <http://www.ruscorpora.ru/>

7. Ruzhitskiy I. V. Prezumpsiya negativnoy otsenki v vospriyatii Rossii i russkikh nositelyami inykh kul'tur // Russkoe slovo v russkom mire 2008: Rossiya i russkie v

vospriyatii inokul'turnoy yazykovoy lichnosti: Sb. nauch. st. / Pod red. I. V. Ruzhitskogo, Yu. N. Karaulova, O. V. Evtushenko. M. : TsP «Vasizdast», 2008. S. 5—21, 196—229.

8. Ruzhitskiy I. V. Vmesto predisloviya // Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (G—Z) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M. : Azbukovnik, 2010. S. VIII—XVII.

9. Ruzhitskiy I. V. Tsepochka assotsiatsiy kak edi-nitsa vospriyatiya // Vestnik Tsentra mezhdunarodnykh otnosheniy MGU imeni M. V. Lomonosova. Seriya «Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika». 2011. Vyp. 3. S. 75—83.

10. Ruzhitskiy I. V. O yazyke Dostoevskogo // Nauch. vestnik Voronezhskogo gos. arkhitekturno-stroitel'nogo un-ta. Seriya «Lingvistika i mezh-kul'turnaya kommunikatsiya». 2013. № 9. S. 73—81.

11. Ruzhitskiy I. V. Aforizmy Dostoevskogo // Russkaya rech'. 2014. № 5. S. 30—37.

12. SYaD — Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (A—V) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M. : Azbukovnik, 2008. — 962 s.

13. SYaD — Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (G—Z) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M. : Azbukovnik, 2010. — 1049 s.

14. SYaD — Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (I—M) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M. : Azbukovnik, 2012. — 847 s.

15. Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta. T. I. Avt.: Ginzburg E. L., Karaulov Yu. N., Korobova M. M., Tsyb E. A., Shepeleva S. N. / Pod red. Yu. N. Karaulova. M. : Azbukovnik, 2001. — 510 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. П. Седых, М. И. Шевченко
Белгород

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ВЕКТОР ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию языковой личности политического деятеля. Институциональный дискурс рассматривается как коммуникативная структура, являющаяся вектором индивидуальных и национальных особенностей коммуникативного поведения. Политическая деятельность в её речевой ипостаси строится главным образом на использовании готовых коммуникативных единиц: схем, шаблонов, клише, связанных с особенностями языкового мышления в области идеологических предпочтений. Языковое мышление проецируется в политическую активность, которая связана через конвенциональность семантики с мифологическими установками каждого национально-культурного сообщества. Мифологизация является универсальным способом постижения, организации и категоризации действительности.

Анализируется коммуникативный потенциал средств манифестации личности политика. Представлен алгоритм исследования признаков институциональной языковой личности. Основой выявления существенных признаков языковой личности выступает лингвокогнитивный подход, учитывающий комплексные параметры вербалики политического деятеля. Предлагается структурировать языковую личность политика с учетом идеологических, психоэмотивных, этнокультурных, тематических элементов национального языка и узуса. Идеологический страт соотносится с системой идей, представлений, взглядов, характеризующей воззрения на объективную реальность и человеческую экзистенцию. Психоэмотивный уровень отражает личностные параметры коммуникативного поведения политика с точки зрения эмоциональных параметров употребляемого языкового материала. Поскольку каждый видный политический деятель представляет определенное языковое сообщество, то можно выделить этнокультурные признаки институциональной языковой личности. Тематический уровень демонстрирует преобладающие тематические группы в речевых манифестациях политиков. Перечисляются преобладающие в речевых манифестациях политиков тематические группы, отражающие актуальные события политического мира: украинский кризис, санкции против России, экономика (перечень тем не полный).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; институциональный дискурс; лингвокогнитивная; теория языка и коммуникации; семиотика текста и высказывания.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, факультет иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ); адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85; e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шевченко Мирослав Игоревич, аспирант, кафедра немецкого и французского языков, факультет иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ); адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85; e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Любой видный политический деятель является одним из ярких представителей языкового сообщества, к которому он принадлежит. Его словотворчество отражает характерные признаки национальной коммуникации. Исходя из этого, мы рассматриваем институциональный дискурс как коммуникативную структуру, являющуюся вектором индивидуальных и национальных особенностей коммуникативного поведения. Данная позиция связана с когнитивно-коммуникативным подходом к трактовке характерологических составляющих институционального высказывания.

Политическая деятельность в её речевой ипостаси строится главным образом на использовании готовых коммуникативных единиц: схем, шаблонов, клише, связанных с особенностями языкового мышления в области идеологических предпочтений. Языковое мышление проецируется в политическую активность, которая связана через конвенциональность семантики с мифологическими установками каждого национально-культурного сообщества. Мифологизация является универсальным способом постижения, организации и категоризации действительности. Она охватывает все уровни социальной и индивидуальной практик. При этом политический миф требует

особого состояния сознания, специфической мыслительной парадигмы, продуцирующей систему представлений индивида о культуре институциональной коммуникации.

Как известно, языковая личность познается через её текстовое (дискурсное) проявление, ведь за каждым текстом стоит личность, владеющая системой языка [Белянин 2000: 116]. Профессиональные политики предположительно также хорошо владеют национальным языком, реализуясь прежде всего как языковые личности, и мы опираемся именно на данный постулат.

Языковая личность (ЯЛ) политика может быть рассмотрена в корреляции с национальной концептосферой, которой свойственны креативные параметры функционирования. Национальный политик может быть рассмотрен как «языкотворческая личность». Толкуя политический текст как «смыслопорождающее устройство» (термин Ю. М. Лотмана [Лотман 1999]), мы рассматриваем данный тип дискурса в качестве самостоятельного семиотического конструкта, носителя не только индивидуальных языковых характеристик, но и национальных особенностей функционирования языка.

При выборе тех или иных средств реализации смысловой структуры высказывания, иными

словами семантико-смыслового и прагматического формата своего политического текста, политический лидер не свободен от жанровой обусловленности подобной задачи. Речь здесь идет об этнокультурной обусловленности выбора языковых средств. При этом учет идиолектной специфики авторского дискурса представляется чрезвычайно важным моментом в процессе когнитивно-коммуникативного анализа, на основе которого могут быть выделены ядерные признаки языковой личности политического лидера.

Мы разделяем мнение Е. В. Падучевой о том, что описание специфики семантической интерпретации структуры текста входит в компетенцию лингвистики и истолкование текста опирается на выявление смыслов, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на национальном языке [Падучева 1996: 198]. Иными словами, объективный лингвистический анализ предшествует выделению в структуре авторского дискурса этноцентрических/индивидуальных элементов.

Политическая фразеология довлеет над языковым мышлением лидера, навязывая ему штампы, фразеологизмы-эвфемизмы. Как одна из ее версий ЯЛ политика может быть смоделирована в данном эпистемологическом ключе, так как рассматриваемый тип личности не может исследоваться без учета арсенала идиолектной фразеологии. Вместе с тем носители национального языка не всегда знакомы со всеми параметрами фразеологического узуса, от них могут ускользать и ассоциативные смыслы. К тому же фразеологические единицы в речи политического лидера стимулируют скорее эмоциональное, чем логическое восприятие высказывания. С характерологической точки зрения количественные и качественные показатели фразеологической плотности речи политика могут составить эмпирическую базу для лингвистической идентификации его личности.

Традиционно различают несколько уровней ЯЛ:

1. Вербально-семантический.
2. Когнитивный.
3. Прагматический.
4. Коммуникативный [Караулов 1987; Карасик 2002; Седых 2004].

Уровневая модель *homo loquens* (человека говорящего) определяет индивида как некий пучок дифференциальных признаков, который, в зависимости от своей экзистенциальной/коммуникативной манифестации, объединяет в себе необходимые для рассматриваемой ситуации функции.

Вместе с тем ЯЛ может быть рассмотрена не только в рамках вышеприведенной парадигмы, но и с точки зрения ее манифестаций через профессиональный язык и фразеологию, отражающих не только реалии ремесла, которым владеет индивид, но и его мировидение, философскую концепцию жизни. В этом смысле задачи типологизации институциональной ЯЛ должны решаться в зависимости от ее национальной принадлежности.

Так, при сопоставительном изучении этнических и национальных вариантов институциональной ЯЛ наиболее перспективным представляется интегративный подход, включающий в себя изучение культурологического аспекта речевого по-

ведения в сочетании с лингвистическим подходом. Речь идет об описании коммуникативного поведения носителей элитарной либо массовой языковой культуры, а также о характеристиках людей с позиций их коммуникативной компетенции, в рамках анализа креативного и стандартного языкового сознания.

В этом ключе языковая личность политика может быть структурирована, в частности, с учетом анализа специфики *идеологических, психомотивных, этнокультурных, тематических* элементов национального языка и узуса. Рассмотрим каждый из обозначенных уровней функционирования институциональной языковой личности.

Идеологический

Данный страт соотносится с системой идей, представлений, взглядов, характеризующей воззрения на объективную реальность и человеческую экзистенцию. Речь не всегда может идти об идеологической концепции политической партии, по отношению к которой позиционируется тот или иной политик.

Например, следующие высказывания отражают прежде всего мировоззренческий уровень личностных языковых манифестаций политиков: *Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение* (Черчилль. URL: http://www.foxde sign.ru/aphorism/topic/t_policy.html); *Какова бы ни была идеология в данной стране, ее национальные интересы неизменны* (Рузвельт. URL: http://stuki-druki.com/aforizm_Ideologiya.php); *Разные люди склонны западать на разные вещи. Кто-то попадает в зависимость от табака. Кто-то, прости Господи, от наркотиков. Кто-то становится зависим от денег. Говорят, что самая большая зависимость — от власти* (Путин. URL: <http://www.inpearls.ru/author/1469>).

Катализаторами идеологического фона приведенных высказываний выступают языковые комплексы *политик ↔ деятель, идеология ↔ национальные интересы, зависимость ↔ власть*. Активное функционирование приведенных языковых структур в составе основного фонда национального языка повышает ассоциативный заряд соответствующих высказываний политического руководителя. Использование подобных речений представляет интерес прежде всего в качестве средств передачи идеологических взглядов лидера, так как их семантика вписывается в комплекс общечеловеческих ориентиров.

Психомотивный

Этот уровень отражает личностные параметры коммуникативного поведения политика с точки зрения эмоциональных характеристик употребляемого языкового материала. Эмоциональность фраземики институциональной языковой личности может определяться в терминах интенсивности: *нейтральная, средняя, повышенная*.

Так, у ряда политиков обнаруживаем следующие эмотивные речения: *Россия не обязана выполнять условия извне. Пусть жену свою учат щи варить!* (Путин. URL: <http://www.inpearls.ru/author/1469>); *What would any tyrannical regime possessing a weapon of mass destruction think viewing the history of the world's diplomatic*

dance with Saddam? ('дипломатический танец с Саддамом') (Блэр. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/194/5048>); *Нет смысла прятать голову в песок. В Великобритании поддержка Европы в ее сегодняшнем виде — уже на волоске* (Кэмерон. URL: <http://inosmi.ru/europe/20130125/205039310.html>).

В приведенных высказываниях с фразеологическими единицами *учить варить щи*, *дипломатический танец*, *прятать голову в песок* реализуются культовые коннотации народа, на языке которого говорит каждый из лидеров. Коннотативный фон каждого из высказываний представляется насыщенным эмоциями. Прагматический компонент приведенных речений базируется на синтаксическом противопоставлении посылки и вывода. Каждая посылка и вывод являются общепризнанными суждениями и закрепляют точку зрения говорящего на события.

Этнокультурный

Каждый видный политический деятель является ярким представителем своего языкового сообщества. Этнокультурные признаки институциональной языковой личности могут быть выделены по частотности обращения к идиоматическому фонду национального языка.

Например, крупные политики современности всё чаще используют в выступлениях национальную фразеологию и мифологию: *Возможно, нашему Мишке нужно посидеть спокойно, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодами и медком. Может, его в покое оставят? Не оставят. Потому что всегда будут стремиться, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся — вырвать и зубы и когти. В сегодняшнем понимании это — силы ядерного сдерживания. Как только это, не дай Бог, случится, то и мишка не нужным станет, чучело из него сделают и все* (Путин. URL: <http://citaty.info/man/vladimir-vladimirovich-putin>); *The Good Book says don't throw stones at glass houses, or make sure we're looking at the log in our eye before we are pointing out the mote in other folks' eyes* (В Библии говорится: *не бросай камни в стеклянные дома или убедись в том, что в твоём глазу нет бревна перед тем, как указывать на сучок в чужом*) (Обама. URL: <http://lenta.ru/news/2014/12/11/obama/>); *В случае выхода из ЕС не будет обратного пути, это билет в один конец* (Кэмерон. URL: <http://inosmi.ru/europe/20130125/205039310.html>); *Глядя на него* (и. о. главы МИДа Украины Андрея Дещицу — прим.), *вспоминается хорошее выражение: не умеешь пить — не пей* (Лавров. URL: <http://www.inpearls.ru/author/32358>).

Как видим, метафорический дискурс (*хозяин тайги — медведь*) и фразеологические единицы *бросать камни, бревно в глаз, билет в один конец, не умеешь пить — не пей*, будучи зависимыми от институционального кода культуры, в своем употреблении в определенной мере формируют национально-культурные параметры политического дискурса. Благодаря коннотативному макрокомпоненту фразеологический (метафорический) материал не только является ярким выразительным средством любого языка, но и, функционируя в речи политика, воздействует на эмоциональную структуру личности представителей национальной лингвокультуры в качестве

реципиентов институционального текста. Напомним мысль А. П. Чудинова о важной роли «развертывания метафорической модели» в политическом тексте [Чудинов 2006]. Данная модель активно функционирует в приведенных выше высказываниях и повышает их эмотивный заряд.

Тематический

Данный уровень демонстрирует превалирующие тематические группы в речевых манифестациях политиков. На основе сопоставительного выделения доминантного тематического материала в политическом дискурсе представляется возможным описать существенные признаки языковой личности.

Так, коммуникативный потенциал современных политических деятелей отличается актуализацией следующих блоков, отражающих животрепещущие темы политического мира:

1. Украинский кризис.

Украинский народ, конечно, должен иметь возможность выбрать свой путь, но это не должно вредить России (Меркель. URL: <http://www.inpearls.ru/pearls/tag/id/47046/value/peregovy+merkel>); *Украинскую историю преподавали так, что чуть ли не в Троянской войне участвовали укры, а Иисус Христос был украинцем* (Смолин. депутат Госдумы URL: <http://www.aif.ru/politics/russia/1163134>); *Мы никого не заставляем, никого не шантажируем, не угрожаем... Мы — вежливые люди...* (Лавров. URL: <http://www.inpearls.ru/author/32358>).

2. Санкции против России.

На разных международных форумах то один, то другой министр из стран, объявивших России санкции, отводит меня в сторону и, крутя пуговицу на пиджаке, просит войти в положение. Мол, мы не хотим, но заставляют. Консенсус, солидарность... (Лавров. URL: <http://www.inpearls.ru/author/32358>); *Если в России кризис, это не очень хорошо и для Европы. Поэтому я не выступаю за политику „чем хуже, тем лучше“. Я думаю, что санкции сейчас должны прекратиться. Должны прекратиться и должны быть отменены, если будет прогресс. Если не будет прогресса, санкции останутся* (Олланд. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/66739.html>); *Мы согласны с необходимостью сохранения жестких санкций против России до тех пор, пока она не прекратит свою агрессию на Украине* (Обама. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1289217>).

3. Экономика.

Сегодня Америка является мощной и объединенной со своими союзниками, а Россия изолирована, ее экономика разрушена. Вот так Америка поступает — не с пустыми угрозами, а с настойчивой решительностью (Обама. URL: http://www.topnews.ru/citation_857_0_1.html); *Аргументы в пользу инвестирования в Великобританию остаются такими же. Мы часть этого единого рынка, у нас очень низкие налоговые ставки, у нас есть конкурентоспособная рабочая сила, у нас есть такие отличные вещи, как наши блестящие университеты, английский язык и часовой пояс, который занимает центральное место в мире. Кроме того, у нас есть план сделать Европу более конкурентоспособ-*

ной, открытой и гибкой и обеспечить место Британии в ней (Кэмерон. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/22462>); И мы должны это понять, а понимая это, должны повышать уровень суверенитета, в том числе и в экономике (Путин. URL: <http://lenta.ru/news/2015/02/07/putin/>); Мы делаем очень многое для того, чтобы экономика Украины хоть как-то продержалась на плаву (Лавров. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/01/26/1360958.html>).

Очевидно, что это далеко не полный перечень актуальных тем, затрагиваемых политиками. Материал данной статьи предлагается рассматривать в русле постановки перспективных задач в рамках когнитивно-коммуникативного подхода к моделированию феномена языковой личности, в частности личности политического деятеля.

Таким образом, уровневый подход к исследованию институциональной языковой личности не теряет своей актуальности и является действенным средством для выявления механизмов реализации сущностных характеристик личности любого типа. Языковая личность политика выступает в качестве активного элемента функционирования институционального дискурса. При этом институциональный дискурс трактуется как интегративная часть национальной коммуникации. Институциональная коммуникация осуществляется через политический (идеологизированный) текст, который выступает как многоуровневая коммуникативная структура и вектор не только идиолектных характеристик, но и национальных

особенностей коммуникации. Идиолектное и этнокультурное находится в диалектическом взаимодействии, являясь частью дискретного процесса актуализации смысла высказывания, поэтому есть все основания использовать политический текст как основу анализа характерологической составляющей высказывания. Вместе с тем при анализе политического текста необходимо учитывать и экстралингвистические факторы, связанные с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. — М. : Тривола, 2000.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М. : Языки русской культуры, 1999.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). — М. : Языки русской культуры, 1996.
6. Седых А. П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). — М. : Компания Спутник+, 2004.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

A. P. Sedykh, M. I. Shevchenko
Belgorod, Russia

INSTITUTIONAL LINGUISTIC PERSONALITY AS A VECTOR OF NATIONAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of the linguistic personality of a politician. Institutional discourse is regarded as a communicative structure, which functions as a vector of individual and national peculiarities of communicative behavior. Political activity in its speech manifestation usually presupposes the use of ready-made communicative units: schemes, patterns and clichés, connected with the peculiarities of language mental operations in the field of ideological preferences. Language mental activity is projected onto political activity, which is connected with mythological ideas of each national cultural community through conventionality of semantics. Mythologization is a universal method of understanding, organization and categorization of reality.*

The article analyzes the communicative potential of the means of manifestation of a politician's personality. It also offers an algorithm of research of properties of an institutional linguistic personality. The definition of essential properties of linguistic personality is based on the linguo-cognitive approach, taking into account complex parameters of vocabulary of a politician. The article puts forward an idea to structure the linguistic personality of a politician from the point of view of ideological, psycho-emotive, ethno-cultural and thematic elements of the national language and usage. The ideological layer is correlated with the system of ideas, notions and views, characterizing the attitude to objective reality and human existence. The psycho-emotive level reflects personal parameters of communicative behavior of a politician in terms of emotional parameters of the used language material. As long as every distinguished political leader represents a certain linguistic community, it is possible to single out ethno-cultural properties of an institutional linguistic personality. The thematic level demonstrates prevailing thematic groups in politicians' speech manifestations. The author enumerates the prevailing thematic groups in politicians' speech manifestations, reflecting the main events of the world politics: the Ukrainian crisis, anti-Russia sanctions and economics (the list is far from being complete).

KEYWORDS: *linguistic personality, institutional discourse; linguo-cognition; theory of language and communication; text and utterance semiotics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sedykh Arkady Petrovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of German and French, Faculty of Foreign Languages, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shevchenko Miroslav Igorevich, Post-graduate Student, Department of German and French, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.*

LITERATURE

1. Belyanin V. P. Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki: Modeli mira v literature. — M. : Trivola, 2000. — 248 s.
2. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd: Peremena, 2002. — 477 s.
3. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1987. — 261 s.
4. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. — 464 s.

5. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa). — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. — 464 s.

6. Sedykh A. P. Yazykovaya lichnost' i etnos (natsional'no-kul'turnye oso-bennosti kommunikativnogo povedeniya russkikh i frantsuzov). — M. : Kompaniya Sputnik+, 2004. — 269 s.

7. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. — M. : Flinta: Nauka, 2006. — 256 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. Г. Скребцова
Санкт-Петербург, Россия

(ТРАНС)ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ (на примере трудовых мигрантов и беженцев)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению особой тематической разновидности дискурса — дискурса об иммигрантах (или «чужих»). Материал современной российской публицистики и Интернета используется для анализа существующих в общественном сознании стереотипизированных представлений о трудовых мигрантах и беженцах с Украины. Отмечается, что стереотип «трудовой мигрант» претерпел некоторые изменения за последнее десятилетие; изменились и отдельные характерные черты дискурса о мигрантах. Что касается стереотипа «беженец», он начал складываться совсем недавно и, как кажется, еще не вполне оформился. Тем не менее уже можно говорить об основных компонентах данного стереотипа и о специфических особенностях дискурса о беженцах. Представленное в виде таблицы сравнение бытующих в обществе стереотипов о трудовых мигрантах и беженцах наглядно показывает, что у них мало точек соприкосновения: большинство компонентов не имеют аналогов. Совпадение вообще только одно, и оно касается экономического аспекта: присутствие в стране и мигрантов, и беженцев означает дополнительную нагрузку на российский бюджет. Однако, учитывая возможную эволюцию стереотипов (показанную на примере образа трудовых мигрантов), со временем можно ожидать их сближения. Как бы то ни было, автор надеется вернуться к этой теме спустя некоторое время, чтобы проследить дальнейшую трансформацию рассматриваемых социальных стереотипов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, трудовой мигрант, беженец, социальный стереотип, концептуальная метафора, оценочная лексика, оппозиция «мы-они».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет; адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, каб. 184; e-mail: genling.spb@gmail.com.

В настоящей статье речь пойдет о том, как в общественном сознании под влиянием средств массовой информации и Интернета формируются социальные стереотипы и какие изменения они в дальнейшем претерпевают. В частности, рассматривается эволюция стереотипа «трудовой мигрант» за последнее десятилетие: современный материал сравнивается с результатами ранних наблюдений [Скребцова 2007]. Помимо этого, анализируется «свежий» стереотип «беженец с Украины», который начал складываться летом 2014 г., когда в Россию в массовом порядке стали прибывать люди, покинувшие зону военного конфликта на востоке страны. Объединяет эти стереотипы то, что оба они служат для воплощения образа «чужого» (из оппозиции «свой — чужой», или «мы — они»), но это разные «чужие», и их образы существенно отличаются друг от друга. Анализ сходств и различий между данными стереотипами также является предметом исследования в этой статье.

Таким образом, речь идет об изучении особой тематической разновидности дискурса — дискурса об иммигрантах. В подавляющем большинстве случаев он представляет собой то, что в различных источниках именуется расистским дискурсом, дискурсом ксенофобии или дискурсом отчуждения [Reeves 1983; Discourse...1985; Дейк 1989; Wetherell, Potter 1992; Трошина 2000; Henry, Tator 2002; Baker, Ellese 2011], изучение которого традиционно ведется в русле критического анализа.

Говоря о трудовой миграции в России, нельзя не отметить стремительных темпов ее роста. До конца 1990-х гг. миграционные процессы не были столь масштабными, чтобы обращать на себя внимание общества. В последующие годы, однако, число трудовых мигрантов быстро росло; осо-

бенно заметным стало их присутствие в крупных российских городах. Поскольку большинство мигрантов приезжает из бывших советских республик Средней Азии, они выделяются среди коренного населения российских городов своей внешностью, языком, одеждой, манерой поведения, что способствует формированию и закреплению соответствующего социального стереотипа. По подсчетам экспертов ООН, в 2013 г. Россия заняла второе место в мире (после США) по числу иностранных мигрантов, проживающих на ее территории (11 млн человек). Эти цифры согласуются с данными Федеральной миграционной службы, которая дополнительно констатирует, что более 90 % въехавших на территорию России не имели легального статуса трудовых мигрантов. Сведений по 2014 г. пока нет. Можно предположить, что данные окажутся несколько ниже вышеуказанных показателей, так как вследствие падения курса рубля во второй половине года наблюдался отток зарубежной рабочей силы. Впрочем, нас интересуют не количественные, а качественные оценки.

В своей предыдущей статье, посвященной образу трудового мигранта, создаваемому отечественными СМИ [Там же], я выделила его основные составляющие, которые во многом перекликаются с излюбленными темами западноевропейского дискурса по проблемам иммиграции [Дейк 1989б]. Здесь и преступность (насилие, терроризм, контрабанда наркотиков), и социальные проблемы (рост безработицы, нагрузка на государственные системы образования и здравоохранения, межнациональное напряжение), и культурные различия (чуждый менталитет и вероисповедание), и недостаточные квалификация и знание русского языка, и экономический ущерб (отток денег в другие страны).

Судя по текущим материалам в СМИ и Интернете, все эти компоненты социального стереотипа «трудовой мигрант» сохраняют свою актуальность. Однако в последние годы наметилось одно важное отличие. С одной стороны, авторы публикаций продолжают отмечать, что мигранты с готовностью берутся за самую тяжелую и грязную работу, трудятся за невероятно низкую плату и потому их охотно используют в качестве дешевой рабочей силы в строительстве и сфере услуг. Иногда этот факт засчитывается гастарбайтерам в плюс (мол, местные «зажрались», а вот приезжие трудолюбивы и непритязательны), иногда — в минус (нелегальная работа за низкую плату увеличивает безработицу в стране и подрывает конкуренцию). Как бы то ни было, готовность безропотно работать чуть ли не круглые сутки за небольшие деньги составляла и продолжает составлять важную отличительную черту образа трудового мигранта.

С другой стороны — и это явление сравнительно новое, — в Интернете стали появляться негативные комментарии в адрес мигрантов, содержащие упреки в праздности и намеки на сомнительные источники их финансового благополучия. Их авторы обращают внимание на новое поколение выходцев из Средней Азии, приезжающих в российские города. Ср.: *сегодняшние азиатские мигранты, например в Москве, это уже не забытые и плохо одетые молодые люди бомжеватого вида с глазами загнанных зайцев, а вполне довольная и жизнерадостная молодежь, одетая более-менее по погоде и в достаточно чистые вещи, как правило, с мобильными телефонами и mp3-плеерами, посещающая супермаркеты и отдыхающая в парковых зонах Москвы, где зачастую ведет себя уже нагло и вызывающее (когда их много)* (здесь и далее курсивом обозначены цитируемые фрагменты). Похоже, что ослабляется один из существенных компонентов описанного нами ранее стереотипа. Можно предположить, что если миграция из стран Средней Азии будет продолжаться, эта тенденция будет нарастать: дети тех, кто ранее приезжал на заработки в Россию, будут гораздо лучше адаптированы к нашим условиям. Они будут избегать тяжелой, неквалифицированной и низкооплачиваемой работы, стараясь без лишних усилий вписаться в социальную среду. Россия может в этом отношении повторить путь таких стран, как Франция и Германия.

От тематической специфики современного дискурса о мигрантах перейдем к его стилистическим особенностям. Нетрудно угадать, что его стержнем по-прежнему служит оппозиция «мы — они», предполагающая изображение «своих» в положительном свете, а «чужих» — в отрицательном. Это противопоставление прослеживается и в использовании метафор: мигранты концептуализируются в виде неодушевленной массы (ср. *миграционные потоки, приток мигрантов, резервуар мигрантов* и т. д.), а принимающая страна (Россия), напротив, олицетворяется, наделяется такими человеческими качествами, как *открытость, дружелюбие, гостеприимство*. Таким образом, метафоры рисуют мир «шиворот навыворот»: люди предстают в виде неживого

объекта, а неодушевленная сущность, наоборот, уподобляется человеку.

Как отмечалось ранее [Скребцова 2007], такое положение вещей, разумеется, неслучайно. Конечно, олицетворение страны — это распространенная онтологическая метафора [Lakoff 1991]. Но приписывание государству положительных человеческих качеств привносит в рассуждения эмоциональную составляющую, что является распространенным манипулятивным приемом, направленным на снижение уровня критичности при восприятии содержания. Как справедливо замечал В. Клемперер [Клемперер 1998: 50] применительно к языку Третьего рейха, «сентиментальность всегда подозрительна». Кроме того, персонификация страны позволяет представить ее в роли жертвы (которой угрожает потеря национальной идентичности), а отсюда уже недалеко до лозунгов «Россия для русских», который, по недавним подсчетам «Левада-центра», в последние годы поддерживает уже почти половина респондентов (в 1994 г. таковых было 13 %). Примечательно, что такие настроения характерны не только для националистов, но и для провластных политиков (вспомним предвыборное заявление московского мэра Собянина про «понаехавших»), и для коммунистов, и для либеральной оппозиции (ср. предложение партии «Гражданская платформа» Михаила Прохорова селить мигрантов в фильтрационных лагерях).

Изображение мигрантов в виде неорганической массы автоматически исключает сочувствие к ним (поскольку они неживые) и способствует схематизации образа (поскольку это однородная масса). Поэтому если автор симпатизирует мигрантам, он обычно либо пишет о конкретных людях в конкретных обстоятельствах, либо использует другие метафоры. Довольно популярной, например, является метафора рабства, которая, впрочем, вызывает вполне справедливые возражения. Критики обращают внимание на принципиальную разницу в положении рабов и мигрантов: рабы не ехали сами на заработки — их ловили, привозили и насильно удерживали. Раб был бы счастлив, если бы его освободили, — в отличие от мигранта, которому эти действия нанесут экономический ущерб. Действительно, если рассуждать в терминах теории концептуальной метафоры, здесь нарушен важный принцип метафорической проекции — принцип сохранения когнитивной топологии сферы-источника [Lakoff 1990].

В российском публичном дискурсе о трудовых мигрантах мы обнаруживаем все основные концептуальные метафоры, характерные для авторитарного и расистского дискурса. Прежде всего, это разнообразные уподобления мигрантов хищникам и паразитам (*своры азиатков; стаи наркодилеров; молодежь уже сбивается в стаи; паразитировать на такой стране, как Россия — это то что им и нужно; сейчас они проникли, распространяли свои щупальца во все базовые, малооплачиваемые, но очень важные сферы соц. обеспечения*).

Помимо этого, задействуются метафоры, навязывающие осмысление миграции в терминах болезни (*пока не назовём главную причину,*

не узнаем *диагноз*, и *болезнь* будет продолжаться; *лекарство от мигрантов*). Как известно, эти два типа концептуальных метафор тесно связаны между собой: так, в дискурсе Третьего рейха враги государства уподоблялись вредным животным и организмам, а Гитлеру отводилась роль врача, призванного вылечить немецкое общество от этой заразы [Landtsheer 1994].

Наконец, широко представлены метафоры вторжения, захвата, оккупации, которые, по видимому, являются универсальным средством концептуализации иммиграции во всем мире [Будаев, Чудинов 2006]. Приезжие *оккупируют, вытесняют, уничтожают коренное население, несут смерть и разрушение России. Эти товарищи чувствуют себя здесь хозяевами, никого и ничего не боятся — это мы их боимся. Нужно жесткое закручивание гаек. Для начала — закрыть границы, ввести визы со всеми странами СНГ.*

Использование метафор вторжения и оккупации активизирует осмысление России в качестве дома. Показательным является следующий отрывок: *Вчера эксперты ООН огласили результаты своего исследования мировых миграционных потоков, в ходе которого выявили, что мигрантов в мире уже почти 250 миллионов, а Россия относится к группе самых обожаемых ими стран. Ну а почему, спрашивается, не любить ее, если она стоит, открытая нараспашку, и все ее неохранные почти по всему периметру двери мотают сквозняком? Заходи кто хочешь, делай что пожелаешь.* Это не единичный случай указанной метафорической проекции. В другом примере находим отсылку к прецедентному тексту: *Россия — без окон, без дверей, полна горница „гостей“.* Обратим внимание на специфическое обыгрывание оппозиции «мы — они» через противопоставление *хозяев и гостей* здесь и в примере выше. С «захватом гостями хозяйского дома» нужно бороться, ср.: *наша страна — это не проходной двор и кормовая база для жителей Средней Азии.*

Заметим, что вообще концепт «дом» является традиционным для славянской культуры источником метафорической экспансии и заключает в себе высокий эмоциональный потенциал (и здесь снова вспоминаются процитированные выше слова В. Клемперера о подозрительной сентиментальности). Дом — это основная, наиболее естественная и комфортная среда существования человека и его семьи. Она знакома ему с детства и находится в кругу его «извечных» интересов — отсюда развернутая сеть эмоционально насыщенных ассоциаций (ср. *отчий дом, родительский дом, домочадцы, семейный очаг* и т. д.). [Чудинов 2001: 152—155]. Эксплуатация метафоры «Россия — это наш дом (куда беспрепятственно вторгается враг)» в дискурсе о мигрантах является эффективным средством закрепления в общественном сознании оппозиции «свой — чужой» и усиления негативного к ним отношения.

Продолжая сравнение с результатами более ранних наблюдений, хочется отметить, что в последнее время дискурс СМИ демонстрирует большую политкорректность при выборе эпитетов

к слову *мигрант* (или словосочетанию *трудовой мигрант*): не употребляются оценочные прилагательные типа *полезный, нежелательный, хороший, плохой* и т. п. [ср.: Скребцова 2007]. Лексическая сочетаемость фактически ограничивается теперь антонимической парой *легальный/нелегальный*. С одной стороны, это, безусловно, является позитивным сдвигом, с другой — расширяет пропасть между тем, как одно и то же явление предстает в официальном дискурсе и неформальной повседневной коммуникации, изобилующей экспрессивно-эмоциональной лексикой.

В 2014 г. ряды иммигрантов стали активно пополняться беженцами из Украины. В связи с началом боевых действий в восточных областях страны (прежде всего Донецкой и Луганской) этот процесс приобрел большой размах. Россия предоставляет им временное убежище и официальный статус, а при желании — российское гражданство по ускоренной схеме. Приезжим обещано облегченное получение разрешения на работу. Безработные беженцы на средства федерального бюджета обеспечиваются набором услуг, в который входит бесплатное проживание и трехразовое питание. Переселенцам целенаправленно ищут место жительства по всей стране, вплоть до Сибири и Дальнего Востока.

В эфире «Первого канала» 22 января 2015 г. со ссылкой на данные Федеральной миграционной службы утверждалось, что на территории нашей страны находится более 800 тысяч граждан соседнего государства, впрочем, по другим оценкам число беженцев давно уже превысило миллион. Наибольшая нагрузка приходится на сопредельные Ростовскую область, Крым и Краснодарский край: люди не хотят уезжать далеко от родственников, покидать привычные места обитания с комфортным климатом. Интересы принимающей стороны противоположны: власти настойчиво стремятся перемещать беженцев в малонаселенные субъекты Российской Федерации, которые реализуют на своей территории Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г.).

Конфликт интересов обуславливает недовольство ситуацией со стороны и беженцев, и российских государственных структур, а также граждан России, проживающих в местах наибольшего скопления переселенцев. Беженцы не удовлетворены действиями российских властей, власти жалуются на необоснованные притязания приезжих, коренное население возмущается льготами, предоставляемыми беженцам, и их иждивенчеством. Эти претензии являются почвой для актуализации оппозиции «мы — они» в ее различных (но не обязательно симметричных) проявлениях.

Так, в российском публичном дискурсе преимущественно реализуется вариант «мы — коренное население / они — беженцы» (с соответствующей поляризацией оценок). Примечательно, что когда ситуация освещается с точки зрения беженцев, оппозиция редко приобретает обратный вид «мы — беженцы / они — коренное насе-

ление»; как правило, она выглядит как «мы — беженцы / они — российские власти». Заметим, что упреки в адрес властей в связи с наплывом приезжих звучат также из уст российских граждан, однако это происходит в рамках вышеупомянутой оппозиции «мы — граждане РФ / они — беженцы»; государство, оказывающее помощь переселенцам, в данном случае концептуализируется не как противоборствующая сторона, а скорее как причинная инстанция, вызывающая к жизни само это противопоставление.

Рассматривая стилистические средства воплощения оппозиции «мы — граждане РФ / они — беженцы», нетрудно заметить, что доминирует метафора захвата и оккупации: как и в случае с мигрантами, «понаехавшие» изображаются в виде нахальных гостей, выживающих хозяев из родного дома (кстати, эта идея, как свидетельствуют приведенные ниже материалы, иногда принимает вполне реальные, неметафорические очертания). Ср.: *Собственно идет оккупация России, с явным ободрением со стороны руководства России; Ползучая экспансия... на своих граждан наплевать...; Понаехали, уезжайте обратно, без вас тут тесно; Надо собираться и знать их отсюда метлой. Почему мы позволяем на нашей земле командовать каким-то гостям; Валите с нашей земли! Вам здесь не место. А если приехали в гости, то ведите себя, как в гостях; В то же время некоторые россияне, предоставившие свою жилплощадь беженцам, сетуют, что сами как будто оказались у себя в гостях, а кое-кто делится подозрениями, что украинцы хотели отобрать жилище у хозяев.*

Интересно также, что эмоционально-оценочная лексика, ранее использовавшаяся для характеристики мигрантов, а в наши дни практически вытесненная нейтральными прилагательными *легальный/нелегальный*, теперь находит применение в обсуждении ситуации с беженцами. Практически повторяя вопрос Ю. М. Лужкова (на заседании столичного правительства 6 июня 2007 г.) о том, *зло для Москвы миграция или добро, помощь* (на который он сам же и ответил, что «это злая помощь»), и далее в обсуждении иначе как «злом» мигрантов не называл), корреспондент популярного издания «Аргументы и факты» озаглавил свою статью (еженедельник «Аргументы и факты», № 38 от 17 сент. 2014 г.) так: *Благо или обуза? Кем станут для россиян спасающиеся бегством украинцы.* В широком ходу и прочие экспрессивные средства языка, ср.: *Поведение этих беженцев как у эзков на зоне... шваль какая то; это хамство, когда санитарки за действительно скромную зарплату вынуждены обслуживать здоровых людей на полном пансионе; Думаете, с этого всего не тошнит тех, кто о вас заботится, готовит для вас, убирает за вами?; Перерывают пакеты с приносимой гуманитаркой, оставляя после себя гадюшник и морально убивая работников Центра.*

Обратимся теперь к анализу складывающегося буквально на наших глазах стереотипа «беженец». В отличие от стереотипа «трудоу мигрант», он достаточно беден в содержательном отношении. Доминирующим компонентом является

идея о завышенных притязаниях со стороны приезжих, их неблагодарности и иждивенчестве. Российский сегмент Интернета пестрит возмущенными сообщениями о том, что беженцы, которых государство обеспечивает бесплатным жильем и питанием, гуманитарной помощью и денежными пособиями, вовсе не стремятся устраиваться на работу. В отличие от коренного населения, их не устраивает размер предлагаемой зарплаты и условия труда: *хотят не уборщиком, а сразу в офис.* Беженцы *отказываются от предложений работы с жильем, предпочитая жить в санаториях на всем готовом.* Так удобнее, чем *устроиться на работу и попытаться обеспечить себя собственными силами.* Приезжие *рассчитывают на доход от 50 тысяч рублей и комфортное жилье, причем именно в городе, а не в области и не в пригороде; некоторые в открытую выражают недовольство тем, что их привезли в такой бедный регион.* Они не ценят оказываемой им помощи и одержимы жадой „халавы“: *не хотят работать, а деньги получают, продавая выданную им гуманитарную помощь.* Беженцы, которым привозят в качестве гуманитарной помощи одежду и мобильные телефоны, часто заявляют, что *„хотят новые вещи, последние модели телефонов“.*

Со своей стороны, местные жители недовольны тем, что огромные суммы из бюджета уходят на украинцев, тогда как и у своих граждан хватает проблем. Неработающие беженцы сплошь и рядом оказываются богаче коренного населения. Граждане огорчены тем, что *внимание властей обращено в большей степени на вынужденных мигрантов, а не на коренных жителей региона.* В социальных сетях люди недоумевают: *почему деньги тратят на беженцев, когда у России и своих проблем достаточно?*

Авторы многих публикаций (особенно в печатных СМИ), стремясь к взвешенному анализу ситуации с украинскими беженцами, активно используют коммуникативные ходы смягчения и уступки [Дейк 1989а], содержащие обороты типа *некоторые беженцы, отдельные беженцы, есть и такие, кто* и т. п. Воздерживаясь от огульных обвинений, они констатируют появление, наряду с «добросовестными» переселенцами, новой социальной категории — «профессиональных» беженцев с Донбасса, которые предпочитают не работать и жить за чужой счет (подобное явление хорошо знакомо жителям стран Западной Европы, где многие из тех, кто получил убежище, годами сидят на социальной помощи). Именно эта группа людей и служит основой для формирования в массовом сознании обобщенного и схематизированного образа беженца. По сути, мы имеем здесь дело с концептуальной метонимией — проекцией отдельной подкатегории на категорию в целом. Это яркий пример того, что Дж. Лакофф назвал метонимической идеализированной когнитивной моделью, порождающей социальные стереотипы [Lakoff 1987: 77—90].

Другой важный компонент стереотипа «беженец» связан со стремлением некоторых мужчин призывного возраста из районов боевых действий «пересидеть» войну в сопредельном государстве, вместо того чтобы сражаться на стороне Донец-

кой и Луганской народных республик. В России такое поведение у многих вызывает негодование, ср.: *Наши добровольцы, женщины, молодые ребята едут туда, чтобы твою, сука, землю защитить, а тут приезжает мужик, на котором еще пахать и пахать, а там наши пацаны проливают кровь; Как такие трусы потом интересы России будут защищать? они оттуда убежали как крысы; Здоровые, крепкие парни с Украины — беженцы? Мы отбиваем атаки нацистов от Порошенко, гибнем от их пуль, нас пока мало, но в это же время в кафе и пивных сидят здоровые и дееспособные парни, способные встать рядом с нами на защиту своего города, своей земли, но не хотят. За них должны умирать друие. А когда мы победим, то они тут как тут будут и с пальцами веером станут требовать свое. Сбежали в Россию и там уже качают свои права* (естественно, упреки в трусости и дезертирстве звучат в их адрес и с украинской стороны. Так, экс министр иностранных дел Украины Владимир Огрызко выступил с инициативой признать всех находящихся на территории России беженцев с Донбасса дезертирами и лишить их украинского гражданства).

Неотъемлемой частью стереотипа *беженец* является позитивная презентация России и ее граждан. При обсуждении ситуации с беженцами обычно подчеркиваются активные усилия российских государственных структур и отдельных людей, направленные на то, чтобы принять переселенцев, накормить их, поделить с ними необходимым, помочь с жильем и работой. То, что беженцы (в силу тех или иных причин) не всегда оказываются довольны этой помощью, порождает множественные комментарии по поводу их неблагоприятности.

Попытаемся теперь подробно сравнить стереотипизированные представления о трудовых мигрантах и беженцах, привлекая материал предыдущего исследования [Скребцова 2007]. Отправной точкой служит стереотип «мигрант», уже вполне сложившийся (что не мешает ему далее развиваться путем усиления и ослабления отдельных составляющих) и содержательно насыщенный. Как указывалось выше, стереотип «беженец» находится еще в процессе формирования и является гораздо более «голым», схематичным. Пустые клетки в таблице ниже означают отсутствие корреляции по соответствующему компоненту.

Таблица. Сравнение стереотипов «трудовой мигрант» и «беженец»

Стереотип «мигрант»	Стереотип «беженец»
выходец из Средней Азии (выделяется своей внешностью и манерой одеваться)	житель юго-восточных областей Украины (не выделяется среди местного населения)
готовность выполнять непрестижную работу и трудиться за низкую плату [NB: компонент ослабляется!], что способствует росту безработицы среди коренного населения	нежелание работать, иждивенчество, паразитизм
участие в этнических криминальных группировках (грабежи, насилие, контрабанда оружия, распространение наркотиков)	

Окончание таблицы

Стереотип «мигрант»	Стереотип «беженец»
рост мусульманского населения, несущий угрозу русской идентичности, а также опасность исламского экстремизма и терроризма	
чуждые менталитет, культура, поведение, создающие межнациональное напряжение	
носитель чужого, непонятного языка; плохое знание русского языка	
отсутствие профессиональной подготовки, нехватка общего образования	
нагрузка на российский бюджет (на государственные системы образования и здравоохранения)	нагрузка на российский бюджет
экономический ущерб для России вследствие оттока денег в другие государства СНГ	
	завышенные притязания, неблагодарное поведение
	трусость, дезертирство
представление России и ее граждан как жертвы	подчеркивание активного участия России и ее граждан в судьбе беженцев

Таблица наглядно показывает, до какой степени данные стереотипы разнятся между собой — и это при том, что оба рисуют образы «чужих», иммигрантов. Их составляющие в большинстве своем вообще не имеют точек соприкосновения. Исключений немного. Прежде всего, это компонент, связанный с нагрузкой на отечественный бюджет. Этот универсальный упрек в адрес иммигрантов объединяет обсуждаемые стереотипы, хотя детали различаются: на содержание каждого беженца государство выделяет конкретные средства, в то время как мигранты получают социальную помощь, только когда обращаются в медучреждения или отправляют детей учиться в школы.

Кроме того, обращает на себя внимание компонент, связанный с готовностью трудиться и зарабатывать деньги. По этому признаку стереотипы прямо противоположны: в то время как мигрант берется за любую работу (тяжелую, непрестижную, низкооплачиваемую), беженец «капризничает», предпочитая получать помощь от российского государства (во избежание недоразумений подчеркиваю, что речь идет не о конкретных людях, а именно о стереотипах!). Коренное население при этом оказывается где-то посередине: с одной стороны, оно не готово так много и тяжело трудиться, как мигранты, а с другой — негодует по поводу необоснованных претензий беженцев и их иждивенчества. Правда, не следует забывать о наметившейся тенденции ослабления этого компонента в стереотипе «мигрант» (см. выше). Возможно, в будущем указанное противопоставление перестанет быть столь ярким.

Наконец, нельзя обойти стороной то, как в дискурсе представлен другой полюс оппозиции «мы — они», т. е. образ «своих», ведь без него просто не было бы противопоставления. Здесь мы обнаруживаем значимые отличия, обусловленные внешними причинами. Мигранты едут в Россию на свой страх и риск, чтобы заработать денег, в то время как беженцы спасаются в ней от

войны. Поэтому при обсуждении проблемы беженцев естественно возникает тема России как активного защитника и спасителя. Для дискурса о мигрантах она совершенно не характерна: Россия здесь неизменно выступает в качестве пассивной жертвы обстоятельств.

Таким образом, мы показали, как в общественном сознании возникают и эволюционируют стереотипы «чужого» (точнее, «чужих»). Интересно будет проследить, каким изменениям они подвергнутся в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
2. Дейк Т. А., ван. Предубеждения в дискурсе. Рассказы об этнических меньшинствах // Язык. Понимание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. С. 190—227. (а)
3. Дейк Т. А., ван. Расизм и язык. — М.: ИНИОН РАН, 1989. (б)
4. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 23. С. 115—118.
5. Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. — М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 64—89.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры

T. G. Skrebtsova
St. Petersburg, Russia

TRANSFORMATION OF SOCIAL STEREOTYPES IN MODERN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF MIGRANT WORKERS AND REFUGEES)

ABSTRACT. *The paper investigates a particular type of discourse, namely the discourse about immigrants, or “others”. Drawing on the Russian mass media and Internet, the author reveals major components of social stereotypes of migrant workers and refugees from Ukraine. Furthermore, she argues that the migrant worker’s stereotype has undergone change over the past decade, and so have essential features of discourse on migrants. As for the refugees’ stereotype, it has not yet taken full shape, however, one may already identify its principal constituents. The author presents her findings in a table, which helps to bring out manifold differences between the two stereotypes. The most striking is the fact that the majority of components have no counterparts whatsoever, cases of overlapping being quite few. Similarity is actually limited only to the economic aspect, as both migrant workers and refugees are considered a burden on the state’s budget. However, given the possible evolution of stereotypes (illustrated by the way the migrant worker’s stereotype has changed), one may expect that in due time they may draw closer. Anyway the author hopes to get back to this topic someday to trace further transformations of these social stereotypes.*

KEYWORDS: *political discourse, migrant worker, refugee, social stereotype, conceptual metaphor, evaluative terms, opposition “us-them”.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skrebtsova Tatiana Georgievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

LITERATURE

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Екатеринбург: Ural. gos. ped. universitet, 2006.
2. Deyk T. A., van. Predubezhdeniya v diskurse. Rasskazy ob etnicheskikh men'shinstvakh // T. A. van Deyk. Yazyk. Ponimanie. Kommunikatsiya. — М.: Прогресс, 1989. С. 190—227. (а)
3. Deyk T. A., van. Rasizm i yazyk / T. A. van Deyk. — М.: ИНИОН РАН, 1989. (б)
4. Skrebtsova T. G. Obraz migranta v sovremennykh rossiyskikh SMI / T. G. Skrebtsova // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 23. — Екатеринбург, 2007. С. 115-118.

(1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

7. Baker P., Ellece S. Key Terms in Discourse Analysis / P. Baker, S. Ellece. — London ; New York : Continuum International Publishing Group, 2011.

8. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass-Media Discourse and Communication / ed. by Teun A. van Dijk. — Berlin ; New York : de Gruyter, 1985.

9. Henry F., Tator C. Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-language Press. — Toronto : Univ. of Toronto Pr. Inc., 2002.

10. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1987.

11. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 39—74.

12. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff // B. Hallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. — Honolulu : Matsunaga Institute for Peace, 1991. P. 95—111.

13. Landtsheer C., de. The language of prosperity and crisis: A case study in political semantics // Politics and Individual. Vol. 4, № 2. P. 63—85.

14. Reeves F. British Racial Discourse: A Study of British Political Discourse about Race and Race-related Matters. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983.

15. Wetherell M., Potter J. Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation. — London ; New York : Harvester Wheatsheaf, 1992.

5. Troshina N. N. Tema natsional'no-kul'turnoy identichnosti v diskurse massmedia / N. N. Troshina // Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti. Sb. obzrov. — М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 64—89.

6. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / A. P. Chudinov. — Екатеринбург, 2001.

7. Baker P., Ellece S. Key Terms in Discourse Analysis / P. Baker, S. Ellece. — London; New York: Continuum International Publishing Group, 2011.

8. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass-Media Discourse and Communication / Ed. by Teun A. van Dijk. — Berlin; New York: de Gruyter, 1985.

9. Henry F., Tator C. Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-language Press / F. Henry, C. Tator. — Toronto, etc.: University of Toronto Press Inc., 2002.

10. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago: University of Chicago Press, 1987.

11. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 39-74.

12. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff // B. Hallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. —

Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991. P. 95-111.

13. Landtsheer C., de. The language of prosperity and crisis: A case study in political semantics / C. de Landtsheer // Politics and Individual. Vol. 4, № 2. P. 63-85.

14. Reeves F. British Racial Discourse: A Study of British Political Discourse about Race and Race-related Matters / F. Reeves. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

15. Wetherell M., Potter J. Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation / M. Wetherell, J. Potter. — London; New York: Harvester Wheatsheaf, 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

К. В. Филенко
Новосибирск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ КИНОПРОДУКЦИИ III РЕЙХА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. *Кинематограф III рейха, поставленный на службу пропагандистской системы, стал мощным плацдармом в пропитывании сознания масс «ядовитыми» идеями нацизма. Учитывая, что нацистская идеология представляет определенный набор базовых ценностей (по преимуществу негативного характера: агрессия, антисемитизм, милитаризм и др.), автор статьи предположил, что названия фильмов III рейха выступают в качестве ее (нацистской идеологии) знаковой системы, а значит необходимо ответить на центральный вопрос исследования: «В чем же своеобразие названий фильмов в нацистской Германии?».*

Анализ названий фильмов III рейха проводился через призму их концептуально-идеологической, лексико-семантической специфики с целью выявления закономерностей применения той или иной основы в названиях нацистских кинофильмов. Для достижения поставленной цели были применены методы исследования, лежащие в плоскости следующих наук: истории, политологии и лингвистики, а именно: анализ документов, метод аналогии, лингвистический анализ. Основным подходом был избран когнитивный подход в изучении метафоры, разработанный ведущими специалистами данной области (Дж. Лакофф, М. Джонсон).

В ходе исследования было выявлено: во-первых, заглавия печатной продукции или кинопродукции привлекают внимание и задают установку реципиенту на дальнейшие действия, во-вторых, многообразие использования лексических приемов — аллюзия, ирония, метафора, метонимия и др. — усиливали экспрессивное действие названия, что увеличивало коэффициент просмотра кинофильмов, в-третьих, своеобразие названий кинофильмов III рейха заключалось в наличии особой идеологической функции и их (заголовков) непосредственной связи с ценностями фашизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *нацистская идеология; кинематограф нацистской Германии; названия кинопродукции; язык III рейха; лингвистический анализ; метафорические модели; лексические приемы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Филенко Кристина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет; адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; e-mail: k.w.filenko@inbox.ru.*

Язык как форма человеческой деятельности на протяжении многих веков являлся предметом исследования специалистов различных научных направлений: лингвистики, психологии, истории, политологии и др. Особый вклад в разработку теории языка внесли ученые-лингвисты: В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1985], Ф. де Соссюр [Соссюр 2004], И. А. Бодуэн де Куртенэ [Куртенэ 1963], А. А. Потебня [Потебня 1993], Дж. Лакофф, М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2008]. По мере развития науки и открытия новых (смежных) научных дисциплин (социоллингвистика, политическая лингвистика, политическая коммуникация) акценты в изучении «исключительно лингвистического» предмета исследования были смещены в иные научные области, одной из которых является политология. Современная политологическая наука придает особый статус политическому языку, так называемому языку власти.

Максимального развития язык политики достигает в эпоху пропаганды — в XX в., главным достижением которого стало установление языковой монополии как одного из пунктов тотального контроля над сознанием масс. Его трансляция происходит как с экранов телевизоров (и других средств массовой коммуникации), так и на уровне «уличного» разговора, известного в истории под названием «плебисцит».

Подтверждение мы можем найти в программных документах / речах «идеологов» тоталитарного уклада общества (В. И. Ленин о роли государственного языка [Ленин 1973: 293], Й. Геббельс о предназначении языка [Goebbels 1992]).

Политизация общественной жизни в тоталитарную эпоху, в свою очередь, способствовала созданию искусственной формы языка на основе государственной идеологии. Примерами могут служить язык Совдепии, «язык III рейха» [Клемперер 1998], язык тоталитаризма. Спецификой языка эпохи пропаганды являлось использование эмоционально окрашенных языковых средств выразительности: *эвфемизма, парафраза, метафоры, аллюзии* и других, — что, с одной стороны, создавало видимость некоего государственного и национального единства, а с другой — усиливало экспрессивное воздействие на сознание масс.

Политический язык охватывает различные сферы функционирования общества:

- политическая реклама, плакаты, брошюры, листовки, афиши (наглядные средства воздействия);
- речи, выступления, дебаты политиков на мировой арене — непосредственно либо опосредованно, через трансляцию СМК (аудиовизуальные средства воздействия).

Нас будет интересовать область, тесно прилегающая к аудиовизуальным средствам воздействия: заголовки, названия фильмов.

Заглавия печатной продукции или кинопродукции привлекают внимание и задают установку реципиенту на дальнейшие действия. Теория заголовка подробно разработана лингвистами: Л. Г. Бабенко [Бабенко 2004], Э. А. Лазаревой [Лазарева 2006], А. В. Ламзиной [Ламзина 1997], И. П. Лысаковой [Лысакова 2005], что дает основание придать ей статус общей теории заголовка

всех типов СМК. При этом не стоит выпускать из виду, что в теории заголовка образовалась лакуна: названия фильмов не рассматривались в качестве самостоятельной лексической единицы анализа. Это позволяет нам выработать собственную стратегию исследования.

Многочисленные исследования газетных заголовков позволили нам избрать разработки лингвистов в качестве теоретической платформы анализа названий фильмов. Тем более что и сами специалисты в этой области предлагают придать ей статус общей теории заголовка, который рассматривается как универсальный компонент всех типов СМК, призванный привлечь внимание реципиента, сориентировать его в отношении содержания, облегчить восприятие. И кино в этом смысле не является исключением.

Подчеркнем также, что названия фильмов как одна из категорий политического текста вполне может по своей внутренней и внешней форме напоминать компактный лозунг. Поэтому вполне закономерным шагом является дать емкое определение вводимому понятию **«лозунг фильма»**, с учетом использования его (определения) по отношению к названию фильмов. Лозунг фильма понимается нами как «фраза, которая в краткой и яркой форме передает руководящую идею, актуальную задачу или требование, при этом для эстетической организации формы используются метафоры, эллипсис, анафора, лексический повтор, синтаксический параллелизм и другие средства выразительности» [Чудинов 2007: 39]. Как и любой политический текст, лозунг фильма выполняет четыре стратегических задачи:

- 1) факультативная функция (привлечение внимания);
- 2) идеологическая функция (видение ситуации; какие проблемы надо решать и пути решения проблем);
- 3) убеждающая функция (убеждение аудитории в правильности поставленных проблем и предложенных путей их решений);
- 4) мобилизующая функция (мобилизация аудитории на поддержку предложений автора) [Алтунян 2012: 16].

Наиболее интенсивно вышеуказанные составляющие политического текста (в нашем случае, названия фильмов) проявляются в условиях всеобъемлющего контроля сознания масс, в так называемую эпоху пропаганды.

Одним из таких ярких периодов в истории пропаганды был период правления нацистской верхушки в III рейхе.

Язык III рейха вошел в историю как язык агрессии, вражды и милитаризма. Узник нацистского режима, немецкий филолог В. Клемперер в обобщенном виде определил структуру языка нацизма, выделив:

- *цель* — «превратить личность в безмозглую и безвольную единицу стада»;
- *форму организации* — «язык тюрьмы (язык надзирателей и заключенных)»;
- *сущность* — «нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно», «язык

массового фанатизма», «скрытое средство вербовки» [Клемперер 1998: 11—55].

В целом политический язык III рейха — благодатная почва для исследователей при изучении и объяснении причин очарования преступным, человеконенавистническим режимом нацистского государства. Мощным плацдармом в пропитывании сознания масс «ядовитыми» идеями нацизма явился кинематограф, поставленный на службу пропагандистской системы.

Избрав в качестве единицы анализа названия кинопродукции гитлеровской Германии как показатель внедрения идеологием нацизма, мы опирались на лексический фонд языка III рейха.

Анализ названий фильмов III рейха проводился через призму их концептуально-идеологической, лексико-семантической специфики с целью выявления закономерностей применения той или иной основы в названиях нацистских кинофильмов.

Учитывая, что нацистская идеология представляет определенный набор базовых ценностей (по преимуществу негативного характера: агрессия, антисемитизм, милитаризм и др.), мы предположили, что названия фильмов III рейха выступают в качестве ее (нацистской идеологии) знаковой системы.

Для проверки гипотезы из генеральной совокупности примерно в 1200 фильмов, вышедших в прокат в Германии в 1933—1945 гг., была сформирована выборочная совокупность из 100 названий фильмов. Основными методами исследования стали анализ документов, лингвистический анализ, метод аналогии. Основным подходом был избран когнитивный подход в изучении метафоры, разработанный ведущими специалистами данной области (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Особенность данного подхода заключается в том, что «в соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представление человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов 2007: 137].

Исследуя названия фильмов III рейха с установлением политической подоплеку (явное проявление идеологической функции), мы заметили, что лексическое пространство названий фильмов заполнено различного рода метафорами. В нашей трактовке, метафора выступает некой знаковой системой, в основе которой, применительно к кинопродукции III рейха, заложен концепт, формирующий и регулирующий картину мира немецкого общества 1930—1940-х гг. (проявление когнитивной функции).

В этот период (1930—1940-е гг.) мировосприятие среднестатистического немца было выстроено в соответствии с системой пропаганды идеологических принципов нацистского государства.

Это антисемитизм, военный милитаризм, политический оккультизм, колониальная экспансия нацистского государства, фашистская этика, определившая нормы и принципы нравственности гитлеровской молодежи, фюрер-принцип и др. Некоторые из них нашли свое «зеркальное» отражение и в названиях фильмов нацистского пе-

риода, причем в завуалированной метафорической форме. Обширный спектр метафор в названиях фильмов раскрыл «новые горизонты» при анализе кинопродукции и позволил выделить *метафорические модели* (далее — М-модель) с указанием их сигнификативных дескрипторов.

Первая М-модель содержит в своей основе семантику военных действий, армии. Примеры таких названий фильмов: «Всадники Восточной Африки», «Орден за заслуги» / «Pour le Merite», «Марш к фюреру», «Эскадрилья Лютцов» и др.

В общей совокупности, в названиях фильмов указываются следующие военные категории:

- род войск («Кадеты»), «Всадники Восточной Африки»);
- военные единицы («Эскадрилья Лютцов», «Пикирующий бомбардировщик»);
- конкретные военные действия («Операция „Михаэль“», «Крещение огнем», «Польский поход», «Сигнал в ночи», «Марш к фюреру»);
- военные результаты («Победа на Западе», «Триумф воли»).

Своеобразие названий этих кинолент проявляется в подкреплении особым политическим контекстом: в ряде названий фильмов за основу взяты реальные исторические события, причем некоторые из них дублируют названия военных операций.

В большей мере внимание акцентируется на следующих исторических периодах:

– *период правления Фридриха II Великого* (1740—1786 гг.), ставший для Германии периодом военного могущества и процветания. Символом этой эпохи стал прусский орден «За военные и гражданские заслуги», «Pour le Merite» (под таким же названием вышел и фильм). Этого ордена были удостоены сотни военных. Среди них были и видные нацистские деятели: Г. Геринг, Э. Роммель;

– *«эра железного канцлера» — Отто фон Бисмарка* (1871—1890 гг.), правление которого осуществлялось по формуле «железом и кровью» («Blut und Eisen»). В основу создания сильного, объединенного государства был заложен метод силовых действий, агрессивная политика. Отто фон Бисмарк сыграл ведущую роль в объединении Германии по малогерманскому пути (воссоздание Германии на прусских началах). Этот сюжет при рассмотрении личности «железного канцлера» представлен в фильмах «Бисмарк», «Отставка»;

– *период Первой мировой войны* (1914—1918 гг.). Основная цель — показать обратную сторону войны 1914—1918 гг., единство немецкого народа, а также обозначить военно-технический арсенал Германии и тем самым оспорить положения Версальского договора. Сюжет Первой мировой войны представлен в фильмах «Разведывательный отряд Халльгартена», «Пикирующий бомбардировщик», «Эскадрилья Лютцов».

Фрагментарно рассматриваются военные операции Первой мировой войны: подвиг стрелков во главе с их предводителем Халльгартеном, наступления немецких войск на западном фронте («Операция „Михаэль“»).

Заметим, что внимание уделяется и военной технике, использованной в ходе сражений («Эскадрилья Лютцов», «Пикирующий бомбардиров-

щик»);

– *период Второй мировой войны* (1939—1945 гг.) представлен в фильмах: «Польский поход», «Победа на Западе», «Кольберг», «Сигнал в ночи».

Основную функцию, которую выполнял этот раздел фильмов — оправдать агрессивную политику III Рейха. Причем сюжетами фильмов стали наиболее важные вехи Второй мировой войны: нападение на Польшу (начало войны — 1 сентября 1939 г.), захват западной части Европы (Англии и Франции), т.н. «странная война» 1940—41 гг.

Вторая М-модель делает акцент на выдающихся личностях, внесшие весомый вклад в развитие и процветание Германии.

Сразу обозначим, что *первая и вторая М-модели* пересекаются на лексическом пространстве. Если первая М-модель базируется на исторических эпохах, с которыми отождествляется тот или иной политический деятель, символизирующий собой определенный уровень развития немецкого государства, то вторая М-модель, помимо данного аспекта дополняется именами деятелей культуры, которые также являлись символом эпохи. Во многом избранные личности: Рембрандт, Фридрих II Великий, Карл Петерс, Ганс Вестмар — были поставлены на службу нацистской пропаганды в качестве апостолов истории, некоего «идеального типа», в основе которого заложены необходимые качества в «эпоху борьбы». Подобный прием в лингвистической науке называется персонификацией. Смысл его сводится к следующему положению: указание определенной личности влечет за собой лишь свойственные ей черты характера. Отсюда мы можем ряд названий нацистских фильмов сгруппировать по принципу ассоциации исторических личностей со свойственными ей качествами.

Приведем лишь некоторые примеры:

– жертвенность, доблесть, героизм, честь, достоинство выдвинуты как доминанты в фильмах «Ганс Вестмар», «Гитлерюнге Квекс», «Бессмертное сердце», «Кольберг». Причем два последних названия выбиваются из перечня. Это обосновывается нами тем, что в названиях фильмов «Ганс Вестмар», «Гитлерюнге Квекс» используется прием прямой персонификации.

В случае с названием фильма «Бессмертное сердце» на первый план выдвинуты личностные качества, а в названии фильма «Кольберг» в обобщенном виде на базе топонима идет ссылка на конкретное историческое событие (жители немецкого города на Балтийском побережье оказали ожесточенное сопротивление французам во время Наполеоновских войн 1806—1807 гг.). Все это свидетельствует о косвенном применении персонификации.

В этом разделе фильмов демонстрация указанных качеств служила неким стимулятором пробуждения массового сознания, выхода из сомнамбулического состояния;

– властность, жесткость, величественность, настойчивость, насильственные методы борьбы — эти качества позиционируются в фильмах «Карл Петерс», «Дядюшка Крюгер», «Великий король», «Фридрикус», «Бисмарк», «Отставка». Последнее название («Отставка») примыкает к продол-

жению фильма о «железном канцлере», в котором личность Отто фон Бисмарка рассмотрена под углом зрения исторического события — отставки канцлера Германской империи в 1890 г.

Заметим, что волевые качества исторических личностей в ряде названий фильмов III рейха стали плацдармом в оправдании агрессивного политического курса нацистов.

Особым пунктом в раскрытии сигнификативных дескрипторов второй М-модели является введение в оборот пропагандистской системы имен деятелей культуры с целью прорекламировать историко-культурное наследие рейха. При этом рассматриваются лишь те выдающиеся личности, эстетика произведений которых соответствует фундаментальным ценностям нацистской идеологии: монументальность, апологетизм прусского абсолютизма в архитектуре и скульптуре («Андреас Шлютер»), продвижение идеи «чистоты» искусства («Фридрих Шиллер»), борьба с бациллой, научные опыты и открытия в медицине («Парацельс», «Роберт Кох — победитель смерти»), еврейские мотивы в живописи («Рембрандт»).

Важно заметить, что подобный акцент позволил раскрыть как личностно ориентированные, так и общекультурные, государственно значимые смыслы.

Третья М-модель, выделяющая в ряде названий фильмов концепт «национальность». Подобный фрейм представлен в таких названиях: «Германия, истекающая кровью», «Фризская нужда», «Польский поход», «Еврей Зюсс», «Вечный жид», «Венская кровь».

В пределах указанной М-модели раскрываются дихотомические процессы по типу «свой — чужой», «ариец — еврей», а также гетеростереотипы (представления о других) и автостереотипы (представления о самом себе как некоторой культуры, образ «себя»). При этом четко прослеживается два вида сигнификативных дескрипторов:

– первый ориентирован на пропаганду угнетения «истинных» германцев (немцы, фризы, австрийцы).

В основе фильмов лежат сюжеты о сложности существования фольксдойче (в данном случае фризов) на территории чужеродного государства (СССР) — сюжетная линия фильма «Фризская нужда»; проблема страны, бедственное положение Германии, основной состав населения которой — немцы (Deutsche) — сюжетная линия фильма «Германия, истекающая кровью». В фильме с названием «Венская кровь» изображено бедственное положение австрийского государства и его населения — австрийцев.

Основное предназначение этой категории названий фильмов, педалирующих темы Родины — мобилизовать внутренние резервы немцев, подготовить их сознание к проведению курса агрессивной политики;

– второй вид сигнификативных дескрипторов нацелен на формирование в сознании масс образа врага. При опоре на расовую теорию, главной в идеологическом отношении вражеской силой была еврейская нация. Это нашло отражение в названиях фильмов: «Еврей Зюсс», «Вечный жид», «Польский поход» (поляки как примыкаю-

щая к евреям вражеская раса).

Отметим, что ярко выделяются лексемы, сопровождающиеся в словарях стилистическими пометами.

Так, форма выражения этнонима «еврей» варьируется от общепринятого («еврей») до уничижительного («жид») обозначения. Подобное применение экстремальной номинации в названиях нацистских фильмов сигнализирует об особой чувствительности носителей языка, о стремлении к употреблению окказионализмов, направленных на унижение и оскорбление адресата.

Четвертая М-модель, указывающая на родственные отношения.

Данный аспект прослеживается в названиях фильмов «Брачный хоровод», «Дядюшка Брезиг», «Мой сын, господин министр», «Родина», «Дядюшка Крюгер». На лексическом пространстве внедрение концепта «родство» делает доступным понимание, способствует сближению, указывает на единую основу.

Так, в названии фильма «Дядюшка Крюгер» фигурирует имя известного политического деятеля (Стефанус Йоханнес Паулус Крюгер — последний президент Южно-Африканской Республики, известный по почтительному прозвищу «Дядюшка Пауль»), что позволяет на лексическом уровне создать почву для одобрения политического курса. В этом же лингвистическом ключе находится и название фильма «Мой сын, господин министр».

За основу названия фильма «Дядюшка Брезиг» был взят популярный юмористический литературный образ из произведения Фрица Рейтера «Дядя Брезиг» (Onkel Bräsig) — грубовато-откровенный, но умный и честный простака — как воплощение среднестатистического немца.

Пятая М-модель содержит в своей основе формы протеста, отрицание действительности. Среди перечня названий нацистских фильмов выделяется особой строкой направление пропаганды бунтарского духа немецкой нации («Беглецы», «Мятежник»), а также упование на прошлое («Когда мы все были ангелами», «Поездка в прошлое»).

По своей семантической структуре названия фильмов, призванные показать бунтарский дух («Беглецы», «Мятежник»), содержат акты «словесной» агрессии. К тому же названия «Беглецы», «Мятежник» по своему социально-политическому значению приближены друг к другу как лексемы, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность.

Иную цель (упование на прошлое) преследует пропаганда: напомнить и актуализировать прошлое немецкого народа (названия фильмов «Поездка в прошлое», «Когда мы все были ангелами»). Что касается последнего названия, в его основе лежит прием *аллюзии* — используются строки из произведения римского поэта Вергилия.

Шестая М-модель, указывающая на досуговую деятельность, мероприятия, носящие развлекательный характер.

Кино III рейха известно производством не только пропагандистских кинолент, определенный процент фильмов нацистской Германии составляли киноленты развлекательного содержа-

ния. Это отражалось и в их названиях. Из реестра названий фильмов III рейха мы можем вычленим лексемы следующих групп:

- *путешествия* («Игра на борту», «Отпуск под честное слово», «Прятели на море», «Любовное приключение», «Поездка в жизнь»),
- *элитарное искусство* («Прощальный вальс», «Маскарад», «Музыка в крови», «Придворный театр», «Танец на вулкане», «Романс в миноре»),
- *спортивные состязания* («Олимпия», «Скачет для Германии»).

Экспрессия в названиях фильмов III рейха выражается посредством стилистических приемов: **аллюзии** («Концерт по заявкам»), **иронии** («Отпуск под честное слово»), **метафоры** («Музыка в крови», «Прощальный вальс», «Романс в миноре»).

Седьмая М-модель обращается к индивидуальному статусу, в том числе и профессиональному. Ряд названий фильмов затрагивает сферу социальных характеристик. Указать в этой связи можно такие названия: «Всадники Восточной Африки», «Комедианты», «Разыскивается воспитательница», «Девушка с хорошей репутацией», «Владелец».

Согласно базовым положениям социологии, *индивидуальный статус* — это престиж и авторитет конкретного субъекта (личности, группы) как следствии занятия им определенной социальной позиции и исполнения конкретной социальной роли [Глоссарий по политической психологии 2003].

Отсюда следует, что выдвинутая М-модель содержит такие аспекты индивидуального статуса:

- *выполняемая социальная роль* («Разыскивается воспитательница», «Главная свидетельница», «Тот, кого любят боги», «Марш к фюреру»),
- *авторитет личности, связанный с политико-экономической деятельностью* («Мой сын, господин министр», «Великий король», «Владелец», «Марш к фюреру»),
- *личностные характеристики позитивного или негативного свойства* («Девушка с хорошей репутацией», «Женщина без смысла», «Девушки без прошлого»),
- *профессиональный статус* («Мой сын, господин министр», «Комедианты», «Великий король», «Разыскивается воспитательница»).

Важно подчеркнуть, что указываются не только положительные аспекты той или иной профессии, но и связанные с ней издержки. Например, название фильма «Отставка», в котором используется военная метафора.

Проведенный анализ названий кинопродукции III рейха показал:

1. Многообразные стилистические приемы — аллюзия, ирония, метафора, метонимия и др. — усиливали экспрессивное действие названия, что увеличивало коэффициент просмотра кинофильмов.

2. Нацистский режим в Германии 1933—1945 гг. основывался на тоталитарном устройстве общества, в котором массовое сознание находилось под государственным контролем, следствием чего стала ориентация всех СМИ, в том числе и кинематографа, на службу нацистскому режиму.

В этой связи можно констатировать, что государство, опираясь на национал-социалистическую идеологию, очертило для кинематографа круг приоритетных тем: *НСДАП, смерть, Гражданская война в Испании, Первая и Вторая мировые войны, образ врага*. При этом возникает возможность идентифицировать их с опорой на названия выпускаемой кинопродукции и отнести к периоду правления нацистской элиты.

3. Названия фильмов III рейха являлись проводником внедрения в массовое сознание преступных идей посредством апелляции к историко-культурному прошлому. Отсюда обращение к важным вехам истории немецкого государства, а именно: периоду правления Фридриха II Великого, Отто фон Бисмарка, научным открытиям Парацельса, Роберта Коха, событиям Первой и Второй мировых войн.

4. Курс агрессивной политики нацистов затрагивал не только сферы общественной жизни, но и проникал в область подсознания, тем самым программируя на определенные действия массы, т. е. вербальная агрессия была лишь предвестником физической ликвидации «*неудобных, нежелательных*» для режима элементов.

Наиболее четко это прослеживается на примере комплексного решения «еврейского вопроса»: «Это исторический факт, что национал-социалисты выпускали продукцию антисемитских фильмов для подготовки сознания населения к уничтожению евреев — так сказать, „время“ массовых убийств и реклама смерти» (Kreimeier); «...тех, кто видел фильм „Вечный жид“ в 1941 г. и кто случайно узнал об Аушвице в 1943 г., было легче удержать в подчинении... эти люди были уже убеждены, что иного выхода у германских властей нет» (Герцштейн). Особое агрессивное действие названиям кинофильмов придавало использование инвектив («жид»), придание иллюзорной силы лексемам, составляющим основу заголовков.

5. Отдельные названия фильмов III рейха можно распределить на лексическом пространстве по разным категориям (М-моделям). Например, название фильма «Польский поход» в своей семантической структуре содержит концепт «война», но при этом конкретизируется «в отношении кого»: «польский» — концепт «национальность».

6. Названия фильмов III рейха представляют определенную «мозаику», соединение частей которой позволяет составить единую картину мира представителя нацистского общества. Основанием послужили типаж *идеальной женщины* («Девушка с хорошей репутацией», «Девушка моей мечты»), *доблестного воина* («Всадники Восточной Африки», «Орден за заслуги» / «Pour le Merite», «Небесные псы», «Молодые орлы»), *героя* («Ганс Вестмар», «Гитлерюнге Квекс»), *выдающегося правителя* («Великий король», «Фридрикус», «Бисмарк», «Дядюшка Крюгер», «Карл Петерс»), *ярого врага* («Еврей Зюсс», «Вечный жид», «Полотно из Ирландии»).

Таким образом, анализ названий кинофильмов нацистской Германии позволяет детально рассмотреть в рамках политического дискурса III рейха выстроенную политическим истеблишментом, опиравшемся на всеобъемлющий охват и пропаганди-

стскую силу кинематографа, «иллюзорную» картину мира среднестатистического немца 1930—1940-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие. — М.: Логос, 2012.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — М.: АН СССР, 1963.
4. Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. — URL: http://www.eusi.ru/lib/herzstein_vojna/3.php.
5. Глоссарий по политической психологии. — М.: РУДН, 2003. URL: <http://www.vocabulary.ru/dictionary/8/word/status-individualnyi>.
6. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры / пер. с нем. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1985.
7. Клемперер В. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. — М.: Прогресс-Традиция, 1998.
8. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 158—166. URL:

К. V. Filenko

Novosibirsk, Russia

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE THIRD REICH MOVIE TITLES IN THE CONTEXT OF POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article argues that the film industry of the Third Reich, put at the service of propaganda system, became a powerful foothold in filling the mass consciousness with “poisonous” ideas of Nazism. Starting from the assumption that the Nazi ideology is a certain set of basic values (mostly of negative character: aggression, anti-Semitism, militarism, etc.), the author suggests that the movie titles of the Third Reich function as its sign system, which means that it is necessary to answer the central question of the research: “What is the peculiarity of movie titles in Nazi Germany?”*

The analysis of the movie titles of the Third Reich is conducted through the prism of their conceptual-ideological and lexico-semantic specificity in order to identify the regularity of usage of certain stems in the names of Nazi movies. To achieve this goal, the author uses research methods of the following sciences: history, political science and linguistics, namely, document analysis, the method of analogy and linguistic analysis. The basic chosen approach is the cognitive approach to the study of metaphors, developed by the leading experts in this field (J. Lakoff and M. Johnson).

The study revealed the following: firstly, the titles of the printed materials or film production attract the attention of the recipient and motivate his further action; secondly, the use of diverse lexical techniques — allusion, irony, metaphor, metonymy and others — enhances the expressive potential of the title, which increases the number of those who watch the movie, thirdly, the uniqueness of the names of the movies of the Third Reich lies in the possession of a special ideological function and the direct link with the values of Fascism.

KEY WORDS: *the Nazi ideology; the Nazi cinema; movie title; language of the Third Reich; linguistic analysis; metaphorical model; lexical method.*

ABOUT THE AUTHOR: *Filenko Kristina Vladimirovna, Post-graduate Student of Department of World History, Historiography and Source Studies, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.*

LITERATURE

1. Altunyan A. G. Analiz politicheskikh tekstov: ucheb. posobie. — М.: Logos, 2012.
2. Babenko L. G. Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza: uchebnyk dlya vuzov. М.: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2004. — 464 s.
3. Boduen de Kurtene I. A. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu, М.: AN SSSR, 1963.
4. Gertshteyn R. Voina, kotoruyu vyigral Gitler [Elektronnyy resurs]. — URL: http://www.eusi.ru/lib/herzstein_vojna/3.php
5. Glossariy po politicheskoy psikhologii.-M.: RUDN, 2003 [Elektronnyy resurs]. — URL: <http://www.vocabulary.ru/dictionary/8/word/status-individualnyi>.

http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040%2803_19-2006%29&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp...

9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранов. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
10. Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. 1997 № 3. С. 75—80.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — М.: Изд-во полит. литературы, 1973.
12. Лысакова И. П. Язык газеты и типология прессы. Социолнгвистическое исследование. — СПб., 2005.
13. Потебня А. А. Мысль и язык. — Киев: СИНТО, 1993.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007.
16. Goebbels J. Tagebücher 1924 — 1945. Im fünf Bänden. Herausgegeben von Ralf Georg Reuth. — München und Zürich: Piper, 1992. Bd 3 (1935—1939).
17. Kreimeier K. Antisemitismus im national-sozialistischen Film // Jüdische Figuren in Film und Karikatur / Kugelman Cilly, Backhaus Fritz (Hrsg.). — Frankfurt/M. URL: <http://www.kreimeier-online.de/NS-Film.htm>.

[vocabulary.ru/dictionary/8/word/status-individualnyi](http://www.vocabulary.ru/dictionary/8/word/status-individualnyi).

6. Gumbol'dt V. fon Yazyk i filosofiya kul'tury / per. s nem. Gulygi A. V., Ramishvili G. V. : Progress, M., 1985.
7. Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego Reykha. Zapisnaya knizhka filologa. Per. s nem. A. B. Grigor'eva. — М.: Progress-Traditsiya, 1998.
8. Lazareva E. A. Zagolovochnyy kompleks teksta — sredstvo organizatsii i optimizatsii vospriyatiya [Elektronnyy resurs] / E. A. Lazareva // Izv. Ural'skogo gos. un-ta. — 2006. — № 40. — S. 158-166. — Rezhim dostupa: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040%2803_19-2006%29&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp...
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem: per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranov.

Izd. 2-e. — М. : Izdatel'stvo LKI, 2008. — 256 s.

10. Lamzina A. V. Zaglavie literaturnogo proizvedeniya/ A. V. Lamzina // Russkaya slovesnost'. — 1997.— № 3. — S. 75-80.

11. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy. — М. : Izdvo politicheskoy literatury, 1973.

12. Lysakova I. P. Yazyk gazety i tipologiya pressy. Sotsiolingvisticheskoe issledovanie. — SPb, 2005. — 255 s.

13. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk. — Kiev: SINTO, 1993. — 192 s.

14. Sosyur F. de Kurs obshchey lingvistiki /per. s fr.

М. : Editorial URSS, 2004. — 256 s.

15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. — М. : Flinta: Nauka, 2007.

16. Goebbels J. Tagebücher 1924 — 1945. Im fünf Bänden. Herausgegeben von Ralf Georg Reuth. — München und Zürich.: Piper, 1992 // Band 3 (1935 — 1939).

17. Kreimeier K. Antisemitismus im nationalsozialistischen Film// Kugelmann, Cilly/Backhaus, Fritz (Hrsg.): Jüdische Figuren in Film und Karikatur. Frankfurt/M. — URL: <http://www.kreimeier-online.de/NS-Film.htm>.

Статью рекомендует к публикации канд. ист. наук, доц. Е. А. Полиновская.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'42:323.28
ББК Ш105.51+Ф041.33

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.19

А. И. Завьялов
Нижний Новгород, Россия

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТЕРРОРИЗМА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается вопрос терминологии при определении понятия «терроризм». Целью данной работы является анализ существующих определений терроризма на предмет их пригодности для исследования информационно-коммуникационной компоненты данного явления и выработка определения терроризма, учитывающего его взаимосвязь с системами общественной коммуникации. Терминология должна применяться очень осторожно, так как это очень важно для понимания, какое деяние может называться террористическим актом, в чем различие между терроризмом и экстремизмом. В ходе исследования проведен анализ определений, данных терроризму в различных иностранных источниках. Определены различия в подходах к классификации деяний, что может практически использоваться в деятельности правоохранительных органов, прокуратуры и судов. По итогам работы в качестве рабочего определения терроризма для исследования коммуникационной системы терроризма предложено использовать следующее: терроризм — это комбинация стратегий и жесткой тактики, при которой жертвы (т. е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство). Эти стратегии и тактики используются лицами или группами лиц в преследовании определенного типа целей — обычно политического, социального, криминального, экономического или религиозного характера, и они считают терроризм самым эффективным способом получения власти, необходимой для достижения этих целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм; экстремизм; террористический акт; терминологический подход.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Завьялов Андрей Иванович, аспирант научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности, Институт международных отношений и мировой истории (ИМОИ), Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; e-mail: aznn2007@yandex.ru.

Научное изучение терроризма и его взаимосвязи с системами общественной коммуникации требует решения вопросов терминологии. Существует разница между террористом, совершающим кровавые теракты, и экстремистом, проповедующим радикальные изменения в обществе. Также существует разница между боевиками, нападающими на подразделения оккупационной армии, и террористами, без разбора убивающими мирных жителей. Применение к той или иной организации определения «террористическая» иногда бывает обоснованным, а иногда — преувеличением, навешиванием ярлыка. Например, в список иностранных террористических организаций Госдепартамента США по состоянию на январь 2010 г. вошли 45 групп, в том числе «Хезболла». Даже если предположить, что некоторые члены «Хезболлы» являются террористами, означает ли это, что все члены «Хезболлы» террористы? Конечно, нет. «Хезболла», «Хамас» и некоторые другие организации, состоящие в этом списке, у себя на родине являются влиятельными политическими силами, в их состав входят врачи, учителя и прочие профессионалы, не намеренные участвовать в террористической деятельности и не одобряющие ее. Поэтому терминология должна применяться очень осторожно.

Ключевой для исследования является проблема дефиниции терминов «террористический

акт», «террорист», «терроризм» и «экстремизм». Целью данной работы является анализ существующих определений терроризма на предмет их пригодности для исследования информационно-коммуникационной компоненты данного явления и выработка определения терроризма, учитывающего его взаимосвязь с системами общественной коммуникации.

Следует отметить, что в 2008 г., например, Национальный контртеррористический центр США (НСТС) зарегистрировал около 11 800 террористических актов, в результате которых было убито, ранено и похищено 54 000 человек. Из 235 атак с большим числом жертв, т. е. от 10 человек убитыми, 75 % произошли на Ближнем Востоке или в Южной Азии. Более 50 % убитых — мусульмане, в основном в Ираке, Пакистане и Афганистане [National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism: 10—12].

За такими обобщающими статистическими отчетами информация о конкретных террористических актах теряется. NSTC полагается на информацию из открытых источников, и в отчете Центра указано, что «виновников более 7 000 терактов, т. е. более 60 процентов за 2008 г., установить не удалось». Раздробленность террористических групп, фальсификация обвинений, их отрицание — все

это усложняет процесс подготовки достоверных отчетов. Туман неопределенности окутывает исследования террористической деятельности, усложняя задачу тем, кто хочет изучить и понять терроризм и, возможно, дать ему отпор.

NCTC решает некоторые трудности на пути подготовки статистических отчетов о терроризме. Согласно данным Центра, террористический акт — это намеренная или случайная атака местными подпольными группами или лицами мирного населения или нестроевых военнослужащих (включая военный персонал и объекты за пределами зоны военных действий и в местах проведения боевых операций). Определение того, что же является террористическим актом, отличается больше к разряду искусства, чем науки; очень часто отсутствует полная информация, фактические обстоятельства интерпретируются по-разному, а мотивы виновников зачастую неясны [Op. cit.: 4].

Необходимо дать определение «терроризму», которое бы удовлетворяло органы правопорядка, военные, политические силы и общество.

Существует множество альтернативных определений термина «терроризм», не только в научной среде, но также и среди политиков и государственных органов [Грачев, Корнилов 2014: 242—245]. В российском праве терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [Федеральный закон... № 35-ФЗ: 10]. С точки же зрения Госдепартамента США, терроризм означает «предумышленное, политическое мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами обычно с целью повлиять на настроение общества» [22 US Code, Section 2656 (d), цит. по: US States Department Patterns of Global Terrorism 1999: 8]. Эта юридическая формулировка звучит красиво, но при анализе вызывает вопросы. Что именно считать «политически» мотивированным? Насколько четко понятие «мирные объекты»? Что такое «субнациональные» группы, особенно применительно к транснациональным или другим группам, чьи убеждения не имеют никакого отношения к нациям, и что стало с «государственным терроризмом» внутри этого определения? В чем заключается смысл «влияния на настроения общества»?

Ответы на эти и связанные с ними вопросы можно найти, но они вряд ли будут последовательными. Еще более усложняют формулировку определения различия даже внутри единой государственной бюрократической системы. В Соединенных Штатах вместо законодательно установленной дефиниции Министерство обороны предлагает свою версию определения терроризма: «Намеренное использование незаконного насилия или угроз незаконного насилия в целях устрашения, направленное на принуждение или запугивание правительства или общества для достижения целей, которые могут быть политиче-

скими, религиозными или идеологическими» [US Department of Defense: 2].

В то же время Министерство юстиции определяет терроризм как «незаконное использование силы или насилия против людей или собственности в качестве средства устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или любого их сегмента в преследовании политических или социальных задач» [National Institute of Justice: 4]. Различие состоит в том, что Госдепартамент ставит во главу угла «политическую мотивированность насилия», поскольку терроризм часто считается формой коллективного насилия, имеющего политические мотивы.

Эти политические мотивы варьируются в пределах широкого диапазона. Многие террористические группы преследовали цели произвести революцию, установить геополитически отдельное образование (это часто называется этнически-национальным самоопределением, или национальной независимостью). Среди других целей террористов — запрет проведения испытаний на животных (Фронт освобождения животных, ALF), остановка вырубki леса (Фронт освобождения Земли, ELF), или религиозные цели, как например, законодательный запрет абортов или подчинение сторонников другой веры. Все эти цели имеют то или иное отношение к политике и власти. Десятилетия споров в ООН нагляднее всего показывают, насколько сложно найти общее определение для терроризма. Например, в то время как Соединенные Штаты и западноевропейские государства обычно одобряют то, что Израиль называет палестинских смертников террористами, существует много арабских государств на Ближнем Востоке, которые поддерживают дело палестинцев и заявляют, что это «борцы за свободу» (еще один термин, используемый в жанре политического насилия) или употребляют другие одобрительные названия. На местном уровне также проходят подобные дебаты. Католики в Северной Ирландии отказывались причислять к террористам Временную ирландскую республиканскую армию (PIRA), а протестанты Северной Ирландии — Объединение обороны Ольстера (UDA) или Добровольную дружину Ольстера (UVF), хотя все эти группы однозначно несут ответственность за серьезный террор, проводимый ими на протяжении второй половины столетия. Терминологические споры заставили некоторых предположить, что терроризм необходимо рассматривать как субъективное понятие.

Один из аспектов терминологической проблемы выражается в следующем афоризме: «Кому террорист, а кому и борец за свободу» [Балуев 2004: 7]. Ясир Арафат, Менахем Бегин, другие политические деятели, которые поднялись во времена кровавых беспорядков и стали выдающимися лидерами — к ним нужно относиться как к террористам или как к борцам за свободу?

Являются ли атаки на мирных граждан во время обычной войны, как, например, во время бомбежек Дрездена и Токио в конце Второй мировой войны, террористическим актом, или это законный способ принуждения к сдаче правительства вражеского государства? Не преобладают ли чувства над законодательным определением: американцы во время

Войны за независимость были заслуживающими почета патриотами или террористами-повстанцами? Несомненно, у американцев и британцев были разные мнения на этот счет.

С данным вопросом связано и разграничение понятий «террорист» и «экстремист». Последние могут оказаться группой лиц, проповедующих ненависть и провоцирующих атаки на гражданское население, но напрямую не участвующих в подобных действиях. Также их послания могут не подпадать под определение терроризма ввиду того, например, что они призывают атаковать военнослужащих, а не мирное население. Является ли группа лиц, одобряющая, но не проводящая атаки на военные силы США в Афганистане, террористической организацией, или ее следует воспринимать как-то иначе? Также можно вспомнить «Хамас» или «Хезболлу», которых некоторые считают террористическими группами, в то время как многие палестинцы и ливанцы (и некоторые другие народы мира) считают их законными политическими организациями, которые преследуют благородные цели, защищая своих соотечественников от оккупантов.

Существует также тенденция, особенно на Западе, легко называть террористами членов «других» этнических, религиозных или иных групп, но гораздо реже применять этот термин к своим собственным террористам. В Соединенных Штатах Усама бен Ладен является синонимом слова «террорист», но то же самое неприменимо к Тимоти Маквею, представителю европеоидной расы, ветерану армии США, который взорвал федеральное здание в Оклахома-Сити в апреле 1995 г., убив 168 человек. В Великобритании после терактов 7 июля 2005 г. виновниками в первую очередь считались мусульмане, несмотря на тот факт, что трое из четверых были уроженцами Британии (а четвертый родился на Ямайке).

Брюс Хоффман, один из ведущих исследователей терроризма, справился с задачей определения этого явления лучше всех. Он считает терроризм умышленным созданием страха при помощи насилия или угрозы насилия и его использование в целях проведения политических изменений. Терроризм в основном направлен на оказание более широкого психологического воздействия, с охватом более широкого круга лиц, чем непосредственная(ые) жертва(ы) или объект террористической атаки. Благодаря огласке террористы пытаются получить рычаги воздействия, влияние и власть, которых у них изначально нет, для проведения политических изменений на местном уровне или в международном масштабе [Hoffman 2006: 44].

Хоффман делает упор на создании страха, а также его использовании для получения рычагов политического давления, что особенно важно, поскольку квалифицирует терроризм как политическое преступление; это не просто убийство из жадности убивать (хотя для некоторых исполнителей может являться именно таким), а стратегический инструмент и уравнивающий фактор в конфликте с неравной расстановкой сил.

Специалистам, изучающим терроризм, есть из чего выбрать при поиске определения. Согласно мнению политолога Дэвида Рапопорта

(David Rapoport), «террор — это насилие с характерными признаками, используемое в политических целях частными лицами и государствами. Это насилие не регулируется общественно принятыми нормами сдерживания насилия, правилами ведения войны и правилами применения наказания. Отдельные группировки, использующие террор, чаще всего пренебрегают правилами ведения войны, в то время как государственный террор обычно пренебрегает правилами применения наказания, т. е. теми правилами, которые позволяют нам отличать виновных от невиновных. Но как государства, так и неправительственные группировки могут игнорировать любой из наборов правил» [Rapoport 2008: 12]. Луис Ричардсон (Louise Richardson), еще один авторитетный ученый, объясняет, что террористические организации имеют политические цели, которых они пытаются достичь через насилие или угрозу насилием, и что применение насилия призвано не победить противника, но передать некое послание, т. е. акты насилия имеют символическое значение и должны привлекать максимум внимания к идеям преступников [Richardson 2007: 4—5].

Синди Комбс называет терроризм «синтезом войны и театра: инсценировкой насилия, которая разыгрывается с невинными жертвами и перед зрителями в надежде вызвать чувство страха без сожаления или раскаяния в угоду политическим целям» [Combs 2003: 123]. А Брюс Хоффман, один из признанных в международных кругах ученых в этой области, определяет терроризм как «целенаправленное создание и использование страха через насилие или угрозы насилием в преследовании политических целей... <он> предназначен для оказания широкого психологического воздействия не только на непосредственные жертвы или объекты террористической атаки... <и> для создания власти, где ее нет, или для укрепления власти, где ее очень мало» [Hoffman 2006: 40—41]. Хоффман также выделяет основополагающие компоненты в существующих определениях терроризма. Например, большинство дефиниций содержит политическое измерение (как у многих только что упомянутых авторов), обычно желание политического изменения. На самом же деле мотивом террористических группировок является желание предотвратить политическое изменение или сохранить статус-кво (государства также могут терроризировать своих граждан, и когда это происходит, обычно свидетельствует о нежелательности для властей политических изменений).

Фундаментальной среди большинства описаний и определений терроризма является идея о том, что те, кто им занимается, не соблюдают обычные нормы политического насилия [Балуев 2004: 64—70] — скорее они намеренно нацеливаются на невинных (включая военнослужащих не при исполнении служебных обязанностей, сотрудников правоохранительных и других государственных органов) и стараются нанести психологическую травму, как минимум через смерть или ущерб. И, конечно же, существуют криминальные аспекты терроризма. Террористы убивают, калечат и уничтожают, и было бы трудно найти в цивилизованном мире такой суд, который не счита-

ет это преступлением вне зависимости от мотивов или конечных целей. Далее, террористы обычно также занимаются отмыванием денег, кражами, мошенничеством, шантажом, контрабандой (в том числе наркотиков, оружия и людей), ограблением банков и многими другими видами криминальной деятельности [Грачев, Баймашев 2013: 62].

Алекс Шмид (Alex Schmid), еще один уважаемый во всем мире ученый в данной области, отмечает, что криминальные и террористические организации имеют много общего: они действуют рационально, у них есть жертвы, они используют схожую тактику, например похищение людей и убийства, они работают тайно, они объявлены вне закона правящим режимом и стоят в оппозиции к правительству [Schmid 1996: 66—67]. Тем не менее через большинство определений терроризма проходит красной нитью вопрос мотивов. Например, эксперт по организованной преступности Фил Уильямс различает террористические и преступные организации по их мотивам: у террористических организаций есть желание провести (или предотвратить) политическое изменение, в то время как криминальные организации сосредоточены на формировании и максимизации прибыли [Williams: 195—196]. Далее, террористические акты необходимо рассматривать как итог многоэтапной деятельности, включающей в себя финансирование, вербовку, обучение, выработку специальных навыков и подготовку к теракту. Все это может длиться в течение нескольких месяцев или даже лет. Криминальные организации направляют большинство своих усилий на собственную защиту от конкурентов или правительства и органов правопорядка и преследуют стратегию управления, уклонения, контроля или снижения риска; конечно же, этим занимаются и многие террористические группировки занимаются. По большому счету, лишь один аспект отличает террористов от других преступников — политический характер насилия. Многие рассматривают терроризм как использование угрозы насилием для осуществления изменений, и очень часто изменения, которые преследуют террористы, являются так или иначе политическими.

Четко разграничиваются террористы и другие преступники по отношению к деньгам. Как отмечает Лоретта Наполеони, преступные организации ведут свою деятельность как частные компании, имеющие своей конечной целью накопление прибыли. В отличие от них, террористические организации более заинтересованы в денежных расходах, чем в отмывании; вместо накопления и максимизации прибыли деньги должны быть распределены по всем ячейкам сообщества для обеспечения их деятельности [Napoleoni 2004: 31—33]. В то время как терроризм часто рассматривается как форма политического насилия, специалисты в области правопорядка рассматривают его как уникальную форму преступления с применением насилия — уникальную в первую очередь за счет мотивов. Тем не менее растет число авторов, которые стали предполагать, что различие между организованной преступностью и терроризмом может быть нечетким. Например, Уолтер Лакер утверждает, что пятьдесят лет на-

зад между терроризмом и организованной преступностью проходила четкая разделительная линия, но «в недавнее время эта линия стала размываться и в некоторых случаях появился симбиоз между терроризмом и организованной преступностью, которого раньше не существовало» [Laqueur 1999: 211]. Другие ученые описали этот феномен как связь, слияние, континуум или парадигму другого рода, для которой характерны подвижные, постоянно изменяющиеся отношения среди членов террористических и криминальных сообществ [Makarenko 2003: 159—170].

В конце 1980-х гг. Шмид и несколько его европейских коллег провели исследование нескольких сотен публикаций о терроризме и обнаружили общие характерные элементы. На основании данного исследования они предложили определение, которое пытается охватить большую часть того, в чем сходится ученое сообщество при использовании обсуждаемого термина: «Терроризм — это вселяющие страх методы совершения повторяющихся жестоких актов, используемых (полу-) подпольными лицами, группами или государственными субъектами по преступным или политическим причинам, где — в отличие от политического убийства — непосредственные цели насилия не являются их основными целями. Непосредственные человеческие жертвы обычно выбираются произвольно (внеплановые цели) или выборочно (характерные или символические цели) среди целевого населения и служат в качестве генераторов посланий. Процессы коммуникации, основанные на угрозах или насилии, между террористами (организацией) и (подверженными опасности) жертвами и основными целями используются для манипулирования основной целью (аудиторией) для превращения ее в цель для террора, цель для выдвижения требований или цель для привлечения внимания, в зависимости от того, что в первую очередь преследуется: устрашение, принуждение или пропаганда» [Schmid, Jongman 1988: 5—6].

В качестве рабочего определения терроризма для исследования его коммуникационной системы можно использовать следующее: **терроризм — это комбинация стратегий и жестокой тактики, при которой жертвы (т. е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство). Эти стратегии и тактики используются в преследовании определенного типа целей — обычно политического, социального, криминального, экономического или религиозного характера — лицами или группами лиц, которые считают терроризм самым эффективным способом получения власти, необходимой для достижения выдвинутых целей.**

Данное определение отражает точку зрения, согласно которой терроризм в некоторой степени является продуктом первично неравного распределения власти на местном, национальном уровне или в мировом масштабе. Заведомо упрощенный взгляд на терроризм выдвигает на передний план более объемную и более важную проблему: выбор при принятии террористических методов основан на вере, что настоящее неудовлетворительно и, таким образом, нужно что-то делать для

обеспечения лучшего будущего.

Таким образом, принятие политически насильственной тактики в качестве средства достижения целей приводит всех — от политических революционеров до религиозных боевиков — к одинаковым результатам. Неудовлетворенность существующим статус-кво привела к формированию террористических группировок в Ирландии, Италии, Египте, Германии, Шри-Ланке, Японии, Индонезии, на Филиппинах, в Соединенных Штатах и многих других государствах. Более того, терроризм доказал свою эффективность в осуществлении изменений, с точки зрения некоторых наблюдателей. Например, терроризм заставил могущественные Соединенные Штаты (и позже Израиль) уйти из Ливана и убедил французам покинуть Алжир. Чтобы понять терроризм, нужно на определенном уровне иметь способность представить, как террористы смотрят на самих себя и как они оправдывают свои поступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балув Д. Г. Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Н. Новгород, 2004.
2. Балув Д. Г. Приватизация военно-силовых функций государства: каковы перспективы? // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3.
3. Грачев С. И., Баймашев Ю. М. Криминологическая детерминанта современно терроризма в России // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2013. Спецвып.
4. Грачев С. И., Корнилов А. А. К вопросу о дефиниции «терроризм» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3.
5. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
6. Combs C. C. Terrorism in the Twenty-First Century. —

A. I. Zavyalov

Nizhny Novgorod, Russia

INFORMATION-COMMUNICATION MODEL OF TERRORISM: TERMINOLOGICAL ASPECTS

ABSTRACT. *The article dwells on the problem of terminology while defining the notion “terrorism”. The aim of the article is to analyze the existing definitions of terrorism in terms of their validity for the information-communication component of the given phenomenon and to work out a definition of terrorism that would take into account its interrelationship with the systems of public communications. Terms should be used carefully, as it is very important for the understanding what action can be called a terroristic act and what is the difference between terrorism and extremism. The undertaken research includes the analysis of definitions given to terrorism in different foreign sources. It highlights the differences in the approach to the classification of actions, which could be used practically by law enforcement organizations, attorneys and in courts of law. In the result, the author offers the following working definition of terrorism for the study of its information-communication system:*

Terrorism is a combination of strategies and tough tactics in the result of which victims (i.e. common people) are part of a more general target (e.g. government). These strategies and tactics are used by persons or groups of persons pursuing certain goals – usually of a political, social, criminal, economic or religious character. These people regard terrorism as the most effective way of getting power necessary for the realization of those goals.

KEYWORDS: *terrorism; extremism; terroristic act; terminological approach.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zavyalov Andrey Ivanovich, Post-graduate Student, Scientific Research Center for the Study of Problems of National and International Security, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

LITERATURE

1. Baluev D. G. Lichnostnaya i gosudarstvennaya bezopasnost': sovremennoe mezhdunarodno-politicheskoe izmerenie : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk / Nizhegor. gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo. — N. Novgorod, 2004.
2. Baluev D. G. Privatizatsiya voenno-silovykh funktsiy

New Jersey : Prentice Hall, 2003.

7. Hoffman B. Inside Terrorism. — New York : Columbia Univ. Pr., 2006.

8. Laqueur Walter. The New Terrorism. — Oxford Univ. Pr., 1999.

9. Makarenko Tamara. The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism // Global Organized Crime: Trends and Developments. — Dordrecht : Kluwer, 2003.

10. Napoleoni L. The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed // Forum n Crime and Society. 2004. No 1, 2.

11. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. 2009. 30 Apr. URL: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>.

12. National Institute of Justice website on terrorism. URL: nij.gov/topics/crime/terrorism/welcome.htm

13. Rapoport D. C. Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror // Terrorism and Political Violence. 2008. Vol. 20, No. 2.

14. Richardson Louise. What Terrorists Want. — New York : Random House, 2007.

15. Schmid A. P. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes // Transnational Organized Crime. 1996. Vol. 2, No. 2.

16. Schmid A. P., Jongman A. J. et al. Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. — Amsterdam : Transaction Books, 1988.

17. US Department of Defense, Department of Defense Dictionary of Military and Assicated Terms. URL: www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jpl_02.

18. US States Department Patterns of Global Terrorism. 1999/Dept of State Publication. — Washington, DC, 2000.

19. Williams P. Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime // Strategy in the Contemporary World. — Oxford Univ. Pr.

gosudarstva: kakovy perspektivy? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2004. № 3.

3. Grachev S. I., Baymashev Yu. M. Kriminologicheskaya determinanta sovremenno terrorizma v Rossii // Vestn. Kazan. jurid. in-ta MVD Rossii. 2013. Spetsvyyp.

4. Grachev S. I., Kornilov A. A. K voprosu o defintsii

«terrorizm» // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 3.

5. Federal'nyy zakon RF ot 6 marta 2006 g. N 35-FZ «O protivodeystvii terrorizmu».

6. Combs C. C. Terrorism in the Twenty-First Century. — New Jersey : Prentice Hall, 2003.

7. Hoffman B. Inside Terrorism. — New York : Columbia Univ. Pr., 2006.

8. Laqueur Walter. The New Terrorism. — Oxford Univ. Pr., 1999.

9. Makarenko Tamara. The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism // Global Organized Crime: Trends and Developments. — Dordrecht : Kluwer, 2003.

10. Napoleoni L. The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed // Forum n Crime and Society. 2004. No 1, 2.

11. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. 2009. 30 Apr. URL: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>.

12. National Institute of Justice website on terrorism. URL: nij.gov/topics/crime/terrorism/welcome.htm

13. Rapoport D. C. Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror // Terrorism and Political Violence. 2008. Vol. 20, No. 2.

14. Richardson Louise. What Terrorists Want. — New York : Random House, 2007.

15. Schmid A. P. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes // Transnational Organized Crime. 1996. Vol. 2, No. 2.

16. Schmid A. P., Jongman A. J. et al. Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. — Amsterdam : Transaction Books, 1988.

17. US Department of Defense, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. URL: www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jp1_02.

18. US States Department Patterns of Global Terrorism. 1999 / Dept of State Publication. — Washington, DC, 2000.

19. Williams P. Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime // Strategy in the Contemporary World. — Oxford Univ. Pr.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. С. И. Грачев.

К. В. Злоказов
Екатеринбург, Россия

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. Обсуждается методика интерпретации текстов деструктивной направленности. Признаком подобных текстов является стремление автора к разрушению социальных объектов различного масштаба, социальных отношений и норм. Сложность видится в неопределенности семантики текста, невозможности конкретизации деструктивной направленности автора. Для решения этой проблемы обозначаются и определяются категории объекта, цели и процесса как элементы семантической структуры текста деструктивной направленности. Описываются интраперсональные, интерперсональные и метаперсональные объекты деструкции, деструктивная, деконструктивная и реконструктивная цели автора. Проводится контент-анализ 116 фрагментов текстов деструктивной направленности (суицидальных записок, дневниковых записей, видеообращений лиц, ведущих экстремистскую и террористическую деятельность). Установлено, что объекты и цели деструкции сочетаются: деструктивные цели характерны для интраперсональных, деконструктивные — интерперсональных, реконструктивные — метаперсональных объектов. Деструктивные цели операционализированы и негативно окрашены, а реконструктивные — детализированы, описываются позитивно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контент-анализ текста; суицид; анализ агрессии; деструктивный текст; семантический анализ; способы выражения агрессии; деструктивность личности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Уральский юридический институт (Екатеринбург); адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, к. 325; e-mail: zkkrivii@yandex.ru.

Введение. Современное коммуникативное пространство насыщено текстами, относящимися к тематике деструктивной направленности, констатирующими, иллюстрирующими агрессивные и насильственные действия или призывающими к их совершению. Такие тексты следует отличать от более широкого корпуса текстов агрессивной, насильственной тематики, в первую очередь по причине отсутствия целевой ориентации автора на разрушение. Ключевым признаком деструктивной направленности текста становится тема уничтожения конкретной социальной структуры в единстве ее уровней, элементов, свойств, характеристик, отношений с иными структурами. Существует ряд исследований, устанавливающих связь проявлений деструктивности авторов [Злоказов 2014а] и текстов [Фомина, Артеменко 2014], оценивающих специфику коммуникативных стратегий и языковых средств [Ворошилова 2014]. В то же время представление о реализации деструктивной направленности автора остается не в полной мере сформированным. Деструктивность авторского замысла воплощается в различных жанрах, среди которых встречаются информативные (плакат, листовка), информативно-оценочные (дневниковые записи, записки), императивные (манифесты, обращения). Деструктивная направленность реализуется в разнообразных коммуникативных ситуациях [Демдоуни, Денисов 2013], для нее характерен широкий диапазон лингвистических и паралингвистических средств. Сложность анализа еще и в том, что тема деструкции в тексте не всегда представлена в упорядоченной логико-композиционной структуре [Борисов 2010], а текст нередко избыточен в части эмоционально-риторических элементов, включаемых для упрощения смысловой репрезентации текста читателям [Антонова 2006].

В данной статье предпринимается попытка определения семантических категорий для анализа текста деструктивной направленности. Она осуществляется через описание семантических признаков объекта, цели и процесса деструктивной активности, их эмпирический анализ в текстах деструктивной тематики.

Описание категорий контент-анализа. Категории определялись на основе представлений о психологической структуре речевой деятельности, лингвистических характеристиках призыва к осуществлению экстремистской деятельности [Осадчий 2012а], концепта ненависти [Волкова 2011], а также разрабатываемых нами представлений о деструктивной активности [Злоказов 2014б]. В рамках данной статьи не приводятся категории анализа суицидальных текстов, предложенные Ч. Осгудом и Е. Уолкером, поскольку они соотносятся исключительно с тематикой суицида [Osgood, Walker 1959]. Цель данного исследования в определении категорий, характерных для всех деструктивных текстов, а не только суицидальной тематики, сопоставлении элементов деструктивной деятельности и ее речевых эквивалентов. Исходя из этих предпосылок, мы выделили три категории анализа семантики текста: *объект*, *цель* и *процесс* деструктивного воздействия.

Базовая категория деструктивного текста — объект, являющий собой приложение деструктивной активности субъекта. Включение категории **объекта** в семантическое пространство деструктивного текста обусловлено в первую очередь авторской коммуникативной задачей. Объект деструкции в семантике текста является репрезентацией подлежащей разрушению социальной структуры, ее элементов и связей. Указания на объект деструкции могут быть многообразны, но отвечают признакам:

Работа выполнена при поддержке РГНФ: грант 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса».

© Злоказов К. В., 2015

- социальности — принадлежности к миру общественных отношений;
- актуальности — значимости для автора;
- релятивности — соотносимости с автором и читателем.

Объект номинируется, актуализируется автором путем применения различных языковых средств, в том числе и инвективной лексики. Следует отметить, что объект может быть представлен системой противоречивых номинаций, чем обуславливается неопределенность его интерпретации. Фактически же объект — это явление социального мира, известное автору. Условно можно выделить три вида объектов: *интраперсональные*, *интерперсональные* и *метаперсональные* (в табл. 1 приведены фрагменты текстов с различным видом объекта и цели деструкции).

Интраперсональный объект представлен:

1) телесными характеристиками (например, волосы, кожа, конечности, органы чувств, параметры тела);

2) индивидуализированными потребностями (например, в пище, сне, уровне активации/бодрствования, комфорте) и ценностями (например, здоровый образ жизни, образование, семейная жизнь);

3) характером психических явлений (например, изменение параметров когнитивных, эмоциональных состояний путем приема алкоголя, наркотических веществ).

Деструктивная направленность текстов реализуется в призывах манипулировать интраперсональным объектом, изменять его свойства (например, отказываться от сна, еды, наносить шрамы, татуировки), в том числе разрушать его.

В качестве *интерперсонального* объекта выступают:

1) конкретные личности, малые социальные группы (например, учебные, спортивные, профессиональные группы);

2) связи и отношения с конкретными людьми и малыми социальными группами, представленные в виде социальных ролей (например, сын, дочь, отец, мать, член коллектива).

Деструктивная направленность текста обнаруживается в воплощении в его семантике негативной оценки конкретного лица, социальной группы, связей и отношений с ними, в том числе через обесценивание характеристик, призывы к уничтожению.

Метаперсональный объект деструкции включает в себя:

1) социальные институты, их деятельность, представителей и отношение к ней (институты управления, образования, здравоохранения, правотворчества, охраны права);

2) нормы социального регулирования (правовые, религиозные, политические, культурные, социальные и иные).

Деструктивность прослеживается в призывах к уничтожению глобальных социальных объектов — по политическим, религиозным, этническим и другим видам признаков. Средства реализации здесь достаточно обширны, что позволяет причислять к деструктивным текстам, заключающие в себе экстремистские призывы, направленные на возбуждение чувства ненависти и вражды.

Следующая категория — цель активности. Цель определяется как предвосхищаемый автором результат воздействия на объект, модель будущего продукта. В текстах деструктивной направленности нами выделяются три цели преобразования объекта:

1) деструктивная, направленная на разрушение объекта (в том числе, его элементов или отношений с ним), представлена в примерах 1, 2, 7 табл. 1);

2) деконструктивная — модификация, трансформация с целью создания объекта с иными свойствами (примеры 2, 5, 8 табл. 1);

3) реконструктивная, характеризующая направленность на восстановление объекта, его свойств, характеристик (примеры 3, 6, 9 табл. 1).

Цели в тексте могут сочетаться: деструктивная направленность суицидального акта может сопровождаться стремлением восполнить и восстановить отношения между родственниками, переживающими потерю. Деструктивная цель текста с угрозами в адрес конкретного лица может подразумевать и деконструктивную направленность — желание «переделать» другого, сформировать необходимое поведение. Реконструктивная цель экстремистского текста обычно сочетается с тематикой восстановления объекта (избавление «Родины» от различных «захватчиков»), сопровождается призывами к самоотречению ради борьбы (деструкции), указанием на необходимость переродиться, стать сверхчеловеком (деконструкция).

Таблица 1

Категория объекта и цели деструктивной активности

Категория объекта	Категория цели		
	Деструктивная	Деконструктивная	Реконструкция
Интраперсональный	1. «Сейчас, я ненавижу себя. Ненавижу свою фигуру, ненавижу свое лицо, ненавижу свой слабый характер»	2) Я умираю, потому что хочу избавиться от этой боли. Я не знаю правильно ли поступаю. Просто терпеть ее у меня уже нет никаких сил. Думаю, что после смерти мне будет хорошо.	3. Подойдите к зеркалу, возьмите фломастер и рисуйте на своем теле пунктиром ваше идеальное тело. А потом стойте и смотрите, пока не дойдет, что вы ленивая, безвольная и запустившая себя задница, и с таким телом надо вешаться, а не на улицу выходить
Интерперсональный	4.1. Вы че, сволочи, совсем Закрывайте свою жульническую контору или мы придем к вам по домашним адресам и научим жить честно. Если за три дня этот сайт и вся ваша мошенническая кодла не исчезнет из инета — будем	5.1. Девочки если ваши парни будут гадить в подъезде, тем более с..ть, То сделаем так, что они будут импотентами на всю жизнь. Так и скажите им.	6.1. Я прошу, забудьте меня как черный день. Мам не плачь!!! Бабушка не плачь!!! Надеюсь, Дядя Вася придет на мои похороны. Знайте, никто не виноват в моей смерти.

Категория объекта	Категория цели		
	Деструктивная	Деконструктивная	Реконструкция
	<i>физически вас истреблять. Будем убивать! 4.2. Пиши заявление и уходи. Не вздумай выдвинуть себя на главу. Приедем и вырежем весь род</i>	<i>5.2. Если ты читаешь мое письмо, то я уже мертв. Живи теперь как хочешь. У тебя есть работа, сын, Коля. Теперь тебе я не мешаю ничем — твои че вздумается, что нужно, живи сама, как знаешь...</i>	<i>6.2. Чувак, я против тебя конкретно ничего не имею. Ты для меня никто, я для тебя никто. Мои претензии касаются того, что ты дуришь окружающих.... Давай так. Ты — перестаешь прикидываться, а я — заминаю разговор и не сливаю про тебя правду</i>
Метаперсональный	<i>7. Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни! Я ненавижу саму эту жизнь! Я вижу только один способ ее оправдать: уничтожить как можно больше частиц человеческого компоста</i>	<i>8.1 Единственным путем проявить несогласие с устоявшимся в стране тоталитарным режимом является порча биллбурдов. Голос народа не заткнуть, как бы не старалась закрывшаяся власть! 8.2. Внимание! Если вы видите страницу сепаратиста вконтакте, живущего в Украине, пришлите ее адрес на почту в СБУ. Избавимся от заразы вместе!</i>	<i>9. От всех немцев... от всех солдат вермахта я требую, чтобы они были верны ... и повиновались... до самой смерти. Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов...</i>

Примечание: фрагменты текста приведены без коррекции.

Введение категории **процесса** в контент-анализ текста обосновано представлениями о деструктивности как осознанной и целенаправленной активности [Куликов, Злоказов 2006]. В этом смысле деструктивная активность — не реактивная, спонтанная, а осознанная и целенаправленная деятельность субъекта, находящая свое отражение в коммуникации. По мнению Е. В. Распопина, признаки процесса — это описания действия, указание того, какие поведенческие акты будут предприняты по отношению к объекту, а также детальное, пошаговое описание этих актов [Распопин 2001]. Воплощая описание действия в тексте, автор осуществляет операции целеполагания, моделирования, контроля над собственными идеями. Наличие категории процесса может быть интерпретировано как экстерноризованное планирование. Применительно к объектам интерперсонального и метаперсонального вида планирование приобретает еще и интерактивный характер, организующий деятельность читателя по замыслу автора.

Процесс в деструктивных текстах не всегда логически связан с объектом или целью деструкции, описывается с различной степенью детализации. Действия, например, могут иллюстрировать процесс деструкции, сопровождать его либо осуществляться по его завершении. В то же время изучение номинации процесса раскрывает отношение автора к объекту и цели деструкции.

Описание выборки текстов и процедуры. Материалом исследования выступали записки лиц, завершивших жизнь самоубийством (n = 31), письма с угрозами физического насилия (n = 26), записки на персональные страницах социальных сетей лиц, совершивших преступления в отношении группы лиц (n = 23), видеофрагменты обращений лиц, ведущих террористическую деятельность на территории Российской Федерации (n = 36). Семантическая структура оценивалась путем определения высказываний и интерпретации их смысла. Также в текстах определялась эмоциональная модальность репрезентаций семантических единиц (позитивная, негативная). Рассматривались признаки актуализации текста: многообразные способы выделения смысловых единиц: лек-

сические, семантические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, интонационные, акцентологические, графологические.

Для проведения контент-анализа использовался метод экспертной оценки (n = 25). Это обусловлено необходимостью учета расхождения мнений экспертов об оцениваемых категориях и способом повышения точности ответов. Каждому эксперту был представлен весь массив текстов и критерии их анализа. Контент-анализ проводился путем определения элементов и подсчета частоты их встречаемости в тексте. Эксперты кодировали категории и признаки, обнаруженные в тексте, с помощью дихотомической системы оценивания в специально разработанной форме для ответов. При наличии признака присваивалось значение «1», при отсутствии — «0». Там, где эксперт устанавливал несколько признаков, значения суммировались. Оценки обобщались через расчет средних значений и дисперсии (рассеивания) мнений экспертов, что позволило значительно повысить точность оценки текстовых фрагментов. Полученные экспертные данные обобщались путем применения методов описательной статистики и дисперсионного анализа.

Обсуждение результатов статистического анализа категорий текстов деструктивной направленности.

Целью контент-анализа стал эмпирический анализ особенностей текстов деструктивной тематики, различающихся по видам объекта и цели. Для этого выполнялись следующие задачи: оценка характеристик текстовых фрагментов с объектами различного типа, соотнесение типов объектов и целей, определение уровня операционализации и детализации действий, изучение эмоционального отношения автора к объектам и целям деструкции. Далее последовательно опишем основные результаты.

Первой задачей анализа стала оценка лексико-грамматических и морфолого-стилистических характеристик текста деструктивной направленности. Поскольку деструкция как действие предполагает отчетливую дифференциацию объекта, сопоставление характеристик проводится в текстах с различными видами объекта деструкции (см. табл. 2).

Таблица 2

Лексико-грамматические и морфолого-стилистические параметры текста в зависимости от объекта деструкции, %

Вид объекта	Лексико-грамматические характеристики				Морфолого-стилистические характеристики	
	Доля существительных	Доля глаголов	Доля наречий	Доля прилагательных	Доля простых предложений	Доля сложных предложений
Интраперсональный	0,45	0,25	0,13	0,12	0,50	0,38
Интерперсональный	0,43	0,22	0,17	0,15	0,56	0,43
Метаперсональный	0,38	0,36	0,15	0,08	0,56	0,45

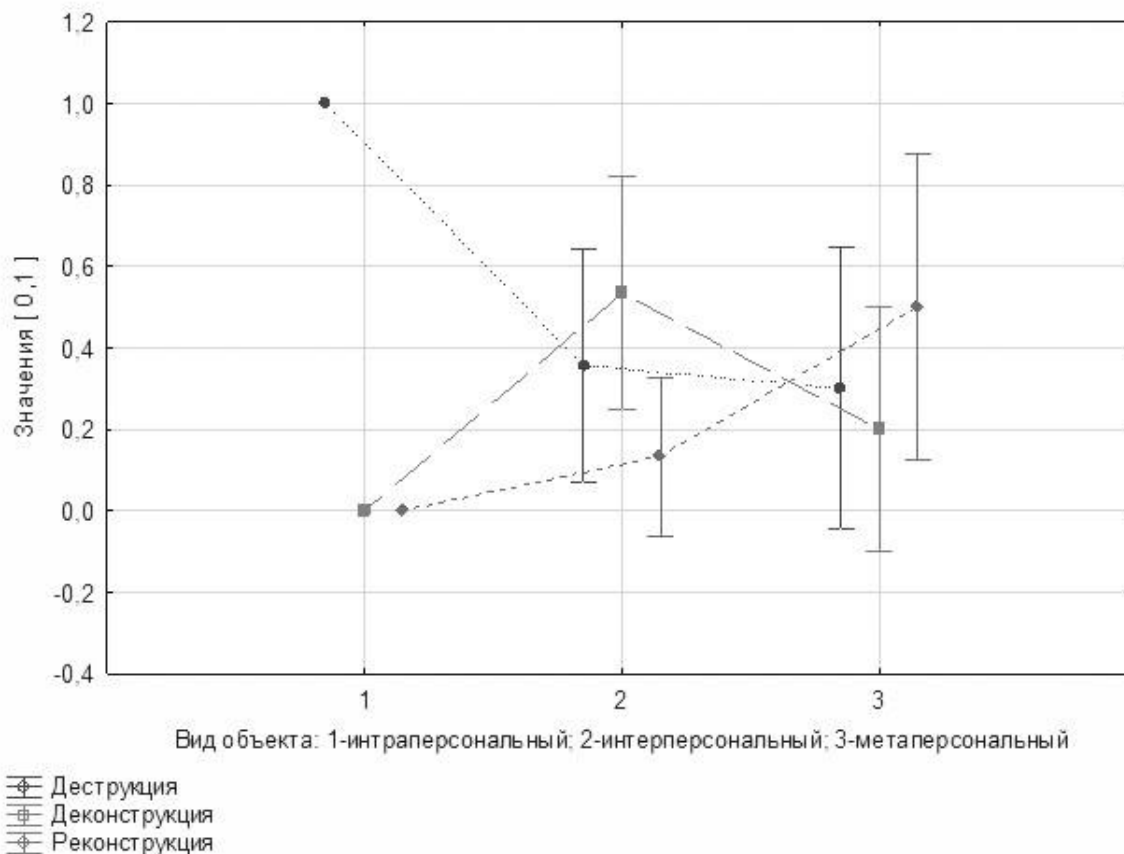

Рис. 1. Соотношение объекта и цели в тексте деструктивной направленности

Примечание. Показатели цели деструкции нормированы (приведены в z-баллах).

Поиск различий по параметрам лексических, грамматических и морфологических характеристик текстов, различающихся по типу объекта, проведенный с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), результатов не дал. Причин этому видится несколько: во-первых, данные показатели отражают, как правило, глубокое своеобразие, то, что отличает лиц с особенностями развития мышления и речи. Отсутствие различий, на наш взгляд, свидетельствует о сопоставимости когнитивных уровней авторов. Во-вторых, категория деструкции воплощена в семантике текста и должна соотноситься с элементами подобной природы [Ворошилова 2014].

Подтверждение этому получено при сопоставлении показателей объекта и цели деструкции с помощью ANOVA (результаты представлены на рис. 1).

Установлено, что для интраперсонального объекта в сопоставлении с интерперсональным и метаперсональным чаще характерна деструктивная цель ($F = 2,431, p < 0,001$); интерперсональный сопровождается деконструктивной целью (F

$= 2,294, p < 0,01$), метаперсональный объект деструкции сочетается с реконструктивной целью ($F = 2,193, p < 0,05$). Приведем примеры. Деструкция объекта интраперсональной природы представлена в тексте через экстремальное манипулирование телом, психикой, сознанием без соотнесения с последствиями. Например, радикальное похудание как стремление очиститься, прием наркотиков для расширения границ восприятия, прыжок с крыши для переживания прилива энергии. Автор сосредоточивается на конкретном параметре объекта, не прогнозируя, например, социальный эффект собственных действий, замыкаясь на своих ощущениях, опыте, впечатлении.

Преобладание деконструктивной цели в интерперсональных текстах определяется их коммуникативной целью. Тексты с деконструктивной целью отражают манипуляции автором устоявшимися отношениями с конкретными людьми и социальными группами. Автор конкретизирует адресата, обозначая собственные деструктивные действия как реакцию, ответ на поведение по

отношению к себе. Деконструктивная цель содержит внешне или внутренне направленную агрессию, речевые конструкции оскорбления, шантажа, угрозы, которые могут сопровождаться аутоагрессией, что характерно для суицидальных текстов демонстративно-шантажного типа.

Метаперсональный объект в деструктивном тексте соотносится с реконструктивными целями, поскольку авторы нередко определяют результаты деструкции в социально позитивном ключе, выстраивая образ результата как общественно полезного. Как правило, экстремистские тексты используют данную стратегию, формируя перспективу «избавления» от вредоносного влияния социальной группы либо культуры, традиции, идеи. Экстремистский призыв имплицитно содержит категорию социального вреда, фокусируясь на ней достоверно чаще, чем на описании деструктивных либо деконструктивных целей. Отчасти это может быть объяснено тем, что экстремистские тексты, содержащие в себе детализованные образы объекта, способа совершения действия и адресата в сочетании с вербальным императивом [Осадчий 2012а], не получают широкого массового распространения и блокируются в сети Интернет в соответствии с российским антиэкстремистским законодательством.

Обобщая, отметим, что объекты и цели деструкции коррелируют со смысловой направленностью текста: интраперсональные объекты чаще

связаны с деструктивной целью, интерперсональные — с деконструктивной, а метаперсональные — с реконструктивной.

Второй задачей анализа являлось сопоставление объектов и характеристик процесса деструктивного воздействия в тексте. Для этого применялся дисперсионный анализ показателей действия и детализации в зависимости от вида объекта (результаты графически представлены на рис 2).

Значимые различия получены по показателю детализация действий с интраперсональным объектом по сравнению с интерперсональным ($F=2,183$, $p<0,05$) и метаперсональным ($F=2,114$, $p<0,05$). Это свидетельствует о том, что процесс деструкции интраперсонального объекта иллюстрирован в деструктивных текстах максимально лаконично. Возможно, что данные результаты обусловлены преобладанием среди материалов текстов суицидальной направленности, не предполагающих избыточной детализации, содержащих мотивировку суицида и посмертных распоряжений. При проверке этого предположения, ANOVA показал различия в конкретизации объекта деструкции, а также детальности его отражения в тексте суицидальной тематики. Так, интраперсональный объект деструкции суицидального текста значительно отличается от интерперсонального и метаперсонального большей детализацией и конкретикой ($F=2,94$, при $p<0,001$).

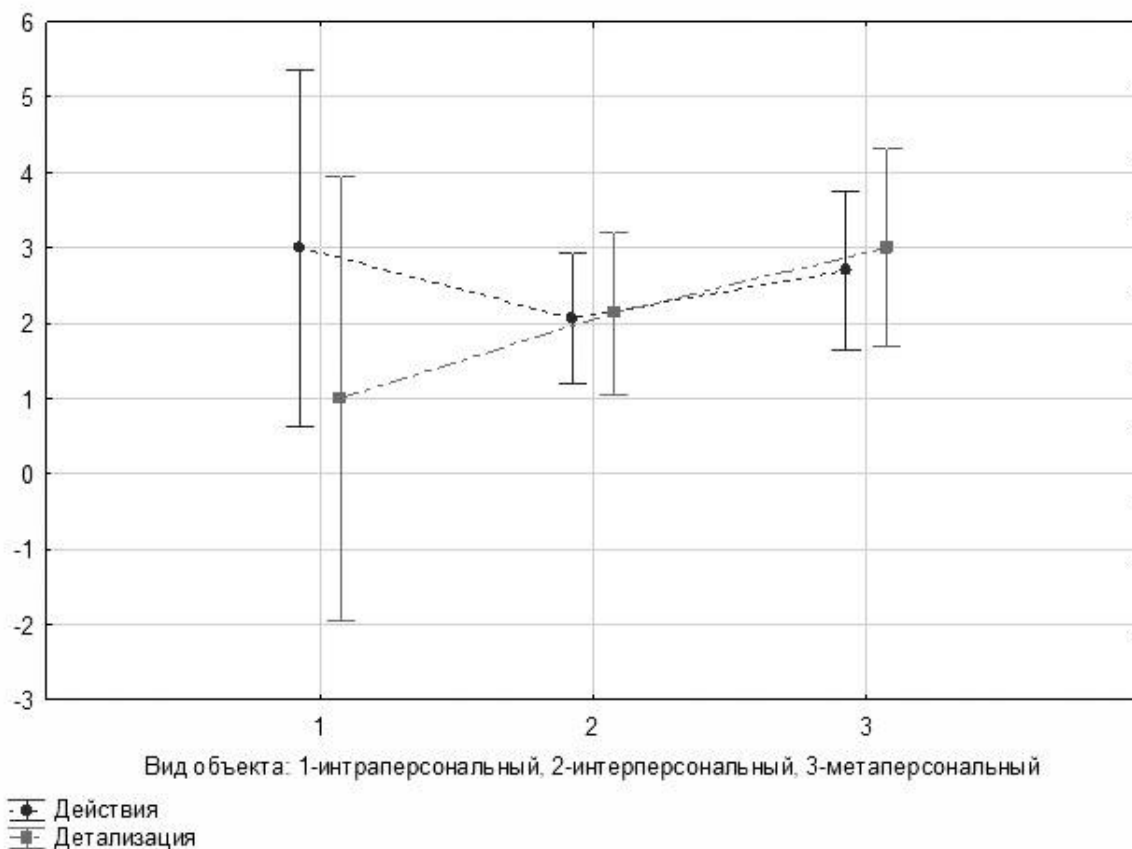

Рис. 2. Соотношение объекта деструкции и характеристик процесса в текстах деструктивной направленности

Примечание. Ось ординат описывает уровень выраженности действий и детализации в диапазоне от 0 до 5: при 0 не описываются действия, нет детализации, при 5 — представлено значительное количество действий, высокая детализация

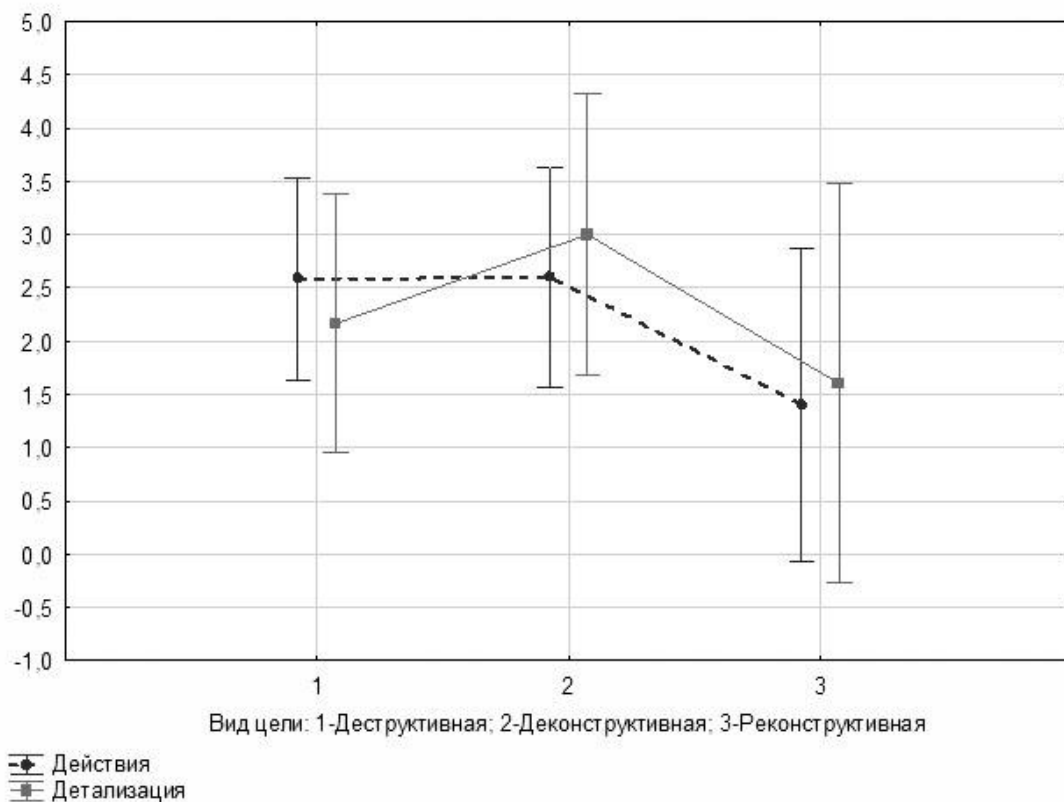

Рис. 3. Соотношение цели и характеристик процесса в текстах деструктивной направленности
 Примечание. Ось ординат описывает уровень выраженности действий и детализации в диапазоне от 0 до 5: при 0 не описываются действия, нет детализации, при 5 — представлено значительное количество действий, высокая детализация.

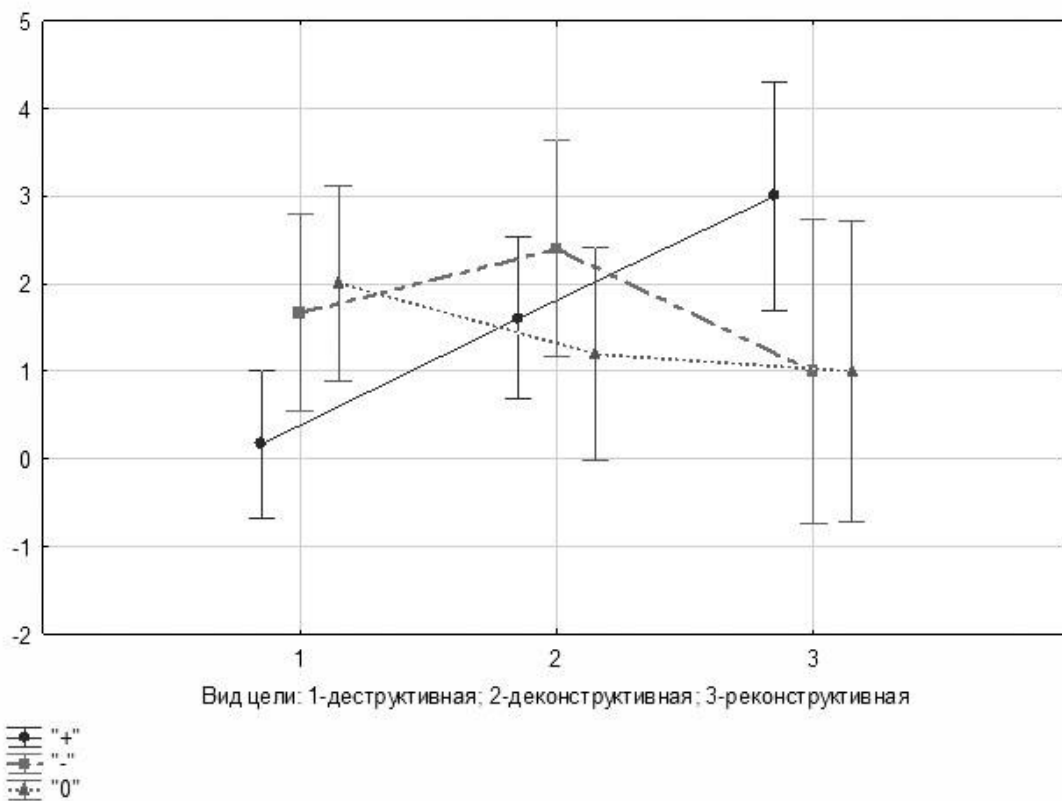

Рис. 4. Соотношение целей и эмоциональных модальностей в текстах деструктивной тематики
 Примечание. Ось ординат описывает уровень выраженности эмоциональной модальности в диапазоне от 0 до 5: 0 — не выражена, 5 — выражена ярко.

Соотношение цели и показателей процесса деструктивного воздействия демонстрирует наличие различий в количестве действий по достижению деструктивной цели по сравнению с реконструктивной ($F = 2,912$, $p < 0,001$). Деструктивная цель конкретизируется бóльшим объемом действий, нежели реконструктивная, а текст, описывающий деструктивную цель, содержит в себе меньше деталей, чем текст деконструктивный или реконструктивный ($F = 2,055$, $p < 0,05$).

В целом отметим, что существуют различия в степени детализации деструктивных действий по отношению к интраперсональным объектам. Наиболее детализованы действия в суицидальных текстах. Также установлено, что деструктивные и реконструктивные цели описываются противоположным образом: реконструктивные цели описываются менее операционально, но подробно, а деструктивные — наоборот, более алгоритмично, но с меньшими деталями.

Третьей задачей исследования стало изучение иллюкативного потенциала деструктивного текста. Оно осуществлялось путем выявления экспертами эмоционально акцентированных слов позитивной, негативной и нейтральной модальности в текстах, оценки частоты акцентирования в тексте различными лексическими, семантическими, морфологическими, графологическими и иными способами. Установлено, что деструктивные цели сопровождаются негативно окрашенными оценками, а реконструктивные — позитивными ($F = 3,019$, $p < 0,001$).

Изучение особенностей акцентирования автором смысловых единиц в текстах с различными целями показало наибольшее количество акцентов для реконструктивных текстов, а с дифференциацией по объектам деструктивных текстов — метаперсонального типа. Это характеризует метаперсональный объект деструкции как наиболее эмоционально насыщенный, что, по-видимому, обусловлено стремлением учитывать аудиторию текста и ее возможности к пониманию авторского замысла.

В целом оценка эмоциональной модальности и акцентирования семантических единиц показала, что тексты с метаперсональным объектом деструкции характеризуются значимо большим количеством акцентов, а тексты с реконструктивной целью эмоционально позитивно оцениваются автором, в отличие от текстов с деструктивной целью.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что изучение текстов деструктивной направленности с помощью метода контент-анализа требует уточнения его категорий.

Описанная в статье попытка изучения текста проводилась путем выделения семантических признаков объекта, цели и процесса деструкции. Эти категории были определены на основе разрабатываемых представлений о деструктивности как осознанной целенаправленной активности субъекта и предположения о том, что осуществление деструктивного действия требует определения его объекта, цели и элементов — действий и операций. В ходе контент-анализа в текстах определялись эквиваленты объекта, цели и процесса деструкции.

Основанием для дифференциации объекта выступает его масштаб: интраперсональный (па-

раметры субъекта — тело, психические функции, потребности), интерперсональный (межличностные отношения, малые социальные группы) или метаперсональный (характеристики расы, пола, социальные институты, нормы, традиции). Цель в деструктивном тексте определяется по ее эффекту — деструкция (разрушение, уничтожение), деконструкция (трансформация, переделка), реконструкция (восстановление, воссоздание). Процесс описывается с позиции операциональности и степени детализации действий.

Сопоставление лексических, грамматических и морфологических характеристик деструктивных текстов, различающихся по типу объекта, не выявило значимых различий. Данное обстоятельство может быть вызвано ограничениями исследуемого материала, в частности преобладанием текстов лиц с адекватным возрастным уровнем когнитивного развития.

Математико-статистический анализ позволил установить особенности категорий объекта, цели и процесса:

- определено соотношение объекта и цели деструкции — преобладание деструктивной цели для интраперсональных, деконструктивной для интерперсональных и реконструктивной для метаперсональных объектов;

- деструктивные цели описываются большим перечнем операций с меньшей их детализацией по сравнению с реконструктивными;

- деструктивные цели сопровождаются негативно окрашенными оценками автора, а реконструктивные — позитивными.

Применяемые единицы контент-анализа текстов деструктивной направленности позволили в единой системе оценки описать различные по жанровой направленности тексты, сопоставить их семантические особенности. Полагаем, что описание семантики деструкции в тексте с использованием категорий объекта, цели и процесса позволяет лучше понять авторскую модальность, оценить прагматический потенциал текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Воздействие креолизованного текста на сознание читателя (на примере публикаций о террористических актах) // *Linguistica Juvenis* : сб. науч. тр. молодых ученых. — Екатеринбург, 2006. Вып. 7 : Язык и культура. С. 10—16.
2. Борисов П. М. Вербальная характеристика концепта деструктивной личности // *Вестн. МГОУ. Сер.: Лингвистика.* — М. : Изд-во МГОУ, 2010. № 2. С. 78—92.
3. Волкова Я. А. Концептуализация ненависти в русском языковом сознании // *Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та.* 2011. № 4 (16). С. 24—32.
4. Ворошилова М. Б. Фоносемантический анализ текста как инструмент экспертизы экстремистского текста // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Международ. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 56—60.
5. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // *Политическая лингвистика.* 2014. № 3. С. 242—245.
6. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. «Контент смерти»: проблема пропаганды суицида в русскоязычном

Интернете // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: www.science-education.ru/110-9624 (дата последнего обращения: 03.02.2014).

7. Злоказов К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки // Политическая лингвистика. 2014а. № 1. С. 265—272.

8. Злоказов К. В. Деструктивность и идентичность личности // Науч. ежег. Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. 2014б. № 1. С. 61—73.

9. Куликов В. Б., Злоказов К. В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 89—92.

10. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2012а.

11. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2012б.

12. Распопин Е. В. Психологическая устойчивость к внешним и внутренним источникам стресса : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Юж.-Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2013.

13. Фомина М. С., Артеменко О. А. Языковая личность как объект изучения психолингвистики // Междунар. журн. экспериментального образования. 2014. № 6 С. 130—131.

14. Osgood Ch. E., Walker Ev. G. Motivation and language behavior: a content analysis of Suicede notes // Journ. of abnormal and social Psychology. 1959. № 59-1. P. 58—67.

K. V. Zlokazov

Ekaterinburg, Russia

CONTENT ANALYSIS OF TEXTS WITH DESTRUCTIVE DIRECTION

ABSTRACT. This paper discusses the method of analysis of texts destructive direction. Sign of such texts is the desire of the author to the destruction of social objects of various sizes, social relations existing in society norms. The problem of content analysis in uncertainty semantics of the text, the impossibility of specifying the destructive direction of the author. To address this category are designated and determined the object and purpose of the process, as elements of the semantic structure of the text destructive direction. Describes the intrapersonal, interpersonal and metapersonal objects of destruction. Presented destructive, deconstructive and reconstructive purpose of the text.

Discusses the results of a content analysis of 116 fragments of texts destructive direction. It was established that destruction of target objects and blended. Destructive goals are characteristic of intrapersonal, deconstructive — interpersonal, reconstructive — metapersonal objects. Destructive goals operationalized and negative-painted and reconstructive — detailed, described as positive.

KEYWORDS: content analysis of the text, suicide, aggression analysis, destructive text, semantic analysis, ways of expressing aggression, destructiveness personality.

ABOUT THE AUTHOR: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy Psychology, the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg).

LITERATURE

1. Antonova, Yu.A. Vozdeystvie kreolizovannogo teksta na soznanie chitatelya (na primere publikatsiy o terroristicheskikh aktakh) / Yu.A. Antonova // Linguistica Juvenis: Sbornik nauchnykh trudov molodykh uche-nykh. Vypusk 7. Yazyk i kul'tura./ Ekaterinburg, 2006. S. 10—16.

2. Borisov P.M. Verbal'naya kharakteristika kontsepta destruktivnoy lichnosti // Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika. — M.: Izd-vo MGOU, 2010. — № 2. — S. 78—92.

3. Volkova Ya.A. Kontseptualizatsiya nenavisti v russkom yazykovom soznanii/Ya.V. Volkova// Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. №4(16). — S.24-32

4. Voroshilova M. B. Fonosemanticheskiy analiz teksta kak instrument ekspertizy ekstremistskogo teksta/Yazyk. Pravo. Obshchestvo: sb. st. 2-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 9-10 apr. 2014 g.)/pod red. kand. filol. nauk. O. V. Barabash, d-ra filol. nauk. T. V. Dubrovskoy, kand. ped. nauk, prof. G. I. Kanakinoy. -Penza: Izd-vo PGU, 2014. S. 56-60.

5. Voroshilova M.B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa /M.B. Voroshilova Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 242-245.

6. Demdoui N.Yu., Denisov Yu.P. «Kontent smerti»: problema propagandy suitsida v russkoyazychnom Internetе/Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 4. URL: www.science-education.ru/110-9624 (дата poslednego obrashcheniya: 03.02.2014).

7. Zlokazov K.V. Vospriyatie ekstremistskogo teksta sub"ektami s razlichnym urovnem destruktivnoy us-tanovki / K.V. Zlokazov//Politicheskaya lingvistika. 2014a. № 1. S. 265-272.

8. Zlokazov K.V. Destruktivnost' i identichnost' lichnosti /K.V. Zlokazov //Nauchnyy ezhegodnik Insti-tuta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2014b. № 1. S. 61-73.

9. Kulikov V.B., Zlokazov K.V. Destruktivnoe povedenie: teoretiko-metodologicheskii as-pekt / V.B.Kulikov, K.V. Zlokazov // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2006. № 3. S. 89-92.

10. Osadchiy M. A. Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Kemerovo, 2012a. -54 s.

11. Osadchiy M. A. Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami. Avtoreferat. ... d-ra filol. nauk. Kemerovo, 2012b. s. 38.

12. Raspopin E.V. Psikhologicheskaya ustoychivost' k vneshnim i vnutrennim istochnikam stressa/avtoreferat diss.... kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.01 / Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. Ekaterinburg, 2013 g. — 24 s.

13. Fomina M.S., Artemenko O.A. Yazykovaya lichnost' kak ob"ekt izucheniya psikholingvistiki // Mezhduna-rodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. — 2014. — № 6 — S. 130-131.

14. Osgood Ch. E., Walker Ev. G. Motivation and language behavior: a content analysis of Suicede notes // Journal of abnormal and social Psychology. 1959. № 59-1b. P. 58—67.

Статью рекомендует канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова
Екатеринбург, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ СЛОВ: ЛЕКСЕМЫ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. Феномен терроризма сделался неотъемлемой частью общественно-политического и научного дискурса. При этом у соответствующего термина отсутствует четкое определение. Актуальная идеология и связанные с ней понятия эксплицируются в словах текущего момента, или актуальных словах, или словах-хронофактах. В последнее время в этом качестве активизировались слова «экстремизм» и «терроризм», семантические вариации которых рассматриваются на примере материалов СМИ. Семантически эти лексемы связаны: в международном праве о терроризме говорится как об одном из проявлений экстремизма. При нетерминологическом использовании эти лексемы часто включаются в состав сочинительного словосочетания, что приводит к прагматическому эффекту, поскольку употребление имен отрицательной семантики в однородном ряду приводит к усилению отрицательных смыслов. В толковых словарях рассматриваемые слова имеют аналогичные дефиниции и предстают однозначными.

Как ключевым словам текущего момента, единицам «экстремизм» и «терроризм» присущи определенные черты. В газетах они часто занимают центральную позицию, т. е. оказываются в заголовках. Эти лексемы регулярно включаются в предложения-дефиниции. Кроме того, рассматриваемым словам свойственна словообразовательная активность. У слова «терроризм» сформировалось богатое словообразовательное гнездо, включающее дериваты разных частей речи. Слово «экстремизм» обладает меньшей словообразовательной активностью. Для лексем «экстремизм» и «терроризм» характерно расширение сочетаемости. Нейтрализуется семантический признак 'деятельность, направленная на физическое и моральное уничтожение человека', актуализируется признак 'крайняя степень'. Терроризм представляется не только как физическое действие, а как речевое сообщение, содержащее угрозу о возможном террористическом акте. Источником терроризма могут быть вербальные средства, которые оказывают сильное воздействие на человека. Кроме того, изменяется сфера функционирования слов. Они употребляются по отношению не только к политике, но и к другим общественным сферам. У значений этих слов появляются новые оттенки: экстремизм — «поведение личности, выходящее за рамки обычного; действия, не соответствующие норме», терроризм — «психологическое подавление противника».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: актуальная лексика; лексикология; политический дискурс; идеологема; ключевые слова текущего момента.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: oamih@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский институт экономики, управления и права; адрес: 620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 194; e-mail: JMikhailova@yandex.ru.

Феномен терроризма стал сегодня чрезвычайно злободневной и популярной темой научных исследований и неотъемлемой частью общественно-политического дискурса. Проблематике террора и терроризма посвящено множество работ в различных областях социальных и гуманитарных наук [см., например: Ермаков 2000; Ермаков 2004; Никулина 2007; Гладковская 2006; Петухов 2007; Грачев 2009; Квасов 2009; Глинчевский 2011; Коломийцева 2012; Замолодская 2013 и др.]. Однако существует определенный парадокс: терроризм является одной из наиболее актуальных мировых социально-политических проблем, но при этом наблюдается терминологическая неопределенность этого понятия, так как исследуется прежде всего сам феномен, а не способы его репрезентации и концептуализации в социально значимых дискурсах, публичной сфере и в области повседневного общения.

Изучение феноменов актуальной идеологии и связанных с ними понятий, выявление закономерностей семантического развития лексики во времени — важная задача для современной лингвистики, ориентированной на сферу коммуникации. К разряду единиц, наиболее ярко фикси-

рующих состояние эпохи, относятся так называемые актуальные слова, «ключевые слова текущего момента» [Шмелева 1993], «слова-хронофакты» [Фомина 1995], т. е. такие единицы, которые в определенный отрезок времени приобретают важное значение, отображая общественно значимые понятия, и благодаря своей актуальной семантике становятся сигналами социального времени, источником информации о политической, экономической и культурной жизни общества. Сфера употребления актуальных слов обширна — от важнейших средств массовой информации (пресса, радио, телевидение) до повседневного разговора.

В основе актуальности слова могут лежать разные причины, но для социально значимых понятий это, прежде всего, причины внеязыковые: «каждый "текущий момент" выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» [Шмелева 1993: 34]. Ключевое слово неразрывно связано с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. Общественно-политическая ситуация новейшего времени

обусловила активизацию слов *экстремизм* и *терроризм*, поскольку проблема экстремизма и терроризма по своему месту в «рейтинге опасности» опередила другие мировые проблемы. По данным экспертов из университета Мэриленда, которые ведут базу данных по совершенным терактам, произошедшим в мире с 1970-го года (<http://www.start.umd.edu/gtd/>), за 43 года в мире произошло более 113 000 террористических актов. В 2013 г. число терактов превысило на 44% количество терактов, совершенных в 2012 г., а число смертей в результате актов терроризма выросло на 61% за этот же период, следует из доклада Института экономики и мира. Будучи острейшим вызовом современному миру, экстремизм и терроризм стал предметом активного обсуждения политологов, публицистов, журналистов, военных и государственных деятелей. Следствием активизации в социальном сознании указанных феноменов является актуализация соответствующих слов, при этом особый статус слова оказывает влияние на его собственно языковую жизнь.

Лексемы *экстремизм* и *терроризм* семантически связаны: в международном праве о терроризме говорится как об одном из проявлений экстремизма. Кроме того, в речи эти единицы часто включаются в состав сочинительного словосочетания, что имеет прагматический эффект, поскольку употребление имен отрицательной семантики в однородном ряду приводит к усилению отрицательных смыслов. Ср.: **Экстремизмом и терроризмом за границей занимаются отдельные подразделения** (Братишка; 15.08.2006); **Экстремизм и терроризм, к сожалению, один из основных политических институтов на Северном Кавказе** (Ведомости; 29.12.2010); **Экстремизм и терроризм классифицируются как зло, с которым необходимо бороться силовыми методами** (Власть (Москва); 31.12.2009); **Мы много говорим об экстремизме и терроризме** (Вечерняя Москва; 16.12.2010); **Тема терроризма и экстремизма в Татарстане, судя по всему, еще долго не покинет повестку дня** (<http://tatcenter.ru/article/132885/>); **Насильственный экстремизм и терроризм — это серьезная проблема, которая касается всего мира** (Российская газета, 20.02.2015). Семантическая близость и контекстуальная смежность лексем *терроризм* и *экстремизм* обусловили выбор этих слов в качестве материала исследования. Ключевое слово неразрывно связано с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. В этом смысле они являются индикаторами социокультурных норм и отношений.

Во всех толковых словарях анализируемые слова имеют аналогичные дефиниции и представлены как однозначные: *Экстремизм* [от латин. *extremus* — крайний] (книжн.) — 'склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущ. в политике'. В специальных словарях [Большой Юридический словарь 2006; Современный политологический словарь 2000] *экстремизм* определяется как деятельность, направленная на физическое и моральное уничтожение человека, а также нарушающая права, свободы и законные

интересы человека и гражданина. Следствием и проявлением экстремизма является терроризм, так как именно терроризм, особенно в политике, является крайней мерой для достижения кем-либо своих целей. *Терроризм* — 'осуществление террора; деятельность и тактика террористов'. Мотивирующая основа *террор* по данным современных словарей полисемантическая: '1. Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения. 2. Перен. Чрезмерная жестокость в отношении к кому-либо; воспитание методом строгого наказания и запугивания'. Во вторичном значении слова теряется идеологическая семантика, происходит расширение значения и слово выходит за пределы общественно-политической сферы. Однако лексемы *экстремизм* и *терроризм* в языковой системе сохраняют только политическую семантику.

В соответствии с лингвистическими параметрами, выявленными Т. В. Шмелевой [Шмелева 1993] и позднее проверенными ею при анализе слова *кризис* [Шмелева 2009], слова *экстремизм* и *терроризм* в полной мере могут быть включены в класс ключевых и актуальных слов сегодняшнего времени по трем аспектам — текстовому, лексическому и грамматическому. Так, они обладают высокой частотностью употребления, которая постоянно растет. Ср. данные за один месяц (апрель) в ресурсе Integrum: со словом *экстремизм* в 2010 г. — 76633 контекста, в 2011 г. — 87520, в 2012 г. — 96993, в 2013 г. — 100004, в 2014 г. — 111163; со словом *терроризм* в 2010 г. — 254645, в 2011 г. — 272756, в 2012 г. — 288792, в 2013 г. — 302885, в 2014 г. — 322616 контекстов.

Лексемы *экстремизм* и *терроризм* в газетных текстах нередко занимают центральную позицию, которую представляют собой заголовки: *СК проверит губернатора Кубани на экстремизм* (<http://www.zagolovki.ru>) *Экстремизм как средство самовыражения* (Вечерняя Москва, 23.06.1998); *Портрет Путина — это экстремизм* (vitki.org); *Терроризм — это личное* (New York Times, 30.11.2008); *Семейный терроризм?* (Новая газета, 11.02.2011); *Рейсовый терроризм* (Ведомости, 31.03.2010); *Вместе против терроризма* (Граница России, 01.01.2012).

Попадая в центр общественного внимания, лексемы *экстремизм* и *терроризм* используются в качестве имени собственного (онима): «Осторожно. *Экстремизм*» — книга Александра Верховского и Маргариты Ледовских; «*Террор*» — роман Дэна Симмонса; «*Террор*» — фильм Ф. Копполы; «*Терроризм. Война без правил*» — роман А. Щербакова, «*Лубянка. Обыкновенный терроризм*» — документальный сериал режиссера Ю. Зайцева.

Текстовой аспект существования ключевого слова проявляется и в типовых высказываниях X — это... Лексемы *экстремизм* и *терроризм* регулярно включаются в предложения-дефиниции, например: *Экстремизм — это «конфликт», на решение которого направлены все ресурсы общества* (agul.etnosmi.ru); *Экстремизм — это то же самое, что и антисоветская деятельность* (newsland.com). *Экстремизм — это страшилка, призывающая оправдать отсутствие демократии* (km.ru); *Экстремизм — это проявление болезни*

общества («Весть» (Калуга), 11.21.2002); Экстремизмом можно назвать всякую крайность, лишённую нравственного начала, крайность на уровне безнравственности (ekstremizm.ru); Терроризм — это идеология устрашения, которое в первую очередь осуществляется через СМИ (Ведомости, 23.04.2010); Терроризм — это американский инструмент (Правая, 14.10.2011).

К числу значимых признаков актуального слова относится его словообразовательная активность. При выдвигании слова в ранг ключевых наблюдается активизация всех его грамматических потенциалов, что проявляется в возникновении новых форм. Чем чаще употребляется слово в речи, тем более широкие возможности открываются у него для образования производных единиц. Расширение словообразовательных связей и деривационная активность наблюдаются в последние годы и у слова *терроризм*.

Словообразовательное гнездо с исходным словом *террор*, в котором представлено 13 производных единиц [Тихонов 1985], обогатилось новыми дериватами разных частей речи. В современных СМИ появились сложные существительные, обозначающие разновидности терроризма: Публикацию научной статьи о возбудителе так называемого птичьего гриппа решили отложить из-за опасений, связанных с биотерроризмом (Медновости, 22.11.2011); Взлом сайтов произошел спустя всего несколько дней после того, как японские власти приняли решение к 2003 году улучшить компьютерную безопасность в стране до уровня стандартов США и начать реализацию рассчитанного до конца 2010 года плана борьбы с «кибер-терроризмом» (Коммерсантъ, 28.01.2000); существительные с уменьшительным суффиксом, подчеркивающие факт омоложения возраста преступников: Юный террористик проявил свой талант и в таком сложном деле (Волгоградская правда, 23.04.2005); Маленькие террористики с мыслями коротенькими-коротенькими, как у Буратино (Щит и меч, 13.03.2003); Ну да, ночью маленькие террористики пойдут спать... (Октябрь, 15.12.2009).

Параллельно с прилагательным *террористический* активно используется новое прилагательное — *террористичный*: Призыв, внимая рассудку, держаться подальше — это одно, а утверждение, что либо ты с властью, либо ты террористичный предатель, — это уже несколько другое (Эксперт, 05.05.2008). И у обоих прилагательных развивается качественное значение, позволяющее образовать краткую форму и степени сравнения: Москва сегодня очень террористична (Брянский рабочий, 09.07.1999); По вашим нынешним представлениям, он был еще террористичнее (Голос Народа, 14.05.2008); В прошлом году эта страна уже заняла первое место как самое террористическое государство планеты (Метро, 05.08.2011).

Частотным является также глагол *терроризировать* и его приставочный дериват *затерроризировать* с грамматическим значением, 'высокая степень действия и его результативность': Хамское поведение животных, свободно разгуливающих по улицам китайского городка и *тер-*

роризирующих жителей (МЕТРО, 07.12.2007.); Однако уже через пару дней постояльцы, *затерроризированные* «потусторонними силами», покинули замок-отель (Коммерческая недвижимость, 01.08.2008.). Как видно из контекстов, глаголы семантически соотносятся со вторым значением мотивирующей основы *террор* 'чрезмерно жестокое отношение к кому-л.', не имеющим политической семы. Об этом свидетельствует семантика субъекта действия: в первом высказывании — *животные*, во втором — *потусторонние силы*. По наблюдениям Л. В. Балашовой, в современных жаргонах и сленге достаточно регулярно используется глагол *терроризнуть* 'попросить, выпросить, заставить кого-либо дать что-либо' [Балашова 2011].

Меньшей словообразовательной активностью обладает слово *экстремизм*: в СМИ встречается лишь разговорная лексема *экстремистка*: В Бишкеке задержали работающую в школе-гимназии экстремистку (Новости Кыргызстана, 20.11.2014); В прокуратуре сказали, что я вовсе не похожа на экстремистку (HeСекретно, Пермь, 01.09.2014), а в интернете встретилось окказиональное употребление *экстремаю* и *буду экстремать!* Вместе с тем прослеживаются изменения словообразовательных связей лексемы *экстремизм* под влиянием внутренней формы. Лексема *экстремизм* этимологически восходит к латинскому *extremus* — 'крайний', как и прилагательное *экстремальный* — 'выходящий из рамок обычного, чрезвычайный (по сложности, трудности, опасности и т. п.)', которое не имеет идеологического компонента, в словарях дается как стилистически ограниченное книжной или специальной сферами употребления, но в речевой практике вышло за их пределы и в последнее время стало частотным. По данным русских словарей этимологически близкие слова *экстремизм* и *экстремальный* входят в разные словообразовательные гнезда (*экстремал*, *экстремальный*, *экстремальность* и *экстремист*, *экстремизм*, *экстремистский*), однако в массовой коммуникации сегодня они употребляются как однокоренные: Какое понятие вы вкладываете в слово "экстремизм"? — Это политика *экстремального решения* [ruscorpora.ru]; Именно из-за того / что ваххабиты вошли в Чечню / то есть ортодоксальный / *экстремальный ислам* вошел в Чечню / он нарушил принцип кровной мести в Чечни / которой там наверняка не было порядка 150—200 лет / она сдерживалась [ruscorpora.ru]; Но чеченский ислам с точки зрения ортодоксального *экстремального ислама* / чрезвычайная ересь [ruscorpora.ru].

Таким образом, деполитизация семантики родственных слов может служить благоприятным фактором для расширения значения существительных *экстремизм* и *терроризм* в речевом употреблении: деривационно-семантические связи открывают для него такие возможности.

Одним из главных и обязательных признаков актуального слова является изменение синтагматических отношений лексемы. Целенаправленное использование языковых средств в массовой коммуникации может формировать новые представления о терроризме и экстремизме. Анализ

складывающихся «сочетаемых привычек» [Шмелева 1993] показал, что в синтагматике слов *экстремизм* и *терроризм* наблюдаются одинаковые тенденции, обусловленные расширением сочетаемости лексем.

Во-первых, наблюдается нейтрализация семантического признака 'деятельность, направленная на физическое и моральное уничтожение человека' и актуальным становится признак 'крайняя степень': *Его политические суждения всегда отличались резкостью, порой даже экстремизмом* (БОСС, 15.01.2001); *Пончик и даже оладью можно назвать пышкой, хотя в случае с оладьей это уже, пожалуй, языковой экстремизм* [ruscorpora.ru]; *Я ушел с проекта, потому что, гоняясь за экстремальностью, организаторы ушли в экстремизм, — говорит Виктор Ерофеев* (Вечерняя Москва, 26.09.2008); *Поэтому есть соблазн незаметно подмигнуть этим ребятам, но остаться в стороне и посетовать на их экстремизм: мол, ваше возмущение понятно, но вы уж слыхом (Ведомости, 25.01.2011); Допущу определенный экстремизм и скажу, что Зурабов — самый коррумпированный министр России* (БОСС, 15.11.2006); *Во времена всеобщей лжи говорить правду — это экстремизм* (Джордж Оруэлл). В приведенных контекстах характеризуемые как экстремизм действия входят в семантические поля «интеллектуальной деятельности» и «речевой деятельности», о чем говорят контекстуальные партнеры *политические суждения, возмущение, посетовать, скажу, проект, можно назвать, языковой, говорить*.

Терроризм также представляется не только как физическое действие, а как речевое сообщение, содержащее угрозу о возможном террористическом акте. Источником терроризма могут быть вербальные средства, которые оказывают сильное воздействие на человека. *Для утверждения самости народа вовсе не требуется лингвистический терроризм* (Эксперт, 28.10.2011); *Оскорбление по национальному признаку, что, на его взгляд, является также признаком «морального терроризма»* (Известия, 06.10.2008). На отсутствие какого-либо физического действия указывают и следующие контексты: *Москву захлестнула волна телефонного терроризма* (Известия, 05.12.2010); *В Госдуму внесен законопроект, ужесточающий наказание за телефонный терроризм* (Известия, 26.09.2011); *Главный санитарный врач отвечал ему обвинениями в информационном терроризме* (Коммерсантъ, 14.02.2011). Телефонный терроризм становится каналом передачи речевых сообщений, несущих угрозу объекту. Таким образом, происходит семантический сдвиг в значении, в фокус попадает угроза. В подобных случаях в лексеме *терроризм* появляется сема 'воздействие, направленное на подавление противника', и можно говорить, на наш взгляд, о развитии нового оттенка значения «психологическое подавление противника».

Во-вторых, изменяется сфера функционирования слов. Это уже не только политика, но и любая другая сфера жизни общества, будь то спорт, искусство, образование, экономика или даже внутренний мир человека. В следующем примере —

Кстати, никто и не ожидал никаких взрывов экстремизма от Сен-Лорана, зато старичок всегда показывает класс (Вечерняя Москва, 01.02.2001) — имя французского модельера маркирует сферу употребления слова — это мир высокой моды. Ср. также: ... в Кремле неожиданный **налоговый экстремизм** вице-преьера вызовет обратную реакцию (Известия, 10.04.2003); *Отсюда «экстремизм» конструкторов, их стремление в максимальной степени использовать имеющиеся в распоряжении передовые технологии* (Вестник авиации и космонавтики, 09.08.2000); *Это такой сатирический кампусовый роман об университетских нравах и комичных проявлениях литературоведческого экстремизма* (Афиша; 06.12.2004); *И это сближение не поверхностное — эстетический экстремизм такого градуса и такого качества («Безумной прихоти певца»), отличавший обоих в их современности и коренившийся в историческом отчаянии...* (С. Г. Бочаров. Литературная теория Константина Леонтьева); *В Екатеринбургe появился туристический экстремизм* (Новый регион, 03.15.2006). Экстремизм не только распространяется на все сферы жизни человека, но и затрагивает его личное, интеллектуально-духовное пространство: *Мы не приемлем дилетантизма и интеллектуального экстремизма* (Власть, 21.01.2004); *Мировоззренческий экстремизм в различных своих формах* (Вестник Мэра и Правительства Москвы, 16.12.2002); *Религиозная экспансия или духовный экстремизм?* (Вестник образования, 30.09.2009); *Потребительский терроризм и экстремизм* (http://kasko-vse.ru/potrebitelskiy_terrorizm). В молодежном жаргоне *экстремизм* — это определение всякой острой ситуации: *Крайние куски — это же экстремизм, в них больше всего паразитов, правильно?* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме).

Терроризм как явление также существует в самых разных социальных сферах: семья, школа, медицина, экономика, политика, власть. Например: *Ко мне обратились жильцы дома 14 по Селигерской улице: «Корреспондент, напиши про эту страшную напасть XXI века — звуковой терроризм!»* (Вечерняя Москва, 12.07.2011); *Она сама позвонила туда в поисках пристанища и защиты от домашнего терроризма* (Липецкая газета, 02.03.2012); *Семейный терроризм — редкость для России; В качестве примера «бытового терроризма» С. Суховеев привел женщину, которая пыталась многочисленными ложными сообщениями отомстить своему бывшему мужу* (РБК, Санкт-Петербург, 04.02.2011). Исполнителями и жертвами терроризма в бытовой сфере являются родственники, близкие друг другу люди, соседи, при этом методы воздействия могут быть как физические, так и вербальные.

Опираясь на семантику определений-прилагательных, можно выделить сферы проявления терроризма, связанные с профессиональной деятельностью. Например: *Во всей стране процветает медицинский терроризм* (Ветеран, 17.08.2010); *Список лиц, причастных к экономическому терроризму* (Новые известия, 14.02.2011); *В России за последние два-три года на*

смену так называемому «школьному терроризму» пришли ложные сообщения о взрывных устройствах, которые делаются из «бытовых, меркантильных интересов» (РБК, Санкт-Петербург, 04.02.2011); *Футбол давно уже стал частью большой политики. Россию решили проверить на футбольный терроризм* (РБК Daily, 02.06.2008); *Все понимают, что гораздо хуже законодательный терроризм* (Московская правда, 08.02.2011). Примеры свидетельствуют о проникновении терроризма во все сферы жизни, о его широком распространении, о том, что терроризм является способом достижения не только политических целей.

Из-за регулярности террористических актов в метро, в общественном транспорте, в самолетах, а также взрывов личных автомобилей политических и государственных деятелей выделяется особая сфера транспортного терроризма: *Транспортный терроризм в новом фильме Тони Скотта* (Коммерсантъ, 31.08.2009).

Употребление лексем *экстремизм* и *терроризм* в известной мере обуславливается, как нам кажется, категориями идентичности и чуждости, сводимыми к оппозиции свой/чужой, ср.: *Социальной базой экстремизма выступают группы...* (Власть, 29.11.2001). Идентификация себя в социальном пространстве проявляется в том, что какое-либо лицо очерчивает «свой круг», ограничивая себя от другого по какому-либо идентификационному фактору, при этом противопоставление свой/чужой создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании [Михайлова 2004]. Ограничение «своего круга» и, как следствие, проявление экстремизма по отношению к «чужим» осуществляется по разным основаниям — этнической, социальной или гендерной принадлежности, возрасту, профессии и др. В соответствии с этой матрицей признаков экстремизм также дифференцируется, ср.: *«Меджлис» отвергает любые формы экстремизма — политического, национального, религиозного* (АиФ, 06.07.1999). Приведем примеры из СМИ.

Спонтанный всплеск католического экстремизма отразил затаенное неприятие предшествующей королевской политики (Вокруг света, 15.01.2003); *...весьма заметную роль сыграл религиозный экстремизм...* (Pro et Contra, 15.09.2000); *Господствующая религия (в случае России — православное христианство) лишена выраженного экстремизма* (Pro et Contra, 15.07.2012); *При этом круг обсуждаемых вопросов во многом ограничен мерами по противодействию мусульманскому экстремизму...* (Большой Бизнес, 08.07.2005); *В середине девяностых там поднялась очередная волна исламского экстремизма* (Афиша, 26.11.2010). *Государственный мультикультурализм порождает исламский терроризм* (Известия, 06.10.2011). Чаще всего терроризм связывают с восточными культурами, с исламом. Однако контексты показывают, что сейчас терроризм характерен и для европейской культуры, и для христианства: *Оказалось, что европейский терроризм ничем не лучше, не гуманнее терроризма азиатского, исламского* (Комсомольская правда, 17.08.2011); *Христианские террористы* (Российская газета,

25.09.2010).

Таким образом, современный экстремизм и терроризм не имеют конкретного места, они возникают и проявляются везде и всюду, существуют в разных сферах деятельности, расширяются до границ государства и пересекают границы.

Экстремизм и терроризм различаются по национальному признаку: *Борется с налоговиками и с кавказским экстремизмом...* (Афиша, 20.08.2001); *... связано с разгулом бандитизма и коррупции, а теперь еще и чеченским экстремизмом...* (Братишка, 15.02.2004); *Говоря об исламском и христианском, китайском, индийском, российском экстремизме...* (Власть, 25.12.2000). *Иракский терроризм не менее опасен* (Ведомости, 23.12.2009). *Кавказский терроризм имеет в основе не традиционные для региона формы ислама* (Вестник Европы, 18.09.2010); *..и борьбы с «джихадским» терроризмом* (Дагестанская правда, 07.10.2009); *Название — калка с впечатлившего Ван Сэнта документального фильма о североирландском терроризме* (Известия, 14.05.2011); *Костенко объяснил феномен украинского терроризма* (Ведомости, 28.12.2010).

Основанием идентичности для проявления экстремизма нередко становится гендерный фактор: *Чисто женский экстремизм* (Вечерняя Москва, 06.04.1999); *Гендерный экстремизм среди мужчин* (Ведомости, 19.01.2012). *Ведь есть же опыт проживания одного мужчины со многими женщинами в мусульманских семьях / где ради счастья детей женщины мирятся и не проявляют свой женский экстремизм и жадность / простите за грубость (ruscorpora.ru).*

Важное место в идентификационной матрице личности занимает возрастная (поколенческая) идентичность, лежащая в основе экстремизма: *Порой, правда, творят себе кумиров на час, но быстро опоминаются (болезни подросткового экстремизма сознательно «вывожу за скобки»)* (Вечерняя Москва, 17.07.2008); *Конечно, по звуку, по течению мысли, по взгляду на жизнь (если не считать его старческий экстремизм) мне ближе Толстой* (Вопросы литературы, 14.07.2002); *Ради лучшей профилактики молодежного экстремизма, полагает единокорос Михаил Гришанков...* (Ведомости, 19.07.2010); *Неокрепшую молодежь привлекает в граффити художественный экстремизм, выражающийся в конфликте с обществом* (Вечерняя Москва, 07.03.1998).

Расширение семантики анализируемых слов происходит и за счет исключения семы включенного объекта [Михайлова 1998], изменения объекта насилия и разрушения. В современном мире объектом терроризма и экстремизма является не столько политический враг (противник), как отмечено в [Ожегов, Шведова 1992], и не широкие народные массы, которые указаны в [Толковый... 2005], сколько обобщенный, неконкретизированный объект. Неопределенность объекта, его всеобщий характер концентрированно выражены в следующем контексте: *Просто это такой анархический терроризм против всех и всего: против государства, против существующей власти, против страны* (Ведомости, 16.05.2011).

Расширение синтагматических связей лексем *экстремизм* и *терроризм* приводит к расшире-

нию и самих понятий. Сейчас экстремизм и терроризм связаны не только с политической сферой, но практически со всеми сферами повседневности. Объектом экстремизма и терроризма в современном мире становится обыкновенный человек. Изменение сочетаемостных связей привело к модификации первичных значений лексем *экстремизм* и *терроризм*. Можно говорить о появлении нового оттенка значения у слова *экстремизм* — «поведение личности, выходящее за рамки обычного; действия, не соответствующие норме», а у слова *терроризм* — «психологическое подавление противника».

Семантическая трансформация слов, которые называют волнующие людей явления, сопровождается общей тенденцией утраты четкого значения и приобретения ими эмоциональной оценки, навязываемой читателям СМИ. По словам З. Е. Фоминой, «семантическое содержание слов-хронофактов составляют главным образом экспликации какой-либо эмоции говорящего, возникающей в связи с фактом квалификации той или иной реалии окружающего мира» [Фомина 1995: 210].

Границы понятий *экстремизм* и *терроризм* размываются до такой степени, что соответствующие лексемы обозначают не преступление, а любое действие, поступок, совершаемые теми, кто не принадлежит к «своему кругу», является «чужим». При этом актуализируется оценочная семантика, и коннотация подавляет денотативное значение. Подобное явление отметил Джордж Оруэлл в связи со словом *фашизм*, которое в современном употреблении «не имеет собственного значения, а всего лишь подразумевает "что-то нежелательное"» [Оруэлл 2006: 286].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах // Политическая лингвистика, 2011, №4 (38). С. 34—43.
2. Большой Юридический словарь / под ред. Сухарева А. Я. — М.: Инфра-М, 2006.
3. Гладковская Е. С. Журналистский дискурс терроризма (сравнительный анализ публикаций в качественной прессе России и США): дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
4. Глинчевский Э. И. Вербализация концепта "международный терроризм" в русском и английском языках: на материале медиатекстов: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.

5. Грачёв Г. В. Роль языковых средств в формировании представлений о терроризме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2011.
6. Ермаков И. П. Политический экстремизм и религия // Власть. 2001. № 12. С. 58—60.
7. Ермаков С. М. Понятийные аспекты терроризма. — М.: Юнити. 2004.
8. Замолодская О. М. Социально-философский анализ истории понятия "террор/терроризм": автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2013.
9. Квасов О. Н. Террористический дискурс в начале XX и XXI веков // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №1. С. 206—209.
10. Коломийцева О. Ю. Номинативные поля с семантическими центрами «терроризм» и «террористы» в газетном дискурсе ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2012.
11. Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург, 2004. С. 15—26.
12. Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.
13. Никулина И. В. Проблема терроризма в дискурсе СМИ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Нижний Новгород, 2007.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1992.
15. Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. Вып. 20. — Екатеринбург, 2006. С. 280-294.
16. Петухов В. Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. — М.: ЛКИ, 2007.
17. Современный политологический словарь / В. И. Даниленко — М.: Nota Bene, 2000.
18. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1985. Т. 2.
19. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / под редакцией Г. Н. Складневской — М.: АСТ, 2005.
20. Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. — Волгоград: Перемена, 1995. С. 207—215.
21. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. No 1. С. 33—41.
22. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 28. — Екатеринбург, 2009. С. 63—68.

O. A. Mikhailova, Y. N. Mikhailova
Ekaterinburg, Russia

SEMANTIC VARIATIONS OF URGENT VOCABULARY: LEXEMES EKSTREMIZM AND TERRORIZM IN MODERN RUSSIAN

ABSTRACT. *The phenomenon of terrorism has become an integral part of socio-political and scientific discourse. Still there is no clear cut definition of this term. Urgent ideology and the notions connected with it are explicated in the words of the present time, or urgent words, or chrono-words. The Russian words "ekstremizm" and "terrorizm" have been actively used recently as such words; semantic variations of these words are studied in the given article on the material of mass media texts. These lexemes are semantically close to each other: international law treats terrorism as a manifestation of extremism. In non-terminological usage, these lexemes are often included in coordinating phrases, which produces a pragmatic effect, because the use of words with negative meanings in a homogeneous sequence brings about intensification of the negative semantics. In explanatory dictionaries the words under study have similar definitions and are referred to as close in meaning.*

As words of the present time, the units "ekstremizm" and "terrorizm" possess certain characteristic features. In papers, they often occupy the key position, i.e. they are found in headlines. These lexemes are often included in sentences-definitions. What is more, the words under consideration display high word-building activity. The word "terrorizm" has developed a rich word-building paradigm, including derivatives in various parts of speech. The word-building activity of the lexeme "ekstremizm" is not so high. The lexemes "ekstremizm" and "terrorizm" are characterized by expanding combinability. The semantic mark "activity aimed at physical and moral destruction of a person" is neutralized, and the semantic property of "the highest degree" is actualized. Terrorism is presented not only as a physical action, but also as a speech communication, containing a threat of a possible terroristic act. Verbal means, which have a strong impact upon a person, can be a source of terrorism. Above all, the sphere of functioning of these words is also changing. They are being used not only in relation to politics, but to other social spheres as well. The meanings of these words develop new shades: with "ekstremizm" these are "person's unconventional behavior; actions not conforming to the norm" and with "terrorizm" – "psychological suppression of the opponent".

KEY WORDS: topical vocabulary; lexicology; political discourse; ideologeme; key words of the present time.

ABOUT THE AUTHOR: *Mikhaylova Olga Alekseyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Mikhailova Yulia Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural Institute of Economics, Management and Law, Ekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Balashova L. V. *Prezidentnye fenomeny politicheskogo diskursa v sovremennykh russkikh sotsiolek-takh // Politicheskaya lingvistika*, 2011, №4 (38). S. 34—43.

2. *Bol'shoy Yuridicheskii slovar' / pod red. Sukhareva A. Ya. — M. : Infra-M, 2006.*

3. Gladkovskaya E. S. *Zhurnalistskiy diskurs terrorizma (sravnitel'nyy analiz publikatsiy v kachestvennoy presse Rossii i SShA): dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2006.*

4. Glinchevskiy E. I. *Verbalizatsiya kontsepta "mezhdunarodnyy terrorizm" v russkom i angliyskom yazy-kakh: na materiale mediatekstov: dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2007.*

5. Grachev G. V. *Rol' yazykovykh sredstv v formirovaniy predstavleniy o terrorizme: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2011.*

6. Ermakov I. P. *Politicheskii ekstremizm i religiya // Vlast'*. 2001. № 12. S. 58—60.

7. Ermakov S. M. *Ponyatiynye aspekty terrorizma. — M. : Yuniti. 2004.*

8. Zamolodskaya O. M. *Sotsial'no-filosofskiy analiz istorii ponyatiya "terror/terrorizm": avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — M., 2013.*

9. Kvasov O. N. *Terroristicheskii diskurs v nachale XX i XXI vekov // Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2009. №1. S. 206—209.

10. Kolomytseva O. Yu. *Nominativnye polya s semanticheskimi tsentrami «terrorizm» i «terroristy» v gazetnom diskurse FRG: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Samara, 2012.*

11. Mikhaylova O. A. *Tolerantnost' v rechevoy kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticheskie i eticheskie*

osnovaniya // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii / Otv. red. N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. — Ekaterinburg, 2004. S. 15—26.

12. Mikhaylova O. A. *Ogranicheniya v leksicheskoy semantike: Semasiologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1998.*

13. Nikulina I. V. *Problema terrorizma v diskurse SMI: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. — Nizhniy Novgorod, 2007.*

14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Az", 1992.*

15. Oruell Dzh. *Politika i angliyskiy yazyk // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 20. — Ekaterinburg, 2006. S. 280-294.*

16. Petukhov V. B. *Informatsionnyy diskurs terrorizma v kontekste khudozhestvennoy refleksii. — M. : LKI, 2007.*

17. *Sovremennyy politologicheskii slovar' / V. I. Danilenko — M. : Nota Bene, 2000.*

18. Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1985. T. 2.*

19. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya / pod redaktsiyey G. N. Sklyarevskoy — M. : AST, 2005.*

20. Fomina Z. E. *Slova-khronofakty v yazyke politicheskikh tekstov // Yazyk i emotsii. — Volgograd: Peremena, 1995. S. 207—215.*

21. Shmeleva T. V. *Klyucheveye slova tekushchego momenta // Collegium. 1993. No 1. S. 33—41.*

22. Shmeleva T. V. *Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 28. — Ekaterinburg, 2009. S. 63—68.*

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111'271
ББК ШП43.21-5

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Ф. Лунц

Уэст-Хартфорд, США

Пер. с англ. З. К. Темиргазиной, Г. А. Хамитовой

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой перевод одной из глав американского бестселлера «*Words that work*» («Слова, которые работают») Франка Лунца. Автор на многочисленных примерах политических и рекламных слоганов демонстрирует действие десяти правил эффективного общения, разработанных и сформулированных им для политической и рекламной коммуникации. Правила культурно детерминированы, и их применение обеспечивает максимальную степень влияния на аудиторию — избирателей и потребителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правила эффективного общения; политическая коммуникация; рекламный слоган; целевая аудитория.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лунц Франк, доктор политических наук, адъюнкт-профессор Пенсильванского университета (1989—1996).

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан); адрес: 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru..

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Хамитова Гульмира Абуовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики иностранных языков и перевода, Инновационный Евразийский университет (Павлодар); адрес: 143000, Казахстан, г. Павлодар, Ломова, 45; e-mail: gkhamitova@mail.ru.

Правило 6

Звук и мелодика имеют значение

Звук и мелодика речи должны быть такими же запоминающимися, как слова. Строки, которые начинаются с одной буквы, одного звука запоминаются лучше, чем случайный набор звуков. Пять первых правил эффективного общения соответствуют этому правилу (*simplicity, brevity, credibility, novelty*), так как заканчиваются на один и тот же звук.

Фраза «*Snap, Crackle, and Pop*» сразу вызывают в памяти не только образ рисовых хрустяшек (*Kellogg's Rice Krispies*), но и звук самого знака. Названия некоторых наиболее узнаваемых брендов даже не содержат слов. Более чем полвека назад сначала на радио, а затем на телевидении NBC анонсировало сетевую программу с тремя отличительными звуками: *G-E-C* (начальные буквы материнской компании «General Electric»). Слоган *Intel Inside* содержит такое же запоминающееся за счет четырех слогов название.

Звуки музыки имеют магическую силу, превосходящую силу языка. В то время как большинство телевизионных сценаристов сначала создают слова, а затем музыку, Аарон Соркин подходит к этому процессу несколько иначе: «Сначала должна быть музыка, которую я слышу во время вождения автомобиля, и затем я думаю таким образом: „Я хочу описать место, откуда идет эта музыка“ или „Это музыкальное произведение должно быть там, где мы сейчас работаем“».

Ритм языка сам по себе музыкален, даже если нет мелодии.

Обращение к чувству новизны у людей в рекламе «Алка-Зельтцер» «*Plop, plop, fizz, fizz, oh what a relief it is*» является хорошим тому примером. Ритм все еще держится в голове у людей, даже если реклама не звучала уже полвека. Рекламная кампания Баунти «*Quicker picker upper*» в 70-х гг. XX в., возможно, искадила английский язык, но эти три слова вместе звучат органично. То же самое можно сказать об аллитерации в начале слогана «M&M's»: «*Melts in your mouth*», что позволяет надолго удержать его в памяти.

Другой подход заключается в намеренном нарушении правил языка. Появившийся на билбордах и в печатной рекламе с фотографией Альберта Эйнштейна слоган компании «Мак» («Mac») «*Think different*» считается грамматическим искажением (должно быть *Think differently*), но компания приняла мудрое решение использовать этот короткий, мощный звуковой слоган, и при этом ей пришлось нарушить правила грамматики. Таким же образом привлекает внимание последний слоган «Макдоналдс» «*i'm lovin' it*», который выделяется строчными буквами, несмотря на начало предложения, и тем, что ни в одном словаре вы не найдете слово *lovin'*. Но сам слоган напрямую обращен к тому, что чувствуют потребители по поводу продукта, и броская игра слов стала важным фактором в повышении доходов компании после нескольких лет стагнации по продаже продукции. «Бургер кинг» (*Burger King*) идет своей дорогой, «Макдоналдс» («*McDonald's*») — своей.

Окончание. Начало перевода было опубликовано в предыдущем номере: Лунц, Ф. Десять правил эффективного общения / Ф. Лунц ; пер. с англ. З. К. Темиргазиной, Г. А. Хамитовой // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 256—261.

© Лунц Ф., 2015

© Темиргазина З. К., Хамитова Г. А., пер. на рус. яз., 2015
258

Правило 7

Говори с воодушевлением

В послании должно быть то, что люди хотят услышать. Это одна из тех областей, в которых политики часто имеют преимущество перед корпоративным сообществом. Действительно, трудно создать язык рекламы, который затронул бы людей на базовом, примитивном уровне, обращаясь к их потаенным надеждам, страхам и мечтам. Существует мало продуктов или услуг, которые имеют такое важное значение, как, например, аборт, иммиграция, налогообложение и другие темы, к которым обращаются политические деятели.

Ключом к языку для товаров или политиков является персонафикация и гуманизация послания, для того чтобы создать у потребителей эмоциональную память. Как однажды сказал Уоррен Битти, возможно, лучший специалист в области изучения проблем внутреннего состояния человека (*human conditions*), люди могут забыть, что вы сказали, но не забудут, какие чувства вы у них вызвали. Если слушатель может использовать язык для описания общей ситуации или состояния человека, то вы достигли гуманизации (*humanization*). Если слушатель может связать язык со своим личным жизненным опытом, то это персонафикация (*personalization*).

Приведем наиболее яркие примеры использования гуманизации и персонафикации в политической сфере. Когда Мартин Лютер Кинг (*Martin Luther King, Jr.*) произнес слова «*I have a dream*» в единственной великой вдохновляющей речи современной эпохи, он обращался к надеждам и мечтам всех американцев — желанию быть принятым не по тому, как мы выглядим, а по тому, что мы из себя представляем.

В рекламе продуктов больше барьеров. Потребители хотят видеть в рекламе себя и получить наибольшую выгоду для себя от использования товара. Они хотят идентифицировать себя с людьми в рекламе подобно тому, как вы иногда отождествляете себя с коллегой по работе или с учителем.

Язык рекламы не продает товар как простой инструмент или как элемент, который служит определенным ограниченными целям. Он продает вас — вас, тех, какими вы станете, если будете использовать этот товар: умнее, сексуальнее, солнечнее... Это не связано с созданием ложных ожиданий, что понизило бы доверие покупателей. Это касается поощрения слушателя послания, чтобы он/она захотели чего-то лучшего.

Следующим шагом будет доставка этого товара покупателю. Например, слоган компании «Олей» («*Olay*») «*Love the skin you're in*» говорит о самосовершенствовании — факторе, воодушевляющем многих женщин. Компания говорит женщинам об уважении к себе, к тому, кем они являются на самом деле, и советует стараться выглядеть естественно с помощью продукции «Олей», вместо того чтобы пытаться скрыть свой натуральный вид под слоями косметики. Таким же образом рекламная кампания «Лореаль» («*L'Oreal's*») «*because you're worth it*» ориентируется на женщин, готовых расширить свои возможности и имеющих смелость вкладывать в се-

бя. Путем размещения красивых, но выглядящих натурально женщин в телевизионной и журнальной рекламе потребителям показывают их же самих — а не недостижимых моделей — выглядящими привлекательно и чувствующими уверенность в себе.

Недавняя рекламная кампания «Де Бирс» (*De Beers*) имела слоган «*A diamond is forever*». Вместо использования традиционного слогана о любви и обязательствах «Де Бирс» пошла на шаг дальше: она предложила вечность. Алмаз является не только ценным и дорогим украшением, он бессмертен, но не только сам по себе: бессмертны связи и отношения, которые он символизирует — и это то, что ты можешь получить, приобретаая алмаз.

Опыт также может быть вдохновляющим. Когда президент Дж. Кеннеди бросил молодым американцам призыв участвовать в работе Корпуса мира, его послание не было связано с практической деятельностью — рытьем колодцев, распределением медикаментов или обучением жизненным навыкам. Его послание было намного шире: оно касалось того, что Корпус мира символизировал собой и что это значило для слушателя как личности в случае присоединения к этому движению. Таким же способом вдохновляющий рекламный язык встраивается в идеализированный образ людей, показывая им картину мира других людей, лучшую жизнь, о которой они мечтают, жизнь, которую, кажется, невозможно достичь, но которую соответствующий товар поможет понять.

Так как большой процент потребительских операций совершают женщины, то наиболее успешный вдохновляющий язык направлен на эту целевую аудиторию. Рекламная кампания чешской зубной пасты «*Look ma, no cavities*» представляла мечту каждой матери, так же как слоган «*Calgon, take me away*», который, хотя и кажется устаревшим сегодня, прозвучав впервые, вызвал вдохновляющий настрой у покупателей.

Возможно, самым запоминающим примером вдохновляющего языка в политике является высказывание Ф. Рузвельта «*The only thing we have to fear is fear itself*» и слова президента Д. Кеннеди «*Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country*». Оба высказывания призывают к наиболее идеалистическим концептам американцев в восприятии себя. Но более важным является тот факт, что оба эти высказывания одновременно являются и напоминанием. Каждый президент напоминает о том, о чем говорил А. Линкольн, т. е. о «лучших ангелах» в природе американцев. Ораторы выражают уверенность в храбрости американцев (Ф. Рузвельт), их самопожертвовании и патриотизме (Дж. Кеннеди), а затем побуждают к дальнейшим действиям.

Психологически эти фразы похожи на те, что говорят родители своим детям: «Ты сможешь это сделать, я верю в тебя». И Ф. Рузвельт, и Дж. Кеннеди льстили нам тем, что показывали свою веру в нас, вызвали в нас потребность подняться над проблемами и стать лучше. Таким же образом хорошая реклама, но в меньшей степени, выполняет эту задачу. Они делают нас всех идеалистами.

Правило 8 Визуализируй!

Вообрази яркую картинку. От рекламы «M&M's» «*Melts in your mouth not in your hand*» до рекламы «Morton Salt» «*When it rains, it pours*» и NBC «*Must See TV*». Эти слоганы мы помним всю жизнь, и почти всегда помним сопровождающий их визуальный ряд, который мы иногда видим, иногда даже чувствуем. Знаменитая фраза «*You're in good hands*», созданная в 1956 г., сопровождалась картинкой, на которой были изображены две соединенные ладони как напоминание людям о миролюбивом отношении друг к другу.

В последнее время все больше компаний в надежде продать свой товар используют слоганы, подкрепленные визуальным рядом. Один из таких товаров, продукт компании «General Mill's» «Cinnamon Toast Crunch», имеет вкус, «который ты видишь» — «*taste you can see*». Слоган намекает на реальные кристаллики сахара и корицы, видимые на хрустящей корочке, одновременно подразумевая, что вкус злака такой же неповторимый, и можно совершить невообразимое и увидеть его.

Другая компания, использующая визуальные слоганы, — это компания Dodge. Даже если не у всех вождение грузовика ассоциируется с тем, как барана хватают за рога, визуальный слоган «*Grab life by the horns*» подразумевает, что когда вы ведете автомобиль марки «Dodge Ram», вы совершаете нечто активное, мощное. И это именно то, чего хотят владельцы грузовиков и чего они ожидают от своего транспортного средства.

Неэффективная визуализация может повредить даже самому популярному продукту. Спросите об этом у производителей «Infiniti», одного из лучших автомобилей за последние двадцать лет, совершивших неверный ход и сделавших свой автомобиль графически невидимым. В то же время компания «Lexus» использовала в рекламе противоположный прием, создав очень удачный визуальный ряд.

Фирма «Lexus» оказалась первой с традиционной рекламной кампанией, в которой новая машина ехала по дороге вокруг слогана «*The relentless pursuit of perfection*». Солидно, но не зрелищно. В ответ «Infiniti» отказалась использовать слоган и продемонстрировать автомобиль. Nissan, производитель «Infiniti», создал целую серию из девяти реклам, которые иллюстрируют фантазии потенциальных водителей.

Рекламная «фантазийная» кампания была отступлением от типичной рекламы автомобиля, так как была основана на японской, а не американской интерпретации роскоши, в основе которой была духовность, доверие и релевантность. Если рекламная кампания «Lexus» была наполнена фактами типа «*European luxury car tradition*» и прекрасным визуальным рядом из изображений автомобиля, то реклама «Infiniti» была более туманной, показывающей чистое небо, деревья, капли воды, а не просто автомобиль.

Вместо того чтобы генерировать огромные цифры продаж нового авто, «Nissan» выработала «коммуникативную формулу провала»: абсолютно неузнаваемый дизайн автомобиля + плохо исполненная реклама = отсутствие визуализации.

За несколько месяцев «Nissan» потратил больше времени на защиту своей рекламной кампании, чем на питчинг своих автомобилей.

Но в визуализации слова так же значимы, как и образы, и только одно слово в английском языке автоматически запускает процесс визуализации при одном его упоминании, потому что имеет 300 миллионов уникальных, индивидуальных, персональных проявлений для того, чтобы соответствовать 300 миллионам американцев. Это слово — *imagine*. Будь это автомобиль твоей мечты или кандидат твоего выбора, слово *imagine*, пожалуй, единственное мощное средство коммуникации, так как оно позволяет людям рисовать ту картинку, которая имеется у них в сердце и в душе.

Я хочу привести один интересный пример мощного влияния слова *imagine*. Гарольд Форд-младший, член конгресса от штата Теннесси, который был одарен бархатистым стилем и интеллектом больше, чем большинство политиков, был удостоен чести произнести приветственную речь на демократическом национальном съезде, выдвинувшем А. Гору. Будучи тридцатилетним человеком, Г. Форд был одним из основных молодых докладчиков, и поэтому команда А. Гора назначила спичрайтером Кенни Байера для того, чтобы быть уверенным в «правильном» выступлении Г. Форда. И меня, и конгрессмена, и спичрайтера объединяло одно: мы все были в Пенсильванском университете в одно и то же время — они были студентами, а я — преподавателем. Я лично знал их обоих почти в течение десяти лет, и этот опыт совместной работы должен был быть для нас позитивным.

Я наткнулся на Г. Форда и его помощников в вестибюле отеля за сорок восемь часов до его национального дебюта. Они попросили меня взглянуть на речь, которую подготовила для него команда А. Гора, потому что они почувствовали, что речь написана не в его стиле, и команда А. Гора игнорировала все попытки коренных изменений этого проекта. Я поднялся в свой номер, чтобы посмотреть речь.

То, что я увидел, потрясло меня. Речь была настолько фанатичной, политически негативной, что вообще не соответствовала личности Гарольда Форда. Классовая борьба. Богатые против бедных. Кто что-то имеет, тот против того, кто не имеет ничего. Жадность против добродетели. Добро (демократы) против зла (республиканцы). Речь рисовала картину упрощенного, черно-белого мира. Если бы Г. Форд прочитал ее так, как она была написана, он бы выглядел как разрушитель: сплошная политика, никакого видения проблемы.

Когда Г. Форд вернулся, я сказал ему, что мне не нравится эта речь, так как она не отражает того, кем он является. Она звучала бы чуждо из его уст. Он должен был говорить о позитивном и воодушевляющем. И поэтому я порекомендовал ему создать образ вокруг слова *imagine*. Удивительно, но это было в первый раз, когда я посоветовал использовать это слово в политике, для демократов.

Команде Байера и Гора переделанная речь не понравилась, потому что она не имела разру-

шительного эффекта. Наоборот, она была позитивной и утверждающей, содержательной и свободной от партизанской снайперской стрельбы. В ней даже не упоминалось имя Д. Буша. К счастью, Г. Форд настоял на своем. Сегодня вы сами можете решить, является ли речь Г. Форда словами, которые работают.

Перед нами стоит выбор не того, какую Америку мы будем иметь в следующие четыре года, а какую Америку мы будем иметь в следующие сорок лет.

Представьте себе на минутку сильную экономику, свободную от долгов, где каждый американец может разделить американскую мечту.

Представьте себе такую систему здравоохранения, где каждый американец получает то лекарство, которое ему/ей необходимо, и от высокопоставленного чиновника не зависит, купить ему продукты или заполнить рецепт.

Представьте себе такое общество, которое относится к высокопоставленным чиновникам с таким уважением и почетом, которое они заслужили.

Представьте себе народ, у которого чистые побережья и чистая безопасная вода.

Представьте себе мир, в котором мы даем своим детям первоклассное образование.

Ну что, Америка, настало время прекратить воображать. Сегодня вечером я призываю всех республиканцев и независимых друзей присоединиться к нашему крестовому походу, присоединиться к тому, чтобы сделать наши смелые фантазии реальностью.

Рецензенты программной речи Г. Форда были непреклонны. Фред Барнс и Морт Кондраке, комментаторы «Фокс ньюс», назвали Г. Форда «восходящей звездой», предположив даже, что имя тридцатилетнего политика когда-нибудь украсит членский билет Демократической партии. Консервативный комментатор Шон Ханнити аплодировал речи так же, как и Майкл Барон, пишущий для «U.S. News&World Report», и даже лидер республиканцев Дэвид Драйер дал благоприятный отзыв о речи. Все получили высокую оценку — все, за исключением команды А. Гора. Райн Лизза так написала об этом в «The New Republican»: «Обычно массмедиа пишут хвалебные речи о тридцатилетнем чернокожем демократе с Юга, который представлял будущее партии. За кадром, тем не менее, помощники А. Гора не очень достойны похвалы».

Правило 9

Задавай вопросы

Это прямой эфир или это «*Memorex*»? Куда ты хочешь идти сегодня? («*Microsoft*»). Ты слышишь меня сейчас? («*Verizon Wireless*»)

«*Got Milk?*» — этот рекламный лозунг, пожалуй, самый запоминающийся за последнее десятилетие. Ее создатель интуитивно осознал, что иногда важно не то, что ты говоришь, а что ты спрашиваешь. Фраза, оформленная в виде риторического вопроса, может иметь большее влияние, чем простое утверждение. Если уровень инфляции и уровень безработицы повышается, а вера в будущее падает, говорить избирателям, что жизнь становится хуже, когда это и так понятно, менее эффективно, чем задать избирателю

вопрос: «Тебе сегодня лучше, чем было четыре года назад?». Рональд Рейган спросил об этом Джимми Картера на предвыборных дебатах в 1980 г., и десятки миллионов слушателей услышали этот разрушительный вопрос. Никакое перечисление экономических данных или политическое обвинение не имеет такой силы, как простой риторический вопрос, который для большинства американцев имеет простой ответ. «Тебе стало лучше?» — эта фраза стала ключевой не только на дебатах, но, произнесенная за пять дней до выборов, она повлияла на всю предвыборную кампанию в целом и продвинула Р. Рейгана далеко вперед от почти «мертвого» места в рейтингах до победы над действующим президентом США Дж. Картером.

Еще более простой вопрос был поставлен бывшим спикером Ньютом Гингричем во время промежуточных выборов 2006 г. Когда его спросили, что он скажет демократам в их кампании против республиканцев, его ответ был кратким и содержал несколько «правил» коммуникации — это было всего два слова, три слога и девять букв: «*Had enough?*» («*Достаточно?*»). Эти два слова не требовали объяснений. Они не требовали разъяснений. Они просто звучали правдоподобно. Очевидно, большинство американцев согласились с этим вопросом-утверждением.

Мы сталкиваемся с необходимостью задавать вопросы ежедневно. Коммуникация клиента, жалующегося на работу менеджера магазина по поводу выбора жирного мяса, была бы более эффективной, если бы он/она спросил у менеджера: «По-вашему, это мясо выглядит постным?» Таким же образом вопрос «Что бы вы сделали, если бы были на моем месте?» оказал бы прямое давление на работника и заставил его/ее взглянуть на проблему с вашей точки зрения.

Причина эффективности вопросов в коммуникации вполне очевидна. Когда вы что-то заявляете, в политике ли, в бизнесе, или в ежедневной жизни, реакция слушателя зависит в некоторой степени от его/ее мнения о вас. Но если вы превратите ваше утверждение в риторический вопрос, то реакция будет персональной, а персонализированная коммуникация — это лучшая коммуникация.

Это правило исходит от медиаконсультанта демократов Тони Шварца, и он называет его *responsive chord theory* (теория ответных аккордов) в коммуникации. Т. Шварц был широко известен разработкой в 1964 г. рекламной кампании для Линдона Джонсона, в которую входила также реклама «*Daisy*». Она считалась единственным разрушительным политическим примером того времени, из-за того что в ней сопоставили счет лепестков ромашки, осуществляемый маленькой девочкой, с холодным отсчетом во время запуска ядерной ракеты. В своей работе Т. Шварц выяснил, что люди лучше всего реагируют на язык и выступления, которые позволяют им соучаствовать — взаимодействовать как с посланием, так и с получателем послания. Риторические вопросы заставляют задумываться, требуют ответов, и они по определению являются интерактивными.

Ни одна профессия не зависит от стратегического использования риторического вопроса

так, как профессия уголовных адвокатов (*criminal lawyers*, «attorneys»). Лучшие адвокаты используют метод риторического вопроса для того, чтобы отвлечь своих клиентов от процесса и вовлечь в него себя. Роберт Шапиро объясняет, почему:

Мои клиенты заходят в зал суда со своим багажом, так как в Америке нет презумпции невиновности. Правда в том, что существует предположение виновности и начинается оно с той минуты, как вас арестовали. Никто никогда не скажет: невиновный человек был арестован сегодня по подозрению в убийстве. Что же происходит? Глава полиции, окружной прокурор и еще кто-нибудь, кто хочет попасть в телевизор, проводит конференцию и говорит: „Мы покончили с преступлением. Мы арестовали и содержим под стражей человека, который его совершил. Он будет привлечен к ответственности по всей строгости закона“. Затем в определенном моменте выходит адвокат и говорит: „Без комментариев“ — либо: „Мой клиент не виновен“, но ему никто не верит. Моя работа состоит в том, чтобы уравнивать играющие стороны.

Р. Шапиро имеет в своем коммуникативном наборе вопросы для выбора жюри присяжных. Некоторые из вопросов необходимы для увеличения сомнений, другие — для эмоционального настроения.

Я смотрю прямо на коллегию присяжных и спрашиваю каждого из них: „Почему человек, находящийся рядом со мной, сидит здесь? Что он сделал?“ Иногда я стою в полной тишине секунд 30 — это достаточно долго, чтобы молчать. Я жду, когда они начнут немного нервничать и чувствовать себя неловко. Затем я им объясняю, что он здесь, потому что прокурор посмотрел на некоторые доказательства и решил выдвинуть обвинение. Ни больше, ни меньше. Не был проведен судебный процесс, не были даны какие-либо показания под присягой. И затем я опять спрашиваю их: „Ну что ж, это и есть демонстрация того, что представляет собой презумпция невиновности. Вы действительно верите этому?“ — и я смотрю им прямо в глаза.

Р. Шапиро и другие успешные адвокаты используют метод риторического вопроса для установления контекста даже перед началом судебного процесса так, чтобы каждый присяжный заседатель имел абсолютно четкое понимание того, что требует закон. А как насчет давления на присяжных? Вот что говорит Р. Шапиро: *Когда я заканчиваю свою работу, они верят, что человек, сидящий рядом со мной, виновен в преступлении не более, чем человек, сидящий рядом с ними в коллегии присяжных.*

Тем не менее необходимо думать о последствиях использования риторических вопросов. Вопрос «Она или не она?» в рекламной кампании «Clairol» в 60-х гг. был основан на игре, идее распознавания натурального и искусственного продукта; разница касалась окрашенных и натуральных волос («Только ее парикмахер знает наверняка»). Ирония состояла в содержащемся в рекламе утверждении о том, что женщины не должны допускать, чтобы другие знали, что они красят

волосы. Это должно быть скрыто от чужих глаз. Рекламная кампания, кажущаяся простой и прямолинейной, закончилась тем, что клиенты были обескуражены распространением информации об этом продукте.

Тем не менее риторический вопрос остается одним из самых мощных, но недостаточно используемых инструментов коммуникации.

Правило 10

Обеспечь контекст и объясни релевантность

Контекст настолько важен, что он служит не только как последнее и самое важное правило эффективной коммуникации, но и как целая глава. Вы должны дать людям объяснение, «*why*» (почему) до того, как вы скажете им «*therefore*» (следовательно) и «*so that*» (так что).

Некоторые люди называют это *framing* (обрамление). Я предпочитаю слово *context*, потому что оно лучше объясняет причину появления определенного высказывания. Без контекста вам не удастся определить значимость послания, его влияние и, что более важно, его релевантность. «*Have it in your way*» («Будь по-вашему»), слоган «Бургер кинга», впервые прозвучавший в 1973 г., был обращен к тем покупателям, которые хотели, чтобы их бургеры не были похожи ни на какие другие. Это позволило компании утвердиться в сети ресторанов быстрого питания. Без акцентирования внимания на еде быстрого приготовления как массовом сборочном конвейере, на идее о том, что эта еда в принципе одинаковая, слоган «*Have it in your way*» не нашел бы такой широкий отклик.

При корпоративной рекламе, как и в политике, порядок, в котором вы представляете информацию, определяет контекст, и он так же важен, как и содержание самой информации. Послания типа «*so that*» являются вашим решением, но решение будет бессмысленным, если оно не связано с идентифицируемой проблемой. Определение правильного «*why*» так же важно, как и то «*how*», которое вы предлагаете. И продукты, и услуги должны отвечать потребностям определенной части общества.

Особенно это важно в политике. От фразы Уоренна Хардинга «*return to normalcy*» (возвращение к нормальной жизни), произнесенной в 1920 г., до фразы Рональда Рейгана «*It's morning again in America*», произнесенной в 1984 г., рекламные работники и спичрайтеры использовали простые фразы для привлечения контекста своего времени. Возможно, самый лучший пример политического слогана, где сам контекст является посланием, на самом деле не являлся политическим лозунгом. Слоган «*It's the economy, stupid*» был придуман не для широкой публики. Когда стратег демократов Джеймс Карвил написал это на знаке, висевшем на стене офиса кандидата в президенты США Билла Клинтона в 1992 г., он хотел напомнить персоналу предвыборного штаба о том, что было особенно важно для них на тот момент. Но фразу поймали — отличительная черта хорошего слогана — и она остается частью нашего политического лексикона по сей день. Краткое и немного грубоватое высказывание (основанное на старом выражении «*Keep it simple*,

stupid») идеально вписывалось в то, что демократы хотели изложить в 1992 г.

Контекст является лишь частью обрамления. Другая его часть — *релевантность* — сфокусирована на индивидууме и личностном компоненте коммуникации. Даже если ты построишь простое выражение, которое не является важным для предполагаемой аудитории, она его не услышит. Среди множества и разнообразия посланий и средств коммуникации, обращенных к нам, целевая аудитория должна увидеть персонифицированное, индивидуальное значение и важность ваших слов. Слоган «American Express» «*Don't leave home without it*» середины 70-х гг. прошлого столетия затрагивал страх людей потерять кошелек вдали от дома. Это спокойствие было релевантно почти для каждого коммивояжера того времени. Почти каждый из нас может вспомнить чувство моментальной паники, когда вы осознаете, что ваш кошелек не в вашем кармане. Вы слышали рекламу «American Express» и сразу же представили личный крах, предотвращенный дорожными чеками «American Express», а позже кредитными картами «American Express».

Релевантность является одной из причин, почему так важны исследования рынка. До тех пор, пока вы не знаете, что движет и определяет принятие решений потребителями или избирателями, любая попытка повлиять на него/нее будет, по сути, холостым выстрелом. Чтобы поразить цель, придется полагаться на удачу. Но когда

исследования рынка выявили ключевые факторы, которые влияют на принятие решений, тогда ваше послание может быть выполнено в соответствии с релевантными аспектами.

Кроме исследований рынка, важным фактором в гарантировании релевантности является *воображение*. Важно убрать свой собственный взгляд и поставить себя на место потребителя, глядя на мир его/ее глазами. Политики, как известно, в этом некомпетентны, они погрязли в политической риторике и упускают из вида то, откуда они вышли и что тревожит избирателей. Совет: это не является прерогативой сената или деталями процесса согласования бюджета. Это безопасность, надежность, душевное спокойствие.

По той же причине большинство покупателей «*Hebrew National*» (кошерная еда) не хотят видеть, как готовятся хот-доги, и среднестатистический покупатель домашних компьютеров не думает о том, как работает полупроводник. Не будьте чрезмерно загруженными перспективами вашего внутреннего мира до такой степени, что вы упускаете из виду, что заботит мужчин и женщин на улице. Технология, облегчающая жизнь, намного более важна многим людям, чем бренд чипа, установленный на ноутбуке фирмы «*Dell*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Luntz Frank. Words That Work: It's Not What You Say, It's What People Hear. — New York : Hyperion, 2007. 324 p.

F. Luntz

West Hartford, USA

Transl. from English by Z. K. Temirgazina, G. A. Khamitova

TEN RULES OF EFFECTIVE COMMUNICATION

ABSTRACT. *This is a translation of one chapter from American bestseller "Words that work" by Frank Luntz. The author shows how ten rules of effective communication work on the basis of political and advertising slogans, the rules were worked out by F.Luntz for political and advertising communication. The rules are culture-bound, the usage of these rules provide strong influence on the audience — the electors and consumers.*

KEY WORDS: *rules of effective communication; political communication; advertising slogan; target group.*

ABOUT THE AUTHOR: *Frank I. Luntz, Doctorate in Politics, Adjunct Professor at the University of Pennsylvania (1989—1996).*

ABOUT THE TRANSLATOR: *Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Pavlodar State Pedagogical University (Kazakhstan).*

ABOUT THE TRANSLATOR: *Khamitova Gulmira Abuovna, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages and Translation, Innovative University of Eurasia (Pavlodar).*

LITERATURE

1. Luntz Frank. Words That Work: It's Not What You Say, It's What People Hear. — New York : Hyperion, 2007. 324 p.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.111:39
ББК Ш143.21-006.35

ГСНТИ 16.21.21

Код ВАК 10.02.03; 10.02.04; 10.02.05

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург, Россия

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ. *Обзор международной научно-практической конференции «Critical approaches to discourse analysis across disciplines» («Междисциплинарное критическое исследование дискурса»), прошедшей в Будапеште (Венгрия) 1-3 сентября 2014 года.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *критический дискурс-анализ, политический дискурс.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной политологии, научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; адрес: 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 14а, ауд. 309, отделение прикладной политологии ВШЭ; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.*

1-3 сентября 2014 года в университете Eotvos Lorand University (Будапешт) состоялась международная научная конференция «Critical approaches to discourse analysis across disciplines — CADAAD 5» («Междисциплинарное критическое [1] исследование дискурса»). Конференция была организована одноименным научным проектом CADAAD [2]. Мероприятие проходит один раз в два года. В 2014 году конференция проходила в пятый раз и была посвящена изучению современных общественно-политических, научных, экономических, институциональных дискурсов с точки зрения критико-аналитического подхода. Рабочим языком конференции был английский язык.

Каждый день работы конференции проходили и пленарные, и секционные заседания. Аналитическое исследование дискурсивных способов, с помощью которых осуществляется господство социальной власти, было представлено на секциях: «Дискурс неравенства, дискриминации и чужих», «Власть, идеология и доминирование в институциональном дискурсе».

На секции «Дискурсы политических протестов и гражданского (не)повиновения» исследователи объясняли, как посредством вербальной и невербальной коммуникации оказывается сопротивление неравенству в социальном и политическом контексте.

Обсуждение современного состояния и путей совершенствования теоретических положений дискурс-анализа проходило на секции «Теория» и панельных дискуссиях «Теоретические и концептуальные вызовы в критическом изучении дискурсов», «Методологические вызовы в изучении политического дискурса».

Критическому анализу сфер институционального общения были посвящены секции: «Политический дискурс», «Дискурсы в сфере образования», «Деловая коммуникация», «Медиа», «Дискурс в сфере здравоохранения», «Реклама», «Язык и закон».

В центре внимания ученых были вопросы, связанные с изучением форм конструирования идентичности. Обсуждение этих вопросов состоялось на секции «Идентичность» и панельной дискуссии «Конструирование посредством СМИ

кризиса, сексуальной дискриминации и национальной идентичности в Европейском дискурсе новых медиа».

Дискурсивная (ре)презентация причин, современного состояния и возможных последствий мирового экономического кризиса рассматривалась на секции «Кризис» и панельной дискуссии «Язык кризиса: роль концептуальных метафор, метонимий и фреймов».

Актуальные общественно-политические проблемы обсуждались на секциях: «Дискурсы защиты окружающей среды», «Дискурсы Европейского Союза», «Дискурсы войны и терроризма»,

Большой интерес ученые проявляют к анализу креолизованных текстов, о чем свидетельствует проведение отдельной секции «Мультимодальность».

Критический анализ современной идеологии был представлен участниками секции «Неолиберализм».

В рамках панельной дискуссии «Музыка и дискурс» исследователи обсуждали взаимодействие музыки и рекламы, музыки и идентичности, музыки и аутентичности, музыки и угнетения, музыки и свержения.

Панельная дискуссия «Убеждение в публичном дискурсе: когнитивные и функциональные перспективы» была посвящена тому, как выбор грамматических и лексических средств создает убеждающий эффект, цель которого изменение картины мира собеседника.

В рамках конференции прошел круглый стол «Перспективы критического изучения социально-политических проблем в современной Венгрии», на котором венгерские ученые познакомили коллег с основными способами изучения проблем в обществе посредством инструментария критического дискурс-анализа.

В конференции приняли участие около 300 учёных из 45 стран мира. Россию представляли ученые из Санкт-Петербурга (проф. М. В. Гаврилова с докладом «Сложности восприятия текстов программ политических партий»; асп. М. Ерофеева с докладом «Фрейм-анализ в познании событий: возможности и ограничения»), Казани (доц. Н. З. Баширова с докладом «Интертекстуальность

как средство создания мифа в российской прес-се») и Нижнего Новгорода (проф. Е. С. Грищенко и Т. И. Шутова с докладом «Конструирование и (ре)презентация «мира» в американском контртеррористическом дискурсе (1972-2012)»).

На конференции прозвучали доклады, сделанные на материале российского институционального дискурса. Это выступления российских исследователей (М. В. Гаврилова, Н. З. Баширова) и ученых, представляющих зарубежные университеты: Katharina Klingseis «Российский дресскод: дискурсивно-аналитический подход» (Австрия), О. Зайцева «Россия как культурное пространство: дискурсивное конструирование русскости в предвыборной программе Путина в 2012 г.» (США).

Самой большой по количеству участников была секция «Политический дискурс». Тематика докладов на секции очень широка и касалась изучения дискурса крайне правых и крайне левых течений, политической оппозиции, (без)опасности, националистических движений; способов дискурсивного конструирования национальной и гендерной идентичности в Европе; анализа идеологических взглядов тех или иных политических субъектов, дискурсивной репрезентации военно-политических конфликтов в СМИ. Материалом для дискурсивных исследований являлись политические микссы, выступления политических лидеров (преимущественно президентов), телевизионные шоу, политические фильмы, продукция СМИ, программы политических партий.

Поскольку один из принципов критического дискурс-анализа — необходимость проведения междисциплинарных исследований, то ученые применяли методики, используемые в гуманитарных, общественных, когнитивных науках. Преимущественно это инструментарий социолингвистики, когнитивной лингвистики, корпусной лингвистики, функциональной лингвистики, теории массовой коммуникации, прагматики, теории аргументации, дискурс-анализа, этнографии коммуникации, дискурсивной психологии, политологии и др.

На конференции прошло 5 пленарных заседаний, на которых выступили и основатели критического дискурс-анализа Рут Водак (Ruth Wodak), Тео ван Левен (Theo van Leeuwen), и ведущие представители критического направления Лили Чоулиораки (Lilie Chouliaraki), Андреас Мусолфф (Andreas Musolff), Криспин Тюрлоу (Crispin Thurlow).

Пленарный доклад Рут Водак, проф. Ланкастерского университета, «Язык стен» был посвящен анализу дискурсивного конструирования национальной и транснациональной идентичности и связанной с ними «политике границ» в Европе. Можно ли согласиться со знаменитой фразой Роберта Фроста о том, что «хорошие заборы создают хорошие соседей»? Какие стены формируются в Европе сегодня? Кем? Кто соседи? Кто приезжие? Автор, используя дискурсивно-исторический подход, анализирует политику включения и исключения (им)мигрантов на материале тестов на получение гражданства, программ политических партий, телепередач, языковых тестов на получение гражданства, предвыборной агитации на выборах в Европейский пар-

ламент в мае 2014 г. Автор описывает процесс реактуализации символа стены как разделительной линии между теми, кто находится внутри и теми, кто вынужден быть снаружи. Создание границ связано с проявлением власти. Идеология границ различает Нас и Их. Границы рассматриваются как институты, управляющие процессами включения и исключения. Границы могут быть социальными конструктами, определяя границу внутри и вне сообществ. Установление границ создает порядок дискурсивного конструирования различий.

В докладе «Мультимодальная легитимизация» Тео ван Левен рассказал о разработанном им системно-функциональном анализе легитимизации в дискурсе. Автор различает четыре типа легитимизации: легитимизация посредством авторитета, рационализация, морализирование, мифопоэтика. Т. ван Левен показал, какие типы легитимизации, как, с каким эффектом могут быть реализованы в дискурсе визуальными и музыкальными средствами; как эти средства могут сочетаться и быть интегрированы в мультимодальный текст. В качестве иллюстрации автор представил легитимизацию корпоративных стратегий, представленных в ежегодных отчетах на сайте компаний, а также легитимизацию войны, как она изображена в аудиовизуальных текстах, включая телевизионные новости, кинофильмы, компьютерные игры.

В пленарном докладе «Пост-гуманизм: дискурсивные проявления современной солидарности» Лили Чоулиораки, проф. Лондонской школы экономики, обсуждались исторические изменения в дискурсе солидарности, в частности в области прав человека и гуманистическом дискурсе. На материале креолизованных текстов автором была представлена типология дискурсов солидарности за последние 50 лет. В исторической перспективе сменялись представления об уязвимости ущемленных групп и связанные с этим проявления солидарности: 1) страдания как голая жизнь (дегуманизация) и дискурс (не)колониализма, 2) ранимость как проявление сердечности (сверхгуманизм) и дискурс спасения, 3) негодование социальных групп (постколониальный проект) и дискурс революции, 4) саморефлексия угнетенных (права человека) и дискурс иронии/индивидуальных прав. Проф. Чоулиораки обратила особое внимание на формирующийся вид дискурса, который она называет пост-гуманитарный дискурс, который сфокусирован скорее на Нас, нежели на находящихся далеко страдающих людях. По мнению докладчика, пост-гуманитарная солидарность — это движимая рынком солидарность, сформированная прагматическим осознанием того, что требование действовать в поддержку угнетенных групп все еще является значимым. Однако в настоящий момент солидарность опирается на повседневные скромные истории, которые мы рассказываем друг другу; эмоциональные истории гражданской журналистики; пылкие свидетельства звезд; ритуальные действия рок концертов; обращения становящихся брендами некоммерческих организаций.

Андреас Мусолфф, проф. университета Восточной Англии, выступил с пленарным докладом

«Критический лингвистический анализ межкультурной коммуникации: метафоры как ложные друзья?». Описав соотношение понятий «метафора», «межкультурная коммуникация», «критический дискурс-анализ», автор ставит вопрос, является ли метафорическая модель «Нация как тело» универсальной метафорой. Приведя высказывания из газетных публикаций различных стран, А. Мусолфф приходит к выводу, что данная модель применима ко многим языкам. Олицетворение выступает как когнитивная основа для понимания отвлеченных политических понятий. Анализ представления политики как тела в европейской концептуальной истории продемонстрировал различные лексические истории в европейских языках и различные дискурсивные истории в различных сообществах. Далее А. Мусолфф представил результаты опроса студентов из различных стран, целью которого было выявить влияние культурных факторов в понимании нации как тела. Подводя итоги изучению метафоры в различных культурах и в процессе межкультурной коммуникации, автор утверждает, что на когнитивном уровне тело и человек выступают универсальными источниками метафорической модели. На уровне концептуальной истории понимание нации как тела / человека отражает национально-культурную специфику. На уровне истории дискурса наблюдается различная лексикализация и различные речевые обороты в языках (социальных групп). В межкультурном общении метафоры могут выступать ложными друзьями (на уровне восприятия).

Криспин Тюрлоу, проф. университета Берна, выступил с докладом «Мир вещей и пространство звуков: синестетическая риторика роскоши». Автор приводит типологию символической и реальной экономики элитных путешествий: хороший (серебряный) — более хороший (золотой) — лучший (платиновый), показывая, что свойства материала (металла) часто семиотически переопределяются (подобно алхимии), создавая структуры чувств, конструирующих мифологию и статусный символизм в восприятии элитных путешествий. На материале сайтов авиакомпаний (система лояльности для часто летающих пассажиров) и пятизвездочных отелей, а также данных маркетингового дискурса и этнографических исследований К. Тюрлоу показывает, что семиотический ландшафт элитных путешествий обычно организован посредством смещения лингвистических, визуальных, пространственных, материальных ресурсов. В современном капиталистическом обществе элитный метафорически осмысляется как высокий (чистый, безлюдный, тихий, окруженный дорогими предметами) и противо-

поставляется неэлитному=низкому, обладающему признаками 'грязный', 'омерзительный', 'шумный', 'тесный'.

Автор рассматривает, как на лингвистическом уровне происходит приписывание признаков 'элитный' и/или 'люксовый' тем объектам, которые таковыми не являются.

К. Тюрлоу делает вывод о том, что путем искусного переключения между модальностями элитный дискурс призван уговорить и соблазнить всех нас независимо от степени нашего благосостояния и властного статуса.

Следует отметить, что в 2014 году критический дискурс-анализ отмечает свой двадцатилетний юбилей. Участники конференции подтвердили, что данное направление ориентировано на решение социальных проблем, что обуславливает междисциплинарный характер критических исследований. Для дальнейшего развития направления важно выяснить, как критический дискурс-анализ относится к современным социальным и техническим явлениям, которые влияют на коммуникацию, социальные структуры, властные отношения. Теоретически и методологически данное направление находится на перекрестке новых разработок, обладающих высоким потенциалом для внедрения результатов научных исследований в практику социальной жизни. Однако сегодня возникает необходимость переосмысления первоначальной цели критических исследований и обновления их междисциплинарных рамок. Нужно провести реконтекстуализацию социальной повестки научных исследований, обращая исследовательский интерес на изучение нового мира стремительных социальных изменений.

По итогам конференции избранные доклады планируются опубликовать в международном журнале «CADAAD», а также издать коллективную монографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Определение «критический» используется для того, чтобы эксплицитировать обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией.

[2]. Критический дискурс-анализ - это тип аналитических исследований дискурса, который изучает способы, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Критический дискурс-анализ призван объяснить, как посредством текста и речи социальное неравенство предписывается, воспроизводится и как оказывается сопротивление неравенству в социальном и политическом контексте. Ученые, которые проводят такие исследования, занимают активную общественную позицию и хотят понять, разоблачить и, в конце концов, противостоять социальному неравенству в обществе.

M. V. Gavrilova
Saint-Petersburg, Russia

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

ABSTRACT. This is a review of the international conference «Critical approaches to discourse analysis across disciplines» held in Eotvos Lorand University (1-3 of September 2014, Budapest).

KEY WORDS: critical discourse analysis, political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Applied Politics, Higher School of Economics, Saint-Petersburg.

О. С. Камышева
Шадринск, Россия
М. В. Петров
Екатеринбург, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Объектом данной рецензии является монография Дж. У. Андерхилла «Этнолингвистика и культурные концепты (правда, любовь, ненависть и война)». Монография состоит из введения, шести глав, заключения, примечания, глоссария, библиографии и указателя. Вопросы, затрагиваемые в данной монографии, охватывают культуру, мышление, изменение языка, дискурс, политику, коммуникацию и т. д. Особое внимание уделяется концепту «Надежда», который является основным в концептуальной картине мира американцев, поскольку США всегда считались страной надежды и величия. Автор монографии подробно анализирует концепты «правда», «любовь», «ненависть», «война» на материале английского, французского, немецкого и чешского языков. В частности, внимание уделяется семантической структуре концептов, этимологии ключевых единиц, синонимическим и антонимическим рядам, оформляющих понятийную сторону концепта. Правда, любовь, ненависть, война — основные концепты, которые, по мнению Дж. У. Андерхилла, позволяют выстроить речевое сообщение, в том числе и политическое, которое будет максимально апеллировать к нашим чувствам, подпитывать наши эмоции. Ученый считает, что для раскрытия истинной сущности концептов «правда», «любовь», «ненависть», «война» необходимо углубиться в языковую картину мира. Таким образом, в данной монографии показано, как картина мира может быть лингвистически смоделирована. На примере концептов «правда», «любовь», «ненависть», «война» Дж. У. Андерхилл предпринял попытку проникнуть в мыслительные процессы человека для того, чтобы лучше понять, как нужно жить и противостоять стереотипным риторическим фигурам и перестройке мира, как нужно думать и чувствовать других.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнолингвистика, культурные концепты, политический дискурс, картина мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Камышева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Шадринский государственный педагогический институт; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: olga.kamyшева.79@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Петров Максим Вадимович, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: maxthestudent@yandex.ru.

Джеймс Уильям Андерхилл — профессор Руанского Университета во Франции. Он работал профессиональным переводчиком как французского, так и чешского языков. Также Дж. Андерхилл является автором ряда публикаций, посвященных поэтике, теории перевода и изучению метафоры. Среди наиболее известных работ можно выделить такие монографии, как «Creating Worldviews: Ideology, Metaphor and Language» [2011] и «Ethnolinguistics and Cultural Concepts: Truth, Love, Hate and War» [2012]. В данной статье предоставлена рецензия на вторую книгу ученого.

Концепты «правда», «любовь», «ненависть», «война» являются ключевыми в работах многих писателей и философов. С древних времен люди пытались понять сущность этих концептов и найти границы между ними. Автор монографии считает, что данные концепты тесно связаны между собой, и их изучение требует исследования наших эмоций и их роли в окружающем мире. Анализ данных четырех концептов обеспечит более глубинное понимание картины мира носителя языка. При этом необходимо использовать данные этнолингвистики.

В данной монографии этнолингвистика рассматривается как наука о картине мира, в которой возникают наши мысли и чувства. Картина мира имплицитна в глубоких слоях языка, и мы используем их, чтобы реализовывать наше воображе-

ние, желание и понимание. Такой процесс воспринимается как естественный, однако его механизм неясен и вызывает много вопросов.

По мнению Дж. У. Андерхилла, сущность этнолингвистики заключается в том, что язык — это сложная система концептуальных и эмоциональных моделей. Эти модели понимаются по-разному и реализуют разные картины мира. При этом, картина мира существует во времени и пространстве и может быть исторической, социальной и политической. Следовательно, этнолингвистика имеет политические корни, что позволяет раскрыть и понять такие культурные концепты, как правда, любовь, ненависть и война.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения, примечания, глоссария, библиографии и указателя. Вопросы, затрагиваемые в данной монографии, охватывают культуру, мышление, изменение языка, дискурс, политику, коммуникацию и т. д.

Дж. У. Андерхилл начинает свое исследование с анализа внешней политики администрации США за последнее время. Предпринимаются попытки объяснить, как Б. Обаме приходится противостоять стратегиям администрации Дж. Буша, в частности, его языковым моделям и преждему стереотипу мышления. Особое внимание уделяется концепту «Надежда», который является основным в концептуальной картине мира амери-

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Камышева О. С., Петров М. В., 2015

канцев, поскольку США всегда считались страной надежды и величия. Анализируя книгу Б. Обамы «Смелость надежды», автор приходит к выводу, что язык нового президента является языком надежды, значительно отличаясь от языка администрации Дж. Буша. Этот язык более вдохновенный и здоровый. В своей книге Б. Обама осторожно критикует развязанные США внешние войны и эпоху холодной войны, которые породили вражду и страх. В то же время автор отмечает, что Б. Обама не отказывается от легитимности политической экспансии США, и что, когда Б. Обама противостоял администрации Дж. Буша, он все равно мыслит в рамках языка неоконсерваторов [Underhill 2012: 4].

Автор монографии обращает внимание читателя на выражения, которые используют американские политические лидеры, чтобы скрыть или раскрыть политические стратегии. В качестве примера приводятся случаи персонификации, которые позволяют очернить врагов (Саддам, Бен Ладен) и реализовать сценарий «мы-против-него», мы — «хорошие парни», призванные наказать негодяев. При этом, американские политики не думают о последствиях: такая политика неизбежно приводит к невинным жертвам. Исследователь также отмечает, что концептуальные метафоры и дискурсивные стратегии формируют наше понимание и фокусируют внимание на одном аспекте проблемы, одновременно удаляя подтексты выбранных стратегий и принятых решений. В качестве примера автор приводит оккупацию Афганистана и Ирака, которая тогда рассматривалась как способ решения проблемы.

Дж. У. Андерхилл объясняет причины неудач Б. Обамы стереотипом моделей языка и мышления, которые он унаследовал от прежней политики США. Президент вынужден следовать им, так как, согласно исследователю, невозможно в полной мере избежать моделей языка. Автор отмечает, что люди часто используют стереотипные языковые модели, чтобы закрепить свое положение в обществе, и этот процесс неизбежен. Так, мы говорим о низших и высших слоях общества, тем самым политически указываем на социальную иерархию. Мы используем выражение «поставить человека на место», полагая, что у каждого есть свое место в существующем порядке. Таким образом, Дж. У. Андерхилл делает вывод о том, что каждый человек имеет свое место в языковой картине мира и социальных отношениях.

Автор монографии подробно анализирует концепты «правда», «любовь», «ненависть», «война» на материале английского, французского, немецкого и чешского языков. В частности, внимание уделяется семантической структуре концептов, этимологии ключевых единиц, синонимическим и антонимическим рядам, оформляющих понятийную сторону концепта. Также автор обращает внимание на различные коллокации и ассоциации, связанные с четырьмя концептами. Приводятся примеры традиционных и новых метафор, позволяющие реализовать данные концепты. Кроме того, ученый описывает особенности их перевода.

Исследуя концепты «правда», «любовь», «ненависть», «война», автор пытается выяснить,

являются ли они индивидуальными или общественными, и можно ли ненависть рассматривать как источник смешанных эмоций человека.

Правда, любовь, ненависть, война — основные концепты, которые, по мнению Дж. У. Андерхилла, позволяют выстроить речевое сообщение, в том числе и политическое, которое будет максимально апеллировать к нашим чувствам, подпитывать наши эмоции. Такие концепты позволяют политикам и журналистам оправдывать войну. Такие концепты используются как средство создания предлога защиты людей и ценностей, средство, которое заставляет нас ненавидеть, верить и любить.

Ученый считает, что для раскрытия истинной сущности концептов «правда», «любовь», «ненависть», «война» необходимо углубиться в языковую картину мира. Автор подробно останавливается на тесной связи исследуемых концептов. Описывается переплетение понятий «любовь» и «ненависть» в политической пропаганде США, оправдывающее войну благими желаниями. Следовательно, ненависть вдохновляется любовью. В свою очередь, ненависть врагов выливается в страсть к войне. Парадоксальные чувства — любовь, основанная на ненависти, и ненависть от любви — смешали эмоции и создали благодатную почву для развития войны 2003 года. По мнению автора, война в Ираке привела к тяжелым последствиям: не только к военной экспансии, но и к столкновениям культур и идеологий. Это событие способствовало изменению понятия войны в английском языке. Изменилось не только мышление американцев, но и мышление всего мирового сообщества. Война стала преподноситься и восприниматься как стратегия политической воли.

Таким образом, в данной монографии показано, как картина мира может быть лингвистически смоделирована. На примере концептов «правда», «любовь», «ненависть», «война» Дж. У. Андерхилл предпринял попытку проникнуть в мыслительные процессы человека для того, чтобы лучше понять, как нужно жить и противостоять стереотипным риторическим фигурам и перестройке мира, как нужно думать и чувствовать других. Автор надеется, что это исследование поможет людям противостоять политической воле и, возможно, предотвратить войну.

Необходимо отметить, что в данной работе присутствуют элементы научной новизны, которые проявляются в том, что автор исследования: 1) представляет новое и более широкое понимание этнолингвистики, базирующееся на европейских подходах к языковым различиям; 2) предлагает лингвистический и философско-провокационный подход к изучению эмоций (любовь и ненависть) и фундаментальных концептов (правда и война); 3) подробно описывает картину мира и ее связь с языком; 4) утверждает, что язык, картина мира и культура находятся в постоянном процессе преобразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Underhill J. W. Ethnolinguistics and Cultural Concepts (Truth, Love, Hate and War). Cambridge, New York, Cambridge University Press. — 248 p.

O. S. Kamysheva

Shadrinsk, Russia

M. V. Petrov

Ekaterinburg, Russia

CULTURAL CONCEPTS IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *This is a review of the book «Ethnolinguistics and Cultural Concepts (Truth, Love, Hate and War)» by Underhill J.W. published in Cambridge, New York, Cambridge University Press in 2012. — 248 p. The book consists of a preface, six chapters, a final word, notes, a glossary, bibliography and an index. The issues that are dealt with cover culture, thinking, language changing, discourse, politics, communication and so on. Special attention is paid to the concept “Hope” which is the main one in the conceptual worldview of the Americans, since the USA has always been considered to be the land of hope and glory. The author of the research provides a detailed analysis of such concepts as “Truth”, “Love”, “Hate” and “War”, using the material taken from the English, French, German and Czech languages. In particular, emphasis is laid on the semantic structure of the concepts, the etymology of the key units, the synonymic and antonymic sets that form these concepts. Truth, love, hate and war are the main concepts that, according to J. W. Underhill, make it possible to develop a speech message, including a political one, that will greatly appeal to our feelings, fuel our emotions. The scholar thinks that in order to reveal the true nature of the concepts “Truth”, “Love”, “Hate” and “War” it is necessary to study the linguistic worldview in depth. Thus, it is shown in the book under review how the worldview can be linguistically patterned. Using the examples of the concepts “Truth”, “Love”, “Hate” and “War” J. W. Underhill made an attempt to get into some mental processes of the human being to better understand how one needs to live and resist stereotypical figures of speech and the restructuring of the world, and how one needs to think and feel others.*

KEY WORDS: *ethno-linguistics, cultural concepts, political discourse, worldview.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kamysheva Olga Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English Language and Methods of its Teaching, Shadrinsk State Pedagogical Institute, Shadrinsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHORS: *Petrov Maxim Vadimovich, Assistant Lecturer of Department of the English Language, Methods of Teaching and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Underhill J. W. *Ethnolinguistics and Cultural Concepts (Truth, Love, Hate and War)*. Cambridge, New York, Cambridge University Press. — 248 p.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Дополнительная специальность: 24.00.00 — Культурология

22.00.00 — Социологические науки

12.00.00 — Юридические науки

23.00.00 — Политология

07.00.00 — Исторические науки и археология

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом не более 300-350 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5-10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2015. ВЫПУСК 1 (51)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 17.03.2015. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная 80 г/м². Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 33,7. Усл. печ. л. — 31,7. Тираж 120 экз. Заказ 3190.

Отпечатано ООО Универсальная типография «Альфа Принт»
620030, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Карьерная, 14
Телефон 8 (800) 300-16-00, (343) 22-00-34
Сайт www.alfaprint24.ru